

ХРОНИКА МОЕЙ ЖИЗНИ.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

И. И. Саввы

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО САВВЫ,

Архієпископа Тверскаго и Кашинскаго

Владимир Филиппович

(† ОКТ. 1896 г.).

6 № Стр

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

(1819—1850 гг.).

Сергіевъ Посадъ

№ 10

2-я ТИПОГРАФИЯ А. В. СЕРГИРЕВОЙ.

1898.

Handwritten notes at the top of the page, including the number 7813.

Extensive handwritten notes in cursive script covering the lower half of the page, including the number 64 and the word 'Савва'.

ПЕЧАТЬ МОЕГО ЛАПОТЪ

ВЪСОКОПРЕСВЯЩЕННАГО СЛЪВЪ

ВЪСОКОПРЕСВЯЩЕННАГО СЛЪВЪ

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1897 и 1898 годъ.

Печатать дозволяется, Сергіевъ посадъ. Марта 20 дня 1898 года.

Ректоръ Академіи, Архимандритъ Арсеній.

Мо еробилен Митрополитъ Зана Митрополитъ Іерусалимскій
 в Мра Бацимъ Милостивѣи Дро Дале еубо Модульскій
 Церквѣ Архангелъ Мелерко Силуанъ и Басилъ
 Іаковъ Миско Миско

Свѣтлѣйшій Митрополитъ
 и Католикъ

НУН Ситъ
 Церковь Священство // мей 1880
 Церковь Священство // 1880

Свѣтлѣйшій Митрополитъ
 Мелерко Силуанъ
 и Басилъ

Мелерко Силуанъ
 и Басилъ
 Мелерко Силуанъ
 и Басилъ
 Мелерко Силуанъ
 и Басилъ

3
Домъ въ Москвѣ

Описаніи Св. Духа

Георгия Краснопевка

Эво. Летопись о немъ до смерти
въ 1879 и 1789. Сельскій

и какъ эво. Летопись о немъ
до 1879 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Св. Духъ о немъ до 1879 года

до 1879 года. Сельскій

Автобіографическія записки въ Бозѣ почившаго
Высокопреосвященнаго Саввы, архієпископа Твер-
скаго и Кашинскаго († 13 окт. 1896 г.), подъ загла-
віемъ: „Хроника моей жизни“ (1819—1896), имѣютъ
высокій и разносторонній интересъ. Онъ началъ
свое общественное служеніе въ то время, когда въ
Россіи подготовлялись великія реформы и когда обще-
ственная мысль была возбуждена ожиданіями пре-
образованій во всѣхъ сферахъ государственной, а въ
значительной мѣрѣ и церковной жизни. Проходя
должности Синодальнаго ризничаго, ректора Москов-
ской духовной семинаріи и затѣмъ академіи, наконецъ
въ санѣ викарія Московской епархіи, почившій архи-
настырь стоялъ подъ непосредственнымъ руковод-
ствомъ знаменитаго Московскаго первосвятителя,
митрополита Филарета, имѣлъ возможность близко
ознакомиться со многими выдающимися дѣятелями
и выработать себѣ правильный взглядъ на соверша-
вшіяся тогда событія. Обладавъ высокимъ умомъ и рѣд-
кою наблюдательностію, онъ въ эту эпоху реформъ и
броженія умовъ заносилъ на страницы своей Хроники
впечатлѣнія высокой исторической важности. Впо-
слѣдствіи въ санѣ епископа Полоцкаго (1866—1874),
Харьковскаго (1874—1879) и Тверскаго (1879—1896),

Сельскій
Домъ въ Москвѣ
Сельскій
Домъ въ Москвѣ
Сельскій
Домъ въ Москвѣ
Сельскій
Домъ въ Москвѣ
Сельскій
Домъ въ Москвѣ
Сельскій
Домъ въ Москвѣ

и въ званіи временно присутствовавшаго въ Святѣйшемъ Синодѣ члена (1883—1885) онъ имѣлъ возможность еще болѣе расширить кругъ своихъ наблюдений и занести на страницы своей Хроники сообщенія, имѣющія значеніе историческихъ документовъ, какъ напр. письма современниковъ и т. под. Талантливый наблюдатель, высокій художникъ слова, православный богословъ и въ то же время благодушный и спокойный человекъ, онъ въ своей Хроникѣ обнимаетъ исторію большей половины истекающаго столѣтія и освѣщаетъ ее тѣмъ правильнымъ и яснымъ свѣтомъ, который можетъ исходить изъ сердца лишь истиннаго христіанина.

1819 г.

Отецъ чрева матери моея Ты еси мой покровитель... Не отвержи мене и во время старости: всегда искудивши крѣпости моея, не остави мене. (Псал. 70, 6, 9).

Я родился 15-го марта 1819 года. Родители мои были 1819 г. Михаилъ Сергѣевичъ и Стефанида Ивановна.

Отецъ мой былъ сынъ діакона Крестовоздвиженской церкви села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской епархіи, Сергія Никитича; родился 20-го сентября 1783 года. Оставшись въ малолѣтствѣ круглымъ сиротою, онъ воспитывался въ домѣ священника и благочиннаго тогоже села Палеха Ивана Ефимовича Дмитревскаго (уроженца Вологодской епархіи), женатаго на сестрѣ дѣда его, Никиты Теодоровича, Принца Теодоровича. 11-ти или 12-ти лѣтъ онъ, обучившись грамотѣ, опредѣленъ былъ къ той же Крестовоздвиженской церкви, при которой былъ его отецъ, на должность пономаря и вскорѣ посвященъ былъ въ стихарь.

Мать моя, Стефанида Ивановна, родилась въ 1788 году, была дочь также діакона села Горницъ, Шуйскаго уѣзда, Суздальской (нынѣ Владимірской) епархіи, Ивана Ивановича. Дѣдъ ей, также Иванъ Ивановичъ, былъ дьячкомъ въ селѣ Горницахъ, а прадѣдъ о. Іоаннъ въ томъ же селѣ былъ священникомъ. Овдовѣвши, онъ поступилъ въ число братіи въ Николо-Шартомскій монастырь, находящійся отъ Горницъ въ 4-хъ верстахъ. Здѣсь, принявши монашество съ именемъ Іоасафа, онъ возведенъ былъ въ 1780 году въ санъ игумена, но въ ночь на 29 число августа 1786 года, неиз-

1819 г. вѣстно кѣмъ, былъ убитъ въ монастырѣ, какъ замѣчено въ старинномъ монастырскомъ синодикѣ ¹⁾).

Какъ у моего родителя была только одна сестра Аграфена Сергѣевна, бывшая въ замужествѣ за священникомъ въ селѣ Богородскомъ, Шуйскаго уѣзда, о. Александромъ: такъ и у матери моей былъ только одинъ братъ Петръ Ивановичъ, который былъ сначала дьячкомъ при Горицкой Богородицкой церкви, а потомъ при той же церкви діакономъ.

Отецъ мой, какъ мнѣ его описывали, былъ невысокаго роста, съ русыми волосами и красивымъ лицомъ; при живомъ и веселомъ характерѣ, отличался любознательностію и пользовался добрымъ расположеніемъ прихожанъ и родныхъ, коихъ какъ въ Палехѣ, такъ и въ Горицахъ было очень много. Кромѣ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей по церкви, онъ занимался домашнимъ столярнымъ ремесломъ, — вставкою въ оконныя рамы стеколъ и даже художествомъ—иконописью. Извѣстно, что во второй половинѣ XVIII столѣтія палеховцы заимствовали искусство иконописанія отъ иконописцевъ г. Шуи—главнаго тогдашняго центра старинной Суздальской иконописи ²⁾. У меня и теперь цѣль образъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости—произведеніе кисти моего родителя. Впрочемъ, на этомъ образѣ ему принадлежитъ только доличное, т. е. платье, а лица писаны другимъ, болѣе искуснымъ, мастеромъ. Въ Суздальской, а равно и въ Палеховской иконописи существовало слѣдующее раздѣленіе труда: одинъ левкаситъ, т. е. грунтуетъ алебастромъ, смѣшаннымъ съ простымъ клеемъ, доски, другой по заготовленному на доскѣ рисунку пишетъ лица, третій—доличное (платье), четвертый подписываетъ, пятый накладываетъ серебро, шестой окрашиваетъ поля (края образа) и послѣдній олифитъ ³⁾.

У родителей моихъ было 12 дочерей и ни одного сына: поэтому, естественно, отцу моему чрезвычайно хотѣлось имѣть наслѣдника—сына, и Господь внялъ его пламенному

¹⁾ См. Описаніе г. Шуи и его окрестностей, Вл. Борисова. М. 1851 г. стр. 206.

²⁾ Описаніе г. Шуи, В. Борисова, М. 1851 г. стр. 76.

³⁾ Ежегодникъ Влад. Статистич. Комитета, т. 1, вып. 1, столб. 229—230, Владиміръ, 1876 г.

желанію: но ему не дано было утѣшенія видѣть появленіе 1819 г. на свѣтъ желаннаго сына.

Въ январѣ 1819 года Михаилъ Сергѣевичъ былъ въ Горицахъ у своей тещи Анны Васильевны въ гостяхъ. Возвращаясь оттуда домой, онъ сильно простудился и, послѣ кратковременной болѣзни, 25-го числа того же января скончался на 36-мъ году отъ рожденія, оставивъ беременную жену съ тремя дочерьми.

Мать моя, Стефанида Ивановна, вскорѣ послѣ кончины своего мужа, оставила Палехъ и переселилась съ дочерьми на свою родину въ село Горицы, гдѣ у ней оставались еще въ живыхъ мать Анна Васильевна и младшій братъ. На первый разъ она помѣстилась у брата своего, діакона Петра Ивановича, въ особомъ небольшомъ флигелѣ на дворѣ, и здѣсь-то 15 числа марта 1819 года разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ перваго и послѣдняго сына, котораго во святомъ крещеніи нарекли Іоанномъ въ честь преподобнаго Іоанна писателя лѣствицы, коего память совершается Церковію 30-го марта. Воспріемниками при моемъ крещеніи были: означенный діаконъ—Петръ Ивановичъ и старшая его дочь дѣвица Елизавета Петровна, которая вскорѣ послѣ того скончалась. Итакъ, мнѣ суждено было, по волѣ Божіей, родиться не подъ родительскимъ кровомъ, а въ чужомъ, хотя и родственномъ домѣ. Не было ли это предзнаменованіемъ моей страннической жизни, моего постоянного перемѣненія изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ?!

Младенчество мое, какъ мнѣ сказывала старшая сестра, сопровождалось болѣзнями и лишеніями. На первомъ же году жизни я страдалъ отъ кроваваго поноса и былъ въ крайней опасности жизни. Отъ этой болѣзни меня лечили краснымъ виномъ съ растопленнымъ сургучемъ и поили водою съ какого-то цѣлебнаго камешка, хранившагося у какой-то благочестивой, а, можетъ быть, суевѣрной старушки, извѣстной подъ именемъ „Маливки“. Какъ бы то ни было, но *храняя младенцемъ* Господь сохранилъ мою слабую жизнь и хранить ее, по своему неизреченному милосердію, до сего дня. Для моего питанія требовалось молоко, но у матери моей своей коровы еще не было, а просить молока у брата своего, у котораго была корова, она, вѣроятно, стѣснялась: такъ какъ у него было свое немало-

1822 г. численное семейство. Къ моему счастью нашлась въ сосѣдствѣ одна добрая и сострадательная крестьянка, Феодора Михайловна Чайкина, которая, тайно отъ родныхъ моей матери, каждый день доставляла для меня свѣжее молоко. Я помню хорошо эту благодѣтельную мою кормилицу; но ея давно уже нѣтъ въ живыхъ. Упокой, Господи, ея добрую душу.

Кромѣ небольшого домика, въ которомъ я родился, у моего дяди и отца крестнаго рядомъ былъ другой старинный домъ изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, на „подклѣтѣ“, т. е. дву-этажный; внизу, спереди была жилая изба и вмѣстѣ кухня, а сзади кладовая; вверху напередѣ свѣтлая просторная комната съ старинною кафельною печью и лежанкой, а сзади чрезъ сѣни другая такая же комната, но холодная, безъ печи.

1822 г.

Моей матери предоставлена была просфорническая должность при Горицкой церкви и дано было небольшое мѣсто для постройки дома рядомъ съ большимъ домомъ ея брата. Скоро ли построенъ былъ домъ моей матерью, я не знаю, но въ январѣ 1822 года, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ роду и когда въ первый разъ пробудилось мое сознание, я помню, что мы жили уже въ своемъ домѣ. Домъ этотъ небольшой деревянный, о трехъ окнахъ; сзади, чрезъ сѣни, сдѣлана была пристройка, раздѣленная на двѣ половины; въ одной была холодная свѣтелка о двухъ окнахъ, а въ другой—темный чуланъ; при домѣ—небольшой дворикъ и маленькій огородъ.

У матери моей, кромѣ меня, было три дочери: Марія, Прасковья и Анна. Все онѣ своими трудами приобрѣтали себѣ насущное пропитаніе: зимой занимались ткашьемъ бумажной красной нестриди, такъ называемой „александрійки“, производство которой тогда въ нашемъ краѣ составляло исключительное почти женское ремесло; а лѣтомъ занимались иногда у дяди, діакона, а иногда у священника, также родственника, жать хлѣбъ. Старшая сестра моя Марія Михайловна, которая осталась по смерти родителя 17-ти лѣтъ, выдана была въ замужество еще при жизни нашей матери. Это было 25 января 1822 года, когда мнѣ было—какъ выше

замѣчено, менѣе трехъ лѣтъ. Свадьба моей сестры была 1822 г. первымъ событіемъ въ моей жизни, сохранившимся въ моей памяти. Какъ теперь помню, — это было вечеромъ, при огнѣ: сижу я на голбцѣ подлѣ печи и вижу: за столомъ въ переднемъ углу, подъ образами, сидятъ женихъ и невѣста, подлѣ нихъ нѣсколько человѣкъ гостей, между прочимъ нашъ дядя Петръ Ивановичъ; матушка высынала на столъ предъ женихомъ и невѣстою нѣсколько серебряныхъ рублей, обѣщанныхъ, разумѣется, въ приданое за невѣстой. Было ли какое нибудь угощеніе, не помню; помню только, что когда всѣ встали изъ за стола, меня позвали и заставили расплетать у невѣсты косу. Когда я не могъ скоро сладить съ этимъ, необычнымъ для меня, дѣломъ, дядя Петръ Ивановичъ взялъ у меня изъ рукъ косу и тотчасъ расплелъ. Затѣмъ всѣ изъ дому ушли, безъ сомнѣнія, въ церковь для совершенія брака, а меня оставили одного со старою крестьянскою дѣвицей *кривою* Парасковьей, которая и послѣ перѣдко бывала у насъ въ домѣ для разныхъ услугъ.

Зять мой Василій Александровичъ Левашовъ, сынъ священника села Вознесенья, Ковровскаго уѣзда. По увольненіи изъ Владимірскаго духовнаго уѣзднаго училища, былъ опредѣленъ на пономарскую должность къ Успенской единовѣрческой церкви, вновь открытой при селѣ Дунилѣ на мѣстѣ упраздненной Воробьевской пустыни. Въ этой-то единовѣрческой церкви, отстоящей отъ нашего дома немного болѣе версты, и совершенъ былъ бракъ моей сестры съ пономаремъ Левашевымъ. Такимъ образомъ наше семейство сократилось.

Послѣ сего всѣ заботы и попеченія моей матери сосредоточены были преимущественно на мнѣ, какъ на младшемъ и единственномъ сынѣ.

Дѣтство мое подъ материнскимъ кровомъ текло мирно и беззаботно. Въ лѣтнюю пору я предавался на улицѣ, съ немногими сверстниками своими, обыкновеннымъ дѣтскимъ забавамъ — бѣганью по лужайкамъ, игрѣ въ бабки и др.; а зимой большую часть дня проводилъ дома, занимаясь постройкой изъ бабокъ церкви; наряжаясь въ ризы, дѣлалъ ихъ изъ большихъ платковъ; привѣшивая на печи къ шесту коклюшки, которыя сестры мои употребляли при плетеніи

1825 г. кружевъ, и ударяя этими коклюшками о шестъ, какъ бы производя на колокольнѣ звонъ ¹⁾). Вообще, у меня съ самаго дѣтства была особенная привязанность къ церковнымъ предметамъ: видно, что благолѣпіе приходскаго храма и строгая чинность богослуженія производили на меня глубокое впечатлѣніе. А съ тѣхъ поръ какъ я началъ себя помнить, я неопустительно бывалъ при воскресныхъ и праздничныхъ богослуженіяхъ, которыя на моей родинѣ совершались въ точности по уставу, со всѣми положенными чтеніями изъ толковаго Евангелія, Четіей-Миней и отеческихъ писаній, такъ что всенощная, на примѣръ, служба подъ великіе праздники продолжалось часа четыре и болѣе. И какъ въ зимнее время утреннее богослуженіе начиналось часа въ три по полуночи, а иногда и ранѣе: то, когда мнѣ было уже лѣтъ шесть или семь отъ роду, меня непременно будили къ утрени.

1825 г.

Въ декабрѣ 1825 года, когда мнѣ было уже болѣе 6-ти лѣтъ отъ роду, гуляя разъ въ сумерки на улицѣ и катаясь на санкахъ или на лубянкѣ (изъ льда) съ горы, я неожиданно пораженъ былъ ударомъ большого, въ 600 пудовъ, колокола на колокольнѣ Покровской церкви сосѣдняго села Дупилова, а чрезъ нѣсколько минутъ повели меня въ свою Горицкую церковь. Здѣсь собралось духовенство всѣхъ церквей обоихъ селъ по случаю восшествія на престолъ Императора Константина Павловича. Заставили и меня поднять руку вверхъ съ обычнымъ перстосложеніемъ для крестнаго знаменія, когда читана была присяга, а затѣмъ и цѣловать Евангеліе. Тоже самое повторилось чрезъ нѣсколько дней, когда полученъ былъ новый манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Николая Павловича.

Среди неграмотнаго семейства (мать и сестры мои—всѣ были неграмотны), очень рано во мнѣ пробудилось сильное стремленіе къ обученію грамотѣ; въ особенности мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе научиться писать. Вѣроятно, къ этому поощрялъ меня примѣръ двухъ сыновей моего

¹⁾ О св. Антоніи патр. Константинопольскомъ, жившемъ въ первой половинѣ IX в., пишутъ, что въ немъ, когда онъ былъ еще младенцемъ, было замѣчено стремленіе къ священнымъ дѣйствіямъ и пр. (См. Вѣчный Календарь Е. А. Тихомирова, т. 1, М. 1879 г., подъ 12 ч. февр., стр. 133).

дяди, которые старше меня были лѣтами и уже учились въ 1826 г. школь. Въ нашемъ домѣ была единственная книга—календарь, не помню, какого года прошедшаго столѣтія, съ пробѣльными въ ней листами. Не умѣя еще читать, я исписала всѣ эти листы разными чертами и каракулями; и такъ какъ въ домѣ не было ни чернилъ, ни перьевъ, то младшая сестра моя Анна, вмѣсто чернилъ приготовляла мнѣ изъ лазори, добываемой съ химическаго завода, растворъ, а вмѣсто пера, очинивала лучинку. Лѣтъ шести я началъ неотступно просить мать, чтобы она купила мнѣ азбуку; но такъ какъ этой книги въ селѣ приобрести было нельзя, а вужно было послать за нею въ городъ: то, пока это происходило, я приступилъ къ своей теткѣ Татьянѣ Ивановнѣ, женѣ моего дяди, діакона, чтобы она выучила меня читать, хотя сама она была безграмотная. Но какъ она, вѣроятно, слышала, какъ ея дѣти громко твердили по книжкѣ буквы и склады, сама заучила ихъ на память, то эту премудрость не отказалась передать мнѣ; съ ея словъ я выучилъ на память названія буквъ и начальныя склады ихъ. Но когда дѣло дошло до словъ подъ титлами: ангель, ангельскій и проч., то моя добрая учительница сама стала въ тушикъ.

1826 г.

Между тѣмъ, мнѣ наконецъ куплена была азбука и съ нею я отданъ былъ сосѣду нашему, дьячку Михаилу Васильевичу Бѣлоцвѣтову, въ книжное наученіе. Дѣло было такъ. 1 декабря 1826 года, въ день св. пророка Наума, матушка повела меня въ церковь къ обѣднѣ и послѣ обѣдни, поставивши довольно большую свѣчу, помнится въ пятиалтынный, предъ иконописными святцами, просида священника отслужить молебенъ пророку Науму, чтобы онъ наставилъ меня на умъ—на разумъ, а дьячку Михаилу Васильевичу сказала, чтобы онъ не снималъ съ подсвѣчника свѣчи, пока она вся не сгоритъ предъ образомъ¹⁾. Въ слѣдъ за тѣмъ она отвела меня въ домъ учителя, или, какъ говорили у насъ тогда, мастера, и съ этого благословеннаго дня начался курсъ моего ученія.

¹⁾ Объ обычаѣ совершать предъ начатиюмъ ученія молебенъ пророку Науму—см. въ *Ист. М. Обш. Пест. и Др. Рос.* 1861 г. кн. IV. Еще въ *Мысли-словы*, изд. архим. Дмитріемъ, подъ 1-мъ ч. декабря.

1827 г. Когда привели меня къ Михаилу Васильевичу учиться, у него были уже три ученика изъ крестьянскихъ мальчиковъ, сверстниковъ или немного старшихъ меня по лѣтамъ. Одинъ изъ нихъ, помню, былъ Ефимъ Широковъ, другой Кузьма Бурсиковъ—оба богатыхъ отцовъ дѣти; третій, или вмѣстѣ со мною, или нѣсколько позднѣе поступившій, былъ Михаилъ Чайкинъ, сынъ помянутой выше благодѣтельной крестьянки Федоры Михайловны; впрочемъ у него былъ живъ отецъ, добрый и честный крестьянинъ Иванъ Никитинъ.

Ученье наше шло такимъ образомъ. Книжки наши лежали не на столѣ, а на лавкѣ; мы же сами сидѣли предъ лавкою на низенькихъ стуликахъ. Между нами сидѣлъ на такомъ же стуликѣ и самъ мастеръ, занимаясь сапожнымъ мастерствомъ. Мы всѣ читаемъ вслухъ, и онъ, бывало, не пропуститъ ни одной ошибки не только въ словахъ, но и въ удареніяхъ и даже въ знакахъ препинанія, безъ должнаго исправленія и замѣчанія. Вообще, Михаила Васильичъ былъ великій мастеръ своего дѣла. Онъ былъ человѣкъ съ нѣкоторымъ даже образованіемъ; учился въ семинаріи и простирался до поэзіи; любилъ на досугѣ читать книги и входилъ даже, по праздничнымъ днямъ, въ словопренія съ раскольниками, которыхъ въ сосѣднемъ селѣ Душиловѣ было много, и притомъ разныхъ сектъ.

1827 г.

Мое ученіе подъ руководствомъ Михаила Васильевича было очень непродолжительно. Начавши 1 декабря 1826 года со второй половины азбуки, гдѣ содержатся всѣ славянскія слова, которыя обыкновенно печатаются сокращенно—подъ титлами, гдѣ затѣмъ показаны славянскія цифры, означаемыя буквами алфавита и гдѣ, наконецъ, изъяснены строчные и надстрочные знаки препинанія и ударенія, въ родѣ слѣдующихъ: оксіа, варіа, камора, краткая, звательца, титла, слово-титло, апострофы, кавыка, ерокъ, запятая и проч., я скоро прошелъ часословъ, а къ веснѣ слѣдующаго 1827 года окончилъ и Псалтирь. Затѣмъ мнѣ слѣдовало приступить къ упражненію въ искусствѣ чистописанія: но я не знаю, по какимъ соображеніямъ, вѣроятно, экономическимъ, меня не оставили уже у

Михайла Васильевича, который писалъ очень красиво, 1827 г. а перевели къ зятю Василію Александровичу на Пустыньку, какъ обыкновенно называли уединенную мѣстность, гдѣ находилась помянутая выше единовѣрческая церковь, при которой зять мой былъ пономаремъ. У зятя, въ продолженіи двухъ — трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, я оказалъ довольно порядочные успѣхи въ чистописаніи. Между тѣмъ, приближалось время поступить мнѣ въ школу.

Но прежде, чѣмъ оставить родной кровъ, я изложу здѣсь краткія свѣдѣнія о моей родинѣ и ея окрестностяхъ.

Село Горницы, гдѣ я родился, находится отъ уѣзднаго города Шуи въ разстояніи 17-ти верстъ по почтовому Костромскому тракту; расположено на правомъ берегу рѣки Тезы. Названіе свое получило отъ гористаго мѣстоположенія. Мѣстность очень красивая. Дома моей матушки и ея брата занимали въ селѣ едва ли не самое лучшее мѣстоположеніе. Они стояли особнякомъ. Мимо нашего дома съ лѣвой стороны вѣходила изъ села Иванова большая купеческая дорога въ Нижній Новгородъ; а съ правой стороны дома моего дяди лежалъ довольно глубокій оврагъ, отдѣлявшій оный отъ обширной поляны. Съ восточной стороны, предъ окнами, подъ горой протекала рѣка, а за ней раскинуто версты на двѣ большое село Душилово.

Вблизи нашего дома, къ сѣверу, надъ рѣкою, на высокой горѣ красуются два каменныхъ храма, обнесенные обширною каменною оградою. Изъ двухъ церквей одна зимняя, теплая, а другая лѣтняя, холодная.

Холодная церковь во имя Рождества Пресвятыи Богородицы, сооруженная въ 1762 году усердіемъ богатыхъ крестьянъ села Горницъ, Цыганова и Холщевникова, высокая, обширная и очень благолѣпная. Стѣны ея по мѣстамъ украшены были священными изображеніями, преимущественно апокалипсическаго содержанія. Мѣстныя иконы въ иконостасѣ все почти въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ, предъ ними въ подсвѣчникахъ и лампадахъ стоятъ очень массивныя свѣчи. Между этими иконами съ особеннымъ благоговѣніемъ чтится храмовая икона Рождества Божіей Матери, сохранившаяся отъ прежней деревянной церкви и написанная, по усердію храмоздателей этой церкви, околышчаго Василья Васильевича и брата его Ивана Коробьинихъ,

1827 г. около 1624 года съ подлинника, находящагося въ Пере-
славскомъ (Залѣскомъ) Горицкомъ монастырѣ. Священные
утвари и ризница при этой церкви вполнѣ соотвѣтствуютъ
благолѣпію храма. На утрени, въ день Пасхи, священникъ
и діаконъ, по древнему обычаю, на каждой пѣсни канона,
предъ каждениемъ по церкви, перемѣняли облаченія, изъ
коихъ одно было лучше другаго: это, при блистательномъ
освѣщеніи храма и при громогласномъ торжественномъ пѣ-
ніи, усугубляло духовный восторгъ молящихся и особенно
восторгало наши дѣтскія сердца. Нѣкоторыя ризы и сти-
хари имѣли на себѣ жемчужныя даже украшенія, а одна
риза изъ желтаго неразрѣзнаго бархата извѣстна была подъ
именемъ Питиримовской. По всей вѣроятности, это—при-
ношеніе преосвященнаго Питирима, епископа Нижегород-
скаго († 8 мая 1738 года), который по рожденію своему
принадлежалъ къ Владимірской епархіи¹⁾, и можетъ быть,
родина его была село Горицы.

Къ этой же церкви пристроена довольно высокая камен-
ная колокольня, на которой большой колоколъ вѣсомъ въ
300 пудовъ; второй колоколъ въ 150 пудовъ извѣстенъ
подъ названіемъ Цыганова, такъ какъ пожертвованъ крестья-
ниномъ Цыгановымъ, однимъ изъ храмоздателей.

Другая, теплая церковь во имя Вознесенія Господня,
менѣе благолѣпна, чѣмъ первая; но за то тѣмъ ощутитель-
нѣе и радостнѣе былъ переходъ изъ зимней церкви въ лѣт-
нюю, въ концѣ утрени, въ Великую Субботу. На моей
родинѣ издревле неизмѣнно соблюдался обычай, чтобъ, какъ бы
рано ни была Пасха, въ Великую Субботу, въ концѣ ут-
рени, плащаница переносилась изъ теплой церкви въ холод-
ную, и тамъ уже продолжалась пасхальная служба. Какъ
въ рай, бывало, входилъ въ лѣтнюю, свѣтлую и простор-
ную церковь изъ зимней, мрачной и запертой церкви.
Не смотря на то, что полъ въ лѣтней церкви чугунный, а
на ногахъ легкая обувь и на плечахъ какой нибудь пан-
ковый сюртучекъ или халатецъ, я не помню, чтобы когда
нибудъ я подвергался простудѣ: такъ горячо было въ дѣт-
ствѣ религиозное чувство!

¹⁾ См. *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Росс. церкви*, II.
Стрелова. Сиб. 1877 г., стр. 686.

Въ храмовой праздникъ Вознесенія Господня служба 1827 г. совершалась обыкновенно въ зимней церкви, и въ этотъ день ежегодно бывалъ вокругъ всего села торжественный крестный ходъ, въ которомъ принимало участіе духовенство всѣхъ церквей села Дунилова, исключая, разумѣется, едино-вѣрческой, и приносилась изъ этихъ церквей главнѣйшая святыня. Есть преданіе, что этотъ крестный ходъ, въ древнѣе времена, совершался на близъ лежащую, съ западной стороны Гориць, возвышенность, именуемую донинѣ Вознесенскою горою. Говорятъ, что на этой горѣ существовалъ когда-то Вознесенскій женскій монастырь. Съ горы этой во всѣ стороны открывается обширный видъ.

Село Горицы въ половинѣ XVI столѣтія принадлежало потомкамъ удѣльныхъ князей Суздальскихъ, братьямъ Дмитрію и Василю Горбатымъ, которые здѣсь и проживали¹⁾. Ихъ дворецъ, коего мѣсто и до сихъ поръ сохраняется въ памяти народной, вахотился на помянутой мною выше полянѣ, надъ рѣкою Тезой. Тамъ видны еще и теперь ямы, гдѣ были княжескіе погребы. Въ нашествіе Литовцевъ село это потерпѣло разореніе²⁾. Въ народѣ сохранилась память о Литовцахъ подъ именемъ пановъ. Въ позднѣйшее же время Горицы часто терпѣли отъ пожаровъ. Такъ, на моей уже памяти, въ 1823 году 16 сентября сгорѣло тамъ 120 дворовъ. Но послѣ этого пожара явилось въ семь селѣ очень много большихъ и красивыхъ домовъ, такъ какъ около этого времени еще значительно процвѣтала мѣстная промышленность крестьянъ — скорняжная, состоявшая въ выдѣлкѣ звѣриныхъ шкуръ, преимущественно заячьихъ. Между крестьянами было нѣсколько кунцевъ, которые вели значительную торговлю произведеніями мѣстной промышленности. Народонаселеніе Гориць простиралось до 900 душъ обою пола.

При незначительномъ количествѣ приходскихъ душъ (менѣе 500 душъ мужскаго пола, съ двумя деревнями), причтъ Горицкой церкви состоялъ изъ четырехъ членовъ: священника, діакона, дьячка и пономаря, и сверхъ сего была просфорня.

1) Описаніе г. Шуи. В. Борисова, стр. 182.

2) Тамъ же, стр. 183.

1827 г. Въ моемъ дѣтствѣ священникомъ Горницкой церкви былъ о. Матвѣй, двоюродный дядя моей матери. Видный и благообразный собою, онъ не имѣлъ школьнаго образованія и изъ причетниковъ возведенъ въ 1792 году въ санъ священства и былъ даже благочиннымъ. Имѣлъ пріятный голосъ и въ служеніи былъ очень благолѣпенъ. Жена его Анна Степановна была грамотная и очень любила читать и пѣть въ церкви; случалось не рѣдко, что она одна на клиросѣ отправляла вмѣсто дьячка раннюю обѣдню; а при отпѣваніи покойниковъ, она, бывало, никому не дастъ читать 17-ю каовизму; ходила иногда съ причтомъ и въ дома прихожанъ, для отправленія молебновъ. Помню какъ теперь: мы были въ одномъ богатомъ домѣ, для совершенія водосвятнаго молебна (брали по домамъ и насъ дѣтей, для полученія копѣчныхъ подаяній). Мнѣ довелось стоять у зеркала, и я не рѣдко заглядывалъ въ него. Анна Степановна, стоя сзади меня и примѣтивши мое неблагочиніе, дернула меня довольно сильно за ухо, и тѣмъ дала понять, чтобъ я не засматривался въ зеркало. Къ несчастію, эта почтенная старуца страдала по временамъ недугомъ пьянства, и уходя изъ дома, приходила иногда по ночамъ къ намъ и настойчиво требовала отъ матушки водки, оставаясь въ нашемъ домѣ до утра. У о. Матвѣя была единственная дочь Александра Матвѣевна, которая была въ замужествѣ за священникомъ Покровской церкви села Дунилова, Василіемъ Васильевичемъ Сапоровскимъ, по которой въ живыхъ я уже не помню. У него же въ домѣ жила какая-то родственница, кажется, двоюродная сестра, дѣвица Ольга Алексѣевна, которой родной братъ Александръ Алексѣевичъ Горницкій былъ уѣзднымъ стряпчимъ въ г. Муромѣ.

Діаконъ Петръ Ивановичъ, рукоположенный въ діакона въ 1809 году, родной братъ моей матери и мой отецъ крестный. Довольно высокаго роста, темнорусый съ короткими волосами на головѣ, но съ довольно большою бородою и длинными усами; съ громкимъ голосомъ и съ живымъ характеромъ; отличный знатокъ церковнаго устава и весьма ревностный по службѣ; школьнаго образованія не получилъ, но былъ довольно начитанъ: Четьи-Миней святителя Димитрія Ростовскаго едва не зналъ наизусть; безпорядковъ и шуму въ церкви терпѣть не могъ. Когда кто либо разговаривалъ

въ церкви, ему стоило только на амвонѣ повернуть голову 1827 г. и шевельнуть усомъ, чтобы прекратить всякій безпорядокъ; въ особенности боялись его женщины. Строгъ былъ онъ и въ семействѣ; а семейство его было не малочисленно: кромѣ жены, Татьяны Ивановны, было два сына и четыре дочери. У него же проживала и мать его Анна Васильевна. Сынъ—Иванъ и Михаилъ—оба были старше меня; но Михаилъ, проучившись два или три года въ духовномъ училищѣ, скончался, а Иванъ окончилъ въ 1832 году курсъ семинаріи. Дочери были: Марія, Целагея, Олимпиада и Елисавета. При такомъ значительномъ семействѣ, церковныхъ доходовъ, для содержанія его, было конечно недостаточно. Поэтому надлежало изыскивать къ сему другіе источники. Но временамъ Петръ Ивановичъ занимался, посредствомъ пайма, обработкою принадлежащаго ему участка церковной земли; но главнымъ и постояннымъ его занятіемъ была торговля оконными рамами, фонарями и хрустальною посудой; а жена его торговала красною пестрядью, которую приготовляли дочери и постороннія женщины. При этихъ занятіяхъ, матеріальное благосостояніе семейства моего дяди было весьма удовлетворительно. По этому у нихъ въ домѣ давно уже заведенъ былъ самоваръ, и они почти ежедневно пили чай, тогда какъ у моей матери и въ поминѣ объ этомъ не было. Бывало, въ большіе годовые праздники, какъ напр. въ Пасху и въ Рождество, мою матушку приглашали на чай къ дядѣ, а она брала съ собою и меня; и какъ было радостно и весело на душѣ быть въ такіе торжественные праздники, въ свѣтлой, чистой комнатѣ, гдѣ все дышало изобиліемъ и довольствомъ! Но разъ вотъ что случилось со мною. Въ горницѣ, въ которой обыкновенно мы пили чай, были стѣнные часы съ кукушкой. Когда я въ первый разъ услышалъ пронзительные звуки этой кукушки, я такъ былъ испуганъ этою неожиданностію, что со слезами бросился бѣжать вонъ изъ горницы, и послѣ бой часовъ каждый разъ производилъ на меня самое непріятное впечатлѣніе.

Дьячекъ Михайла Васильевичъ Бѣлоцвѣтовъ определенъ былъ на мѣсто въ 1819 году. Онъ былъ нашъ ближайшій сосѣдъ; его домъ былъ позади нашего. Былъ онъ двоеженецъ и такъ строго соблюдалъ церковное правило относи-

1827 г. тельно двоеженцевъ, что никогда не позволялъ себѣ проходить въ алтарь по горнему мѣсту мимо престола. Онъ голосъ имѣлъ не сильный, но пріятный тенористый; ноту церковную зналъ очень твердо и умѣлъ пѣть даже столповымъ, стариннымъ напѣвомъ. Въ воскресные и праздничные дни собиралось на клиросахъ много грамотныхъ прихожанъ, которые и пѣли и читали вмѣсто причетниковъ: но подь великіе праздники они требовали, чтобы первыя двѣ или четыре вечернихъ стихиры Михайла Васильевичъ пѣлъ по нотамъ, которыхъ они сами не разумѣли. Стихиры же въ Великій постъ, на преждеосвященныхъ литургіяхъ, онъ пѣлъ, большею частию, столповымъ напѣвомъ. Читалъ онъ не спѣшно и выговаривалъ каждое слово отчетливо, чего требовалъ и отъ другихъ. Когда я окончилъ у него ученеіе грамоты, онъ заставлялъ меня въ церкви читать часы и шестопсалміе, и если я произносилъ какое нибудь слово противъ ударенія, или останавливался не на знакахъ препинанія, онъ пальцемъ ударялъ меня въ спину или въ шею. Въ послѣдствіи времени, когда я учился уже въ школѣ, и въ каникулярное время приходилъ въ церковь, становился по обыкновенію на клиросъ, Михайла Васильевичъ требовалъ отъ меня, чтобы я пѣлъ непременно альтомъ, котораго у меня не было; и онъ былъ всегда недоволенъ, когда я пѣлъ въ одинъ съ нимъ тонъ: это было впрочемъ въ будничные только дни. Въ праздники пѣлъ, какъ я выше сказалъ, цѣлый хоръ прихожанъ.

Пономарь Андрей Андреевичъ Стразовъ, также съ 1819 года. Онъ былъ совсѣмъ другихъ качествъ: и читалъ не твердо, и пѣлъ не совсѣмъ исправно, а ноты и вовсе не разумѣлъ. Подь великіе праздники, когда на правомъ клиросѣ пѣлъ стихиры по постному обиходу Михайла Васильевичъ, на лѣвый клиросъ выходили пѣть или о. Матвѣй, или мой дядя, діаконъ, а иногда и оба вмѣстѣ. За то Андрей Андреичъ былъ весьма услужливый человекъ: нужно ли, бывало, о. Матвѣю ѣхать по благочинію для обзора церквей, — онъ у него исправляетъ должность кучера; надобно ли везти въ училище или въ семинарію внука о. Матвѣя и сына о. діакона, — Андрей Андреичъ готовъ къ ихъ услугамъ. У Андрея Андреича было два сына и нѣсколько дочерей. Старшій изъ сыновей Яковъ былъ мой почти

сверстникъ, только годомъ или двумя моложе меня. Съ 1827г. нимъ мы на перерывъ старались прислуживать священнику въ алтарѣ:—приготовить кадило, подать теплоту, вынести изъ алтара предъ евангеліемъ на маломъ входѣ свѣчу — это было наше дѣло, особенно въ будничные дни; въ праздники насъ до этого не всегда допускали. Но играми на улицѣ мы съ Яковомъ вмѣстѣ почти никогда не занимались, потому что онъ жилъ за церковію на другой улицѣ отъ меня, и у него былъ свой кружокъ друзей и сверстниковъ.

Просфорнею при Горицкой церкви дѣтъ десять была моя матушка Стефанида Ивановна. Эта должность доставляла ей порядочныя средства къ жизни. Я не знаю, получала ли она какое либо опредѣленное вознагражденіе за труды; но я хорошо помню, что она въ воскресные и праздничные дни ходила по церкви за старостою съ тарелкою для сбора приношеній; ходила съ причтомъ по домамъ во время Пасхи, осенью ходила по гумнамъ, во время молотбы, съ мѣшкомъ для сбора такъ называемой нови, иногда брала съ собою и меня. Нѣкоторыя ленты доставлялъ и я ей. Когда, бывало, служить кто либо въ церкви молебень или паннихиду, послѣ вознагражденія причта, давали и намъ съ пономаревымъ сыномъ Яковомъ особо по грошу, а иногда и по пятаку. Но разъ служилъ молебень предъ образомъ Рождества Богородицы прѣхавшій изъ Мурома къ о. Матвѣю гость, помянутый выше стряпчій Александръ Алексѣевичъ: онъ пожаловалъ мнѣ серебряную монету, кажется, пятиалтынный. Это привело меня въ крайнее удивленіе и восторгъ. И всѣ, такимъ образомъ получаемыя мною ленты я спѣшилъ отдавать своей матери; развѣ иногда утайшь копѣйку или двѣ на покупку для игры бабокъ.

Противъ Гориць, на лѣвомъ берегу рѣки Тезы, находится торговое село Дунилово. Оно вдвое больше Гориць и по числу дворовъ и по народонаселенію. Въ старину оно называлось „дворцовымъ“ селомъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, во время моего дѣтства, село это отличалось хорошими постройками; дома были, большею частию, высокіе на подклѣтахъ, украшены на конькахъ и окнахъ рѣзбою. Домами этими любовался въ 1815 году покойный Московскій владыка Филаретъ, когда онъ, бывши

1827 г. ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и архимандритомъ, ревизовалъ семинаріи Ярославскую, Костромскую и Владимірскую ¹⁾. Проѣзжая изъ Костромы во Владиміръ, онъ останавливался для ночлега въ Дуниловѣ. „Рано утромъ, — рассказывалъ мнѣ самъ владыка, когда я былъ уже Московскимъ викаріемъ, — смотрю я изъ своей квартиры въ окно и вижу большіе красивые дома на подклѣткахъ, съ дворовъ выходятъ рослые мужчины въ красныхъ рубашкахъ съ ведрами на плечахъ; шли на рѣку за водой“. Въ послѣднее время Дунилово, вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ пожаровъ, значительно упало во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ Дуниловѣ было, при трехъ отдѣльныхъ приходахъ, 8 церквей, — всѣ каменные, кромѣ одной теплой, единовѣрческой.

Церковь Благовѣщенская о пяти главахъ, византійско-русской архитектуры, весьма обширная, освящена въ 1675 году. Иконостасъ въ ней сдѣланъ по повелѣнію царицы Евдокіи Осодоровны Лопухиной, первой супруги Петра 1-го. Церковь расположена на высококомъ и крутомъ берегу Тезы. Въ XVII столѣтіи при этой церкви былъ женскій монастырь, упраздненный въ 1764 году; но игуменскія кельи деревянныя, обширныя, оставались до 1831 года, когда онѣ были истреблены пожаромъ.

При Благовѣщенской церкви на колокольнѣ были устроены, такъ называемые, русскіе часы, коихъ счетъ днемъ начинался отъ восхожденія солища, а ночью отъ захожденія его.

Въ составѣ причта Благовѣщенской церкви было три священника, два діакона и шесть причетниковъ.

Къ Благовѣщенской церкви приписана была Крестовоздвиженская церковь, находящаяся среди села, на торговой площади. Она передѣлана была въ 1828 году изъ каменной древней часовни, воздвигнутой по случаю мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго здѣсь въ 1654 году. Въ этой церкви находятся два большіхъ деревянныхъ креста; изъ нихъ одинъ сооруженъ, какъ видно изъ подписи, бояриномъ Θεодоромъ Абрамовичемъ

¹⁾ О ревизи Владим. семинаріи архим. Филаретомъ см. въ *Дуноск. Цт.* 1870 г. и въ *Влад. Ев. Вѣдом.* 1873 г. № 9.

Донухинимъ, которому Дунилово пожаловано было въ 1685 1827 г. году въ отчину царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами; а другой устроенъ въ память избавленія въ 1830 году отъ холеры.

Церковь Покровская сооружена усердіемъ поминутаго сейчасъ боярина Донухина. При ней другая теплая церковь, построенная въ 1743 году. Въ этой церкви весьма замѣчательна по древности чудотворная рѣзная икона святителя Николая Можайскаго, во весь ростъ. Къ сей иконѣ жители Дунилова и окрестныхъ мѣстъ имѣютъ особенное усердіе и благоговѣніе.

На колокольнѣ Покровской церкви большой колоколъ весомъ, какъ было сказано выше, въ 600 пудовъ. Онъ вылитъ усердіемъ мѣстныхъ жителей въ память изгнанія изъ Россіи, въ 1812 году, французовъ. На немъ вылиты слѣдующіе стихи:

„Въ сей грозный годъ Галль дерзновенный,

„Собравъ враговъ отъ всей вселенной,

„Россію тщился разорить и т. д.

На Покровской колокольнѣ такъ же, какъ и на Благовѣщенской, имѣются часы, но другаго устройства, такъ называемые нѣмецкіе. Они бьютъ не только часы, но и четверти съ минутами. Этотъ бой разныхъ часовъ на двухъ колокольняхъ не рѣдко сбивалъ насъ съ толку.

Часы ежедневно заводилъ, если не на обѣихъ колокольняхъ, то на Покровской, одинъ очень смѣшленный и грамотный крестьянинъ, Исаакъ Андреевъ Колесниковъ. Онъ отличался такою любознательностію, что, въ свободное отъ своихъ житейскихъ занятій время, неусыпно занимался чтеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ и, между прочимъ, полемическихъ сочиненій противъ раскола. Обогащенный разными свѣдѣніями, хотя безъ особеннаго критическаго такта, онъ съ самоувѣренностію вступалъ въ полемическую борьбу съ мѣстными раскольническими начетчиками. Любилъ онъ вести бесѣды и съ нами—школьниками и съ приходскими священниками.

Къ Покровской церкви принадлежала церковь кладбищенская во имя Преображенія Господня, за селомъ. Она освящена въ 1832 году. Я былъ при освященіи этой церкви. Торжественный обрядъ освященія храма, видѣнный мною въ первый разъ, произвелъ на меня глубокое вне-

1827 г. чатлѣніе. Въ моей памяти сохранилось при семъ еще слѣдующее знаменательное зрѣлище. Я видѣлъ возлѣ новоосвященнаго храма, можно сказать, цѣлыя горы нарѣзанныхъ ломтями булокъ и калачей, и нѣсколько чановъ съ квасомъ. По совершеніи литургіи, эти яства и это питіе окроплены были св. водою и раздавались богомольцамъ, которые съ благоговѣніемъ ихъ принимали и вкушали. Не напоминаетъ ли этотъ благочестивый обычай о Давидѣ, когда онъ, по перенесеніи изъ дома Аведдара Геоянина въ Іерусалимъ ковчега завѣта и по поставленіи его въ скинии, принесъ предъ Господомъ всесоженіе и жертвы мирныя и раздалъ всему народу, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, по одному хлѣбу, и по куску жаренаго мяса, и по одной лепешкѣ (въ славянскомъ текстѣ: *по сковрадному млину* (каждому) 2 кн. Царствъ 6, 17—19)?

Причтъ Покровской церкви составляли два священника, діаконъ и четыре причетника.

Успенская единовѣрческая церковь каменная, построенная въ 1818 году усердіемъ Московской купчихи Евфиміи Егоровны Каретниковой, но освященная въ 30-хъ годахъ архимандритомъ Высоковскаго единовѣрческаго монастыря, Костромской епархіи, Зосимою († 1840 г.). Я хорошо помню этого сановитаго старца; съ нимъ пріѣзжало нѣсколько челоувѣкъ братіи, изъ коихъ болѣе прочихъ сохранились въ моей памяти суровый старикъ, іеромонахъ Богодѣицъ и очень молодой и красивый іеродіаконъ (имя его забытъ). Церковь довольно обширная, высокая и свѣтлая, но стѣнамъ и въ куполѣ расписанная живописью, которую производилъ извѣстный въ то время своимъ искусствомъ мастеръ, крестьянинъ села Тейкова, Медвѣдевъ. Расписаніе производилось не одинъ годъ и сопровождалось нѣкоторыми курьезами. Такъ, во время производства работъ, часто посѣщали церковь попечитель ея Семень Ивановичъ Балинъ, наемный уставщикъ крестьянинъ Харлампій Матвѣевъ и одинъ прихожанинъ Андрей, слѣпой физически и столь же слѣпой ревнитель мнимой старины; и какъ все эти посѣтители не рѣдко дѣлали замѣчанія мастеровымъ, болѣе чѣмъ неумѣстныя: то мастеровые, въ наказаніе за это, всѣхъ ихъ помѣстили въ аду, при изображеніи картины страшнаго суда. Пока строилась и украшалась каменная церковь Успен-

ская, богослуженіе совершалось въ другой деревянной церкви, во имя Покрова Пресв. Богородицы, — когда построенной, не знаю. Въ этой-то церкви мнѣ не рѣдко случалось бывать при богослуженіяхъ, когда я въ дѣтствѣ по временамъ гостилъ у своей сестры Маріи Михайловны, бывшей въ замужествѣ, какъ выше было сказано, за пономаремъ этой церкви. Мнѣ очень памятно, какъ помянутый выше попечитель, старикъ Балинъ подходилъ ко мнѣ и допрашивалъ, какимъ крестомъ я молюсь, и какъ нѣкоторыя ревнивыя старухи воспрещали мнѣ въ одно съ ними время творить поклоны.

На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится единовѣрческая церковь, существовала мужская Успенская пустынь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Воробьевой. Она основана въ XVII вѣкѣ бояриномъ Лопухинымъ и въ 1764-мъ году ¹⁾ упразднена, а утварь перенесена была въ Дуниловскую Благовѣщенскую церковь.

При Успенской единовѣрческой церкви по штату положены священникъ, діаконъ, причетникъ, и сверхъ штата былъ вольнонаемный уставщикъ.

Изъ многочисленнаго Дуниловскаго духовенства многіе, если не большая часть семействъ, доводились намъ въ болѣе или менѣе близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. Такъ, у моей бабушки Анны Васильевны было двѣ родныхъ сестры, изъ коихъ одна, Стефанида Васильевна, была въ замужествѣ за священникомъ единовѣрческой церкви о. Козьмою Васильевичемъ, а другая за причетникомъ Покровской церкви Алексѣемъ Васильевичемъ.

У Стефаниды Васильевны было три дочери, изъ коихъ двѣ были въ замужествѣ въ Костромской епархіи, а третья, болѣзненная, умерла дѣвицею.

У Татьяны Васильевны было три сына: Платонъ, Козьма

¹⁾ За годъ до упраздненія пустыни, именно въ 1763 г., присланъ былъ на имя послѣдняго строителя ея Николая, изъ Суздальской Д. Конногосподаріи указъ съ прописаніемъ указа Св. Синода отъ 23 апрѣля того же 1763 года, послѣдовавшаго на имя епископа Суздальскаго Геннадія, о тяжкомъ преступничествѣ и Ея Императорскаго Величества Высочайшей особы оскорбленіи Ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ (Мацѣвичемъ). Интересный документъ этотъ напечатанъ въ *Ежегодникъ Влад. губернскаго статист. комитета* т. 1, вып. 1, стр. 304 и слѣд. Владиміръ, 1876 г.

1827 г. и Петръ. Петръ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Казани у дяди своего, священника, въ послѣдствіи протоіерея, Іакова Ивановича Семенова, магистра 2-го курса Московской Д. Академіи, и тамъ, окончивши курсъ семинаріи, получилъ священническое мѣсто. Я разъ только видѣлъ его, когда онъ, по окончаніи курса семинаріи, прѣвзжалъ на родину повидаться съ матерью и братьями.

Другіе два сына были причетниками при Покровской церкви въ Дуниловѣ. Ихъ почему-то, не знаю, называли лапчатыми.

Старшій изъ нихъ Платонъ Алексѣевичъ вѣлъ себя, кажется, довольно благопристойно: но младшій Козьма—съ грѣхомъ пополамъ. Между прочимъ, у этого послѣдняго была страсть къ кулачнымъ боямъ, которые въ нашихъ селахъ зимой, по праздничнымъ днямъ, составляли любимое народное упражненіе. Козьма Алексѣевичъ отличался при томъ очень крѣпкими физическими силами. Отъ его кулаковъ доводилось многимъ терпѣть сильные удары; по однажды и онъ самъ былъ избитъ до полу-смерти. Жизнь его окончилась печальнымъ образомъ: разъ онъ, вѣроятно, выпивши, спалъ въ избѣ на полатяхъ, а жена куда-то отлучилась. Слѣзая съ полатей, онъ упалъ на полъ и тутъ же духъ вонъ... Явилась врачебная полиція и признала нужнымъ анатомировать умершаго. Я былъ свидѣтелемъ этой, потрясающей душу, операціи. Послѣ несчастно погибшаго Козьмы Алексѣевича остался единственнымъ сыномъ Александръ, годомъ старше меня.

При Покровской же церкви оба священника и діаконъ были намъ въ родствѣ.

Старшій священникъ Васил. Вас. Сапоровскій былъ женатъ на дочери, какъ замѣчено было уже выше, Горицкаго священника о. Матвѣя, Александръ Матвѣевичъ, которая была троюродною сестрою моей матушки. Онъ жилъ въ домѣ своего тестя, въ разстояніи отъ Покровской церкви около версты. О. Василій Сапоровскій — личность очень замѣчательная. Онъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи; окончилъ курсъ въ 1808 году; былъ пѣвчимъ и музыкантомъ въ архіерейскомъ оркестрѣ, пѣлъ басомъ и игралъ на фаготѣ; писалъ стихи; любилъ заниматься литературой, и при чтеніи журналовъ или газетъ писалъ на ученыхъ а ли-

тературныя статьи критическія замѣчанія; и велъ обширную переписку съ своими товарищами и друзьями, между которыми первое мѣсто занималъ Боголюбскій архимандритъ Аркадій Федоровъ, въ послѣдствіи архіепископъ Пермскій и за тѣмъ Олонецкій, скончавшійся 8 мая 1870 года въ схимѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ. Ему онъ писалъ иногда обширныя посланія въ стихахъ ¹⁾. Такъ какъ въ Дунидовѣ было не мало раскольниковъ, то о. Василій съ ревностію занимался изученіемъ раскольнической литературы. Все, что только извѣстно было тогда въ печати по части русскаго раскола, имъ было прочитано; и онъ не безъ успѣха велъ борьбу съ туземными раскольниками. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный юристъ; ему были поручаемы епархіальнымъ начальствомъ слѣдствія по дѣламъ наиболѣе важнымъ и серьезнымъ. Сверхъ сего, онъ былъ любитель медицины; имѣлъ у себя небольшую аптечку, и къ нему съ довѣріемъ обращались прихожане въ своихъ недугахъ и болѣзняхъ. Такимъ образомъ онъ былъ врачъ не только душъ, но и тѣлесъ. О. Василій не очень долго былъ въ супружествѣ, и имѣлъ единственнаго сына Якова, который однакожъ не наслѣдовалъ дарованій своего родителя и, что особенно странно, не получилъ даже, когда былъ отданъ учиться въ школу, и фамиліи своего отца. Ему дана была фамилія: Горицкій, — очевидно, отъ села, въ которомъ онъ родился. Этотъ бездарный и притомъ болѣзненный юноша не простерся далѣе средняго отдѣленія семинаріи: злая чахотка прекратила дни его жизни. Другъ о. Василія, преосвященный Аркадій, многократно убѣждалъ его, какъ бездѣтнаго вдовца, оставить міръ и принять монашество: но всѣ убѣжденія оставались тщотными.

Младшій священникъ Покровской церкви Василій Михайловичъ Пришлецовъ былъ женатъ на Анисѣ Васильевнѣ, дочери своего предшественника, священника Василя Игнатьевича. Этотъ Василій Игнатьевичъ былъ дѣдъ моей матери, но въ какой степени, не знаю. Онъ жилъ девяносто лѣтъ, если не больше; и многіе послѣдніе годы онъ

¹⁾ Такъ, онъ послалъ 3 іюля 1829 г. въ Оренбургъ, куда въ февралѣ того же года Аркадій назначенъ былъ въ епископа, привѣтственное посланіе въ стихахъ на 12-ти страницахъ.

1827 г. неподвижно лежалъ на одрѣ болѣзни, такъ что отъ лежанія, какъ мнѣ сказывали, прогнили нѣкоторыя части его тѣла. Я помню только уже его кончину и былъ съ своею матерью при его отиѣваніи. Служба была, безъ сомнѣнія, очень продолжительна; но такъ какъ она для меня была новою, невиданною, то я выстоялъ ее безъ особеннаго отиощенія. О. Василій Пришлецовъ не имѣлъ, подобно о. Сапоровскому, большой учености; онъ, кажется, и не окончилъ даже курса въ семинаріи: но онъ отличался особенною скромностію, кротостію и благодушіемъ. Дѣтей у него не было, но онъ воспитывалъ какого-то родственника сироту Θεодора, который окончилъ курсъ во Владимірской семинаріи и почему-то поступилъ на службу въ Томскую епархію.

Діаконъ Иванъ Васильевичъ Зефировъ, сынъ, помнутаго выше, священника Василія Игнатьевича. Отличался необыкновеннымъ здоровьемъ, но голосъ имѣлъ какой-то гугнивый, весьма непріятный для слуха; тѣмъ не менѣе прихожане терпѣли его, какъ доморощевнаго, и даже уважали его какъ человѣка, исправнаго по службѣ, трезваго по поведенію и притомъ очень зажиточнаго. У него было только двое дѣтей—сынъ Василій и дочь Анна. Сынъ его былъ не много моложе меня.

При Благовѣщенской церкви были родственники, хотя и не близкіе,—старшій священникъ о. Трофимъ и діаконъ Василій Прокофьевичъ Соловьевъ—тотъ и другой были въ родствѣ съ нами по своимъ женамъ.

О. Трофимъ—ученый, честный и суровый старецъ. Онъ пользовался въ своемъ кругу большимъ уваженіемъ и былъ даже нѣсколько лѣтъ благочиннымъ. Въ семействѣ своемъ былъ грозенъ. У него былъ сынъ и двѣ или три дочери. Сынъ его Игнатій былъ юноша не бойкихъ дарованій, и отецъ, при его воспитаніи, не шадилъ своего жезла. Старшая дочь его, Анисья Трофимовна, была за помянутымъ выше діакономъ Покровской церкви Иваномъ Васильевичемъ; а младшую онъ пристроилъ на свое мѣсто, выдавъ за студента семинаріи Ивана Петровича Минервина. Когда о. Трофимъ былъ свободенъ отъ чреды служенія при своей приходской церкви, и особенно, когда онъ былъ за штатомъ, онъ часто служилъ у насъ въ Горницахъ, по пригла-

шенію о. Матвѣя, равніа обѣдни, получая за свой трудъ 1827 г. не болѣе пятиалтыннаго или даугривеннаго.

Діаконъ Василій Прокофьевичъ и жена его Александра Васильевна были люди очень добрые и простые. Ихъ семейство состояло изъ трехъ сыновей и одной дочери. Старшій сынъ Алексѣй мой почти сверстникъ и со мной вмѣстѣ учился въ училищѣ и семинаріи.

При такомъ обширномъ родствѣ, жизнь въ Горницахъ не могла быть, конечно, скучною. Впрочемъ, въ домѣ моей матери, кромѣ зятя Левашева, я почти никого не видалъ; но у дяди Петра Ивановича не рѣдко бывали гости, и въ значительномъ числѣ. Храмовые праздники и дни именинъ праздновались довольно шумно и весело. Угощеніе было, разумѣется, весьма изобильное: но предосудительнаго на этихъ пиршествахъ ничего не допускалось. Главную забаву гостей составляло пѣніе, но пѣніе церковное: пѣли, напр., догматики, или какія нибудь канты духовнаго содержания. Главнымъ зачинщикомъ и руководителемъ пѣнія былъ всегда о. Василій Сапоровскій, какъ бывший пѣвчій и музыкантъ. Нѣкоторые гости, преимущественно молодыя женщины, играли иногда въ карты, въ дурачки или въ свои козыри. Любимою же игрою моего дяди и о. Сапоровскаго была игра въ шашки.

До осемилѣтняго возраста я далѣе Дунилова нигдѣ почти не бывала. Разъ только зять и сестра, поѣхавши на Никольскую ярмарку въ сосѣднее село Пунки, отстоящее отъ Горницъ верстахъ въ четырехъ, взяли меня съ собою и тамъ купили мнѣ, не помню, какую-то игрушку. Тутъ же, въ первый разъ, увидѣлъ и монастырь Николо-Шартомскій, о которомъ упомянуто было выше.

Сообщу здѣсь краткія свѣдѣнія объ этой древней обители. Обитель эта исторически извѣстна съ 1425 года. Названіе Шартомской она получила отъ рѣки Шартомы (нынѣ Шатма), впадающей близъ монастыря въ рѣку Тезу. Кѣмъ первоначально основанъ былъ монастырь, неизвѣстно; извѣстно только, что въ XVI вѣкѣ онъ былъ родовымъ кладбищемъ князей Горбатовъ-Суздальскихъ¹⁾. Въ немъ съ

¹⁾ *Собраніе историческихъ свѣдѣній о монастыряхъ*, А. Ратшинъ, М. 1852 г., стр. 32.

1827 г. 1425 года по 1767 годъ настоятелями были архимандриты, затѣмъ уже игумены, а съ 1830 года строители. Между игуменами въ 1780—86 значится Иоасафъ — мой прапрадѣдъ, о которомъ упомянуто было выше ¹⁾).

Въ монастырѣ четыре каменные церкви. Главная изъ нихъ во имя святителя Николая, обширная и величественная, освящена 27 апрѣля 1651 года.

Между священными утварями монастырскими значится рукописное евангеліе, принадлежавшее архіепископу Суздальскому Арсенію Элассонскому, ученому греку († 1630 г.). А въ числѣ старинныхъ грамотъ и бумагъ хранится собственноручное письмо святителя Воронежскаго Митрофана ²⁾).

Насталъ, наконецъ, срокъ записывать меня въ приходское духовное училище, которое находилось въ уѣздномъ городѣ Шуѣ. Пока я находился дома, мнѣ не стригли волосы, а только подстригали кругомъ, какъ это обыкновенно было у крестьянскихъ дѣтей. Теперь нужно было меня остричь, какъ требовалось школьными порядками. Матушка послала меня къ о. Василию Сапоровскому просить, чтобы онъ меня остригъ, а мнѣ приказала остриженные волосы принести ей, — что я, конечно, и исполнилъ. Волосы мои были бѣлые и мягкіе, какъ ленъ. Матушка до конца своей жизни хранила ихъ у себя.

Во второй половинѣ іюля 1827 года матушка повела меня въ г. Шую. День былъ жаркій. Отойдя нѣсколько верстъ, я началъ чувствовать усталость. Къ счастью, насъ догналъ на дорогѣ знакомый матушкѣ крестьянинъ, который также ѣхалъ въ Шую и котораго она упросила посадить меня на телѣгу и подвезть. Добрый крестьянинъ, спасибо, не отказалъ въ ея просьбѣ; меня посадили въ его телѣгу. Но тутъ оказалась другая для меня бѣда: пока лошадь шла шагомъ, матушка не очень далеко отставала отъ насъ и была у меня на глазахъ; но какъ скоро лошадь начинала бѣжать рысью, матушка скрывалась отъ

¹⁾ *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Р. Ц., П. Строева. С-Пб. 1877 г., стр. 681—83.*

²⁾ *Вотъ подробная свѣдѣнія о Николо-Шарт. монастырѣ см. въ книгѣ: Описание г. Шуи, В. Борисова, стр. 191—206.*

моихъ глазъ, и я, опасаясь какъ за нее, такъ и за себя, 1827 г. начиналъ плакать. Наконецъ, такъ или иначе, мы достигли цѣли своего путешествія и, прибывши въ Шую, остановились у родственника своего, діакона кладбищенской Троицкой церкви Григорія Михайловича Дроздова. На другой день матушка повела меня къ смотрителю училища на экзамень. Тотъ заставилъ меня читать сначала по славянски: я прочиталъ бойко; за тѣмъ далъ мнѣ читать, не помню, какую книжку гражданской печати. Я, хотя и могъ довольно хорошо разбирать и гражданскую печать, но не такъ свободно, какъ славянскую; поэтому я, вѣроятно, не считывая на успѣхъ, сконфузился и не могъ слова выговорить, какъ ни ободрялъ меня смотритель. Нужно было при этомъ назначить мнѣ фамилію. Но такъ какъ у моего родителя никакой фамиліи не было, то матушка просила дать мнѣ фамилію моего двоюроднаго брата—Тихомировъ. А отъ кого эта фамилія заимствована была для моего брата, я и теперь не знаю. Отецъ его такъ же, какъ и мой, былъ безфамильный. Скоро затѣмъ мы возвратились домой.

Приближался сентябрь. Нужно было снова въ Шую, но уже не на короткій срокъ. За день или за два до отъѣзда, матушка повела меня ко всѣмъ роднымъ прощаться. Родные, при прощаньи, награждали меня—кто гривенникомъ, кто пятиалтыннымъ, а сестры мои, въ день отъѣзда моего, напутствовали меня горькими слезами, какъ будто отпускали въ рекруты: но я съ спокойнымъ и даже веселымъ духомъ стремился въ школу.

Привезши въ Шую, матушка снова водила меня къ смотрителю и при этомъ принесла ему въ даръ десятокъ очень крупныхъ яблоковъ. Въ Шую меня помѣстили на ту же квартиру, на которой жилъ мой двоюродный братъ Иванъ Тихомировъ, за годъ передъ тѣмъ переведенный во Владимірскую семинарію. Съ нимъ вмѣстѣ квартировали и вмѣстѣ перешли во Владиміръ три брата Соловьевы—Михаилъ, Алексѣй и Николай. Изъ нихъ Алексѣй—впоследствии извѣстный Агаѳангель архіепископъ Волынской († 8-го марта 1876 г.).

Прежде чѣмъ говорить о моемъ начальномъ образованіи въ школѣ, я не излишнимъ считаю познакомить чита-

1827 г. теля съ исторією и характеромъ г. Шуи и Шуйскаго духовнаго училища.

Названіе города Шуи произошло, по всей вѣроятности, отъ положенія его на лѣвомъ (по славянски — шумѣ) берегу рѣки Тезы. Первоначальное основаніе этого города нѣкоторые историки, какъ наприм. Болтинъ, относятъ къ самымъ древнимъ временамъ Россіи¹⁾. Мѣстоположеніе города очень красиво. Онъ расположенъ на берегу Тезы, постепенно возвышающемся отъ запада къ востоку, и высшій пунктъ этой возвышенности изстари называется „крутихой“. Въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, Шуя одинъ изъ замѣчательныхъ уѣздныхъ городовъ Владимірской губерніи. Главную промышленность Шуйскихъ гражданъ составляла торговля англійскою и русскою бумажною, красною и бѣлою, пряжей и производимыми изъ этой пряжи ситцевыми издѣліями. Годовые торговые обороты простирались въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія на сумму до 3-хъ милліоновъ рублей. Больше извѣстныя купеческія фамиліи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ были: Посылины, Киселевы, Корниловы, Носовы и др.

Богатое Шуйское купечество всегда отличалось ревностію о благолѣпіи храмовъ Божіихъ и благотворительностію бѣднымъ.

Въ Шуѣ не очень много церквей, но всѣ онѣ отличаются особеннымъ благолѣпіемъ и снабжены богатыми утварями и ризничными принадлежностями. Всѣхъ церквей въ 1827 году было пять: Воскресенская (соборная), Крестовоздвиженская, Спасская, Покровская и Троицкая (кладбищенская). Впрочемъ, суди по незначительному количеству кореннаго городскаго населенія, церквей приходскихъ было достаточно. Жителей городскихъ обоего пола считалось не болѣе 4000: но при этомъ вдвое больше было пришлаго народу — фабричныхъ мастеровыхъ, и разнаго рода рабочихъ.

Скажу нѣсколько словъ о первыхъ двухъ церквахъ, какъ болѣе примѣчательныхъ по своему богатству.

Воскресенскій соборный храмъ²⁾, въ настоящемъ его

¹⁾ *Описаніе г. Шуи*, В. Борисовъ, стр. 2.

²⁾ Свѣдѣніи о семъ храмѣ заимствованы изъ книги *Описаніе Шуйскаго Воскресенскаго собора*, П. И. Гундобина. М. 1862.

видѣ, существуетъ съ 1799 года. Въ немъ три престола. 1827 г. Главный престолъ во имя Шуѣской — Смоленской иконы Б. Матери, которая составляетъ главную досточтимую святыню храма. О написаніи этой иконы сохраняется слѣдующее сказаніе: „во время свирѣпствовавшей въ 1654 году въ городѣ Шуѣ моровой язвы, благочестивые жители города разсудили написать икону Смоленскія Божія Матери; для чего призвали извѣстнаго имъ по своему благочестію зографа Герасима Тихонова. Тихоновъ съ усердіемъ и благоговѣніемъ приступилъ къ этому дѣлу. Сдѣлавъ первоначально очеркъ иконы, въ томъ видѣ, какъ она обыкновенно изображается, онъ увидѣлъ на другой день собственное свое начертаніе измѣненнымъ и не похожимъ на подлинникъ; правая нога и прочее положеніе младенца Іисуса оказались не въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ начерталъ. Считая такое измѣненіе дѣломъ своей ошибки, онъ исправилъ это; но и на третій день съ недоумѣніемъ и страхомъ увидѣлъ въ такомъ же видѣ св. икону и, не дерзая уже болѣе исправлять ея начертаніе, счелъ это чудомъ и явнымъ дѣйствіемъ невидимой силы Божіей и донесъ объ этомъ начальству и гражданамъ. Тихонову оставалось окончить икону такъ, какъ она начерталась сама; а начертаніе это имѣетъ такой видъ: вмѣсто обѣихъ простертыхъ ногъ, какъ на иконѣ Смоленскія Одигитріи, правая ступень Бого-младенца стоитъ на колѣнѣ лѣвой ноги, придерживаемая Ею лѣвою рукою; а правая рука Ею, держа свитокъ — символъ судебъ всего міра, поставлена локтемъ на правомъ колѣнѣ, такъ что свитокъ находится противъ Ею лица. Такимъ образомъ это самоначертаніе св. иконы было первымъ отъ нея чудомъ; затѣмъ, когда она внесена была въ церковь, послѣдовало второе чудо — просіялъ отъ нея необыкновенный свѣтъ. Третьимъ чудомъ было избавленіе гражданъ отъ моровой язвы. Впослѣдствіи явлено было отъ святой иконы, въ разное время, болѣе 100 чудесъ, описаніе коихъ хранится въ соборной библіотекѣ.

На эту чудотворную икону Богоматери усердіемъ благочестивыхъ гражданъ сдѣлано двѣ драгоценныя ризы: одна серебрянная вызолоченная, украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями, пожертвована купцомъ В. М. Киселевымъ; другая жемчужная, украшенная брилліантами, алма-

1827 г. зами, изумрудами и другими драгоценными камнями, цѣнность коей простирается до 40 тысячъ рублей серебромъ. Риза эта устроена усердіемъ разныхъ dobroхотныхъ дателей.

Въ соборномъ храмѣ, кромѣ этихъ драгоценностей, заключается много другихъ весьма цѣнныхъ предметовъ, какъ-то: въ главномъ алтарѣ облаченіе на престолѣ серебряное чеканной работы, вѣсомъ около 5-ти пудовъ, цѣною до 6¹/₂ тыс. рублей серебромъ; царскія врата также серебряныя вызолоченныя, вѣсомъ 2 п. 15 ф.; въ иконостасѣ на всѣхъ мѣстныхъ иконахъ ризы серебряныя вызолоченныя; священныя утвари: напрестольные кресты, евангелія, священно-служебные сосуды, дарохранительницы—всѣ серебряныя золоченыя и въ большомъ количествѣ, напр. крестовъ 13-ть, евангелій 11-ть и пр. Священническихъ и діаконскихъ облачений—бархатныхъ, газетныхъ и дорогихъ парчевыхъ болѣе 60-ти паръ. Всѣ богатства соборнаго храма цѣнятъ не менѣе какъ въ 200 тыс. рублей серебромъ.

При соборѣ имѣется особая теплая церковь во имя святителя Николая съ придѣломъ въ честь святителя Митрофана Воронежскаго; но она ни размѣромъ, ни украшеніями не соответствуетъ главному храму.

Въ двадцати саженихъ отъ главнаго соборнаго храма возвышается огромная каменная колокольня, вышиною съ шпиремъ около 50-ти саженей. Постройка ея начата еще въ 1810 году, а окончена въ 1832 году. Первоначально строилъ ее архитекторъ италіанецъ Маричелли; но въ 1819 году колокольня, доведенная имъ до третьяго яруса, почти вся разрушилась. Послѣ того постройку ея окончилъ, подъ руководствомъ губернскаго архитектора Петрова, крестьянинъ Владимірскаго уѣзда, Михайла Саватѣевъ. Я былъ очевидцемъ водруженія креста на колокольнѣ. Главнымъ попечителемъ о сооруженіи колокольни былъ соборный староста, почтенный купецъ Димитрій Васильевичъ Корниловъ. Постройка этого громаднаго сооруженія стоила, какъ говорили, 500 тысячъ рублей ассигнаціями (около 150-ти тысячъ рублей серебромъ).

При соборѣ по штату положены были протоіерей, два священника, два діакона, четыре причетника и два звонаря.

Настоятелемъ собора въ 1827 г. былъ протоіерей Алек- 1827 г.
сѣй Никитичъ Никитскій — личность весьма примѣчатель-
ная ¹⁾. Онъ сынъ бѣднаго сельскаго причетника; родился
въ 1746 году; слѣдовательно въ 1827 году ему было бо-
лѣе 80-ти лѣтъ. Первоначальное образованіе получилъ
въ Суздальской семинаріи. Отсюда изъ философскаго класса,
какъ даровитый ученикъ, онъ посланъ былъ, для получе-
ніа высшаго образованія, въ Московскую славяно-греко-
латинскую академію. Тамъ, въ свободные отъ академиче-
скихъ уроковъ часы, онъ слушалъ лекціи по математикѣ,
исторіи, географіи и французскому языку въ Университетѣ.
Получивъ такое высокое и многостороннее образованіе, Але-
ксѣй Никитичъ возвратился въ свою родную Суздальскую
епархію, и здѣсь 22 октября 1776 года рукоположенъ
былъ преосвященнымъ Тихономъ (Якубовскимъ), епископомъ
Суздальскимъ († 1786 г.) во священника къ Шуйскому Воскре-
сенскому собору, а чрезъ два года возведенъ былъ въ санъ
протоіерея. Божественную службу совершалъ онъ съ вели-
кимъ благоговѣніемъ, по монастырскому уставу, безъ вся-
кихъ сокращеній. Въ воскресные и праздничные дни не
рѣдко сказывалъ, и притомъ изъ всего городскаго духовен-
ства только онъ одинъ, проповѣди. Его, какъ извѣстнаго
проповѣдника, неоднократно вызывали, по распоряженію
начальства, для сказыванія проповѣдей, въ епархіальный го-
родъ. Онъ неутомимо занимался чтеніемъ, преимущественно,
отеческихъ писаній на латинскомъ и французскомъ язы-
кахъ. Мнѣ случалось не разъ видать, что онъ и въ кухню,
къ обѣду, не рѣдко приходилъ съ фоліантомъ въ рукахъ.
Но при всѣхъ высокыхъ его уметвенныхъ и нравственныхъ
качествахъ, онъ не чуждъ былъ слабости, которая унижала
и губила его физическія силы. Я разумѣю нетрезвость.
Моя квартира была прямо противъ его дома, и я часто
слыхалъ, какъ онъ во время запоя, кричалъ и ругалъ не-
пристойными словами свою дочь, священническую вдову
Авдотью Алексѣевну, изъ бани, куда она забирала его на
нѣсколько дней для истрезвленія.

¹⁾ Біографическій очеркъ протоіерея А. Н. Никитскаго, оост. свещ.
Евл. Правдинымъ, помѣщенъ въ *Влад. Еп. Вѣд.* 1877 г. № 13, стр.
680—685

1827 г. Совершенною противоположною, въ этомъ отношеніи, составлялъ другой соборный священникъ, Петръ Ивановичъ Яковлевскій. Трезвый, честный, скромный, благоговѣйный мужъ былъ этотъ почтенный іерей. Къ сожалѣнію, онъ не очень долго жилъ. Послѣ его смерти осталось три сына, изъ коихъ два младшихъ, Николай и Александръ, по фамили Минервины, вмѣстѣ со мною учились въ училищѣ и семинаріи.

Третій соборный священникъ, также Петръ Ивановичъ Пѣвницкій, красивый собою, съ черными волосами на головѣ и бородѣ, съ строгимъ львинымъ взоромъ и съ твердымъ до жестокости характеромъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ съ тѣмъ учителемъ, а впоследствии и инспекторомъ училища.

Изъ двухъ соборныхъ діаконовъ, старшій, Кедровъ, красавецъ собою, съ такими же черными, какъ о. Пѣвницкій, волосами, могучій физическими силами и съ сильнымъ басистымъ голосомъ, который, впрочемъ, впоследствии, отъ петrezвой жизни, значительно ослабѣлъ.

Другой соборный діаконовъ Чихачевъ, не высокаго роста, съ пріятною, симпатическою фізіономіею, обладалъ не сильнымъ, но благозвучнымъ голосомъ; былъ знатокъ нотъ и управлялъ небольшимъ соборнымъ хоромъ.

Изъ соборныхъ причетниковъ особенно памятенъ для меня Михайла Иванычъ. Старикъ честный, отличный знатокъ церковнаго устава и простаго церковнаго пѣнія, даже столповаго; голосъ имѣлъ басистый, сильный, но не обработанный.

Ближайшая изъ приходскихъ церквей къ собору, по разстоянію, и по благолѣпію, есть Крестовоздвиженская. Церковь не обширная, но блистающая золотомъ. Сооруженная въ концѣ XVII в. и въ 1693 году освященная, она только лишь въ началѣ текущаго столѣтія приведена въ настоящее блистательное положеніе, благодаря необыкновенному усердію двухъ благочестивыхъ купеческихъ семействъ—Киселевыхъ и Посылиныхъ.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ этихъ ревнителяхъ благолѣпія дому Божію.

Василій Максимовичъ Киселевъ изъ крестьянъ села Кохмы, верстахъ въ 20-ти отъ Шуи. Долго онъ занимался какою-то

мелочной торговлей; но въ 1801 году¹⁾, переселившись въ 1827 г. Шую, онъ открылъ торговлю бумажною пряжей, которая въ большомъ количествѣ требовалась для существующихъ какъ въ городѣ, такъ и во всемъ уѣздѣ мануфактурныхъ заведеній. Годовые обороты торговли постепенно доведены были имъ до огромныхъ размѣровъ. Пряжу получалъ изъ Англіи почти одинъ онъ въ цѣлой Россіи. Въ двадцатыхъ годахъ онъ слылъ уже большимъ милліонеромъ: но не смотря на такое богатство, онъ не позволялъ себѣ никакой почти роскоши. Я помню, что онъ въ воскресные дни приходилъ въ церковь въ нанковомъ или демикотоновомъ сѣромъ сюртукѣ. Характера былъ суроваго и властолюбиваго. Онъ скончался отъ холеры 22 іюля 1831 года. У него былъ единственный сынъ Діомидъ Васильевичъ, черезъ 5 дней (27 числа) скончавшійся послѣ него и оставившій послѣ себя двоихъ сыновей—Ивана 20-ти и Дмитрія 13-ти лѣтъ.

Семейство Посылиныхъ состояло изъ трехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Братья: Степанъ, Алексѣй и Никаноръ Ивановичи, а сестры: Марья и Татьяна Ивановны. Посылины въ одно почти время съ Киселевымъ выѣхали въ Шую изъ села Горницъ—съ моей родины, и завели здѣсь бумаго-прядильную и ситцевую фабрику въ обширныхъ размѣрахъ. Торговлю они вели не только въ Россіи, но и за предѣлами ея—въ Персіи; и, не помню хорошо, кто-то изъ трехъ братьевъ имѣлъ отъ Шаха персидскаго орденъ Льва и Солнца. Семейство Посылиныхъ отличалось примѣрнымъ благочестіемъ. Въ мое время, когда я учился въ Шуѣ, у трехъ братьевъ были не только дѣти, но и внуки. Бывало, въ праздничный день, все они придутъ въ приходскую церковь и станутъ у столба за правымъ клиросомъ въ стройномъ порядкѣ—старшіе позади, а младшіе впереди; стоять въ храмѣ Божіемъ чинно и благоговѣнно. Старшій изъ братьевъ любилъ читать иногда при богослуженіи.

Разъ, я помню, читалъ онъ за всеюшней шестопсалміе

¹⁾ По другимъ извѣстіямъ, въ 1795 г. (см. Влад. Ев. Вид. за 1850 г. № 23, стр. 694). О капиталѣ и торговыхъ оборотахъ внуковъ Киселевыхъ см. въ Киселевскихъ Владим. губ. старинн. комитета, т. III, 1880 г. стр. 29 и сл.

1827 г. съ такимъ умиленіемъ, что у меня, ребенка невольно изъ глазъ текли слезы.

И эти-то два богатые и благочестивыя семейства, движимыя любовію и усердіемъ къ своему приходскому храму, который до начала нынѣшняго столѣтія не отличался особеннымъ благолѣпіемъ, приступили къ обновленію и украшенію его. И вотъ въ какомъ видѣ явился этотъ храмъ къ сентябрю 1823 года, когда онъ вновь былъ освященъ преосвященнымъ Пароеніемъ, епископомъ Владимірскимъ. Иконостасъ съ большими колоннами и весьма искусною мелкою работою сплошь вызолоченъ червоннымъ золотомъ на полиментъ. За рѣзбу иконостаса заплачено около 60-ти тысячъ рублей ассигнаціями (17 тысячъ рублей серебромъ); за позолоту 110 тысячъ рублей (33 тысячи рублей серебромъ);—итого около 170-ти тысячъ рублей. 30 тысячъ рублей ассигнаціями пожертвованы купцами Посылиными; остальные 140 тысячъ употребили изъ своихъ суммъ Киселевъ.

Стѣны алтаря и церкви расписаны въ лучшемъ видѣ мастеромъ, крестьяниномъ села Тейкова Тимошеемъ Медвѣдовымъ за 13-ть тысячъ рублей ассигнаціями.

Престолъ въ главномъ алтарѣ бронзовый, чрезъ огонь вызолоченный, на бѣломъ мраморномъ основаніи, устроенъ В. М. Киселевымъ на сумму 12,500 рублей. Вокругъ престола сдѣланъ футляръ изъ цѣльныхъ шлифованныхъ стеколъ, въ бронзовыхъ позлащенныхъ рамахъ.

Ковчегъ серебряный вызолоченный, у коего куполь поддерживается 12-ю колоннами. Заплачено за него купцами Посылиными 22,500 р.

Евангеліе въ серебряныхъ вызолоченныхъ доскахъ самаго большого формата приобрѣтено Киселевымъ за 10,400 р.

Сосуды съ принадлежностями, вѣсомъ 14 ф. 72 зол., цѣною въ 3,750 р. пожертвованы А. И. Посылинымъ.

Въ этомъ же родѣ и прочія священныя утвари.

Иконы не только въ главномъ иконостасѣ, но и по стѣнамъ всѣ покрыты серебряными золочеными ризами, а нѣкоторыя украшены, сверхъ сего, жемчугомъ и драгоценными камнями. Между святыми иконами заслуживаетъ особеннаго вниманія образъ Успенія Божіей Матери, древняго греческаго писма, на кедровой доскѣ, съ слѣдующею внизу греческою подписью: *Αἴγις τοῦ δοῦλου τοῦ Θεοῦ Νικο-*

ἄν Σοκαρά καὶ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Ἀννης, ἀφ᾽ ἧς, μαίον, ἰνδ. ἰθ, τ. е. 1827 г.

„Моленіе раба Божія Николая Сокара и матери его Анны, 1566 года маія, инд. 14^а. Икона въ великолѣпной кіотѣ, но безъ ризы; пріобрѣтена В. М. Киселевымъ, на моей памяти, въ Москвѣ отъ какого-то иностранца за 15 тысячъ рублей серебромъ, какъ говорили тогда.

Священническихъ и діаконскихъ облаченій въ Крестовоздвиженской церкви количествомъ меньше, чѣмъ въ соборѣ, но изяществомъ и цѣнностію они превосходятъ. Многія изъ этихъ облаченій украшены жемчугомъ и дорогими камнями.

Богатство Крестовоздвиженскаго храма, какъ и соборнаго, оцѣнивалось въ 700 тысячъ рублей ассигнаціями (200 тысячъ рублей серебромъ)¹⁾.

При Крестовоздвиженской церкви было два причта, а при прочихъ приходскихъ церквахъ по одному.

Сообщу за тѣмъ предварительныя свѣдѣнія о духовномъ училищѣ.

Оно открыто въ 1816 году, 24-го сентября. Открытіе происходило въ присутствіи преосвященнаго Ксенофонта, епископа Владимірскаго и инспектора Владимірскаго семинаріи, архимандрита Іосифа.

Домъ для училища каменный, одноэтажный, пожертвованъ былъ купцами Носовыми. Прочіе значительные граждане, приглашенные на торжество открытія училища, сдѣлали денежныя приношенія. Училище находилось вблизи соборной колокольни на базарной площади. Когда я поступилъ въ училище, всѣ четыре класса помѣщались внизу; но года черезъ два, надъ каменнымъ зданіемъ надстроено былъ деревянный мезонинъ съ балкономъ. Туда переведено было высшее отдѣленіе уѣзднаго училища.

Первымъ смотрителемъ Шуйскаго духовнаго училища былъ протоіерей Василій Ивановичъ Смирновъ, человекъ почтенный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, какъ духовенства, такъ и гражданъ. Гдѣ онъ самъ получилъ высшее

¹⁾ Свѣдѣнія о Крестовоздвиженской церкви заимствованы изъ двухъ брошюръ одинаковаго почти содержанія, изъ коихъ одна — произведеніе протоіерея этой церкви В. И. Смирнова, М. 1839 г., а другая — купца П. Гундобина, Владиміръ, 1860 г.

1827 г. образованіе, я хорошо не знаю; вѣроятно въ Лаврской Троицкой семинаріи: но извѣстно, что онъ былъ преподавателемъ во Владимірской семинаріи. Сдѣлавшись смотрителемъ Шуйскаго училища, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ определенъ былъ настоятелемъ церкви села Васильевского, въ 18-ти верстахъ отъ г. Шуи; жилъ онъ постоянно въ Шуѣ, а въ Васильевское, для служенія, ѣздилъ только по праздникамъ. Въ Васильевскомъ, кромѣ него, было еще три священника. Въ должности смотрителя о. протоіерей Смирновъ оставался до 1829 года. Къ нему-то приводила меня матушка на первоначальное испытаніе.

Инспекторомъ, при моемъ поступленіи въ училище, былъ священникъ Троицкой церкви Иванъ Алексѣевичъ Субботинъ ¹⁾. Не высокаго роста, сухощавый, съ кудрявыми, русыми волосами, лишенный одного глаза, но чрезвычайно дальнозоркій, глубоко-религіозный и строгихъ правилъ жизни; отличный латинистъ и вообще основательно образованный человекъ. Онъ переведенъ въ Шую изъ Переславскаго духовнаго училища, гдѣ былъ учителемъ. Въ отношеніи къ старшимъ и неблагоправнымъ ученикамъ былъ очень строгъ, но къ намъ, ученикамъ перваго класса, былъ отечески—снисходителенъ.

Квартира, на которой я былъ помещенъ, считалась одною изъ лучшихъ городскихъ ученическихъ квартиръ, какъ по близости къ училищу и церкви (вблизи собора), такъ и по нравственному надзору. Хозяйка квартиры — Александра Ивановна Болотова, дѣвица лѣтъ 60-ти, весьма набожная и строгихъ нравственныхъ правилъ. Грамоты не знала, но совершала весьма продолжительныя молитвы каждую ночь. Зимой, въ воскресные и праздничные дни, какъ бы рано заутрени въ соборѣ ни начиналась, она по первому удару колокола сама встанетъ и насъ всѣхъ разбудитъ, и отнюдь никому не позволитъ остаться дома — всѣхъ непременно отправитъ въ церковь, а лѣтомъ бывали такіе случаи: найдетъ ночью гроза съ молніею и громомъ; Александра Ивановна непременно разбудитъ насъ и, зажегши предъ иконами свѣчку, заставитъ молиться Богу и читать какой-нибудь

¹⁾ При открытіи училища онъ читалъ сочиненную имъ оду, которая напечатана во *Влад. Ев. Вѣд.* 1884 г. № 5, стр. 141.

акавиистъ. Родители, поставляя къ ней на квартиру дѣтей, 1827 г. вручали ей небольшую ременную плетку о двухъ хвостахъ, чтобы она усмиряла ея рѣзвыхъ и непослушныхъ. Бывало, у печи на гвоздѣ всегда видишь нѣсколько такихъ орудій казни, и они не оставались безъ употребленія. Вручила ли Александрѣ Ивановнѣ плетку моя матушка, не знаю: но я не помню, чтобы мнѣ случилось когда нибудь подвергаться наказанію. Правда, на первой или на второй недѣлѣ моего поступленія на квартиру, я, при игрѣ съ товарищами въ бабки, разбилъ въ окнѣ сѣней у задней избы стекло: но этотъ неамѣренный дѣтскій проступокъ, кажется, на первый разъ былъ мнѣ прощенъ; а послѣ уже ничего подобнаго со мною не случилось. Александра Ивановна ко мнѣ, какъ сиротѣ и хорошему ученику, всегда была добра и особенно внимательна. Бывало, каждую почти субботу она имѣла обыкновеніе печь блины; и когда мы собираемся итти въ школу, она на ухо шепчетъ, чтобы я или остался на нѣкоторое время дома, или, прослушавшись въ школѣ у аудитора, поскорѣе вернулся на квартиру, гдѣ меня ожидали горячіе блины. На квартирѣ же насъ всегда было не больше 7 или 8 человѣкъ; да больше нельзя было и помѣстить, потому что мы занимали одну только комнату, въ которой при томъ помѣщалась и сама хозяйка, да и не одна, а съ своей вдовою неувѣсткой, женой умершаго брата ея. При избѣ, чрезъ сѣни, была еще комната, но холодная. Въ ней хранились наши сундучки съ бѣльемъ и другими пожитками. У каждаго изъ насъ была своя постель, т. е. войлокъ, обшитый холстомъ и подушка; были ли у кого нибудь одѣяла, не помню: но, кажется, не было; одѣвались своимъ платьемъ. Спали всѣ на полу, и каждый самъ для себя приготовлялъ и убиралъ свою постель. Столъ у насъ былъ общій свой, но капуста для щей, квасъ и соль были хозяйскіе; сверхъ сего еженедѣльная баня и мытье бѣлья также отъ хозяйки, — и за все это мы платили, сколько бы вы думали? — по 15 рублей ассигнаціями (4 р. 43 коп. серебромъ) въ годъ. Судя по нынѣшнему времени, это баснословная дешевизна.

Неувѣстка Александры Ивановны, о которой я упомянулъ, Аграфена Петровна была личность иныхъ качествъ и иныхъ правилъ. Ея занятіемъ была торговля пряниками, орѣхами

1827 г. и другими лакомствами. Предметы ея торговли составляли для насъ не малое искушеніе. Бывало, въ той самой избѣ, въ которой жили мы, она калила на печи свои орѣхи: нужно было обладать большою силою воли, чтобы не допустить себя до нарушенія 8-й заповѣди Божіей и не прикоснуться рукою къ разсыпаннымъ на глазахъ орѣшкамъ. Свободенъ былъ для насъ доступъ и туда, гдѣ хранились хозяйскіе пряники и другія сласти.

Въ одномъ съ нами домѣ, чрезъ стѣну, жилъ племянникъ Александры Ивановны, купецъ Яковъ Егорычъ Болотовъ. Жена его Аграфена Аванасьевна не отличалась благоповеденіемъ; по временамъ сильно предавалась нетрезвости. Не чуждъ былъ и онъ этой слабости. Послѣдствіемъ сего не рѣдко бывали семейныя сцены самыя безобразныя и возмутительныя: иногда въ полночь, вдругъ слышимъ за стѣной шумъ, брань, рыданія и стоны; и это продолжалось, съ большими или меньшими промежутками, во все время моего ученія въ школѣ....

Довольно. Пора наконецъ приступить къ повѣствованію о моемъ школьномъ образованіи.

Ученіе началось, безъ сомнѣнія, молебствіемъ, хотя этого я хорошо не помню. Когда мы собрались въ классъ, насъ—новобранцевъ разсадили на скамьяхъ за однимъ длиннымъ столомъ по мѣстамъ. Я не знаю, кто и почему меня посадилъ на первое мѣсто. Можетъ быть, я ранѣе другихъ явился съ матерью къ смотрителю и былъ первымъ записанъ у него въ списокъ.

Учителемъ былъ у насъ священникъ Крестовоздвиженской церкви Яковъ Ивановичъ Орловъ, дальній мнѣ родственникъ, хотя объ этомъ родствѣ, въ то время, ни онъ, вѣроятно, ни я понятія не имѣли. Предметами ученія были: славянское, русское и латинское чтеніе, чистописаніе, начальныя правила ариѳметики и нотное пѣніе. Послѣднее всегда было послѣ обѣда. Поэтому на мнѣ, какъ на цензорѣ, лежала обязанность предъ классомъ итти на домъ къ учителю и спрашивать, пожалуетъ ли онъ въ классъ или нѣтъ. А такъ какъ въ эти часы онъ всегда отдыхалъ и иногда, послѣ исправленія мірскихъ требъ, спалъ очень крѣпкимъ сномъ, то домашніе не всегда рѣшались и могли его разбудить; а если и пробуждали, то онъ не всегда чувствовалъ себя распо-

ложеннымъ итти въ классъ и предоставлялъ намъ однимъ 1827 г. упражняться въ пѣніи. Какъ бы то ни было, но когда мы преодолѣли потную азбуку со всѣми мудреными ея варіаціями и приступили къ разучиванію предназначеннаго вечерняго псалма: *Благослови душе моя Господа*, сначала „по солямъ“, какъ у насъ тогда говорили, а потомъ по тексту, — къ намъ въ классъ явился, не помню съ кѣмъ, соборный діаконъ Чихачевъ для набора въ соборный хоръ пѣвчихъ; для сего онъ началъ испытывать голоса всѣхъ учениковъ, начиная съ меня. Когда я началъ пѣть означенный псаломъ своимъ натуральнымъ, необработаннымъ голосомъ, экзаменаторы, расхохотавшись, отошли отъ меня, и я былъ сконфуженъ.

Прошла первая учебная треть. Предъ святками были, по тогдашнему уставу духовныхъ училищъ, экзамены, къ которымъ учителя должны были составлять разрядные списки учениковъ. Я не помню, хорошо ли, худо ли училъ насъ о. Іаковъ: но у меня до сихъ поръ сохранился въ памяти одинъ его урокъ. Въ день нашего экзамена предъ Рождествомъ, Яковъ Ивановичъ пришелъ въ классъ ранѣе обыкновеннаго и, давши мнѣ въ руки свернутый въ трубку разрядный списокъ, строго приказалъ никому его не показывать, а самъ вышелъ въ сѣни, для бесѣды съ другими учителями, въ ожиданіи прибытія смотрителя. Между тѣмъ, приступилъ ко мнѣ оставленный въ первомъ классѣ на повторительный курсъ, на пятый или уже на шестой годъ, ученикъ Петръ Соколовъ — четырнадцати или пятнадцати лѣтъ дѣтина, по выраженію Духовнаго Регламента, непобѣдимой злобы, — приступилъ и настойчиво требовалъ, чтобъ я показалъ ему списокъ; но какъ я не могъ исполнить его нахальнаго требованія, то онъ вырвалъ у меня списокъ и, показывая его другимъ ученикамъ, измѣлъ и запачкалъ. Вдругъ входитъ учитель и, увидѣвши, что списокъ запачканъ, не произведя никакого изслѣдованія, — да и некогда было производить его, потому что шелъ уже смотритель, — далъ мнѣ такую пощечину, которая и до сихъ поръ отзывается въ моихъ ушахъ.

Кстати объ ученикѣ Соколовѣ. Въ то время, когда я учился въ училищѣ, училищное начальство, по какимъ, не знаю, расчетамъ и побужденіямъ, оказывало чрезмѣрное и,

1827 г. по моему мнѣнію, не умѣстное снисхожденіе къ лѣнивымъ и не способнымъ ученикамъ, держа ихъ по пяти, шести и, болѣе лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ. Эти лѣнтля и, болѣею частію, негодяи оказывали на своихъ младшихъ товарищей по классу самое зловредное вліяніе.

Насталъ наконецъ вождельный день отпуска, и я съ восторгомъ полетѣлъ домой для свиданія съ доброй матерью и любящими меня сестрами. Впрочемъ, сердобольная мать моя, отдавши меня въ школу, почти каждую недѣлю посѣщала меня, принося съ собою одобные пирожки и лепешки. Но разъ великую причинилъ я ей скорбь. — Вскорѣ, по поступленіи моемъ въ училище, мнѣ приключилась болѣзнь — желтуха (Icterus). Узнавши объ этомъ, матушка, разумѣется, поспѣшила ко мнѣ: но какъ помочь бѣдѣ, чѣмъ лѣчить мою болѣзнь? — Не знаю кто то ей сказалъ, что въ этой болѣзни помогаетъ можжучный квасъ, и полезно смотрѣть на живую щуку. Квасъ былъ немедленно приготовленъ; купили живую щуку и, положивши ее въ глубокое блюдо съ водой, заставили меня на нее смотрѣть ¹⁾. Не знаю, отъ того или отъ другого изъ этихъ двухъ средствъ, но моя болѣзнь, къ великому утѣшенію матери, скоро миновала и больше уже не возвращалась.

Въ праздникъ Рождества Христова причтъ Горицкой церкви изстари ходилъ, для славленья по домамъ, въ полномъ своемъ составѣ; брали и насъ съ сыномъ пономаря. Въ первый день праздника всегда соблюдался такой обычай: послѣ утрени, которая въ этотъ день начиналась въ 11 часовъ предъ полуночью и продолжалась часа четыре и даже болѣе, — шли въ извѣстный домъ, въ которомъ священникъ, возложивъ на себя епитрахиль, бралъ въ руки крестъ и, пропѣвши въ этомъ домѣ положенныя пѣснопѣнія, отирались всѣ съ открытыми головами, какъ бы ни былъ великъ морозъ, въ слѣдующій домъ, и такимъ образомъ обошедши всю, такъ называемую, кривую улицу, состоящую изъ 20 или 30 дворовъ, возвращались домой; а за тѣмъ на разсвѣтѣ, часовъ въ 8 утра, ударяли въ колоколъ къ

¹⁾ Эти простыя средства противъ желтухи допускаются и медициною. См. напр., сочиненіе доктора *Андреевскаго*: „Школа здоровья“, М. 1879 г. ч. II, стр. 283. 285.

литургии. После литургии шли на следующую улицу и 1827 г. обходили дома таким же порядкомъ. Въ некоторыхъ домахъ предлагаемо было угощеніе чаемъ или закуской. Хожденіе по домамъ въ селѣ продолжалось не болѣе двухъ дней; на третій день отиралялись въ деревни, коихъ въ Горницкомъ приходѣ было только двѣ и не въ дальнемъ отъ села разстояніи: но туда насъ дѣтей никогда не брали. Отъ хожденія по домамъ мнѣ доставалось рубля два мѣлю, и этотъ доходъ я сполна отдавалъ своей матери.

1828 г.

7-го января 1828 года скончалась моя бабушка Анна Васильевна, жившая у своего сына, діакона Петра Ивановича. Она часто болѣла и прежде, но выздоравливала. Однажды, помню, — это было лѣтомъ, — ее соборовали масломъ; у ней была какая-то особенная болѣзнь: лице опухло и глаза закрыты были вѣками. Однакожь она оправилась послѣ этой болѣзни.

Покойная бабушка, разумѣется, любила наше семейство; но она боялась обнаруживать эту любовь изъ опасенія гнѣва своей невѣстки, жены ея сына.

Татьяна Ивановна, — такъ звали ея невѣстку, — почему-то не жаловала мою мать.

Бабушка Анна Васильевна имѣла обыкновеніе носить при себѣ мѣдныя деньги, вѣроятно, для подаенія нищимъ. Однажды, лѣтомъ, гуляя на улицѣ, я забѣжалъ на дворъ дяди, а бабушка сидѣла въ сѣняхъ на порогѣ. Подозвавши меня къ себѣ, она вынула изъ кармана нѣсколько мѣдныхъ денегъ и, давши мнѣ въ руку, велѣла скорѣе уйти со двора, чтобы ея домашніе не замѣтили этого. Денегъ у меня въ рукѣ оказалось, какъ теперь помню, тринадцать копѣекъ.

Я былъ очевидцемъ кончины бабушки, но при погребеніи ея меня уже не было; меня отвезли въ Шую учиться. Но недолго пришлось учиться; недѣли чрезъ три или четыре насъ снова распустили по домамъ въ сырную недѣлю: впрочемъ, на первой недѣлѣ поста, для говѣнія, велѣно было возвращаться назадъ. Для исповѣди послали насъ, учениковъ 1-го и 2-го класса приходскаго училища, къ за-

1828 г. штатному священнику Троицкой церкви о. Михаилу. Исповѣдь наша ограничилась только тѣмъ, что о. Михаилъ велѣлъ всѣмъ намъ пасть на полъ, и прочитавши надъ нами разрѣшительную молитву, отпустилъ насъ домой. Этого и можно было ожидать отъ о. Михаила, который не отличался ни образованіемъ, ни трезвостію. Его достоинство состояло только въ сильномъ голосѣ-октавъ, которую мы слышали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ соборѣ, куда онъ часто приходилъ и становился на правомъ клиросѣ.

Когда мы послѣ мнимой исповѣди, большою толпою, возвращались домой, нашъ путь лежалъ мимо одной фабрики. Фабричные мальчишки, вѣроятно, въ этотъ часъ свободные отъ работы, внезапно напали на насъ, какъ злые амаликитяне на израильтянъ въ пустынѣ. Мы, маленькіе мальчишки, бросились бѣжать и спаслись отъ побоевъ бѣгствомъ; но старшіе между нами по лѣтамъ и болѣе крѣкіе силами, въ родѣ помянутаго выше Петра Соколова, не сробѣли и вступили съ фабричными варварами въ битву. Но на чьей сторонѣ осталась побѣда, не знаю. Такъ мало было за нами нравственнаго надзора!...

Скоро промелькнулъ великій постъ. На страстную седмицу и Пасху мы опять въ родительскихъ домахъ. Каждый день я въ церкви за службой, а службы у насъ, особенно на страстной недѣлѣ, весьма продолжительны. Въ первые три дня прочитываются священникомъ всѣ четыре евангелиста. О томъ, какъ встрѣчался у насъ свѣтлый день Пасхи, я говорилъ уже выше. Здѣсь расскажу, какъ совершалось у насъ хожденіе по домамъ со святынею. Между утреней и обѣдней не было хожденія, какъ это обыкновенно водилось въ праздники Рождества Христова. Послѣ литургии, которая обыкновенно въ этотъ день начиналась и оканчивалась очень рано, причтъ расходился на короткое время по домамъ для отдохновенія и обѣда. Затѣмъ, собравшись опять въ церковь, священникъ возлагалъ на себѣ епитрахиль и ризу и бралъ въ руки напрестольный крестъ, діаконы облачались въ стихарь и брали евангеліе, дьячекъ образъ Воскресенія Христова, пономарь братскую кружку (на Рождествѣ прихожане давали каждому члену порознь, а на Пасхѣ — всѣмъ вмѣстѣ); сверхъ сего, два крестьяни-

на, которые обыкновенно прислуживали въ церкви и помо- 1828 г.
гали пономарю по праздникамъ звонить на колокольнѣ, несли
впереди запрестольные—крестъ и икону Богоматери, и называ-
лись богоносцами. Съ такою процессіею отправлялись изъ
церкви, при пѣніи тропаря: *Христосъ воскресъ*, въ при-
ходскіе дома, и въ каждомъ домѣ совершался пасхальный
молебенъ съ пѣніемъ пасхальныхъ ирмосовъ и съ чтеніемъ
воскреснаго евангелія: *Единии надєсяте ученицы*. Въ
каждомъ домѣ, сверхъ денежной дачи, на столѣ пригото-
вленъ былъ хлѣбъ и блюдо съ крашеными яицами. Хлѣбъ
обращался въ общую пользу причта; а яйца каждый бралъ
изъ блюда своею рукою—священникъ не менѣе двухъ яицъ,
а прочіе по одному. Съ причтомъ ходила по домамъ и моя
мать, какъ просвирня, а при ней и я съ корзиною, или
съ чѣмъ случилось, для собиранія яицъ.

Свѣтлая недѣля въ нашихъ селахъ проходила чрезвычай-
но весело: съ утра до вечера неумолкаемый звонъ на ше-
сти колокольняхъ въ такіе большіе колокола, о которыхъ
я упоминалъ выше; толпы разряженныхъ крестьянъ и въ
особенности крестьянокъ разгуливаютъ по высокимъ горамъ
и холмамъ около церквей и на поляхъ; любятъ широкимъ
разливомъ рѣки между двумя большими селами. Вся недѣля
праздновалась какъ одинъ день.

Послѣ Пасхи опять въ Шую; но здѣсь лѣтомъ стало
для насъ гораздо веселѣе, чѣмъ было зимой. Наши игры и
дѣтскія забавы не ограничивались уже хозяйскимъ дворомъ.
Бывало, въ субботу послѣ обѣда, когда классовъ не было,
и въ воскресенье старшіе ученики пойдутъ за городъ въ
лѣсъ или на рѣку ловить рыбу: возьмутъ и насъ собою:
какое удовольствіе, какая радость быть на чистомъ, воль-
номъ воздухѣ! Но эта радость обращалась иногда и въ
плачь. Узнаетъ начальство о нашей самовольной отлучкѣ
за городъ: старшихъ выѣчетъ розгами, да и намъ при-
грозить.

За то, когда наставалъ благословенный май, мы поль-
зовались уже всякаго рода увеселеніями и прогулками за
городъ законнымъ порядкомъ. 1-го мая, собравшись въ
школу, кричимъ бывало цѣлымъ хоромъ: „ай, ай—пришелъ
мѣсяцъ май, май“. Въ наше время, май мѣсяцъ почти на
половину проходилъ въ такъ называемыхъ рекреціяхъ:

1828 г. бывало до десяти и даже болѣе этихъ рекреаций. А рекреации эти совершались такимъ образомъ. Въ извѣстный день (1-го числа, если не былъ праздничный день, рекреация была уже неотложно, не взирая ни на какую погоду) — рано утромъ всѣ ученики, собравшись въ училище, отправляются массою, подъ предводительствомъ старшихъ, къ квартирѣ смотрителя и начинаютъ пѣть сначала умѣреннымъ тономъ: „Reverendissime Pater Rector, recreationem humillime rogamus“ (т. е. „достопочтеннѣйшій отецъ Ректоръ, смиреннѣйше просимъ рекреации“). Если смотритель послѣ этого возглашенія не подходилъ къ окну, то пѣніе повторялось, но уже болѣе возвышеннымъ тономъ; если же и послѣ этого ученики не видѣли смотрителя въ окнѣ: начинали снова повторять означенныя слова во все, какъ говорится, горло, такъ что крикъ двухъсотъ или болѣе голосовъ (а между ними были и очень сильныя) раздавался едва не по всему городу. Тогда смотритель или высылалъ сторожа съ метлой гнать отъ дома назойливыхъ просителей, или открывая окно, съ благосклонною улыбкою давалъ рекреацию. Въ послѣднемъ случаѣ ученики въ восторгѣ прокричавъ: *gratias agimus* (благодаримъ), какъ дождь разсыпались по всѣмъ направлениямъ къ своимъ квартирамъ. При смотрителѣ Василіѣ Ивановичѣ Смирновѣ бывали и такіе курьезы. Онъ былъ весьма благообразенъ и сановитъ, но въ головѣ имѣлъ большую лысину. Для рекреаций обыкновенно старались избирать дни ясные и теплыя: но у нашей братіи — школьничковъ не всегда доставало терпѣнія дожидаться ясныхъ дней и теплой погоды. Идемъ, бывало, къ Василію Ивановичу просить рекреацию, а небо пасмурное. Василій Ивановичъ выйдетъ на крыльцо и, показывая на небо, благодушно скажетъ намъ: „развѣ не видите, ребята, какая на небѣ пасмурная погода?“. Нѣтъ, Василій Ивановичъ, кричатъ ему въ отвѣтъ, — отъ Васильевского-то залысилось, залысилось (а Васильевское село къ востоку отъ Шуи). Добрѣйшій Василій Ивановичъ раземѣется и дастъ рекреацию.

День рекреации проходилъ у насъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ. Съ утра до двухъ часовъ по полудни играли во всевозможныя игры, преимущественно въ бабки, на квартирахъ, или на улицахъ въ городѣ; а въ два часа

отправлялись за городъ, въ какую либо рошу, по указанію 1828 г. начальства.—чаще всего ходили въ березовую рошу, за село Мельничное, версты двѣ или три отъ города. Туда за нами тянулись изъ города цѣлые обозы торговцевъ съ калачами, пряниками, орѣхами, съ моченою грушей и съ грушевымъ квасомъ. Въ рошѣ ученики устроили качели, играли въ мячъ, въ бабки, въ горѣлки, хоромъ пѣли пѣсни, однимъ словомъ, удовольствіямъ и забавамъ не было конца. Часа въ четыре появлялись туда наши власти и учителя съ своими семействами, приглашали съ собою и нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ гражданъ. Начальство и гости упражнялись въ игрѣ въ маршалки (кегли), пили чай и при томъ съ нѣкоторымъ приложеніемъ: въ то время была въ большомъ употребленіи французская водка—кизлярка: о ромѣ, кажется, еще не имѣли понятія; за тѣмъ десертъ, а къ вечеру закуска. Необходимою принадлежностію почти каждой рекреациі были сценическія представленія на открытомъ воздухѣ, среди обширной лужайки; при этомъ изъ учениковъ дѣлалась кругомъ сцены живая ограда. Играли, почти каждый годъ, комедію Фонъ-Визина: „Недоросль“ и нѣкоторыя другія, коихъ названія хорошо не знаю. Заранѣе, конечно, изъ учениковъ избирали подходящіе къ той или другой роли типы. Помню, въ роль дровосѣка не разъ избирался одинъ ученикъ огромнаго роста, кривой и рябой. Наряжали его въ крестьянскій костюмъ; вмѣсто сапоговъ онъ долженъ былъ обуваться въ лапти, но для его огромныхъ ногъ нигдѣ въ городѣ лаптей найти не могли. Поэтому когда надѣвалъ онъ лапти, какіе случались,—его пяты далеко выдвигались изъ-за лаптей. Эта картина больше комедіи возбуждала всеобщій смѣхъ.

Послѣ цѣлодневныхъ подвиговъ въ разнообразныхъ играхъ мы не безъ труда возвращались изъ роши домой, иногда довольно позднимъ вечеромъ, и скорѣе бросались въ постель, забывая и объ ужинѣ.

На другой день сонъ нашъ, естественно, былъ продолжительнѣе обыкновеннаго и мы иногда опаздывали придти въ классъ, но съ насъ за это уже не взыскивали, да и взыскивать было не кому, потому что наставники еще позднѣе насъ являлись къ своей должности.

Такъ проходилъ май. Въ іюнѣ мы занимались ученіемъ

1828 г. съ удвоеннымъ уже усердіемъ, хотя субботнія и праздничныя прогулки за городъ не прекращались не смотря на запрещенія начальства. Въ первыхъ числахъ іюля, среди неспосной жары и духоты, начинались годичныя испытанія; около 14-го числа былъ ежегодно публичный экзамень. Къ этому торжественному акту были у насъ не малыя приготовленія. Дня за два или за три посылали учениковъ, освободившихся отъ частныхъ экзаменовъ, въ поле за цвѣтами и въ лѣсъ за древесными листьями, преимущественно кленовыми. Въ каждомъ почти курсѣ было по одному или по два ученика, свѣдущихъ нѣсколько въ рисованіи и декоративномъ искусствѣ. Эти-то доморощенные художники и принимали на себя заботу приготовить къ публичному экзамену довольно большую залу, гдѣ, какъ выше было сказано, помѣщалось высшее отдѣленіе училища. Изъ кленовыхъ листьевъ дѣлали они гирлянды и украшали ими каѳедру, двери и окна въ залѣ, а изъ цвѣтовъ выкладывали на полу предъ каѳедрою коверъ съ разными эмблематическими фигурами въ родѣ утренней зари и съ латинскою подписью: *augoга musis amica*.

Публичные экзамены происходили всегда послѣ обѣда. Часа въ четыре собиралась училищная корпорація и приглашенная по билетамъ вышая городская публика. При входѣ зрителя въ залу пѣвчіе пѣли: *Царю небесный*. За тѣмъ кто-нибудь изъ учителей говорилъ привѣтственную рѣчь; далѣе производилось испытаніе избранныхъ лишь учениковъ всѣхъ классовъ по разнымъ предметамъ; между испытаніемъ, для развлеченія и увеселенія публики, пѣли концертъ, въ которомъ всегда участвовалъ съ своимъ сильнымъ басомъ соборный діаконъ Кедровъ; въ заключеніе читались разрядные списки учениковъ и раздавались награды — похвальные листы. Это — свидѣтельство о поведеніи и успѣхахъ того или другого ученика, подписанное зрителемъ съ приложеніемъ училищной печати и написанное на четверткѣ (это для младшихъ классовъ), или на полулистѣ (для старшихъ) съ разрисованными полями и съ такимъ же вѣвкомъ вверху, гдѣ изображалась птичка, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Получить въ торжественномъ собраніи такую лестную награду составляло для насъ, лучшихъ учениковъ, верхъ блаженства. Я каждый годъ получалъ такіа

награды и принося ихъ домой, доставлялъ не малое удо- 1828 г.
вольствіе матери и сестрамъ. Всѣ, полученныя мною по-
хвальные листы долгое время хранились и украшали стѣны
горницы нашего дома и затѣмъ куда-то утратились.

По окончаніи всего, пѣвчіе пѣли: *Достойно есть...* и
учениковъ отпускали по квартирамъ, а начальство и гости
оставались еще въ залѣ и продолжали, долго продолжали
испытаніе—разныхъ бутылочекъ, хранившихся до того въ
библіотечной комнатѣ. Въ то же время испытываемо было
и усердіе почтенныхъ гостей, большею частію богатыхъ куп-
цовъ, къ поддержанію благосостоянія юнаго духовнаго верто-
града. Предлагался имъ листъ бумаги, не знаю расписанный
или нѣтъ; только я слыхалъ, что на этомъ листѣ, подъ влія-
ніемъ добрыхъ впечатлѣній, оказывались довольно порядоч-
ныя цифры. Но на какіе именно предметы употреблялись
эти доброхотныя приношенія, я въ точности не знаю.

На слѣдующій день, въ соборѣ совершался благодарствен-
ный молебень въ присутствіи всѣхъ наставниковъ и учени-
ковъ, а затѣмъ въ классахъ намъ раздавали увольнитель-
ные билеты. Пообѣдавши на скорую руку, мы спѣшили
домой, разумѣется, пѣшкомъ,—и чрезъ три-четыре часа я
былъ уже въ объятіяхъ своей матери и сестеръ.

Какъ проведена была мною первая вакація послѣ школь-
ныхъ занятій, теперь припомнить не могу, но по всей вѣ-
роятности очень весело и спокойно.

Здѣсь скажу нѣсколько словъ о привитіи мнѣ оспы, ко-
торая до поступленія моего въ училище не была привита.
Оспу прививала мнѣ и другимъ моимъ сверстникамъ жена
подлѣкаря (фамиліи не помню). Когда, чрезъ нѣсколько
дней, оспа у меня назрѣла, меня повела та же особа въ
домъ исправника, для взятія съ моей руки оспенной лим-
фы, для привитія оной кому-то изъ дѣтей почтеннаго
уѣзднаго сановника. За это самопожертвованіе меня награ-
дили пятакомъ мѣди и фунтомъ или двумя крыжовника.

Въ сентябрѣ мы опять собрались въ школу. Переведен-
ные изъ перваго класса во второй, мы встрѣтили здѣсь и
новаго наставника, и нѣкоторые новые предметы.

Наставникомъ во второмъ классѣ былъ студентъ семи-
наріи Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ. Высокаго роста,
съ рыжеватыми волосами, онъ женатъ былъ на какой-то

1828 г. воспитанницѣ секретаря Владимірской духовной консисторіи, Павла Андреевича, по фамиліи, если не ошибаюсь, Протопопова. Она, помню, маленькаго роста, красивая собою, получившая полубарское воспитаніе и, вѣроятно, не безъ хорошаго приданаго: онъ великанъ, не очень красивый собою, хоть и очень умный и добрый, къ тому же, можетъ быть, сынъ бѣднаго сельскаго причетника. При такихъ противоположностяхъ, очевидно, не могло быть полной гармоніи между женою и мужемъ. Отъ того и до насъ—дѣтей доходили уже не добрыя слухи о семейной жизни нашего любимаго наставника. Не долго, впрочемъ, Константинъ Николаевичъ оставался учителемъ, при скудномъ содержаніи въ 375 рублей ассигнаціями въ годъ. По протекціи консисторскаго секретаря, пользовавшагося особеннымъ вниманіемъ преосвященнаго Царенія, онъ скоро получилъ священническое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви богатаго села Иванова. Однако же семейныя отношенія его, при улучшеніи его матеріальнаго быта, не измѣнились къ лучшему. Капризы и прихоти жены съ одной стороны, и обиліе матеріальныхъ средствъ съ другой, постепенно развили въ немъ склонность къ излишнему употребленію крѣпкихъ напитковъ до того, что онъ удаленъ былъ отъ мѣста и съ запрещеніемъ священнослуженія низведенъ былъ въ причетники. Въ этомъ горькомъ положеніи я видѣлъ его въ 1840 году, когда я окончилъ уже курсъ семинаріи. У него было нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ два сына окончили курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и послѣ съ честію занимали въ сѣверной столицѣ протоіерейскія мѣста.

Но возвратимся назадъ.

Во второмъ классѣ, сверхъ прежнихъ предметовъ—чтенія, чистописанія, ариметики и нотнаго пѣнія, намъ стали преподавать краткій катихизисъ митрополита Платона, русскую и латинскую грамматику и греческое чтеніе. Скажу нѣчто курьезное о нотномъ пѣніи. Наше училище, какъ сказано было выше, находилось среди базарной площади. По вторникамъ въ Шуѣ были еженедѣльные базары. Въ лѣтнее время, окна въ нашихъ классахъ, разумѣется, были открыты. Во вторникъ, послѣ обѣда, у насъ всегда былъ классъ нотнаго пѣнія. Когда, бывало, затанемъ въ трид-

цать или сорокъ голосовъ какой-нибудь догматикъ или ирмосъ, 1828 г.
деревенскія бабы со всѣхъ ногъ бѣгутъ къ нашимъ окнамъ
посмотрѣть, что тутъ дѣлается; и когда услышатъ, что мы
поемъ что-то церковное и божественное, а не мірскія пѣсни,
приходятъ въ умиленіе и вачинаютъ класть изъ окна—кто
калачикъ, кто крендель, а иная конфечку или грошикъ.
Кому доставались въ руки эти усердныя приношенія, не
помню; по всей вѣроятности,—такимъ забіякамъ, какъ по-
мянутый мною Петръ Соколовъ, потому что и во второмъ
классѣ былъ между нами подобный Соколову лѣтній,—по
фамиліи Веселовскій. Иногда же чрезъ отверстія окна
привлекалось вниманіе проходящихъ мимо училища несто-
выми криками и плачемъ учениковъ, подвергавшихся за лѣ-
ность или шалость сѣченію розгами.

Изъ моей домашней жизни, во время ученія моего во
второмъ приходскомъ классѣ, живо сохранилось въ моей
памяти слѣдующее обстоятельство. Намъ, въ лѣтнія жары,
дозволено было купаться въ рѣкѣ, но не иначе, какъ подъ
наблюденіемъ наставниковъ. Для сего, въ опредѣленный
часъ, мы должны были собираться въ квартиру учителя и
и всѣ вмѣстѣ итти на рѣку. Разъ Константинъ Николае-
вичъ повелъ насъ купаться въ Тезѣ. Когда онъ и мы раз-
дѣлись, и вошли въ рѣку, онъ взялъ меня, какъ любимаго
ученика, на руки и пошелъ со мною въ глубь рѣки. Мо-
жетъ быть, онъ хотѣлъ научить меня плавать; но мнѣ по-
казалось, что онъ хотѣлъ меня утопить: я закричалъ изо
всей мочи и виѣбился ему въ лицо ногтями, забывши о
томъ, что онъ мой учитель. Кончилось, разумѣется, тѣмъ,
что онъ долженъ былъ возвратиться со мною къ берегу, и
я съ тѣхъ поръ полно купаться съ учителемъ.

Кстати о купаньѣ. Не научившись еще плавать, я взду-
малъ разъ, во время вакаціи, дома пойти на рѣку одинъ и
выкупаться. Не зная мѣстности, я вошелъ въ воду и тот-
часъ же, по отлогому песчаному дну рѣки, съ ужасомъ
очутился подъ водою и, обратившись лицомъ къ берегу,
началъ барахтаться руками, но не могъ сдѣлать по песча-
ному дну рѣки ни одного шага впередъ. Тутъ-то я почув-
ствовалъ бѣду. Между тѣмъ, вдругъ какая-то неостижимая
сила выдвинула меня сзади изъ воды и я очутился у бе-
рега. Озираясь кругомъ, я не замѣтилъ около себя никого.

1828 г. Выйдя поскорѣе на берегъ, я одѣлся и побѣжалъ домой, и никогда никому объ этомъ не говорилъ, опасаясь упрековъ, а пожалуй, и наказанія. Между тѣмъ, въ этомъ событіи, я не могу не признать и не исповѣдать надъ собою дивнаго дѣйствія охраняющей меня десницы Божественнаго Промысла.

Въ первыхъ числахъ іюля у насъ совершилось очень важное событіе: насъ посѣтилъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Павель. Полный и очень благовидный собою, онъ тѣмъ болѣе произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, что я до того времени архимандритовъ не видалъ. Пріѣзжалъ онъ въ Шую для освященія Троицкой Кладбищенской церкви, сооруженной и благоукрашенной усердіемъ коммерціи совѣтника Ст. Ив. Посылина.

Второй годъ ученія почти незамѣтно прошелъ для меня. Насъ перевели въ іюлѣ въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Переходъ этотъ былъ довольно ощутителенъ для насъ. Въ низшемъ отдѣленіи и время занятій въ классѣ было продолжительнѣе (вмѣсто трехъ часовъ мы должны были высидивать до обѣда уже четыре часа), и предметы занятій были многочисленнѣе и труднѣе, и вмѣсто одного у насъ было уже два наставника.

Но едва лишь мы собрались въ школу въ сентябрѣ, послѣдовало слѣдующее событіе. Скончался учитель 1-го приходскаго класса Василій Ивановичъ Назаретскій, поступившій въ 1828 году на мѣсто священника Іакова Ивановича Орлова, который почему-то, выпустивши нашъ курсъ изъ своего класса, и самъ долженъ былъ удалиться изъ училища. Равно также и Константинъ Николаевичъ Цвѣтковъ, простившись съ нами предъ вакаціей, оставилъ учительство и принялъ священство, а его мѣсто занялъ студентъ Василій Алексѣевичъ Осовецкій (фамилія—отъ села Осовець, Покровскаго уѣзда), съ живою, поэтической натурой, и при высокомъ ростѣ съ необыкновенно малою головой.

Учитель Назаретскій — сынъ священника подгородняго села Юрчакова. Ему не долго суждено было проходить педагогическое поприще. Чахотка, кажется, наследственная въ его семействѣ, скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ въ концѣ сентября или началъ октября 1829 года въ домѣ

своего родителя. Училищное начальство распорядилось воз- 1829 г.
дать умершему наставнику подобающія почести. Между
прочимъ, сочинены были помянутымъ сейчасъ учителемъ
Осовецкимъ стихи, которые предположено было произнести
предъ выносомъ изъ дома гроба съ тѣломъ усопшаго. Но
кому произносить эти стихи? Жребій палъ на меня. И вотъ
эти стихи:

Учитель добрый, дорогой!
Куда изъ отческаго крова
Спѣшишь, не молвя намъ ни слова?
Помедли съ нами здѣсь, постой,
Скажи, куда путь направляешь:
Иль ты сиротъ насъ оставляешь?
Постой, задай еще урокъ;
Или прости, коль смертный рокъ
Велитъ насъ всѣхъ тебѣ оставить:
Нельзя намъ дней тебѣ прибавить!
Землѣ земное возврати,
А духъ твой къ Богу да летитъ!*

Но кстати, здѣсь же, послѣ печальнаго случая, я раз-
скажу о событіи радостномъ, послѣдовавшемъ въ началѣ
того же 1829 года, о которомъ я въ своемъ мѣстѣ забылъ
упомануть. Во время рождественскихъ праздниковъ сосва-
тана была замужь моя двоюродная сестра, старшая изъ
дочерей моего дяди, Марья Петровна. Бракъ назначено
было совершить 7-го января. Женихъ, сынъ бѣднаго дьячка
села Аѳанасьевского, Иванъ Николаевичъ Успенскій, окон-
чившій въ 1828 году курсъ семинаріи съ званіемъ студента.

Онъ назначенъ былъ на діаконское мѣсто въ одинъ изъ
лучшихъ приходовъ Владимірской епархіи, именно въ село
Хотимль, Ковровскаго уѣзда, отстоящее отъ Горницъ въ
45-ти верстахъ. За два или за три дня до брака шель мимо
окопъ нашего дома женихъ, въ сопровожденіи своего отца-
старца и о. Василія Сапоровскаго, у котораго въ домѣ они
и остановились, — въ домъ невесты. На женихѣ былъ какой-
то сѣрый, съ сѣрымъ же мерлушчатымъ воротникомъ, тулупъ,
но и тотъ не свой, а сына о. Василія Сапоровскаго. Сестры
мой, устремившися смотрѣть, съ свойственнымъ молодымъ
дѣвушкамъ любопытствомъ, въ окна, сейчасъ же примѣтили,

1829 г. что у жениха глаза не совсѣмъ въ порядкѣ—близорукъ или подслѣпъ. Въ назначенный день совершенъ былъ бракъ въ Горицкой церкви. Я былъ свидѣтелемъ этого брака. Какъ была наряжена невеста, я не помню; но женихъ былъ въ лучшемъ парчевомъ стихарѣ. Послѣ вѣнца обычный брачный пиръ. Моя матушка на этомъ пирѣ почему-то не могла, или не захотѣла быть, а меня отпустила; и я сидѣлъ за столомъ на ряду съ другими почетными гостями.

Обращаюсь за симъ къ дальнѣйшему повѣствованію о моемъ ученіи въ школѣ.

Наставниками въ низшемъ отдѣленіи были: по латинскому языку и соединеннымъ съ нимъ предметамъ, священникъ Іаковъ Ивановичъ Холуйскій, а по греческому — соборный священникъ Петръ Ивановичъ Пѣвницкій, о которомъ было уже упомянуто.

О. Пѣвницкій, свѣдущій въ своихъ предметахъ, отличался молчаливостью и строгостью въ своемъ обращеніи съ учениками. Онъ не рѣдко повторялъ: кто не знаетъ глагола *τέλω* (бую)—(это образецъ для спряженія глаголовъ, помѣщенный въ тогдашней греческой грамматикѣ), — того *τέψω* (прибую), т. е. выскку розгами.

Въ низшемъ отдѣленіи, равно какъ и въ высшемъ, курсъ полагался двухгодичный: но мнѣ пришлось просидѣть въ низшемъ отдѣленіи три года, такъ какъ я попалъ сюда не въ курсовой годъ. Поэтому все поступившіе ученики назывались, въ теченіи года, „младшими“ учениками, и имъ преподавались предметы особо.

Предметы же преподаванія были слѣдующіе: русская и славянская грамматика, ариѳметика, пространный катихизисъ, церковный уставъ, латинская и греческая грамматика и церковное обиходное пѣніе.

Кѣмъ были составлены наши учебники, намъ не было извѣстно и мы объ этомъ даже не любопытствовали. Намъ извѣстно было только о катихизисѣ, что онъ написанъ былъ Московскимъ митрополитомъ Платономъ. Впрочемъ, мы не долго его твердили; намъ въ 1829-мъ году прислали для изученія новый катихизисъ, составленный Московскимъ же митрополитомъ Филаретомъ и напечатанный въ 1827 году славянскими буквами. У меня и теперь сохраняется экземпляръ этого изданія, которое впоследствии (въ 1839 г.) исправлено и

значительно дополнено нѣкоторыми новыми трактатами, какъ 1830 г. на примѣръ о священномъ преданіи и евангельскихъ блаженствахъ. Изученіе Филаретова катихизиса намъ показалось легче и пріятнѣе, чѣмъ Платонова: послѣдній написанъ былъ довольно тяжелымъ слогомъ.

Осенью 1829-го года смотритель училища, протоіерей В. И. Смирновъ оставилъ училищную службу; его мѣсто занялъ Переславскій смотритель училища, священникъ Василій Яковлевичъ Цвѣтковъ, женатый на внучкѣ Шуйскаго соборнаго протоіерея Никитскаго. О. Василій Цвѣтковъ окончилъ курсъ въ 1820 году въ Московской Духовной академіи съ званіемъ кандидата. Не высокаго роста, но очень полный собою, онъ отличался необыкновенною добротою, доходившею иногда до слабости. Жена его Евлампія Матвѣевна, дочь помянутой выше дочери протоіерея Никитскаго Авдотьи Алексѣевны, красавица и необыкновенно кроткая женщина, лѣтъ чрезъ пять затѣмъ скончавшаяся. У нихъ было дѣтей только двое: старшая—дочь Александра и сынъ Владиміръ, родившійся уже въ Шуѣ.

1830-й годъ былъ роковымъ годомъ въ моей жизни. 14-го марта, въ пятницу на четвертой недѣлѣ великаго поста, скончалась моя мать Стефанида Ивановна, вслѣдствіе продолжительной, восьмимѣсячной болѣзни. А ея болѣзнь была послѣдствіемъ ея чрезмѣрной материнской любви ко мнѣ. Матушка почти каждую недѣлю, какъ было уже замѣчено, посѣщала меня въ Шуѣ. 7-го іюля 1839 года она, по обычаю, пришла ко мнѣ и переночевавши на моей квартирѣ, на другой день, — это былъ вторникъ—базарный день въ городѣ, —должна была отправиться домой. Спутницей ей на этотъ разъ была тетка—Татьяна Васильевна—вдова, о которой мною было уже упомянуто. День былъ очень жаркій. Обѣ онѣ верхнее свое платье и даже обувь отдали знакомому крестьянину сvezти домой, а сами пошли нѣшкомъ босмя.

Вдругъ среди пути застигаетъ ихъ грозная туча съ градомъ, на нѣсколько верстѣ покрывшимъ землю; и онѣ, бѣдныя, промокшия до костей, должны были, босмя, идти по землѣ, покрытой градомъ. Старушка—Татьяна Васильевна была крѣпкаго здоровья и безъ особыхъ послѣдствій пере-

1830 г. несла это опасное путешествіе; но моя мать, не отличавшаяся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, не вынесла такого путешествія, слегла въ постель и болѣе уже не вставала съ одра болѣзни. Дня за два до ея смерти меня вызвали изъ Шуи, и я былъ свидѣтелемъ ея мирной, тихой кончины. 14-го марта, въ день празднованія Феодоровской иконы Божіей Матери, мы съ зятемъ ходили къ утрени въ церковь помолиться о болящей, но наша усердная молитва не отвратила роковаго часа ея смерти.

Послѣ утрени къ постели умирающей собрались ближайшіе родные, въ томъ числѣ и ея братъ, а мой отецъ крестный, діаконъ Петръ Ивановичъ. Матушка спросила старинную икону святителя Николая Можайскаго, и благословивши меня ею, обратилась къ Петру Ивановичу, съ слѣдующими, до сихъ поръ звучащими въ моихъ ушахъ словами: „Батюшка братецъ, не оставь моего Иванушку“... И это были ея послѣднія слова на землѣ. Тутъ же она закрыла глаза, и ея душа мирно оставила ея изнуренное столь продолжительною болѣзнію тѣло. За тѣмъ, естественно, послѣдовалъ горькій плачь трехъ, совершенно осиротѣвшихъ существъ, оставшихся безъ всякихъ почти средствъ къ жизни. На другой день кончины матушки, 15-го числа мѣ исполнилось лишь 11 лѣтъ отъ рожденія, — и съ 12-лѣтняго возраста я началъ вести совершенно странническую жизнь.

Пока тѣло усопшей находилось еще въ домѣ, мнѣ не вѣрилось, что мать моя умерла: но когда вынесли ее изъ дому, совершали надъ нею отпѣваніе и опускали гробъ въ могилу, я почувствовалъ тяжесть лишенія столь дорогаго для меня сокровища и предался неутѣшному плачу.

На другой или на третій день послѣ погребенія, я долженъ былъ опять возвратиться въ школу. Но чрезъ двѣ недѣли насъ отпустили по домамъ на страстную и свѣтлую седмицу. вмѣстѣ съ товарищами и я отправился домой, разумѣется, пѣшкомъ. Путь изъ Шуи въ Горицы лежалъ чрезъ Дунилово. Изъ Дунилова, вмѣсто того, чтобъ итти въ Горицы чрезъ мостъ, я, для сокращенія пути, вздумалъ пройти отъ Покровской церкви прямо къ нашему дому чрезъ рѣку по льду. Къ счастью, кто-то увидѣлъ меня изъ род-

ныхъ и громко закричалъ мнѣ съ противоположнаго берега 1830 г. рѣки, чтобъ я не шель по льду и возвратился бы назадъ. Не будь этого предостереженія, я непременно утонулъ бы въ рѣкѣ, такъ какъ по срединѣ рѣки былъ слишкомъ уже тонокъ ледъ и всякое сообщеніе чрезъ рѣку было прекращено. Нельзя посему не видѣть и въ этомъ обстоятельстве явнаго дѣйствія Божественнаго о мнѣ Промысла.

Прихожу домой. Сестра встрѣтила меня съ радостными слезами: но я не встрѣтилъ уже въ домѣ того, что встрѣчалъ прежде—женскихъ ласкъ матери. Домъ показался мнѣ какою-то холодною и мрачною пустыней. Не такъ радостенъ былъ для меня на этотъ разъ и свѣтлый праздникъ Христовъ.

Миновали праздники и—я опять въ Шуѣ.

Сестры мои не долго оставались въ своемъ домѣ; старшая сестра Прасковья въ июнѣ того же года вышла за мужъ, въ Хотимльскій приходъ, за крестьянина деревни Погорѣлки Павла Ефимовича Лыкова, а младшая Анна перешла жить на Пустыньку къ старшей сестрѣ Марьѣ Михайловнѣ. Въ домѣ же, который по наслѣдству принадлежалъ мнѣ, поселился нашъ двоюродный дядя, упомянутый выше дьячекъ Покровской, въ Дуниловѣ, церкви Платонъ Алексѣевичъ, который по случаю пожара лишился своего дома и который за тѣмъ купилъ мой домъ за 150 рублей ассигнаціями (43 р. сер.) и перенесъ на мѣсто своего сгорѣвшаго дома. Деньги же за мой домъ, вносимыя имъ по частямъ, хранились сначала у благочиннаго, а потомъ переданы были на храненіе моему дядѣ Петру Иванычу, какъ опекуну. Кромѣ дома, мнѣ достался послѣ матушки въ наслѣдство ея жемчужный кокошникъ, въ который она наряжалась въ великіе праздники и въ которомъ ходила по церкви съ тарелкой, для сбора подаяній; а послѣ родителя сохранились для меня двѣ одежды: овчинный тулупъ и сюртукъ, или, по тогдашнему названію, сибирка изъ толстаго синяго сукна. Мнѣ же принадлежало нѣсколько оловянныхъ блюдеъ и тарелокъ: но кромѣ дома и тулуна, все прочія вещи я отдалъ въ распоряженіе старшей сестры, которая замѣнила для меня мать и которой я обязанъ дальнѣйшимъ воспитаніемъ.

Въ июнѣ 1830 года вторично посѣтилъ г. Шую быв-

1830 г. шій ректоръ Владимірской семинаріи Павелъ, но уже не въ званіи архимандрита, а въ санѣ епископа. 26-го мая, въ день Святаго Духа онъ былъ рукоположенъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, во епископа Костромскаго Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, бывшимъ его начальникомъ и наставникомъ по Петербургской Духовной академіи; при этомъ была сказана знаменитымъ рукоположителемъ рѣчь, которая почему-то не была однакожь помѣщена въ изданіи словъ и рѣчей митрополита Филарета, 1848-года, но напечатана въ новомъ изданіи сочиненій Филарета, 1877 года, т. III, стр. 442. Путь изъ Владиміра въ Кострому новорукоположенному епископу лежалъ чрезъ Шую, и Шуя съ торжественнымъ звономъ встрѣтила и проводила знатнаго путешественника. Гдѣ останавливался преосвященный Павелъ и долго ли здѣсь пребывалъ, хорошо не помню: по помню, что онъ посѣщалъ наши классы, и мы встрѣчали его пѣніемъ: „εὐκολλὰ ἔτη, δόλοτα“. Въ бытность свою на кафедрѣ Костромской, онъ многихъ изъ окончившихъ во Владимірской семинаріи курсъ, какъ лично ему извѣстныхъ, опредѣлялъ на священническія мѣста во ввѣренной ему епархіи, къ немалому, конечно, огорченію туземцевъ. Въ сентябрѣ 1836 года преосв. Павелъ переведенъ былъ въ Черниговъ, а отсюда, въ апрѣлѣ 1859 года, уволенъ былъ на покой въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ онъ былъ настоятелемъ въ бытность свою ректоромъ Владимірской семинаріи и гдѣ 27-го ноября 1861 года мирно скончался¹⁾. При проѣздѣ его изъ Чернигова въ Переславль чрезъ Москву, мнѣ суждено было еще разъ видѣть его и даже послужить ему: я, бывши тогда еще на должности синодальнаго ризничаго, показывалъ ему древности патриаршей ризницы, и затѣмъ сопровождалъ его въ Императорскій дворецъ; и такъ какъ онъ, при своей тучности и дряхлости, съ трудомъ могъ подниматься по лѣстницамъ, то я долженъ былъ почти на своихъ рукахъ вносить его на верхъ.

О преосвященномъ Павлѣ, какъ ректорѣ семинаріи, сохраняется во Владимірѣ двойная память.

Вотъ что, на примѣръ, пишетъ о немъ, со словъ другихъ,

¹⁾ „Воспоминаніе о преосв. Павлѣ, архіеписк. Черниговскомъ“, сваяц. А. Смирлина, въ *Страничкахъ* 1863 г., декабрь, стр. 83.

авторъ исторіи Владимірской семинаріи, Кс. Надеждинъ на 1830 г. страницъ 128 и сл.:

„Ректоръ Павелъ, окончившій курсъ въ 1814 году въ С.-Петербургской Дух. академіи (и вступившій въ должность ректора въ 1819 г.) былъ особенно преданъ семинаріи; помогаль бѣднымъ ученикамъ въ ихъ содержаніи, ежемѣсячно жертвоваль на больницу семинарскую отъ 5-ти до 15-ти рублей. Ученики часто обращались къ нему за совѣтомъ; и онъ, хорошо зная каждаго изъ нихъ характеръ, никогда не отказывался дать имъ добрый совѣтъ. Замѣчательно, рассказываль намъ о немъ прот. Я. В. Миловскій, что мы его любили и очень боялись, не смотря на то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ наказаніямъ, никогда ученики не слыхали отъ него бранныхъ словъ: вотъ если ударить бывало пальцемъ по столу, ну-бѣда, — весь классъ смущался духомъ.... Имѣя очень добрый и мягкій характеръ, онъ снисходилъ до того, что защищаль учениковъ предъ очень строгимъ инспекторомъ (Алявдинымъ); ободряль нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда инспекторъ слишкомъ усиливаль свои строгости: „Не печалься, — говорилъ онъ обиженному инспекторомъ ученику: вотъ я поговорю съ нимъ; я вѣдь знаю, что ты мальчикъ хорошій“.

А вотъ другой отзывъ о ректорѣ Павлѣ его современника и непосредственнаго его ученика:

„Архимандритъ Павелъ былъ добрѣйшій человекъ, какого можно только встрѣтить. Въ 12-ть лѣтъ едва ли онъ сдѣлалъ кому какую-либо непріятность. Высокій ростомъ, пріятной наружности, тихій, ласковый, подъ часъ очень веселый, онъ былъ необычайно тучень; жизнь велъ умѣренную и тучность его была болѣзненная. По пятницамъ онъ постоянно ѣздилъ въ баню, стоявшую въ семинарскомъ саду, — и въ субботу, опасаясь простуды послѣ бани, въ классъ на свой урокъ никогда не жаловаль: пришесть ученикамъ какую-либо духовную книжку для прочтенія, тѣмъ дѣло по субботамъ и кончалось. Ученики его отдѣленія, опираясь на чрезмѣрную доброту его, пошаливали. Двѣнадцатилѣтнее управленіе семинаріей архимандрита Павла положило особый отпечатокъ какъ на паставниковъ, такъ и на воспитанниковъ. Не будь такихъ зоркихъ и строгихъ инспекторовъ, доброта ректора могла-бы допустить

1830 г. безпорядки значительнѣе тѣхъ, какіе существовали. Звонокъ Богородицкой колокольни не служилъ сигналомъ для начала лекцій: нѣкоторые наставники приходили въ классы, когда какъ придется; ректоръ, кромѣ времени экзаменовъ, не заглядывалъ въ другія отдѣленія; всѣмъ было льготно, всѣ жили на распашку. Съ выбытіемъ Павла, при новомъ начальникѣ, многое измѣнилось¹⁾.

Возвратимся назадъ.

По случаю появленія въ предѣлахъ Владимірской губерніи губительной болѣзни—холеры, насъ отпустили на вакацію раньше обыкновеннаго, — кажется, 8-го іюля.

Подходя къ Дунилову, я разсуждалъ самъ съ собою, куда мнѣ напередъ итти: въ Горицы ли къ дядѣ и отцу крестному, или на Пустыньку къ сестрѣ — Марьѣ Михайловнѣ?—Я рѣшилъ итти на первый разъ прежде въ Горицы, куда сильно влекла меня любовь къ родинѣ: но я встрѣтилъ здѣсь не очень ласковый пріемъ. Жена дяди, Татьяна Ивановна, не отличавшаяся вообще нѣжнымъ сердцемъ, смотрѣла на меня не очень благопріятно, по той, какъ мнѣ думалось всегда, причинѣ, что я—сирота учился лучше ея сына и всегда приходилъ домой съ наградами, которыя каждый разъ возбуждали въ ней неудовольствія. Но я, пробывши дня два-три въ Горицахъ, спѣшилъ потомъ на Пустыньку, гдѣ сестра и зять встрѣчали меня съ любовью, но гдѣ стѣсняла и тяготила меня ихъ семейная скудость и почти нищета. Впрочемъ, на воскресные и праздничные дни я всегда возвращался въ Горицы, куда привлекалъ меня родной благолѣпный храмъ и съ дѣтства знакомое общество молящихся. Такимъ образомъ, во все время вакаціи, я велъ скитальческую жизнь, и это продолжалось до самого окончанія мною курса семинаріи; только впоследствии я имѣлъ уже больше мѣсть для своего пристанища.

Чтобы не быть въ тягость другимъ и не быть тунеядцемъ, я старался и почти обязанъ былъ зарабатывать для себя насущный хлѣбъ тѣми или другими трудами. Въ Горицахъ я помогалъ двоюроднымъ сестрамъ, занимавшимся ткавьемъ красной пестряди, въ ихъ ремеслѣ, приготовленіемъ для нихъ цѣвокъ и т. под.; на Пустынькѣ я раздѣлялъ съ зя-

¹⁾ *Восток. Епарх. Вѣдом.* 1875 года № 12, Стр. 589 и слѣд.

темъ и сестрой ихъ земледѣльческіе труды: жаль хлѣбъ, 1830 г. возилъ съ поля на гумно снопы, молотилъ и пр.—Но эти труды и занятія наводили на меня истинную тоску, хотя я долженъ былъ скрывать ее. Мои душевныя стремленія все направлены были къ чтенію книгъ и списыванію стиховъ и литературныхъ статей. По приходѣ на каникулы домой, первымъ моимъ дѣломъ было приготовить свѣжія чернила,— для чего я всегда приносилъ съ собою чернильные орѣшки и купоросъ. Но однажды вотъ что случилось. Положилъ я въ чернильницу толченыхъ орѣшковъ, налилъ воды и, крѣпко закупоривши пробкой чернильницу, поставилъ ее въ только что истопленную печь въ кухнѣ,—это было въ Горицахъ. Черезъ нѣсколько минутъ вынулъ я изъ печи чернильницу, и только лишь началъ ее раскупоривать, какъ пробка взлетѣла къ потолку и все чернила брызнули мнѣ въ лицо. Какъ остались цѣлы мои глаза, я уже не понимаю.—Послѣ этого я сталъ, конечно, осторожнѣе.

Въ первыхъ числахъ августа оканчивался срокъ нашихъ каникулъ, и я началъ уже помышлять о возвращеніи въ школу. Вдругъ получается отъ благочиннаго повѣстка, чтобы мы оставались дома, пока насъ не потребуютъ. Какъ ни тягостно было мое положеніе у родныхъ, но я обрадовался этой отсрочкѣ, потому что имѣлъ возможность провести среди родныхъ два храмовыхъ праздника—Рождества Пресв. Богородицы и Покрова. Первый праздникъ былъ въ Горицахъ, а второй—въ Дуниловѣ.

Холера въ нашихъ селахъ дѣйствовала довольно сильно. Жертвами ея сдѣлались нѣкоторые и изъ моихъ родныхъ, какъ напримѣръ, помянутая выше бабушка моя Татьяна Васильевна и ея невѣстка, жена Платона Алексѣича, который купилъ мой домъ. Но что замѣчательно! Изъ дѣтей никто не умиралъ отъ холеры. Причиной этого явленія можно полагать, какъ мнѣ кажется, спокойное и беззаботное состояніе дѣтскаго духа; между тѣмъ какъ душевное разстройство и упадокъ духа возрастныхъ служили одною изъ причинъ усиленія смертности. Къ нашему дѣтскому удовольствію, въ ту осень былъ обильный урожай грибовъ, и мы каждый день раза по два и по три ходили за ними въ лѣсъ, который со всехъ почти сторонъ окружалъ тогда наши села.

1830 г. Въ половинѣ августа, именно на праздникъ Успенія Божіей Матери, зять и сестра моя, Марья Михайловна поѣхали въ Хотимль повидаться съ недавно вышедшею въ замужество второю сестрою нашею Прасковьею Михайловною и съ другими тамошними родными, какъ-то: двоюродною сестрой Марьею Петровной, бывшею тамъ въ замужествѣ за діакономъ и троюродною сестрой, женой причетника Макара Трофимыча. Взяли и меня съ собою. Въ Хотимль на первый разъ мнѣ было очень весело; тамъ и встрѣтилъ между дѣтьми двухклиннаго причта много сверстниковъ себѣ по дѣтамъ; и такъ какъ Успеневъ день былъ храмовый праздникъ въ Хотимль, то на этотъ праздникъ всегда много прѣзжало гостей изъ разныхъ селъ съ дѣтьми, между которыми также не мало оказывалось мнѣ сверстниковъ. Въ послѣдствіи, я почти каждый годъ бывалъ на этомъ праздникѣ въ Хотимль, у своей двоюродной сестры Марьи Петровны, которая принимала меня очень радушно, а еще болѣе расположенія и ласки оказывалъ мнѣ мужъ ея Иванъ Николаевичъ Успенскій, который былъ сначала діакономъ, а потомъ тутъ же священникомъ. Онъ скончался 27-го марта 1883 года.

Скажу здѣсь кстати нѣсколько словъ о селѣ Хотимль, о характерѣ народонаселенія Хотимльскаго прихода и о моемъ тамъ времяпрепровожденіи.

Хотимль—село Ковровскаго уѣзда, въ сорока верстахъ отъ уѣзднаго города, не большое по населенію (въ немъ не болѣе 200 душъ обоого пола), но красивое по мѣстоположенію; оно расположено на самомъ берегу рѣки Тезы, по которой здѣсь ходятъ не большія барки съ дровами и другими хозяйственными предметами. Въ особенности красивую мѣстность занимаютъ два каменныхъ храма—лѣтній и зимній, обнесенные обширною каменною оградой и башнями. Они стоятъ на довольно высококомъ холмѣ надъ рѣкою, отдѣленномъ отъ села глубокимъ оврагомъ, а съ другой, противоположной стороны, окопаннымъ ровомъ. Лѣтній храмъ, во имя Успенія Божіей Матери, освященный въ 1829 году, огромныхъ размѣровъ и весьма благолѣпный. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ приходскіе храмы и при нихъ кладбище, въ древности былъ мужскій Успенскій монастырь. Подробныхъ свѣдѣній о существованіи этого монастыря не

имѣется; сохранилась только челобитная строителя этого 1830 г. монастыря Андреяна съ братією на чернаго священника Ермогена, поданная 24-го мая 1613-го года въ Шуйскую земскую избу на имя Государя и Великаго князя Михаила Феодоровича. Въ этой челобитной строитель Андрейнъ жаловался на какого-то пришлаго чернаго священника Ермогена, который, имѣя у себя будто бы грамоту отъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, но грамоты этой не показывая, насильственно вторгся въ обитель, началъ служить, отобравши у строителя церковные ключи; жилъ самъ не по монастырскому чину, а его, строителя, „давалъ всякою неподобною бранью и взводилъ на него всякія неподобныя дѣла татебныя и душегубныя, и билъ его, ежегъ келью съ комнатою и вотчиною владѣлъ и всякою угодою насильствомъ“ и пр. ¹⁾.

Хотимльскій приходъ весь состоялъ изъ такъ называемыхъ офеней ²⁾, или ходебщиковъ. Офени, торгуя разными мелочными, а иные и довольно цѣнными, товарами, ежегодно, съ своими подвижными лавочками-коробьями, отправлялись изъ своихъ деревень во все концы Россіи и разсѣвались отъ самыхъ южныхъ ея губерній до самыхъ отдаленныхъ областей Сибири. Между офенями, въ прежнее время, было не мало очень богатыхъ торговцевъ. Странствуя всю осень и зиму по городамъ и селамъ Россіи, лѣтомъ—въ маѣ или іюнѣ они возвращались для полевыхъ работъ домой, и здѣсь оставались до храмоваго праздника—Успеньева дня. Послѣ праздника, предъ отправленіемъ въ путь, офени обыкновенно приглашали приходское духовенство для совершенія молебствій въ домахъ. Въ каждомъ домѣ совершался молебенъ и читалось нѣсколько акаѳистовъ, смотря по усердію и состоянію хозяина. Въ домахъ богатыхъ торговцевъ читалось отъ 10-ти до 15-ти акаѳистовъ, и за каждый акаѳистъ полагалась особая плата. Съ

¹⁾ *Старинныя акты*, собр. Вл. Борисовымъ, № 8, М. 1853 г.

²⁾ Названіе: „офени“ одни производятъ отъ торговцевъ-венгровъ, приходившихъ изстару въ Россію для торговли изъ города Офена; или отъ грековъ, переселившихся въ Россію изъ Авиня. (См. *Труды Владим. Статистич. Комитета*, вып. X, стр. 80, Владиміръ, 1874 г.). Объ офеняхъ, статья К. Тихонравова, въ *Влад. Губ. Вѣдом.* 1855 г., № 15. Здѣсь приложенъ и словарь искусственнаго офенскаго языка.

1830 г. причтомъ ходили по домамъ и дѣти; брали и меня; и мнѣ не рѣдко приходилось читать вмѣсто священника или діакона акаѳисты. Но трудъ этотъ не остался безъ должнаго вознагражденія. Такимъ образомъ хожденіе по приходу продолжалось недѣлю и болѣе. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ деревняхъ молебствія продолжались дня по два и по три. Послѣ трудовъ предлагалось обыкновенно обильное угощеніе, въ которомъ участвовали и жены членовъ причта.

Кромѣ того подъ праздникъ Успенія Божіей Матери, мнѣ случалось ѣздить съ священникомъ, свободнымъ отъ чреды, въ дома помѣщиковъ, для совершенія всенощной службы, и за это получалъ я вознагражденія по гривеннику и пятиалтынному.

Въ будніе дни я раздѣлялъ обычные труды своихъ родныхъ.

Возвращусь назадъ и продолжу рѣчь о холерѣ.

Изъ числа Шуйскихъ гражданъ холерою похищены были два именитыхъ купца: Василій Максимовичъ и сынъ его Діомидъ Васильевичъ—Киселевы. Смерть приключилась имъ въ Дуниловѣ, куда они оба вмѣстѣ пріѣхали, по своимъ коммерческимъ дѣламъ, въ пятничный день, на еженедѣльный базаръ. Это было для Шуи событіемъ великой важности. Какъ происходило погребеніе этихъ своего рода магнатовъ, я не помню. Наслѣдниками милліоннаго состоянія Василія Максимовича остались два внука, сыновья Діомида Васильевича, Иванъ и Димитрій Діомидовичи. Ивану Діомидовичу было около 20-ти лѣтъ, а Димитрій тремя или четырьмя годами моложе его. Иванъ Діомидовичъ, принявъ въ свои руки коммерческія дѣла своего дѣда и отца, не только не разстроилъ ихъ, но и значительно расширилъ. Владѣя, совмѣстно съ братомъ, богатымъ наслѣдіемъ своего предка, онъ много дѣлалъ добра не только для города, но и для всего Шуйскаго уѣзда. Много лѣтъ онъ былъ градскимъ головою и на свои средства выстилалъ камнемъ городскія улицы, устроилъ на площадяхъ фонтаны, имѣлъ, кромѣ городской, собственную пожарную команду и съ нею всюду первый являлся на пожары, содержалъ на свои средства при приходской Крестовоздвиженской церкви пѣвческій хоръ и т. д. Но вѣнцомъ его благодѣяній для города была превосходная больница съ домовою при ней церковію и осо-

бымъ причтомъ. Устройство этой больницы съ вѣковымъ оя 1830 г. обезпеченіемъ стоило, какъ мнѣ сказывали, не менѣе милліона рублей ассигнаціями. Что касается до уѣзда, то всѣ, какъ Шуйскіе, такъ и окрестные мануфактуристы получали для своихъ фабрикъ единственно изъ рукъ Киселева хлопчатую бумагу пряденую и пользовались неограниченнымъ кредитомъ. Иванъ Діомидовичъ, хотя самъ и не получилъ высокаго образованія, но сочувствуя всему доброму и полезному, основалъ у себя библіотеку, ежегодно пополняющуюся всякаго рода литературными произведеніями. И эта библіотека была открыта для всѣхъ желавшихъ ею пользоваться; изъ ней брали для чтенія книги всѣ почти помѣщики Шуйскаго уѣзда, большею частію, люди не богатые.

Но по мѣрѣ расширенія торговыхъ оборотовъ, годъ отъ году возрастала у Киселевыхъ и роскошь. Домъ не очень обширный, но блиставшій всякаго рода украшеніями; прислуги при домѣ до 300 человѣкъ; лошади и экипажи самые дорогіе; оранжереи и птичники съ разнообразными птицами; ежедневные почти пиры, балы и всякаго рода увеселенія. Однимъ словомъ, въ роскоши Киселевы не уступали иному владѣтельному нѣмецкому князю или герцогу. Мнѣ сказывали, что они получали чистаго годоваго дохода до милліона рублей и проживали до 700 т. рублей; хотѣли бы проживать болѣе, но не умѣли уже.

Вслѣдъ за Киселевыми умеръ въ Дуниловѣ попечитель единовѣрческой церкви купецъ С. И. Балинъ. Съ его смертію въ моей памяти соединяется слѣдующій случай. Ему ввѣренъ былъ прихожанами извѣстный капиталъ для выдачи ежегоднаго жалованья причту. Между тѣмъ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ не выдавалъ жалованье, не смотря на частыя ему напоминанія. Наконецъ, когда постигла его болѣзнь и ему угрожала неизбежная смерть, онъ рѣшился разстаться съ ввѣреннымъ ему сокровищемъ. Призвавъ причтъ, онъ выдалъ ему въ разъ за нѣсколько лѣтъ жалованье. Какъ теперь помню, зять мой Василій Александровичъ (Левашевъ) принесъ домой въ платкѣ цѣлую груду серебряныхъ рублей. Меня заставили пересчитывать, и я насчиталъ 120 рублей. Такого богатства никогда въ домѣ моего зятя не было.

1830 г. Въ концѣ октября насъ потребовали наконецъ чрезъ благочинныхъ въ школу для продолженія ученія.

И остался въ низшемъ отдѣленіи еще на два года. Правда, мнѣ предлагали чрезъ годъ перейти въ высшее отдѣленіе, — чему бывали примѣры въ прежнее время: но я, имѣя въ виду именно эти примѣры, предпочелъ лучше остаться въ низшемъ отдѣленіи еще на два года, чѣмъ безплодно изнурять себя, быть можетъ, непосильными занятіями въ высшемъ классѣ.

Итакъ, съ ноября начались наши школьныя занятія. Предметы ученія были тѣ же, какъ и на первомъ году, т. е. мы продолжали изучать тѣ же грамматики, тотъ же пространнѣй катихизисъ и проч. Новое для насъ было только то, что мы начали упражняться уже въ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій и наоборотъ. Для перевода съ греческаго у насъ была прежняя христоматія *Каченовскаго*; но для перевода съ латинскаго вамъ прислали новую христоматию, составленную и изданную ректоромъ Московской Дух. академіи, архимандритомъ *Полкарпомъ* († 19 января 1837 года). И такъ какъ для цѣлаго класса присланъ былъ одинъ только экземпляръ этой книги, то мы должны были ее списывать.

Перваго рода упражненія, т. е. переводы съ латинскаго и греческаго языковъ, назывались у насъ *версіями* (versio), а послѣднія *оккупаціями* (occupatio). Учителя, прочитавши наши оккупаціи или версіи и указавши въ нихъ ошибки, подписывали подъ ними похвалы или порицанія не цифрами, какъ это нынѣ принято, а словами и притомъ, судя по тому, на какомъ языкѣ было написано упражненіе, на такомъ писалась и аттестація.

Вотъ образцы этихъ аттестацій:

По латыни:	По гречески:	По русски:
Excellentissime,	Ἐξαιρέτως,	превосходно.
Praestantissime,	Βέλτιστα,	прекрасно.
Eximie,	Κάλλιστα,	отлично.
Optime,	λίαν καλῶς,	очень хорошо.
Belle,	— —	изрядно.
Laudabiliter,	Ἐπαινετῶς,	похвально.
Bene,	Καλῶς,	хорошо.

Satis bene,	<i>Ἰκανῶς καλῶς,</i>	довольно хорошо.	1836 г.
Non male,	<i>Οὐ κακῶς,</i>	не худо.	
Male,	<i>Κακῶς,</i>	худо.	
Pessime,	<i>Κέκιστα,</i>	очень худо.	

Такъ какъ въ низшемъ отдѣленіи, кромѣ насъ — младшихъ, человѣкъ 25-ти или 30-ти, оставлено было изъ старшихъ на повторительный курсъ человѣкъ 10—15, и какъ эти послѣдніе заняли первыя мѣста: то намъ, по заведенному изетари обычаю, предоставлено было право оспаривать эти мѣста посредствомъ оккупацій, или задачъ. Въ этомъ случаѣ младшій ученикъ указываетъ учителю на того или другаго изъ старшихъ учениковъ и на своей тетради подписываетъ: „Contendo de loco cum discipulo N т. е. „спорю о мѣстѣ съ ученикомъ *такимъ-то*“. При этомъ конкуренты строго наблюдаютъ одинъ за другимъ, чтобы ни тотъ, ни другой не воспользовался при переводѣ съ русскаго языка на латинскій или греческій постороннею помощію. Когда, по разсмотрѣніи оккупацій спорящихъ учениковъ, учитель найдетъ, что оккупация младшаго ученика лучше старшаго, т. е. съ меньшимъ числомъ погрѣшностей противъ правилъ этимологіи и синтаксиса, онъ сажаетъ младшаго на мѣсто старшаго, не лишая, впрочемъ, сего послѣдняго права оспаривать, въ свою очередь, мѣсто у его соперника. Но если оккупация претендента окажется хуже старшаго ученика, то этотъ имѣлъ право выѣчь розгами своего соперника за посягательство на свою честь. Я на первый разъ велъ борьбу изъ-за мѣста, какъ теперь помню, съ ученикомъ Иваномъ Воскресенскимъ, который занималъ первый или второй номеръ въ спискѣ, и одержалъ надъ нимъ побѣду.

Незамѣтно приблизились святки. Я не могъ утерпѣть, чтобы не побывать на родинѣ и не встрѣтить праздникъ Христовъ въ своемъ родномъ храмѣ. По прежнему обычаю, дядя Петръ Ивановичъ взялъ меня съ собою по приходу славить Христа и собирать гроши, которые для меня, какъ для круглаго сироты, были очень благопотребны. Впрочемъ, когда скончалась моя мать, мнѣ вмѣсто 15-ти рублей, назначили изъ казны и выдавали чрезъ училищное начальство въ руки жадовапья по 60-ти рублей въ годъ; и этой суммы

1831 г. для моего содержанія не только было достаточно, но даже были отъ нея иногда остатки по 10—15-ти рублей.

Независимо отъ хожденія по своему Горицкому приходу, съ этого года меня началъ брать съ собою по деревнямъ очень ко мнѣ расположенный о. Василій Сапоровскій. У нихъ, въ Покровскомъ приходѣ, было въ обычаѣ ѣздить, для славленья, по деревнямъ въ одиночку. И вотъ добрый о. Василій, для развлеченія, бралъ съ собою меня, когда отправлялся въ деревни. Бывало, пока ѣдемъ по полю отъ одной деревни до другой, онъ задаетъ мнѣ разные примѣры для перевода съ русскаго на латинскій языкъ, или на оборотъ, и утѣшается моими правильными переводами. Въ деревняхъ, за славленье, давали намъ гдѣ деньгами, а гдѣ и льномъ. Такъ какъ ленъ былъ мнѣ не нуженъ, то онъ бралъ его у меня, а мнѣ давалъ деньги. Такимъ образомъ я возвращался домой изъ этихъ поѣздокъ не съ пустыми карманами.

Насталъ 1831-годъ. Въ июнѣ, или въ августѣ этого года выдана была въ замужество моя послѣдняя сестра — Анна Михайловна въ село Кохму за крестьянина Ив. Ив. Чужинина. На меня палъ жребій перевозить, вмѣстѣ съ однимъ изъ родственниковъ жениха, имущество (приданое) сестры изъ Дунилова въ Кохму, и за тѣмъ я былъ въ числѣ почетныхъ гостей на брачномъ пиру.

Кохма въ 20-ти верстахъ отъ Гориць—село очень значительное и по населенію (болѣе 1000 душъ обою пола), и по благосостоянію жителей; въ немъ есть не мало мануфактурныхъ фабрикъ и зажиточныхъ купцовъ. Церковь приходская одна—очень обширная и благолѣпная, но при ней въ прежнее время было четыре причта, такъ какъ въ приходѣ, кромѣ села, состояло много деревень. При такомъ количествѣ членовъ причта, не мало было у нихъ и дѣтей, изъ коихъ нѣкоторые были моими сверстниками и товарищами по школѣ; между прочимъ, у старшаго священника о. І. Н. Сперанскаго, который долгое время былъ благочиннымъ, было четыре сына, отъ природы одаренные хорошими голосами и впоследствии всѣ бывшіе пѣвчими въ архіерейскомъ хорѣ; сынъ втораго священника о. Николая, Александръ Николаевичъ Соколовъ, который однимъ курсомъ былъ меня старше, вынѣ одинъ изъ почетнѣйшихъ протоіе-

реевъ въ Петербургѣ, настоятель Владимірской церкви и 1831 г. благочинный; его младшій братъ Анастасій поступилъ вмѣстѣ со мною въ училище и на первомъ же году умеръ.

Въ Кохмѣ, пока я учился въ училищѣ и семинаріи, мнѣ случалось очень часто бывать въ каникулярное время.

Въ 1832 году, незадолго до перехода нашего въ высшее отдѣленіе, у насъ произошла перемѣна одного учителя. Инспекторъ и учитель греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, священникъ И. А. Субботинъ, не знаю почему, оставилъ въ 1832 году училищную службу; его мѣсто занялъ нашъ учитель греческаго языка священникъ П. И. Пѣвницкій; на мѣсто Пѣвницкаго къ намъ перевели учителя 2-го класса В. А. Осовецкаго, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ былъ студентъ семинаріи Ив. Петр. Вѣнецкій.

1831-й годъ былъ годъ неурожайный; въ слѣдствіе сего цѣна на хлѣбъ съ пятнадцатипятинаго возрасла до полтинника (1 р. 75 к.) — цѣна не бывала. Многие изъ учениковъ, особенно дѣти причетниковъ, бѣдствовали и едва не претерпѣвали голодъ. На помощь этому бѣдствію явился одинъ изъ богатыхъ Шуйскихъ купцовъ (онъ, кажется, скрылъ свое имя). Онъ открылъ бѣднымъ ученикамъ даровой доступъ въ одну мучную лавку, изъ которой, по запискамъ отъ инспектора училища, выдавали каждому по пуду, помнится на мѣсяцъ или на два, а инымъ, болѣе надежнымъ ученикамъ, вмѣсто муки, выдавали деньгами; помню, я получилъ отъ инспектора серебряный полтинникъ.

Кстати о благотворительности Шуйскаго купечества.

Нѣкоторые изъ богатыхъ Шуйскихъ купцовъ имѣли добрый обычай еженедѣльно, въ извѣстные дни, преимущественно воскресные, раздавать нищимъ милостыню деньгами или разными вещественными предметами. Это происходило такимъ образомъ. Въ извѣстный часъ, всѣхъ собравшихся къ дому того или другаго богача, впускали на дворъ и запирали ворота. За тѣмъ выходилъ самъ хозяинъ или прикащикъ и становился у калитки съ деньгами или вещами, въ родѣ, наприм., валяныхъ сапоговъ (въ зимнее время), шерстяныхъ чулокъ и варежекъ. Нищія поочередно подходили къ раздающему и получивъ такую или иную милостыню, выходили со двора въ калитку; и эта раздача, смотря по количеству нищихъ, продолжалась иногда по нѣсколько

1831. г часовъ. Василій Максимычъ Киселевъ часто самъ раздавалъ милостыню, и всегда денежную; и такъ какъ онъ характера былъ довольно грубаго и суроваго, то дастъ, бывало, нищему въ руку пятакъ и въ затылокъ толчекъ. Между нищими бывали и бѣдные ученики духовнаго училища. Но для этихъ послѣднихъ существовала въ Шуѣ особаго рода благотворительность. Нѣкоторые благочестивые купцы устраивали для нихъ разъ въ годъ, въ опредѣленные или неопредѣленные дни, обѣды изъ трехъ или четырехъ блюдовъ. Не далеко отъ училища жилъ купецъ П. А. Волковъ; у него каждый годъ, вскорѣ послѣ Пасхи, устраивался для всѣхъ учениковъ на широкомъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ, обѣдъ. Необходимую принадлежностью этого обѣда было то, чтобы какъ предъ обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда ученики громогласно пѣли извѣстныя церковныя пѣснопѣнія. Въ заключеніе обѣда каждому ученику давалось въ руки по пятаку мѣди. Однажды мы обѣдали въ домѣ (это было зимой) купца Корнилова; но тамъ послѣ обѣда, вмѣсто денегъ, намъ раздали по нѣскольку аршинъ полосатой затрапезной матеріи для халатовъ. А одинъ подгородный помѣщикъ (изъ чиновниковъ) Ив. Арт. Соколовъ послѣ обѣда награждалъ насъ синею писчею бумагою и гусиными перьями (о стальныхъ перьяхъ тогда и въ поминѣ еще не было).

Скажу здѣсь о себѣ нѣчто не доброе. Между товарищами моими по школѣ, какъ старшими, такъ и младшими даже, было не мало курящихъ и особенно нюхающихъ табакъ. Примѣръ обыкновенно заразителенъ. У меня не было расположенія къ куренію табака; самый запахъ его возбуждалъ во мнѣ отвращеніе: но къ нюханію табака добрые товарищи стали меня вріучать; не помню, кто-то подарилъ мнѣ даже табакерку съ табакомъ. Прошло не болѣе, я думаю, недѣли или двѣ, какъ объ этомъ провѣдала моя добрая и радѣтельная обо мнѣ хозяйка Александра Ивановна. Вѣроятно, она имѣла обыкновеніе по ночамъ осматривать наши карманы въ жилетахъ, чтобы видѣть, не скрывается ли въ нихъ чего-нибудь подозрительнаго. Нашедши при этихъ поискахъ въ моемъ карманѣ табакерку, она взяла ее, и на другой день, когда я всталъ съ постели, она, показывая мнѣ табакерку, держала ко мнѣ та-

кую грозную рѣчь: „что это такое у тебя завелось, — что это ты вздумалъ дѣлать?—Вотъ придетъ во вторникъ твой крестный, вотъ я ему покажу это: онъ дастъ тебѣ нюхать табакъ“.

1831 г.

Этотъ упрекъ доброй Александры Ивановны и эта угроза жалобою на меня дядѣ и крестному такъ сильно подѣйствовали на меня, что я рѣшительно пересталъ нюхать табакъ и никогда болѣе не начиналъ.

Александра Ивановна знала, чѣмъ пригрозить мнѣ. Дѣйствительно, я никого такъ не боялся, какъ своего дяди и отца крестнаго Петра Ивановича, хотя онъ ни разу пальцемъ до меня не дотрогивался. Онъ имѣлъ на меня какое-то особенное нравственное вліяніе. Табаку онъ терпѣть не могъ, хотя его сынъ, окончившій въ это время курсъ семинаріи, тайкомъ позволялъ себѣ это удовольствіе.

Скажу здѣсь мимоходомъ и о томъ, зачѣмъ по вторникамъ ѣздилъ въ Шую мой почтенный дядюшка. Въ Шуѣ по вторникамъ, какъ уже было замѣчено выше, были еженедѣльные базары, а мой дядюшка, какъ было также мною сказано, занимался торговлею. По этому онъ прѣзжалъ почти каждый вторникъ въ городъ и производилъ торговлю оконными рамами и фонарями. Иногда и онъ заходилъ къ намъ на квартиру, а чаще я провоживалъ его на базарѣ. Иногда, бывало, приду къ нему: онъ пошлетъ меня на рѣчку поить лошадь; или пойдетъ самъ, а меня оставитъ при своемъ товарѣ. Иногда давалъ онъ мнѣ за эти труды по мѣдному пятаку.

При счастливой памяти, мнѣ не много требовалось времени для приготовленія уроковъ къ классу; поэтому не мало оставалось у меня свободнаго времени. Чѣмъ же наполнялось это время? Частію чтеніемъ книгъ, болѣею частію, сказокъ, за неизмѣнимъ другихъ, лучшихъ произведеній литературы, частію списываніемъ стиховъ, пѣсенъ и другихъ статей. У меня до сихъ поръ сохранилась тетрадь въ три съ половиною листа синей бумаги, вѣроятно, полученной мною отъ помянутаго выше помѣщика Соколова. На этой тетради очень тщательно переписанъ мною—*Catalogus vocabulorum usitatorum vernacule redditorum*, т. е. списокъ словъ употребительнѣйшихъ съ російскимъ переводомъ“.

Этотъ списокъ раздѣленъ на 25 главъ.

1831 г. Въ первой главѣ содержатся слова (vocabula) „о Боже-ствѣ и до закона касающихся вещахъ“; во второй — „о вселенной, частяхъ свѣта и вѣтрахъ“ и т. д. Въ послѣдней главѣ—„о числительныхъ именахъ“. Подлинникъ, съ котораго я списывалъ, большею частію, по ночамъ, когда всѣ ложились спать, — принадлежалъ товарищу моему Александру Минервину, сыну помянутаго выше соборнаго священника, о. Петра Яковлевскаго.

Приближалось время перехода въ высшее отдѣленіе. Разныя тетрадки и записки по учебнымъ предметамъ низшаго отдѣленія, тщательно мною веденныя, оказывались болѣе не нужными для меня. Зная объ этомъ, жена инспектора, Авдотья Ивановна пожелала пріобрѣсть отъ меня эти записки для своего сына Павла Пѣвницкаго, который шель ниже меня курсомъ. Я не могъ, конечно, отказать въ требованіи своей начальницѣ. Она взяла мои записки и заплатила за нихъ 50 копѣекъ серебромъ.

Около 1832 года дядя мой — Петръ Ивановичъ выстроилъ новый деревянный домъ на мѣстѣ своего стараго и моего, проданнаго, дома. Домъ довольно просторный и очень красивый съ двумя комнатами — залою и гостиной впереди и, чрезъ корридоръ, съ кухнею назади, а на верху мезонинъ съ окнами, обращенными къ рѣкѣ и къ селу Дунилову. Лѣтомъ я очень любилъ уединяться въ этотъ мезонинъ для наслажденія красивыми видами природы и для чтенія какой-нибудь книжки. Чтеніемъ книгъ на глазахъ у тетки Татьяны Ивановны я не могъ заниматься спокойно: какъ неграмотная и не понимавшая ни пользы, ни удовольствія отъ чтенія книгъ, она почти съ отвращеніемъ смотрѣла на мои книжныя занятія, хотя, въ зимніе вечера, подъ воскресные и праздничные дни, когда дядя заставлялъ меня вслухъ читать Четин-миней святаго Дмитрія Ростовскаго, не безъ удовольствія слушала мое чтеніе и она.

17-го іюня, въ недѣлю всѣхъ святыхъ, скончался Горицкій священникъ, о. Матвѣй. Кончина этого почтеннаго старца сопровождалась особенными обстоятельствами. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ ежегодно совершался и, безъ сомнѣнія, донынѣ совершается изъ Покровской церкви, вокругъ Дунилова, крестный ходъ, въ которомъ участвуетъ обыкновенно все Дуниловское и Горицкое духовенство. О. Мат-

вѣй совершилъ въ своей приходской церкви литургію и, 1832 г. неразоблачаясь, отправился съ иконами въ Дунилово для участія въ крестномъ ходу. Дошедши до Крестовоздвиженской церкви, которая находится въ срединѣ села, и куда собралось духовенство съ иконами изъ прочихъ церквей, о. Матвѣй, чувствуя, при своихъ преклонныхъ лѣтахъ (ему было около 70-ти лѣтъ, если не больше) утомленіе, остался въ этой церкви, а прочіе отправились въ ходъ. Когда крестный ходъ возвратился къ Крестовоздвиженской церкви, о. Матвѣй, вышедъ на площадь предъ храмомъ и, какъ старшій между священниками, долженъ былъ читать Евангеліе на молебнѣ въ честь св. Николая. Лишь только онъ произнесъ послѣднія слова Евангелія: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ упалъ на землю и предалъ Богу душу. Не трудно представить, какое впечатлѣніе произведено было на духовенство и молящійся народъ этимъ внезапнымъ происшествіемъ. Поднятое съ земли тѣло честно перенесено было въ домъ и за тѣмъ, по совершеніи въ свое время чина погребенія, предано землѣ въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ блаженно почившій совершалъ послѣднюю Божественную литургію въ храмѣ. О. Матвѣй своимъ благолѣпнымъ служеніемъ, своимъ честнымъ поведеніемъ, своимъ благодушіемъ и кроткимъ обращеніемъ съ прихожанами надолго оставилъ по себѣ въ ихъ сердцахъ самую лучшую, признательную память.

Я не былъ очевидцемъ поразительной кончины досточтимого о. Матвѣя; я былъ въ это время въ Шуѣ; но мнѣ въ тотъ же день сдѣлались извѣстными обстоятельства его кончины изъ устъ моей тетки Татьяны Ивановны, пріѣхавшей въ Шую для закупки провизіи и напитковъ на поминовенную трапезу.

Мѣсто о. Матвѣя занялъ его зять, извѣстный о. Василій Сапоровскій.

Въ сентябрѣ 1832 г. я былъ уже ученикомъ высшаго отдѣленія и назначенъ былъ цензоромъ класса и квартирнымъ старшимъ. Обязанность цензора состояла въ наблюдении за порядкомъ въ классѣ, а должность старшаго заключалась въ посѣщеніи ученическихъ квартиръ съ цѣлю наблюденія за благоповеденіемъ учениковъ и исправнымъ приготовленіемъ заданныхъ уроковъ, — о чемъ и дѣлались

1832 г. старшимъ отмѣтки въ квартирномъ журналѣ: въ случаѣ же какихъ либо важныхъ безпорядковъ, старшій обязанъ былъ доносить о нихъ инспектору немедленно.

Къ прежнимъ учебнымъ предметамъ въ высшемъ отдѣленіи присоединились новые, какъ-то: священная исторія и географія. Кѣмъ была составлена исторія, не знаю; но географія была К. Арсеньева. Она съ нашего курса замѣнила прежнюю, неизвѣстно кѣмъ составленную. Для переводовъ съ латинскаго языка на русскій былъ у насъ Корнелій Непотъ, а съ греческаго та же хрестоматія Каченовскаго. Въ часы послѣ-обѣденные мы упражнялись обыкновенно въ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій языкъ, и только одинъ классъ назначенъ былъ для потнаго пѣнія.

Латинскій языкъ, катихизисъ и свящ. исторію преподавалъ намъ смотритель Василій Яковлевичъ Цвѣтковъ, а греческій языкъ и прочіе предметы инспекторъ П. П. Пѣвницкій.

Должно сказать по правдѣ, что преподаваніе у насъ, въ высшемъ отдѣленіи, шло очень неудовлетворительно. Да иначе и быть не могло: поелику оба наши преподаватели были вмѣстѣ съ тѣмъ и приходскими священниками при Воскресенскомъ соборѣ; а о. Цвѣтковъ, сверхъ того, отправлялъ службу и исполнялъ требы и за своего дѣда по женѣ, престарѣлаго протоіерея Никитскаго. Слѣдствіемъ сего было то, что смотритель или во все не приходилъ въ классъ, или приходилъ на самое короткое время. Инспекторъ чаще являлся къ намъ, но не всегда въ должномъ видѣ; особенно въ послѣобѣденные часы онъ приходилъ иногда въ классъ прямо изъ-за обильной трапезы въ домѣ какого-либо богатаго купца въ сильно-возбужденномъ состояніи, и въ этихъ случаяхъ онъ былъ для насъ особенно страшенъ: за малѣйшій проступокъ, или ошибку въ письменной задачѣ онъ подвергалъ насъ сильнымъ истязаніямъ.

Я сказалъ, что смотритель В. Я. Цвѣтковъ почти вовсе не ходилъ въ классъ: чѣмъ же, спрашивается, занимались въ его отсутствіе ученики?—Кулачными боями, или игрою въ карты. Но однажды вотъ что случилось. Нѣкоторые ученики, сидѣвшіе около двери, близъ которой было окно въ корридоръ, играли по обычаю въ карты. Смотритель, ко-

того на этотъ разъ не ожидали въ классѣ, поднимается 1832 г. по дѣстнищѣ и въ корридорное окно видить у учениковъ въ рукахъ карты. Быстро вошедши въ классъ, спрашивается: кто игралъ въ карты? Но ученики, успѣвши бросить карты въ небольшое отверстіе у печи, спокойно отвѣчаютъ: никто не игралъ. Какъ ни былъ добръ и благодушенъ почтенный Василій Яковлевичъ, но онъ сильно раздраженъ былъ явнымъ заперательствомъ учениковъ. Началъ было онъ обыскивать учениковъ, но ничего не нашелъ. Что дѣлать? Послалъ за инспекторомъ и когда тотъ пришелъ, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Инспекторъ началъ было съ того же, что тщетно испыталъ уже смотритель, т. е. обыскалъ всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго, и ничего не нашелъ. Въ сильной досадѣ озираясь кругомъ, обратилъ вниманіе на отверстіе у печи. Запустивши туда руку, вынимаетъ карты и громогласно, подобно Архимеду, кричитъ: *εἴρηκα, εἴρηκα* (нашелъ, нашелъ)! Кто, спрашиваетъ, игралъ въ карты? Поелику виноватымъ никто себя не призналъ, то рѣшено было на другой день всѣхъ пересѣчь розгами. Но я избѣжалъ этой казни. Когда она производилась, я былъ въ это время у смотрителя и занимался перепискою какихъ-то бумагъ (я у него служилъ вмѣсто писмоводителя). Вспомнивши о производящейся въ классѣ экзекуціи, добрейшій Василій Яковлевичъ говоритъ мнѣ: „что Тихомировъ, — счастливъ, что теперь сидишь здѣсь, а то и тебѣ бы не миновать розогъ“.

Но при другомъ, еще болѣе важномъ случаѣ, пришлось и мнѣ на ряду съ другими подвергнуться наказанію. Разъ смотритель прислалъ къ намъ въ классъ, вмѣсто себя, учителя 1-го класса (забылъ его фамилію). Ученики шумятъ и не слушаютъ учителя. Учитель, разсердившись, говоритъ наконецъ: „если не перестанете шумѣть, я уйду изъ класса“.

Кто-то изъ учениковъ довольно громко сказалъ: „и хорошо сдѣлаете“. Учитель ушелъ и принесъ смотрителю жалобу. Разбирательство этой жалобы опять поручено было инспектору; и какъ виновнаго разыскать не могли, то опять присудили всѣхъ къ наказанію, начиная съ меня, какъ цензора класса. Но это было первое и послѣднее наказаніе розгами, какое я испыталъ въ продолженіи семилѣтняго ученія въ школѣ. Угрожало мнѣ еще разъ подобное наказаніе: но, по счастію, угроза эта не была приведена въ исполненіе. Это

1832 г. было такъ. На мнѣ, какъ на квартирномъ старшемъ, лежала обязанность, сколько можно, чаще посѣщать квартиры. Но въ темные осенніе и зимніе вечера ходить одному, по грязнымъ или занесеннымъ снѣгомъ улицамъ и переулкамъ было весьма неудобно и небезопасно, по крайней мѣрѣ, отъ нападенія злыхъ собакъ; а при томъ жаль было напрасно и безплодно терять время. Между тѣмъ, каждый разъ старшій долженъ своеручно отмѣтить въ квартирной тетради, когда онъ былъ и все ли нашелъ въ порядкѣ. Затрудняясь, съ одной стороны, часто посѣщать квартиры, а съ другой, не желая показаться въ глазахъ начальства неисправнымъ, я дѣлалъ иногда такъ, что пришедши на ту или другую квартиру, расписывался въ тетради за нѣсколько дней въ разъ. Однажды, въ воскресенье вечеромъ, пришелъ я на квартиру въ домъ соборнаго діакона Кедрова и началъ дѣлать по обычаю росписки, какъ вдругъ входитъ грозный инспекторъ и застаётъ меня на мѣстѣ преступленія. Пришедши въ ярость, онъ тутъ же выдралъ меня за волосы и пригрозилъ на завтрашній день жестоко наказать розгами. Но, побывавши за тѣмъ у гостепріимнаго хозяина дома, и вѣроятно, выпивши лишнюю чару усыпительнаго нектара, забылъ о моей виновности, и я остался безъ наказанія.

У смотрителя Цвѣткова было въ подѣлю два послѣобѣденныхъ класса, когда онъ долженъ былъ давать намъ письменныя упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій. На этихъ классахъ онъ никогда почти не бывалъ; но дѣло ограничивалось только тѣмъ, что онъ приказывалъ мнѣ каждый разъ приходить предъ классомъ къ нему на домъ, и онъ послѣ своего, разумѣется, сытнаго обѣда, сядетъ, бывало, въ халатъ, по турецки, т. е. поджавши ножки, на диванъ и начнетъ мнѣ диктовать по латинской книгѣ (большою частію Лактанціи) русскій переводъ; пока я пишу сказанныя имъ слова, онъ успѣетъ уже задремать и мнѣ нужно было его каждый разъ пробуждать. Но пока онъ дремлетъ, я чрезъ столъ смотрю въ раскрытую предъ нимъ книгу и на память заучиваю латинскій текстъ. Написавши, съ большими промежутками времени, задачу, я отправлялся въ классъ и диктовалъ ее своимъ товарищамъ. Послѣ того, какъ я заучилъ на память латинскій текстъ,

перевести данную задачу съ русскаго языка на латинскій 1832 г. для меня ничево уже не стоило. И между тѣмъ, какъ у товарищей моихъ задача была переведена съ большимъ или меньшимъ числомъ ошибокъ, моя задача всегда была безошибочна.

Нѣчто подобное было и съ греческими упражненіями. Инспекторъ извлекалъ для насъ задачи изъ богословской греческой хрестоматіи. У одного изъ моихъ товарищей оказалась эта книга. И вотъ, бывало, мы непременно отыщемъ тѣ строки, которыя инспекторъ переводилъ на русскій языкъ и потомъ съ русскаго языка заставлялъ насъ перелгать на греческій. Съ помощію книги, намъ не трудно было дѣлать этотъ переводъ. Инспекторъ удивлялся нашимъ усиліямъ и сначала не понималъ, откуда у насъ такая эллинская премудрость. Наконецъ кто-то ему донесъ, что у насъ въ рукахъ имѣется та самая книга, которою онъ пользовался для своихъ задачъ. Книгу онъ отобралъ, и мы остались, какъ раки на мели.

Едва лишь я переступилъ порогъ высшаго отдѣленія училища, какъ удостоенъ былъ чести педагога и руководителя для другихъ младшихъ меня. Нашъ новый мѣстный благочинный, священникъ села Васильевского о. Григорій Вишняковъ, переведенный изъ Суздальскаго уѣзда на мѣсто протоіерей В. И. Смирнова, перемѣщеннаго къ Шуйской Крестовоздвиженской церкви,—привезъ въ Шую учиться своего сына Симеона. Незнакомый еще ни съ кѣмъ въ городѣ, онъ обратился къ смотрителю съ просьбой указать ему лучше квартиру и благонадежнаго ученика, которому бы онъ могъ поручить своего сына. Смотритель не могъ указать о. Вишнякову лучшей квартиры, какъ нашу и, видно, не нашелъ болѣе надежнаго ученика—руководителя для его сына, кромѣ меня. Итакъ о. благочинный, очень видный собою и солидный, является къ намъ на квартиру, проситъ Александру Ивановну принять на свое попеченіе его сына, а меня убѣждаетъ быть для него руководителемъ, по указанію о. смотрителя. Я убоялся такой чести и не охотно принималъ на себя обязанность педагога, но, съ другой стороны, не смѣлъ и отказать въ настойчивомъ требованіи о. благочиннаго. Питомецъ мой оказался мальчикъ добрый и способный. Почтенный отецъ его, прѣзжая время отъ

1833 г. времени въ Шую, навѣдывался о немъ и, довольный моимъ надзоромъ, угощаль иногда меня сбитнемъ съ пирогами, которые привозилъ для сына изъ дому. Впоследствии, мой питомецъ Семень Григорьевичъ Вишняковъ опередилъ меня. Когда я въ 1846 году прѣхалъ въ Московскую академію учиться, онъ переходилъ уже на старшій курсъ, и окончивши въ 1848 году курсъ академіи съ званіемъ магистра, опредѣленъ былъ на должность профессора въ Виѣанскую семинарію, а оттуда перешелъ въ Москву на священническое мѣсто, гдѣ и скончался въ санѣ протоіерея 5 іюня 1892 года.

Помянутый сейчасъ протоіерей В. И. Смирновъ, въ бытность свою нашимъ благочиннымъ, принялъ отъ покупателя моего дома часть денегъ, именно 50 рублей и, вѣроятно, забылъ передать ихъ преемнику своему, о. Григорію Вишнякову. Дядя и опекунъ мой Петръ Ивановичъ, опасаясь, какъ бы деньги эти не пропали, прѣхавши разъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Шую, купилъ штофъ французской водки на мой счетъ, и взявши меня, повелъ съ собою къ о. протоіерею Смирнову просить у него принадлежащія мнѣ деньги. Почтенный о. протоіерей, благосклонно принявши наше винное приношеніе, немедленно выдалъ намъ подъ росписку деньги.

Осенью 1833 года прѣхалъ въ Шую, по случаю, кажется, закладки новой каменной церкви въ Спасскомъ приходѣ, ректоръ Владимірской семинаріи, архимандритъ Неофитъ. Само собою разумѣется, что онъ посѣтилъ и наше училище. Когда онъ вошелъ въ высшее отдѣленіе, ученики хоромъ пропѣли: „Salutamus“ (т. е. привѣтствуемъ). Затѣмъ я произнесъ латинскую рѣчь, сочиненную учителемъ низшаго отдѣленія, священникомъ Я. П. Холуйскимъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ заключалась эта рѣчь:

„Non ita natura laetatur instante vere, quam maxima ob Tuum nobis jucundissimum adventum pectora nostra afficiuntur laetitia. Tunc enim temporis calor solis mortuas seminum radices resuscitat; nunc vero benevola Tua praesentia in animas nostras, quae se laturas esse nonnunquam fructus promittunt, vehementem impetum ad ulterius promovendas ac excolendas litteras inspirat. Venias igitur, musarum Pro-

tector optime! venias, ut revivificentur corda nostra, quae 1833 г. ad excipienda salutaria Tua instituta, semper prompta sunt*.

То есть: „Но столько радуется природа при наступлении весны, сколько наши сердца восхищаются сильнѣйшимъ восторгомъ при Твоемъ пріятнѣйшемъ для насъ пришествіи. Ибо тамъ теплота солнечная оживотворяетъ помертвѣвшіе корни сѣмянъ: здѣсь благосклонное Твое присутствіе вдыхаетъ въ наши души, обещающія принести нѣкогда плоды, сильное стремленіе къ продолженію и изученію наукъ. Гряди убо, благодѣннѣйшій Покровитель музъ, гряди, да наши сердца, всегда готовые къ принятію Твоихъ спасительныхъ наставленій, оживотворятся.“

Долго ли пробылъ въ нашемъ классѣ высокопочтенный посѣтитель и что онъ дѣлалъ, не помню; помню только, что онъ напутствованъ былъ другою рѣчью — греческою, составленною инспекторомъ Шѣвницкимъ и произнесенною моимъ товарищемъ Иваномъ Аменицкимъ. Къ сожалѣнію, я не могу передать здѣсь содержаніе это рѣчи; но въ моей памяти сохранился только послѣднія слова оной: *quae teóphota* (новонасаженные лѣтораели), удачно примѣсенныя къ имени посѣтителя: Неофитъ.

Въ 1833 году производилась, по распоряженію Правительства, народная перепись. Мнѣ поручено было смотрителемъ переписать ревизскую сказку для дѣдушки, еоборнаго протоіерея А. И. Никитскаго. Когда я привесъ переписанную мною сказку и вручилъ самому о. протоіерею, этотъ 87-ми-лѣтній ученѣйшій старецъ обласкалъ меня и вступилъ со мною въ разговоръ. О чемъ была рѣчь, я теперь уже не помню, но въ моей памяти вѣзались слѣдующія слова старца: „вотъ, Тихомировъ, какъ я учился въ Москвѣ: и въ академіи, и въ университетѣ я окончилъ курсъ первымъ студентомъ. Учись и ты такъ“.

Въ то же время смотритель о. Василій Цвѣтковъ поручалъ мнѣ переписать составленную имъ для его прихожанки, богатой купчихи Болотовой, ревизскую сказку; и когда я переписалъ, онъ велѣлъ мнѣ отнести ее къ Болотовой. За этотъ трудъ она дала мнѣ нѣсколько аршинъ ситца для сорочки.

Въ 1833 году я взятъ былъ въ нѣвческій хоръ купца Киселева и нѣлъ теноромъ, хотя голосъ у меня былъ не

1834 г. очень завидный. Эта новая профессія доставляла мнѣ нѣкоторыя выгоды: я получалъ и одежду и небольшое денежное жалованье; сверхъ того имѣлъ доступъ въ богатые купеческіе дома, гдѣ видѣлъ всякаго рода роскошь, и следовательно болѣе или менѣе изощрялъ свой эстетическій вкусъ. Но, съ другой стороны, не мало видѣлъ и худыхъ примѣровъ.

Въ началѣ 1834 года одинъ молодой, лѣтъ 15-ти еврей расположился принять христіанскую вѣру. Епархіальное начальство поручило нашему смотрителю, хорошо знавшему еврейскій языкъ, приготовить этого еврея и окрестить. О. смотритель, занимаясь съ евреемъ катихизическими бесѣдами, мнѣ поручилъ научить его славянскому чтенію. Юноша—еврей, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, приходилъ къ намъ въ классъ и, садясь рядомъ со мною, читалъ подъ моимъ руководствомъ славянскую псалтирь. Въ день Благовѣщенія совершенно было надъ нимъ торжественное крещеніе въ соборной церкви, и о. Василиемъ сказана была при этомъ случаѣ рѣчь, которую я переписывалъ на бѣло. Восприемниками при крещеніи были богатые люди, которые доставили своему крестнику возможность заниматься торговыми дѣлами. Но я своего ученика послѣ крещенія не встрѣчалъ уже ни разу. Подобнаго событія въ Шуѣ я не только не видалъ прежде, но и не слыхалъ никогда.

Страстную и свѣтлую недѣлю, равно какъ и предшествовавшіе рождественскіе праздники, я проводилъ въ Шуѣ по обязанности иѣвчаго. Но я не испыталъ здѣсь въ эти великіе и торжественные праздники тѣхъ радостныхъ чувствъ, какія каждый разъ испытывалъ на своей родинѣ, въ своемъ родномъ храмѣ. На сырную недѣлю отпирался я на родину, тамъ провелъ и первую недѣлю поста. На это время намъ былъ данъ инспекторомъ урокъ, велѣно было перевести съ греческаго языка на русскій слово св. Іоанна Златоуста на память св. мученика Варлаама. Этимъ важнымъ дѣломъ я, помню, занимался на Пустынькѣ, у сестры Марьи Михайловны, въ тѣсной и холодной избѣ, гдѣ и куры бродили, куда по утру и корову вводили для доенія... Для облегченія себя въ учено-филологическомъ трудѣ, я пользовался славянскимъ переводомъ того же слова, помѣщеннымъ въ Четвѣй-миней св. Димитрія Ростовскаго; а эту

книгу зять принесъ мнѣ изъ библіотеки Цокровской Дуни-1834 с. ловекой церкви.

Вскорѣ послѣ св. недѣли послѣдовала кончина супруги нашего смотрителя, В. Я. Цвѣткова, Евлампіи Матвѣевны. Какъ теперь помню, меня заставили стоять въ церкви при гробѣ почившей и держать на рукахъ малютку сына ея — Владиміра.

Приближалось время окончанія училищнаго курса. Вдругъ между нами распространяется слухъ о пріѣздѣ изъ Владиміра какого-то ревизора, о чемъ прежде въ Шуѣ и понятія не имѣли. Наконецъ узнаемъ, что для производства ревизіи ѣдетъ инспекторъ семинаріи, магистръ, іеромонахъ Израиль. Смотритель Василій Яковлевичъ, получивъ извѣстіе о приближеніи къ городу ревизора, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу на парѣ отличныхъ лошадей купца Посылина, въ фаэтонѣ. И вотъ, чрезъ нѣсколько часовъ, мы видимъ изъ оконъ своей квартиры ѣдущаго съ смотрителемъ грознаго ревизора. Ревизоръ остановился въ домѣ смотрителя.

На другой день ревизоръ, въ сопровожденіи смотрителя, пожаловалъ въ наше высшее отдѣленіе. Мы увидѣли предъ собою молодого іеромонаха съ магистерскимъ крестомъ на золотой цѣпочкѣ, невысокаго роста съ свѣтлорусыми волосами на головѣ и бородѣ, съ живыми глазами и громкимъ тенористымъ голосомъ. По прочтеніи молитвы и по прощаніи обычнаго въ то время: *Salutamus*, ревизоръ сѣлъ въ кресло, пригласивъ сѣсть и смотрителя, но учителей не удостоилъ этой чести: они стояли, прислонившись къ партамъ. Съ чего начался устный экзаменъ, не помню; но помню, что въ тотъ же самый день, или на слѣдующій ревизоръ далъ намъ письменную задачу для перевода съ русскаго языка на латинскій, разсчитывая, разумѣется, по этому письменному опыту составить вѣрное понятіе о степени нашихъ усилій въ знаніи латинскаго языка. Но его расчетъ не могъ быть вѣренъ. Ревизоръ поручилъ учителю низшаго отдѣленія, священнику Я. И. Холуйскому принимать отъ насъ написанныя задачи, между тѣмъ самъ занимался производствомъ устныхъ испытаній. Я скорѣе прочихъ написалъ задачу и подалъ ее о. Холуйскому. Онъ, прочитавши мою задачу и увидѣвши, что она написана удовлетворительно, взялъ ее въ лѣвую руку и, стоя у

1834 г. парты лицомъ къ ревизору, поднялъ ее нѣсколько выше своего лѣваго плеча и далъ знакъ нѣкоторымъ близъ сидѣвшимъ ученикамъ, чтобъ они смотрѣли въ мою тетрадь и сами списывали и товарищамъ передавали. Такимъ образомъ у всѣхъ почти учениковъ задача вышла весьма удовлетворительная. И эта хитрость о. Холуйскаго осталась незамѣченною ревизоромъ.

Сколько дней продолжались частныя испытанія, хорошо не помню; помню только, что ревизоръ послѣ обѣда, по причинѣ июльскихъ жаровъ, приходилъ къ намъ въ классъ не ранѣе 4-хъ часовъ и оставался часовъ до 8-ми.

Наконецъ назначенъ былъ день для публичнаго экзамена. Приготовленія къ этому торжественному дню были тѣ же самыя, какія мною описаны выше: но публики на этотъ разъ было больше, чѣмъ въ прежніе годы. На публичный экзаменъ прибылъ и старецъ—соборный протоіерей Никитскій, которому о. ревизоръ предоставилъ занять первенствующее мѣсто. Былъ на этомъ торжествѣ и одинъ изъ упомянутыхъ мною выше братьевъ Соловьевыхъ, студентъ Московской д. академіи Михайль Михайловичъ. Ему, не помню, кто—ревизоръ, или смотритель, предложилъ испытать меня въ знаніи греческаго языка, и онъ заставилъ меня переводить первые стихи изъ Евангелія отъ Іоанна. Важную особенность настоящаго публичнаго экзамена составляло то, что намъ, лучшимъ ученикамъ, вмѣсто прежнихъ похвальныхъ листовъ, дали въ награду книги. Я получилъ даже двѣ книги, съ подписью ревизора и смотрителя: Латино-русскій лексиконъ Целларія и еще какую-то книжку. Эта двойная награда мнѣ дана за успѣхи въ наукахъ и, можетъ быть, за безмездные труды по письмоводству. Съ ревизоромъ пріѣзжалъ въ Шую письмоводитель семинарскаго правленія Руновъ; но онъ не могъ одинъ справиться съ официальною перепискою, такъ какъ кромѣ другихъ бумагъ, пужно было для каждаго переведеннаго въ семинарію ученика написать свидѣтельство. Поэтому я назначенъ былъ ему въ помощь.

Кстати о письмоводительствѣ. Выше было уже говорено, что я у смотрителя Василя Яковлевича года два или три исправлялъ должность письмоводителя. При этомъ онъ не разъ мнѣ говаривалъ: „вотъ, Тихомировъ, смотри, учись

какъ надобно писать официальные бумаги: со временемъ, 1834 г. можетъ быть, и ты будешь смотрителемъ училища^а. Это предсказаніе добраго и благорасположеннаго ко мнѣ о. смотрителя, который впрочемъ, какъ имѣвшій ученую академическую степень, подписывался исправляющимъ должность ректора училища, — впоследствии, какъ увидимъ, исполнилось падо мною и даже съ избыткомъ.

Итакъ, съ Божіею помощію, я благополучно совершилъ семилѣтнее поприще начальнаго ученія. За тѣмъ мнѣ предстояло вступить на путь высшаго семинарскаго образованія.

Вакацію проводилъ я частію на родинѣ, частію въ другихъ мѣстахъ, какъ-то, въ селахъ — Кохмѣ и Хотимлѣ. Какъ ни весело было отдыхать послѣ семилѣтнихъ трудовъ; но тѣмъ не менѣе я былъ сильно озабоченъ мыслию о томъ, что ожидало меня впереди. Какіе труды, какія занятія предстояли мнѣ въ семинаріи, я не имѣлъ о томъ яснаго представленія. Къ счастью моему, во время вакаціи гостилъ на Пустынькѣ у моего двоюроднаго дѣдушки, о. Козьмы, его родной внукъ, Николай Алексѣичъ (фамилію его забыть) — ученикъ Костромской семинаріи, переведенный изъ низшаго отдѣленія въ среднее. Прогуливаясь съ нимъ по полю, я полюбозытствовалъ спросить его, чѣмъ онъ занимался въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Главнымъ занятіемъ нашимъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, — „были сочиненія“. Что такое сочиненія, какъ это сочиняютъ, — спросилъ я опять? — „А вотъ какъ, отвѣчалъ онъ: дадутъ намъ тему — два, три слова, а мы напишемъ изъ нихъ нѣсколько страницъ“. Я рѣшительно не могъ понять, какъ это изъ двухъ-трехъ словъ можетъ выйти нѣсколько страницъ. Такъ слабо развиты были наши понятія, такъ мало мы были приготовлены къ семинаріи!...

Въ Кохмѣ я встрѣтился съ помянутымъ выше священническимъ сыномъ Александромъ Николаевичемъ Соколовымъ, который также перешелъ въ среднее отдѣленіе семинаріи. Я и къ нему обратился съ такимъ же вопросомъ и просилъ его совѣтовъ и наставленій касательно предстоящимъ мнѣ занятій. Онъ посоветывалъ мнѣ читать, какъ можно, больше книгъ, и тутъ же вручилъ мнѣ, для чтенія, случившуюся у него книжку: „повѣсть о Францѣ Велліанѣ“. Во второй половинѣ августа, двоюродный братъ мой,

1834 г. Иванъ Петровичъ Тихомировъ, окончившій курсъ семинаріи въ 1832 году съ званіемъ студента, опредѣленъ былъ къ Хотимльской церкви діакonomъ на мѣсто своего зятя Н. Н. Успенскаго, который при той же церкви получилъ священническое мѣсто. Онъ женился на дочери священника Ильинскаго погоста, близъ Шуи, о. Михаила Соловьева, Аннѣ Михайловнѣ. Бракъ совершенъ былъ въ послѣднихъ числахъ августа въ церкви Ильинскаго погоста¹⁾. Я былъ участникомъ брачнаго пиршества, происходившаго въ небольшомъ каменномъ домикѣ о. Михаила. Здѣсь я познакомился съ младшимъ изъ сыновей его Николаемъ Михайловичемъ, который перешелъ въ высшее отдѣленіе семинаріи; старшіе его братья Михаилъ и Алексѣй (впослѣдствіи Агаѳангель) не присутствовали на бракѣ; они были въ академіи, въ Троицкой Сергіевой лаврѣ.

Здѣсь не могу я не остановиться на примѣчательной личности родителя невесты, о. Михаила Николаевича Соловьева.

Михаилъ Николаевичъ родился 1-го ноября 1777 года въ погостѣ Іоакиманскомъ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Шуи. Родитель его Николай Никифоровичъ былъ діакonomъ въ этомъ погостѣ. Мать его Анастасія Алексѣевна была весьма набожна и благочестива. Каждый годъ ходила она на богомолье съ юнымъ Михаиломъ въ сосѣдній погостъ Ильинскій (Телешево тожъ), и здѣсь, сидя съ нимъ на берегу р. Тезы и любуясь красивымъ мѣстоположеніемъ погоста, говаривала сыну: „Миша, какъ здѣсь хорошо! О еслибы ты въ этомъ селѣ былъ священникомъ!“

Въ 1788 году Михаилъ поступилъ въ Суздальскую семинарію. При отличныхъ дарованіяхъ, онъ подавалъ о себѣ родителямъ добрую надежду. Но Богу угодно было преждевременно прекратить его учебное поприще. Скончался его отецъ, и онъ, по настоянію матери-вдовы, долженъ былъ выйти изъ риторическаго класса семинаріи, чтобы занять мѣсто родителя, для поддержанія осиротѣлаго семейства. Получивъ санъ діакона 12-го іюля 1793 года, онъ съ усердіемъ исполнялъ свои обязанности въ церкви и приходѣ, а

¹⁾ Лѣтопись объ Ильинской церкви пог. Ильинскаго-Телешева напечатана во Влад. Еп. Вѣд. 1881 г. №№ 10 и слѣд.

дома часто предавался уединенной молитвѣ. Хотѣлъ бы онъ, 1834 г. по возбужденной въ немъ любознательности, продолжать свое образованіе посредствомъ чтенія книгъ; но въ его домѣ, по смерти родителя, оказалось только двѣ книги: Часовникъ и Псалтирь. Къ счастью своему, онъ нашелъ въ домѣ прихожанина Іоакиманской церкви, помѣщика Каблукова, самую лучшую изъ книгъ—Библию. Съ пламеннымъ усердіемъ онъ началъ читать ее, оставляя въ сторонѣ домашнія занятія. Но поелику въ писаніяхъ, особенно пророческихъ, онъ встрѣчалъ нѣкоторыя, неудобопонятныя для него мѣста, то старался доставать, между прочимъ и покупкою, отеческія творенія, заключающія въ себѣ толкованія на священное Писаніе. Сосѣдніе помѣщики, слыша о такой любознательности діакона, столь рѣдкой между духовенствомъ того времени, съ любопытствомъ входили съ нимъ въ бесѣду и удивлялись его здравымъ сужденіямъ и обширной начитанности. Въ апрѣлѣ 1799 года діаконъ Соловьевъ, по желанію прихожанъ, былъ рукоположенъ во священника къ церкви Ильинскаго погоста—къ той самой церкви, при которой желала ему быть его благочестивая мать.

Здѣсь о. Михаилъ еще съ большею ревностію сталъ продолжать свое самообразованіе. Уволенный отъ должности, за лишеніемъ зрѣнія, учитель риторики и всеобщей исторіи въ Суздальской семинаріи Д. Р. Тихомировъ, поселился въ погостѣ Ильинскомъ. О. Михаилъ не преминулъ воспользоваться столь благопріятнымъ обстоятельствомъ. Онъ сблизился съ слѣпцомъ-учителемъ и пожелалъ быть его ученикомъ; подъ его руководствомъ, онъ изучилъ риторику, всеобщую исторію и отчасти философію. По смерти своего руководителя, послѣдовавшей въ октябрѣ 1812 года, о. Михаилъ продолжалъ неутомимо читать книги, преимущественно духовно-нравственнаго содержанія, которыя онъ пріобрѣталъ частію на церковныя деньги, а частію на свои собственныя, скудныя средства.

Проводя честную и благочестивую жизнь, онъ имѣлъ весьма сильное и благотворное вліяніе на свою паству. Было въ его приходѣ нѣсколько душъ раскольниковъ: своими разумными бесѣдами и кроткимъ съ ними обращеніемъ онъ всѣхъ ихъ обратилъ къ Церкви.

У отца Михаила было семь человекъ дѣтей: три сына и

1834 г. четыре дочери. Онъ далъ всѣмъ имъ доброе христіанское воспитаніе. Изъ сыновей двое старшихъ—Михаилъ и Алексѣй (въ монашествѣ Агаѳангель) получили академическое образованіе, а младшій Николай окончилъ курсъ семинаріи съ званіемъ студента и занялъ родительское мѣсто. Дочери всѣ выданы были въ замужество: одна за священника, а прочія за діаконовъ. Младшая дочь Анна Михайловна, выданная въ замужество за моего двоюроднаго брата, получила образованіе въ Арзамасской Алексіевской общинѣ и умѣла даже играть на гусляхъ.

О. Михаилъ, съ юныхъ лѣтъ проникнутый религіознымъ настроеніемъ, дважды путешествовалъ въ Кіевъ, для поклоненія тамошнимъ святымъ. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда съ семействомъ помянутаго выше помѣщика Каблукова въ маѣ—юнѣ 1822 года. Какъ человекъ въ высшей степени любознательный, онъ на все, что встрѣчалось ему на пути и въ самомъ Кіевѣ достопримѣчательнаго, обращалъ вниманіе и все записывалъ. Во второй разъ онъ путешествовалъ въ Кіевъ въ 1835 году послѣ того, какъ устроилъ послѣднюю свою дочь Анну. На этотъ разъ спутникомъ ему былъ сосѣдній помѣщикъ И. А. Соколовъ. О. Михаилъ и во время этого путешествія велъ краткій дневникъ, который мнѣ довелось впоследствии переписывать, по порученію старшаго сына его Михайла Михайловича. Но изъ втораго путешествія своего онъ уже не возвратился домой. Прибывъ въ Кіевъ 26 мая, въ день св. Троицы, онъ въ ту же ночь сдѣлался боленъ лихорадкою и—черезъ недѣлю его не стало. Онъ скончался въ Михайловскомъ монастырѣ, въ покояхъ своего земляка, преосвященнаго Владиміра (Алявдина), викарія Кіевской митрополіи, который и совершилъ надъ нимъ чинъ погребенія. Вѣчная ему память ¹⁾!

Я зналъ покойнаго о. Михаила еще прежде, чѣмъ совершилось бракосочетаніе его дочери съ моимъ двоюроднымъ братомъ. Бывало, въ Шуѣ, во вторничный день онъ

¹⁾ Изложенная мною здѣсь свѣдѣнія объ о. Михаилѣ заимствованы изъ его біографіи, составленной младшимъ сыномъ его, священникомъ Н. М. Соловьевымъ и напечатанной въ *Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1865 г., по распоряженію преосв. Агаѳангела, бывшаго тогда епископомъ Вятскимъ.

идеть по базару въ своемъ суконномъ полукафтани (безъ 1834 г. риса) кармазиннаго — краснаго цвѣта, и все отдають ему поклонъ, какъ человеку, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. При многочисленномъ семействѣ и при небольшомъ приходѣ онъ не обладалъ богатыми средствами, и потому соблюдалъ во всемъ крайнюю расчетливость. Когда его дѣти обучались въ Шуйскомъ училищѣ, онъ придетъ бывало, къ нимъ на квартиру и дастъ на троихъ пять конфектъ, примолвивши при этомъ: Алеша, Миша, Николаша — вотъ вамъ пять конфектъ, да смотрите — не лакомьтесь!

Но я слишкомъ уже уклонился отъ своего главнѣйшаго предмета. Возвращусь назадъ.

Послѣ пиршества въ домѣ о. Михаила, родителей невѣсты, мы отправились въ тотъ же день для продолженія брачнаго пиршества, въ домъ родителей жениха, въ село Горницы, отстоящее отъ Ильинскаго погоста верстахъ въ 20-ти. Меня отправили на особой подводѣ, впередъ съ имуществомъ невѣсты. Въ Горницахъ пиршество продолжалось дня два или три. Семейная радость была неописанная; съ утра до ночи гости пили, ѣли и веселились; не умолкало и пѣніе, особенно часто повторялось: *многая лета*, такъ что у меня, въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ звучали эти слова въ ушахъ.

И вотъ, прямо съ этого веселаго пиршества, я долженъ былъ отправиться въ дальній путь — въ древній градъ Владиміръ, куда призывали меня новыя учебныя обязанности. Меня повезъ туда на своемъ конѣ, въ простой русской телѣгѣ, зять мой, Василій Александровичъ.

Путь нашъ ко Владиміру лежалъ чрезъ большое село Лежнево, мимо Золотниковской пустыни, чрезъ городъ Суздаля и нѣкоторыя другія села.

Скажу нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ мѣстностей. Село Лежнево, Ковровскаго уѣзда, расположено по обоимъ берегамъ р. Ухтомы и есть одно изъ древнѣйшихъ селеній. Въ XVI ст. оно описано было за поминницею Ишиа Грознаго книжною Старицкою Марьею Владиміровною, когда она была выдана за Датскаго принца Магнуса, котораго Грозный наименовалъ «королемъ Ливонскимъ». Эта королева основала въ Лежневѣ Знаменско-Рождественскій женскій монастырь; монастырь этотъ въ 1764 году упряд-

1834 г. четыре дочери. Онъ далъ всемъ имъ доброе христіанское воспитаніе. Изъ сыновей двое старшихъ—Михаилъ и Алексѣй (въ монашествѣ Агафангелъ) получили академическое образованіе, а младшій Николай окончилъ курсъ семинаріи съ званіемъ студента и занялъ родительское мѣсто. Дочери всѣ выданы были въ замужество: одна за священника, а прочія за діаконовъ. Младшая дочь Анна Михайловна, выданная въ замужество за моего двоюроднаго брата, получила образованіе въ Арзамасской Алексіевской общинѣ и умѣла даже играть на гусляхъ.

О. Михаилъ, съ юныхъ лѣтъ проникнутый релігіознымъ настроеніемъ, дважды путешествовалъ въ Кіевъ, для поклоненія тамошнимъ святымъ. Въ первый разъ онъ ѣздилъ туда съ семействомъ помянутаго выше помѣщика Каблукова въ маѣ—юніѣ 1822 года. Какъ человекъ въ высшей степени любознательный, онъ на все, что встрѣчалось ему на пути и въ самомъ Кіевѣ достопримѣчательнаго, обращалъ вниманіе и все записывалъ. Во второй разъ онъ путешествовалъ въ Кіевъ въ 1835 году послѣ того, какъ устроилъ послѣднюю свою дочь Анну. На этотъ разъ спутникомъ ему былъ сосѣдній помѣщикъ П. А. Соколовъ. О. Михаилъ и во время этого путешествія велъ краткій дневникъ, который мнѣ довелось впоследствии переписывать, по порученію старшаго сына его Михайла Михайловича. Но изъ втораго путешествія своего онъ уже не возвратился домой. Прибывъ въ Кіевъ 26 мая, въ день св. Троицы, онъ въ ту же ночь сдѣлался боленъ лихорадкою и—черезъ недѣлю его не стало. Онъ скончался въ Михайловскомъ монастырѣ, въ покояхъ своего земляка, преосвященнаго Владиміра (Алядина), викарія Кіевской митрополіи, который и совершилъ надъ нимъ чинъ погребенія. Вѣчная ему память!)!

И зналъ покойнаго о. Михаила еще прежде, чѣмъ совершилось бракосочетаніе его дочери съ моимъ двоюроднымъ братомъ. Бывало, въ Шуѣ, во вторничный день онъ

1) Изложенная мною здѣсь свѣдѣнія объ о. Михаилѣ заимствованы изъ его біографіи, составленной младшимъ сыномъ его, священникомъ П. М. Солоньевымъ и напечатанной въ *Витскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1865 г., по распоряженію преосв. Агафангела, бывшаго тогда епископомъ Витскимъ.

идеть по базару въ своемъ сукономъ полукафтаны (безъ 1834 г. рясы) кармазиннаго — краснаго цвѣта, и всею отлаютному поклонъ, какъ челоуѣку, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. При многочисленномъ семействѣ и при небольшомъ приходѣ онъ не обладалъ богатыми средствами, и потому соблюдалъ во всемъ крайнюю расчетливость. Когда его дѣти обучались въ Шуйскомъ училищѣ, онъ придетъ бывало къ нимъ на квартиру и дастъ на троихъ пять копѣекъ, прамолвивши при этомъ: „Алеша, Миша, Николаша — вотъ вамъ пять копѣекъ, да смотрите — не лакомьтесь“.

Но я слишкомъ уже уклонился отъ своего главнаго предмета. Возвращусь назадъ.

Послѣ пиршества въ домѣ о. Михаила, родителя невѣсты, мы отправились въ тотъ же день для продолженія брачнаго пиршества, въ домъ родителей жениха, въ село Горницы, отстоящее отъ Ильинскаго погоста верстахъ въ 20-ти. Меня отправили на особой подводѣ, впередъ съ имуществомъ невѣсты. Въ Горницахъ пиршество продолжалось два или три. Семейная радость была неописанная; съ утра до ночи гости пили, ѣли и веселились; не умолкало и пѣніе, особенно часто повторялось: *многая лѣта*, такъ что у меня въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ звучали эти слова въ ушахъ.

И вотъ, прямо съ этого веселаго пиршества, я долженъ былъ отправиться въ дальній путь — въ древній градъ Владиміръ, куда призывали меня новыя учебныя обязанности. Меня повезъ туда на своемъ конѣ, въ простой русской телѣгѣ, зять мой, Василій Александрычъ.

Путь нашъ ко Владиміру лежалъ чрезъ большое село Лежнево, мимо Золотниковекой пустыни, чрезъ городъ Суздаль и нѣкоторыя другія села.

Скажу нѣсколько словъ о каждой изъ этихъ мѣстностей. Село Лежнево, Ковровскаго уѣзда, расположено на обѣимъ берегамъ р. Ухтомы и есть одно изъ древнѣйшихъ селеній. Въ XVI ст. оно отшесано было за племянницею Ивана Грознаго княжною Старицкою Марьею Владиміровною, когда она была выдана за Датскаго принца Магнуса, котораго Грозный наименовалъ „королемъ Ляонекимъ“. Эта королева основала въ Лежневѣ Знаменско-Рождественскій женскій монастырь; монастырь этотъ въ 1764 году упразд-

1834 г. нень и обращень въ приходскую церковь. При проѣздѣ моемъ чрезъ село Лежнево въ первый разъ, я увидѣлъ въ немъ четыре каменные церкви съ высокою (въ 33 сажени) колокольнею. По штату, при этомъ приходѣ состояло тогда четыре священника и соотвѣтствующее сему число прочихъ членовъ причта. Старшій священникъ (впослѣдствіи протоіерей и благочинный) Левъ Ив. Полисадовъ, по своему нравственному характеру, соотвѣтствовалъ своему имени: онъ отличался строгимъ образомъ жизни и владычественнымъ характеромъ. Предъ нимъ все подчиненные трепетали, хотя онъ никому ничего худаго не сдѣлалъ. Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ подчиненныхъ ему діаконовъ: „Росту о. протоіерей (это было уже въ 1856 году) былъ выше средняго, сутуловатъ; не тученъ, но и не худощавъ былъ; брови сросшіяся, очень густыя, нависшія много на глаза; борода большая, волнистая; волосы короткіе на головѣ. — Все съ большою похвалою отзывались объ его служеніи вообще, и объ его порядкахъ по храму въ особенности. Онъ требовалъ отъ діаконовъ не снѣшнаго произношенія прошеній на эктеніяхъ. Шестопсалміе всегда читалось посреди храма, а также и каѳизмы. Любилъ онъ столповое пѣніе, партесное же не очень уважалъ. По его распоряженію, дьячки и попомари безусловно покорялись діакону. Сказыванія проповѣдей почему-то онъ не уважалъ, не смотря на то, что самъ былъ мастеръ и писать и сказывать (онъ былъ изъ лучшихъ студентовъ семинаріи). Онъ говаривалъ: „служба церковная—лучшая проповѣдь“.

„Домашняя жизнь о. Полисадова мало кому была извѣстна: онъ жилъ воистину затворникомъ¹⁾. Онъ велъ самую регулярную жизнь: въ 4 часа вставалъ, въ половинѣ 12-го обѣдалъ, въ 8 ужиналъ, а въ 9 ложился спать. Водки онъ не пилъ никогда; употреблялъ только по польрюмки сотерна: но къ старости, по совѣту знатоковъ, онъ употреблялъ предъ обѣдомъ и ужиномъ по мальенькой рюмкѣ коньяку. Боли зубовъ онъ не вѣрилъ, потому что они у

¹⁾ О. Полисадовъ съ молодыхъ лѣтъ овдовѣлъ и имѣлъ одну только дочь, которую выдалъ въ замужество за священника, но который скоропотомъ умерла.

него никогда не боаѣли и сохранились до смерти, хотя онъ 1834 г. былъ большой охотникъ до орѣховъ¹⁾.

Я разъ только видѣлъ о. Полисадова въ 1842 году, когда былъ уже священникомъ. Онъ былъ товарищемъ по семинари и другомъ моему тестю В. В. Царевскому, и когда я, проѣзжая чрезъ Лежнево на родину, посѣтилъ его, онъ принялъ меня весьма радушно и оставилъ у себя ночевать.

Золотниковская пустынь расположена на берегу рѣчки Золотнички. Основана въ 1624 году. Въ ней въ 1663 году принялъ иночество св. Митрофанъ, впоследствии епископъ Воронежскій. Пустынь эта не отличалась въ послѣднее время особеннымъ благоустройствомъ, по причинѣ скудости средствъ, и ей предстояло, кажется, упраздненіе: но въ шестидесятыхъ годахъ она поддержана и приведена въ приличный видъ тщаніемъ и усердіемъ богатаго купца села Иванова, Шодчина.

Суздаль—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русской земли, при рѣчкѣ Каменкѣ. Въ немъ основана была епископія въ 990 году св. великимъ княземъ Владиміромъ и первымъ епископомъ былъ Θεодоръ, родомъ грекъ. Епископія Суздальская, въ теченіи осми вѣковъ, нѣсколько разъ закрывалась и возстановлялась. Въ послѣдній разъ она закрыта была въ 1789 году и болѣе уже не возстановлялась. Съ этого времени Суздаль, въ качествѣ уѣзднаго города, принадлежитъ къ Владимірской епархіи.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Суздаль, при народонаселеніи около 7-ми тысячъ душъ обоего пола, было четыре монастыря—2 мужскихъ и 2 женскихъ и 25 церквей.

Въ Суздаль существуетъ болѣе 20-ти фабрикъ и заводовъ: но главную промышленность гражданъ составляетъ торговля вишнями, хмѣлемъ, огурцами, лукомъ и другими огородными овощами.

Проѣхавши отъ Суздали чрезъ села Павловское, Борисовское и Красное, къ вечеру 1-го числа сентября мы пріѣхали во Владиміръ и остановились на постояломъ дворѣ.

Владиміръ на первый разъ поразилъ меня красотою

¹⁾ *Власт. Еп. Влад* 1877 г. № 17.

1831 г. своего мѣстоположенія и множествомъ древнихъ храмовъ. Главная часть города (кремль) расположена на высокой и крутой горѣ надъ рѣкою Клязьмой. Видъ отсюда за рѣку чрезвычайно обширный, а изъ-за рѣки на городъ необыкновенно красивый, напоминающій древній Кіевъ.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ два монастыря — мужской и женскій, два собора — кафедральный Успенскій и Димитріевскій, 17 приходскихъ церквей и 6 безприходныхъ, при городскомъ населеніи около тринадцати тысячъ душъ обоего пола¹⁾

Скажу нѣсколько словъ о болѣе примѣчательныхъ храмахъ.

Мужскій Рождественскій монастырь основанъ въ 1191 году великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. До времени Іоанна Грознаго онъ считался первымъ въ спискѣ великороссійскихъ обителей. При возстановленіи епархіи во Владимірѣ въ 1744 году Рождественскій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ.

Соборная монастырская церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы сооружена упомянутымъ великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ. Въ ней 1263 года 23 ноября погребенъ былъ благовѣрный великій князь Владимірекій, Александръ Ярославичъ Невскій и его мощи почивали здѣсь до 1723 года, а въ этомъ году, по повелѣнію Петра 1-го, перенесены были въ С.-Петербургъ и положены во вновь устроенномъ тогда Свято-Троицкомъ монастырѣ (Александро-Невская Лавра).

Въ оградѣ Рождественскаго монастыря построены были около 1750 года архіерейскій домъ каменный двухъ-этажный, преосвященнымъ Платономъ Петрунькевичемъ († 1757 года). Тѣмъ же преосвященнымъ построенъ былъ другой двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ помѣщалась часть открытой имъ въ 1750 году семинаріи. Впоследствии этотъ корпусъ занятъ былъ начальствующими лицами и монашествующими наставниками семинаріи, а также семинарскимъ правленіемъ съ библіотекою; семинарія же вся помѣщена была въ упраздненномъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ архіерейскаго дома.

Женскій Успенскій (второклассный) монастырь основанъ

¹⁾ Въ 1884 г. было уже 18,000 душъ.

тѣмъ же великимъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, по 1184 г. желанію его благочестивой супруги Маріи, въ іюль 1200 года. Здѣсь почиваютъ мощи св. мученика Аврамія, убіеннаго въ 1229 году въ Болгаріи, куда онъ отправился по торговымъ дѣламъ.

Кафедральный Успенскій соборъ. Онъ сооруженъ весь изъ бѣлаго камня въ 1158—1160 году св. великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Украшенія сего храма и драгоценныя утвари составляли, по свидѣтельству летописей, предметъ удивленія не только для русскихъ, но и для иностранцевъ. Но въ послѣдующіе вѣка, знаменитый храмъ этотъ, отъ разныхъ обстоятельствъ, частью отъ пожаровъ, а болѣе всего отъ нашествія татаръ, лишился своихъ богатыхъ украшеній, такъ что въ 1768 году Императрица Екатерина II, въ проѣздъ свой чрезъ Владиміръ, посѣтивъ соборный храмъ и замѣтивъ ветхость и упадокъ древней святыни, повелѣла отнестись на поправки 14 тысячъ рублей. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 2-го іюня 1768 года на имя епископа Владимірскаго Павла († 1769 года) рекомендовалось „древность соборнаго храма сохранить и поддержать наилучшимъ образомъ“; но преемникъ Павла, преосвященный Іеронимъ не исполнилъ вточности царской воли. Въ соборномъ храмѣ, не смотря на разные перевороты, сохранились до этого времени въ иконостасѣ древнія иконы весьма некуснаго письма. По распоряженію преосвященнаго Іеронима, иконы эти были проданы въ село Васильевское, Шуйскаго уѣзда, гдѣ онѣ, реставрированныя въ 1856 году извѣстнымъ московскимъ художникомъ Подключниковымъ, составляютъ великое украшеніе главнаго Троицкаго храма. вмѣсто древнихъ иконъ написаны новыя, въ новомъ италіанскомъ стилѣ; равно какъ и иконостасъ, украшенный по зеленому фону позолоченою рѣзьбою и колоннами всѣхъ орденовъ, при всей величественности своей, не соотвѣтствуетъ характеру древней архитектуры храма. Въ 1882—84 годахъ открыты были подъ позднѣйшею штукатуркою древнія фрески XII столѣтія на стѣнахъ и сводахъ знаменитаго храма ¹⁾.

¹⁾ См. *Влад. Еп. Влад.* 1884 г., № 4, 16 и 22.

1834 г. Достойную святыню Успенскаго собора составляютъ:

1) Владимірская икона Божіей Матери. Икона эта одинаковой мѣры съ подлинною, находящеюся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, написана св. Петромъ, митрополитомъ Московскимъ, когда онъ былъ настоятелемъ въ Ратскомъ монастырѣ (Волынской епархіи).

2) Нетлѣнные мощи св. благовѣрныхъ князей: Георгія Всеволодовича († 1238 г.), Андрея Юрьевича Боголюбскаго († 1175 г.) и Глѣба Андреевича († 1175 года).

Къ достопамятностямъ соборнаго храма относится картина, на коей изображено крещеніе Кіевлянъ при свят. великомъ князѣ Владимірѣ, на полотнѣ въ длину 7 аршинъ, въ ширину $4\frac{1}{2}$. Написана въ 1813 году итальянцемъ Тончи, на память исцѣленія его во Владимірѣ отъ тяжелой болѣзни, приключившейся ему въ 1812 году во время бѣгства изъ Москвы отъ французовъ ¹⁾.

Димитріевскій соборъ построенъ около 1193—1197 г. великимъ княземъ Всеволодомъ Георгиевичемъ III (во святомъ крещеніи Димитріемъ). Соборъ этотъ весь сложенъ изъ бѣлаго камня безъ желѣзныхъ связей и имѣетъ видъ четвероугольный. На верхнихъ сторонахъ храма изсѣчены изъ бѣлаго же камня фигуры человѣческія, а также разныхъ птицъ, звѣрей, растений и проч.

Существуетъ подробное описаніе этого замѣчательнаго собора съ рисунками, въ листъ, изданное въ 1849 году, въ Москвѣ, графомъ С. Г. Строгановымъ (№ 916).

Изъ приходскихъ Владимірскихъ церквей замѣчательныя слѣдующія:

Георгиевская, построенная въ 1152 году великимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ въ честь своего ангела. При ней съ 1153 года былъ женскій монастырь, впоследствии, неизвѣстно когда, упраздненный.

Ризположенская, на Золотыхъ воротахъ. Церковь эта построена была въ одно время съ Золотыми воротами, въ 1164 году, великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Но отъ того времени какъ въ храмѣ, такъ и въ самыхъ воротахъ не много осталось древняго, кромѣ наименованія во-

¹⁾ См. объ этомъ разсказъ графа Ростопчина въ *Русск. Архивъ* 1886 г., ч. II, стр. 397.

ротъ Золотыми. Владимірскіи Золотыя ворота устроены, 1834 г. безъ сомнѣнія, по образцу Кіевскихъ, такъ же какъ эти послѣдніе по образцу Цареградскихъ, сооруженныхъ императоромъ Θεодосіемъ Великимъ.

Спасопреображенская церковь построена въ одномъ году съ Ризположенскою и тѣмъ же великимъ княземъ Боголюбскимъ. При этой церкви былъ мужскій монастырь, называвшійся Спасскимъ - Златовратскимъ; упраздненъ въ 1764 году.

Богородицкая, во имя Успенія Пресв. Богородицы. Сооружена въ 1649 году. При ней былъ дѣвичій монастырь, упраздненный въ 1750 году. Монастырскія зданія употреблены были для помѣщенія низшихъ классовъ вновь открытой тогда епископомъ Платономъ Петрунькевичемъ, какъ выше было сказано, семинаріи. Впослѣдствіи, на обширномъ монастырскомъ дворѣ, построены были, въ 1808 году, старшіемъ преосвященнаго Ксенофонта, каменный двухъ-этажный корпусъ, куда переведены были изъ Рождественскаго монастыря высшіе классы семинаріи. Здѣсь-то и мнѣ суждено было проходить поприще семинарскаго ученія.

Послѣ указанія достопримѣчательныхъ храмовъ епархіальнаго города Владиміра, сообщу краткія свѣдѣнія о незабвенномъ для меня архипастырѣ, преосвященнѣйшемъ Пароевѣ, архіепископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ ¹⁾.

Преосвященный Пароеній (въ мѣрѣ Павелъ Васильевичъ Чертковъ), сынъ діакона Московской Іоанно-Предтечевской, что на Лубянкѣ, церкви, родился 10 августа 1782 году (слѣдовательно 4^{1/2} мѣсяцами ранѣе въ Бозѣ почившаго Московскаго митрополита Филарета). По окончаніи въ 1803 году ученія въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, онъ здѣсь же оставленъ былъ на должности учителя низшаго грамматическаго класса; затѣмъ переведенъ былъ на должность учителя поэзи и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ катихизаторомъ; въ сентябрѣ 1808 года перемѣщенъ на должность учителя высшаго краснорѣчія и всеобщей исторіи. Въ 1810 году принялъ монашество. Въ слѣдующемъ году онъ утвержденъ былъ въ должности префекта и учи-

¹⁾ Во Влад. Еп. Вид. 1881 г. № 11 и сл. напечатанъ біограф. очеркъ архіепископа Пароенія.

1834 г. теля философіи, а вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1814 году назначенъ былъ ректоромъ Спасо-Вишенской семинаріи, а въ 1817 году переведенъ на ту же должность въ Московскую семинарію, съ назначеніемъ въ настоятели ставропигіального Заиконоспасскаго монастыря. Отсюда въ іюнѣ 1819 году перемѣщенъ былъ въ первоклассный ставропигіальный Донской монастырь и определенъ членомъ Московской св. Синода конторы.

Въ бытность свою настоятелемъ Донскаго монастыря, Парѣеній познакомился съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ, который предъ тѣмъ былъ губернаторомъ во Владимірѣ. Вотъ что пишетъ о Парѣенія князь Долгоруковъ въ своемъ сочиненіи: „Камнище моего сердца“ (М. 1872 г., стр. 313): „архимандритъ Донскаго монастыря (Парѣеній) умный и чувствительнѣйшій человекъ. И его началъ знать еще простымъ монахомъ; проповѣди его наполнены душевнаго витійства“.

Не долго однакожъ суждено было архимандриту Парѣенію оставаться въ Донскомъ монастырѣ. Сначала предполагали назначить его на Тамбовскую епархію: но это назначеніе было отклонено присутствовавшимъ въ Синодѣ преосвящ. Симеономъ, архіепископомъ Тверскимъ, который желалъ поберечь его здоровье. Но въ іюлѣ 1821 года послѣдовао назначеніе архимандрита Парѣенія на Владимірскую кафедру на мѣсто преосвященнаго Ксенофонта, переведеннаго въ Каменецъ—Подольскъ. 21-го августа совершена была его хиротонія во епископа въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ сверстникомъ его по лѣтамъ, новымъ архіепископомъ Московскимъ Филаретомъ съ тремя другими, пребывавшими въ Москвѣ, архіепископами и однимъ епископомъ. Была ли при этомъ произнесена первенствующимъ рукоположителемъ рѣчь, неизвѣстно.

По прибытіи во Владиміръ, преосвященный Парѣеній нашелъ ввѣренную ему епархію во всѣхъ отношеніяхъ крайне разстроенною, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ 4 мая 1843 года оберъ-прокурору св. Синода графу Н. А. Протасову. Архіерейскій домъ былъ въ крайне неустроенномъ состояніи—безъ доходовъ и безъ имущества. Внутреннее устройство епархіи требовало еще большихъ попеченій.

Мнѣ было пять или шесть лѣтъ, когда я въ первый разъ

увидѣлъ преосвященнаго Парсенія въ своей Горницкой цер- 1834 г.
кви, при поѣздкѣ его по епархіи. Какъ теперь помню, онъ
былъ въ шелковой рясѣ пенельнаго цвѣта, съ небольшою
круглою панатіей. Наши села Дунилово и Горницы преосвя-
щенный называлъ „семибратовщиной“ по причинѣ не ма-
лаго числа раскольниковъ разныхъ сектъ.

1832 года 24 іюля, въ день свят. мучениковъ Бориса
и Глѣба, я въ первый разъ видѣлъ архіерейское служеніе
въ Шуйской Крестовоздвиженской церкви и былъ пораженъ
величіемъ этого служенія, тѣмъ болѣе, что преосвященный
Парсеній въ служеніи былъ весьма благоговѣенъ, хотя на-
ружный видъ его и не отличался особенною сановитостію.

25 декабря 1833 года преосвященный Парсеній былъ
возведенъ въ санъ архіепископа. По этому случаю былъ
совершенъ во всѣхъ церквахъ епархіи благодарственный
молебень. Для меня этотъ случай очень памятенъ, потому
что я былъ уже въ это время пѣвчимъ въ Киселевскомъ
хорѣ.

Изъ переписки ¹⁾ преосвященнаго Парсенія съ покой-
нымъ митрополитомъ Новгородскимъ Серафимомъ, начав-
шейся съ декабря 1821 года и продолжавшейся до 1842 года,
видно, что онъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, страдалъ
многообразными, тяжкими недугами, требовавшими постоян-
наго врачеванія. Оттого онъ не всегда, въ воскресные и
праздничные дни, могъ совершать богослуженіе; и если слу-
жилъ, то въ своей, очень небольшой домовой церкви, куда
для насъ—школьниковъ доступъ былъ весьма затрудните-
ленъ. Поэтому я, въ продолженіи семинарскаго курса, очень
рѣдко видѣлъ архіерейское служеніе. Обрядовъ же въ не-
дѣлю православія и въ великій четвертокъ, при преосвя-
щенномъ Парсеніи, во Владимірѣ никогда не совершалось.

Въ слѣдъ за симъ, прежде чѣмъ начну повѣсть о моемъ
ученіи въ семинаріи, сообщу краткія свѣдѣнія о началь-
ствующихъ лицахъ семинаріи—ректорѣ и инселекторѣ.

Ректоромъ, при моемъ поступленіи въ семинарію, былъ
архимандритъ Неофитъ (въ мірѣ Николай Соснинъ). По-
ступивъ въ 1816 году изъ студентовъ Ярославской семи-
наріи въ Московскую дух. академію, Соснинъ окончилъ курсъ

¹⁾ Переписка эта напечатана въ Владим. Епарх. Вѣд. 1878—79 г.

1834 г. въ 1820 году со степенью кандидата. Въ 1822 году принялъ священство и вскорѣ затѣмъ овдовѣвши, постриженъ былъ въ монашество въ 1825 году. Въ 1826 году назначенъ былъ ректоромъ въ Архангельскую семинарію, а оттуда въ 1830 году переведенъ былъ во Владимірскую семинарію на мѣсто архимандрита Павла. По наружному виду, Неофитъ представлялъ совершенную почти противоположность Павлу. Тогда какъ этотъ послѣдній былъ высокаго роста, очень полный и красивый собою, первый, т. е. Неофитъ, небольшого роста, худощавый, нѣсколько рябоватый, съ длиннымъ острымъ носомъ. Но относительно внутреннихъ достоинствъ и административныхъ качествъ Неофитъ едва ли не былъ выше Павла. Вотъ какъ изображаетъ отца Неофита одинъ изъ его учениковъ, протоіерей Сила Архангельскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о Владимірской семинаріи ¹⁾: „Рѣчь наставника (о. Неофита) была тихая, медленная, основательная и ясная... Всегда ровный, ласковый, скромный даже въ замѣчаніяхъ и выговорахъ, Неофитъ съ каждымъ днемъ привязывалъ насъ къ себѣ... Онъ любилъ въ проповѣди краснорѣчіе, патетизмъ, и самъ былъ хорошій мастеръ говорить. Для поощренія учениковъ всѣхъ отдѣлений семинаріи къ лучшимъ сочиненіямъ, онъ установилъ, такъ называемыя, собранія... Съ ректорствомъ Неофита многое дурное, усвоенное до него, брошено: нощиха исчезла, кулачный бой прекращенъ... Жаль было рекреаций; но за то сумма, расходуемая экономомъ на угощеніе начальства, шла на болѣе полезное употребленіе“.... Таковъ былъ о. Неофитъ до 1832 года, когда авторъ „Воспоминаній“ окончилъ курсъ семинаріи. Въ послѣдующее за тѣмъ время взглядъ на Неофита, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ, измѣнился, такъ что, когда онъ въ концѣ 1836 года оставлялъ Владиміръ и отправлялся въ Петербургъ для посвященія въ епископа Старицкаго, викарія Тверской епархіи, на него сочинена была однимъ изъ его учениковъ довольно злая эниграмма.

Инспекторомъ семинаріи былъ помянутый мною выше ревизоръ Шуйскаго училища іеромонахъ Израиль, до монашества Яковъ Ивановичъ Лукинъ, родомъ изъ Орловской

¹⁾ „Воспоминанія“ эти напечатаны во *Влад. Еп. Инд.* 1875 г. №№ 10—14.

епархіи. По окончаніи курса въ Кіевской дух. академіи, въ 1834 г. 1825 году, вторымъ магистромъ, онъ былъ профессоромъ въ Бѣлгородской семинаріи (Курской епархіи) и тамъ въ 1831 году принялъ монашество. Въ началѣ 1834 года назначенъ былъ на должность инспектора во Владимірскую семинарію. Преосвященный Пароеній въ письмѣ къ Новгородскому митрополиту Серафиму отъ 15-го апрѣля 1834 года писалъ: „явился къ должности изъ Курска инспекторъ на мѣсто инспектора (Агапита), взятаго въ Виѣанскую семинарію. И новый, кажется, хорошъ; а тотъ рабъ Божій—воистину Израильтянинъ; младенецъ по чувствамъ, въ новой духовной жизни“. Инспекторъ Израиль былъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ богословскихъ наукъ во второмъ, вновь открытомъ, отдѣленіи богословскаго класса. При своихъ отличныхъ дарованіяхъ и счастливомъ дарѣ слова, онъ естественно затмилъ ректора и привлекъ къ себѣ вниманіе и расположеніе учениковъ. Къ сожалѣнію, онъ не долго оставался въ Владимірской семинаріи: въ 1835 году его назначили ректоромъ въ Калужскую семинарію.

Справедливость требуетъ упомянуть здѣсь о предшественникѣ о. Израйля по инспекторской должности — о. архимандритѣ Агапитѣ, котораго преосвящ. Пароеній, какъ мы видѣли, называлъ рабомъ Божиимъ — истиннымъ Израильтяниномъ. О. Агапитъ (Введенскій) магистръ VI курса Московской дух. академіи, оставилъ по себѣ добрую память во Владимірской семинаріи, какъ исправный и свѣдуцій преподаватель философскихъ наукъ, хотя и не отличавшійся краснорѣчивымъ словомъ, какъ ревностный и неусыпный блюститель за нравственностію и благоповеденіемъ учениковъ, и въ особенности какъ попечительный отецъ о бѣдныхъ и сырыхъ ученикахъ. По его именно инициативѣ, не задолго до моего поступленія въ семинарію, устроено было для сиротъ и вообще бѣдныхъ учениковъ общежитіе—(бурса). Управляя богатымъ Боголюбовскимъ монастыремъ, онъ пожертвовалъ на это благотѣльное учрежденіе, какъ отъ монастыря, такъ и изъ своихъ собственныхъ средствъ, значительную сумму. Вообще, отличительную черту нравственного характера о. Агапита всегда составляло безкорыстіе и расположеніе къ христіанской благотворительности.

По пріѣздѣ во Владиміръ, я тотчасъ же подалъ въ семи-

1834 г. нарское правленіе прошеніе о принятіи мени, какъ круглаго сироты, въ бурсу на полное казенное содержаніе; но пока разсматривалась моя просьба на ряду съ множествомъ другихъ подобныхъ просьбъ, я долженъ былъ жить на квартирѣ. Не помню, почему, но, вѣроятно, по приглашенію помянутаго мною выше сына о. Михаила Соловьева, Николая Михайловича, съ которымъ я познакомился на свадьбѣ его сестры, я поселился на одной съ нимъ квартирѣ, въ домѣ священника Сергіевской церкви, о. Іоанна Тумскаго. — О. Тумскій имѣлъ академическое образованіе; онъ окончилъ курсъ въ 1822 году въ Московской дух. академіи съ степенью кандидата и былъ нѣсколько лѣтъ наставникомъ въ Архангельской семинаріи вмѣстѣ съ архимандритомъ Неофитомъ, который, какъ выше было сказано, былъ тамъ ректоромъ и оттуда переведенъ во Владимірѣ. Близкія отношенія, начавшіяся между о. Неофитомъ и Тумскимъ въ Архангельскѣ, продолжались и во Владимірѣ. Отецъ Неофитъ время отъ времени посѣщалъ о. Тумскаго.

У Тумскаго былъ братъ двумя курсами старше его по академіи, Александръ, въ монашествѣ Амфилохій, извѣстный своею печальною судьбою. По окончаніи въ 1818 году курса въ Московской дух. академіи съ степенью кандидата, онъ оставлеъ быть при академіи бакалавромъ еврейскаго и греческаго языковъ. Въ сентябрѣ 1822 года былъ переведенъ въ Кострому на должность инспектора семинаріи; затѣмъ въ той же семинаріи былъ ректоромъ. Но здѣсь случилось съ нимъ тяжкое искушеніе. Всегда отличавшійся скромностію и цѣломудріемъ, онъ впалъ въ плотскій грѣхъ (имѣлъ у себя, какъ называли, дѣвицу въ образѣ колейника), и вслѣдствіе сего не только удаленъ отъ должности, но и заключенъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Отсюда на нѣкоторое время онъ переведенъ былъ въ Переславскій Даниловъ монастырь, гдѣ я видѣлъ его въ 1848 или 1849 году; но затѣмъ снова возвращенъ въ Суздаль, гдѣ и скончался. Во *Владимірскихъ Вѣдомостяхъ* за 1876 годъ (№ 1) помѣщены два письма къ о. Амфилохію отъ двухъ его сверстниковъ по образованію въ академіи и семинаріи; одно отъ 4 іюли 1829 года писанное профессоромъ Московской духовной академіи священникомъ Ф. А. Болубинскимъ, а другое отъ 21 іюли

1839 года, писанное инспекторомъ Владимірскаго дух. училища, священникомъ Гр. М. Чижевымъ. Въ томъ и другомъ письмѣ выражается искреннее сочувствіе къ торькому положенію несчастнаго о. Амфилохія.

Когда собрались переведенные изъ училищъ въ семинарію ученики, начались приемные экзамены: по мы, ученики Шуйскаго училища, какъ уже истязанные ревизоромъ, были свободны отъ новаго испытанія. По окончаніи приемныхъ экзаменовъ, насъ распредѣлили по тремъ отдѣленіямъ. Наше Шуйское училище, почти въ полномъ составѣ учениковъ, назначено было во 2-е отдѣленіе риторическаго класса. Изъ поступившихъ со мною въ семинарію учениковъ Шуйскаго училища въ моей памяти сохраняются слѣдующія имена и фамиліи: Константинъ Пальминъ, Сергій Красовскій, Василій Былинскій, Авимъ Доброхотовъ и проч..

Преподавателями въ нашемъ отдѣленіи были: Яковъ Ильичъ Владыкинъ — по классу риторики, Гр. Евфимъ Вознесенскій — всеобщей и русской исторіи, Павелъ Абрамъ Прудентовъ — греческаго языка; французскій языкъ, на который я записался, преподавалъ намъ декторъ — ученикъ богословія, подъ руководствомъ профессора Н. Прокъ Левитскаго.

Я. И. Владыкинъ былъ мой землякъ; его родина въ томъ же Шуйскомъ уѣздѣ, гдѣ и моя. Поэтому, когда онъ въ первый разъ пришелъ къ намъ въ классъ, онъ прежде всего спросилъ, гдѣ ученики Шуйскаго училища и кто первый ученикъ. Я всталъ. Онъ велѣлъ мнѣ прочитать и перевести § 1 латинской риторики Бургія. Я прочиталъ и перевелъ слова: „*Omnis eloquentiae imum fundamentum est periodus, et caetera*“... И съ этого началось мое изученіе перваго предмета семинарской мудрости. Изученіе риторики происходило у насъ частію по печатному латинскому учебнику Бургія, подъ заглавіемъ *Elementa Oratoria et caet.*, частію по запискамъ наставника. По мѣрѣ изученія риторическихъ правилъ, насъ стали упражнять въ сочиненіяхъ. Послѣ упражненія въ подборѣ синонимовъ и эпитетовъ, намъ дано было, наконецъ, для составленія простаго періода, предложеніе: „Богъ всемогущъ и правосуденъ“. — Это поставило меня въ такое затрудненіе, что я не зналъ, что дѣлать. Къ счастью, въ это время приѣхалъ

1834 г. во Владимірѣ, для посвященія въ діакона, мой двоюродный братъ И. П. Тихомировъ и остановился на нашей квартирѣ. Я обратился къ нему съ слезною просьбою, чтобы онъ научилъ меня сочинить простой періодъ. Но онъ поступилъ гораздо проще: самъ написалъ на данное предложеніе періодъ и далъ мнѣ переписать. Вотъ какое было печальное начало моего авторства. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ больше и больше я старался углубляться въ риторическую мудрость и мало по малу началъ самостоятельно составлять всякаго рода періоды, а за тѣмъ и хрип.

Всеобщая исторія преподавалась намъ очень неудовлетворительно. Наставникъ Г. Е. Вознесенскій не отличался особеннымъ даромъ слова и не имѣлъ подъ руками достаточныхъ пособій для основательнаго изученія преподаваемаго имъ предмета. Единственными пособиями для него служили — старинный переводъ съ французскаго Всеобщей исторіи аббата Милота ¹⁾ и Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи И. Кайданова ²⁾. Учебною же книгою для насъ служила Краткая всеобщая исторія Г. Шрекке ³⁾. Что касается до Русской гражданской исторіи, то мы ее проходили по какой-то очень маленькой книжкѣ, да и той не успѣли пройти до конца.

На изученіе греческаго и французскаго языковъ не обращалось почти никакого вниманія.

Къ концу курса намъ преподаваны были правила поэзи или стихотворчества, и насъ заставляли самихъ писать стихи. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей писали, и очень изрядные, рифмованные стихи. Я не имѣлъ этого дара. Мнѣ удалось написать только два стихотворенія, и притомъ, такъ называемыми, бѣлыми стихами, т. е. безъ рифмъ. Одно стихотвореніе, помню, было написано на тему: „Потопъ“. За то во мнѣ возбуждена была сильная охота къ чтенію и заучиванію наизусть стихотворныхъ произведеній извѣстныхъ тогда русскихъ поэтовъ, какъ-то: Державина, Жуковскаго, Баратынскаго, Пушкина, Рылѣева,

¹⁾ Исторіи аббата Милота не разъ была издавана въ Россіи: см. *Росписъ книгамъ библіотеки А. Смирдина*, СПб. 1828 г. №№ 3008—3011.

²⁾ Тамъ же, № 3012.

³⁾ Тамъ же, №№ 3013—3018.

Козлова, О. Глики, Байрона (въ русскомъ переводѣ) и 1834 г. др. У меня и теперь сохраняется нѣсколько рукописныхъ сборниковъ разныхъ стихотвореній.

Не мало также прочитано и сдѣлано было мною выписокъ изъ сочиненій прозаическихъ разныхъ авторовъ. Хранятся у меня и эти выписки.

Не долго пришлось мнѣ жить на квартирѣ; въ концѣ сентября (1834 г.) я принятъ былъ въ бурсу на казенное содержаніе и помѣщенъ въ 4-мъ номерѣ. Инспекторъ о. Израиль поручилъ меня особому попеченію комнатнаго старшаго.

Бурса помѣщалась за рѣчкою Лыбедью, въ довольно большомъ деревянномъ, съ антресолями, домѣ. При немъ былъ еще одинъ небольшой деревянный флигель. При домѣ довольно обширный садъ съ линою тѣнистою аллею и нѣсколькими фруктовыми деревьями. Въ бурсѣ насъ было около 120 человекъ. Содержаніе пищею было довольно удовлетворительно. Одежда лѣтняя: нанковый сѣренкій сюртучекъ съ такими же брюками и жилетомъ и нанковый же голубой халатъ; зимняя: овчинный тулупъ, покрытый такою же, какъ на халатѣ, нанкою; сапоговъ выдавалось пары двѣ съ половиною; о казашахъ не было тогда и въ поминѣ. Бѣлья носильнаго и постельнаго выдавалось довольно достаточно. На полное годовое содержаніе каждаго воспитанника отпускалось изъ казны, какъ я слыхалъ, не болѣе 30 р. серебромъ.

Жизнь наша въ бурсѣ располагалась, разумѣется, по звонкамъ; но такъ какъ не было надъ нами ближайшаго начальственнаго надзора, то и не было строгаго соблюденія узаконенныхъ порядковъ, по крайней мѣрѣ, относительно учебныхъ занятій. Должно замѣтить, что на ряду съ лѣви-выми и бездарными учениками было въ каждомъ классѣ немало учениковъ даровитыхъ и весьма прилежныхъ, съ любовію занимавшихся науками. Поэтому, одни изъ этихъ послѣднихъ любили заниматься чтеніемъ книгъ или сочиненіями долго съ вечера, иногда далеко за полночь; другіе имѣли привычку очень рано вставать съ тѣми же научными цѣлями. Я принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Бывало, для того, чтобы написать какой-нибудь періодъ или хрію, я вставалъ съ постели часа въ два-три по полуночи. Къ сожалѣнію,

1834 г. опыты этихъ полуночныхъ произведеній моего юношескаго пера не сохранились у меня; я отдалъ ихъ, по переходѣ въ среднее отдѣленіе, одному изъ знакомыхъ учениковъ, младшему меня по курсу, для образца, и обратно не получилъ.

На ученикахъ словесности, по заведенному изстари обычаю, лежала повинность облегчать письменные труды старшихъ учениковъ—богослововъ. Не миновала и меня эта повинность, тѣмъ болѣе, что я писалъ лучше многихъ моихъ сверстниковъ. Но я служилъ переписчикомъ не только для старшихъ учениковъ, но и для наставниковъ. Такъ, на мнѣ лежала обязанность переписывать каждый разъ проповѣди моего главнаго наставника Я. И. Владыкина, хотя онъ не имѣлъ тогда священнаго сана. Въ то время всѣмъ преподавателямъ семинаріи, не имѣвшимъ гражданскихъ чиновъ, назначались очередныя проповѣди для произношенія въ кафедральномъ соборѣ, или вообще, при архіерейскомъ служеніи, въ праздничные и высокаторжественные дни; и эти проповѣди выслушивались съ особеннымъ вниманіемъ, какъ произведенія людей умныхъ и образованныхъ. Очень жаль, что въ настоящее время преподаватели духовныхъ семинарій освобождены отъ исполненія этой важной и священной обязанности.

Проповѣди Я. И. Владыкина всегда встрѣчали отъ преосвященнаго Пароенія самый одобрительный отзывъ. И не удивительно: онъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ наставниковъ семинаріи, хотя и не имѣлъ степени магистра. Но о немъ извѣстно, что онъ, бывши студентомъ младшаго курса въ Московской духовной академіи (въ 1826—28 г.), занималъ въ спискѣ едва ли не первое мѣсто. Между тѣмъ, по переходѣ на старшій курсъ, онъ, не переставая заниматься науками, не хотѣлъ, по своему характеру, подчиняться дисциплинарнымъ академическимъ порядкамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что онъ былъ вынесенъ изъ перваго разряда во второй и окончилъ курсъ въ 1830 году со степенью кандидата. Сознавши впоследствии свою ошибку, онъ былъ очень недоволенъ своею судьбою, особенно при видѣ своихъ товарищей по образованію, низшихъ его по умственнымъ дарованіямъ, но опередившихъ его по службѣ.

Яковъ Ильичъ очень внимательно занимался составленіемъ

своихъ проповѣдей и весьма дорожилъ ими. Онъ никогда не давалъ мнѣ своихъ черновыхъ листовъ для переписки на бѣло въ бурсѣ; но всегда призывалъ меня къ себѣ въ квартиру и диктовалъ мнѣ, держа въ то же время въ зубахъ трубку съ табакомъ, къ немалому для меня соблазну. Онъ имѣлъ обыкновеніе почти каждый годъ перечитывать свои проповѣди и писать о нихъ одобрительные или неодобрительные отзывы. Къ сожалѣнію, кажется, ни одна изъ его проповѣдей нигдѣ и никогда не была напечатана.

Кромѣ Владыкина, я служилъ своимъ каллиграфическимъ искусствомъ и для другого своего наставника Г. Е. Вознесенскаго. Разъ я переписывалъ для него какую-то не большую диссертацию, которую онъ сочинилъ для своего родственника или друга-студента какого-то высшаго учебнаго заведенія въ Петербургѣ. Въ другой разъ переписывалъ краткую мѣологию, составленную имъ для дочери священника Ильинской церкви, въ домѣ коего онъ квартировалъ. Знаніе мѣологии, при тогдашнемъ воспитаніи, имѣло важное значеніе.

Въ первой половинѣ октября (1834 года) во Владимірѣ совершилось очень важное событіе. Городъ осчастливленъ былъ посѣщеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Его Величество прибылъ во Владиміръ 11-го числа вечеромъ, а 12-го утромъ посѣтилъ кафедральный Успенскій соборъ. Я, вмѣстѣ съ товарищами, успѣшилъ насладиться, въ первый разъ въ жизни, лицезрѣніемъ Царя; но—увы! вмѣсто Царя я засмотрѣлся на губернатора, украшеннаго Аннинскою лентою, воображая, что это именно Государь, между тѣмъ какъ Государь былъ въ простой генеральской шинели; а губернаторомъ въ то время былъ у насъ С. Т. Данской, впоследствии сенаторъ. Къ моему счастью, на другой день, 13-го числа, послѣ литургіи въ церкви Богоугодныхъ заведеній, Государь снова изволилъ посѣтить соборъ, и тутъ-то я уже вполне насладился лицезрѣніемъ Великаго Самодержца. Вотъ какъ преосвящ. Парѣній описывалъ это событіе въ письмѣ къ митрополиту Новгородскому Серафиму отъ 2 ноября 1834 года: „И горькіе Владимірцы, наконецъ, имѣли счастье видѣть на стогнахъ своихъ Всероссійскаго Самодержца. Изволилъ слушать Божественную литургію 13-го октября въ день рожденія Великаго князя Михаила

1834 г. Николаевича и въ приказѣ Оберъ-Прокурора пожаловалъ священнику съ діакономъ и на пѣвчихъ архіерейскихъ 500 рублей. Въ соборѣ, гдѣ св. мощи и много другихъ гробницъ великокняжескихъ и ихъ фамилій, много любопытствовалъ, и, кажется, моими объясненіями остался доволенъ; при сопровожденіи мною изъ собора послѣднее его слово было: „благодарю васъ“¹⁾.

Во Владимірѣ оказались у меня родственники, хотя и не близкіе: губернской землемѣръ Михаилъ Аверкіевичъ Аверкіевъ и архіерейскій иподіаконъ Андрей Григорьевичъ Дроздовъ. Послѣдній мнѣ съ дѣтства еще извѣстенъ: онъ сынъ діакона Шуйской Троицкой церкви; его мать Прасковья Матвѣевна доводилась мнѣ, кажется, троюродною сестрой, и всегда была къ нашему семейству весьма расположена.

Но первый, т. е. М. А. Аверкіевъ, мнѣ не былъ лично извѣстенъ, хотя онъ приходился мнѣ двоюродный или троюродный дядя по Палеховскому родству. Съ нимъ познакомила меня моя родная тетка, сестра моего отца, Аграфена Сергѣевна. Онъ пригласилъ меня бывать у него въ воскресные и праздничные дни по вечерамъ, и я съ удовольствіемъ, разумѣется, воспользовался его приглашеніемъ. Онъ не былъ женатъ, но у него былъ порядочный кругъ родныхъ во Владимірѣ; всѣ они по праздничнымъ днямъ вечеромъ собирались къ нему для карточной забавы. Въ этотъ-то чиновничій кругъ вступилъ и я, и здѣсь началъ знакомиться съ приличными свѣтской жизни, хотя и не очень высокой.

Незамѣтно прошла первая, самая трудная для меня учебная треть. Предъ Рождественскими праздниками, кромѣ частныхъ экзаменовъ, были у насъ въ залѣ богословскаго класса, какъ болѣе другихъ просторной, общія собранія наставниковъ и учениковъ, недавно заведенныя ректоромъ Неофитомъ. На этихъ собраніяхъ лучшіе ученики старшихъ классовъ читали съ кафедры свои сочиненія, одобренныя къ произнесенію ректоромъ, а ученики низшаго отдѣленія читали предъ кафедрою наизусть латинскія рѣчи и русскія стихотворенія. Мнѣ на первый разъ довелось читать въ

¹⁾ *Взгл. Ев. Вид.* 1878 г. № 21, стр. 621—622.

собраніи латинскую рѣчь Цицерона: Quousque tandem Catilina abuteris patientiâ nostrâ et caet... Подобныя чтенія служили не малымъ поощреніемъ для учениковъ къ занятіямъ въ сочиненіяхъ. 1835 г.

На праздникъ Рождества Христова я по необходимости долженъ былъ остаться во Владимірѣ, такъ какъ пѣшкомъ итти на родину, болѣе 100 верстъ, въ холодную пору, было неудобно, а нанимать подводу не было средствъ. Въ воскресные и праздничные дни къ богослуженію мы ходили обыкновенно въ ближайшую приходскую церковь—Воскресенскую, гдѣ болѣе способные изъ насъ читали и пѣли на клиросахъ.

Въ бурсѣ же за тѣмъ провелъ я сырную недѣлю и Пасху.

Въ праздничные дни и вообще въ часы, свободные отъ занятій, не возбранялось ученикамъ семинаріи, заниматься музыкою и пѣніемъ. Нѣкоторые изъ учениковъ хорошо играли на гусяхъ, на скрипкѣ, флейтѣ и кларнетѣ. Я помню хорошихъ игроковъ на гусяхъ Астудина и Никольскаго (впослѣдствіи поступившаго въ монашество въ Московскій Покровскій монастырь, съ именемъ Пимена). Пытался было и я учиться играть на гусяхъ, но недостало терпѣнія. Вообще ни къ музыкѣ, ни къ поэзіи у меня не было призванія.

Между учениками бурсы не мало было съ хорошими и сильными голосами; поэтому не рѣдко можно было слышать въ нашихъ стѣнахъ веселое и громкое пѣніе. Изрѣдка, по вечерамъ, тайкомъ происходили у насъ и сценическія представленія. Но все это было только въ первые два года моего пребыванія въ бурсѣ; съ выходомъ изъ семинаріи старшихъ учениковъ, всѣ эти болѣе или менѣе благородныя увеселенія стали мало по малу исчезать и замѣняться другими, болѣе грубыми забавами, какъ-то: игрою въ карты, въ шашки, а дѣтомъ въ кегли и городки. Бывали не рѣдко и случаи нетрезвости.

Наступилъ май. Въ семинаріи, такъ же какъ и въ училищахъ, продолжались еще въ наше время, такъ называемыя рекреціи, хотя онѣ происходили далеко уже не въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были при прежнемъ ректорѣ, архимандритѣ Павлѣ. Теперь не было уже того хожденія

1835 г. цѣлою тысячною толпою на архіерейскій дворъ и громогласнаго пѣнія на латинскомъ діалектѣ, коимъ привѣтствовали Владыку, когда онъ появлялся у окна своихъ покоевъ, просили у него рекреаци и за тѣмъ благодарили: но въ извѣстный день, избранный семинарскимъ начальствомъ приходилъ въ классы инспекторъ и объявлялъ намъ о рекреаци, иногда для насъ совершенно неожиданно. Бывали въ этотъ день прогулки и за городъ, въ Марьину рощу; но тамъ не было уже такихъ собраній гостей, какія бывали въ прежнія времена; при насъ не было ни разу посѣщенія рощи ни преосвященнымъ, ни губернаторомъ; даже не всегда прѣзжалъ и ректоръ. Являлись только нѣкоторые изъ молодыхъ наставниковъ и развѣ еще иногда инспекторъ для наблюденія за порядкомъ. О томъ, какъ происходили рекреаци во Владимірской семинаріи въ прежнее время, подробныя свѣдѣнія заключаются въ „Воспоминаніяхъ П. С. А.“, помѣщенныхъ во *Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* за 1875 годъ (№ 12, стр. 590—596).

21-го мая во Владимірѣ ежегодно совершается великое церковное торжество. Въ этотъ день приносится въ городъ изъ Боголюбова монастыря древняя чудотворная икона Боголюбской Божіей Матери. Къ этому времени стекаются десятки тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ. Для срѣтенія этой святыни выходитъ обыкновенно архіерей со всѣмъ градскимъ духовенствомъ изъ кафедральнаго собора и останавливается у Сергіевской церкви, что противъ семинаріи. Здѣсь совершается краткое молебствіе, и за тѣмъ шествіе направляется къ кафедральному собору. По совершеніи на другой день въ соборѣ торжественной литургіи, икону переносятъ, согласно предварительно составленному росписанію, поочередно во всѣ градскія церкви и монастыри, и это продолжается до 16-го числа іюня,— между тѣмъ, во время пребыванія этой святыни въ городѣ, съ нею, въ три воскресные дня, обходятъ вокругъ всего города. Въ каждой церкви, гдѣ пребываетъ икона, совершается праздничное богослуженіе и ученики семинаріи, посвященные въ стихарь, говорятъ проповѣди.

Крестный ходъ съ иконою Боголюбской Божіей Матери учрежденъ, по ходатайству Владимірскихъ гражданъ, въ

1772 году въ память избавленія города отъ чумы, зане- 1835 г.
сенной сюда въ 1771 г. изъ Москвы.

Боголюбовъ монастырь, которому принадлежитъ эта досто-
чтимая святыня, основанъ въ 1158 году великимъ княземъ
Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ
явилась ему ночью Божія Матерь. Отъ Владиміра онъ
отстоитъ верстахъ въ десяти.

Около 15-го числа іюля, по окончаніи частныхъ испы-
таній, ежегодно былъ публичный экзаменъ. Къ этому экза-
мену всегда были такія-же приготовленія въ семинаріи,
какъ и описанныя мною выше въ Шуйскомъ училищѣ,
т. е. заготовлялись древесныя листья и разнаго рода цвѣты,
и ими украшалась обширная богословская зала, только съ
большимъ, разумѣется, вкусомъ и изяществомъ, — и сверхъ
сего, по стѣнамъ, развѣшивались царскіе портреты, не
знаю, откуда приносимые. Въ назначенный часъ собира-
лась въ залъ избранная городская публика, начиная съ
губернатора. Когда входилъ въ нее архимонастырь, встрѣ-
ченный у параднаго крыльца семинарскою корпораціей,
два хора пѣвчихъ — архіерейскій и семинарскій пѣли:
Царю небесный. Одинъ изъ учениковъ богословія произ-
носилъ предъ публикою привѣтственную рѣчь. За тѣмъ
производилось испытаніе учениковъ, заранѣе назначенныхъ,
по разнымъ предметамъ. Испытаніе прерывалось пѣніемъ
концертовъ. Послѣ испытанія раздавались архіереемъ луч-
шимъ ученикамъ награды книгами. Мнѣ досталась напер-
вый разъ книга: „Правила пѣтическія А. Байбикова“¹⁾.
За тѣмъ другимъ ученикомъ богословія произносилась благо-
дарственная рѣчь. Торжественный актъ заканчивался пѣ-
ніемъ: *Достойно есть*. — За тѣмъ почетные посѣтители
приглашались къ ректору на чай и закуску.

Послѣ частныхъ испытаній и публичнаго экзамена, 8 че-
ловѣкъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія назначены были
въ академіи — Петербургскую и Кіевскую — по четыре въ
ту и другую.

На другой день публичнаго экзамена, послѣ благодар-
ственного молебна, отиравляемаго обыкновенно ректоромъ,
васъ отпускали въ дома родителей и родственниковъ.

¹⁾ Книга эта, съ 1774 по 1826 годъ выдержала 10 изданій. См. Роспись
книгъ библіотеки А. Смирдина, № 6067.

1835 г. - Какъ проведена была мною на родинѣ первая семинарская вакація, хорошо не помню. Разумѣется, все время прошло въ переселеніяхъ съ одного мѣста на другое, отъ однихъ родныхъ къ другимъ.

Возвратившись въ первыхъ числахъ сентября во Владимірѣ, я продолжалъ съ усердіемъ заниматься исполненіемъ своихъ школьныхъ обязанностей и съ особенною любовію чтеніемъ книгъ и выписками изъ нихъ. Къ нашему великому счастью, около этого времени открыта была во Владимірѣ Публичная Библіотека, куда не возбраненъ былъ доступъ и для насъ — школьниковъ. Бѣда только та, что часы, въ которые открыта была библіотека, совпадали съ нашими учебными часами. Сидишь, бывало, въ классѣ, а мыслию и сердцемъ стремишься къ библіотекѣ, чтобъ почитать тамъ новую какую-либо книжку или новый журналъ. Искушеніе это такъ иногда было сильно, что, не смотря на опасеніе подвергнуться штрафу, оставляешь классъ, особенно по какому-нибудь второстепенному предмету въ родѣ гражданской исторіи или греческаго языка, и бѣжишь въ библіотеку, остерегаясь только, чтобы дорогою не попасть на глаза ректору или инспектору.

Кстати объ инспекторѣ. Въ октябрѣ 1835-го года покровитель мой о. Израиль назначенъ былъ ректоромъ въ Калужскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Вотъ что писалъ по этому поводу преосвященный Нарвѣній Новгородскому митрополиту Серафиму отъ 1-го ноября: „Изъ Владиміра взяли инспектора въ Калугу въ ректоры; стоятъ того. Даютъ намъ, какъ говорятъ, магистра іеромонаха — владимірца. Дай Богъ, чтобъ былъ не просто хорошъ, а очень хорошъ. По огромности семинаривъ (болѣе 700 учениковъ), да и потому, что ректоръ Владимірской семинаривъ, очень долго и отлично служащій, глядитъ или въ Питеръ на чреду или въ архіереи, в инспекторъ могъ-бы заступитъ его мѣсто и поддержать порядокъ въ семинаривъ“¹⁾.

Достигшій до преосвященнаго слухъ относительно преемника о. Израиля оправдался. На его мѣсто къ намъ прислали только лишь окончившаго курсъ въ Петербургской академіи со степенью магистра іеромонаха Митрофана

¹⁾ *Влад. Еп. Вѣд.* 1878 г. № 22, стр. 641.

(Добронадеждина), родомъ изъ Владимірской епархіи. Молодой, очень красивый собою, съ свѣтлымъ умомъ и съ добрымъ, вѣжнымъ сердцемъ, онъ появленіемъ своимъ произвелъ на насъ самое благоприятное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, онъ не очень долго былъ у насъ инспекторомъ; чрезъ три-четыре года его постигла самая горькая участь, — о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Наступилъ обычной чередой 1836 годъ.

Съ ревностію занимаясь науками, я старался избѣгать всякихъ лишнихъ знакомствъ и никому не навязывался съ своею дружбой; между тѣмъ, моей дружбы многіе изъ товарищей какъ въ бурсѣ, такъ и внѣ ея, завсѣкивали. Нѣкоторымъ изъ этихъ искателей, какъ правившимся мнѣ своимъ умомъ и добрыми качествами, я отвѣчалъ взаимною дружбою и довѣріемъ; прочихъ старался только не огорчать своею холодностію и невниманіемъ. Между прочимъ, завелъ со мною знакомство ученикъ 1-го низшаго отдѣленія Александръ Рождественскій, сынъ эконома архіерейскаго дома, игумена Космина монастыря Амвросія (изъ вдовыхъ священниковъ). Рождественскій жилъ въ архіерейскомъ монастырѣ и не рѣдко приглашалъ меня къ себѣ пить чай; давалъ мнѣ изъ библіотеки своего отца, для чтенія, книги. Однажды онъ далъ мнѣ въ отличномъ сафьяновомъ переплетѣ книгу: „Освобожденный Іерусалимъ“, *Tassa* въ русскомъ переводѣ¹⁾. Только лишь я пришелъ съ этой книгой въ бурсу и положилъ ее передъ собою на столъ, чтобы, выучивши заданный урскъ, сейчасъ-же приняться за ея чтеніе, какъ вдругъ пріѣзжаетъ ректоръ семинаріи и не одинъ, а съ ректоромъ Владимірскаго училища, протоіереемъ И. П. Остроумовымъ — магистромъ, отличавшимся необыкновенно быстрымъ взглядомъ и пылкимъ характеромъ. Ректоръ семинаріи прошелъ чрезъ нашу комнату, не замѣтивъ или не обративъ вниманія мою книгу: но о. Остроумовъ, шедшій позади его, увидавъ эту книгу и быстро развернувъ ее, закричалъ во все горло: „о. ректоръ, посмотрите, какія

¹⁾ Поэма эта извѣстна въ переводахъ на русскій языкъ трехъ переводчиковъ — М. Попова, А. С. Шникова и С. Москательникова. См. Роспись книгъ библіотеки *Смирдина* № 6736—38. Въ моихъ рукахъ былъ, вѣроятно, переводъ послѣдняго.

1836 г. книги читаютъ ваши ученики“. Ректоръ, возвратившись на этотъ крикъ изъ сосѣдней комнаты и посмотрѣвши мою книгу, не сдѣлалъ никакого замѣчанія: по всей вѣроятности, онъ видѣлъ ее также, какъ и я, въ первый разъ въ жизни и не зналъ ея содержанія. Но, по русской пословицѣ, что запрещено, то подслащено; и потому я тѣмъ съ большимъ любопытствомъ началъ, въ тотъ-же вечеръ, читать осужденную протоіереемъ Остроумовымъ книгу.

Игумена Амвросія — отца моего товарища Рождественскаго я лично не зналъ и никогда его не видалъ: онъ, по порученію преосвященнаго, постоянно жилъ въ Москвѣ, ведя тяжёбный процессъ съ арендаторомъ принадлежащаго Владимірскому архіерейскому дому подворья, называемаго Суздальскимъ и находящагося на Софійской улицѣ, смежной съ Кузнецкимъ мостомъ.

Косминъ монастырь, коимъ заочно управлялъ игуменъ Амвросій, находился въ 40 верстахъ отъ Владиміра близъ большой Юрьевской дороги. Онъ основанъ въ 1494 году препод. Космою, уроженцемъ Владимірскимъ, коего мощи почиваютъ здѣсь подъ спудомъ. Монастырь этотъ, кромѣ своей древности, замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ около 10-ти лѣтъ (1666—1675 г.) настоятельствовавъ, въ санѣ игумена, св. Митрофанъ, впослѣдствіи первый епископъ Воронежскій. Съ его собственноручною подписью (1666 года) сохраняется донинѣ въ монастырѣ на престольное Евангеліе¹⁾.

На сырной недѣлѣ 1836 года товарищъ и пріятель мой Рождественскій вздумалъ ѣхать въ Косминъ монастырь. Можетъ быть, отецъ поручилъ ему посмотрѣть, какъ братія ввѣренной ему обители проводятъ дни сырной недѣли и удостовѣриться въ цѣлости бутылокъ съ разными наливками, во множествѣ хранившихся въ монастырскомъ подвалѣ. Рождественскій пригласилъ и меня съ собою. Я радъ былъ подышать свѣжимъ воздухомъ и посмотрѣть древнюю, но убогую обитель. Мы пробыли тамъ не болѣе сутокъ.

Кромѣ Рождественскаго, я имѣлъ болѣе тѣсную дружбу, которая потомъ никогда не прекращалась, съ слѣдующими товарищами: Михаиломъ Граменицкимъ, Иваномъ Валедицкимъ и Василиемъ Богородскимъ.

Въ мартѣ 1836 года мнѣ исполнилось 17-ть лѣтъ. Въ

¹⁾ Влад. Епарх. Вѣдом. 1870 г. № 5, стр. 206 и сл.

это время во мнѣ начало пробуждаться чувство приличія 1836 г. въ отношеніи къ одеждѣ, тѣмъ болѣе, что наше казенное платье было очень непрочное и не изящное. Выданный мнѣ, при поступленіи моемъ въ бурсу, нанковый сюртукъ съ брюками чрезъ полтора года такъ затерся, не смотря на мою бережливость, что мнѣ совѣстно было въ немъ показаться, не говоря уже о церкви, въ домъ моего родственника, помянутаго выше земляка Аверкіева; между тѣмъ какъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ сверстниковъ—бурсаковъ я видѣлъ даже суконные сюртуки. Имѣя въ виду принадлежавшій мнѣ и хранившійся у моего опекуна и дяди Петра Ивановича небольшой капиталъ, я рѣшился попросить у него не много денегъ для пріобрѣтенія сколько-нибудь приличнаго платья. Объ этомъ я написалъ ему 20-го марта и письмо послалъ съ однимъ изъ земляковъ—товарищей, отправлявшихся на Пасху домой. Просьба моя была удовлетворена; но вотъ при семъ какое получилъ я назидательное наставленіе отъ своего отца крестнаго въ письмѣ отъ 5-го апрѣля:

Любезнѣйшій сынъ крестный

Иванъ Михайловичъ!

За пріятное письмо ваше отъ 20-го марта, въ которомъ вы привѣтствуете насъ съ высокаторжественнымъ праздникомъ Христова воскресенія, приносимъ чувствительную благодарность и такъ же васъ поздравляемъ. Желаемъ душевно, чтобы вы, празднуя обновленіе христіанскаго рода и природы, купно получили новыя силы къ преуспѣванію на стези добродѣтели и мудрости. Сожалѣемъ, что вы сами не пожаловали въ такое прекрасное время тѣмъ болѣе, что сотоварищи ваши многіе пришли. Здѣсь, повидавшись, о всемъ бы лично переговорили и обсудили. Вы между тѣмъ пишете о прѣсылкѣ денегъ на одежду, мы согласно вашему желанію при семъ посылаемъ 15-ть рублей по нынѣшнему курсу, но притомъ располагаемъ и то, что многонько тратите денегъ. Конечно, нужна одежда, но вы не забудьте, что сирота; не осудятъ умные, что не можете равняться съ сынами богачей. Старайтесь украшать себя скромностію, отличатьея простотою и благоразумнымъ съ другими обращеніемъ. Золотая утварь безобразнаго не

1836 г. сдѣлаешь красавцемъ. Старая пословица: береги денежку на черный день. У васъ хотя и есть деньги, но что это за богатство?..... Извини, что такъ строго пишемъ; это отъ любви и сожалѣнія о тебѣ.....

Скажемъ о себѣ, что мы доколѣ благополучны, чего и вамъ усердно желаемъ..... Да Господа ради берегитесь отъ хмѣльныхъ напитковъ. Они губятъ насъ на будущую жизнь; берегитесь худыхъ товарищей, вѣдая, что бесѣды злыя губятъ обычай благія. Поручая васъ водительство и покровительству Божію съ отеческою любовію, остаюсь искренно любящій отецъ крестный діаконъ Петръ Ивановъ.

Письмо писано рукою о. Сапоровскаго, но подписано собственноручно дядею Петромъ Ивановымъ. Это первое, полученное мною въ жизни, письмо произвело на меня сильное и непріятное впечатлѣніе.....

Получивъ 15-ть рублей по курсу, т. е. съ какимъ-то, не помню, лажемъ, я успѣшилъ купить матеріи на сюртукъ и брюки; выбралъ на сюртукъ какую-то полушерстяную съ зеленымъ отливомъ матерію, а на брюки, помнителъ, сѣраго цвѣта. Портной не замедлилъ сдѣлать мнѣ платье; оно вышло довольно красивое, но-уввы! не долго пришлось мнѣ любоваться его красотою. Прошло не болѣе недѣли или двухъ, какъ мой блестящій сюртукъ, частію отъ дождя, а частію отъ яркихъ солнечныхъ лучей, совершенно почти полинялъ, и я опять остался безъ платья.

Въ маѣ тѣ же рекреациі и тоже церковное торжество по случаю срѣтенія иконы Боголюбской Божіей Матери. Во второй половинѣ іюня и въ первой іюля частные экзамены, около 15-го числа торжественный актъ съ тѣми-же атрибутами, какъ и въ прошедшемъ году. На этомъ актѣ я получилъ въ даръ другой экземпляръ тѣхъ-же цѣлительскихъ правилъ *Вайбакова*. На другой день намъ объявлены разрядные списки: я переведенъ въ числѣ первыхъ учениковъ въ среднее отдѣленіе. За тѣмъ отпущенъ по домамъ.

Во время вакаціи я познакомился въ Горицахъ съ купеческимъ сыномъ, Владиміромъ Александровичемъ Борисовымъ. Борисовъ—личность, въ своемъ родѣ, очень примѣчательная. Сообщу здѣсь о немъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Онъ родился въ 1809 году въ селѣ Нижнемъ-Ландехѣ, Гороховскаго уѣзда; по смерти отца, въ 1811

году, мать его, уроженка села Гориць, изъ купеческаго 1836 г. дома Барановыхъ, переѣхала съ своимъ семействомъ на свою родину. Десяти лѣтъ его отдали учиться грамотѣ причетнику, у коего онъ успѣлъ выучить только азбуку. Въ 1820 году въ селѣ Дуниловѣ открыто было приходское училище, куда его перевели для дальнѣйшаго образованія. Здѣсь онъ изучилъ Часословъ и Псалтирь и научился писать, — тѣмъ и окончилось его образованіе. „Къ счастью, — буду продолжать далѣе словами самого Борисова, — въ это время я отыскалъ у себя въ домѣ краткую старинную географію, отъ которой былъ въ восторгъ и никогда съ ней не разставался; потомъ нашелъ нѣкоторыя и другія книги и въ 6-ти частяхъ собраніе путешествій *Циммермана*, отъ чего и получилъ охоту къ чтенію, а братъ мой старшій Петръ привезъ изъ Москвы и подарилъ мнѣ пространную всеобщую географію, только что тогда вышедшую, составленную *Крѣжовымъ* (См. Росписаніе книгамъ *Смирдина* № 3592)..... Этими книгами я для себя открылъ, казалось, новый невѣдомый міръ и сталъ читать путешествія, особливо любилъ изъ нихъ: „Путешествіе въ Хиву капитана Муравьева“ и „Плѣнь Головина въ Японію“. Послѣ легкаго чтенія сталъ приучать себя къ болѣе серьезному, для каковой цѣли выписывалъ въ 1826 и 1827 годахъ Московскія Вѣдомости, въ которыхъ печатались тогда протоколы Московскаго общества исторіи и древностей российскіхъ, — что и возбудило во мнѣ первую охоту къ занятію древностями... Въ 1832 году познакомился я съ извѣстнымъ Черехотскимъ историкомъ и археологомъ, священникомъ М. Я. Діевымъ ¹⁾. Съ этого времени началъ я уже вести нѣкоторыя замѣтки о Шуйскихъ древностяхъ... Статьи же собственнаго сочиненія началъ я печатать съ 1837 года, сначала въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду и Москвитинѣ... Въ письменныхъ занятіяхъ много обязанъ я наставленіями и поправками бывшему учителю Шуйскаго уѣзднаго училища В. А. Бѣляеву, съ которымъ познакомился въ Шуѣ въ 1838 году, куда я переѣхалъ жить изъ Гориць въ 1836 году“.

¹⁾ О священникѣ (послѣдствіи протоіереѣ) Діевѣ см. Дополнительный томъ „Собранія мѣстныхъ и отъавонъ“ литроп. *Филарета*, № 118, стр. 426 и сл.

1836 г. Съ 1838 года начали издаваться Владимірскія губернскія вѣдомости: В. А. Борисовъ, въ продолженіи 23 лѣтъ, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1862 году января 13 дня, — былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ этой газеты. Онъ былъ притомъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ¹⁾.

Съ этимъ-то самоучкою—археологомъ я познакомился во время каникулъ 1836-го года. Онъ былъ прихожаниномъ Дуниловской единовѣрческой церкви, при которой былъ мой зять попомаремъ. Зная, что у него въ это время была уже порядочная бібліотека, я обратился къ нему чрезъ своего зятя съ просьбою дать мнѣ, для чтенія, какую-нибудь интересную книгу. Онъ прислалъ мнѣ на первый разъ исторію поэзіи, *Шевырева*, не болѣе какъ за годъ предъ тѣмъ изданную (т. е. въ 1835 году) и пожелалъ, между тѣмъ, со мною лично познакомиться. Я былъ у него нѣсколько разъ и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ о литературныхъ новостяхъ.

9-го августа, совсѣмъ неожиданно получилъ я въ домѣ своего дяди письмо изъ Москвы отъ своего пріятели А. Рождественскаго. Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 5-го числа:

„Любезнѣйшій мой другъ

Иванъ Михайловичъ!

Видно, дружечикъ, ты на меня что-нибудь сильно разгнѣвался; ибо я и по сіе время не вижу отъ васъ ни одной строчки. Хотѣлъ было я вамъ съ симъ подателемъ послать гостинчикъ; но право не знаю, живы-ли вы или нѣтъ; хотя живы, но какъ не видя отъ васъ ни малѣйшаго ко мнѣ писанія, не знаю гдѣ вы обитаете вакаціальное время, ибо у васъ родни не мало: Богъ васъ знаетъ, гдѣ васъ изустъ искать; а я право еще въ святодухи не попалъ, чтобы наизустъ васъ искать. Вотъ другъ посмотри на сей хартіи и кремль нашей матушки бѣлокаменной Москвы²⁾. Теперь я скажу вамъ новость: колоколь, хранящійся въ кремлѣ слишкомъ цѣлое столѣтіе, въ коемъ вѣсу 12,000 пудовъ, вытащили наружу и теперь еще не только для

¹⁾ *Ежегодникъ Влад. губ. Статист. комитета* т. 1, вып. 1, 5—7, — 1876 г.

²⁾ Видъ кремля, помѣщенный вверху этого листа, я отрѣзалъ и подарилъ своей двоюродной сестрѣ.

Москвы, но и для всей Россіи большая краса, даже и для 1836 г. другихъ народовъ служить величайшимъ удивленіемъ.

Теперь я на конвертѣ имѣю право вамъ написать: *ученику философіи*; ибо списки въ Комиссію представлены, и я третьяго дня ѣздилъ въ лавру и ихъ видѣлъ.

Прощай другъ! болѣе писать некогда, податель торопитъ. За симъ пожелавъ вамъ добраго здравія и всякаго благополучія, остаюсь покорный слуга вашъ Александръ Рождественскій. Августа 5-го дня 1836-го года. Москва.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта.

Яковъ Ильичъ ¹⁾ гостить у насъ уже другую недѣлю и съ женой“.

Рождественскій жилъ въ это время въ Москвѣ у своего отца, игумена Амвросія.

Въ первыхъ числахъ сентября я былъ уже во Владимірѣ и готовился слушать уроки по философіи, математикѣ, физикѣ и проч.

Въ среднемъ отдѣленіи нашей семинаріи было также, какъ и въ низшемъ, три параллельныхъ класса. Мы изъ 2-го класса низшаго отдѣленія, въ полномъ составѣ, перешли во 2-й классъ средняго отдѣленія.

Преподавателями у насъ были: по философіи Максимъ Терентьевичъ Лебедевъ, по математикѣ и физикѣ—Михайла Михайловичъ Соловьевъ, по французскому языку—Михайла Якимычъ Смирновъ.

М. Т. Лебедевъ окончилъ въ 1825-мъ году курсъ въ Петербургской дух. академіи подъ № 8 въ первомъ разрядѣ, но вышелъ изъ академіи съ званіемъ старшаго кандидата съ правомъ однакожъ на полученіе степени магистра по выслугѣ двухъ лѣтъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и всѣ прочіе перворазрядные воспитанники этого курса, въ томъ числѣ и Новгородскій митрополитъ Исидоръ († 1892 г.), оставили академію съ такими-же правами. Какая была этому причина, мнѣ не случилось ни отъ кого слышать.

Профессоръ Лебедевъ слылъ у насъ серьезнымъ мыслителемъ, но, къ сожалѣнію, не обладалъ свободнымъ даромъ слова; притомъ голосъ имѣлъ тихій и выговоръ нѣсколько густивый, такъ что на самомъ близкомъ разстояніи съ

¹⁾ Владыкинъ.

1836 г. трудомъ можно было его слышать. Поэтому его преподаваніе не приносило для насъ большой пользы, тѣмъ болѣе, что онъ не всегда своевременно приходилъ въ классъ и былъ къ ученикамъ излишне снисходителенъ.

Официальнымъ учебникомъ по предмету философіи у насъ продолжала еще быть система *Баумейстера*, но на практикѣ она стала уже выходить изъ употребленія. Еще въ 1834 году преосвященный Пареній спрашивалъ Новгородскаго владыку Серафима: „Что проекты на проекты Устава для духовныхъ училищъ?... А дряхлаго Баумейстера не смѣняютъ вышеопытные? А сухой Бургій не на пенсію“? и проч....¹⁾.

Намъ профессоръ давалъ, для изученія, составленные имъ самимъ, вѣроятно по руководству академическихъ лекцій, записки на латинскомъ языкѣ. У меня сохранились эти записки, тщательно мною переписанныя. Вотъ ихъ содержаніе: Послѣ краткаго введенія въ философію—

I. Philosophia Theoretica:

A. Logica:—a) Pura; b) Applicata.

B. Metaphysica: a) Ontologia; b) Metaphysica naturae sensibilis; c) Metaphysica naturae intelligibilis: α) Metaphysica Psychologia; β) Psychologia empirica; γ) Cosmologia rationalis; δ) Theologia metaphysica seu rationalis.

II. Philosophia practica seu moralis:

A. Philosophia practica universalis.

B. Ethica moralis.

C. Jurisprudentia rationalis seu jus naturae.

Сверхъ сего, у меня сохранились записки по исторіи философіи, на русскомъ языкѣ. Кѣмъ онѣ были составлены, нашимъ-ли профессоромъ, или другимъ кѣмъ-нибудь, не помню.

Но такъ какъ всѣ эти записки довольно кратки, а объясненія профессора Лебедева были не вняты, то я всегда имѣлъ подъ руками печатныя, болѣе или менѣе пространныя, руководства по всѣмъ отдѣламъ философіи. Такъ, у меня были подъ руками: 1) Введеніе въ науку философіи, *Θ. Сидонскаго* (Спб. 1833 г.); 2) Новый курсъ фило-

¹⁾ *Влад. Ев. Влад.* 1878 г. № 21, стр. 624.

софіи, *Жерюзе* (Спб. 1836 г.); 3) Система логики *Фр.* 1836 г. *Бахмана* (перев. съ нѣмецкаго *Сидонскимъ*) въ 2-хъ частяхъ (Спб. 1831—32 год.); 4) Психическая Антропология, *Готтл. Шульце*, перев. съ нѣмецк. *Сидонскимъ*, въ 2-хъ книгахъ (Спб. 1834—36 г.); 5) Обзорѣніе исторіи философіи, *Фр. Аста*, перев. съ нѣмецкаго, Спб. 1831 г.; 6) Исторія философіи, архимандр. *Гавріила*, Казань; 7) Исторія философскихъ системъ, *А. Галича*, (Спб. 1818—19 г.), и 8) Очеркъ исторіи философіи по *Рейнгольду*, *Ө. Надежина*, Спб. 1837 года.

Для домашняго чтенія ученикамъ обязаны были, въ наше время, главные наставники брать изъ фундаментальной семинарской библіотеки книги подъ свою отвѣтственность, въ случаѣ ихъ утраты. Нашъ почтенный профессоръ Максимъ Терентьевичъ былъ семейный человекъ и жалованья въ годъ получалъ не болѣе 600 рублей ассигнаціями (171 р. 43 коп. серебромъ); поэтому онъ остерегался брать изъ библіотеки цѣнныя книги, а старался выбирать, какія по дешевле и постарѣе. Мнѣ, напр., досталась изъ его рукъ маленькая по формату книжка, едва-ли не 17-го столѣтія, на латинскомъ діалектѣ подъ заглавіемъ: „*lus sapientium*“. Такъ какъ эта книга показалась мнѣ не очень интересною, то я положилъ ее въ ящикъ и крѣпко тамъ заперъ, чтобы ова не утратилась, а чрезъ годъ или два возвратилъ ее по принадлежности въ цѣлости и сохранности. О собственныхъ же ученическихъ библіотекахъ въ наше время не было и помину.

Послѣ классныхъ уроковъ, которые для способныхъ учениковъ не были обременительны, главное занятіе наше составляли собственные сочиненія. На эти письменные труды всего болѣе обращало вниманіе и начальство. Темы для сочиненій давалъ намъ только главный профессоръ. Темы эти были какъ русскія, такъ и латинскія. Вотъ на какія темы довелось мнѣ писать, въ продолженіи двухъ лѣтъ философскаго курса.

1) Русскія:

1. „Любовь къ истинѣ должна одушевлять философа на поприщѣ умозрѣнія“.

1836 г. Сочиненіе, написанное на эту тему, заслужило такой отзывъ наставника: „Похвально“.

2. „О томъ, сколь важно и необходимо въ наукѣ употребленіе силлогистическихъ выводовъ“.

На этомъ сочиненіи подписано: „Резонно“.

3. „При какихъ условіяхъ возможно раскрытіе характера нравственно—добраго?“.

Подъ этимъ сочиненіемъ профессоръ подписалъ: „Весьма хорошо“. А на верху первой страницы рукою ректора семинаріи написано: „Одобряется къ произнесенію на собраніи. 1838 года. Февр. 7 дня“.

4. „Исторія рода человѣческаго есть памятникъ особеннаго Божественнаго промысла о человѣкѣ“.

На этомъ сочиненіи написано: „Достохвально“. Но, по желанію профессора, на эту же тему я долженъ былъ написать другое, болѣе пространное сочиненіе, на которомъ онъ написалъ: „превосходно“.

5. „Какое сильнѣйшее доказательство безсмертія души?“

Подписано: „Резонно“.

II) Латинскія:

6. „Multa legenda, sed cum iudicio“.

На этомъ сочиненіи сдѣланъ такой отзывъ: „Plus quam bene“. Сочиненіе это также было читано мною съ кафедры въ собраніи.

7. Weri nominis philosophia praeservat hominem ab incredulitate“.

Такая-же аттестація, какъ и на предыдущемъ сочиненіи.

8. Perturbationes animi (affectus) praeter sensationes voluptatis aut aegritudinis, an etiam quosdam appetitus vel aversationes sensitivas adiunctas sibi habent

Подписано: „Sat mentis et diligentiae“.

9. „Unde patet, revera adesse discrimen actionis moraliter bonas et malas?“

Подписано: „Laudabilissime“.

10. „Quomodo fides in existentiam Dei potest ali et con- 1836 г.
firmari in homine?“

Подписано: „Perquam bene“.

11. Quibusnam rationibus incitantur homines ad vitam
civilem colendam?“

Аттестация: „Optime“.

Не смотря на такіе одобрительные отзывы о моихъ фило-
софскихъ сочиненіяхъ, я не могу читать ихъ теперь безъ
улыбки и не могу не видѣть въ нихъ отраженія тѣхъ
мыслей и тѣхъ оборотовъ рѣчи, какіе усвоены были мною,
не всегда, конечно, съ яснымъ и отчетливымъ пониманіемъ,
при чтеніи книгъ и журнальныхъ статей философскаго
содержанія.

Преподавателемъ математики и физики былъ, какъ я
уже сказалъ, М. М. Соловьевъ. Когда мы перешли въ
среднее отдѣленіе, онъ только лишь окончилъ въ Москов-
ской духовной академіи курсъ съ званіемъ кандидата и
едва-ли достаточно былъ подготовленъ къ преподаванію
назначенныхъ ему предметовъ. По крайней мѣрѣ, на пер-
вый разъ онъ не иначе могъ разрѣшать алгебраическія и
геометрическія задачи, какъ съ помощію печатнаго учеб-
ника, да и то не безъ ошибокъ. Понятно, что такое пре-
подаваніе не могло расположить учениковъ къ вниматель-
ному слушанію уроковъ. Почтенный преподаватель убѣждалъ
насъ къ занятію математикой примѣромъ самого Іисуса
Христа, который въ дѣтствѣ занимаясь, подъ руководствомъ
праведнаго Іосифа, древодѣліемъ, не могъ де не звать
математики. Но и этотъ доводъ не имѣлъ успѣха. Съ
большимъ вниманіемъ и интересомъ мы слушали уроки по
физикѣ; особенно памяты для меня чтенія объ электри-
чествѣ, потому что эти чтенія подкрѣпляемы были опы-
тами. Въ нашей семинаріи, въ то время былъ очень жал-
кій физическій кабинетъ. Въ немъ была однакожь старая,
испорченная электрическая машина, которую Михайла Ми-
хайловичъ сумѣлъ самъ какъ-то исправить, и не разъ
приносилъ ее къ намъ въ классъ. На публичномъ экза-
менѣ послѣдняго, 1838 года, М. Михайловичъ заинтересо-
вовалъ публику своимъ предметомъ. Онъ начертилъ на
бумагѣ, въ довольно большомъ размѣрѣ, рисунокъ паро-
вой машины, съ обозначеніемъ буквами и цифрами состав-

1836 г. ныхъ ея частей, и мы предъ публикою объясняли значеніе и взаимное отношеніе этихъ частей.

Тому же Михаилу Михайловичу поручено было изъясненіе Священнаго Писанія: но онъ, въ теченіе двухлѣтняго курса, далъ намъ краткія записки на Евангелія только первыхъ двухъ или трехъ Евангелистовъ.

Французскій языкъ преподавалъ намъ, какъ сказано уже, М. Я. Смирновъ—одинъ изъ послѣднихъ кандидатовъ VII-го курса Московской духовной академіи (1830 года). Если принять въ разсужденіе количество учениковъ (насъ было болѣе 100 человекъ) и краткость времени, назначеннаго для этого предмета, а именно, не болѣе двухъ послѣобѣденныхъ классовъ въ недѣлю; если притомъ взять во вниманіе очень ограниченныя свѣдѣнія въ предметъ самого наставника: то не трудно понять, какіе успѣхи могли мы имѣть въ изученіи французскаго языка.

Въ ноябрѣ 1836 года послѣдовала у насъ перемѣна ректора. Еще въ 1834 году преосвященный Парѣеній писалъ митрополиту Серафиму о ректорѣ архимандритѣ Неофитѣ: „Владимірской семинаріи ректоръ уже лѣтъ десять ректоромъ; пора ему во владыки! — права кроткаго, жизни благочестивой, правилъ честныхъ, къ дѣлу усердень, православный“. И вотъ, можетъ быть, вслѣдствіе этой рекомендаціи, архимандритъ Неофитъ назначенъ былъ епископомъ Старицкимъ, викаріемъ Тверской епархіи. Отъ 1 ноября 1836 года Парѣеній снова писалъ Серафиму о Неофитѣ: „Полагаю, что ко дню вашего ангела (8 числа), явится Владимірскій выходецъ — ректоръ, назначенный Тверскимъ викаріемъ; не оставьте его вашею благосклонностію“.

Преемникомъ Неофита на должность ректора семинаріи назначенъ былъ родной братъ его, смотритель Астраханскаго духовнаго училища, игуменъ Поликарпъ. О. Поликарпъ былъ священникомъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской епархіи и академическаго образованія не получилъ. Назначеніе его на должность ректора семинаріи удивило всѣхъ, начиная съ преосвященнаго Парѣенія, который въ томъ же письмѣ отъ 1 ноября писалъ митрополиту Серафиму: „Рѣдкій случай, что братъ его (т. е. архимандрита Неофита) родной заступаетъ, какъ бы по наслѣдству, его ректорство. Не знаю, не будетъ ли онъ слабъ и малосиленъ для Вла-

димірской семинаріи и съумѣеть ли управляться съ 900 1836 г. учениковъ и 21 преподавателемъ изъ магистровъ и кандидатовъ, не участь въ академіи, будучи безъ ученой должности 11 лѣтъ священникомъ, не бывъ преподавателемъ ни риторики, ни философіи, ни богословія, какъ бывало въ нашихъ школахъ. Не имѣя вѣса, трудно будетъ поддерживать порядокъ, не имѣя ученыхъ свѣдѣній—поддержать ученую часть, а надобно строить огромный корпусъ для семинаріи. Его бы послать въ какую-нибудь небольшую семинарію¹⁾.

Неожиданное назначеніе о. Поликарна на должность ректора семинаріи объявили слѣдующимъ образомъ. Онъ былъ родной племянникъ извѣстнаго архимандрита Ростовскаго Яковлевскаго монастыря, Иннокентія; а о. Иннокентій пользовался особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ знаменитой графини А. А. Орловой-Чесменской. Вотъ по этимъ-то связямъ и отношеніямъ и состоялось назначеніе о. Поликарна на непосильную для него должность ректора семинаріи, которую, однако-жь, онъ занималъ около 10 лѣтъ. Во Владимірѣ онъ пріѣхалъ въ санѣ игумена, и я былъ очевидцемъ возведенія его въ санъ архимандрита, въ домово́й архіерейской церкви. Какъ теперь вижу, какъ преосвященный Пароеній, при врученіи ему жезла, читалъ по книгѣ довольно длинное поученіе.

О. Поликаръ, какъ не получившій академическаго образованія, не могъ преподавать, разумѣется, никакого предмета; но ему тѣмъ не менѣе, какъ ректору семинаріи, назначаемы были на высокаторжественные дни проповѣди.

Въ послѣднихъ числахъ ноября мимоѣздомъ изъ Кіева въ Кострому, пріѣхалъ во Владимірѣ бывшій Кіевскій викарій преосвященный *Владиміръ* (Алядинъ), переведенный въ сентябрѣ на Костромскую кафедру. Онъ посѣтилъ и нашу семинарію, въ которой былъ нѣкогда инспекторомъ. Въ наше отдѣленіе вошелъ онъ, въ сопровожденіи инспектора нашего Митрофана, когда у насъ былъ урокъ по математикѣ. Когда преосвященный спросилъ наставника, какъ его фамилія: тотъ отвѣтилъ:—„Соловьевъ“.—„Не сынъ ли вы священника Соловьева, который въ 1835 году умеръ у меня въ Кіевѣ“

¹⁾ Влад. Еп. Влад. 1878 г. № 22, стр. 645.

1836 г. и котораго я отпѣваль? — „Точно такъ, ваше преосвященство“.

Преосвященный Владиміръ былъ приглашенъ преосвящ. Пароеніемъ вмѣстѣ съ нимъ служить въ праздникъ святаго Николая (6 декабря), въ высокаторжественный день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича. Служеніе происходило въ большой крестовой церкви. Владимірцы едва ли видѣли когда-нибудь служеніе двухъ архіереевъ вмѣстѣ. Я былъ очевидцемъ такого необычайнаго зрѣлища.

Преосвящ. Владиміръ, въ мірѣ Василій Ѳеодоровичъ Алявдинъ, уроженецъ г. Владиміра, воспитанникъ 1-го курса Московской дух. академіи. По окончаніи академическаго образованія въ 1818 году, со степенью магистра, онъ назначенъ былъ инспекторомъ сначала въ Пензенскую семинарію, гдѣ онъ нашелъ губернаторомъ родственника своего, знаменитаго М. М. Сперанскаго; оттуда въ концѣ 1820 года переведенъ былъ на ту-же должность во Владимірскую семинарію, гдѣ и оставался до 1829-го года¹⁾. Какъ магистръ, Алявдинъ высоко цѣнилъ свои ученые достоинства. Когда я учился въ семинаріи, слышалъ о немъ рассказъ слѣдующаго содержанія. Въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ открылась настоятельская вакансія. Алявдинъ подалъ преосвященному Пароенію прошеніе объ опредѣленіи его на эту вакансію и даже настойчиво требовалъ удовлетворенія своей просьбы: но преосвященный отказалъ въ его просьбѣ и предпочелъ ему заслуженнаго протоіерея Павла Ставровскаго. Алявдинъ, обидѣвшись этимъ отказомъ, подалъ въ слѣдъ за тѣмъ прошеніе о поступленіи его въ монашество и при этомъ будто-бы сказалъ: „такъ я же самъ буду не хуже его (т. е. Пароенія) архіереемъ“. И вотъ его предсказаніе исполнилось.

Объ Алявдинѣ, какъ инспекторѣ семинаріи, сохраняется во Владимірѣ не очень добрая память. Вотъ что пишутъ о немъ: „По словамъ учениковъ его, наставникъ онъ былъ хорошій, образованный, даровитый; но, какъ инспекторъ,

¹⁾ См. Ист. Моск. д. экзд. С. Смирнова, М. 1879 г., стр. 416 и слѣд.

былъ человекъ довольно жестокой, мстительный и подозри- 1837 г
тельный" ¹⁾.

Начало 1837-го года ничѣмъ особеннымъ для меня не
было ознаменовано.

Приближалась Пасха. Любовь къ родинѣ влекла меня въ
родные Горлицы, но я не рѣшился на путешествіе, не имѣя
подъ руками средствъ для проѣзда. На этотъ разъ я ограни-
чился только выраженіемъ своего желанія побывать на родинѣ
въ письмѣ къ своему дядѣ Петру Ивановичу. Въ этомъ же
письмѣ я просилъ своего благопечительнаго опекуна при-
слать мнѣ рублей пять на нужды мои. И вотъ какой отвѣтъ
отъ 25-го апрѣля полученъ былъ много на это письмо:

„Христось воскресе! Любезнѣйшій сынъ крестный, Иванъ
Михайловичъ!

За пріятное и почтенное письмо твое приношу чувстви-
тельнѣйшую благодарность, а равно и за привѣтствіе съ
высокопраздничественнымъ праздникомъ..... Деньги пять
рублей посылаю и прошу поберечь оные и не пустому не
тратить, а по полученіи увѣдомь хоть по почтѣ. Деньги
посылаются съ Алексѣемъ Соловьевымъ. Пустынскіе родные
твои здоровы и свидѣтельствуютъ почитаніе. Такъ-же и наше
семейство: Татьяна Ивановна, Целагея Петровна и Елиза-
вета кланяются; за симъ съ отеческою любовію остаюсь
крестный твой отецъ села Горлицъ диаконъ Петръ Ивановъ
кланяюсь“

Письмо это, какъ и прошлогоднее, писано было рукою
о. Василія Сапоровскаго, но съ собственноручною подписью
Петра Ивановича.

Время отъ Пасхи до каникулъ прошло обычнымъ порядкомъ.
Вакацію проводилъ я на родинѣ въ обычныхъ странство-
ваніяхъ съ одного мѣста на другое. Единственное удоволь-
ствіе составляло для меня въ это время чтеніе и перечи-
тываніе выписокъ изъ разныхъ книгъ, мною прочитанныхъ
въ школѣ, и изрѣдка собесѣдованіе съ почтеннымъ о. Ва-
силіемъ Сапоровскимъ, который питалъ ко мнѣ особенную
любовь, какъ къ любознательному ювошѣ, и когда я про-
щался съ нимъ, при возвращеніи во Владиміръ, онъ обязалъ
меня писать къ нему о Владимірскихъ новостяхъ. Я съ

¹⁾ *Владим. Епарх. Вѣдом.* 1875 г. № 12, стран. 583. — „Исторія Влад.
дух. семинаріи“, *Кс. Надеждина*, Владиміръ, 1875 г., стр. 129.

1838 г. удовольствіемъ, разумѣется, принялъ на себя это пріятное обязательство и не замедлилъ приступить къ его исполненію.

21-го декабря я привѣтствовалъ, въ первый разъ, своего почтеннаго дядошку о. Василія Сапоровскаго съ праздникомъ Рождества Христова, и при этомъ сообщилъ ему не мало Владимірскихъ новостей, касавшихся преимущественно семинарской сферы. Въ какихъ выраженіяхъ написано было мною первое письмо, не помню—черноваго списка у меня не сохранилось: но изъ отвѣта на это письмо о. Василія можно видѣть, о чемъ я писалъ ему. Вотъ его отвѣтъ отъ 15-го января 1838-го года:

„Любезнѣйшій племянникъ
Иванъ Михайловичъ!

Почтенное и много удовольственное письмо ваше отъ 21-го декабря прошедшаго года — получилъ въ праздникъ Рождества Христова. Въ немъ прочиталъ я искреннее ко мнѣ расположеніе, видны ваши благородныя чувства и талантъ, съ которымъ можно брести на высокую гору Аполлона. Теките и постигнете. Разказы ваши о повѣстяхъ Владимірскихъ любопытны и занимательны. Новый профессоръ богословія бакалавръ іеромонахъ Рафаиль, по выраженію вашему, мужъ ученѣйшій что—то есть загадочное—феномень новаго просвѣщеннаго міра нынѣшняго. Нынѣ то надобно быть мудру, яко змія и цѣломудренну, яко голубицѣ. Старайтесь просвѣщаться такимъ свѣтомъ, который и во тьмѣ свѣтитъ и который бы тьма не объяла. Нашъ Высокопреосвященнѣйшій счастливъ такими ученѣйшими мужами и достоинъ похвалы и уваженія за то, что умѣетъ счастливить ихъ и выводить на дѣло и на дѣланіе до вечера. Профессоръ Надежинъ не братъ ли Надеждину, издателю „Молвы“? ¹⁾ Не онъ ли съ профессоромъ Михайломъ Михайловичемъ Соловьевымъ проѣзжали мимо моего дома? Какъ жалѣю, что не посѣтили меня. Михаилу Михайловичу, кажется, грѣшно и не посѣтитъ! При сихъ напоминаніяхъ нельзя не порадоваться или не позавидовать вамъ. Въ семинаріи вашей сколько ученыхъ и учености! Какъ не быть умному ученику, какъ не учиться охотно. Бывало у насъ и — радъ бы учиться да не у кого, и

¹⁾ „Телескопа?“

радъ бы читать, да нечего. Нынѣ журналы и журналисты 1838 г. съ вами. Вотъ и Раевичъ—студентъ Дерптскаго университета — новое свѣтило или комета. Дай Богъ явиться мірови и блеснуть. Жалко того, что сіи блестящіе метеоры скоро упадутъ съ высоты звѣздной на землю. Поприще литературное столько многотрудно, особенно молодому питомцу безъ руководства и пособія сильныхъ, какъ ледовитый океанъ. Я зналъ поэта Куликовскаго — стихи его чисты, увлекательны; но они скоро положили его во гробъ и кромѣ друзей никто о немъ не вспоминаетъ. Но оставимъ всѣ такія критическія сцены... *Gutta cavat (lapidem) non vi, sed saepe cadendo.*

Время поговорить, даже и ксати о почтенномъ Владимірѣ Петровичѣ. О немъ много я слышала, но лично не знала. Его покойный братъ протоіерей Ивановскій былъ мнѣ другъ. Вотъ какъ время, случаи или лучше Провидѣніе водить насъ на пути странствія земнаго. Господь, яко премудрый, знаетъ, гдѣ насъ поставить, знаетъ доколь и длить нашу жизнь, знаетъ какъ и руководствовать при стезяхъ соблазновъ и коварствъ властей и міродержителей тьмы вѣка сего. Одно насъ губить, что идемъ часто инымъ путемъ,—это иначе зовется своеволіе. Не отношу такого разсужденія къ умершему, да и не смѣю по латинской пословицѣ: „*De mortuis nil, nisi bene*“. Берегу васъ легкокрылыхъ витизей. И что же говорить? Онъ содержалъ поприще своей жизни какъ должно и можетъ быть сколько должно—скончался вмагѣ, исполнивъ дѣла долга. Онъ услужилъ любомудрію и вамъ учащимся; за то и владыка и ученики почтили его славнымъ погребеніемъ. Стихи Пѣхотина и меня порадовали, наиболѣе потому, что имѣлъ къ покойнику признательное состраданіе и любовь, выразилъ, хотя не ясно, странническую и страдальческую жизнь его.....

Прошу писать почаще—и не певить, что не скоро отвѣчаю,—а увѣрю, что на каждое письмо хоть строку настрочу. Пожелавъ вамъ успѣховъ въ просвѣщеніи, остаюсь любящій старопечатный іерей Василій Сапоровскій*.

Объясню содержаніе письма.

Іеромонахъ Рафаиль, о которомъ я сообщала о Сапоровскому и о которомъ онъ упоминаетъ въ своемъ

1838 г. письмѣ, окончилъ въ 1827 году въ Кіевской дух. академіи курсъ первымъ магистромъ; до монашества назывался Степанъ Дмитріевичъ Шинулинскій, родомъ изъ Черниговской епархіи. По окончаніи курса, оставленъ былъ при академіи бакалавромъ по кафедрѣ церковнаго краснорѣчія. Въ 1830-мъ году, вслѣдствіе умопомѣшательства ¹⁾, посланъ былъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь въ заточеніе. Объ немъ упоминаетъ уже въ своемъ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1831 года къ митрополиту Серафиму преосвященный Владимірскій ²⁾. А въ 1836 году тотъ же преосвященный ходатайствовалъ уже предъ Новгородскимъ владыкою объ освобожденіи изъ заточенія о. Рафаила ³⁾. Ходатайство сострадательнаго ахриастыря было уважено, и ученый бакалавръ переведенъ былъ изъ Суздальскаго монастыря во Владимірскій архіерейскій домъ. Здѣсь, чтобъ онъ не оставался въ праздности, ему поручено было сначала чтеніе богословскихъ ученыхъ сочиненій, а за тѣмъ на мѣсто выбывшаго изъ Владиміра ректора семинаріи, архимандрита Неофита, онъ назначенъ былъ въ 1837 году профессоромъ богословскихъ наукъ въ 3-мъ высшемъ отдѣленіи.

Профессоръ Надеждинъ. Θεодоръ Михайловичъ Надеждинъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургской дух. академіи въ 1837 году, назначенъ былъ профессоромъ философіи во Владимірскую семинарію на мѣсто Я. В. Миловскаго, перешедшаго на службу въ губернскую гимназію въ званіи законоучителя. Надеждинъ, молодой магистръ, былъ очень солидный и основательный преподаватель, одинъ изъ лучшихъ въ свое время наставниковъ семинаріи. Надеждину — издателю „Молвы“ нашъ Владимірскій Надеждинъ не доводился, кажется, ни въ какомъ родствѣ.

Владиміръ Петровичъ Целебровскій. Магистръ IV курса (1824 года) Московской дух. академіи; преподавалъ греческій языкъ и отличался проповѣдничествомъ. Вотъ какъ характеризуетъ его одинъ изъ его учениковъ: „Сухоша-

¹⁾ „Исторія Кіевск. дух. академіи“, В. Аккоменскаго, СПб. 1863 г. стр. 117. Письмо Моск. митр. Филарета къ архіеп. Наресію (№ XXVI).

²⁾ Влад. Еп. Влад. 1878 г. № 13, стр. 417.

³⁾ Тамъ же № 22, стр. 644.

вый, нескладный, всегда серьезный, онъ слылъ въ средѣ 1838 г. наставниковъ дорогимъ умницей; его проповѣди преосвященный Паросній трактовалъ, какъ умнѣйшія изъ всѣхъ. Какъ преподаватель, онъ ревностенъ былъ къ своей обязанности, и, хотя греческій языкъ не имѣлъ видимаго значенія, на него смотрѣли вскользь, но, уважая глубоко наставника, мы по возможности занимались этимъ предметомъ¹⁾.

И этотъ глубоко уважаемый наставникъ былъ подверженъ меланхоли въ такой степени, что подъ ея вліяніемъ онъ рѣшился оскотить себя. Вслѣдствіе сего, онъ долго находился въ семинарской больницѣ такъ, что я почти не видалъ его ни разу при жизни. Наконецъ въ исходѣ 1837 года онъ умеръ, и я былъ при его погребеніи²⁾.

По случаю смерти профессора Целебровскаго написаны были ученикомъ высшаго отдѣленія Алексѣемъ Пѣхотинымъ стихи, которые такъ понравились о. Сапоровскому. Къ сожалѣнію я не оставилъ у себя списка съ этихъ стиховъ; но у меня сохранились другіе стихи Пѣхотина, подъ заглавіемъ; „Аендорская волшебница“, произнесенные имъ 9-го апрѣля 1837 года въ общемъ собраніи съ кафедрой. Вообще, Пѣхотинъ отличался замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ. По окончаніи семинарскаго курса, онъ поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Московскій университетъ.

Къ Пасхѣ писалъ я о. Василию Сапоровскому поздравительное письмо и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10-го апрѣля:

„Удовольственное и весьма интересное письмо ваше получилъ во второй день праздника св. Пасхи. На привѣтствіе ваше съ свѣтлымъ праздникомъ восклицаю: воистину воскресе!.....“

Напрасно вы извиняетесь, что я буду скорбляться вашими рассказами или письмами. Пріятенъ лететь едва начинающаго говорить младенца особенно для любящихъ родителей и попечителей; какъ же не порадоваться, не восхититься чувствами, размышленіями — свѣтлыми пе-

¹⁾ *Владим. Епарх. Вѣдомости* 1875 г. № 13, стр. 638.

²⁾ О Целебровскомъ писалъ преосвящ. Пароснію М.М. Физаретъ (письмо ХХІІ).

1838 г. реливами пламеннаго юноши, обѣщающаго пріятную надежду въ будущемъ, — юноши любомудра.....

Чудо, совершившееся надъ ученикомъ гимназіи, достойно замѣчанія, но едва-ли повѣрятъ, что оное происшествіе истинно. Нынѣшніе фанатики и сами такъ ухищрены, такъ лукавы, что могутъ преображаться и во ангела свѣтла: такъ при томъ недовѣрчивы и люди, что не только сему страшному диву, но и аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ не повѣрятъ. Конечно какъ бы не вѣрить, — когда Богъ и нынѣ той же, каковъ былъ и будетъ во вѣки, — такъ же и нынѣ поругаемъ быть не восхоцетъ, — по крайней мѣрѣ мы имамы вѣру, а между тѣмъ подождемъ и окончанія сей чудной исторіи. Не менѣе занимательна и слѣпая стихотворка. Давно сказано, что слѣпцовъ умудряетъ Господь. Нѣтъ-ли въ семъ дѣлѣ хитростей священника? Наша братія такъ же затѣйливы и стараго поколѣнія, а новаго и еще затѣйливѣе. Впрочемъ и то похвально, хотъ слѣпые станутъ учить зрячихъ — много спячихъ умниковъ въ духовенствѣ. Свѣтскіе литераторы завалили кучами книгъ всѣ бібліотеки, такъ что сору и вздору не выскребешь до конца міра, — пищи духовной рѣдко попадается въ руки намъ грѣшнымъ, и духовные писаки пустились искать философскаго камня. Обѣщали преосв. митрополита проповѣди — да и доселѣ не видимъ. Время поговорить и о своихъ дѣлахъ. Новостей у меня нѣтъ на примѣтѣ. Происшествія встрѣчались болѣе плачевныя, нежели радостныя. Погребли мы свата Ксенофонта Матвѣича, на предпоследней недѣлѣ великаго поста добрую Катерину Борисовну — жену Калашникова: при сихъ случаяхъ говорилъ я рѣчи въ утѣшеніе сѣтующихъ; имъ оныя очень понравились, но къ вамъ не посылаю, а посылаю стихи, написанные въ скорости почтеннѣйшему учителю моему Василю Ивановичу Смирнову. Были мы на слѣдствіи съ нимъ и, читая въ газетахъ баснотворцу Крылову гимнъ, далъ я слово въ шуткахъ и написалъ подражаніе на имянины. Вы не ищите въ немъ ни мудрости, — ни таланта: — сельская балалайка не Петербургская муза; мнѣ вздумалось, что и мы умѣемъ чувствовать, какъ и бояре, — чтимъ и должны чтить учителей и благодѣтелей. Стихи не кажите“.....

Стихи, написанные о. Сапоровскимъ ко дню ангела Шуйскаго протоіерея Василя Ивановича Смирнова (быв-

шаго смотрителя духовнаго училища) въ подражаніе гимну 1838 г. князя Вяземскаго въ честь баснописца Крылова ¹⁾, слѣдующаго содержанія:

День счастливый, день прекрасный
Наступаетъ и у насъ;
Клиръ почтенный, клиръ согласный
Посѣтитъ за утро васъ;
Не на свадьбу золотую,
Не жену смотрѣть младую:
Съ вами радость раздѣлить.....
Новый даръ Богъ посылаетъ,
Онъ вамъ жизнь еще продлить
На земли благословляетъ.....
Болѣе живи годовъ,
Ты нашъ дѣдушка Смирновъ!
Съ музою и ты родился
И наперсникомъ у ней
Долго такъ же находился.
Развелся своей семьей;
И семья дѣтьми богата
Дѣти славныя-жъ ребята! ²⁾
Дѣти всѣ умны въ отца,
Ихъ горятъ къ тебѣ сердца.
Кроткій мужъ, достопочтенный!
Гимнъ Московскій, гимнъ священный
Вамъ воспѣть дерзнулъ одинъ
Изъ сыновъ послѣдній сынъ:
Длись судьбами всеблагими
Нить любезныхъ намъ годовъ,
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
Намъ не только что пристойно
Мудрецомъ васъ величать;
Но и должно и достойно

¹⁾ 50-ти лѣтній юбилей *И. А. Крылова*, по поводу коего сочинены стихи Вяземскаго „въ Дѣдушкѣ Крылову“, — описаны въ книгѣ: „Литературныя воспоминанія“ *И. И. Панаева*, СПб. 1876 г., стр. 112—114.

²⁾ Иерей, протоіерей, архіерей и архіепископъ—его бывшіе ученики — азъ уже послѣдній старовѣръ.

1838 г.

Благодѣтелемъ назвать.
 Ты былъ ректоромъ духовнымъ
 И поэтомъ очень скромнымъ;
 Завсегда преподавалъ
 Ты спасительны уроки;
 Вѣры догматы высоки
 Богомудро толковалъ.
 Ты не рѣдко утѣшался
 Простотой дѣтей своихъ
 И тѣмъ лучше умудрялся
 Истреблять пороки въ нихъ.
 Ловкаго не зналъ обмана,
 Не кололъ изъ подъ пера...
 (Петръ какъ бытъ хвалилъ Ивана,
 Также и Иванъ Петра).

Длись судьбами всеблагими
 Нить любезныхъ намъ годовъ,
 Здравствуй, съ дѣтками своими,
 Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!
 Музы храмъ тобой оставленъ,
 Хоть и жалко, жалко ей...
 Ты къ Ѳемидѣ въ храмъ поставленъ
 Чтобъ дѣла судить дѣтей.
 Ты и здѣсь умомъ блистаешь, —
 Добродушіе являешь
 И къ строптивымъ иногда;
 Ты идешь стезей прямою
 И невинность съ простотою
 Не стѣсняешь никогда.
 Ты не любишь воздаяній,
 Кто достоинъ наказаній,
 Тотъ заслуживаетъ мечь:
 Злоба, зависть, хитра лесь
 Можетъ быть и постилаютъ
 Часто сѣти — и пытаются
 Какъ-нибудь въ нихъ заманить:
 Но не могутъ уловить.
 Длись судьбами всеблагими
 Нить любезныхъ намъ годовъ,

Здравствуй, съ дѣтками своими,

Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!

Царь и церковь наградили

Такъ же ваши и труды.

Вы того достойны были....

Вы умножите плоды

Добрыхъ дѣлъ, жизнь продолжав.

Слава—какъ труба золотая

Ихъ потомству передасть;

Вамъ потомство долгъ отдасть.

Господа молю вселенной,

Чтобъ въ вѣкъ мирный, возделѣнный

Здравымъ васъ всегда хранилъ

И еще бы наградилъ....

Длись судьбами всеблагими

Нить любезныхъ намъ годовъ!

Здравствуй, съ дѣтками своими,

Здравствуй, дѣдушка Смирновъ!

На сіе отвѣтомъ было:

Пріятно дѣдушкѣ отъ дѣтокъ поздравленіе:

Еще-бъ пріятнѣе ихъ лично посѣщеніе!

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о моихъ занятіяхъ частными уроками въ дворянскомъ домѣ. Еще въ октябрь 1837 года я рекомендованъ былъ для преподаванія уроковъ дѣтямъ Шуйскаго помѣщика Семена Аркадьевича Лазарова-Станицева, проживавшаго съ семействомъ во Владимірѣ и занимавшаго какую-то должность по учрежденію Приказа Общественнаго призрѣнія. Я преподавалъ тремъ дочерямъ его законъ Божій, русскую грамматику, арифметику, географію и русскую гражданскую исторію. Въ вознагражденіе за эти труды назначено мнѣ было по 10 рублей ассигнаціями въ мѣсяць. Къ сожалѣнію, эти уроки продолжались не болѣе 6 мѣсяцевъ: семейство Станицевыхъ на дѣло уѣхало въ деревню, въ 8 верстахъ отъ Шуй, и болѣе уже во Владимірѣ не возвращалось. Получивъ за 6 мѣсяцевъ 60 рублей, я сдѣлалъ для себя на эти деньги суконную пару — сюртукъ и брюки, и былъ очень счастливъ. Но кромѣ матеріальной выгоды, я получилъ отъ своихъ занятій и нѣкоторую духовную пользу: повторилъ, съ большимъ

1838 г. уже пониманіемъ, тѣ предметы, которые я изучалъ почти механически въ училищѣ и сверхъ сего имѣлъ поводъ прочесть почти всю исторію Карамзина. Итакъ справедливо древнее римское изреченіе: *docendo discimus*.

Когда я былъ въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, во мнѣ возбудилось сильное желаніе получить высшее академическое образованіе. Велѣдствіе сего, я предварительно началъ запасаться академическими записками по философіи и богословію. По философіи у меня списаны были записки, частію на латинскомъ, частію на русскомъ языкѣ, знаменитаго въ то время профессора философіи въ Московской духовной академіи, *Θ. А. Голубинскаго*, содержащія въ себѣ умозрительную и опытную Психологію¹⁾. По предмету Богословія у меня сохранились отъ того времени лекціи еще болѣе знаменитаго ректора Кіевской духовн. академіи, архимандрита *Иннокентія (Борисова)* „о Религіи естественной и откровенной“²⁾.

Въ половинѣ іюля 1838 года, послѣ частныхъ испытаній и публичнаго экзамена, на которомъ я награжденъ былъ, по обыкновенію, книгою, насъ перевели изъ средняго отдѣленія въ высшее.

Когда я пришелъ на каникулы въ Горицы, меня приняли тамъ уже съ большимъ вниманіемъ, нежели прежде; сама тетка Татьяна Ивановна измѣнила свой прежній суровый тонъ обращенія со мною на болѣе ласковый и привѣтливый. А о. Василій Сапоровскій каждый разъ, когда я посѣщалъ его, принималъ меня съ самымъ искреннимъ радушіемъ и любилъ бесѣдовать со мною объ ученыхъ и литературныхъ новостяхъ.

По возвращеніи съ каникулъ, мы съ обновленными силами предались изученію богословскихъ предметовъ.

Преподавателями у насъ, во 2-мъ отдѣленіи, были:

1. По классу богословія — іеромонахъ Діонисій (до мо-

¹⁾ Чтенія по Умозрительной Психологіи профессора *Голубинскаго*, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ моей рукописи, изданы бывшимъ студентомъ академіи XIV курса, послѣ Московскимъ протоіереемъ *Вл. Гр. Назаревскимъ* († 1881). М. 1871 г.

²⁾ Изданы и эти лекціи въ полномъ собраніи сочиненій преемв. *Иннокентія*, архіеписк. Херсонскаго, т. X, Сиб. 1875 г. и т. XI, 1877 г.

нашества Димитрій Аннинскій) кандидатъ VIII курса (1832 г.) 1838 г. Московской академіи.

2. По классу Библейской и церковной исторіи, а также еврейскаго языка магистръ той же академіи и того же курса — Іосифъ Яковлевичъ Смирновъ.

3. По классу Свящ. Писанія — Василій Емельянычъ Богородскій — кандидатъ XIII курса (1839 г.) С.-Петербургской академіи.

4. По классу греческаго языка — Аванасій Николаевичъ Яковлевскій — кандидатъ VIII курса Московской духовной академіи.

О. Діонисій, преподаватель Богословія, съ усердіемъ изучалъ свой предметъ, но не владея въ достаточной степени даромъ слова, старался этотъ недостатокъ въ преподаваніи восполнить обширными записками съ разными къ нимъ примѣчаніями. Составляемыя имъ на русскомъ (а не на латинскомъ уже) языкѣ записки мы должны были для себя переписывать. Вотъ содержаніе этихъ записокъ, озаглавленныхъ: „Начертаніе системы христіанскаго Богословія по духу Православной Греко-россійской церкви“.

Послѣ довольно пространнаго общаго введенія въ курсъ наукъ богословскихъ, изложено:

А. Первый отдѣлъ системы христіанскаго Богословія, заключающій въ себѣ предъуготовительныя науки Богословія: 1) Исагогику, 2) Герменезтику и 3) Археологію.

Примѣчаніе. Обѣщанная въ заглавіи Археологія намъ не была преподаана.

Б. Второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ составительныя науки Богословія: 1) Богословіе общее, основное; 2) Богословіе созерцательное — догматическое, — въ немъ:

а) Богословіе отрѣшенное, или о Богѣ самомъ въ Себѣ.
б) Богословіе относительное, т. е. о Богѣ и дѣйствіяхъ Его въ отношеніи къ бытіямъ конечнымъ.

в) Богословіе дѣятельное — практическое; въ немъ:

1) Богословіе дѣятельное основное и

2) Богословіе дѣятельное — прикладное.

г) Богословіе частное — отрицательное или случайное (противъ раскольниковъ).

Не довольствуясь обширными записками по Богословію своего наставника, о. Діонисія, я написалъ для себя за-

1838 г. писки по догматическому и обличительному Богословію, составленные бывшимъ ученымъ бакалавромъ Кіевской академіи, іеромонахомъ Рафаиломъ.

О. Діонисій, въ дополненіе и объясненіе своихъ уроковъ, имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою въ классъ книги или духовные журналы и даже свѣтскія газеты, въ коихъ заключались статьи догматическаго, или вообще богословскаго содержанія, и заставлялъ меня читать ихъ въ слухъ цѣлаго класса. У меня сохранилась въ рукописи одна изъ читанныхъ мною въ классѣ статей, напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1839 или 1840 года. Это—рѣчь ординарнаго профессора университета св. Владимира, *Федорова* ¹⁾, читанная имъ на актѣ 15-го іюля 1837 года, подъ заглавіемъ: „О мнимомъ противорѣчій между истинами, явствующими изъ познанія неба видимаго—вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается человѣку не-бо невидимое—духовное“.

Въ высшемъ отдѣленіи, также какъ и въ среднемъ, темы для сочиненій давалъ намъ преподаватель главнаго предмета, т. е. о. Діонисій. Сочиненія писались на русскомъ и латинскомъ языкѣ. У меня сохранились сочиненія, писанныя мною на слѣдующія темы:

1) Русскія:

1) „О крещеніи христіанскихъ младенцевъ“.

На сочиненіи, писанномъ на эту тему, наставникомъ подписано: „Очень похвально“. А на первой страницѣ сверху рукою ректора архимандрита Поликарпа написано: „Смотрѣно. 1839 г. ноябри 5 дня“.

2) „О безсиліи человѣка грѣшника въ дѣлѣ своего спасенія“.

На этомъ сочиненіи подписано: „Обстоятельно, очень хорошо“.

3) „Чѣмъ и какъ христіанину укрѣплить и утѣшать себя въ злключеніяхъ жизни?“

Подписано: „Весьма хорошо“.

4) Размышленіе на слова: „Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческой постыдится.“

¹⁾ Федоровъ, Вас. Федор., окончилъ 24 марта 1855 года.

егда прїдетъ во славу Своей, и Отчей, и сватыхъ 1838 г. ангель“. Луки IX, 26.

Подписано: „Весьма хорошо“.

- 5) Экспромить на слова: „Нынѣ пребываютъ: вѣра, надежда, любви, три сія: больши же сихъ любви. 1 Кор. XIII, 13“.

Подписано: „Очень хорошо“.

II) Латинскія:

- 6) *Salus aeterna hominum extra Ecclesiam christianam acquiri non potest*“.

Подписано: „Bene“.

- 7) *Quid sibi vult imago Dei, secundum quam primus homo creatus esse dicitur*“.

Подписано: „Satis bene“.

- 8) *De immortalitate animae humanae*“.

Сочиненіе это оставлено, не знаю, почему, безъ всякой подписи. Видно, не было читано наставникомъ.

Кромѣ такъ называемыхъ разсужденій, мы обязаны были писать, особенно на второмъ году курса, поученія и проповѣди. Намъ не была преподаваема Гомилегика; мы не знали никакихъ теоретическихъ правилъ для составленія проповѣдей; отъ насъ требовали только предварительнаго расположенія или плана проповѣди. Поэтому можно сказать, что мы самоучкой писали проповѣди. Написанныя нами и одобренныя наставникомъ проповѣди ректоръ посылалъ насъ произносить въ той или другой изъ градскихъ церквей.

У меня сохранилось 8 семинарскихъ проповѣдей, изъ коихъ одна написана и произнесена была въ 1839 году, а прочія въ 1840 году.

Въ свободное отъ обязательныхъ, классныхъ занятій, время не мало прочтано было мною книгъ и статей въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ. У меня сохранились въ спискахъ цѣлые трактаты и обширныя статьи богословскаго содержанія, какъ напр. трактатъ „О бытіи Божіемъ“, изъ *Христіанскаго Чтенія* 1824 года; выписки изъ догматическаго ученія св. Григорія Богослова, помѣщен. въ *Христіанскомъ Чтеніи* 1838 года; „О мірѣ и его Со-

1838 г. здателѣ“ — изъ *Библ. для чтенія* 1838 года и многія другія.

Библейскую и Церковную исторію мы изучали по печатнымъ руководствамъ архимандритовъ: *Филарета Дроздова* и *Иннокентія Смирнова*. Устныхъ объясненій отъ профессора *И. Я. Смирнова* мы слышали очень мало. Впрочемъ, онъ не долго и преподавалъ намъ эти предметы, среди курса онъ оставилъ семинарскую службу и поступилъ въ Москву на службу въ Опекунскій совѣтъ. Тамъ впоследствии не разъ я встрѣчался съ нимъ.

По классу Св. Писанія намъ даны были преподавателемъ *В. Е. Богородскимъ* не очень пространныя записки только на двѣ, если не ошибаюсь, книги *Н. Завѣта*, а именно: на Евангеліе отъ *Іоанна* и на посланіе Ап. *Павла* къ Евреямъ. Какъ Богородскій только лишь въ 1839 году окончилъ курсъ академіи, то естественно, что онъ не могъ быть еще удовлетворительнымъ наставникомъ.

Что и какъ преподавалъ намъ въ высшемъ отдѣленіи изъ греческаго языка учитель *А. П. Яковлевскій*, хорошо не помню. Почтенный наставникъ предметъ свой зналъ, можетъ быть, и основательно, но преподаваніе его было слишкомъ не увлекательно: даромъ слова онъ почти вовсе не обладалъ. Въ особенности онъ обнаружилъ предъ нами свою безталантность, когда временно, послѣ выхода изъ семинаріи профессора *Смирнова*, ему поручено было преподаваніе Церковной исторіи.

Еврейскій языкъ у насъ не пользовался особеннымъ вниманіемъ; однакожъ и успѣлъ усвоить начатки этого священнаго языка подъ руководствомъ профессора *Смирнова*.

Между тѣмъ въ 1838 году, по ходатайству Владимірскаго епархіальнаго начальства, разрѣшено было Св. Синодомъ построить въ селѣ *Ивановѣ* единовѣрческую церковь, вторую уже послѣ *Дуниловской*. Къ этой новоустроенной церкви, по приглашенію прихожанъ, перешелъ изъ *Дунилова* мой зять, пономарь *В. А. Левашевъ*, обладавшій хорошимъ басистымъ голосомъ и умѣвшій твердо пѣть по старинной крюковой нотѣ, не говоря уже объ отчетливомъ знаніи церковнаго устава и всѣхъ обычаевъ и порядковъ единовѣрческой общины. Съ этого времени для меня открылось новое мѣсто убѣжища.

Въ декабрѣ писалъ я въ Горницы къ о. *Василію Сало-*

ровскому и по обычаю привѣтствовалъ его съ праздникомъ 1839 г. Рождества Христова и новымъ (1839-мъ) годомъ, сообщая ему при этомъ о Владимірекихъ новостяхъ.

Въ отвѣтъ на это онъ писалъ мнѣ отъ 8-го января 1839 года:

„За привѣтствіе ваше со всерадостнымъ днемъ Рождества Христова, равно и съ преддверіемъ уже грядущаго новаго года, приношу чувствительнѣйшую благодарность. Слава всеблаговому Богу! Мы встрѣтили съ радостію и благоговѣннѣйшими чувствами торжествовали праздникъ пришествія въ міръ Искупителя міра. Праздновали и Его Божественное и спасительное въ міръ Богоявленіе. Истинно, христіанинъ много имѣетъ причинъ къ веселію въ сіи благознаменитые дни праздниковъ. Но древній змій, — прельстившій первыхъ челоуѣковъ, змій лукавый, — не убоавшійся искушать Самого Искупителя міра — Господа своего — сластолюбіемъ: — „да каменія сія хлѣбы будутъ“; — славолюбіемъ: — „аще сынъ еси Божій, верзися долу“; — богатолобіемъ: „сія вся тебѣ дамъ, аще, пазь, поклониши мнѣ“; — повторяю: сей челоуѣкоубійца искони посреди нашего веселія во дни праздниковъ сихъ священныхъ, какъ бы неволью христіанъ увлекаетъ къ своимъ увеселеніямъ, такъ что мы празднуемъ не въ безквасіи чистоты, но въ квасѣ ветсѣ — въ козлогласованіи и пѣвствѣ.

Новый годъ! и его срѣтили — торжествовали съ колокольнымъ звономъ: но мы: тѣже — или лучше? — чѣмъ старѣемъ, тѣмъ дурѣемъ (по латынѣ боюсь писать, ибо все нынѣ русское). Мы мечтали, что на своихъ крыльяхъ эфирныхъ новый годъ принесетъ намъ — новые успѣхи; но онъ доставилъ намъ новыя заботы, новыя метрическія формы и въ Шую — новаго почитчика — хотя и добраго, но уже коненсторекаго... Стращаютъ насъ и станowymi — Благочинными. Однако — кто уразумѣ умъ Господень? Покоримся благому Провидѣнію...

Весьма сожалею о смерти почтеннаго мужа Степана Григорьевича. Онъ не только мнѣ былъ товарищъ, но другъ. Мы съ нимъ и пѣвали и пивали по тогдашнему заведенію; — и также игрывалъ съ нимъ на худомъ фаготѣ и держалъ перваго баса въ архіерейскомъ хорѣ. О Михайлѣ Михайловичѣ и о другихъ перемѣнахъ въ семи-

1839 г. нарии случившихся за краткостію времени и недосугахъ не буду разсуждать. Ежели земледѣлецъ располагаетъ—какое сѣмя и на какой землѣ посѣять: то ужели Господь не предположилъ кому гдѣ удобнѣе принести плодъ изъ профессоровъ? Теперь дѣло доходить и до Владыкина, вашего, можно сказать, собесѣдника и друга. Ума его не испытывалъ, витійства не зналъ: но сердце его глубоко и (не осмѣливаюсь сказать) лукаво и... Онъ меня почелъ за невѣжу,—но о мнѣ скажутъ, можетъ быть, и въ Визаніи, что я не такихъ правилъ. Впрочемъ вы совѣты его примите и послѣдуйте его совѣтамъ, не упускайте исполнить предложеній его, ежели предложены будутъ Академію... Вы позавидовали сельскому однопреходному священнику, какъ бобыль,—безпахотному. Есть-ли что несноснѣе,—несчастнѣе быть между крестьянами невѣждами—пасти козловъ пастырю благоразумному, добросовѣстному? Здѣсь найдете вы болѣе безпокойства, нежели спокойства. Кромѣ службы безпрестанной, различныхъ требъ (это пусть и во всякомъ званіи бываетъ) одно дурачество глупцовъ вамъ наскучить, а причетъ деревенскій всегда мерзкій, умучить совѣсть вашу. Сей родъ ни чимъ не успокоивается токмо молитвою и постомъ. И что здѣсь за выгоды? Последняя копѣйка добывается, какъ говорится, горломъ—нищенскимъ образомъ. Въ Моисеовѣ законѣ писано: да не заградиши устенъ вола молотяща, и апостоль Павель оправдывается: аще духовное сѣяхомъ, велико-ли, аще тѣлесная пожнемъ: но тѣ времена очень далеки—тогда не было раздѣлу—все было общее; а нынѣ сколько въ людяхъ лживыхъ пророковъ, лживыхъ учителей?—Стали чловѣцы самолюбцы, величавы, хульницы, продерзатели, о господствѣ не раящіе и проч. Посему изъ сего Содома лучше изыти и итти спасать свою душу въ горѣ Сигорѣ.

Наконецъ и о тѣхъ наставленіяхъ должно подумать, которые Самъ, Премудрость Божія, изрекъ ученикамъ своимъ: никто же поставляетъ свѣтильника подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ мірови,—наки: скрытый талантъ—и только талантъ единъ, уже есть рабъ исключимый, непотребный; что сказать о томъ рабѣ, который имѣетъ десять талантовъ и зарываетъ въ землю? Природа, благодѣтельная мать, наградила васъ изобильными дарами и

качествами; не только г. Владыкинъ—простое око можетъ 1839 г.
замѣтить оныя: то для чего-же дремать и не усовершенствовать
дарованія, особенно тогда, когда на то есть и время и бла-
гопріятные случаи. Вы можете быть наставникомъ другихъ,
итти въ свѣтъ и видѣть свѣтъ—можете тамъ принести
болѣе пользы отечеству, нежели въ простомъ селѣ священ-
никомъ. Бѣлое духовенство и потому не столь выгодно,
что, лишаась супруги, а иногда съ многочисленнымъ семей-
ствомъ бѣдствуетъ—влачить жизнь кое-какъ. Вотъ я и самъ
изживаю вѣкъ не какъ человекъ—мучуся одинокій...

У досуга и еще напишу о семъ. Теперь, пожелавъ вамъ
новыхъ успѣховъ и преуспѣянія на поприщѣ наукъ, остаюсь
искренно любящій и почитающій села Горницъ священникъ
Василій Сапоровскій^а.

Такъ какъ у меня черноваго письма къ о. Василию не
сохранилось, то я предложу здѣсь изъясненіе нѣкоторыхъ
обстоятельствъ, указываемыхъ въ его отвѣтномъ ко мнѣ
письмѣ.

Степанъ Григорьичъ (Знаменскій), о которомъ упоми-
наетъ въ своемъ письмѣ о. Сапоровскій, былъ священни-
комъ при Владимірскомъ кафедральномъ соборѣ и инспек-
торомъ духовнаго училища. Вотъ какъ описываетъ о.
Степана одинъ изъ его учениковъ, когда онъ былъ (въ
1819 г.) еще учителемъ 2-го класса приходскаго училища:
„во второмъ классѣ приходскаго училища,—такъ пишетъ
П. С. А.,—учителемъ былъ священникъ З(наменскій).
Поступивъ во второй классъ, мы жалѣли Аэдоницкаго
(учителя перваго класса), потому что З(наменскій) казался
суровѣе его; мы сначала боялись новаго учителя, но время
и привычка ослабили страхъ. О. З(наменскій) не былъ
жестокъ; плотный, сутуловатый, всегда почти серьезный,
онъ къ дѣлу обученія оказался внимательнѣе, чѣмъ Аэдо-
ницкій: что нужно, объяснялъ и выправлялъ; съ незнав-
щими урока поступалъ хотя и строже, чѣмъ Аэдоницкій,
но розги все-таки не были ежедневнымъ явленіемъ, а когда
и употреблялись, то въ самомъ умѣренномъ количествѣ.
З(наменскій) наказывалъ безъ малѣйшаго гнѣва, спокойно
велитъ дать пять ударовъ розгой,—и садись мирно на
скамью; онъ не былъ злопамятенъ: на другой же день
снова спроситъ тебя,—и если урокъ выучилъ, похвалитъ.

1839 г. Мы, узнавши его покороче въ теченіе первой учебной трети, полюбили такъ же, какъ и Ладоницкаго. З(наменскій) былъ мастеръ пѣть, любилъ пѣнію, и голосъ имѣлъ свободный и довольно сильный. Нотная азбука подъ его руководствомъ потеряла для насъ значеніе іероглифа. На послѣ-объединныхъ классахъ онъ прилежно упражнялся съ нами, обучая пѣнію; съ нимъ мы прошли всю премудрость азбуки и принялись за обиходъ, разучивая первоначально воскресныя стихиры и Богородичны на Господи возвахъ. Сперва разучилъ однѣ ноты безъ словъ, а потомъ уже съ словами. Любо слушать, бывало, какъ З(наменскій) одушевленный, начнетъ пѣть „Всемирную славу“, и мы всѣмъ классомъ подпѣваемъ ему; два часа пройдутъ, — мы и не видимъ, желали-бы еще пѣть—до самой ночи: такъ онъ захотилъ насъ къ занятію пѣніемъ“¹⁾.

Смерть о. Степану приключилась влѣдствіе простуды, которую онъ получилъ при встрѣчѣ на семинарскомъ дворѣ съ ректоромъ семинаріи, съ которымъ долженъ былъ довольно долго разговаривать, стоя съ открытой головой въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

О Михаилѣ Михайловичѣ Соловьевѣ сообщилъ я о. Василію Сапоровскому извѣстіе, что онъ оставляетъ Владимірскую семинарію и переходитъ въ Пензенскую епархію на смотрительскую должность. Переходъ этотъ былъ слѣдствіемъ вступленія М. Михайловича въ бракъ съ мѣщанскою дочерью,—на что, въ то время, смотрѣло у насъ начальство очень не благосклонно.

О моемъ бывшемъ наставникѣ и покровителѣ Я. И. Владыкинѣ я писалъ, что онъ также оставилъ нашу семинарію и, по протекціи ректора Московской академіи, архимандрита Филарета (Гумилевскаго)—товарища его по академическому воспитанію, переведенъ въ Виѣанскую семинарію на классъ философіи. Прощаясь со мною Я. И.—чѣ сказалъ: „когда, Ванюша (онъ такъ называлъ меня), окончишь курсъ, возми на плечи сумку, а въ руки палку, и приходи ко мнѣ—будешь въ академіи“. Сообщая объ этомъ Сапоровскому, я просилъ у него совѣта и, вѣроятно, выражалъ мысли о предѣлахъ жизни сельскаго священника.

¹⁾ Влад. Ев. Вид. 1875 г. № 10. стр. 491.

Но прежде чѣмъ давать мнѣ совѣты, о. Василій выразилъ свое негодованіе на моего благодѣтеля. Къ этому поводомъ было слѣдующее обстоятельство. На Оминой недѣлѣ 1838-го года о. Василій нарочито прѣхалъ во Владиміръ, чтобы похлопотать о переходѣ изъ низшаго отдѣленія въ среднее своего племянника, малоспособнаго и при томъ лѣниваго. Племянникъ его былъ въ отдѣленіи Владыкина. О. Василій, зная о моихъ близкихъ отношеніяхъ къ Владыкину, убѣдилъ меня сходить вмѣстѣ съ нимъ къ нему и попросить о его племянникѣ. Я, разумѣется, не отказался. Владыкинъ сначала принялъ насъ благосклонно; но когда о. Василій вздумалъ, на моихъ глазахъ, давать ему въ руку десятирублевую бумажку, онъ такъ разсердился, что едва не вытолкнулъ дарителя въ шею. Будь это безъ меня: можетъ быть, онъ, и не отвергъ бы даянія. Впрочемъ, не знаю какими судьбами, но племянникъ о. Саноровскаго былъ переведенъ въ среднее отдѣленіе.

Приближалась Пасха. Я рѣшился отправиться на праздникъ въ Иваново поздравить зятя и сестру Марью Михайловну съ новосельемъ. Я съ нѣкоторыми товарищами пошелъ пѣшкомъ. Пасха была ранняя 26-го марта. Въ поляхъ было множество снѣга, который однако началъ уже таять; по дорогѣ, въ долинахъ между горъ, образовались почти рѣки. Обойти ихъ было нельзя, и мы должны были идти въ одномъ мѣстѣ, не менѣе версты, водою выше колѣнъ. Но пришедши на ночлегъ, высушили мокрую обувь и платье, на другой день пошли далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало: такъ была крѣпка еще молодая натура. У сестры на новосельѣ я провелъ праздникъ весело и пріятно.

Въ Горицы же я послалъ поздравительныя письма.

О. Василій писалъ мнѣ въ отвѣтъ отъ 1-го апрѣля:

„Особеннымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ прошедшимъ почти уже свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова, равно и съ прошедшимъ же днемъ ангела вашего. При семъ сугубомъ обновленіи временъ и благодатномъ прилично пожелать вамъ обновленія духовнаго или воскресенія отъ мертвыхъ дѣлъ (кто есть человекъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ) и новаго преуспѣянія на поприщѣ наукъ и нравственности.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за

1839 г. огромный конвертъ и пріятное письмо ваше. Оно много принесло удовольствія по содержанію предметовъ трогательныхъ, чувствительныхъ, поучительныхъ — тѣмъ болѣе, что эти предметы очень близки моему сердцу.

Но ваши сироты заслуживаютъ состраданія и сожалѣнія. Что-же намъ дѣлать въ такія печальныя минуты?

Упованіе возлагать на Того, который питаетъ пленцовъ врановыхъ и безъ власти Коего и власъ главы нашей не гибнетъ.

Теперь кстати и о вашемъ прежнемъ намѣреніи ¹⁾. Вотъ и Хотимльское мѣсто завидно, а что оно значитъ? Побольше будто доходовъ, а то и пахутъ и орютъ, собираютъ дрова, — всякую всячину, какъ нищіе — прошаки, а мужики и зазнаи и краснобаи, офени... а женщины, какъ фуры (фуріи). Умному, чувствительному, съ добрымъ сердцемъ пастырю истинное наказаніе такъ поступать и обращаться. Такъ привыкла деревенщина съ деревнями свататься. Но ежели еще достанется въ удѣлъ медвѣжьей уголь-староникольщина или еще похуже, то и пой въкъ безконечную пѣсню: ей да оралъ мужикъ при дорогѣ... Не сказки слова мои, но истинная правда. Пусть заступаютъ такія мѣста тѣ, кто лишенъ отъ природы дарованій или лиходѣй fortuna не откроетъ случаевъ къ образованію. Вы природою награждены — а случаи открыты; — этотъ зовъ есть благодѣяніе Божіе и можетъ быть Богъ поставитъ Васъ тамъ, гдѣ свѣтъ вашъ долженъ просвѣтиться, гдѣ болѣе и церкви и отечеству можете принести пользы. Изъ академіи можете итти и узкимъ путемъ и пространымъ — надѣтъ и клобукъ и сюртукъ и долгополую рясу. Что былъ Прохорычъ, а нынѣ протіерей и ключарь въ Пермскомъ соборѣ? Что былъ Флегонтъ нашъ Талантовъ? а нынѣ въ Казани при наперсномъ крестѣ. Вотъ нашъ братъ, яко олово погруженъ въ водѣ зельнѣ. Бранятъ и за то, что живемъ уединенно и скромно. Правда, я такъ нынѣ охладѣваю къ отличіямъ, что и помысловъ не имѣю о томъ никакихъ! Монастырь меня что - то страшитъ, потому что не дадутъ тамъ покою, а навяжутъ такое дѣло, которое заставитъ работать чужой мамонѣ, — нагонитъ за-

¹⁾ Быть священникомъ въ селѣ.

боть до пропасти, забудешь о молитвѣ и о спасеніи— 1839 г. особенно съ братіей православною. И вамъ такъ скоро рѣшаться не совѣтую, хотя-бы и выпадали случаи. Но можно послѣ подумать и потолковать о семъ. Извините, пишу просто, откровенно и безъ вычуръ. Устали шатавшись за ящиками; теперь первый день на свободѣ, за то гости навѣщаютъ. Итакъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья и въ ожиданіи продолженія писемъ, остаюсь искренно-любящій села Горницъ старопечатный пошъ Василій Сапоровскій“.

Письмо это требуетъ нѣкотораго изъясненія.

Сироты, о которыхъ идетъ рѣчь въ письмѣ,—это дѣти умершаго наставника семинаріи, священника Егора Данилыча Борисоглѣбскаго. О. Борисоглѣбскій окончилъ курсъ въ Московской академіи въ 1830 году, съ званіемъ кандидата, и преподавалъ сначала риторику, а потомъ философію. 1-го октября, въ день праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 1838 года, возвращаясь съ своими молодыми товарищами изъ гостей отъ священника Вознесенской церкви, онъ бѣжалъ въ высокую и крутую гору въ перегонку съ кѣмъ-то изъ этихъ товарищей, и взбѣжавши на гору упалъ и едва не умеръ тутъ же. Съ этого дня открылась у него какая-то внутренняя болѣзнь, которая приковала его на долго къ постели. Болѣзнь продолжалась всю зиму; наконецъ, въ половинѣ великаго поста 1839 года свела его въ могилу. Чинъ погребенія совершался въ семинарской Богородицкой церкви. Не помню, кто изъ наставниковъ говорилъ надгробную проповѣдь и кто изъ учениковъ произносилъ стихи: но живо помню, какъ молодая вдова Елисавета Ивановна (урожденная Флоринская), оставшаяся съ тремя малолѣтними дѣтьми, рыдала и терзалась при гробѣ столь преждевременно умершаго мужа. Картина была поразительная...

Прохорычъ, о которомъ упоминаетъ о. Сапоровскій,—это Гаврилъ Погостовскій—изъ студентовъ Владимірской семинаріи—первый кандидатъ IX курса (1834 года) Московской академіи. Погостовскій извѣстенъ былъ по семинаріи о. Василю, такъ какъ съ нимъ квартировалъ его сынъ Яковъ Горницкій.

Флегонтъ Тихоничъ Талантовъ — кандидатъ II курса

1839 г. (1820 года) Московской академіи, уроженецъ села Дунилова; потому о. Василій (Сапоровскій) и называлъ его нашъ.

По переходѣ въ высшее отдѣленіе, лучшихъ учениковъ обыкновенно послѣ Пасхи посвящали въ стихарь для произношенія проповѣдей въ приходскихъ церквахъ, во время пребыванія во Владимірѣ чудотворной иконы Боголюбской Божіей Матери съ 21-го мая по 16-е іюня. Я не помню, въ какой день посвященъ я былъ въ стихарь, но хорошо помню, что первую проповѣдь мнѣ пришлось произносить въ Борисоглѣбской церкви, въ присутствіи губернатора Ивана Эммануиловича Кугуты, такъ какъ это приходская церковь Владимірскихъ губернаторовъ. Проповѣдь была изъ текста: *И прошедши вся двери, ста предъ царемъ* (Есв. V, 1). Мой первый опытъ проповѣдничества былъ удаченъ: и содержаніе проповѣди и произношеніе ея было одобрено губернаторомъ. Онъ это лично выразилъ мнѣ послѣ обѣдни. Кугута—грекъ, сынъ извѣстнаго совоспитанника Великаго князя Константина Павловича.

Въ первыхъ числахъ іюля разнесся слухъ между нами о пріѣздѣ изъ академіи ревизора. 8-го числа, часа въ два по полудни, дѣйствительно, прибылъ во Владиміръ ректоръ Московской академіи, архимандритъ Филаретъ (впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій † 1866-го года), а въ четыре часа мы собраны были уже въ семинарію, и онъ немедленно приступилъ къ испытанію учениковъ высшаго отдѣленія по предмету Библейской и Церковной исторіи. Угрюмый видъ ревизора произвелъ на насъ подавляющее впечатлѣніе. При экзаменѣ, онъ по всеѣмъ предметамъ много дѣлалъ ученикамъ возраженій, которыя ставили ихъ иногда въ тупикъ: въ этомъ случаѣ за учениковъ долженъ былъ отвѣчать наставникъ. Для насъ было очень интересно видѣть, какъ будетъ вести полемику съ ревизоромъ профессоръ Богословія, бывший Кіевскій бакалавръ, іеромонахъ Рафаилъ. Я былъ свидѣтелемъ этой полемики. Не помню, во какому вопросу завязался между ревизоромъ и профессоромъ жаркій споръ. Рафаилъ, послѣ долгаго словопренія, разгорчившись (а онъ былъ чрезвычайно пылкаго характера), сказалъ наконецъ: „да объ этомъ нигдѣ не говорится у отцевъ церкви“. Ревизоръ, въ свою очередь разсердив-

пись, сказалъ на это въ отвѣтъ: „да ты еще не всѣхъ 1839 г отцовъ-то прочиталъ“. На этомъ и прекратилась бурная полемика между двумя учеными борцами. Рафаиль послѣ сильно негодовалъ на ревизора за такой его отвѣтъ.

13-го іюля былъ у насъ, какъ всегда, публичный экзаменъ. Присутствовалъ-ли на немъ ревизоръ или нѣтъ, не помню: но достоверно то, что Преосвященнаго на ономъ не было. Съ 1-го іюля и по августъ онъ путешествовалъ по епархіи, между прочимъ, въ селѣ Симѣ, Юрьевского уѣзда, хлопоталъ, какъ самъ онъ извѣщалъ Новгородскаго владыку Серафима, объ отравленіи тѣла князя Багратіона на поле Бородинское¹⁾.

Къ публичному испытанію велѣно было и моему товарищу Павлу Приклонскому приготовить благодарственную рѣчь. Такъ какъ Приклонскій въ спискѣ нашего отдѣленія стоялъ выше меня, то я и предоставилъ ему эту честь, а самъ и не думалъ о составленіи рѣчи. Между тѣмъ, за день до экзамена, о. Діонисій призываетъ меня и спрашиваетъ, приготовилъ-ли я рѣчь. „Нѣтъ“, отвѣчалъ я. — Почему? — „Потому что, вѣроятно, приготовилъ Приклонскій“. О. Діонисій, разсердившись на меня, хотя онъ никогда не былъ склоненъ къ гнѣву, строго приказалъ мнѣ итти и сейчасъ-же приготовить рѣчь. Дѣлать было нечего, надобно было исполнить волю любимаго и досточтимаго наставника. Написавши наскоро нѣсколько строкъ, я представилъ ихъ о. Діонисію. Онъ исправилъ мое писаніе и, переписавши на бѣло своею рукою, вручилъ мнѣ для произнесенія предъ публикой. Вотъ эта рѣчь:

„Почтеннѣйшіе посѣтители!

и вы попечительнѣйшіе отцы, наставники!

Нуженъ, необходимъ теплотворный свѣтъ весенняго солнца для молодыхъ, нѣжныхъ растений; онъ живетъ и осѣменяетъ ихъ къ обильному плодоношенію въ свое время. Теперь и у насъ — въ этомъ юномъ, живомъ вертоградѣ цвѣтущая весна; молодые умы наши только что раскрыли нѣжные цвѣтки своихъ познаній. Менѣе ли поэтому нужны, менѣе ли необходимы и намъ живительные лучи свѣта для

¹⁾ Влад. Епарх. Вид. 1879 г. № 2, стр. 51. Прибавл. къ Владим. Губернск. Вид. 1839 г. № 28.

1839 г. принесенія зрѣлыхъ плодовъ ученія? Такъ! но какіе это лучи? Что это за свѣтъ? Это одобрительные взоры вашего свѣтлаго собранія, п. п.! и теплотворная, отеческая заботливость попечительнѣйшихъ начальниковъ нашихъ. О, мы знаемъ, мы чувствуемъ, какъ все это живительно для юнаго воспитанника! Вашъ одобрительный взоръ, ваше заботливое вниманіе вливаютъ въ сердца наши благородную смѣлость для успешнаго прохожденія назначатаго поприща наукъ, вдыхаютъ свѣтлыя надежды пожать благословенные плоды засѣяннаго въ душахъ нашихъ. Чѣмъ возблагодаримъ васъ? Чѣмъ отвѣтимъ на ваши благородныя желанія возбудить въ насъ ревность къ продолженію ученія? Усерднымъ стараніемъ — соответствовать вашимъ благожеланіямъ“.

Въ этомъ году, изъ Владимірской семинаріи велѣно было Коммиссіею Дух. Училищъ послать трехъ воспитанниковъ въ духовныя академіи — Петербургскую и Кіевскую. Въ Петербургскую посланъ былъ мой помннутый выше товарищъ Приклонскій, а въ Кіевскую по одному изъ прочихъ отдѣленій, а именно: изъ 1-го отдѣленія Владиміръ Владиславлевъ, и изъ 3-го — Павелъ Сокольскій. Но изъ нашего 2-го отдѣленія въ то-же время отправленъ былъ, по особому экстренному распоряженію высшаго начальства, одинъ ученикъ, именно Григорій Алякринскій въ Московскую академію въ необычное время, среди академическаго курса.

Спрашивается: что это значитъ? Это значитъ, что Алякринскій былъ двоюродный внукъ графа М. М. Сперанскаго, скончавшагося 11 февраля 1839 года. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ, желая почтить память великаго государственнаго мужа, и узнавши, что во Владимірской семинаріи воспитываются два сына родной его племянницы, Александръ и Григорій Алякринскіе, предложилъ Св. Синоду опредѣлить ихъ на казенный счетъ въ высшія учебныя заведенія, по ихъ собственному избранію. Въ слѣдствіе сего, изъ братьевъ Александръ Алякринскій поступилъ въ Московскую медицинскую академію, а младшій Григорій въ Московскую же дух. академію.

Отправившись домой на вакацію, я большую часть времени провелъ у старшей сестры въ Ивановѣ и достаточно

ознакомился съ этимъ знаменитымъ центромъ мануфактурной промышленности. Къ сожалѣнію, не задолго до нашихъ канюкулъ, а именно 13-го мая, Иваново опустошено было страшнымъ пожаромъ, истребившимъ до 416 домовъ съ 61 фабрикою; убытокъ, причиненный этимъ пожаромъ, простирался свыше милліона рублей серебромъ.

Сообщу здѣсь краткія историко-статистическія свѣдѣнія о селѣ Ивановѣ.

Иваново находится отъ города Шуи въ 30-ти верстахъ. Первоначальная исторія его восходитъ къ половинѣ XVI вѣка. Въ 1561 году оно, какъ богатое имѣніе, пожаловано было царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ его шурьямъ, князьямъ Темрюковичамъ-Черкасскимъ и оставалось въ ихъ родѣ до 1711 года. Въ этомъ году оно поступило въ приданое единственной дочери канцлера, князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, выданной въ замужество за графа Петра Борисовича Шереметева и до послѣдняго времени оставалось въ родѣ Шереметевыхъ. Въ 1871 году богатое село это, вмѣстѣ съ находившеюся при немъ Вознесенскою слободою, переименовано въ безъуздный городъ Иваново-Вознесенскъ.

Въ старину жители села Иванова славились своими холстами, сукнами, а также шерстобитствомъ и плотничествомъ. Но съ 1751 года возникла тамъ ситцевая и миткалевая фабрикація. Фабрикація эта, постепенно расширяясь, въ половинѣ текущаго столѣтія достигла огромныхъ размѣровъ, такъ что ситцевыхъ произведеній продавалось въ годъ на сумму свыше 8-ми милліоновъ рублей серебромъ.

Коренное населеніе Иванова въ сороковыхъ годахъ простиралось до 5-ти тыс. душъ обоего пола; но при этомъ живущихъ на многочисленныхъ фабрикахъ и заводахъ рабочихъ было не менѣе 20-ти тысячъ душъ.

Въ Ивановѣ, при многочисленномъ населеніи, въ то время было только двѣ приходскихъ церкви¹⁾, но съ тремя штатами клира при каждой. Сверхъ лѣтнихъ холодныхъ церквей, въ томъ и другомъ приходѣ имѣются зимнія теплыя церкви—всѣ каменныя. Храмы, въ особенности лѣтніе, обширны и

¹⁾ Въ настоящее время 6 приходскихъ церквей, не считая единоиерархической и кладбищенской.

1839 г. весьма благолѣпны; преизобилуютъ дорогими утварями и ризничными принадлежностями. Въ 1871 году, при преобразованіи села Иванова въ городъ, одна изъ приходскихъ церквей — Покровская, при которой до 1754 года существовалъ мужскій монастырь, переименована въ соборъ ¹⁾.

Когда я гостилъ въ Ивановѣ у сестры, я чаще посѣщаль въ воскресные и праздничные дни приходскую Крестовоздвиженскую церковь и съ здѣшнимъ клиромъ былъ больше знакомъ, нежели съ Покровскимъ. Между священниками Крестовоздвиженской церкви священникъ о. Іаковъ Васильичъ Виноградовъ доводился мнѣ даже въ какомъ-то родствѣ.

Во время каникулъ я былъ, разумѣется, и въ Горицахъ; не преминулъ быть на праздникъ Успенія Божіей Матери и въ Хотимлѣ.

Здѣсь увидѣлся я въ первый разъ съ родственникомъ своимъ, Вязниковскимъ городовымъ врачомъ Ил. Пв. Палеховскимъ. Онъ спросилъ меня, куда я намѣренъ поступить по окончаніи курса семинаріи. Когда я въ отвѣтъ сказалъ ему, что въ духовную академію или во священника, онъ совѣтовалъ мнѣ поступить въ университетъ на юридическій факультетъ. Когда я потомъ сообщилъ объ этомъ старшей сестрѣ своей М. М., она мнѣ съ особеннымъ чувствомъ замѣтила: „ахъ, батюшки, какъ это можно; да кто-же за насъ будетъ Богу-то молиться? Нѣтъ ужъ ты поди лучше во священники, а въ университетъ не ходи“. Но у меня и самого не было ни малѣйшаго расположенія къ свѣтской жизни.

Въ послѣднихъ числахъ августа посѣвши я, конечно, возвратиться во Владиміръ къ своимъ любимымъ занятіямъ науками.

Въ сентябрѣ послѣдовала у насъ перемѣна инспектора. Умный и кроткій о. Митрофанъ подвергся тяжкому иску-

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы мною большею частью изъ книги: „Описание г. Шуи и ея окрестностей“, *Вл. Борисова*, М. 1854 г. стр. 144—153. По статист. свѣдѣніямъ за 1879 г., фабрикъ и заводовъ въ Ив.—Вознесенскѣ было 49; ситца выработывалось до 3.230,000 кусковъ на сумму до 25 мил. рублей (*Моск. Вѣд.* 1880 г. № 32). О современномъ состояніи г. Ив.—Вознесенска свѣдѣнія заключаются въ книгѣ *И. И. Гарелина*: „Городъ Иваново-Вознесенскъ“, Шуя, 1885 г.

шенію. Владиміръ — мѣсто его семинарскаго образованія, 1839 г. во время коего онъ имѣлъ здѣсь недобрыя связи и знакомства. Возвратившись снова сюда послѣ четырехлѣтняго воспитанія въ Петербургской академіи, онъ, не смотря на свой монашескій санъ, возобновилъ прежнія знакомства и связи, которыя его погубили безвозвратно. Разъ поздно ночью, возвращаясь изъ дому одного изъ своихъ недобрыхъ друзей въ нетрезвомъ видѣ, онъ взятъ былъ въ полицію. О такомъ скандалѣ Преосвященный не могъ, разумѣется, не довести до свѣдѣнія высшаго начальства. Вслѣдствіе сего, несчастнаго о. Митрофана удалили вовсе отъ семинаріи и послали въ число братства въ Переславскій Даниловъ монастырь, состоявшій подъ управленіемъ ректора семинаріи архимандрита Поликарпа. Но и здѣсь онъ не долго оставался; его перевели почему-то въ Южскую Доробееву пустынь, Ярославской епархіи, гдѣ онъ погибъ наконецъ самымъ бѣдственнымъ образомъ. Не помню, кто мнѣ рассказывалъ, что о. Митрофанъ, отлучившись разъ, въ зимнее время, изъ пустыни, болѣе въ нее не возвращался, и только уже весной найденъ былъ на полѣ или въ лѣсу, съ выклеванными глазами. Къ чему-же, — невольно спросишь, — служить наша высокая ученость безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ?! Какъ справедливо послѣ сего изреченіе, не помню, какого философа: „Qui proficit in litteris, sed deficit in moribus, plus deficit, quam proficit“¹⁾.

Инспекторскую должность Митрофана занялъ опальный профессоръ Богословія, іеромонахъ Рафаиль, а на профессорскую приеланъ былъ окончившій курсъ въ этомъ-же 1839 году въ Кіевской академіи, со степенію магистра, іеромонахъ Евѣимій (Бѣликовъ).

О совершившейся съ инспекторомъ Митрофаномъ катастрофѣ преосвященный Паросній писалъ митрополиту Серафиму отъ 4-го ноября: „семинарія многолюдная, но ректоромъ старой печати доволенъ. Новопечатнаго инспектора

¹⁾ Объ инспекторѣ Митрофанѣ см. по Влад. Епарх. Вѣдомостяхъ 1880 г. стр. 427 и слѣд. (Письма архіепа. Пароснія къ моск. митр. Филарету). Письмо м. Филарета къ архіепа. Пароснію отъ 1-го января 1839 г. № XXV въ Правосл. Обзорѣніи за 1872 годъ.

1839 г. невоздержнаго и неустроеннаго спустилъ. Заступившій его мѣсто бакалавръ Кіевскій—Рафаилъ, за норовъ свой попавшій въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь и тамъ обидѣвшійся, кажется, надеженъ“¹⁾).

Около того же времени явился къ намъ на мѣсто профессора Церковно-библейской исторіи и еврейскаго языка, Г. Я. Смирнова кандидатъ XIII курса (1839 года) Петербургской академіи Алексѣй Ивановичъ Недешевъ, сынъ протоіерея и законоучителя Смольнаго монастыря въ Петербургѣ—уроженца Владимірской епархіи²⁾. Молодой, красивый собою, съ изящными манерами, Алексѣй Ивановичъ явился къ намъ въ классъ въ модномъ фракѣ и въ шубѣ на какомъ-то, не виданномъ у насъ, дорогомъ мѣху. Небрежно сбросивъ съ себя шубу, онъ остался во фракѣ и началъ, ходя по классу взадъ и впередъ, что-то намъ проповѣдывать; но какъ наша классная комната, хотя очень не большая, была недостаточно натоплена, а можетъ быть и вовсе не была топлена и какъ въ поученіи юнаго наставника не возгарался еще огонь, то нашъ петербуржецъ ежился— ежился, наконецъ, попросивши у насъ извиненія, поспѣшилъ завернуться въ свою теплую шубу и продолжалъ ораторствовать, сидя уже за своимъ преподавательскимъ столомъ. Съ порученнымъ ему предметомъ онъ былъ, какъ видно, очень мало знакомъ; но намъ пріятно было слышать его живую, веселую болтовню; у насъ вовсе почти не было наставниковъ съ живымъ, свободнымъ словомъ. Нашъ молодой наставникъ, вмѣсто серьезнаго преподаванія предмета, занималъ насъ забавными анекдотами. Онъ рассказывалъ, на примѣръ, намъ, что онъ видѣлъ въ Ревельской лютеранской киркѣ картину, на которой изображено путешествіе Іакова въ Месопотамію: Іаковъ представленъ сидящимъ въ коляскѣ, запряженной парю лошадей пугомъ. Единственнымъ памятникомъ преподаванія Церковной исторіи г. Недешевымъ сохранились у меня на двухъ или трехъ листахъ записки объ отдѣленіи Западной церкви отъ Восточной.

¹⁾ *Влад. Еп. Видомости* 1879 г. № 2, стр. 51.

²⁾ О протоіерей Іоаннѣ Недешевѣ—см. въ *Русск. Арх.* 1831 г., т. II, стр. 450.

Что касается до еврейскаго языка, который суждено было 1839 г. преподавать г. Недешеву, то онъ не зналъ по этому предмету, какъ говорится, ни аза въ глаза. Мы, по крайней мѣрѣ, научились уже у прежняго профессора читать и писать по еврейски, и даже умѣли дѣлать разборъ грамматическій, знали довольно твердо формы глаголовъ: онъ читать даже не умѣлъ. Бывало, придетъ къ намъ въ классъ съ нѣмецкою Библіею, и когда кто-нибудь изъ насъ, прочитавши по еврейской Библии какой-нибудь стихъ, начинаеть повторять готовый уже переводъ протоіерея Павскаго, онъ не обинуясь говорилъ иногда: „что это, господа, по нѣмецки-то не такъ нужно перевести“. Диковинныя дѣла творились въ наши блаженные времена!... Но г. Недешевъ, не разумѣя еврейскаго языка, владѣлъ нѣмецкимъ такъ же свободно, какъ и русскимъ: поелику родился и воспитался среди нѣмцевъ, въ Ревелѣ, гдѣ отецъ его былъ сначала на службѣ.

Не долго однакожъ оставался у насъ этотъ милый учитель-полунѣмецъ; онъ мелькнулъ предъ нашими глазами, какъ метеоръ: чрезъ мѣсяць или два его уже не стало: онъ улетѣлъ назадъ, въ сѣверную столицу, не помню, на какую должность.

Его мѣсто занялъ у насъ товарищъ его по академіи и также кандидатъ Александръ Аонасьевичъ Кохомскій—сынъ архіерейскаго ризничаго во Владимірѣ, о. Аонасія, который много лѣтъ занималъ эту должность, не состоя ни при какой городской церкви: за нимъ числилось священническое мѣсто при церкви села Лежнева, о которомъ у меня была выше рѣчь.

Кохомскій составлялъ совершенный почти контрастъ съ Недешевымъ. Высокаго роста, плечистый, съ грубоватыми манерами и съ сильнымъ басистымъ голосомъ, онъ производилъ на нервы какое-то раздражающее впечатлѣніе, хотя былъ характера простого и очень добраго. На его долю выпало преподавать намъ Исторію русской церкви. Вытвердить, бывало, на память какой-нибудь разсказъ по печатному руководству и, ходя по классу, читаетъ своимъ басистымъ, отрывистымъ голосомъ, какъ будто дрона рубить. Не знаю, почему, ему-же поручено было преподавать намъ уроки по Свящ. Писанію В. Завѣта. Желая, вѣроятно,

1840 г. блеснуть предъ нами своею ученостію, онъ предложилъ намъ самимъ указать ему ту или другую книгу В. Завѣта для объясненія, и когда я предложилъ ему книгу пророка Іезекииля: то онъ, подошедши ко мнѣ и положивъ свои могучія руки на мои плечи, съ наивностію сказалъ: „нѣтъ, Иванъ Михайловичъ, эту книгу я не въ состояніи объяснить, укажите другую“.

Не долго оставался при семинаріи и г. Кохомскій. Онъ принялъ священный санъ и опредѣленъ былъ къ Спасской города Шуи церкви.

А. А. Кохомскій оставилъ по себѣ въ нашей семинаріи память тѣмъ, что онъ первый вывезъ изъ Петербурга литографированный экземпляръ русскаго перевода учительныхъ и пророческихъ книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и надѣлавшаго въ свое время столько шума. Съ этого экземпляра тотчасъ же сдѣлано было наставниками и учениками семинаріи нѣсколько списковъ. Имѣлъ и я у себя полный списокъ этого перевода.

Предполагая отправиться на Рождественскіе праздники на родину и желая показать тамъ предъ родными и Горицкими прихожанами свое ораторское искусство, я заблаговременно приготовилъ проповѣдь на новый (1840 г.) годъ и представилъ на разсмотрѣніе о. Діонисія. Тотъ одобрилъ ее къ произнесенію. При семъ имѣлъ я въ виду примѣръ своего двоюроднаго брата Ивана Петровича, который, бывши въ богословскомъ классѣ, пришелъ разъ домой также съ проповѣдью на день Казанской Божіей Матери (8-го іюли). Но между тѣмъ, какъ его проповѣдь еще въ домѣ, какъ я помню, выслушана была съ умиленіемъ его родителями, а въ церкви она привела въ восторгъ его нѣжную матушку, моя проповѣдь не имѣла такого успѣха и даже мнѣ не очень охотно дозволили произнести ее. Такова сила пристрастія и зависти!

Такъ начался для меня новый, послѣдній годъ моего школьнаго образованія и воспитанія.

По возвращеніи съ родины, я продолжалъ заниматься науками обычнымъ порядкомъ. Но исполняя свои школьныя обязанности, я не отказывался облегчать труды и другихъ. Въ такихъ отношеніяхъ я былъ къ сыну Муромскаго игумена Варлаама († 1844 года), ученику средняго отдѣленія

Цль Вигилинскому, немощному тѣломъ и не крѣпкому ду- 1840 г.
хомъ. Въ свою очередь, и онъ не оставался предъ мною
въ долгу: за духовную помощь онъ воздалъ мнѣ веще-
ственнойю мздою.

Страстную и свѣтлую недѣлю провелъ и во Владимірѣ.
За тѣмъ незамѣтно прошла для насъ послѣдняя, правду
сказать, не легкая треть; пужно было къ окончательнымъ
испытаніямъ повторить все, что было пройдено въ теченіи
двухъ лѣтъ.

Наконецъ насталъ день торжественнаго акта. На немъ
присутствовали и преосвященный архіепископъ Паревій,
и почтенный губернаторъ Кугута—грекъ и прочая Влади-
мірская знать. Съ цѣлію доставить удовольствіе губерна-
тору—греку начальство распорядилось прочесть на актѣ
что-либо по гречески. Преподаватель греческаго языка въ
нашемъ 2-мъ отдѣленіи, Дѣ. Ник. Яковлевскій ¹⁾ избралъ
изъ лирическихъ пѣснопѣній Св. Григорія Богослова гимнъ
Богу и перевелъ его на русскій языкъ мѣрною стихотвор-
ною рѣчью, а мнѣ поручено было выучить наизусть какъ
греческій текстъ, такъ и русскій переводъ, и произнести
съ кафедръ. Этотъ сюрриризмъ доставилъ И. Эм. Кугутѣ
великое удовольствіе. Вотъ какъ читается этотъ гимнъ:

*Σὶ τὸν ἀσπίτου μονάρχην
Δὸς ἀνυμνεῖν, δὸς αἰδέειν,*

Τὸν ἀνακτα, τὸν δεσπότην

*Αἰ ὄν θυνοσ, δι ὄν αἶνος
Αἰ ὄν Ἀγγέλων χορεία.*

*Αἰ ὄν αἰῶνες ἀπαντοιοι,
Αἰ ὄν ἥλιος προλάμπει,
Αἰ ὄν ὁ δρόμος σελήνης,
Αἰ ὄν ἄστρον μέγα κάλλος
Ἡ ὄν ἄνθρωπος ὁ σεμνὸς
Ἐλαχε τοεῖν τὸ θεῖον,*

Тебя, вѣчный Вседержитель,
Дай воспѣть, дай восхва-
лить мнѣ.

О! Господь и Царь все-
вышній!

Отъ котораго хвала, пѣснь;
Отъ котораго ликъ Ан-
гельскъ;

Отъ котораго все вѣки;
Отъ котораго свѣтъ солнца,
Отъ котораго луны бѣгъ;
Отъ котораго краса звѣздъ;
Отъ котораго честь твари—
Человѣкъ съ душой разум-
ной

¹⁾ А. Н. Яковлевскій ум. 16 апр. 1881 г. на 77 г. жизни. См. некрологъ
его въ № 11 *Влад. Еп. Вѣст.* за 1881 г.

1840 γ.	Λογικὸν ζῶον ὑπάρχων.	Богѡвѣденья пріязль дарть.
	Σὺ γάρ ἔκτισας τὰ πάντα	Ибо Ты, все Ты содѣлалъ:
	Παρέχων τάξιν ἐκάστῳ,	Ты порядокъ всеѣмъ вещамъ
	Συτέχων τε τῇ προνοίᾳ.	даль,
	Λόγον εἶπας, πέλεν ἔργον.	И содержать все Твой Про-
	Ὁ Λόγος σου Θεὸς υἱός,	мысль.
	Ὁμοούσιος γάρ ἐστιν,	Ты рекъ слово, — и свер-
	Ὁμότιμος τῷ τεκόντι	шилось!
	Ὅς ἐφήρμωσε τὰ πάντα,	Твое Слово Сынъ и Богъ
	Ἴνα πάντων βασιλεύῃ.	есть,
	Περιλαμβάνων δὲ πάντα	Равносущный, равночест-
	Ἅγιον πνεῦμα τὸ θεῖον	ный
	Προνοούμενον φυλάττει.	Со Отцемъ Своимъ; Единый
	Τριάδα ζῶσαν ἐρῶ σέ,	Тотъ, Который все устро-
	Ἔνα καὶ μόνον μονάρχην,	илъ,
	Φύσιν ἀτρέπτον, ἀναρχον,	Да и царствуетъ надъ всеѣмъ
	Φύσιν οὐσίας ἀφραστον	Онъ.
	Σοφίας τοῦν ἀνέφικτον,	Все объемлетъ же и дер-
	Κράτος οὐρανῶν ἀπταιστον	жить,
	Ἄτερο ἀρχῆς, ἀπέραντον,	Промышляетъ, сохраняетъ.
	Ἀκατασχόλητον ἀγῆν,	Святой Духъ, равно Боже-
	Ἐφορῶσιν δὲ τὰ πάντα,	ственъ.
	Βάθος οὐδὲν ἀγνοῦσαν.	Къ Тебѣ убо, Трисіянна
	Ἀπὸ γῆς μέχρις ἀβύσσου.	Жизнь!... Единъ Едино-
	Πάτερ, ἴλεως γένου μοι.	властный!
	Διὰ παντὸς θεράλευε	Неизмѣнный, Самосущій!
	Τὸ δέβασμα τοῦτο, δός μοι.	Въ существѣ неизреченный!
		Умъ премудрый, непостиж-
		ный!
		Небесамъ дай ходъ строй-
		ный!
		Безначальный, безконечный!
		Свѣтъ незримый, по все ви-
		диць
		Совершенно и всеѣмъ знающъ
		Глубины земли и моря!
		Къ Тебѣ убо воззову я:
		Отче! милостивъ миѣ буди;
		Дажь, да имени святому
		Твоему служу я вѣчно;

Τὰ δ' ἁμαρτήματα ἴψου,
Τὸ συνειδὸς ἐκκαθαίρων
Ἀπὸ πάσης κακοποιίας.

Ἴνα δοξάσω τὸ θεῖον
Οσίας χειράς ἐπαίρων.

Ἴνα Χριστὸν εὐλογήσω
Γόνυ κέμπτων ἱκετεύσω

Τότε προσλαβεῖν με δοῦλον,

Ὅτ' ἂν ἔλθῃ βασιλεύων.

Πάτερ, ἔλεως γένοι μοι

Ἐλεον καὶ χάριν εὖρω.

Ὅτι δόξα καὶ χάρις σοι

Ἄχρῃ αἰῶνος ἀμέτρον.

Отыми мои грѣхи всѣ,
И очисти мою совѣсть
Отъ всѣхъ мыслей нечести-
выхъ.

Да Тебя, о Боже, славлю
Воздѣвъ руки преподобны;

И Христа благословляю
Преклонивъ, молю, колѣна
Чтобъ пріяль меня раба

Онъ,
Когда такъ, какъ Царь,
приндетъ...

Отче! милостивъ мнѣ буди:

Да обрящу благодать я.

Тебѣ слава, благодарность
Въ нескончаемые вѣки ¹⁾).

1840 г.

Мнѣ же суждено было и заключить торжественный актъ благодарственною рѣчью. Вотъ ея содержаніе:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

По словамъ древняго, вѣнценоснаго Наблюдателя премудраго порядка вещей въ природѣ, всему назначено свое время подъ небесемъ. *Время, говоритъ онъ, сидити и время исторгати сажденное* (Еккл. III, 2).

Было время, когда и въ этомъ юномъ, живомъ вертоградѣ насаждали первоначальныя сѣмена плодотворнаго ученія. Потомъ долго, очень долго возрастали онѣ, при тщательномъ наблюденіи заботливыхъ дѣлателей—наставниковъ, подъ Твоимъ, попечительнѣйшій Архипастырѣ, непосредственнымъ вліяніемъ. Наконецъ приспѣла жатва. Се очи Твои, мудрый Архипастырѣ, зрѣли плоды долговременнаго ученія, какіе каждый изъ сихъ юныхъ воспитанниковъ принесъ по роду своему, соотвѣтственно талантамъ, врученнымъ отъ верховнаго Раздаятеля всяческихъ. Не смѣемъ думать, чтобъ это были плоды зрѣлые, знаніе полное, совершенное; но для добраго вѣжнаго отца прія-

¹⁾ Гимнъ этотъ, въ иномъ переводѣ, напечатанъ въ книгѣ: „Историч. обзоръ иѣсоновѣдствъ иѣсоновѣднѣй греческой церкви“, *Филарета*, арх еписк в. Черниговскаго, Сиб. 1860 г. стр. 93 и сл.

1840 г. тень, восхитителенъ и безсмысленный лепетъ младенца— дитяти:

Прими же и Ты, добрый, попечительнѣйшій Отецъ нашъ, прими благосклонно скудные плоды ученія сихъ юныхъ чадъ Твоихъ! Прими милостивно и посѣти благоволеніемъ своимъ духовный виноградъ сей, который и насажденъ и выращенъ подъ Твоею высокою, священною десницею! И, если наблюдательный взоръ Твой обрѣлъ хотя малѣйшій плодъ, освяти его въ насъ Своимъ Архипастырскимъ благословеніемъ“.

Въ награду за это я получилъ изъ рукъ Архипастыря большую, пребольшую книгу, въ 4 д. листа, подъ заглавіемъ: „Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію“, *Дмитревскаго*. М. 1816 г.

Предъ окончаніемъ курса, требовались, по распоряженію начальства, изъ Владимірской семинаріи, на казенный счетъ, четыре воспитанника въ Московскую дух. академію. Но какъ у насъ было три богословскихъ отдѣленія, то семинарское начальство распорядилось избрать изъ каждаго отдѣленія по два лучшихъ воспитанника и подвергнуть ихъ особому испытанію. Въ числѣ избранныхъ оказался и я. Но, по несчастію, къ назначенному для испытанія дню, я не могъ явиться въ семинарское правленіе по причинѣ сильной боли въ горлѣ, такъ что я не могъ вовсе говорить. Послѣ, когда болѣзнь моя миновала, о. ректоръ Поликарпъ предлагалъ мнѣ держать особый экзаменъ, но я, видя въ своей болѣзни какъ-бы особое указаніе Промысла Божія, отказался отъ предложенія. Товарищъ мой по классу Михайлъ Граменицкій отрекся вовсе отъ поступленія въ академію. Такимъ образомъ въ академію назначены слѣдующіе студенты: Василій Русиновъ, Сергѣй Красовскій, Флавій Скабовскій и Василій Гурьевъ. Но изъ нихъ ни одинъ не вышелъ изъ академіи съ степенью магистра.

Какая-же, спрашивается, дальнѣйшая судьба ожидала насъ съ Граменицкимъ?—Намъ обоимъ обѣщали на первый разъ предоставить лекторскія должности по французскому и нѣмецкому языкамъ при семинаріи, съ жалованьемъ по 120 рублей ассигнаціями въ годъ. Мы съ благодарностію, конечно, приняли это милостивое обѣщаніе.

На другой или на третій день послѣ публичнаго экза-

меня намъ выдали изъ семинарскаго правленія аттестаты 1840 г. объ успѣхахъ и поведеніи. Въ моемъ аттестатѣ означены были по всѣмъ предметамъ самые лестные отзывы. Получивъ такой аттестатъ, я былъ въ неописанномъ восторгѣ.

За тѣмъ я отправился на родину, разумѣется, пѣшкомъ. Мы шли вдвоемъ съ товарищемъ Гавриломъ Добровольскимъ. За Суздальемъ насъ настигла архіерейская карета, въ которой ѣхалъ преосвящ. Цароеній съ архимандритомъ Иеронимомъ (о которомъ впоследствии будетъ рѣчь) по направленію къ г. Шуѣ. Поровнявшись съ нами, карета остановилась и мы должны были къ ней подойти. Владыка, чрезъ отверстие окна кареты, благословилъ насъ и спросивши наши фамиліи, благоволилъ дать намъ—одному двугривенный, а другому пятиалтынный. Это намъ—сиротамъ (Добровольскій также сирота и жилъ со мною въ бурсѣ) пригодилось на дорогу. На эти деньги мы могли провести цѣлые сутки въ дорогѣ.

Послѣдняя ваканція постѣ напряженныхъ, утомительныхъ трудовъ и послѣ счастливаго окончанія шестилѣтняго семинарскаго ученія, прошла для меня весело и быстро, среди постоянныхъ переселеній съ одного мѣста на другое. По окончаніи каникулъ, я, взявши у своего опекуна послѣдніе десять рублей, отправился во Владиміръ въ пріятной надеждѣ на полученіе обѣщанной мнѣ должности лектора французскаго языка. Но каково было мое разочарованіе, когда я, пріѣхавши во Владиміръ, узналъ, что лекторскихъ должностей при семинаріи болѣе не существуетъ, что овѣ, по распоряженію вышшаго начальства, совсѣмъ упразднены.

Что-же мнѣ, горькому сиротѣ, съ единственными десятью рублями въ карманѣ, оставалось дѣлать? Двери въ бурсу для меня были уже закрыты, я долженъ былъ остановиться на наемной квартирѣ, имѣть свой столъ и прочее содержаніе. До сихъ поръ, пользуясь всегда казеннымъ содержаніемъ и имѣя въ запасѣ небольшія собственныя средства, я не испытывалъ ни въ чемъ особенной нужды, а теперь—я долженъ былъ встрѣтиться съ нищетою лицомъ къ лицу.

Ничего болѣе не оставалось мнѣ дѣлать, какъ искать или частные уроки, или священническое мѣсто: но проходить недѣля, и двѣ, и три, а у меня ни уроковъ, ни мѣста въ виду не имѣется. Правда, мнѣ еще предъ ваканціей

1840 г. предлагали священническое мѣсто въ селѣ Абакумовѣ, Покровскаго уѣзда, и даже показывали невѣсту, но мнѣ почему-то не хотѣлось еще тогда выходить на мѣсто. Между тѣмъ, этимъ мѣстомъ и этой невѣстой воспользоваться мой товарищъ и другъ Граменицкій, счастливо избавившійся отъ знаменитой невѣсты, которую ему навязывали, — родной племянницы преосвященнаго Паренія.

Разскажу здѣсь, какъ это было. Предъ окончаніемъ нашего курса, привезли къ Преосвященному изъ Москвы его родные свою дочь — невѣсту съ надеждою пристроить ее въ Владимірской епархіи къ какому-нибудь мѣсту. Преосвященный обратился къ семинарскому начальству съ требованіемъ избрать и указать для его племянницы изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ достойнаго жениха. Выборъ палъ на Граменицкаго. Его представили Преосвященному, а тотъ велѣлъ показать его невѣстѣ. Но Граменицкій послѣ перваго свиданія съ невѣстою, испуганный и разстроенный приходитъ въ бурсу и обращается ко мнѣ за совѣтомъ, что ему дѣлать и какъ избавиться отъ предстоящей бѣды. Невѣста показалась ему слишкомъ бойкою и рѣзвою, а онъ юноша тихій, скромный, застѣнчивый — однимъ словомъ выходецъ изъ темныхъ Муромскихъ лѣсовъ, сынъ бѣднѣйшаго дьячка села Лыкина Муромскаго уѣзда. Я далъ ему дружескій совѣтъ отказаться отъ невѣсты, если она ему не нравится, и убѣдилъ его идти къ инспектору о. Рафану и откровенно объясниться съ нимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Семинарское начальство доложило Преосвященному о нежеланіи Граменицкаго жениться на его племянницѣ. Тогда Владыка поручилъ тому-же начальству предложить желающимъ изъ учениковъ взять въ замужество означенную невѣсту, съ предоставленіемъ жениху священническаго мѣста въ селѣ. Нашелся охотникъ — нашъ по классу товарищъ, ученикъ 2-го разряда, Петръ Доброхотовъ — юноша красивый собою, не бойкихъ дарованій, но обладавшій необычайною памятью, способною усвоивать цѣлыя главы еврейскаго текста Библіи, безъ отчетливаго пониманія смысла онаго. Доброхотовъ согласился жениться на архіерейской племянницѣ, но съ условіемъ, что бы его внесли въ первый разрядъ и выпустили изъ семинаріи съ званіемъ студента. Условіе принято; Доброхотовъ женился и посвященъ въ іерои-

Между тѣмъ, вскорѣ между мужемъ и женою произошелъ 1840 г. разладъ; жена, какъ племянница архіерейская, кичилась предъ мужемъ—пролетаріемъ, укоряла его, что онъ только по ея милости студентъ; мужъ, не желая сносить такихъ укоровъ, вдался въ нетрезвость и въ скоромъ времени совсѣмъ погибъ ¹⁾.

Возвращаюсь къ своему бѣдственному положенію.

Скучая бездѣйствіемъ и не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, я рѣшился было возвратиться назадъ въ семинарію съ тѣмъ, чтобы чрезъ годъ поступить въ академію, и непременно Кіевскую, куда влекли меня и тамошняя святыня, и благодатный южный климатъ. Въ воскресенье, 29-го сентября, сходилъ я къ ранней обѣднѣ, а послѣ поздней литургіи рѣшилъ идти къ своему доброму и почтенному паставнику, о. Діонисію и объяснить ему свое намѣреніе; между тѣмъ отправился на рынокъ купить что-то для себя. Здѣсь неожиданно встрѣтился со мною мой бывшій по Шуйскому училищу питомецъ, ученикъ средняго отдѣленія Семень Вишняковъ—сынъ нашего Благочиннаго. Обрадовавшись этой встрѣчѣ, Вишняковъ съ живостію говоритъ мнѣ: „Иванъ Михайловичъ! на дняхъ былъ у меня батюшка и говорилъ мнѣ, что онъ рекомендовалъ васъ на уроки въ домъ помѣщика Каблукова; васъ ищутъ тамъ—спѣшите“. Съ восторгомъ принялъ я эту нечаянную вѣсть и, забывши объ академіи, на другой же день, часа въ четыре утра, пустился, разумѣется, пѣшкомъ въ стоверстный путь. Безъ усталости прошелъ верстъ шестьдесятъ и остановился на ночлегъ въ селѣ Вознесенъѣ, Ковровскаго уѣзда, у брата моего зятя—причетника. Не мало здѣсь удивились моему неожиданному приходу; спрашиваютъ, куда и зачѣмъ я иду. Когда я объяснилъ цѣль моего стремленія, мнѣ говорятъ: „да ка-

¹⁾ Счастливѣе былъ бракъ другого, старшаго насъ на три курса, студента Мих. Овчининскаго, женатаго на другой племянницѣ пр. Царскаго въ 1833 г. (см. его письмо къ зятю, священнику Смиренскому во *Влад. Еп. Вид.* 1880 г. № 23, стр. 717). Въ письмѣ отъ 4-го янв. 1844 г. пр. Царскій, между прочимъ, писалъ свящ. Овчининскому: „Изъявите мое поздравленіе и благожеланіе своему нашему священнику Петру Ивановичу съ супругою. Благодарю васъ за пріятную вѣсть, что онъ устроился въ образѣ жизни, и живетъ сообразно сану. Да благопоспѣшитъ ему Господь въ пребѣжаніи искушеній плоти и даруетъ преуспѣваніе во святыхъ и благочестіи“ (*Влад. Епарх. Видом.* 1881 г., № 8, стр. 224).

1840 г. жется, учительское мѣсто въ домѣ Каблукова уже занято; туда недавно отправился вашъ товарищъ, Акимъ Мих. Доброхотовъ, жившій также на урокахъ у помѣщицы въ соседней съ селомъ Вознесеньемъ деревнѣ“. Словами этими, какъ холодной водой, меня обдали. Но я не хотѣлъ этому вѣрить и отправился въ указанную деревню, чтобы удостовѣриться въ справедливости сказаннаго мнѣ. Оказалось, къ моему прискорбію, что Доброхотовъ, товарищъ мой, тутъ дѣйствительно жилъ и ушелъ, но куда, неизвѣстно. Я продолжалъ свой путь и пришедши въ село Якиманское, въ приходѣ коего живетъ помѣщикъ Каблуковъ, узналъ отъ причетника, что дѣйствительно меня искали, нарочно послали за мною въ Горлицы; но нигдѣ не отыскавши меня, разсудили пригласить моего товарища Доброхотова. Я отправился въ деревню, чтобы повидаться, по крайней мѣрѣ, съ своимъ товарищемъ и объясниться съ помѣщикомъ. Доброхотовъ, при свиданіи со мною, жаловался на излишнюю притязательность со стороны барина и на лѣность своего ученика—избалованнаго барченка. Помѣщикъ, которому о мнѣ доложили, принялъ меня ласково и выразилъ крайнее сожалѣніе, что не могли меня отыскать.

Возвратившись къ Якиманскому причетнику, оказавшемуся моимъ товарищемъ по Шуйскому училищу, я приглашенъ былъ имъ на ночлегъ, такъ какъ это было вечеромъ. Тутъ я началъ разсуждать, что мнѣ остается дѣлать: идти въ роднымъ совѣстно, да и не благонадежно; въ Горлицахъ не будутъ рзды, а въ Ивановѣ родные сами не изобилуютъ средствами къ жизни. Къ счастью, я вспомнилъ, что гдѣ-то не вдалекѣ отъ Шуи живетъ помѣщикъ Лазаревъ-Ставищевъ, у котораго я назадъ тому года два, училъ во Владимірѣ дѣтей. Оказалось, что деревня Иваново, принадлежащая этому помѣщику, находится отъ села Якиманскаго верстахъ въ 10—12-ти. На другой день, вставши утромъ, я поспѣшилъ отправиться въ Иваново какъ бы въ обѣтованную землю; путь своей я держалъ не по большой дорогѣ, гдѣ пришлось бы сдѣлать нѣсколько лишнихъ верстъ, а прямо, по полямъ и лугамъ, и едва не прошелъ мимо вождельной цѣли: но оглянувшись нечаянно, увидѣлъ новый барскій домъ и, подошедши къ нему, узналъ, что это именно домъ помѣщика Лазарева-Ставищева. Вошедши въ

людскую избу, наскоро переодѣлся, нарядившись въ ту самую суконную пару, которую я сдѣлалъ на деньги, заработанными уроками у этого-же барина. Когда доложили о мнѣ барину, онъ съ радостію принялъ меня какъ близкаго роднаго; чрезвычайно обрадовались мнѣ и дѣти его. Когда въ бесѣдѣ рѣчь зашла о томъ, кто учить дѣтей, оказалось, что учить діаконъ сосѣдняго села Дроздова, мой сверстникъ по училищу, исключенный изъ высшаго отдѣленія Шуйскаго училища. Его учительствомъ были очень недовольны, но замѣнить его было не кѣмъ. Когда я предложилъ барину свои услуги, онъ съ изумленіемъ спросилъ меня: „неужели это возможно“?—За тѣмъ я пришелъ къ вамъ, былъ мой отвѣтъ. Семейная при семъ радость была неописанна. Итакъ, рѣшено, что я остаюсь въ домѣ моихъ старыхъ знакомыхъ въ качествѣ домашняго учителя. На меня возложена обязанность учить разнымъ наукамъ четверыхъ дѣтей—трехъ дѣвочекъ и одного мальчика; уроки должны продолжаться по четыре часа до обѣда и по два послѣ обѣда. Жалованья назначено мнѣ по 10-ти рублей ассигнаціями (около 3-хъ рублей 15-ти копѣекъ серебромъ) въ мѣсяць.

Такимъ образомъ съ первыхъ чиселъ октября 1840-го года началась для меня новая жизнь. Мнѣ назначили въ мезонинѣ особую чистенькую комнатку съ двумя окнами, обращенными къ березовой рошѣ. Семейство помѣщика состояло изъ шести душъ дѣтей, но жены въ живыхъ уже не было; онъ былъ вдовъ. Семенъ Аркадьевичъ Лазаревъ-Станищевъ—отставной морякъ въ лейтенантскомъ чинѣ, пожилыхъ лѣтъ, но крѣпкаго здоровья; не имѣлъ многосторонняго образованія, но съ крѣпкимъ здравымъ смысломъ и умомъ, изощреннымъ математикою—существенною наукою офицера моряка. У него была порядочная библіотека, всегда открытая для меня. Въ ней, между прочимъ, была и Исторія Карамзина, необходимая для меня при преподаваніи Русской исторіи; оттуда бралъ я и читалъ „Записки морскаго офицера“, *Вл. Броневскаго*, въ 4-хъ частяхъ (Спб. 1818—19 г.), „Руководство къ благочестивой жизни“ *Франциска де Саль*, епископа Женевскаго (М. 1818—1819 г.) и другія. Эти книги читалъ я, въ свободное отъ уроковъ время, въ своей комнатѣ; но меня не рѣдко приглашали по

1840 г. вечерамъ читать книги въ семейномъ кругу. Такъ, напр., я долго читалъ повѣсть: „Семейство Холмскихъ“, *Вьгичева* (М. 1841 г.)¹⁾. Кромѣ чтенія, приглашали меня принимать участіе и въ семейныхъ удовольствіяхъ, какъ-то: въ карточной игрѣ, разумѣется, безъ денегъ, на счетъ Шереметева, какъ обыкновенно называли тогда такую игру; тутъ изучилъ я модную тогда игру въ бостонъ; заставляли было меня участвовать въ танцахъ, но я всегда уклонялся отъ этого, неприятнаго для меня, удовольствія; музыку, не слишкомъ веселую, слушать я любилъ, но только издали—изъ своей комнаты. Но чаще всего мы съ Семеномъ Аркадьевичемъ занимались игрою въ шашки, и онъ всегда очень сердился, когда я обыгрывалъ его.

Верстахъ въ двухъ отъ деревни была приходская церковь въ селѣ Китовѣ. Мы, въ каждое воскресенье и въ каждый праздникъ, ѣздили туда къ обѣднѣ, и баринъ читалъ апостоль, а я говорилъ поученія, большею частію по печатной книгѣ, а иногда сочинялъ и свои. Послѣ обѣдни почти всегда заходили на пирогъ въ домъ тамошней помѣщицы Жуковой, — родной племянницы Лазарева-Стапищева; а къ обѣду, или на вечеръ, она пріѣзжала въ Иваньково съ мужемъ, отставнымъ капитаномъ.

Матеріальныя средства моего барина были очень ограничены, и онъ велъ жизнь очень простую, безъ всякой роскоши, а это мнѣ и нравилось. Въ средѣ такого не богатаго семейства я чувствовалъ себя совершенно свободно, и ко мнѣ всѣ относились какъ къ близкому родному.

Но какъ ни спокойно мнѣ было въ этомъ добромъ семействѣ, а я все-таки былъ озабоченъ мыслию о дальнѣйшемъ, болѣе прочномъ устройствѣ своей судьбы. Поэтому я писалъ во Владимірѣ къ одному изъ своихъ товарищей, Гаврилу Добровольскому, который помѣстился на время въ архіерейскомъ Рождественскомъ монастырѣ въ качествѣ послушника, и просилъ его извѣщать меня о праздныхъ священническихъ мѣстахъ. И вотъ что онъ писалъ мнѣ въ отвѣтъ отъ пятого ноября:

¹⁾ Вьгичевъ Д. Н., Воронежскій губернаторъ. О немъ и о его повѣсти см. въ *Историч. Вѣсти*, 1887 г., июль, стр. 37—42.

„Возлюбленному о Христѣ брату и другу
Ивану Михайловичу
радоватися.

1840 г.

Всепокорѣйше васъ благодарю за ваше о мнѣ памятованіе и дружеское отношеніе, въ чемъ прошу не оставить и впредь. Извините, что я такъ долго послѣ вашего письма молчалъ; что дѣлать? на болѣзнь не пойдешь въ судъ; да, другъ, сильно былъ нездоровъ, а поэтому къ вамъ и не писалъ ни строчки и Михаилу Дмитриевичу адреса вашего не сказалъ, потому что его, какъ онъ посвящался, по случаю болѣзни своей, не видалъ. До посвященія видѣлъ и съ супругою у владыки, когда приходили его благодарить; жена хорошая, хоть куда. Новостей никакихъ нѣтъ, мѣсть также нѣтъ. Прошу васъ не оставить меня въ своихъ молитвахъ. Прощайте!

Съ искреннимъ расположеніемъ сердца пребыть честь имѣю послушникъ архіерейскаго дома многогрѣшный Гавріиль“.

Между тѣмъ, дядя и опекунъ мой Петръ Ивановичъ вызвалъ меня къ 12-му числу въ Шую, которая отъ Иванькова въ 9-ти верстахъ, и объявилъ мнѣ, что открылась священническая вакансія въ Холуйской слободѣ и что если я пожелаю поступить туда со взятіемъ невѣсты-сироты, дочь его Марья Петровна, жена Хотимльскаго священника И. Н. Успенскаго, можетъ меня порекомендовать. Разумѣется, съ великою радостію принялъ я такое предложеніе и въ тотъ же день поспѣшилъ написать въ Хотимль къ своимъ роднымъ. Вотъ что было мною писано:

„Почтеннѣйшій братецъ

Иванъ Николаевичъ!

Любезная сестрица

Марья Петровна!

Не могу должнымъ образомъ возблагодарить васъ и за прежніе многократные опыты вашего ко мнѣ расположенія и вниманія. Но настоящая заботливость, какую вы изъясляете въ устроеніи моей послѣдней участи, обизываетъ меня быть благодарнымъ къ вамъ во всю жизнь. Легко представить, съ какимъ восхищеніемъ получилъ я извѣстіе о возможности поступить на Холуйское мѣсто.

1841 г. И какъ эта возможность можетъ быть приведена въ дѣйствительность только вашимъ содѣйствіемъ; поэтому сами можете представить, какое великое благодареніе окажете мнѣ, если благоволите употребить возможные съ вашей стороны мѣры. Итакъ, позвольте попросить васъ оказать мнѣ это единственно-важное благодареніе, которое можетъ устроить счастье всей моей жизни.

Любезный братоцъ и сестрица! Если уже благоволите принять участіе въ окончательномъ рѣшеніи моей судьбы; то потрудитесь узнать, какъ водится, отъ кого слѣдуетъ условія и выгоды поступленія на означенное мѣсто, и обо всемъ этомъ покорнѣйше прошу увѣдомить меня. Но я надѣюсь даже лично увидѣться съ вами; я слышала, что вы, сестрица, будете на праздникъ Введенія въ Горницахъ, а сюда батюшка крестный можетъ вызвать меня изъ деревни такимъ же образомъ, какъ и теперь въ Шую.

Остаюсь въ сладостной надеждѣ — получить отъ васъ какую-либо интересную для меня вѣсточку — почитающій васъ братъ студентъ Ив. Тихомировъ.

Любезнѣйшему братцу Ивану Петровичу и сестрицѣ Аннѣ Михайловнѣ свидѣтельствую мое почитаніе.

Батюшка крестный посылаетъ вамъ свое родительское благословеніе.

Но увы! моя надежда оказалась тщетною. У семейства, оставшагося послѣ умершаго Холуйскаго священника, заранѣе уже имѣлся въ виду женихъ, мой товарищъ Александръ Ровнинъ, который и опредѣленъ былъ на вакантное мѣсто, а я остался въ Иваньковѣ въ чяніи ниаго мѣста или должности.

Рождественскіе праздники мирно провелъ я въ деревнѣ. Тамъ же встрѣтилъ и новый 1841 годъ.

Помянутый выше товарищъ и совоспитаникъ Гавріаль Добровольскій письмомъ отъ 3-го февраля убѣдительно просилъ меня прѣхать къ нему на родину, въ село Кохму, гдѣ была и моя младшая сестра за мужемъ, чтобъ проститься съ нимъ навсегда, предъ отправленіемъ его въ отдаленную Сибирь во священника. Была ли мною исполнена эта дружеская просьба, не помню: но знаю, что Добровольскій дѣйствительно отправился въ Иркутскъ, вслѣдствіе требованія тамошняго епархіальнаго начальства по

поводу недостатка кандидатовъ на священническія мѣста. 1841 г. Въ одно время съ Добровольскимъ отпращены были туда, по распоряженію начальства, еще девять человекъ нашихъ товарищей, въ томъ числѣ мой ближайшій землякъ, уроженецъ села Дунилова, Василій Былинскій

Съ мая мѣсяца 1841 года началась и около тридцати лѣтъ непрерывно продолжалась наша взаимная переписка съ ближайшимъ изъ моихъ друзей и совоспитанниковъ по семинаріи, Михаиломъ Дмитріевичемъ Граменицкимъ, о которомъ не задолго предъ симъ была у меня рѣчь. Вотъ что онъ писалъ мнѣ на первый разъ отъ 20-го мая:

„Искренній, незабвенный другъ, — другъ вѣрный въ дружествѣ Иванъ Михайловичъ!

— Да сохранить васъ Господь Богъ на многія лѣта и да исполнить ваши желанія и намѣренія (ибо не можетъ быть, чтобы вы въ настоящемъ состояніи чего-либо не желали особеннаго, — по крайней мѣрѣ я такъ думаю). Давно, другъ, очень давно не было между нами не только личнаго свиданія, но даже и письменной переписки. Наше намѣреніе было не таково. Помните-ли, во время многократныхъ прогулокъ по бурсацкому саду, — во время бездѣйственнаго (хотя не всегда) сидѣнія въ классѣ, — помните-ли наши взаимныя обѣщанія не прерывать дружества, не лишать другъ друга увѣдомленій о себѣ? Теперь дѣлается иначе. Прошу я у васъ съ своей стороны великодушнѣйшаго извиненія въ молчаніи, — но нѣсколько и оправдываюсь: во-первыхъ, не знаю мѣста вашего настоящаго пребыванія; во-вторыхъ, если бы и зналъ, нѣтъ случая переслать письма: ибо неизвѣстно есть-ли до васъ почта, — и теперь посылаю на авось, съ вѣрою и надеждою на друзей, — въ третьихъ, наконецъ, откроюсь по дружески, чистосердечно, обязавшись женою, домомъ и другими кувлями житейскими, не всегда бываешь свободенъ во время открывавшагося случая какимъ-нибудь образомъ переслать къ вамъ письмо. (Это послѣ объясню). Вы вѣрно обо мнѣ думали и думаете, что съ переменною образа жизни, я измѣнился и въ дружественныхъ чувствахъ. Нѣтъ, другъ, — пусть явился у меня новый другъ — жена; но не думайте, чтобы чувства любви и дружества къ вамъ погасли въ моемъ сердцѣ.

Что-же сказать вамъ о себѣ? Такъ, я женился! Сколько

1841 г. у насъ было прежде дружественныхъ мечтаній, сколько ожиданій, сколько питательныхъ надеждъ, — вы это помните, и теперь ими питаетесь; — но я.....

Великая, другъ, тайна — супружество, — теперь-то я вполне попалъ слова Св. Писанія, какимъ образомъ человекъ, оставивши отца и мать, прилѣпляется къ женѣ своей, — и какъ нельзя разлучить человекъ то, что сочеталъ Богъ. Въ свое время и вы узнаете и повѣрите. Благодарю Бога, за дарованіе мнѣ Ангела въ жизни, — добрую помощницу и собесѣдницу. Вы мнѣ были и есть искреннѣйшимъ, — вѣрнѣйшимъ и всегда любезнѣйшимъ другомъ; — много мы ввѣряли другъ другу завѣтныхъ тайнъ, — но, другъ, простите, скажу откровенно, — все-таки не было такой свободности въ обращеніи, такой искренней признательности — такой довѣренности, какая можетъ быть у мужа съ женою. Не вѣрю, и вы не представляйте, что любовь къ женѣ заключается въ одной нечистой похоти. Нѣтъ другъ, — она мила потому, — что сердобольная сострадательница, благая совѣтовательница, откровенная ввѣрительница своихъ мыслей и намѣреній, — по крайней мѣрѣ я такъ чувствую.....

Я думалъ прежде, что по выходѣ на мѣсто, — постоянно я буду празденъ. Напротивъ, теперь-то и начались заботы, — но уже не такого рода, какъ въ семинаріи, — не проповѣдь, не разсужденіе, не лекція, не экзамень, — жена, домъ и должность постоянно заставляютъ заботиться, а чрезъ годокъ можетъ быть еще заботка..... не стану объяснять въ частности заботу о каждомъ предметѣ, — скажу только, назначена была мнѣ проповѣдь въ день Пятидесятницы, назначена за четыре мѣсяца, и не нашель свободнаго времени сочинить ее, пригналь къ послѣдному вечеру, — можете изъ этого судить о праздномъ времени. Послѣ Пасхи былъ въ Москвѣ, посмотрѣль на бѣлокаменную. Много любопытнаго, поразительнаго, особенно въ соборахъ...

Сильно желаю знать о вашемъ здоровіи, о вашихъ намѣреніяхъ и о настоящемъ положеніи. Милый другъ, часто мы мечтаемъ касательно будущаго устройства судьбы своей, — часто ошибаемся въ своихъ предположеніяхъ. Какъ искреннему и любезнѣйшему другу желаю вамъ счастья и успѣха въ вашихъ намѣреніяхъ, — желаю, чтобы Богъ вполне исполниль, если вы чего желаете. Но желая, вмѣстѣ прошу васъ

самихъ быть откровенными во всякомъ случаѣ, — не довѣ- 1841 г.
рить всякому слуху, надобно вѣрнѣе узнать самимъ о при-
ходѣ и проч. Нашъ Абакумовскій приходъ, какъ я пахожу,
отчасти не соотвѣтствуетъ своей славѣ. По крайней мѣрѣ, я
благодарю Бога за добрую помощницу, вѣрнаго въ жизни
друга, участницу во всехъ мысляхъ и намѣреніяхъ.

Въ ожиданіи отъ васъ отвѣта касательно вашихъ пла-
новъ для образа жизни и прочаго остаюсь чистосердечно,
постоянно любящій и желающій любить васъ другъ и добро-
желатель вашъ с. А. Богомолецъ М. Граменицкій.

Прошу извиненія, что несвязно, нерадиво написано, —
ожидаютъ съ иконами мужики въ приходъ. Прошу еще не
злоупотребить моею откровенностію. Супруга моя вамъ кла-
няется. Незабвенный, прощайте!

Что я писалъ въ отвѣтъ своему другу, не помню. У меня,
къ сожалѣнію, не сохранилось черновыхъ писемъ, да по
всей вѣроятности, ихъ не было.

Въ слѣдъ за тѣмъ, получилъ я письмо отъ другаго то-
варища своего и также совоспитанника по бурсѣ, Тео-
дора Гаврилыча Бѣльева. Отъ 7-го іюня онъ извѣщаль
меня изъ Владиміра:

„Здравствуйте,

Любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Вѣрно хорошо жить вамъ на настоящемъ мѣстѣ. Такъ
много протекло времени — и вы не только не являетесь сами
въ нашу столицу, даже и не хотите почтить ее и пись-
момъ. Хотя бы кое-какъ сдѣлали это. Смотрите, доселѣ
никто не знаетъ адреса для письма къ вамъ. Я пускаюсь
теперь на авось: давно бы хотѣлъ писать, не разъ соби-
рался и все отлагалъ до будущаго извѣстія отъ васъ.
Теперь пишу по нуждѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. У насъ
опрастывается учительская вакансія во 2-мъ приходскомъ
классѣ. Благовѣщенскаго требуютъ въ полкъ. Кандидатовъ
на его мѣсто не видно, кромѣ васъ и Смирнова Алексан-
дра. Послѣдній даже сомнительный. Архіерей сердитъ на
него за пасхальное время. Къ тому же и семинарская
жизнь его извѣстна Владыкѣ. Но диво, что его и не бу-
дутъ представлять на это мѣсто. Остается поспѣшить вамъ.
Если есть расположеніе къ ученой жизни (какъ говорятъ):

1841 г. такъ по медлите. Я притязаній на это мѣсто не изъявлялъ и не буду хлопотать. Жду себѣ другаго рѣшенія. До свиданія. О. Бѣлаевъ.

Прошу извинить за письмо. Тороплюсь ужасно.

Касательно Благовѣщенскаго не дано еще знать изъ Консисторіи Правленію семинаріи.

Сапоровскій вамъ кланяется“.

Получивъ 11-го числа такую радостную вѣсть, я объявилъ ее своему барину. Онъ и все его семейство изъявили при семъ искреннее сожалѣніе о предстоящей со мною разлукѣ, хотя и не могли не понимать моего неопредѣленнаго положенія среди ихъ семейства. Но Семень Аркадьевичъ, желая избавить меня отъ лишнихъ путевыхъ издержекъ, предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать во Владиміръ, такъ какъ и ему предстояла надобность туда отправиться. Конечно, я охотно принялъ такое благосклонное предложеніе; но проходитъ и день, и два и три, а мой баринъ и не думаетъ еще собираться въ путь. Я напоминаю ему: онъ убѣждаетъ меня помедлить еще день или два, такъ какъ его поѣздка зависѣла отъ какого-то богатаго крестьянина, который покупалъ у него рекрута и который вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ для сдачи этого рекрута. Прошла недѣля, а мы все еще сидимъ дома. Наконецъ, я потерялъ терпѣніе и сказалъ, что болѣе ждать не намѣренъ и попросилъ дать мнѣ подводу до Иванова. Просьба моя была исполнена; я пріѣхалъ въ Иваново къ сестрѣ и возвѣстидъ ей о предстоящемъ мнѣ счастіи—быть учителемъ Владимірскаго духовнаго училища. Разумѣется, она не могла не сочувствовать моему столь великому счастію. Переночевавши у ней одну ночь, я на другой-же день поспѣшилъ отправиться въ путь. До Суздаля, 70 верстъ, доѣхалъ я съ Суздальскимъ огуречникомъ, пріѣзжавшимъ въ Иваново на базаръ съ своими продуктами, за 70-ть копѣекъ ассигнаціями. Далѣе, до Владиміра, такой благоприятной окказіи не встрѣтилось, и я долженъ былъ 33 версты измѣрять пѣшкомъ. День жаркій, а сапоги были у меня тѣсные; чувствую, что на ногахъ у меня образуются мозоли: но надежда, по выраженію какого-то поэта, кроткая посланница небесъ, притупляетъ во мнѣ всякое чувство боли. Вотъ уже пройдено болѣе половины пути, вотъ

близко уже и Красное село; спускаюсь въ долину Сухо- 1841 г.
дола и вижу съ противоположной горы спускается эки-
пажъ. Сидѣвшій въ экипажѣ новорукоположенный священ-
никъ, мой товарищъ Ксенофонтъ Виноградовъ, увидѣвъ меня,
быстро соскочилъ съ повозки и подбѣгая ко мнѣ, съ уко-
ризною кричить: „ахъ ты, несчастный! Вѣдь только сегодня
сошла отъ архіерея резолюція съ назначеніемъ на учитель-
скую должность Якова Смирнова; больше недѣли никого не
назначали, въ ожиданіи тебя“..... Можно вообразить при
семъ мое разочарованіе!.. Однако-жъ, какое-то тайное чув-
ство не позволяло мнѣ вполнѣ довѣрять словамъ моего то-
варища; меня все еще не оставляла какая-то случайная на-
дежда получить то, къ чему стремился... Но часа черезъ
два прихожу наконецъ въ бурсу къ родственному мнѣ эконо-
мому семинаріи, о. Алексію Палеховскому, и тутъ-то уже
окончательно убѣждаюсь въ разрушеніи всѣхъ моихъ на-
деждъ...

На другой день утромъ поспѣшилъ я повидаться съ доб-
рымъ товарищемъ Бѣляевымъ, извѣстившимъ меня объ учи-
тельской вакансіи. Онъ жилъ въ семинарской больницѣ и
занималъ должность смотрителя оной. При свиданіи онъ
объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ свою должность и на-
мѣренъ волонтеромъ отправиться въ Петербургскую духов-
ную академію; поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ просить семи-
нарское начальство объ опредѣленіи меня на его мѣсто въ
больницу. Я воспользовался его добрымъ совѣтомъ и от-
правился къ о. ректору. Тотъ прежде всего выразилъ со-
жалѣніе, что онъ не зналъ, гдѣ я находился при открытіи
учительской вакансіи; но когда я завелъ рѣчь о предостав-
леніи мнѣ должности смотрителя, онъ выразилъ сомнѣвіе,
такъ какъ предположено-де было, по удаленіи Бѣлева,
упразднить эту должность; однако-жъ онъ, по неотступ-
ной моей просьбѣ, обѣщалъ, хотя на время, оставить за
мною смотрительскую должность. Я успокоился нѣсколько.

Между тѣмъ, въ послѣднихъ числахъ іюня я получилъ
изъ Абакумова отъ своего друга, о. Граменицкаго письмо
слѣдующаго содержанія:

„Приношу мою чувствительную благодарность за пріят-
нѣйшее ваше извѣстіе, которое я получилъ 22-го дни сего
іюня. Сколько пріятныхъ чувствованій, сколько сладостно-

1841 г. пріятныхъ и грустно-томныхъ воспоминаній произвело во мнѣ письмо ваше! Читая его, наслаждался я восхитительною бесѣдою съ прежнимъ своимъ искреннимъ, милымъ, вѣрнымъ другомъ, видѣлъ въ немъ вашу ко мнѣ дружескую приверженность и расположеніе, — могло-ли это быть не-пріятно? Съ другой стороны, воображая, что протекло и не возвратится уже время взаимныхъ нашихъ мечтаній и собесѣдованій, въ немалую приводимъ были печаль и уныніе, досадоваль на время, которое такъ скоро лишило насъ наслажденія дружествомъ. Сильно желалъ-бы видѣться съ вами во время пребыванія вашего во Владимірѣ, но не зналъ вашего намѣренія прежде. Не задолго предъ симъ былъ я во Владимірѣ. Не утрудился бы побывать еще, но лошадь очень набила плечи, такъ что нельзя надѣть хомута. Требуете, другъ, моего совѣта касательно поступленія вами во священника. И мнѣ тоже прежде состояніе священника казалось спокойнымъ и продовольственнымъ во всемъ (если такъ можно сказать); но на самомъ дѣлѣ мало спокойствія. Не знаю, какъ въ другихъ, а у насъ въ приходѣ требы три, четыре каждодневно, деревни дальнія, да пусть-бы хоть давали подводы, — а то, по большей части, все пѣшеходомъ, — а если, случится, и приѣдутъ, то телѣга — то не ѣдетъ, — лошадь-то не везетъ, — слѣзешь и принужденъ пѣшкомъ, а каждую копѣйку отъ мужика достаемъ все горломъ, благороднымъ же образомъ не получишь ничего. Теперь мнѣ со вступленія на мѣсто пришло, кажется, сотъ пятокъ, а спросите, много-ли въ карманѣ? Едва-ли можно насчитать рублей 20-ть. Между тѣмъ какъ хлѣбъ ржаной свой. Вотъ, другъ мой, спокойствіе и выгоды священнической жизни! Мы прежде мечтаемъ такъ мило, такъ усладительно, — а послѣ въ самой дѣйствительности все окажется въ превратномъ видѣ. Сверхъ этого, будучи священникомъ, какую пужно имѣть всегда чистоту, готовность и силы къ пренесенію сего ига. На каждомъ шагу препинаніе, вездѣ грѣхъ и пагуба души угрожаетъ священнику, — только и живемъ надѣясь на Божіе безпредѣльное милосердіе; теперь вполне понялъ я смыслъ словъ св. Златоуста: „не мною быти спасаемыхъ, но многихъ погибаемыхъ, священниковъ“! Не надѣюсь, другъ, я на свои силы вполне, совершенно, въ точности исполнить всю важность своего сана, — помолитесь

о мнѣ Богу, что-бы благодать Его облегчила для меня иго 1841 г. сіе! Вы же, другъ, не малодушествуйте, видя мою слабость; можетъ быть, вы имѣете большую крѣпость силъ духовныхъ, большую терпимость; можетъ быть, вся представляющаяся мнѣ тяжесть, для согрѣтаго благочестіемъ сердца вашего, будетъ удовольствіемъ, веселіемъ и радостію. Рѣшительно вамъ присовѣтовать ничего не могу, я еще въ сей жизни такъ неопытенъ, такъ малосвѣдуецъ—постоянно для самого меня встрѣчается все новое; когда пройдутъ лѣта юности,—можетъ быть, это состояніе сдѣлается пріятнѣе. Только скажу, милый, если намѣрены будете выходить во священника, ищите мѣста въ городѣ или образованномъ хорошемъ селѣ. Съ грубыми мужиками жить несносно“.

Въ іюлѣ я опредѣленъ былъ на должность смотрителя семинарской больницы. Обязанности мои состояли въ наблюденіи за порядкомъ въ больницѣ, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи; мнѣ ежемѣсячно выдавалась экономомъ семинаріи на расходы небольшая сумма, въ которой я долженъ былъ давать ему отчетъ. Но мои отчеты не всегда заслуживали одобреніе эконома—моего родича. Однажды я представилъ ему счетъ издержанныхъ мною денегъ по случаю погребенія умершаго ученика. Въ этомъ счетѣ значилось въ расходѣ 4 рубля съ копейками, ассигнаціями. Взглянувши въ этотъ счетъ, онъ сильно выбранилъ меня, сказавъ: „развѣ можно представлять такіе счеты?“—„А какіе же“, — возразилъ я ему? — Да тутъ нужно было записать въ расходѣ, по крайней мѣрѣ, 15-ть рублей“. — Предоставляю уже это вамъ, — былъ мой отвѣтъ.—Изъ этого я понялъ, что значить быть экономомъ семинаріи.

По должности смотрителя больницы сколько, — думали-бы вы, — получалъ я жалованья? Два рубля серебромъ въ мѣсяць.—Правда, при этомъ я имѣлъ, кромѣ квартиры, казенный столъ.

Но Ѳ. Г. Бѣляевъ, сверхъ должности смотрителя, передалъ мнѣ свои уроки, которые онъ имѣлъ въ разныхъ домахъ и которые мнѣ доставляли болѣе тридцати рублей ассигнаціями (около 10-ти рублей серебромъ) въ мѣсяць.

Уроки я имѣлъ у врача семинарской-же больницы, Митрофана Ивановича Алякринскаго и въ двухъ домахъ дво-

1841 г. рянскихъ, коихъ фамилій не помню. Помню только, что въ одномъ домѣ заставили меня преподавать мальчику, между прочимъ, нѣмецкій языкъ, котораго я вовсе не зналъ. Но невѣдѣніемъ иностраннаго языка такъ же, какъ невѣдѣніемъ закона, я не могъ оправдываться. Дѣлать нечего, началъ съ ребенкомъ самъ изучать съ азовъ нѣмецкій языкъ, по извѣстному изреченію: *docendo discimus*.

5-го августа Бѣляевъ извѣщалъ меня коротенькой запиской, что онъ отправляется въ Петербургъ со студентомъ Саратовской семинаріи (Л. Я. Сиѣжницкимъ) и поручалъ мнѣ переслать въ Муромъ къ брату своему (Ивану Гаврилычу — учителю духовнаго училища) Библию, Баумейстера и калоши.

А 31-го того-же мѣсяца писалъ мнѣ о. Граменицкій въ отвѣтъ на мое письмо:

„Въ первыхъ числахъ сего августа получилъ отъ пришедшихъ къ обѣднѣ письмо ваше. Чувствительно благодарю за увѣдомленіе. Очень пріятно, очень весело читать ваше извѣщеніе. Радуюсь, что вы приобрѣли для себя, хотя не вѣчное прибѣжище — мѣстечко въ больницѣ, радуюсь также, что еще имѣете побочныя пособія къ своему содержанію. Еще желалъ-бы знать короче о вашемъ положеніи, и вы это обѣщали мнѣ сообщить чрезъ подателя вашего письма Θεодора Гавриловича; но онъ вѣрно изъ списка друзей меня хочетъ исключить, проѣхалъ Линней безъ оглядки, а какъ-бы, по мнѣ, не заѣхать къ бывалому знакомцу? Богъ съ нимъ! Разумѣется ему такъ, какъ предназначенному быть жителемъ большой столицы, съ нашимъ братомъ знакомиться низко.

Я, другъ, лѣто проводилъ въ работѣ, отчасти позанася хлѣбомъ; теперь хлопочу о пивѣ; въ первыхъ числахъ сентября буду заваривать; не подумайте, что наше пиво походить на сумасбродную, бесполезную брагу; нѣтъ, оно не многимъ уступить въ дѣйствиіи горѣлкѣ, это я испыталъ на себѣ въ прошедшую осень. Дѣлать нечего, у насъ въ деревнѣ не городъ, не увидишь скачущихъ по большой дорогѣ дворянъ или другихъ франтиковъ, скучно, испьешь пивца, и повеселѣе, поѣдутъ въ воображеніи на тройкахъ и двойкахъ. Слава Богу, я познакомился съ живущими у насъ въ приходѣ господами, а чрезъ нихъ и съ другими, — чуть соскучилось — можно найти развлеченіе въ домѣ любаго.

Нашъ діаконъ въ предпоследнихъ числахъ вакаціи бы- 1841 г.
валъ у васъ въ больницѣ, желалъ вамъ сообщить вѣсть
обо мнѣ и отъ васъ доставить мнѣ, но вы поконились въ
объятіяхъ морфея, онъ васъ потревожить не осмѣлился.
Прошу васъ, любезнѣйшій другъ, сообщать мнѣ новости
имѣющія случиться во Владимірѣ, не поставьте для себя
въ трудъ, чѣмъ много обяжете любящаго васъ друга-Гра-
меницкаго“.

10—12-го сентября писалъ мнѣ изъ Петербурга Ѡ. Гавр.
Бѣляевъ въ качествѣ уже студента академіи:

„Почти цѣлый мѣсяцъ и моего житія-бытія въ Питерѣ.
Какъ длиненъ, скученъ, тяжелъ былъ для каждаго изъ насъ
этотъ мѣсяцъ! Въ продолженіи его, каждый долженъ побы-
вать у стола предъ членами Конференціи не менѣе десяти
разъ. Замучили требованіями отчетовъ за семинарскую жизнь.
Ни одного предмета по аттестатамъ не оставили безъ вни-
манія. И всѣ давали отвѣты во всемъ самому ректору;
бакалавры со всѣхъ сторонъ напалали съ возраженіями.
Ужасъ, какъ тяжело было стоять противъ сильныхъ ихъ
напоровъ. Рады, рады были мы, когда дождались сочиве-
ній. Съ этой впрочемъ стороны труда положено не много.
Испытательныхъ задачекъ было только двѣ. Если угодно,
пожалуй скажу тебѣ и предложенія. Вотъ онѣ:

Quo modo hominum malorum res prosperae et bonorum
res adversae cum Dei justitia conciliari possunt — и не
мните яко придохъ вооружи миръ на землю; не при-
дохъ вооружи миръ, но мечъ, —согласали съ текстомъ:
миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ. Теперь
дѣла испытательныя кончены. Даже составлены и списки.
Остается только узнать №. Впрочемъ, несомнѣнно то,
что принять я дѣйствительнымъ студентомъ. Это глав-
ное. Нынѣшняго числа читали уже и лекціи у насъ. На
первый разъ привелось мнѣ слушать бакалавра словес-
ности, профессора математики и бакалавра французскаго
языка. Ну, любезный, на первый разъ очень интересно было
сидѣть въ классѣ. Особенно профессоръ математики¹⁾ такъ
хорошо объяснилъ введеніе въ эту науку... Завтра бросить
пыли въ глаза профессоръ философіи Карповъ²⁾. Взгляды у

¹⁾ Д. И. Ростиславовъ († 18 февр. 1877 г.).

²⁾ Василій Николаевичъ († 3 дек. 1867 г.).

1841 г. него на предметъ свой почти оригинальные. Впрочемъ, говорю я это только по слухамъ. Самому еще не удавалось доселѣ назидаться отъ него.

Въ Петербургѣ житье бы должно быть веселое, есть на что позѣвать, всюду можно видѣть развлеченіе: но для студентовъ академіи подѣ часъ какъ скучна бываетъ жизнь столичная, жить при кучѣ удовольствій и ни одного не поймать изъ нихъ въ цѣлую недѣлю — не досадно-ли? А для насъ Питеръ именно-таки всегда почти не существуетъ на цѣлую недѣлю. Здѣсь свобода студенческая такъ ограничена. Кромѣ праздничныхъ дней не позволяютъ отлучаться въ городъ. И въ дни праздничные увольняютъ съ оговоркою: не часто-ли отлучаетесь. Такое житье инымъ не нравится, особенно кто привыкъ къ вольной жизни. Я, съ своей стороны, нисколько не скучаю. Съ удовольствіемъ можно проводить время и внутри академіи. Пародъ молодой постоянно здѣсь острить. Только бодрствуй, слушай и смѣйся. Уснешь — разбудятъ. И — академія сама въ себѣ вещь очень хорошая. Столъ здѣсь несравненно лучше Московской академіи; чистота въ комнатахъ — какая только возможна; прислуга достаточная — гвардейцы молодцы — парень къ парню. Скоро даже заведутъ у насъ казенный чай съ булками, — непременно установятъ форму для платья университетскую, только съ пуговицами бѣлыми — съ орлами. Зацеплемъ!... Много только возложить на насъ трудныхъ обязанностей съ этою формою. Тогда забудешь глядѣть по сторонамъ на Невскомъ; какъ разъ затащатъ на гауптвахту, если не отдашь чести, кому нужно будетъ. Впрочемъ, бодрѣе будемъ. Я нисколько не тужу, что продалъ свою свободу на четыре года. Если-бы этого не случилось: конечно хуже-бы было — присловица, доказанная опытомъ священника. Помнишь?

Доколѣ до свиданія, конечно, письменнаго. Пиши, братъ.

Твой студентъ СПб. духовной академіи О. Бѣляевъ.

О. Эконому мое почтеніе.

Въ слѣдствіе строгаго осмотра одежды, нашитої намъ въ семинаріяхъ отъ здѣшняго Правленія слѣдано отношеніе къ графу объ томъ, что форма для платья соблюдена только въ четырехъ семинаріяхъ. Правленіямъ, несоблюдшимъ формы, слышно, будетъ выговоръ и — строгій“..

Велѣдъ за тѣмъ отъ 30-го числа Бѣлаевъ пишетъ снова: 1841 г.
 „Думаю, ты получилъ уже письмо мое отъ Приклонскаго и вѣрно скоро отвѣтишь мнѣ на него. Въ добавокъ къ Владимірскимъ новостямъ прошу тебя узнать отъ Сапоровскаго, гдѣ пріютился Гаврило Павлинычъ. Если онъ знаетъ и адресъ къ нему, прошу тебя передать его мнѣ. Давно уже собираюсь я послать письмо къ Павлинычу — и все отлагаю дѣло это за неизвѣстностію о мѣстопробываніи его. Ну, любезный, по сказкамъ Иркутскаго священника, тене-решняго моего товарища, сибиряки-Владимірцы будутъ очень счастливы. Последнее мѣсто въ Иркутской губерніи доставляетъ священнику разнаго товару на 700 рублей, за исключеніемъ того, что утрачивается на продовольствіе своего семейства. Не хвалить лишь земляковъ нашихъ за то, что они не оженились въ своей епархіи. Въ Иркутскѣ очень дороги невѣсты. Былинскій хоть и бѣдную взялъ: но она ему знакомая, да и тамъ не нашелъ-бы себѣ невѣсты съ богатымъ приданымъ. Землики наши попались священнику за 400 верстъ до Иркутска.

Со мною новаго доколѣ ничего не послѣдовало. Хожу въ классъ, слушаю на несноснаго Винклера строгую критику г. Карпова; съ нынѣшняго дня долженъ буду писать свою критику на предварительныя понятія въ смыслѣ философіи Винклера. Тяжела, тяжела наша философія. Заучивай отъ слова до слова лекціи Винклера — и въ то-же время отвергай его мнѣніе. Двойной трудъ. О, еслибы возвратились къ намъ времена Карповскія!....

9-го октября писалъ мнѣ изъ Абакумова другъ мой о. Граменицкій:

„Не могъ пропустить удобнаго случая, чтобъ не дать вамъ о себѣ извѣстія и вмѣстѣ не засвидѣтельствовать вамъ, постоянно обитающаго въ моемъ сердцѣ, глубочайшаго почтенія. Осмѣливаюсь сдѣлать, другъ, вамъ предложеніе: не-угодно-ли будетъ къ прежнему нашему взаимному дружеству присоединить связь родственную? Какъ же это? Мой дядишка Симскій благочинный Василій Петровичъ Приклонскій скончался; если будутъ вамъ предлагать взять его дочь, — ошибка, кажется, быть не должна; но можетъ быть они, прѣхавъ во Владиміръ, и не сдѣлаютъ вамъ предложенія; сходите къ Андрею Гр. — очъ будетъ снотомъ.

1841 г. Очень, очень желательно мнѣ имѣть прежняго своего друга родственникомъ. Хотя я предлагаю вамъ, но мѣсто и повѣсту знаю только по слуху, смотрите сами. Худаго не слышно; но одобряютъ все и мѣсто и качества физическія и нравственныя повѣсты. Я живу, слава Богу, живъ-благополученъ. Сейчасъ насладился разговоромъ о васъ, радуюсь вашему благополучію. Прошу и молю васъ другъ еще, — не оставьте, — сходите къ Полиевкту Гавриловичу Былинскому, попросите у него письма отъ В. Гавр. и перешлите мнѣ прочитать объ Иркутскихъ обыкновеніяхъ, — очень скоро возвращу вамъ съ благодарностію, — пожалуйста“.

Мнѣ дѣйствительно предлагали поступить въ село Симу, Юрьевскаго уѣзда, на мѣсто умершаго священника Приклонскаго, со взятіемъ его дочери, но я отказался. Въ это время у меня снова возродилась мысль о поступленіи въ академію, и я приступилъ уже къ осуществленію этой мысли, началъ перечитывать имѣвшіяся у меня академическія записки; обратился за философскими книгами къ М. П. Алякринскому, у котораго я обучалъ воспитанника: тотъ далъ мнѣ на первый разъ сочиненіе *Ожана* „о свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента“, въ русскомъ переводѣ *Д. Велланскаго* (Спб. 1816 г.). Но сочиненіе это написано такимъ высокопарнымъ языкомъ, что въ немъ я не могъ почти ничего понять.

Около половины октября умеръ въ Муромѣ соборный священникъ Василій Васильевичъ Царевскій, оставивъ беременную жену и 9 человѣкъ дѣтей. Я не зналъ объ этомъ, но приходитъ ко мнѣ товарищъ Н. К. Смирновъ и спрашиваетъ меня, буду ли я проситься на это мѣсто. Имѣя въ виду, съ одной стороны, мысль о поступленіи въ академію, а съ другой, разсуждая, что соборное священническое мѣсто едва ли можетъ быть предоставлено молодому студенту, только лишь окончившему курсъ семинаріи, я далъ отрицательный отвѣтъ. Ему только это и нужно было знать. Не смотря на то, что онъ гораздо ниже меня стоялъ въ спискѣ, онъ не убоился искать этого мѣста и разсчитывалъ на ушѣхъ, надѣясь на протекцію своего отца крестнаго, Муромскаго городничаго Козьмы Семеновича Макова. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября неожиданно является ко мнѣ въ больницу учитель Владимірскаго духовнаго училища Алексѣй Михайловичъ Ушаковъ (кандидатъ V курса — 1826 г. — Московской духовной академіи) и говорить: „Иванъ Михайловичъ, я пришелъ къ тебѣ сватомъ“. — „Доброе дѣло, — отвѣчаю я, — но куда же хотите меня сватать?“ — „Въ Муромъ, къ собору, на мѣсто умершаго священника Царевскаго“. — О, нѣтъ! я боюсь и проситься туда“. — „Нѣтъ, пожалуйста, не отказывайся; повидайся, по крайней мѣрѣ, съ вдовой, которая пріѣхала во Владиміръ и которой рекомендовали тебя, какъ благонадежнаго жениха, а она поручила мнѣ, какъ родственнику, пригласить тебя; она остановилась у Павла Абрамыча Прудентова — (учителя семинаріи, женатаго на родной племянницѣ вдовы Царевской) и чрезъ день, или два придетъ за тобой“.

Дѣйствительно вскорѣ присылаютъ за мною и приглашаютъ въ квартиру П. А. Прудентова. Прихожу и вижу предъ собою среднихъ лѣтъ вдову, довольно красивую и съ умнымъ выраженіемъ лица. Имя ея Прасковья Степановна; съ ней вмѣстѣ пріѣхала старшая сестра ея Надежда Степановна Аменицкая, теща Прудентова и также вдова. У нихъ во Владиміръ былъ братъ Павелъ Степановичъ Харизоменовъ — старшій столоначальникъ Консисторіи. Сейчасъ же завели со мною рѣчь о главномъ предметѣ, ради котораго меня позвали. На сдѣланное мнѣ предложеніе я отвѣчалъ уклончиво; меня стали упрашивать, по крайней мѣрѣ, явиться съ ними, на другой день къ Преосвященному, который имъ дозволилъ искать къ сиротѣ достойнаго жениха; при этомъ вручили мнѣ роспись приданаго за невѣстой на двухъ или трехъ страницахъ. Ничего не понимая въ этихъ дѣлахъ, я отиравился съ росписью къ о. ректору Поликарпу. Тотъ, поелику самъ былъ семейнымъ человекомъ, разсмотрѣвши роспись, нашелъ ее недостаточною; въ ней не значилось ни самовара, ни чайныхъ принадлежностей: поэтому онъ велѣлъ, чтобы все это внесено было въ роспись.

На другой день, часовъ въ 8-мъ утра, собрались въ передней архіерейской двѣ сестры-вдовы — Царевская и Аменицкая, братъ ихъ Харизоменовъ и я. Доложили о насъ

1841 г. Владыкъ; онъ не замедлилъ позвать всѣхъ насъ въ залу. Первый вопросъ Архипастыря обращенъ былъ ко мнѣ:

— „Вѣдь ты сирота?“

„Сирота, Владыко святой“.

— „Ты сирота, невѣста сирота, соборъ безприходный, а надо купить тебѣ домъ: на какія же средства будешь покупать?“

Я обрадовался, что встрѣтилось препятствіе и говорю Владыкъ:

„Преосвященнѣйшій Владыко, я имѣю пока кусокъ хлѣба, и потому не имѣю надобности спѣшить выходить на мѣсто“.

Владыка началъ разсматривать списокъ окончившихъ курсъ семинаріи и сталъ разсуждать самъ собою: Смирновъ, за котораго ходатайствуетъ Маковъ, сынъ также не богатаго отца (инспектора Суздальскаго дух. училища), и потому также не въ состояніи приобрѣсть дома, да къ тому же онъ ниже Тихомирова въ списокѣ. За тѣмъ, какъ бы пробудившись отъ своего размышленія, онъ обращается къ столоначальнику Харизоменову съ вопросомъ: „да, кажется, въ Муромскомъ училищѣ есть праздное учительское мѣсто“?— „Точно такъ, Владыко святой; учитель перваго класса отправился въ Томскую епархію на священническое мѣсто“.— „А сколько учителю 1-го класса жалованья, — продолжаетъ Владыка?— „Триста рублей (ассигнаціями)“.— „Ну, вотъ и хорошо.— Ты, — обращается ко мнѣ Владыка, — будешь учителемъ и будешь получать за это по 300 р. въ годъ; изъ нихъ 100 рублей отдавай сиротамъ.— А ты, баба, — обращается къ вдовѣ Царевской, — отдай ему (т. е. мнѣ) третью часть дома“.

Я началъ было опять уклониться отъ Муромскаго мѣста, но Преосвященный мнѣ говоритъ: „эту мысль (т. е. объ учительствѣ) самъ Богъ мнѣ внушилъ; поди, послушайся меня, хорошо будетъ“.

Не смѣя болѣе пререкать архипастырской волѣ, я дерзнулъ попросить позволенія предварительно посмотрѣть невѣсту.

„Ну, что-же ты, баба, — обратился онъ къ моей будущей тещѣ; — не привезла сюда дѣвку-то; онъ здѣсь и посмотрѣлъ-бы ее, а то шутка-ли ѣхать за сто двадцать

версть?“ — Впрочемъ, мнѣ дано было дозволеніе отправиться 1841 г. въ Муромъ.

Но я, какъ приговоренный къ смерти, вышелъ изъ архіерейскихъ покоевъ и бросился къ ректору просить защиты и ходатайства предъ Преосвященнымъ объ освобожденіи меня отъ Муромскаго мѣста. Но добрый о. ректоръ, выслушавши мой рассказъ объ обстоятельствахъ дѣла, далъ мнѣ совѣтъ отправиться въ Муромъ, и если мнѣ не понравится невѣста, сказать ему: тогда онъ употребитъ всѣ усилія къ освобожденію меня отъ нежеланнаго мѣста и не любой невѣсты.

На другой или на третій день отправился я въ Муромъ, въ соупутствіи двухъ вдовицъ. По пріѣздѣ туда, остановился въ домѣ роднаго брата вдовы Царевской, соборнаго же священника Василія Стенановича Харизоменова. Смотрю въ окно и вижу соборъ старинной архитектуры XVI столѣтія, стоитъ на высокой, крутой горѣ надъ рѣкою Окой. Слава Богу, первое впечатлѣніе очень хорошее. — Что, — думаю, — будетъ дальше? — Изъ другаго окна вижу рядомъ домъ моей невѣсты, новый, довольно красивый и просторный: и это произвело пріятное на меня впечатлѣніе. Чрезъ часъ приглашаютъ меня въ домъ невѣсты: Вхожу. Въ залѣ встрѣчаетъ меня вся семья — мать и 9-ть человекъ дѣтей, шесть дочерей и три сына. Имя старшей дочери, моей невѣсты, Анна Васильевна. Тутъ-же были и нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ. У меня въ Муромѣ не было никого знакомыхъ, кромѣ стряпчаго А. А. Горницкаго; но онъ меня не зналъ, и мы съ нимъ познакомились уже впоследствии. Такимъ образомъ не съ кѣмъ было мнѣ посоветоваться. Я долженъ былъ самъ рѣшить свою судьбу. Прошло дня два, и я, ознакомившись нѣсколько съ невѣстой и семействомъ, и предавъ себя и свою судьбу въ волю Божию, рѣшился сдѣлать роковой шагъ въ жизни.

Возвратившись чрезъ нѣсколько дней во Владиміръ, я подалъ прошеніе Преосвященному объ опредѣленіи меня на должность учителя Муромскаго училища и о предоставленіи мнѣ празднаго священническаго мѣста при Муромскомъ Богородицкомъ соборѣ. По этому прошенію послѣдовалъ запросъ семинарскому Правленію, могу-ли я совмѣстить учительскую должность со священническою. На этотъ запросъ

1841 г. данъ былъ ректоромъ о. Паликарномъ отъ 18-го ноября слѣдующій отзывъ:

„Студентъ Ив. Тихомировъ, по окончаніи семинарскаго курса, опредѣленъ былъ 12-го іюля сего года смотрителемъ семинарской больницы, каковую должность проходилъ съ отличною ревностію, при поведеніи примѣрно хорошемъ, исправляя иногда, по порученію Правленія, должность наставника по классу греческаго языка за болѣзнію котораго-либо изъ гг. наставниковъ онаго. Къ наставнической должности онъ, Тихомировъ, весьма способенъ и къ совмѣщенію должности учительской при Муромскихъ училищахъ, въ случаѣ потребности, съ должностію священнической никакого препятствія не имѣется“.

Между тѣмъ, я успѣшилъ увѣдомить свою будущую тещу о благополучномъ возвращеніи во Владиміръ и объ обстоятельствахъ моего дѣла. И вотъ что получилъ отъ нея въ отвѣтъ отъ двадцать девятаго ноября:

„Любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ!

Пріятное ваше письмо мы получили 22-го числа по утру въ 10-ть часовъ. Читаемъ его каждый день, ибо въ немъ очень много намъ пріятнаго и любезнаго, какъ въ отношеніи меня, такъ и въ отношеніи моего семейства.

Семейство, слава Богу, здорово, чего и вамъ желаютъ, — всѣ они васъ ждуть, не знаютъ какъ провести скорѣе пость и дождаться вашего пріѣзда; всѣ дѣвочки считаютъ (какъ говорится) по пальчикамъ, и дай Богъ, чтобы эта несносная зима прошла и наступила вѣчная весна, пріѣхавшая съ вами. Особенностей у насъ никакихъ покамѣстъ нѣтъ, всё по старому. Пожелавъ вамъ добраго здоровья и скораго прибытія къ намъ, остаюсь любящая васъ Прасковья Царевская“.

Подавши просьбу Преосвященному, и долженъ былъ приготовиться къ испытанію въ знаніи догматовъ вѣры православною. Самимъ Владыкою составлены были краткія записки по Догматикѣ, состоящія изъ однихъ почти опредѣленій и сухихъ положеній, подкрѣпленныхъ текстами Св. Писанія. Эти записки, переходившія изъ рукъ въ руки, мы обязаны были твердо знать наизусть. Такъ какъ во Владимірской епархіи, при огромномъ количествѣ приход-

скихъ церквей (около 1050), всегда много было ставленниковъ, то Преосвященный никогда не производилъ испытаній по одиночкѣ, а человекъ по пяти или по десяти въ разъ. Насъ, кандидатовъ священства, собралось въ одинъ разъ 10-ть человекъ и 11-й съ нами былъ исключенный изъ средняго отдѣленія кандидатомъ на діакопское мѣсто, который подвергался испытанію въ знаніи Пространнаго Катихизиса. Когда мы все собрались къ Преосвященному, онъ приказалъ намъ къ слѣдующему дню приготовить отвѣтныи трактатъ. Намъ велѣно было явиться въ пять часовъ по полудни. Владыка, вышедши въ залу, приказывалъ намъ становиться въ рядъ по старшинству и начиналъ спрашивать съ низшихъ. Если кто-либо отвѣчалъ на вопросъ неудовлетворительно, онъ обращался къ слѣдующему; если и этотъ не удовлетворялъ вопрошающаго, долженъ былъ отвѣтить слѣдующій и такъ далѣе. Если никто изъ насъ не отвѣтитъ на предложенный вопросъ, — что однажды и случилось: то Владыка отсылалъ насъ и приказывалъ къ слѣдующему дню повторять тотъ же трактатъ. Такимъ образомъ, наше испытаніе, или, вѣрнѣе, истязаніе продолжалось недѣли полторы. Мои отвѣты такъ понравились архипастырю, что онъ говорилъ ректору: „у меня такого студента еще не бывало“, — и приказалъ ему имѣть меня въ виду, въ случаѣ имѣющей открыться учительской вакансіи въ высшемъ классѣ.

По окончаніи экзамена, на моемъ прошеніи дана была преосвященнѣйшимъ Пароеніемъ 11-го декабря такая резолюція: „Студенту Тихомирову, оказавшемуся въ истинахъ богословскихъ и пѣвнн довольно свѣдущимъ, чинить производство во священника, согласно съ прошеніемъ и условіемъ, съ назначеніемъ вмѣстѣ и учителемъ приходскаго Муромскаго училища, такъ какъ къ совмѣщенію обѣихъ должностей — и по весьма хорошему свѣдѣніямъ, и прихвѣрно хорошему поведенію и дознанной отличной ревности — прихорошему поведенію и дознанной отличной ревности — признается, по свидѣтельству о. ректора семинаріи, весьма способнымъ, — о чемъ и сообщить въ семинарское Правленіе“.

14-го декабря писалъ мнѣ, въ отвѣтъ на мое письмо, Абакумовскій другъ мой М. Д. Граменицкій:

„Благодарю, другъ, что сверхъ ожиданія удовлетворили мое жадное любопытство о вашихъ обстоятельствахъ. Точно,

1841 г. и прежде слышалъ я о вашемъ намѣреніи поступить въ Муромъ, слышалъ даже, что вы отправились туда для смотрѣнія и избранія себѣ подружія;—но не зналъ, какія слѣдствія были вашей поѣздки. Теперь-же вижу, что вы чрезъ нѣсколько недѣль вступите въ новую жизнь супружества и священства. Радуюсь — счастливымъ вашимъ обстоятельствамъ. Радуюсь тѣмъ болѣе, — что въ короткѣ знакомѣ мнѣ Муромъ; въ томъ самомъ соборѣ, къ угодникамъ котораго я летаю мыслию повседневно, суждено быть служителемъ Божественныхъ таинъ искреннему — ближайшему моему другу.

Питаюсь надеждою, что вы, будучи іереемъ Господнимъ, помянете когда-либо у гроба благовѣрныхъ Муромскихъ князей въ своихъ молитвахъ и мое недостойнство!

Да! жалко милый другъ, что мы, живя нѣсколько времени не такъ въ дальнемъ между собою разстояніи, не могли избрать случая къ своему свиданію; а все виновата въ этомъ надежда на будущее.

Итакъ, неужели намъ суждено болѣе не видѣться? Не можетъ быть! Прошу васъ не медля увѣдомить меня, когда пріѣдете за благодатию во Владиміръ;—я, имѣя давнее намѣреніе ѣхать на родину, —эту дорогу приспособлю къ сему времени. Тутъ повидимся, поговоримъ, сообщимъ взаимныя чувствованія и проч. и проч.

Жалко, что я живши въ Муромѣ не зналъ вашей будущей супруги. Отца Василия я зналъ очень коротко, — вѣрно и ваша супруга достойна васъ, — если наслѣдуетъ свойства покойнаго родителя. Моя Сашинька, такъ же, какъ и я, желаетъ вамъ всѣхъ отъ Бога милостей и счастья. Доколѣ довольно! Надѣюсь, что разстояніе отъ Мурома до Липни это 200 или 170 верстъ, не можетъ поставить границы нашимъ взаимнымъ сообщеніямъ.

Не ошибаюсь“!

Получивши изъ Консисторіи бидеть на вступленіе въ бракъ, я отправился на родину для приглашенія родственниковъ на свадьбу, которая назначена была вскорѣ послѣ крещенія.

29-го декабря писалъ мнѣ изъ Петербурга студентъ академіи О. Г. Бѣляевъ:

„Съ новымъ годомъ поздравляю тебя. Отъ души желаю

тебѣ обрѣсть новое счастье на новомъ поприщѣ твоей 1841 г. жизни!

Я не много виноватъ передъ тобой. Такъ долго промедлилъ отвѣтомъ на твое письмо. Ты серднись? И—полно, братъ, вѣдь проступокъ съ моей стороны совершенно неумышленный. Смотри, я и самъ себѣ не дамъ отчета, почему такъ долго не писалъ къ тебѣ. Шутъ знаетъ, не то, чтобы дѣла заставляли меня отлагать бесѣду съ тобою, и не лѣнь писать пустяшныя епистолейки была тому причиной: а такъ, что-то въ родѣ *не хочется*. Призваться не находилъ и особенныхъ новостей для письма; а безъ новостей что за удовольствіе и посылать и получать письма. Кромѣ вздору и теперь даже не могу ничего сказать тебѣ. Самая однообразная жизнь академическая. Если что-нибудь встрѣчалъ и особеннаго въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ въ академіи: такъ это во время испытаній предъ святками.

Интересно было слушать горячіе споры между профессорами; забавно, даже лестно было каждому высказывать мудрость Божественнаго Винклера... Но сознайся, вѣдь тебѣ нынѣ не по сердцу подобные пустяки? Ты, злодѣй, отложилъ уже попеченіе объ академіи. Дѣло, братъ, дѣло. Мало пользы убить четыре года въ академіи изъ самой цвѣтущей жизни, особенно при такой скудости мѣсть. То ли дѣло покониться въ объятіяхъ возлюбленной Анны Васильевны! Наслаждайся, другъ, своимъ счастьемъ: оно теперь вполне разцвѣтаетъ для тебя. Академическая жизнь, повѣрь, скоро наскучила бы и тебѣ. И при удачномъ теченіи дѣлъ академическихъ, какъ мало ясныхъ дней въ моей жизни! Будущее отдалено: — мечтать и жить имъ и безнадежно и вредно. Въ настоящемъ все монахи. А жить въ сообществѣ съ монахами—большая находка!!

Не знаю, что тебѣ еще сказать. Развѣ вкратцѣ о здѣшнихъ святкахъ? Да, здѣшніе святки служатъ наградою для студентовъ за цѣлую треть затворнической жизни. Презестъ, какъ хороши здѣсь вечера. Ужъ подлинно по русски, на славу пируютъ здѣсь даже духовные. Ну что, каковы твои святки? *Должно* быть *занимательны*... Надѣюсь, въ свободное время опишешь все, и старое и новое. Чуръ не секретничать⁴.

На канунѣ новаго года теща моя, Прасковья Степановна,

1842 г. разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго назвала въ память своего покойнаго мужа Василиемъ. Такимъ образомъ этотъ ребенокъ имѣлъ одинаковую со мною судьбу, какъ-бы потому въ послѣдствіи мнѣ пришлось о немъ заботиться больше, чѣмъ о прочихъ его братьяхъ.

12-го января совершенно былъ бракъ въ соборной церкви. На свадьбѣ были мои родственники: о. Василій Сапоровскій, дядя и о. крестный діаконъ Петръ Ивановичъ, зять Василій Александровичъ Левашевъ, сестра Анна Михайловна и, кажется, молодой діаконъ Ивановской единовѣрческой церкви О. С. Виноградовъ, женатый на моей племянницѣ, дочери старшей сестры моей Марьи Михайловны. Брачный пиръ былъ самый скромный, однимъ словомъ, сиротскій.

Черезъ два или три дня послѣ брака, я отправился во Владиміръ для посвященія. 18-го числа рукоположенъ былъ преосвященнымъ Нарошнемъ въ діакона, а 25-го числа, въ день святаго Григорія Богослова, сподобился принять благодать священства въ домовоі архіерейской церкви.

На расходы по производству въ священника мнѣ обѣщано было 30-ть рублей, но я получилъ только 25-ть рублей; впрочемъ, этихъ денегъ, при протекціи родственника, консисторскаго столоначальника, было для меня достаточно. Онъ самъ мнѣ назначилъ, кому сколько дать; между прочимъ, секретарю Консисторіи велѣлъ отнести двѣ бутылки рому, и тотъ благосклонно принялъ отъ меня это приношеніе. Квартиру и столъ во все время пребыванія моего во Владимірѣ, имѣлъ я у помянутаго выше родственника моей тещи, священника П. А. Прудентова.

По рукоположеніи, цѣлую недѣлю служить я въ большой, крестовой церкви и за тѣмъ, получивъ изъ рукъ моего незабвеннаго рукоположителя ставленную грамоту, отправился въ Муромъ, къ мѣсту моего новаго служенія.

1-го февраля вечеромъ пріѣхалъ я въ Муромъ, и 2-го, въ день праздника Срѣтенія Господня, сподобился совершить соборнѣ съ настоятелемъ собора, протоіереемъ Михаиломъ Григорьевичемъ Троепольскимъ, божественную литургію.

За тѣмъ вступилъ я въ должность учителя перваго класса приходскаго училища.

Считаю уместнымъ предварительно познакомить здѣсь 1842 г. читателя въ краткихъ словахъ съ исторіею города Муромъ и съ окружающимъ меня обществомъ.

Городъ Муромъ, какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи; расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу р. Оки. Въ немъ, при народонаселеніи не болѣе 10,000 душъ обою пола ¹⁾, 3 монастыря—два мужскихъ и одинъ женскій, соборъ и 14-ть приходскихъ церквей.

Спасскій Преображенскій монастырь, 3-го класса, находится почти на окраинѣ города, занимаетъ весьма красивую мѣстность надъ Окою. Когда онъ основанъ, неизвѣстно; но онъ существовалъ уже въ концѣ XI вѣка.

Благовѣщенскій, также третьекласный, монастырь, находится въ центрѣ города. Онъ основанъ на мѣстѣ древней Благовѣщенской церкви въ 1555 году, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича Грознаго, когда онъ возвращался изъ Казани. При этомъ случаѣ обрѣтены были мощи благовѣрныхъ князей Константина и чадъ его Михаила и Теодора, которые и нынѣ почиваютъ въ главной монастырской церкви въ одной ракъ.

Рядомъ съ Благовѣщенскимъ монастыремъ, чрезъ дорогу, находится Троицкій женскій монастырь, основанный въ 1642-мъ году

Соборъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Сооруженъ въ XV вѣкѣ. Въ немъ подъ сводомъ почиваютъ, въ одной ракъ, мощи князей Муромскихъ Петра и Февроніи.

Муромскія приходскія церкви, между которыми есть очень древнія, не отличаются такимъ благолѣпіемъ и блескомъ, какимъ, какъ мы видѣли, отличаются церкви Шуи-скія, хотя въ Муромѣ, какъ и въ Шуѣ, было въ мое время не мало купеческихъ семействъ очень богатыхъ, какъ напр., Маслаковы (Миздриковы), Зворыкины, Козновы и др.

Главная городская промышленность—полотняная и хлебная торговли въ обширныхъ размѣрахъ. Сверхъ сего существуетъ въ городѣ до двадцати пяти фабрикъ и заводовъ.

Изъ духовныхъ лицъ, коихъ я засталъ въ Муромѣ, болѣе примѣчательны слѣдующія:

Настоятель Спасскаго монастыря, архимандритъ Геронимъ.

¹⁾ Въ 1884 г. было уже 13,682 д.

1842 г. Изъ магистровъ 1-го курса Петербургской духовной академіи, онъ былъ ректоромъ Псковской семинаріи и настоятелемъ Спасо-Елеазарова монастыря съ августа 1821 года по июль 1823-го г. ¹⁾. Затѣмъ, въ слѣдствіе нетрезвости, посланъ былъ въ Боголюбовъ монастырь, Владимірской епархіи, гдѣ оставался въ званіи настоятеля только до апрѣля 1824 года. Въ это время, безъ сомнѣнія, по причинѣ той же слабости, былъ уволенъ отъ настоятельства. Въ 1829-мъ году снова назначенъ былъ настоятелемъ Муромскаго Спасо-Преображенскаго монастыря и вслѣдъ за тѣмъ определенъ членомъ Владимірской духовной консисторіи. По обязанностямъ этой послѣдней должности онъ постоянно жилъ во Владимірѣ, въ Рождественскомъ архіерейскомъ монастырѣ; въ Муромъ же пріѣзжалъ только вмѣстѣ съ преосвященнымъ Парвеніемъ, который всегда бралъ его съ собою при поѣздкахъ по епархіи.

Настоятель Благовѣщенскаго монастыря игуменъ Варлаамъ изъ вдовыхъ сельскихъ священниковъ; управлялъ монастыремъ съ 1838 по 1844 годъ.

Настоятель собора протоіерей Михаилъ Григорьевичъ Троепольскій. Родомъ изъ Орловской епархіи, онъ былъ родной племянникъ преосвященнаго Ксенофонта, бывшаго епископа Владимірскаго. Въ 1804 году (16-ти лѣтъ отъ роду) онъ перемѣщенъ былъ, по желанію дяди, изъ Сѣвской семинаріи во Владимірскую, но не окончивъ здѣсь полнаго курса, 14-го мая 1808-го года рукоположенъ былъ во священника къ церкви Покровскаго женскаго монастыря въ г. Суздаль. Отсюда, уже въ санѣ протоіерея, онъ переведенъ былъ 4-го ноября 1816-го года въ Муромъ. Воспитанный подъ строгимъ надзоромъ своего дяди, о. протоіерей всегда былъ строгъ къ себѣ: жилъ въ высшей степени воздержно, пищу употреблялъ простую, удалялся шумнаго общества и любилъ проводить время въ своемъ семействѣ. Онъ былъ членомъ духовнаго Правленія и благочиннымъ подгородныхъ сельскихъ церквей. Дорожа своею репутациею, онъ ревностно изучалъ какъ церковныя правила, такъ и гражданскіе законы. Добросовѣтно исполняя

¹⁾ Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Рос. церкви II. Строева, Спб. 1877 г. стр. 388.

свои обязанности самъ, онъ требовалъ такого-же исполне- 1842 г.
 ния и отъ своихъ подчиненныхъ. Чувствуя по временамъ
 слабость въ ногахъ, онъ не очень любилъ продолжитель-
 ную службу въ церкви, но при богослуженіи и самъ соблю-
 далъ, и отъ другихъ требовалъ строгой чинности и порядка.
 При среднемъ ростѣ, осанистый собою, съ широкою окла-
 дистою бородою и съ октавистымъ голосомъ, онъ былъ въ
 служеніи очень благолѣпенъ. Семейство его, кромѣ жены, —
 старицы примѣрной кротости, составляли: сынъ Иванъ Ми-
 хайловичъ и четыре дочери. Сынъ окончилъ курсъ, но по
 смерти отца, послѣдовавшей 16-го августа 1853 года отъ
 холеры, велъ жизнь очень бѣдственную. Старшая изъ до-
 черей, Любовь Михайловна, была въ замужествѣ за учи-
 телемъ (впослѣдствіи инспекторомъ) Владимірскаго духов-
 наго училища, Ив. Гр. Соколовымъ; вторая и третья были
 также въ замужествѣ за какими-то чиновниками, но не
 были такъ счастливы, какъ первая; а младшая осталась
 дѣвицею и влачила самую жалкую жизнь.

Говоря о племянникѣ, не могу не сказать нѣсколько
 словъ о его досточтимомъ дидѣ, т. е. о преосвященномъ
 епископѣ Ксенофонтѣ.

Преосвященнаго Ксенофонта я не помню; мнѣ было не
 много болѣе двухъ лѣтъ, когда онъ оставилъ Владиміръ и
 отправился на Подольскую епархію. Поэтому я изложу о
 немъ тѣ только свѣдѣнія, какія найдены мною въ печат-
 ныхъ источникахъ.

Преосвященный Ксенофонтъ (Троецольскій) изъ настоя-
 телей Свіяжскаго монастыря рукоположенъ былъ 15-го
 января 1800 г. въ епископа Свіяжскаго, перваго викарія
 Казанской епархіи, а чрезъ мѣсяць, или не много болѣе, и
 именно 24-го февраля переведенъ на кафедру Владимірскую.

Епископъ Ксенофонтъ, говоритъ авторъ исторіи Влади-
 мірскаго семинаріи (стр. 110)¹⁾, былъ человекъ многосторонне
 образованный; характеристическою чертою его дѣятельности
 служить постоянная, неусынная забота о духовномъ про-
 свѣщеніи; преданіе говоритъ, что его такъ и называли
 многіе: „радѣтель духовнаго просвѣщенія“. Но особенную
 память оставилъ по себѣ преосвящ. Ксенофонтъ торже-

¹⁾ Ксен. Надеждинъ. Владиміръ на Клязьмѣ, 1875. Исторія обнимаетъ
 періодъ лишь съ 1750 по 1840 годъ.

1842 г. ственностию богослуженія. Высокаго роста, съ длинною темно-русой бородой, въ служеніи онъ былъ величественъ, Торжественности архіерейскаго служенія много способствовали счастливый тогдашній составъ причта. Протодіаконъ Орловъ отличался превосходнымъ голосомъ, пріятной наружностью и приличной манерой; соборные діаконы Удалцовъ (впослѣдствіи протодіаконъ) и Смирновъ были также съ прекрасными голосами; въ архіерейскомъ хорѣ знаменитый басъ о. Теодора и художественный теноръ регента Дроздова, — все это въ совокупности придавало архіерейскому служенію священно-торжественный характеръ.

Со всѣми помѣщиками епархіи Преосвященный былъ очень знакомъ; особенно былъ друженъ съ помѣщикомъ села Петровскаго, за Юрьевомъ, княземъ Долгоруковымъ; но съ однофамильцемъ этого князя, Иваномъ Мих. Долгорукимъ, губернаторомъ Владимірскимъ, Кеенофонтомъ былъ не всегда въ благопріятныхъ отношеніяхъ. Вотъ что пишетъ о немъ князь Долгорукій въ своемъ сочиненіи: „Капище моего сердца“ (стр. 295): „Зашель ко мнѣ на балъ пьяный попъ, родня Сперанскаго. Я его посадилъ въ полицію, — что случалось и прежде довольно часто; ибо попъ былъ негодяй. Архіерей вывелъ изъ этого страшную исторію, наклепалъ на меня всякихъ небылицъ, воздвигнулъ противъ меня страшную тучу въ Питерѣ, возжегъ негодованіе Государа на меня, какъ на богохульника; словомъ, соединяясь мысленно и душевно со всѣми моими врагами въ губерніи, подѣйствовалъ на всю судьбу мою, подавъ первую и сильную причину къ изгнанію меня изъ службы“¹⁾.

Возвращусь къ Мурому.

Послѣ протоіерея Троицпольскаго второе мѣсто въ средѣ Муромскаго духовенства занималъ настоятель Іоанно-Предтеченской церкви, протоіерей Афанасій Яковлевичъ Вино-

¹⁾ Между тѣмъ вотъ какъ характеризовалъ преосвящ. Кеенофонта преосвящ. Евгений, архіеписк. Рязанскій, впослѣдствіи Ярославскій, въ письмѣ отъ 42-го марта 1832 г. къ архіеписк. Подольскому Кириллу: „Предметникъ вашего высокопреосвященства (т. е. Кеенофонтъ) есть одинъ изъ наилучшихъ и опытѣйшихъ юристовъ по церковному правовѣдѣнію и, прибавлю, дальновидный и осторожный“. — Но въ слѣдующемъ за сими письмѣ отъ 20 июля Евгений, въ отвѣтъ на письмо Кирилла, пишетъ, между прочимъ: „Ужасно описаніе качества проамлетника вашего“... (Чт. вѣщ. Общ. люб. дух. просв. 1874 г., III, Матеріалы для исторіи Рус. церкви, стр. 87--88).

градовъ. Получивъ образованіе и воспитаніе въ Лаврской 1842 г Троицкой семинаріи, онъ рукоположенъ былъ 7-го августа 1810 года въ священника и проходилъ за тѣмъ разныя должности. При мѣ онъ былъ благочиннымъ градскихъ церквей и членомъ духовнаго Правленія. При достаточномъ образованіи, онъ отличался благородствомъ характера и прямодушіемъ.

Между Муромскимъ духовенствомъ особенное вниманіе заслуживаетъ (по своей горькой, хоть и заслуженной судьбѣ) настоятель Казанской церкви, протоіерей Егоръ Исадорячъ Полотебновъ. Магистръ перваго курса Петербургской дух. академіи, Полотебновъ былъ сначала на службѣ въ Рязанской епархіи и имѣлъ священный санъ. Преосвященный Григорій (Постниковъ), поступивъ въ 1829-мъ году на Рязанскую епархію, приблизилъ къ себѣ Полотебнова, какъ товарища и совоспитанника по академіи; сдѣлалъ его каѳедральнымъ ключаремъ и членомъ Консисторіи: но Полотебновъ не оправдалъ довѣрія архипастыря и началъ предаваться нетрезвости. Сколько ни увѣщавалъ его, сколько ни свиходилъ къ нему Владыка: пользы не было. Но вотъ Преосвященный не исполнилъ какой-то просьбы Полотебнова, несправедливой и незаконной: это возбудило въ немъ послѣднемъ чувство вражды и мщенія къ архипастырю. Вскорѣ представился и случай къ отмщенію. Одинъ сельскій священникъ, по суду Консисторіи, утвржденному преосвящ. Григоріемъ, подвергся законному взысканію. Полотебновъ возбудилъ этого священника протестовать противъ опредѣленія Епархіальнаго начальства и составилъ ему прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ совершенно не кстати возводилъ на архіепископа разныя клеветы.

По изслѣдованіи и разсмотрѣніи въ Св. Синодѣ протеста, онъ былъ признанъ не основательнымъ, а Полотебновъ изобличенъ былъ въ участіи въ клеветѣ на своего епархіальнаго архіерея. Въ слѣдствіе сего, онъ удаленъ былъ изъ Консисторіи съ запрещеніемъ священнослуженія. Мало того; на докладъ Св. Синода послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Ключари перемѣстить во Владимірскую епархію и дать тамъ мѣсто, по распоряженію мѣстнаго Преосвященнаго, въ уѣздномъ городѣ, ежели есть мѣсто, а ежели

1842 г. пѣтъ, то въ селѣ, и тогда разрѣшить (?) ему священнослуженію“¹⁾.

На первый разъ священникъ Полотебновъ опредѣленъ былъ преосвященнымъ Пароеніемъ къ церкви села Казанова, Муромскаго уѣзда, а затѣмъ переведенъ былъ къ Казанской церкви г. Мурома; но когда онъ былъ возведенъ въ санъ протоіерея, мнѣ съ точностію неизвѣстно.

Протоіерей Полотебновъ былъ высокаго роста, съ рѣзкими суровыми чертами лица, съ короткими сѣдыми волосами на головѣ и съ короткою же, но окладистою бородою. Отличался проповѣдничествомъ, но не чуждъ былъ при этомъ тщеславія. Тщательно составивши проповѣдь на Великій пятокъ, онъ повторялъ ее почти каждый годъ и къ слушанію ея приглашалъ особыми билетами высшую городскую публику.

Скажу за тѣмъ нѣсколько словъ о родствѣ моей тещи, Прасковьи Степановны Царевской, сосредоточенномъ преимущественно въ Муромѣ. У ней были здѣсь два брата и двѣ сестры.

Одинъ изъ братьевъ, Василій Степановичъ Харизоменовъ былъ, какъ выше уже замѣчено, священникомъ при томъ-же соборѣ, къ которому и я опредѣленъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ втораго класса приходскаго училища. Онъ женатъ былъ на дочери священника того-же собора о. Пароенія Тумскаго, Аннѣ Пароевнѣ, съ опредѣленіемъ во священника на мѣсто тестя.

Другой братъ Александръ Степановичъ Харизоменовъ, получилъ не полное образованіе въ Московскомъ университетѣ, подвергся разстройству умственныхъ способностей и вель скитальческую жизнь.

Старшая сестра Прасковьи Степановны, Надежда Степановна была въ замужествѣ за священникомъ Егоромъ Оеодоровичемъ Аменицкимъ, который сначала былъ инспекторомъ Владимірскихъ училищъ, а потомъ смотрителемъ Муромскихъ и здѣсь въ 1830-мъ году скончался отъ холеры, оставивъ послѣ себя троихъ сыновей и четырехъ дочерей.

¹⁾ Архіепископъ Евгеній Казанцевъ. Біографич. очерки, составл. протоіер. І. Благоньшенинскимъ, М. 1875 г. стр. 2—4.

Младшая сестра Екатерина Степановна была за му- 1842 г.
жемъ за полковымъ священникомъ Василиемъ Никитичемъ
Вознесенскимъ. Овдовѣвши, она возвратилась въ Муромъ
съ двумя малолѣтними сыновьямъ—Викторомъ и Павломъ.

Сверхъ сего, у моей тещи было въ Муромѣ три или
четыре дома родственниковъ между дворянами.

Училищный кругъ, въ который я вступилъ по званію
учителя, составляли слѣдующія лица.

Смотритель училища іеромонахъ Нифонтъ (въ мѣрѣ Ни-
кита Даниловичъ Успенскій). По окончаніи курса въ се-
минаріи въ 1832-мъ году, съ званіемъ студента, онъ про-
ходилъ должности лектора еврейскаго и греческаго язы-
ковъ, учителя въ училищахъ—Владимірскомъ, Переславскомъ
и Муромскомъ. Въ 1836-мъ году принялъ монашество; въ
1842-мъ году былъ опредѣленъ въ должность смотрителя
Муромскаго училища, а въ 1844-мъ году былъ назначенъ
настоятелемъ Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря, съ
возведеніемъ въ санъ игумена. Велъ жизнь трезвую и былъ
очень дѣятеленъ; лишенный одного глаза, онъ былъ очень
дальнозорокъ. Былъ крайне гостепріименъ, и самъ любилъ
не рѣдко выѣзжать въ гости.

Инспекторъ училища и учитель латинскаго языка въ выс-
шемъ отдѣленіи, священникъ Иванъ Ѳедот. Грандицкій.
Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ градской Хри-
сторождественской церкви. Человѣкъ даровитый и отличный
знатокъ латинскаго языка и другихъ преподаваемыхъ имъ
предметовъ; строгихъ нравственныхъ правилъ; при харак-
терѣ, не отличавшемся мягкостію и снисходительностію,
онъ, какъ инспекторъ, въ страхѣ держалъ училище.

Учитель греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ пред-
метовъ въ томъ же высшемъ отдѣленіи, священникъ Васи-
лій Никол. Спекторскій. Онъ такъ же, какъ и Грандицкій,
былъ приходскимъ священникомъ при Космо-Даміановской
церкви. Не знаю, въ какой мѣрѣ онъ свѣдующъ былъ въ
преподаваемыхъ имъ предметахъ, но въ исполненіи своей
обязанности не всегда былъ исправенъ.

Учитель латинскаго языка и нѣкоторыхъ другихъ пред-
метовъ въ первомъ низшемъ отдѣленіи, священникъ Тро-
ицкой, при дѣвичьемъ монастырѣ, церкви Марѣей Ив. Шеме-
товъ. Отличался крайнею добросовѣстностію въ исполненіи

1842 г. своихъ обязанностей и необыкновенною кротостію характера. Съ нимъ я былъ въ самыхъ добрыхъ, искреннихъ отноше-
ніяхъ, хотя онъ былъ много меня старше.

Учитель греческаго языка и другихъ предметовъ въ томъ же отдѣленіи, студентъ семинаріи Гавр. Вас. Ястребовъ. По окончаніи курса въ 1836 году пытался поступить въ Московскую дух. академію волонтеромъ, но не былъ при-
нятъ. Съ живыми способностями и съ горячимъ, но непо-
стояннымъ, характеромъ: мечталъ о монашествѣ, но женился
на дочери помянутой вдовы Аменицкой и впоследствии при-
нялъ священнической санъ. Послѣ протоіерей.

Учитель латинскаго языка во 2-мъ низшемъ отдѣленіи,
студентъ Иванъ Гаврил. Покровский — наставникъ солидный
и характера молчаливаго.

Учитель греческаго языка и пр., кандидатъ Петербург-
ской дух. академіи Иванъ Гавр. Бѣляевъ. Не отличался предъ
прочими наставниками никакими особенными достоинствами.

Учитель втораго класса приходскаго училища, помянутый
выше соборный священникъ Василій Степановичъ Харизо-
меновъ, отличавшійся добрымъ и кроткимъ характеромъ.

Слѣдуетъ теперь сказать о моей общественной дѣятель-
ности и семейной жизни.

При соборѣ по штату положено: протоіерей и два свя-
щенника, діаконъ и два псаломщика.

Протоіерей, по заведенному имъ порядку, чреды не ис-
правлялъ, хотя получалъ жалованья и доходовъ въ полтора
раза больше противъ священниковъ. Такимъ образомъ, мы съ
о. Харизоменовымъ поочередно совершали въ соборѣ ежеднев-
ное богослуженіе. Въ воскресные и праздничные дни всенош-
ная — лѣтомъ обыкновенно совершалась съ вечера, а зимою
утромъ въ 4 часа. Въ будніе дни утреня — зимою начиналась
въ четыре часа, а лѣтомъ въ три часа по полуночи. Литургіи
равныя (только по праздникамъ) въ 6 часовъ утра, а поздняя
всегда въ 8 часовъ. Между утреней и литургіей не рѣдко
случалось ходить по домамъ для молебствій съ чудотворною
иконой нерукотвореннаго образа Спасова, а послѣ литургіи
почти ежедневно совершалась молебенъ для приходскихъ
изъ разныхъ мѣстъ богомольцевъ предъ мощами почиваю-
щихъ въ соборѣ чудотворцевъ Петра и Февроніи. И это
былъ главный источникъ содержанія для соборнаго причта.

такъ какъ соборъ былъ безприходный. Вотъ сколько я могъ 1842 г. получать отъ собора въ годъ: 40 рублей ассигнаціями (11 рублей 43 коп. серебромъ) штатнаго жалованья и до 200 рублей серебромъ изъ братской кружки. Правда, у меня была небольшая паства, состоявшая изъ трехъ неполныхъ дворовъ, которую я наследовалъ отъ своего тестя, Василя Васильевича Царевскаго, который пользовался въ городѣ общимъ уваженіемъ. Паству эту составляли: городничій Козьма Семенычъ Маковъ съ женою старушкой, — окружный начальникъ Николай Егорычъ (фамиліи не помню), женатый на лютеранкѣ и жена дѣсничаго — иѣмца. Но эта малая паства на первыхъ же порахъ послужила поводомъ къ взаимнымъ непріятнымъ отношеніямъ между мною и старшимъ священникомъ Харизоменовымъ. Жена послѣдняго вознегодовала, почему такія почетныя особы пожелали имѣть своимъ духовникомъ меня — пришельца, а не ея мужа — Муромскаго старожила.

Что касалось до отношеній моихъ къ настоятелю собора, протоіерею М. Г. Троепольскому, то они были самыя добрыя и мирныя. Онъ, предупрежденный на счетъ меня добрымъ отзывомъ зятя своего, учителя Владимірскаго училища Н. Г. Соколова, съ первой встрѣчи полюбилъ меня какъ сына, а я, въ свою очередь, платилъ ему искреннимъ почтеніемъ и послушаніемъ. Я не помню случая, когда бы я не исполнилъ какого-либо приказанія или порученія его.

Кромѣ совершенія церковныхъ службъ, я не имѣлъ возможности чѣсто заниматься проповѣданіемъ слова Божія, какъ потому, что занять былъ училищною службой, такъ и потому, что въ соборѣ обязаны были говорить поочередно проповѣди всѣ городскіе и сельскіе окрестные священники. Мнѣ приходилось сказать въ годъ не болѣе двухъ или трехъ проповѣдей; развѣ бывало иногда поручить еще протоіерей, какъ цензоръ проповѣдей, написать проповѣдь за какого-нибудь сельскаго священника, который не можетъ по какимъ-либо обстоятельствамъ явиться въ городъ для произнесенія поученія.

Училищная служба требовала отъ меня ежедневныхъ трудовъ. Пока я былъ учителемъ перваго приходскаго класса, я долженъ былъ каждый день заниматься утромъ три часа и послѣ обѣда два. Мальчиковъ привозили въ первый классъ

1842 г. иногда безъ всякой почти подготовки, а ихъ было отъ 30 до 40 человѣкъ. Я долженъ былъ съ нѣкоторыми начинать почти съ азбуки; о чистописаніи уже говорить нечего. Когда, бывало, прихожу въ классъ и заставляю учениковъ писать, они одинъ за другимъ подходятъ ко мнѣ съ перьями и съ дѣтскою наивностію говорятъ: „дядюшка, очини мнѣ перышко“. — И грѣхъ и смѣхъ. — Но какое за тѣмъ утѣшеніе видѣть этихъ наивныхъ дѣтей природы постепенно развивающимися и успѣвающими въ наукахъ, видѣть въ ихъ взорахъ оживленность и бодрость!

Независимо отъ училищныхъ занятій, я имѣлъ нѣсколько частныхъ уроковъ. Это служило нѣкоторымъ подспорьемъ къ моимъ ограниченнымъ средствамъ, доставляемымъ службою. Какое же, однако, получалъ я вознагражденіе за эти труды? — 20 копѣекъ серебромъ за полутора-часовой урокъ!... Разъ только какой-то заѣзжій подполковникъ, пригласивъ меня заниматься съ его сыномъ, назначилъ мнѣ за урокъ по 75 копѣекъ: но когда узналъ, что другіе платятъ гораздо меньше, предложилъ мнѣ 50 копѣекъ. Я, разумѣется, охотно согласился и на эту цѣну. Но эти уроки, не помню, почему-то скоро прекратились.

Все, свободное отъ служебныхъ занятій, время, хотя его было очень не много, — я посвящалъ чтенію книгъ. При соборѣ была очень порядочная библіотека, состоявшая преимущественно изъ свято-отеческихъ твореній въ славянскомъ переводѣ. Изъ ней я прочиталъ босѣды Златоуста о покаяніи; нашель, впрочемъ, въ ней первое изданіе проповѣдей знаменитаго проповѣдника Филарета, 1820 года, когда онъ былъ еще архіепископомъ Ярославскимъ. Эта книга почти не выходила изъ моихъ рукъ. Съ 1843 года начали издавать при Московской дух. академіи журналъ: „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ“. Напечатаны были, какъ извѣстно, прежде всего творенія св. Григорія Богослова: ихъ я прочиталъ отъ начала до конца. Одна духовная дочь моя, именно супруга городничаго, преемника Макова, М. М. Пасенко привезла мнѣ изъ Москвы въ даръ три тома сочиненій извѣстнаго витія, архіепископа Иннокентія, изданные въ 1843 году Погодинымъ. Эти ораторскія произведенія были изучены мною почти наизусть. Съ свѣтскою литературой я меньше имѣлъ возможности знакомиться.

Помню только, что я, познакомившись съ штатнымъ смотрителемъ Муромскаго уѣзднаго училища, *О. Я. Яковлевымъ*, бралъ у него изъ училищной библіотеки Описание отечественной войны 1812 и слѣдующихъ годовъ, *Михайловскаго-Данилевскаго*, и съ увлеченіемъ читалъ оное, сдѣлавши изъ него нѣсколько листовъ выписокъ, которые и доселѣ цѣлы у меня. Я не читалъ газетъ, но меня убѣдилъ читать ихъ учитель уѣзднаго училища *Иванъ Тихоновичъ Остроумовъ*, вышущенный изъ Петербургской дух. академіи въ 1831 году за какія-то непристойныя выходки, съ званіемъ студента, хотя по своимъ дарованіямъ онъ могъ быть въ числѣ первыхъ магистровъ. *О. протоіерей Троепольскій*, любя самъ читать медицинскія книги, далъ мнѣ изъ своей библіотеки и рекомендовалъ прочитати сочиненіе *Гуфеланда*: „Искусство продлить человѣческую жизнь (Макровіотика)“.

Въ Муромѣ я началъ заводить свою собственную библіотеку. Впрочемъ основаніе ея было положено еще въ семинаріи. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя я ежегодно получалъ въ награду за успѣхи въ наукахъ, я пріобрѣлъ тамъ на свои скудныя средства славянскую Библію съ параллельными мѣстами, въ четырехъ томахъ. Въ Муромѣ же куплены были мною слѣдующія сочиненія: 1) Правила вышшаго краснорѣчія, соч. *М. Сперанскаго*, Спб. 1844 года; 2) О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія, архимандр. *Евсевія*, М. 1844 года; 3) Письма о должностяхъ свящ. сана, *А. Стурдзы*, Одесса, 1844 года и др.

Семейная жизнь моя, въ продолженіи трехъ лѣтъ, шла мирно и благополучно. Не смотря на многочисленное семейство моей тещи, съ которой я жилъ въ одномъ домѣ, между нами не было разлада. Столь у насъ былъ общій. При большомъ родствѣ въ городѣ, не рѣдко были у насъ взаимныя посѣщенія, но угощеніе было самое скромное и простое; не обходилось, конечно, при этомъ безъ забавъ и увеселеній: одни играли въ карты, другіе въ шашки, а иные вели только пріятныя дружественныя бесѣды.

Не прекращались у меня письменныя сношенія и съ моими кровными родственниками и друзьями.

Такъ, мнѣ писалъ отъ 18-го марта 1842-го года мой неизмѣнный другъ, *Абакумовскій священникъ М. Д. Граменицкій*:

1842 г.

„Приснопамятный другъ!“

Честнѣйшій во іереехъ Иванъ Михайловичъ
Священствуйте!

Да, честь имѣю поздравить васъ, милый другъ, съ законнымъ бракомъ, желаю вамъ счастья, любви и постоянного согласія, за симъ поздравляю васъ съ благодатію священства, отъ души желаю ходити вамъ достойно вашего высокаго званія и быстро теши на пути благовѣствованія Христова, наконецъ, съ успѣхомъ желаю вамъ бросать первоначальныя сѣмена ученія на юной почвѣ изъ подъ надзора родителей непосредственно — перешедшихъ и имѣющихъ впредь переходить къ вамъ юношей, — за всѣ сіи подвиги, совершенные вами успѣшно (чего отъ чистаго сердца желаю), да будетъ вамъ мзда многа на небеси!

Итакъ, другъ, наши мечты о свиданіи исчезли по пусту! Болѣе уже нѣтъ надежды по прежнему — дружески, откровенно передать взаимно звуки сердца лично? А какъ хотѣлось-то! Не повѣрите, я не дождавшись вѣсти когда вы будете посвящаться, по умозаключенію застать васъ во Владимірѣ и проститься, можетъ быть, на всегда, поѣхалъ къ пятницѣ — къ 6-му числу февраля, и къ несчастію услышалъ, что вы за недѣлю прежде уже отправились къ должности. Какъ шальной цѣлыя сутки таскался по Владиміру, — видѣлъ нѣкоторыхъ изъ друзей, но все-таки не могъ забыть о васъ, тѣмъ болѣе сожалѣлъ, что прежде — знакомый мнѣ Муромъ отъ Липи отстоитъ слишкомъ на полтораста верстъ, слѣдовательно Ивана Михайловича и уже не увижу и въ подзорную трубу! На канунѣ Арх. именинъ¹⁾ стоялъ всеобщую въ домовой церкви; въ субботу утромъ съ постылымъ сердцемъ, съ холодной душою отправился съ своимъ подружіемъ обратно во свояси. Нѣсколько попоговаривъ на васъ, что не подорожали свиданіемъ пелицемѣрно расположеннаго въ вамъ *in collegae* — не навсали писульки о времени прибытія вашего во Владиміръ, о чемъ прежде я васъ просилъ. А болѣе винилъ и виню себя, что въ полугодовое время не могъ побывать я во Владимірѣ или васъ попросить къ себѣ. Не зналъ, другъ, такого крутаго пере-

¹⁾ Именины преосв. Паренія были 7 февраля.

ворота въ судьбѣ вашей, — у меня непремѣнное намѣреніе 1842 г.
было затанцить васъ къ себѣ на масленицу, — но такъ не
угодно было Всевышнему. Теперь только и надежды на слу-
чай, который (случай парень добрый, — онъ то-же иногда
подшучиваетъ) насъ вмѣстѣ, можетъ быть, заведетъ во Вла-
димірѣ; или не вздумаемъ-ли мы съ супругою когда помо-
лится къ чудотворцамъ Муромскимъ. Все это неопредѣленно.

Я благополученъ. Весь мясоѣдъ принималъ и провожалъ
въ сѣрыхъ мундирахъ почтенныхъ посѣтителей — духовныхъ
чадъ своихъ, — а посѣщали-то всё касательно браковъ, ко-
ихъ на мою часть привелось нынѣ окружить съ десятокъ.
Посмотрѣли-бы вы на эти полныя суевѣрія, набитыя глу-
постию ихъ брачные обряды, — неудержимый смѣхъ! да и
великій грѣхъ! Хотѣлось побывать на родину, и то не со-
брался, развѣ какъ уже по веснѣ.

Теперь постъ, каждую пятницу принужденъ бываю стоять
часовъ по 10: ибо приходитъ еженедѣльно человекъ по
двѣсти на исповѣдь, а въ прочіе дни покоюсь — почитываю —
у нашего барина библіотека богатая, — спасибо снабжаетъ
книгами. По понедѣльникамъ и четвергамъ хожу къ госпо-
дину на кондиціи обучать закону Божію и лат. языку и
проч... барышню.

Вы скажите, другъ, о Муромѣ, какъ онъ вамъ показался?
дайте понятіе о вашихъ доходахъ, о трудности служенія и
о прочихъ удовольствіяхъ жизни, нѣтъ-ли у васъ новостей?
Кто учителя въ училищѣ, на чье мѣсто вы поступили? и
проч. Не откажитесь о всемъ подробнѣе увѣдомить, если
не желаете прервать давняго между нами искренняго дру-
жества и клятвеннаго обѣщанія. Помните-ли? Я всегда живо
представляю и бурсацкій садъ, и тѣ вгривыя мечты, кото-
рыя кружили наши неопытныя головы. Еще прошу и молю
отслужите, не поставьте себѣ въ трудъ, я прошу какъ друга
и жена моя, — какъ благодѣтеля, — отслужите молебень Петру
и Февронію при ихъ гробѣ о моемъ здоровьѣ, за что самъ
постоянно буду обязанъ молиться о васъ. Въ Муромѣ, знаю,
вамъ жить понравится, — при томъ-же вы живете на самомъ
красивомъ мѣстѣ, въ глазахъ соборъ, подъ бокомъ Ока, —
а лѣтомъ-то веселье! И это веселье вѣрно въ 10,000 кратъ,
а можетъ и болѣе усугубить своими ласками ваша милая
супруга.

1842 г. За симъ, пожелавъ вамъ возможнаго на землѣ блаженства, прося не забывать меня океаннаго въ вашихъ святыхъ молитвахъ и самъ обязуюсь платить тѣмъ-же, остаюсь истинно—велицеугодно любящій васъ другъ Абакумовскій іерей Михайль.

P. S. Любя васъ, не могу не засвидѣтельствовать чисто-сердечнаго почтенія и супругѣ вашей Аннѣ Васильевнѣ. Желаю всѣхъ благъ и радостей^a.

9-го апрѣля писалъ мнѣ изъ Владиміра, въ отвѣтъ на мое письмо, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи, дальній мой родственникъ и землякъ, уроженецъ села Иванова, Андрей Альбицкій:

„Письмо ваше я получилъ 23 марта. Пріятно было читать писанныя вами строки; съ удовольствіемъ перечитываю я ихъ и доселѣ. Ибо изъ сихъ не многихъ строкъ я узналъ весьма многое. Узналъ, что въ супружеской жизни вы нашли для себя истинное счастье, и что, не смотря на множество возложенныхъ на васъ обязанностей, вы можете еще удовлетворять стремленіямъ любознательнаго своего духа. Дай Богъ, чтобы это счастье продлилось на многія лѣта. При томъ изъ вашего письма я узналъ, что вы еще не забыли того дружества, какое долго сохранялось между нами, не смотря на то, что вы поставлены совершенно въ другихъ уже отношеніяхъ. Радуюсь и благодарю Бога, что ни дальность разстоянія, ни разность состояній не могла еще прервать нити сего дружества. Надѣюсь, что и на будущее время вы не оставите меня своимъ расположеніемъ и не откажетесь подѣлиться съ стариннымъ другомъ нѣсколькими минутами досуга.

Что касается до нашихъ Владимірскихъ новостей: то я до нихъ не охотникъ и потому не знаю, что сказать вамъ повѣнкаго. Впрочемъ, скажу, что знаю. Между нами—семинаристами *промчелся слово*, будто нашъ попечитель о. ректоръ Поликарпъ скоро отправится на чреду въ Петербургъ, только не могу ручаться за вѣрность сего (слуха) слова,—не знаю не выдумка-ли это какихъ-нибудь шарлатановъ, копъ у насъ въ семинаріи довольно. За новость также сообщаю вамъ объ опредѣленіи нѣкоторыхъ изъ вашихъ друзей и товарищей на священническія мѣста, а именно: Иванъ Ефимовичъ Целебровскій выходитъ въ

вашъ Муромскій уѣздъ — въ погостъ Зяблицкій, Василій 1842 г.
Петровичъ Твердиславъ — въ уѣздъ Юрьевскій, — въ село
Андреевское, и оба они получили уже билеты для женитьбы.

Теперь слѣдуетъ сказать что-нибудь новенькаго о себѣ
самомъ. Честь имѣю рекомендоваться вамъ, что я не просто
уже ученикъ семинаріи, но и нѣкотораго рода ремеслен-
никъ. Для нѣкоторыхъ цѣлей я вздумалъ у досугу из-
учиться переплетать книги, и подъ руководствомъ извѣст-
наго вамъ малаго Петра Орлова уже нѣсколько успѣлъ
въ выполненіи сего намѣренія. За истинность сихъ словъ
можетъ ручаться переплетенная мною ваша книжица, кото-
рую вы получите, я думаю, вмѣстѣ съ симъ письмомъ отъ
Александра Егорыча. Остальные тетради ваши не посылаю
въ настоящее время потому, что онѣ еще не переплетены;
а не переплетены потому, что не знаю еще вашего мнѣнія
объ этомъ предметѣ, опасаясь, какъ бы вмѣсто услуги не
причинить вамъ огорченія своимъ неискуснымъ маразмомъ.
Надѣюсь узнать ваши мысли объ этомъ вскорѣ послѣ Пасхи
отъ Александра Егорыча, и тогда все сдѣлаю по вашему
желанію. Да вотъ еще и позабылъ было сказать вамъ о
старинной новости, которая имѣетъ повстрѣчаться со мною
въ завтрашній день. Завтра я имѣю отправиться вмѣстѣ
съ другими въ село Иваново, и тамъ отъ лица вашего ду-
маю засвидѣтельствовать почтеніе всѣмъ вашимъ роднымъ
и знакомымъ. Надѣюсь, что вы не почтете за это меня
дерзкимъ.

Не зная никого, и самъ не бывъ извѣстенъ никому изъ
вашихъ домашнихъ, я не смѣю свидѣтельствовать имъ мо-
его почтенія. Что касается до васъ лично, то имѣю честь
привѣтствовать васъ съ наступающею Великою седмицею
св. Четырехдесятницы, желаю счастливо встрѣтить в весело
провести праздникъ св. Пасхи.

Всѣ ваши старинные друзья и знакомые единогласно сви-
дѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе, — то и дѣло слышишь:
отъ меня напиши поклонъ, отъ меня засвидѣтельствуй по-
чтеніе, такъ что если-бы переносывать всѣхъ помянуто,
то, думаю, не достало-бы миниатюрнаго лоскуточка бумаги,
не достало бы и времени повѣствующему.

Не гнѣвайтесь на меня за сухость и холодность сего
письмеца — причины этого кажется вамъ извѣстны.

1842 г. Остаюсь всегда преданный вамъ покорный вашъ слуга Андрей Альбицкій“.

Далѣ слѣдуютъ собственноручныя приписки нижеподписывающихся лицъ.

Любезнѣйшему другу Ивану Михайловичу свидѣтельствую нижайшее почтеніе и желаю много лѣтъ священствовать. Желательно мнѣ было посѣтить васъ объ св. Пасхѣ; но къ несчастію остаюсь здѣсь во Владимірѣ.

Изв. вамъ Як. Обтемперавскій.

Яковъ Горицкій посылаетъ вамъ самый полновѣсный поклонъ. Завтра же онъ отправляется домой—на лыжахъ восторга въ объятія матери и къ о. Василию въ гости“.

29-го мая писалъ я въ Иваново къ своимъ роднымъ—зятю Василию Александровичу и сестрѣ Марьѣ Михайловнѣ Левашевымъ:

„Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ думается, какъ будто-бы я нѣсколько виноватъ предъ вами, что не писалъ вамъ около трехъ мѣсяцевъ ни одной строчки. Къ тому-же и было о чемъ писать, и нельзя пожаловаться на совершенный досугъ. Оправданіе нахожу для себя въ томъ только, что отъ васъ доселѣ не получаю отвѣта на мои письма. При семъ у меня та мысль, что или мои письма не доходятъ къ вамъ, какъ случилось съ первымъ письмомъ на святкахъ,—или Ѳедоръ Семенычъ ¹⁾ лѣнился отвѣчать. Если допустить первое,—то значить, что письменныя сношенія между нами должны быть очень рѣдки за тѣмъ, что вѣрныхъ окказій въ Иваново, не знаю, часто-ли можно встрѣчать въ Муромѣ. Если-же справедливо послѣднее: то Ѳедоръ Семенычъ остается виноватымъ, и не столько предо мною, сколько предъ своими родными, которые на сихъ дняхъ были у меня, и съ нетерпѣніемъ желаютъ знать о его положеніи. Впрочемъ, что-бы ни было причиною вашего молчанія,—рѣшился вѣрить почти еще одно письмо,—на которое покорнѣйше прошу васъ отвѣчать не письменнымъ посланіемъ, а личнымъ свиданіемъ. Я думаю понятно, о чемъ идетъ рѣчь. Если нѣтъ: то я вамъ объясню. Вотъ наступаетъ мѣсяць іюнь,—мало по малу приближается 25-е число;—это день нашихъ чудотворцевъ,—свѣтлый празд-

¹⁾ Виноградовъ, — діаконъ Единовѣрческой церкви въ гор. Ивановѣ; женагъ была на родной племянницѣ преосвященнаго Саввы. Скончался въ мартѣ 1897 года.

никъ града Мурома, — время прекрасное. Мнѣ-бы очень хотѣлось встрѣтить и проводить первый въ моей брачной жизни праздникъ съ вами, моими милыми родными. И чтобы могло воспрепятствовать вамъ удовлетворить моему усерднѣйшему и искреннему желанію? Скажете: служба по церкви, домашнія заботы и недосуги, дальнее разстояніе? У любящихъ искренно эти обстоятельства не должны быть препятствіемъ къ свиданію и посѣщенію любимаго. Особенно вы, сестрица, не думаю, чтобы измѣнили своему слову. И можете ли представить, какое удовольствіе принесете мнѣ своимъ посѣщеніемъ? — Съ какимъ удовольствіемъ я буду слушать разказы о вашемъ положеніи, о вашихъ Ивановскихъ новостяхъ. — Думаю, что надежда меня не обманетъ — видѣть хотя кого-нибудь изъ васъ у себя въ праздникъ. — Для надежнѣйшаго удовлетворенія моему желанію потрудитесь какънибудь съестись съ Горичкими; я приглашаю на праздникъ такъ же и тетюшку Татьяну Ивановну. Съ общаго согласія и общими силами вамъ будетъ легче и удобнѣе рѣшиться предпринять путешествіе. Впрочемъ, оставляю это вашему благоусмотрѣнію, — только не лишайте меня удовольствія видѣть васъ у себя. — Итакъ, до пріятнаго свиданія...

Между тѣмъ поразекажу вамъ кое-что о себѣ. Не смотри на то, что служу при безприходномъ соборѣ, я имѣю у себя духовныхъ дѣтокъ. Городничій и еще одна барыня, по преемству, избрали меня отцомъ духовнымъ. Могу похвалиться своими дѣтками, — люди очень хорошіе, хотя и не такъ щедры, какъ въ Ивановѣ; но эта общая черта всѣхъ Муромлянъ. На пятой недѣлѣ Великаго поста, въ день ангела своего, дѣлалъ вечеръ, — приглашалъ къ себѣ всѣхъ родныхъ, учителей и знакомыхъ дворянъ. Этотъ вечеръ стоилъ мнѣ рублей около 70-ти. Дѣлать нечего: съ волками жить, надобно по волчьи выть, — дѣло городское, и самъ частенько бывалъ на подобныхъ вечерахъ. Святую Пасху проводилъ довольно весело. Тутъ и познакомился со всѣмъ Муромомъ — были у всѣхъ почти дворянъ и богатыхъ купцовъ. Но это знакомство слишкомъ дорого стоило бы, если бы одинъ богатый купецъ — новый нашъ староста — не услужилъ намъ парочкой лошадей. Вамъ любопытно знать о нашихъ доходахъ? Доходы наши въ сравненіи съ Иванов-

1842 г. скими очень не велики: впрочемъ и мы въ св. Пасху находили на общество поболѣе двухъ сотъ рублей. Со времени поступленія моего, т. е. съ февраля и доселѣ я получилъ доходу отъ собора около двухъ сотъ, да отъ училища сто рублей жалованья. Но такихъ доходовъ на настоящіе мои расходы недостаточно; долженъ былъ одолжиться, и, благодаря Александру Алексѣвичу, — безъ малѣйшей отговорки и безъ всякихъ документовъ, получилъ отъ него сто рублей на исправленіе моихъ нуждъ. Авось какъ-нибудь при помощи Божіей поправлюсь. Недавно слышалъ я изъ Владиміра новость, для меня очень интересную. Слышно, что у насъ одинъ изъ учителей 3-го класса скоро, можетъ быть, перейдетъ въ семинарію, такъ какъ онъ изъ академіи. Это мѣсто семинарское начальство, по волѣ Владыки, думаетъ предоставить мнѣ. Очень хорошо, если-бы это сбылось..... И настоящее мое положеніе, слава Богу, хорошо — особенно тѣмъ, что я спокоенъ духомъ, живу со всѣми въ мирѣ, и съ семейными и съ сотоварищами по службѣ — соборной и училищной, — отъ начальства того и другаго пользуюсь добрымъ расположеніемъ, — особенно отъ о. протоіерея приобрѣлъ большую довѣренность — по собору. — При спокойствіи душевномъ наслаждаюсь легкимъ упражненіемъ въ обработываніи своего небольшого садика. Да я уже слишкомъ много наговорилъ вамъ, надобно поберечь что-нибудь для разговоровъ при личномъ свиданіи.

Анна Васильевна усердно желаетъ вамъ добраго здоровья, и вмѣстѣ со мною остается въ несомнѣнной надеждѣ видѣть васъ у себя на праздникъ, — и въ благодарность за ваше посѣщеніе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ ваканціи, какъ благопріятнѣйшаго времени быть у васъ.

Прощайте, — будьте здоровы, — по полученіи сего письма не медлите обдумывать планъ для путешествія къ вамъ.

Братъ вашъ, Муромскаго Б. собора свящ. І. Тихомировъ“.

„Любезные мои!

Федоръ Семёнычъ и Авдотья Васильевна!

будьте здоровы, счастливы и веселы.

Убѣдить васъ касательно посѣщенія меня на праздникъ, кажется, не слишкомъ трудно. Кромѣ моего собственнаго

приглашенія къ себѣ, я имѣю порученіе отъ вашихъ родныхъ просить васъ въ Муромъ непременно. Они крайне желаютъ видѣть васъ. Грѣшно вамъ будетъ отказать... 1842 г.

Сапінскіе кланяемся и цѣлуемъ.

Кланяйтесь отъ насъ Ивану Ивановичу и сестрицѣ Аннѣ Махайловнѣ, — предложите имъ, не угодно-ли и имъ вмѣстѣ съ вами посѣтить меня“.

9-го іюня писалъ мнѣ изъ Горицъ о. Василій Сапоровскій:

„Много протекло времени, какъ мы разстались и не видались; много, кажется, было случаевъ написать другъ къ другу, но ни тотъ ни другой не пишемъ и не писали. Признаюсь, что я ограничивался одними поклонами посредствомъ другихъ; мнѣ слѣдовало-бы васъ особеннымъ письмомъ возблагодарить за ваше при бракѣ угощеніе, но этого-то мнѣ не угодилось — и эту вину простите.

Изъ послѣдняго письма вашего къ отцу крестному, который удостоилъ меня прочесть, видѣлъ я и порадовался, что начало очень хорошо. Вы начали строить храмину земнаго блаженства не на песцѣ — не на хитрыхъ оборотахъ, лукавствѣ или самонадѣятельной гордости; но на твердыхъ основаніяхъ — на скромности, уваженіи и на любви не только къ ближнимъ, — и ко всѣмъ; на любви, говорю, которая, по словамъ апостола, есть союзъ совершенства, слѣдовательно и блаженства. Самъ Господь являетъ примѣръ и говорить: научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обряцете покой душамъ вашимъ. Вы нынѣ же пожинаете плоды — отъ собратій, отъ мірскихъ и отъ вышнихъ любимы. Держитесь любви, ревнуйте же дарованій большихъ, наче же духовныхъ, и вамъ Богъ покажетъ путь еще превосходнѣйшій.

Въ письмѣ вашемъ просите родныхъ на праздникъ, не знаю о семъ что сказать. Отецъ діаконъ отозвался мнѣ болѣзнію Татьяны Ивановны, а прочіе, что скажутъ, не извѣстно. — Вашъ теперь долгъ посѣтить деревенскую жизнь нашу и разсмотрѣть кущи и природу неподдѣльную, а простую натуральную. Посѣщеніе ваше и для меня интересно будетъ, — я надѣюсь, что и мой домишко не обойдете.

Въ ожиданіи и остаюсь, при засвидѣтельствovanіи вамъ

1842 г. и почтенной Аннѣ Васильевнѣ съ маминькой вашей и домашними моего усерднѣйшаго почитанія“.

4-го іюля получилъ я письмо изъ подгородняго села Малтиць (въ 20-ти верстахъ отъ Мурома) отъ окончившаго курсъ семинаріи, совоспитанника моего по бурсѣ Павла Степановича Гирсамова.

Онъ писалъ:

„Ваше Благословеніе,
отецъ Іоаннъ!

Какъ прежде коротко съ вами знакомый, считаю необходимымъ увѣдомить васъ, что я нахожусь вблизи отъ васъ, въ селѣ Малтицахъ на кондиціи у помѣщика Михаила Васильевича. Здѣсь я окруженъ поэзією, всѣми нѣжными утонченными удовольствіями свѣта. Но я еще не опомнился, ослѣпленный блескомъ новаго всего, я не успѣлъ еще раскрыть грудь свою, для того, чтобы она пила нѣгу этого, новаго, прекраснаго міра. Скоро я пойму этотъ міръ, полюблю его душою и тогда настанетъ для меня блаженная жизнь.

Я хотѣлъ ѣхать въ Муромъ вмѣстѣ съ бариномъ, но еще мало здѣсь поживъ. Черезъ недѣлю или двѣ прошу принять меня, какъ прежняго пріятеля. Мнѣ желательно посмотрѣть на васъ и видѣть ваше житье-бытье.

Михаилъ Васильевичъ и его супруга говорятъ объ васъ, что вы прекрасный, всѣми любимый священникъ, — только любо слушать!

Время коротко, лошади готовы. Оканчиваю.

Прощайте, до пріятнаго свиданія! Студентъ Владимірской семинаріи Павелъ Гирсамовъ“.

Помѣщикъ Михайла Васильичъ Языковъ, у котораго поселился Гирсамовъ, доводился моею тещѣ въ космъ-то родствѣ.

Гирсамовъ, родомъ изъ Холуйской слободы, отличался въ семинаріи поэтическимъ даромъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ Гирсамовъ снова писалъ мнѣ:

„Я получилъ, пріятный для меня, словесный отвѣтъ вашъ на мое письмо. Въ немъ вы изъявили готовность принять меня въ домъ свой. Это меня весьма обрадовало, и я горю нетерпѣніемъ побывать у васъ. Не много я жилъ здѣсь,

но много хорошаго отъ нѣсколькихъ людей слышала объ 1842 г.
васъ. Между прочими посѣтителами былъ у Михайла Васильевича отецъ протопопъ. „Богъ же дастъ, говорилъ онъ объ васъ, человѣку вся благая,—и уменъ и кротокъ, вообще имѣеть всѣ совершенства. Это мой отличный товарищъ. Преосвященному я почель долгомъ рекомендовать его отлично хорошимъ“. Вотъ слова его, и ихъ очень помню. Желать послѣ сего больше вамъ нечего, какъ только того, чтобы Богъ продлилъ до глубокой старости жизнь вашу, и сохранилъ во всей крѣпости ваше здоровье. Я думаю, и супруга ваша служить украшеніемъ вашего дома, какъ солнце въ полдень на ясной лазури служить великимъ украшеніемъ неба, по выраженію премудраго Сираха. Такъ подобно думать, судя по добротѣ и мудрому управленію покойнаго своимъ домомъ.

Право, я не нарадуюсь слыша объ васъ отзывы, какихъ лучше желать нельзя. Можно навѣрно ожидать, что ваши заслуги и впредь будутъ постоянно увеличиваться, равно какъ и награды за нихъ. Дай Богъ! Дай Богъ!“

7-го іюля получилъ я изъ Иванова отъ діакона Единовѣрческой церкви Θεодора Семеныча Виноградова, женатаго на дочери моей старшей сестры, письмо отъ 10-го іюня, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня, что онъ предъ Пасхой послалъ мнѣ два письма, что дѣло нашего Кохомскаго зятя проиграно, но онъ снова отпавился въ Петербургъ, что сестра моя Марья Михайловна не можетъ пріѣхать къ намъ въ гости на праздникъ Муромскихъ чудотворцевъ и проч...

21-го числа того-же іюля писалъ я въ Иваново зятю и сестрѣ:

„Очень сожалью, что не имѣлъ удовольствія видѣть васъ у себя во время праздника нашего; хотя и знаю, что причина, воспретившая вамъ посѣтить меня, весьма достаточна. Теперь не иначе могу удовлетворить своему желанію видѣться съ нами, какъ рѣшившись видѣть васъ у васъ же самихъ. Да, въ слѣдствіе моего обѣщанія и соотвѣтственно вашей просьбѣ, думаю совершить на первый разъ путешествіе къ милымъ своимъ роднымъ, тѣмъ болѣе, что этого сильно и рѣшительно желаетъ моя Анна Васильевна. Только намѣреніе не прежде можетъ исполниться, какъ въ по-

1842 г. слѣдней половиной августа, послѣ Архіерейскаго прїѣзда. Преосвященнаго ожидаемъ 8-го числа августа. 9-го обѣщался онъ, говорить, служить у насъ — въ соборѣ. Изъ Мурома, посѣтивши нѣкоторыя села за Окой, 14-го числа отправляется въ Меленки. Слѣдовательно 15-го числа я могу быть свободенъ, и можетъ быть, отправлюсь въ путь прямо въ Хотимль; оттуда, разумѣется, въ Горицы, — а потомъ чрезъ Кохму и къ вамъ. По моему соображенію, это должно быть числа 23-го или 24-го августа. Очень прискорбно будетъ, если что-нибудь воспрепятствуетъ исполниться этому взаимному нашему желанію. Тѣмъ болѣе, что если я не воспользуюсь нынѣшній годъ благопріятнѣйшимъ временемъ посѣтить васъ, — въ слѣдующее время, Богъ знаетъ, удастся-ли мнѣ это?

Прощайте. Въ надеждѣ прїятнаго свиданія съ вами остаемся — свящ. Іоаннъ и Анна Тихомировы“.

Въ первыхъ числахъ августа начались у насъ по собору дѣятельныя приготовленія къ встрѣчѣ Архипастыря. О. протоіерей Троепольскій, какъ начальникъ весьма заботливый и любящій во всемъ строгій порядокъ, не разъ собиралъ насъ въ соборѣ и дѣлалъ репетицію встрѣчи Архіерея. 8-го числа прибылъ въ Муромъ Владыка и подѣхалъ прямо къ собору, гдѣ собралось все градское духовенство. Послѣ обычной краткой литіи и многолѣтія, высокопреосвященный архіепископъ Парѣній, изъ собора отправился въ Благовѣщенскій монастырь, гдѣ онъ обыкновенно имѣлъ свое пребываніе, а въ слѣдъ за нимъ туда-же отправилось и духовенство для принятія архипастырскаго благословенія.

На другой день 9-го числа, Преосвященный служилъ въ соборѣ. Участвовалъ-ли я въ этомъ служеніи, не помню. Но на слѣдующій день, я съ тещею и съ ея малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ отправились въ квартиру Владыки принять его святительское благословеніе. Онъ благосклонно принялъ насъ и моею тещѣ пожаловалъ на ея домашнія нужды полу-имперіаль, — что принято было ею, разумѣется, съ чувствомъ глубокой признательности.

Проводивши изъ Мурома Владыку, я началъ собираться въ предположенный путь на родину. Сначала у меня была мысль начать посѣщеніе съ родныхъ Хотимильскихъ, у коихъ праздникъ Успенія Б. Матери былъ храмовый, тор-

жественный праздник: но, по неисправности недобросовѣстнаго извозчика, мы не могли выѣхать изъ дома до этого праздника, и выѣхали не ранѣе 16-го числа. Тогда я измѣнилъ планъ своей поѣздки и, вмѣсто Хотимля, началъ съ Иванова. По пути къ Иванову мы останавливались въ г. Ковровѣ, гдѣ нашли родственницу — помѣщицу Анну Абрамовну Гертигъ и были приняты ею радушно; за тѣмъ ночевали въ селѣ Лежневѣ у священника Льва Полисцова, о которомъ прежде была рѣчь. Числа 19-го приѣхали въ Иваново, гдѣ нашли, конечно, самый радужный пріемъ. Изъ Иванова, дня черезъ четыре или пять переселились въ Горлицы, на мою родину, гдѣ также оказанъ былъ намъ должный привѣтъ. 26-го числа мы приглашены были къ о. Василию Сапоровскому на чай запискою слѣдующаго содержания: „Покорнѣйше прошу по прежнему ко мнѣ расположенію съ почтеннѣйшею супругою вашею Анною Васильевною посѣтить мой домъ и напитаться чаю, а тѣмъ болѣе утвердить и дружество и родство, чего я отъ искренности желаю“. — Изъ Горлицъ, чрезъ Шую, проѣхали мы въ Хотимль и здѣсь провели день ангела моего добраго зятя Ивана Николаевича ¹⁾ (29-го числа). По пути изъ Хотимля заѣзжали въ село Пантелѣево къ родственному діакону Мануилу Петровичу, женатому на родной сестрѣ моего покойнаго тестя. Въ первыхъ числахъ сентября благополучно возвратились въ Муромъ, гдѣ ожидали меня училищныя занятія.

Между тѣмъ, пока я путешествовалъ на родину, теща моя, Прасковья Степановна, получила изъ г. Лебедина, Харьковской губерніи, отъ зятя своего, полковаго священника Василія Никитича Вознесенскаго утѣшительное письмо отъ 14-го августа. Вотъ что онъ писалъ ей:

„Любезная сестрица
Прасковья Степановна!

Весьма прискорбно слышать извѣстія, подобныя Вашимъ. Мы до сихъ поръ еще не свыклись съ мыслию о разлукѣ съ любезнымъ Васильемъ Васильевичемъ. До насъ, еще прежде вашего дошла эта скорбная вѣсть отъ сестрицы Надежды Степановны и мы, какъ пораженные, какъ ослѣбѣлые, не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ. О Господи,

¹⁾ Успенскаго.

1842 г. какъ неразгаданно совершаются судьбы Твои надъ нами грѣшными?—Думали-ль мы, прощаясь не надолго, прощаться на вѣки, и не встрѣтиться лицомъ къ лицу въ настоящей жизни?—Право, съ потерею покойныхъ Егора Ѳедорыча и Василья Васильича Муромъ потерялъ для меня много—много, почти всю цѣну. Тамъ я не встрѣчу уже тѣхъ, съ кѣмъ радъ-бы былъ подѣлиться и душой и сердцемъ, кого привыкъ любить и почитать своими. Ваше несчастіе есть вмѣстѣ и мое горе; я время отъ времени лишаюсь многихъ, къ кому отъ чистаго сердца преданъ былъ душой—и, это горе еще болѣе усиливается, что по моему положенію и отношеніямъ жизни, я какъ бы не успѣлъ доказать своего расположенія, не успѣлъ раскрыть вполне предъ вами своего сердца. Они, вѣрно, вмѣстѣ спятъ въ сырой землѣ, рядомъ возстанутъ и на послѣдній гласъ Ангела: признаюсь, и я бы хотѣлъ, когда Богу угодно будетъ потребовать меня отсюда, вмѣстѣ съ ними подъ однимъ дерномъ ждать будущаго воскресенія. А то, право, Богъ знаетъ, гдѣ достанется уложить себя, чья рука и какая земля закроютъ глаза мои. Знаю, мы увидимся съ ними, — но не здѣсь; можемъ имѣть съ ними сношенія, сообщенія и въ настоящей жизни, но только силою молитвы объ нихъ. Этотъ-то пламень преклоняетъ горній міръ къ дольнымъ, соединяетъ мертвыхъ съ живыми. Не хочу пускаться теперь въ объясненіе, какъ это бываетъ, но только бываетъ. Живые могутъ еще помогать мертвымъ, и мертвые еще не перестаютъ любить и за гробомъ живыхъ. Будемъ же, какъ можно больше молиться объ нихъ, чтобы и они не охладѣли къ намъ своею любовію.

Не думайте, что бы я въ настоящее время думалъ утѣшать васъ силою слова; нѣтъ, я знаю сердце человѣческое. На языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ словъ, нѣтъ такихъ убѣжденій, отъ которыхъ-бы закрывались раны, подобныя вашимъ. Но у Того, Кто посылаетъ на насъ такія лишенія, есть цѣлительный бальзамъ отъ всего. Гдѣ несчастія, бѣды, крестъ, тамъ непременно посылаетъ Онъ и вѣру и терпѣніе, могущее противостать и переицать. Изъ любви къ нему многіе не только не жалѣли объ умершихъ; но и сами съ радостію шли на смерть. Богъ, какъ врачъ душъ нашихъ, знаетъ какія кому прописать лѣкарства для исцѣ-

ленія. Онъ отдалъ за насъ Свою плоть и кровь; цѣною 1842 г.
 позорной смерти купилъ избавленіе, спасеніе наше. Ему-ли,
 Всевѣдущему, Всемогущему не знать, какія употребить
 средства, которыя-бы привели человѣка къ извѣстной бла-
 годатной цѣли. Если дѣкарства, если несчастія, по чув-
 ственнымъ нашимъ понятіямъ, кажутся намъ слишкомъ про-
 тивны и тяжелы: то въ этомъ особенно является любовь и
 благодать Господня. Сильно больнымъ даютъ сильныя рѣ-
 шительныя средства. Кто звасть, можетъ быть, безъ этихъ
 средствъ, которыми Богъ опамятоваетъ насъ, указываетъ
 на настоящую цѣль жизни, мы забылись-бы и жили по своей
 буйной волѣ. Богъ—любовь есть. Вѣдь мы сами же ставимъ
 кресты на могилѣ покойниковъ; а что они значать? что мы
 хотимъ этимъ показать? — Спросите-ка, авъ и выйдетъ:
 „Господи, да будетъ святая воля Твоя! Ты отнялъ отца у
 дѣтей и вѣрно не оставишь Своимъ отеческимъ попеченіемъ
 объ нихъ!“

О перешедшихъ же за рубежъ жизни говоритъ Боже-
 ственный Мудрецъ, что они покойнѣе всѣхъ. И правда,
 они, я думаю, съ горестію смотрятъ оттуда на насъ, на
 нашу бѣдную, суетную, ничтожную жизнь. Изъ нихъ вѣрно
 бы теперь ни одинъ не пожелалъ возвратиться изъ-за пре-
 дѣловъ вѣчной, блаженной жизни. Смерть наша—настоящее
 рожденіе младенца. Хорошо-ли ему въ утробѣ матери?
 Однако, онъ плачетъ, иногда очень сильно плачетъ раз-
 ставаясь съ ней;—новая жизнь ему не правится, свѣтъ
 для него противенъ; но обжившись, разсмотрѣвшись, онъ
 вѣрно не перемѣнитъ настоящаго своего положенія, на
 прошедшее. Въ Алкоранѣ есть одно весьма дѣльное пра-
 вило, почти на этотъ предметъ, кажется; такъ оно читается,
 не помню:

„Человѣкъ, когда ты родился, то всѣ радовались, одинъ
 ты плакалъ; живи-же такъ на свѣтѣ, чтобы въ часъ смерти
 твоей всѣ плакали, одинъ бы ты радовался“.

Они видятъ теперь тамъ то, во что мы только вѣруемъ.
 Да будетъ-же имъ вѣчная память! Будемъ больше молиться
 объ нихъ, какъ можно больше.

Смерть сравнить съ рожденіемъ младенца привело мнѣ
 на память рожденіе сына нашего Александра. Третьяго дни
 Богъ разрѣшилъ Екатерину Степановну. Слава тебѣ Го-

1842 г. споди! Законъ Божій: „и въ болѣзвѣхъ родиши чадъ своихъ“ — тяготѣеть на ней, — и вѣрно по грѣхамъ нашимъ, — кажется больше, нежели на прочемъ сѣмени жены. И теперь еще она очень, очень слаба, не можетъ почти пошевелиться сама. Кромѣ того лихорадка, жаръ, ну, просто не знаю, что и дѣлать. Самъ вотъ уже и не прилегалъ двое сутокъ. Дитя кричитъ, безпрестанно кричитъ, и день, и ночь. Бабка — дрянь — не умѣетъ даже дитя спеленать, и это тѣмъ досаднѣе, что самая лучшая, самая хваленая, и уважаемая цѣлымъ округомъ и жила у насъ еще до этого цѣлыхъ пять недѣль. Вотъ какъ мы ошиблись въ расчетѣ! А все самъ. Жалко, что безпрестаннымъ крикомъ мы безпокоюмъ малютку, а ей бы очень, очень нуженъ покой. Что это за пресквернѣйшій тутъ народъ, особенно женщины — Боже уваси! Я плачу работницѣ 60 р. въ годъ. Все мое отъ ногъ до головы, — отъ чулка и башмака — до платка и юбки, — повѣрите ли, — дура душой, не умѣетъ ни борщу сварить, ни каши, ни даже хлѣба испечь? „Ни, каже, я нюмію“. А полъ вымыть, оборони Господи! Пьяницы, бестіи, все распутныя, все до одной. Ну, представьте, мамкѣ я бы теперь охотно, весьма охотно заплатилъ сто — даже до полутреста рублей; да нѣтъ! „Ни схочу“, да и баста! а схочетъ, такъ черезъ триждень (недѣлю) видетъ, или видетъ съ дитятей до шинка. Не знаю, каково-то намъ будетъ въ новомъ мѣстѣ? Если Богъ подастъ полегче малюткѣ, то недѣля черезъ двѣ надобно пуститься въ путь дороженьку къ новому мѣсту службы въ Таганрогъ. Не знаю, не помню, писалъ ли я о новомъ назначеніи своемъ къ сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ, — но помню, что я писалъ къ ней что-то много. Я назначенъ въ Кавказскій и Грузинскій резервные линейные баталіоны, — расположенные, какъ слышно, постоянно въ г. Таганрогъ. Подивитесь же вотъ судьбѣ моей! Не Богъ ли посылаетъ для меня новый крестъ и искушеніе — даже этимъ назначеніемъ. Вотъ четвертый годъ, какъ я прошусь у оберъ-священника перевести меня въ какую-либо часть войска, только въ Россію? Не тутъ-то было! Не жалко, если бы ужъ не манили, не обѣщались; нѣтъ, всегда обѣщаютъ, всегда пишутъ, что непременно будетъ удовлетворено мое прошеніе при первомъ открывшемся случаѣ. — О, Петербургская политика! — Право, подумаешь судьба, какъ какой-нибудь ба-

рань круторогій, стоитъ мнѣ на пути къ сѣверу. Никакъ 1842 г. не перешагнешь за рубежь глупѣйшей хохландіи. Другому, такъ право—счастье. Чего и во снѣ ему не представлялось никогда—бываетъ! Это у насъ клеймится понятіемъ: „везеть“. Коль везеть, такъ ужъ и тамъ растутъ и цвѣтутъ розы, гдѣ прежде была одна крапива. Теперь, мнѣ кажется, и подавно нельзя ожидать милостей отъ сѣвера, потому что я посчитался съ своимъ Кутневичемъ ¹⁾, кажется, на порядкахъ. Да и Богъ съ ними! Вѣчно возиться, таскаться, особенно по этимъ глупымъ резервамъ, право соскучилось. Кажется, дальше будущаго года, я служить не намѣренъ. Посмотрю, что будетъ въ новомъ мѣстѣ. Развѣ постараюсь еще отдать въ училище дѣтей своихъ, чтобъ имѣть въ этомъ небольшую выгодишку.

Да, я просилъ Надежду Степановну, не возьмется ли кто изъ нашихъ, взять на свое попеченіе дѣтей моихъ? Дать имъ, разумѣется, столъ, квартиру, въ свободное время заняться съ ними, присмотрѣть за ними, а они, между тѣмъ, будутъ ходить въ училище. Въ исправности платежа за это, по условію, я ручаюсь. Неужели нѣтъ никого охотниковъ, неужели у всѣхъ бездна дѣла, даже и у молодыхъ? Попрошите, сдѣлайте одолженіе, высказать мнѣ объ этомъ всю правду. Я, право, надѣялся и ждалъ; это задерживаетъ и разстроиваетъ другіе мои планы.

Извините, любезная сестрица, что я по моимъ обстоятельствамъ, не могу много писать теперь. И голова, и руки, и ноги, теперь все занято.

Поклонитесь отъ насъ, сдѣлайте одолженіе, всѣмъ, кто насъ помнитъ. Отъ любезной сестрицы, Надежды Степановны, я уже давно, давно жду извѣстія. Василій Степанычъ вѣрно уже и писать разучился.

Поклонитесь отъ насъ новому сыну вашему Ив. Михайлычу. Дай Богъ, что бы онъ вамъ былъ—истинно — сынъ. Господи! Думали-ль вы, сестрица, быть такъ скоро, точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ покойные ваши родители?... На все воля Божія!“

Въ послѣднихъ числахъ августа еще разъ писалъ мнѣ изъ села Мальтиць П. С. Гирсамовъ:

¹⁾ Васи́лемъ Ивановичемъ, тогдашнимъ оберъ-свѣщенникомъ арміи и флотовъ († 1865 г. 26 апр.).

1842 г.

„Извините меня, необходимость въ третій разъ заставляетъ меня къ вамъ адресоваться. Въ другой, посланной мною къ вамъ, запискѣ, объяснилъ я, что изъ Пензы отъ брата моего Федора Еммануиловича должно быть прислано въ этихъ числахъ на ваше имя письмо, въ отвѣтъ на мое письмо. Если оно уже прислано, то прошу передать его мнѣ въ Мальтицы съ подателемъ этой записки. Если придетъ оно гораздо позже, то прошу васъ прислать его мнѣ во Владиміръ, ибо 3 сентября я туда отправлюсь и проживу тамъ, можетъ быть, долго...

Я ожидалъ, что свѣтскій блескъ, который ослѣпилъ меня сначала въ здѣшнемъ домѣ, удовлетворитъ вселѣ мои желанія, но эта мишура, показавъ свою малоцѣнность, начала отравлять мою душу горькою тоскою. Въ другомъ мѣстѣ свѣтъ можетъ быть долѣе производить пріятныя впечатлѣнія на сердце, но здѣсь онъ мнѣ опротивѣлъ, въ столь короткое время. Поэтому я сталъ просить у барина такого жалованья, которое впрямь платить мнѣ онъ отказывается. Итакъ, получивъ за мѣсяць требуемую плату, я отправлюсь во Владиміръ, гдѣ надѣюсь найти кондиціи. Если не найду, то у меня готова кондиція въ 5-ти верстахъ отъ родины. Я раскаиваюсь теперь, что не пошелъ, приглашаемый прежде, нежели сюда пріѣхалъ, на эту кондицію. Близъ дома, безъ сомнѣнія, я нашель-бы чѣмъ разсѣять скуку, которую здѣсь прогнать не въ состоянн.

Извините меня, въ другой разъ прошу, что я безпокою васъ разговоромъ всего того, что у меня на сердцѣ. Право, здѣсь не съ кѣмъ побесѣдовать откровенно, — а это для меня несносно. Лучше, мнѣ кажется, жить въ бѣдности, но имѣть, съ кѣмъ-бы можно было раздѣлить все душевныя движенія, нежели быть окруженнымъ мірскимъ блескомъ, и между тѣмъ подъ гнетомъ модныхъ приличій подавлять то, что просится изъ груди, и не видѣть ни въ комъ искренняго простосердечія. Въ таковыхъ обстоятельствахъ я весьма радъ, что нахожу въ васъ знакома, если смѣю сказать, друга, которому безъ всякаго опасенія могу повѣрить свои мысли и чувства. Только прошу извинить, что эти мысли и чувства, по невозможности на долгое время уединить себя, я изливаю не заботясь о слогѣ и связи, и при томъ безъ аккуратности въ письмѣ“.

8-го сентября, день Рождества Пресвятыя Богородицы, 1842 г. храмовый праздникъ въ нашемъ соборѣ. Служеніе, по возможности, торжественное; множество богомольцевъ; у настоятеля послѣ обѣдни небольшая закуска для избранныхъ особъ: вотъ и вся исторія праздника.

15-го числа писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Имѣемъ пріятный долгъ благодарить васъ за ваше ласковое, чисто родственное угощеніе. Но я съ своей стороны обязанъ тѣмъ болѣе благодарить васъ, что моя Аннушка остается крайне довольна вами, и вообще всеми моими родными, — что для меня весьма пріятно. Теперь будемъ ожидать благопріятнаго времени видѣть васъ у себя, чтобъ не остаться намъ въ долгу. Надѣмся, что вы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не откажетесь посѣтить насъ.

Путешествіе свое мы совершили, слава Богу, благополучно. Прибыли домой утромъ 2-го сентября. Здѣсь, въ наше отсутствіе, такъ же не произошло ничего для насъ непріятнаго.

Теперь жизнь наша течетъ опять своей обычной чередою. Не давно мы праздновали свой главный праздникъ—день Рождества Богородицы. У васъ праздники не такъ празднуются, какъ въ селахъ. Гостей не бываетъ никого. Можетъ быть потому, что у насъ каждый день бываетъ праздникъ“.

Не могу не помѣстить здѣсь сохранившагося у меня между бумагами интереснаго письма помянутаго выше священника В. Н. Вознесенскаго къ старшей сестрѣ моей тещи, Надеждѣ Степановнѣ Аменицкой. Вотъ что писалъ онъ ей изъ Таганрога отъ 4-го октября:

„Вотъ мы и въ Таганрогѣ! И не опомнюсь еще, куда судьба занесла меня? Городъ, правда, большой, красивый, съ гаванью, какъ, бывало, твердили мы за изрѣзанной партой; разгуляться есть гдѣ:—да—ба! иль бы тату мидь—да ба! говорятъ хохлы. Провались все эти приморскіе города! въ нихъ привольно съ большимъ — мало съ большимъ — огромнымъ карманомъ. Мы сами думали: вотъ тамъ—то поживемъ, а выходитъ не такъ. Надежды, вѣрно, все обманчивы въ мірѣ. Мы попали, просто, изъ огня въ полымя, или изъ ямы въ омутъ. Здѣсь такая дороговизна—приступу нѣтъ. Не знаю, какъ Богъ сподобитъ прокоротать хоть

1842 г. эту зиму. Дрова рублей до ста сажень, объ нихъ и думать нечего;—а не угодно-ли согрѣваться соломкой, бурьяномъ?—но и за нихъ надобно платить рублей 15—20-ть за возокъ, не говорю за возъ. Самый навозъ, съ позволенія сказать, который то-же здѣсь въ большемъ употребленіи, платится рублей 25-ть за тысячу. Его выдѣлываютъ здѣсь съ примѣсью земли въ видѣ кирпича и употребляютъ для печей. Воду покупаютъ версты за три отъ города, въ колодецѣ по рублю бочку иль по 5-ти копѣекъ ведро. Хлѣбъ и всѣ жизненные припасы гораздо дороже обѣихъ столицъ. Если на мысль взбредеть покупать телятинки—не угодно-ли заплатить гривень по шести фунтикъ.—Правда, много бываетъ рыбы, осетровъ, стерлядей, севрюги; теперь мы ею живемъ и движемся, платимъ копѣекъ по 12-ти или по 14-ти фунтъ—живьемъ; но пройдетъ пора—и то, что покупалось по 5-ти копѣекъ фунтъ, повѣрите-ли, надобно платить по рублю. Таковъ Таганрогъ! А — запасться нашему брату—бобылю, въ буквальномъ смыслѣ—движущемуся, нѣтъ никакой возможности. Мы не возимъ съ собой ни погребовъ, ни кадусекъ—а кадусечка здѣсь ведра въ два-въ три, рублей 10—11-ть. Мое почтеніе! Здѣсь, развѣ, только нужно спѣшить лакомиться арбузами, которые славятся во всей Украинѣ. Я купилъ ихъ недавно три воза, штукъ 600 огромныхъ за два цѣлковыхъ: по крайней мѣрѣ подспорье водѣ, надъ которою теперь дрожимъ мы, какъ надъ какимъ-нибудь нектаромъ. Господи! чего-то судьба не приводила испытать насъ. Шельмовская служба! какъ говаривалъ, бывало, одинъ нашъ докторъ—землякъ. Вѣдь водить-же по такимъ закоулкамъ. Курочекъ, цыплятокъ, индѣекъ, къ которымъ было уже такъ привыкъ нашъ гастрономическій департаментъ, и которыхъ мы прежде имѣли почти за ничто: нѣтъ, здѣсь имъ откланяйтесь; въ Таганрогѣ они въ большей чести и славѣ, чѣмъ Римскіе гуси, что спасли капитолій. Проклятый народъ—эти негоціанты—эта вся чурмазан дрянъ, начинная отъ Архипелага до Рейна! Бросаетъ деньги ни почему. Намъ бѣднякамъ приходится частенько поститься изъ-за ихъ милости, изъ-за этихъ варваровъ—пришельцевъ.

Квартиру отвели мнѣ здѣсь, правда, довольно порядочную; четыре комнаты съ паркетными полами: но далеко

отъ центра города, на берегу самаго моря, такъ что 1842 г.
 взбрызги его едва-едва не достаютъ до самыхъ оконъ. Этотъ
 сосѣдь то-же не слишкомъ пріятель. Онъ дышетъ чрезвы-
 чайно не здорово: у него не зѣвай;—надобно быть всегда
 на сторожѣ; иначе придется поплатиться дорого. Это не-
 пріятно: тѣмъ болѣе, что здоровье мое стало какъ-то хи-
 ловато. Да, ужь Господи! хоть-бы море-то было, какъ
 море, а то, просто, лужа въ сравненіи съ Чернымъ, ко-
 торымъ мы такъ много любовались съ Севастополѣ. По
 этой лужѣ бродить-бы только курамъ: такъ нѣтъ вишь,
 лукаво тоже, бурлитъ по временамъ. Поди, суди по рожѣ-
 то. Наружность, вѣрно, всегда бываетъ обманчива. А всего
 непріятнѣе то, что до лазарета и до базара версты двѣ:
 прошу прогуливаться; измучился, какъ бестія!—А еще не-
 пріятнѣе... такъ это сосѣдство съ Кавказомъ... Насъ судьба
 какъ—то все поближе подвигаетъ туда; какъ бы совсѣмъ
 не турнула? Катерина Степановна этого чрезвычайно боится—
 а потому на слѣдующее лѣто, если Богъ дастъ здоровье,
 мы замышляемъ оставить вовсе службу. Да и въ самомъ
 дѣлѣ Богъ съ ней! будетъ, потаскались: пора и къ берегу.
 Десять лѣтъ вѣдь не шутка: по неволѣ посѣдѣешь.
 Лбомъ стѣны не прошибешь. Что служить, чего доби-
 ваться, когда явнымъ образомъ не везеть? Вѣдь тому хо-
 рошо служить, у кого летаетъ передъ взоромъ вереница
 надеждъ, кому будущее представляется въ самыхъ радуж-
 ныхъ переливахъ; у кого есть кому похлопотать, полазить,
 а у насъ?... Я бобыль на бѣломъ свѣтѣ!! Личныя достоинства
 нынѣ скорѣе унижать, затопчуть, нежели дадутъ ходъ и
 выставятъ на показъ. Повѣрьте—это правда, это ак-
 сіома въ 19-вѣкѣ.—Что дѣлать, надо всего отвѣдать,—
 отпробовать всѣ стороны жизни и—тогда на вѣчный по-
 кой—на постоянныя квартиры. Порыскали, поглазѣли на
 свѣтъ и людей—надобно пожить и въ деревнѣ, поглотать
 черстватаго хлѣба. Да и въ самомъ дѣлѣ, заняться нужно и
 дѣтьми—я ихъ, кажется, много, много запустилъ съ этими
 болѣзнями и съ этими переводами и переѣздами!.. Правда,
 признаюсь, я бы самъ себѣ проложилъ дорожку, но Ка-
 терина Степановна?... Вотъ запитая!... Тутъ ничего не
 сдѣлаешь. Никакіе доводы не помогутъ. Слѣдовательно,

1842 г. надобно повиноваться. Семейный человекъ долженъ жить не одною своею волею: хотя это и не къ лучшему.

Дальше: прислугу здѣсь нанять — тоже — бѣда! рублей двѣсти въ годъ надобно заплатить какой-нибудь паршивой дѣвчонкѣ, которая едва-едва въ состояніи подмести вамъ комнату. Да и то съ большими условіями: чтобъ былъ для нея непременно чай по утру и кофе въ вечеру. Каково?! Здѣсь такъ. Здѣсь все на барскую ногу. Иной нужники чистить, — а чашка кофею для него нужна, какъ азотъ и кислородъ для жизни, для дыханія, какъ хлѣбъ насущный. Платье выстирать эта наемка не съумѣетъ, надобно нанять другую, платить по 1 р. 20-ти копѣекъ въ день — лѣтомъ, — и два рубли зимой. Бѣсть сварить ее тоже не заставляйте — она съумѣетъ развѣ только съѣсть. Мы живемъ теперь только съ двумя москалями. Нужда выучить калачи ѣсть. Эта мудрая пословица осуществляется для насъ здѣсь въ полномъ смыслѣ. По невозможности печь, мы покунаемъ булки съ базара и на 80-ть копѣекъ въ день намъ не хватаетъ. Вотъ бы гдѣ нужно подіетничать — такъ нѣтъ; здѣсь-то и ѣтся больше. Право!...

Церковь отвели мнѣ въ греческомъ Іерусалимскомъ монастырѣ. Іерусалимскимъ называется онъ потому, что зависитъ отъ Іерусалимскаго патріарха. Въ немъ только одинъ архимандритъ, два іеромонаха и одинъ іеродіаконъ — все, разумѣется, греки. Въ этомъ монастырѣ стояло шесть недѣль тѣло покойнаго Государя, и два раза въ день ѣздила сюда покойная Императрица для службы панихиды. Мнѣ отвели тотъ самый Александро-новскій престоль, надъ которымъ и до днесь балдахинъ со всеми эмблемами и украшеніями, балдахинъ, осѣнявшій катафалкъ Александра. Въ первый разъ служилъ я почти по гречески. Дьяконъ-грекъ весьма мало знаетъ по русски. Апостоль читался по русски; на клиросахъ: на одномъ по русски, на другомъ по гречески. Потѣха! но да восхвалятъ Господа вси языцы!

Вы, можетъ, захотите знать, каковъ былъ вояжъ мой изъ Лебедина, до Таганрога? — Поэтическаго мало. Въжали-ли вы когда-нибудь, чтобы стахъ на двухъ верстахъ не встрѣтить ни одного порядочнаго человѣческаго жилья, въ которомъ-бы можно укрыться отъ бурь и непогодъ и дать покой растрасеннымъ костямъ своимъ? Въ Екатеринославской

губерніи—въ краю степей и вьюгъ, вы это встрѣтите—и 1842 г. признаюсь, не порадуетесь. Здѣсь развѣ можно встрѣтить кое-гдѣ разбросанные—такъ называемые — трактиры—грязные, отъ которыхъ за полверсты пахнетъ гнилью и водкой, въ которыхъ ни ѣсть, ни пить не достанешь и въ которыхъ промотавшійся казакъ дереть съ васъ въ десятеро, за то, что вы-же сдѣлали ему честь угостили его блохъ и мышей на славу. Ихъ у него всегда цѣлые рои—опъ, по-видимому, морить ихъ голодомъ, чтобы дать за то полный пиръ на шерамыжку, на счетъ проѣзжающихъ. Хитрый народъ эти донцы: но все въ 10-ть, въ 100, въ тысячу разъ благороднѣе поганого хохла. За то здѣсь греки-единовѣрцы наши — ну просто, мое почтеніе. Не даромъ говорятъ—по неволѣ повѣришь, что изъ семи жидовъ вытапливается одинъ грекъ.

Впрочемъ, мы ѣхали съ своей походной музыкой — съ трехъ-недѣльнымъ сыномъ Александромъ! Богъ послалъ намъ его 9-го августа въ 5-мъ часу пополудни, въ самую ужасную грозу. Грозный, правда, даже больно грозный; не знаемъ какъ и быть и сладить съ нимъ. 1-го сентября пустились уже въ путь. Саша въ дорогѣ былъ еще довольно покоенъ—коляска у меня для дороги славная, съ фордекомъ со стеклами, какъ въ комнатѣ. Тамъ и перевивали все: но теперь, бѣдный, что-то захирѣлъ. Это можетъ отъ того, что мамку вывезли мы изъ Лебедина такую дрянъ — мочи нѣтъ! Глуха, дурна, неповоротлива, ну просто пень, колода, бревно, тупица, обухъ въ человѣческомъ образѣ. Не знаю какъ быть дальше. На рожкъ же здѣсь — и думать нельзя.

Какъ встрѣтили меня здѣсь свои? Новое стадо мое? Отраднато мало! да и ожидать нельзя — резервы. Ничего нѣтъ сквернѣе, какъ перемѣна мѣста. Новыя все лица: не знаешь ихъ ни обыкновеній, ни образа мыслей; равно и они смотрять на тебя, какъ на оборотня. Долго не приладишься; а иногда одна неумѣстная выходка, одинъ маленький капризецъ, повлечетъ за собой большія слѣдствія и на долго.

Здѣсь долго меня ждали. Признаться, я много просрочилъ, мѣсяца три прожилъ въ Лебединѣ.

Но я имѣлъ законныя причины: а самая законнѣйшая

1842 г. была та, что мнѣ чрезвычайно не хотѣлось ѣхать въ эти проклятыя резервы. Я долго спорилъ, отговаривался, даже доходило дѣло чуть не до ругани съ оберъ-священникомъ— и все думалъ отлынять какъ нибудь; да нѣтъ! Вѣрно Богу не угодно было еще сблизить меня съ вами. А можетъ быть этими неудачами, Провидѣніе видимо отвлекаетъ меня отъ этого рода службы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь и послѣдніе штанишки проживешь. Я имѣлъ дерзость напомнить даже Кутневичу, что онъ не господинъ своему слову, что онъ водить меня вотъ уже 4-й годъ одними обѣщаніями. Но онъ, какъ Пилать: „еже писахъ—писахъ“,—говорить: не понравится—тогда можешь проситься, а теперь, вишь, мѣсть у него нѣтъ тамъ, гдѣ мнѣ хочется.

Да!—такъ пріѣхавши сюда при первой встрѣчѣ съ генераломъ у насъ что-то пошло и вкривъ и вкось. Онъ по-неостерегся напомнить мнѣ, что я долго просрочилъ, что будто-бы хотѣлъ меня представить къ выключкѣ. Видите, сестрица, тяжела подобная пища для щекотливаго самолюбія: желудокъ мой не переварилъ ее. Я съ своей стороны отблагодарилъ генерала, объяснилъ ему „что онъ весьма большое сдѣлалъ-бы для меня одолженіе, еслибъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе; что мнѣ такъ не хотѣлось въ эти несчастныя резервы.—Я всѣми силами отговаривался у своего начальства, что я почитаю для себя величайшимъ несчастіемъ этотъ переводъ, что онъ своимъ представленіемъ помогъ-бы мнѣ достигнуть моихъ цѣлей“.—Замолчалъ. А кажется, парень не глупый. Другой разъ. У него обыкновеніе докладывать о приходящихъ, а потому приходится иногда подождать въ залѣ и долговко. Такъ было и со мной;—но я, подождавши минутъ десять—дай Богъ ноги: схвата въ охапку кушакъ и шапку,—безъ памяти домой. Признаюсь, со мной этого не случалось еще въ продолженіе всей моей службы. Послѣ, когда онъ попросилъ меня къ себѣ чрезъ человѣка, его превосходительству доложили, что священникъ ушелъ. Если не фафлыга, долженъ же принять всѣ эти вещи въ соображеніе. А у меня ужъ такъ печь печеть, такой характеръ, что никакъ ужъ не соглашусь пойти еще, пока не пригласятъ.

Про офицеровъ и говорить нечего—резервы. Впрочемъ, я ихъ и не знаю. Полковникъ, говорятъ, скрываетъ ужаснѣй-

шая: воплощенный жидъ! Вѣрно къ нашему берегу ничего 1842 г.
не приплыветъ хорошаго. Сверхъ всего этого, самолюбивъ,
какъ свинья, и гордъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, и глухъ,
кажется, какъ моська. — Впрочемъ, я самъ совершенно не
разучилъ еще: проявляются черты похожія и на человѣче-
скія. За то жена? жена? о! бой баба, — молодецъ! Онъ съ
ней далеко уѣдетъ. Ему бы, кажется, никогда не бывать
и подполковникомъ, еслибъ не его супруга.

Видите, сестрица, въ какія я мелочи пустился, какъ
мнѣ хочется побольше поговорить, побесѣдовать съ вами.
Я готовъ бы цѣлый мѣсяцъ не оторваться отъ пера; да
дѣла — дѣла — кучи, хлопочу, какъ угорѣлый. Хочется и
квартиру переменить и то и се, нѣтъ ни церковниковъ, ни
прислуги женской — усталъ, какъ бестія. Отъ меня до ба-
зара — слишкомъ версты двѣ, прошу промаршировать каж-
дый день! Насилу, сестрица, собрался написать кое-что и
вамъ — и то ущипками, урывками, не знаю, право, что и
написалъ. До сихъ поръ не былъ еще во дворцѣ. — Вѣрно,
круто — не до дворца! Въ добавокъ замѣтить надобно, что
у меня въ дорогѣ деньщикъ, бестія, бѣжалъ. Недавно по-
лучили бумагу, что его шлютъ по пересылкѣ и надобно
еще платить за каналью кормовые. Бѣда со всѣхъ сто-
ронъ. — Но простите, любезная сестрица, всего вдругъ не на-
пишешь. Обѣщаю продолженіе впередъ. Катерина Степановна
возится съ своимъ Александромъ. Охъ! Какъ беспокоитъ
онъ ее. Пришла и ей служба! Всѣмъ сестрамъ — по серь-
гамъ. — Отъ души, съ братскою преданностію любящій братъ
вашъ священникъ Василій Вознесенскій. Октября 4-го дня
1842 года. Таган-рогъ”.

17-го октября получилъ я укоризненное посланіе отъ
своего школьнаго товарища и друга, о. Граменицкаго.
Онъ писалъ мнѣ отъ 6-го числа:

„Давно, другъ, не слышу о васъ прямой вѣсти. Зимой
послалъ къ вамъ по почтѣ письмо, которое, надѣюсь, вы
получили; но отвѣта на оное услышать меня не удостоили.
До сихъ поръ все жду отъ васъ дружественнаго извѣстія,
но тщетно. Чему приписать это? Не знаю. Вашей забыв-
чивости прежняго дружества и прежнихъ обѣтовъ? Но, пред-
ставляя васъ человѣкомъ благороднаго и строгаго въ испол-
неніи своихъ обѣщаній, не смѣю думать, что бы вы со-

1842 г. совершенно забыли того, съ кѣмъ 6 лѣтъ взаимно дѣлились искренними мыслями и чувствами, — не смѣю думать, чтобы вы были нарушителемъ вашихъ словъ. Множеству хлопотъ и безпокойствъ вашихъ по должности? Но все-таки бы могли вы найти 5 минутъ свободы и начертить полторы строки въ знакъ памяти прежнихъ отношеній нашихъ. Отъ чего бы то ни происходило ваше молчаніе, но я, судя по своему сердцу, которое часто воспламеняется пріятнымъ воспоминаніемъ о прежнемъ минувшемъ, часто стремится излить свои чувствованія къ прежнему искреннему ближнему, не думаю и объ васъ, чтобы ваше молчаніе происходило отъ охлажденія или переменъ сердечной, не думаю, чтобы для васъ не было не пріятно побесѣдовать хотя письменно съ однимъ изъ собесѣдниковъ малыхъ. Съ чего же начать съ вами бесѣдовать? Чрезъ столь долгое время, не объясняясь съ вами, почти не знаю что и сказать сначала. Кажется писалъ я вамъ предъ великимъ постомъ, такъ хотя кратко и начну съ тѣхъ поръ. Обыкновенно въ святую четырехдесятницу только и было, что возраждать покаяніемъ и евхаристіею духовныхъ чадъ своихъ. Во время свѣтлыхъ седмицы тоже, думаю, извѣстна моя работа — славословить въ приходскихъ домахъ, воскресшаго изъ мертвыхъ, Спасителя. Послѣ Пасхи ѣздилъ на родину и въ это время сгорѣлъ погостъ Никологорскій, слѣдовательно и мои родные; жалкое представленіе! Далѣе, всю весну ходилъ въ приходскія деревни съ образами — въ праздники по нашему обыкновенію, потомъ съ Троицкими молебнами: ибо живоначальная Троица у насъ храмъ. За симъ что слѣдуетъ? Слѣдуетъ дѣло великое: Петровскій мой сборъ по приходу, — и чѣмъ же? Сметаною. Ахъ, другъ, какъ низко, какъ смѣшно: и дѣлать нечего, долженъ повиноваться обыкновенію; да еще спасибо около сихъ штукъ хлопочетъ по большей части мой престарѣлый дѣдушка. Послѣ сего, набравши оной пуда на 2 масла, принялся за сѣнокосъ, и по причинѣ частыхъ дождей возился съ нимъ до половины августа, а тутъ уборка ржаного и яроваго хлѣба и все дѣло за дѣломъ, — некогда посидѣть на мѣстѣ; хотя все работаетъ помочами, но и самъ отъ хлопотъ не избавишься — во всякомъ мѣстѣ потребенъ присмотръ собственный. И такимъ образомъ время-то шло, да шло да пришло подъ бокъ къ

празднику Воздвиженія честнаго креста. — Это нашъ корен- 1842 г.
ный храмъ, Ярмарка въ нашемъ селѣ была богатая по
сельски; человѣкъ до 14 у меня было гостей.

Какое веселіе и торжество бываетъ въ селахъ о празд-
никѣ, вамъ сказывать нечего; только развѣ сказать то,
что ваше село какъ состоитъ изъ однихъ священноцерков-
нослужителей, то и веселіе ликующихъ не ограничивается
опасеніемъ пересудовъ и переговоровъ. Особенно дьячки свои
и пріѣзжіе всю ночь не дадутъ уснуть: то, смотришь, приве-
дутъ въ домъ медвѣдя, то появится какіе-то въ шлемахъ и шиша-
кахъ испанцы, то идетъ толпа комедіантовъ; да что и го-
ворить, однимъ словомъ, нашъ праздникъ — городскіе святки.

Я теперь смотрю за молотильщиками, сыплю въ амбаръ
хлѣбъ; вечерами иногда кое-что почитываю. Если вы, ми-
лый, остаетесь ко мнѣ все съ тѣмъ-же сердцемъ, какъ и
прежде: такъ не облѣнитесь такъ же съ своей стороны
сообщить извѣстіе о себѣ и о часто представляемомъ мною
Муромѣ; это будетъ вѣрный знакъ вашей неизмѣняемости.
Очень-бы пріятно было повидѣться съ вами лично, — пого-
ворить поискренивѣ, но вѣрно такъ и быть. Не знаю,
удастся-ли намъ когда-либо увидѣть другъ друга въ этой
жизни? А очень бы хотѣлось!... Какъ ваше училище? Кто
учителя? Существуетъ-ли кто изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ
коихъ началась образовываться умственная сила души моей?
Да сохранить ихъ Господь!..."

22-го ноября посѣтилъ меня на нѣсколько часовъ Вла-
димірскій губернский землемѣръ М. А. Аверкіевъ — тотъ
родственникъ, у котораго я не рѣдко бывалъ по вечерамъ,
во время семинарскаго ученія.

У меня былъ полный списокъ русскаго перевода свящ.
книгъ В. Завѣта, сдѣланнаго протоіереемъ Павскимъ и
отлитографированнаго студентами Петербургской дух. ака-
деміи. Объ этомъ зналъ смотритель Муромскаго училища,
іеромонахъ Нифонтъ. 22-го ноября Нифонтъ попросилъ у
меня будто бы для прочтенія эту рукопись. Ничего не по-
дозрѣвая, я охотно исполнилъ просьбу почтеннаго смотри-
теля. Но проходитъ довольно времени, и я рѣшился на-
помнить своему начальнику о возвращеніи взятой у меня
имъ рукописи: но онъ въ отвѣтъ на это выразилъ мнѣ
сожалѣніе, что рукопись не можетъ быть мнѣ возвращена

1843 г. и что ее даже и нѣтъ у него. Послѣ я узнаю, что это былъ запрещенный плодъ и что всѣ экземпляры перевода свящ. книгъ, какъ литографированные, такъ и рукописные у кого-бы они ни были, отбирались и доставлялись въ Св. Синодъ.

Въ настоящее время, это дѣло, возбужденное бакалавромъ по классу Св. Писанія въ Московской дух. академіи, іеромонахомъ Агафангеломъ (впослѣдствіи архіепископомъ Волынскимъ, † марта 8 дня 1876-го года) и надѣлавшее столько шуму, вполне раскрыто и оглашено въ печати. Исторія этого дѣла обстоятельно изложена въ книгѣ П. А. Чистовича: „Исторія перевода Библии на русскій языкъ“, ч. 1, стр. 169 и сл., Спб. 1875 года ¹⁾.

Приблизился торжественный праздникъ Рождества Христова. По общему обычаю, послѣ литургіи мы отправились всѣмъ соборомъ, подъ предводительствомъ настоятеля, по городу, на даровомъ экипажѣ соборнаго старосты, съ крестомъ славить Христа. Мы посѣщали дома только нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ гражданъ. Такъ какъ о. протоіерей Тропольскій пользовался общимъ уваженіемъ въ городѣ, то насъ вездѣ принимали внимательно и почтительно. Подобное путешествіе по городу повторилось въ день Крещенія Господня, но уже безъ участія настоятеля.

Новый годъ встрѣтилъ я съ добрыми и пріятными надеждами на будущее, которыя отчасти и исполнились.

11-го января писалъ я въ Горыцы къ роднымъ:

„Имѣю честь поздравить васъ съ новымъ годомъ. Чего могу пожелать вамъ въ грядущемъ лѣтѣ? Разумѣется всего, чего только можетъ желать сердце, истинно любящее и почитающее васъ. Будьте здоровы, благополучны, а болѣе всего спокойны духомъ. Но привѣтствуя съ новымъ годомъ, общимъ для всѣхъ, пріятнымъ долгомъ считаю поздравить васъ съ наступленіемъ новаго года собственно для васъ. Я разумѣю дни вашихъ именинъ. Не имѣя удовольствія

¹⁾ Краткія объ этомъ событіи свѣдѣнія и два письма по этому дѣлу митр. Серафима къ Оберъ-Прокурору Св. Синода графу П. А. Протасову см. въ *Русск. Арх.* за 1878 г., ч. 3, стр. 516 и 522—524. — Еще: „Собраніе мѣсяцъ и отрывковъ Филарета м. Моск., по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ“, т. III, № 264, 265 и др., Спб., 1885 г.

присутствовать тѣломъ, имѣю полную возможность раздѣ- 1843 г.
 лить съ вами семейное торжество духомъ. Очень радъ, что
 теперь наступила моя чреда служенія;—и я ничѣмъ болѣе
 не могу доказать вамъ своего усердія, какъ принесеніемъ
 въ эти дни о вашемъ здравіи безкровной жертвы Богу,
 хотя и всегда почитаю это необходимою обязанностию. Но
 день вашего ангела, тетинька, во всю жизнь будетъ для
 меня такимъ-же торжествомъ, какъ и для васъ. Это день
 новолѣтія моей брачной жизни. Да!.... вотъ совершился
 уже годъ и моей супружеской жизни. Чудное дѣло, какъ
 быстро течетъ время.... Но благодареніе Всевышнему! годъ
 сей прошелъ для меня сколь быстро, столь же и благо-
 получно.

Извините, не много запоздалъ своимъ привѣтствіемъ.
 Причиною сего не почитите мое равнодушіе. Нѣтъ, виною
 этого, повѣрьте, стеченіе смутныхъ обстоятельствъ, какими
 обыкновенно сопровождаются для всѣхъ, особенно для го-
 родскихъ жителей, русскіе святки. То славили Христа нѣ-
 сколько дней безъ отдыха,—то годовичные отчеты по собору
 и училищу,—то родственныя компаніи,—то наконецъ бро-
 дили опять по городу со святой водой. Все это не позво-
 ляло мнѣ свободно заняться собесѣдованіемъ съ вами. Вотъ
 теперь на свободѣ готовъ пересказать вамъ все, что про-
 исходило со мною въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ. Се-
 мейная и общественная жизнь моя доселѣ идетъ, слава
 Богу, мирно и спокойно. — Мало по малу началъ распро-
 страняться кругъ моего знакомства въ Муромѣ. Но подумайте,
 что это знакомство стоить для меня лишнихъ издержекъ.
 Нимало; напротивъ, доставляетъ еще мнѣ выгоды. Такъ,
 напримѣръ, я познакомился съ однимъ, недавно къ
 намъ пріѣхавшимъ, господиномъ; но это знакомство огра-
 ничивается лишь тѣмъ, что я учу у него сына,—и за то
 получаю довольноую плату. Случайно познакомился еще съ
 окружнымъ начальникомъ, который также не очень давно
 живетъ въ Муромѣ. Этотъ изъявилъ желаніе быть у меня
 въ духовничествѣ. Прежнія знакомства болѣе и болѣе укрѣ-
 пляются.

Каково-то вы поживаете? Съ тѣхъ поръ, какъ разстался
 съ вами, ровно ничего не знаю о вашемъ положеніи. А это
 крайне неприятно для меня. Хоть-бы одинъ человѣкъ встрѣ-

1843 г. тился съ родной стороны... Но я ласкаю себя надеждою слышать повѣсть о вашей жизни изъ собственныхъ вашихъ устъ. Мнѣ сказывали, будто о. Василій Васильевичъ (Санаровскій) намѣренъ нынѣшней зимой побывать въ Муромѣ. Если это правда, — то надѣюсь, что и вы благоволите удовлетворить моей усерднѣйшей просьбѣ—посѣтить меня въ отдаленіи отъ всѣхъ родныхъ. Исключая слабости здоровья, ничто другое, кажется, не можетъ быть справедливымъ предлогомъ къ отверженію моей просьбы. Итакъ, позвольте надѣяться видѣть васъ у себя*.

Чрезъ недѣлю, а именно 19-го числа, писалъ я и къ Ивановскимъ роднымъ, поздравляя ихъ съ новымъ годомъ и извѣщая ихъ о своихъ домашнихъ обстоятельствахъ; между прочимъ, увѣдомлялъ о неожиданномъ посѣщеніи меня, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дядею Михайломъ Аверкіевичемъ Аверкіевымъ.

17-го февраля писалъ мнѣ изъ Абакумова вѣрный другъ о. Граменицкій.

„Давно и именно отъ 18-го декабря лежитъ въ моемъ комодѣ и очень нерѣдко, какъ что-то пріятное и близкое сердцу, обращается въ рукахъ, —вашъ вѣрный залогъ нерушимаго дружества—искренне—подробное ваше увѣдомленіе. Вижу, милый другъ, вы по всему правы, и не имѣю ни малѣйшей причины думать что-либо невыгодное касательно нашего дружества. Какое восхищеніе, какую радость принесло мнѣ письмо ваше, объ этомъ узнаете вы изъ тѣхъ обстоятельствъ, когда я его получилъ и какъ читалъ. Прежде несправедливо упрекая васъ въ мнимомъ молчаніи, теперь твердо увѣренъ, что и самъ подвергся тѣмъ же упрекамъ за молчаніе дѣйствительное* въ вашихъ мысляхъ. Да, другъ, давно-бы слѣдовало мнѣ принести вамъ благодарность за трехъ —поллистовой даръ вашего дружескаго сердца, и уснокоить васъ, что этотъ даръ, есть залогъ непоколебимой вѣрности въ рукахъ моихъ. Съ этой стороны, если есть ваше негодованіе (не быть нельзя), оно справедливо, — и виновать!

И я васъ прежде считалъ, такъ-же нѣсколько виноватымъ, но когда прочелъ письмо ваше, вы оказались предомною совершенно правы; позвольте же, милый, и мнѣ оправдаться предъ вами въ своей медленности; я увѣренъ, что

вы, узнавши и обсудивши все, меня великодушно извините. 1843 г. Итакъ, извольте слушать всё мои обстоятельства, въ которыхъ я находился съ тѣхъ поръ, какъ послалъ къ вамъ въ октябрѣ письмо—доселѣ,—въ сихъ обстоятельствахъ вы увидите и мое оправданіе.

Осенью я хлопоталъ все кое—что кругъ дому и въ приходѣ. Въ декабрѣ и именно на другой день Николая Чудотворца, въ самый жестокой по нынѣшней зимѣ морозъ,—отправился въ Москву къ своимъ родственникамъ. Что было, и что видѣлъ въ Москвѣ, объ этомъ рассказывать вамъ не станетъ ни моей памяти, ни силъ, ни терпѣнія. Москва! это—вмѣстидище различныхъ націй изъ всѣхъ почти государствъ, различныхъ товаровъ и вещей иностранныхъ и русскихъ. Сколько тутъ строеній, сколько великолѣпныхъ зданій, сколько дорогъ и улицъ; какое пространство! а священный кремль! Сколько тутъ любопытнаго, сколько милаго найдетъ согрѣтое патриотизмомъ русское сердце! Былъ я, другъ, и на великомъ Иванѣ, и достоинъ такого наименованія,—подлинно великій; какая высота, какой звонъ! однихъ колоколовъ 31. Какое великолѣпное зрѣлище представляетъ наша—матушка Москва, когда смотришь на нее съ колокольни Ивана великаго! это едва-едва обозримая степь, усѣянная Божіими храмами, испещренная различными зданіями и строеніями;—это море волнящееся постоянно идущими и ѣдущими по разнымъ направленіямъ людьми разныхъ сословій и званій. А въ соборахъ сколько святыни! Сколько нетлѣнныхъ останковъ святыхъ угольниковъ Божіихъ! Сколько безмолвно-краснорѣчивыхъ гробницъ князей и царей Россійскихъ! Жалѣю, что пожилъ я тамъ одну только недѣлю, (а въ недѣлю удалось на своей буркѣ не одинъ разъ перекрестить Москву почти изъ конца въ конецъ), желалъ-бы нажитья тамъ до сыта—вполнѣ удовлетворить своему любознанію. Совѣтую и вамъ, милый другъ, въ свободное время посвятить недѣльки двѣ на прогулку въ Москву,—знаю, вашъ пытливый, любознательный духъ много найдетъ тамъ для себя пріятной пищи,—а взадъ и впередъ перекутѣ мое,—тутъ и вѣрный случай можетъ быть къ первому и послѣднему свиданію въ жизни. 16-го числа декабря возвратился я въ домъ. 18-го числа того-же мѣсяца подають мнѣ, присланное съ нашимъ мо-

1843 г. лодымъ священникомъ, возвратившимся изъ Владиміра, — пріятнѣйшее письмо ваше, — съ нетерпѣніемъ разламываю печать хочу читать, — и препятствіе! Зовуть въ приходъ напутствовать св. тайнами отчаянно болящаго; дѣлать нечего — медлить нельзя; сажусь въ сани, развертываю письмо, и отъ самаго села вплоть до деревни, не смотря на стужу, нѣсколько разъ перечитываю письмо ваше, — такъ что и самъ мужикъ — извощикъ нѣсколько разъ изъ сожалѣнія говорилъ: „Батюшка, у те руки-то иззябли“... Послѣ этого мой первый долгъ былъ послать къ вамъ съ первою почтою отвѣтственное письмо; — но обстоятельства одно непреодолимѣе другаго съ самаго того времени доселѣ не давали мнѣ быть празднымъ ни одной минуты. До Рождества Христова и день и ночь исключительно писалъ метрики (ибо мой годъ былъ). Во время святокъ по днямъ славить, а по ночамъ писалъ клировыя вѣдомости, — мученіе! Послѣ новаго года изъ приходорасходныхъ книгъ извлекалъ свѣчныя и денежныя вѣдомости, и составлялъ прочіе церковныя документы, послѣ Крещенія ѣздилъ въ консисторію — отправлять метрики.

Еще что сказать вамъ? семейство мое безъ приращенія и убавленія все тоже; дѣтей, происшедшихъ на свѣтъ, еще не имѣю. Приближается св. Четырдесятница, время самое трудное для меня изъ всего года, какъ для силъ тѣлесныхъ, такъ для немоществующей собственными грѣхами окаянной души моей. Вы, имѣя стадо словесныхъ овецъ, состоящее только изъ двухъ или трехъ человѣкъ, при томъ образованныхъ, — понимающихъ очень ясно христіанскія обязанности, воздыхаете и скорбите подъ тяжестію должности пастыря: что-же долженъ дѣлать я — недостойный пастырь словеснаго стада, состоящаго изъ 2,000 человѣкъ такихъ, которые по духовной сторонѣ не могутъ отличить криваго отъ прямаго? Станетъ-ли силъ моихъ — многихъ блуждающихъ по дебрямъ раскола, по пропастямъ суевѣрій, разсѣянныхъ по пустынямъ разныхъ козлогласованій, увлекающихся всякимъ вѣтромъ лжеученій, — овецъ моихъ обратить и привести въ единое стадо Христово, — воодушевить пламенною любовью къ своему Искупителю? Тренещу, окаянный, того дне, когда кровь расточенныхъ и похищенныхъ волками овецъ взыщется Господомъ Богомъ отъ рукъ моихъ! А о соб-

ственномъ растлѣнномъ существѣ, не смотря на то, что 1843 г. оно облечено благодатию священства—постоянно стремищемся къ низкимъ удовольствіямъ, чувственности,—и говорить нечего, постоянно *вижду инъ законъ во удръхъ противовоюющъ закону ума и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ сущимъ во удръхъ моихъ*. Единственная моя просьба—не забывайте мое недостоинство въ молитвахъ во время принесенія безкровной жертвы.

Частыя письменныя сношенія особенно для васъ, другъ, знаю не совсѣмъ-то возможны,—какъ по постоянной почти должности учителя, такъ по прочимъ обязанностямъ. Вотъ мое предложеніе: если съ кѣмъ-либо изъ насъ не сдѣлается важнаго переворота въ состояніи, будемъ ограничиваться въ годъ однократнымъ другъ къ другу увѣдомленіемъ. Теперь, я не сомнѣваюсь въ вашемъ прежнемъ ко мнѣ расположеніи, желаю, что-бы сіи дружественныя связи сохранились до гроба.

Извините, и позабылъ поздравить васъ съ новымъ годомъ,—дай Богъ вамъ обновиться духовно и тѣлесно; затѣмъ желаю, душеспасительно начавъ, окончить св. Четырехдесятницу и съ живѣйшею радостію срѣтить свѣтоносный праздникъ Христова воскресенія^а.

На это дружеское посланіе отвѣчалъ я 8-го мая; но что писалъ, не помню.

Марта 1-го дня послѣдовала нѣкоторая перемѣна къ лучшему въ моей училищной службѣ. Въ слѣдствіе приказанія, даннаго преосвященнымъ Пароеніемъ семинарскому начальству, имѣть меня въ виду при первой вакансіи на высшую учительскую должность,—я переведенъ былъ изъ перваго приходскаго класса въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища на мѣсто учителя Бѣляева, перешедшаго во Владиміръ на должность эконома семинаріи. Мнѣ поручено было преподавать греческій языкъ, катихизисъ, славянскую грамматику и ариметику. Больше стало трудовъ, но больше получалъ и вознагражденія за труды: вмѣсто 300 рублей ассигнаціями я сталъ получать уже 500 р. Я не могъ конечно не радоваться и не благодарить Бога за такое лестное ко мнѣ вниманіе со стороны начальства: но эта радость растворялась нѣкоторымъ чувствомъ скорби. Я видѣлъ, что мое повышение причинило огорченіе моему

1843 г. родственнику, старшему меня по лѣтамъ службы, учителю 2-го приходскаго класса, о. Василию Харизоменову; особенно негодовала на меня завистливая жена его Анна Пароеньевна.

Преподаваніе катихизиса, славянской грамматики и арифметики не составляло для меня особеннаго затрудненія; но греческій языкъ, хотя я и достаточно знакомъ былъ съ грамматическими правилами его, потребовалъ отъ меня не малаго труда. Для того, чтобы основательнѣе съ нимъ познакомиться, не разъ прочиталъ я огромный томъ Греческой грамматики, составленной по Цумту *Поповымъ*, и сдѣлалъ изъ него не мало выписокъ.

Къ совмѣщенію учительской должности съ священническою встрѣчались иногда нѣкоторыя затрудненія; поэтому я долженъ былъ время отъ времени обращаться къ помощи заштатнаго соборнаго священника, 80-ти лѣтняго старца, о. Пароенія Тумскаго. За совершеніе одной литургии платилъ я ему по 15-ти копѣекъ серебромъ, а съ вечернею и утренею по 20-ти копѣекъ. Онъ былъ очень радъ и такой, по видимому, ничтожной наградѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Муромъ, въ гости къ своему родственнику, стряпчему А. А. Горицкому, Горицкій священникъ В. В. Салоровскій. Онъ не разъ и меня посѣщалъ. По возвращеніи изъ Мурома домой, онъ писалъ мнѣ отъ 7-го марта:

„Простите великодушно, что до сихъ поръ не воздалъ вамъ чувствительнѣйшей благодарности за пріятное угощеніе и тѣ ласки, каковыми вы вкупѣ съ Анной Васильевной меня одарили. Кромѣ мірскихъ обязанностей, суесть домашнихъ, особенною причиною молчанія было слабое здоровье. Попировавши до сыта въ вашемъ Муромѣ и умучась дорогою съ слѣпымъ старикомъ, такъ разстроился, что и теперь чувствую большую слабость. Отъ васъ ѣхалъ я вертепами и лѣсами до родины—старога Никола и едва добрался. Теперь утомляетъ продолжительная каждодневная служба и исповѣдники. Праведно говорятъ: у старога коня, не постарому ходьба; бывало въ Дунидово, какъ ясенъ соколъ леталъ, а нынѣ и въ Горицахъ, яко черепаха ползаю чуть-чуть. Какъ то вы теперь поживаете?

Не приумножилось-ли семейство ваше? Растите, множитесь 1843 г.
и благоденствуйте!

9-го апрѣля (въ великую пятницу), въ 6-мъ часу утра Богъ даровалъ намъ сына, котораго нарекли Михаиломъ въ память моего родителя и въ честь Благовѣрнаго князя Михаила, Муромскаго чудотворца (память его 21-го мая). Восприемниками его при крещеніи были: Муромскій страичій Александръ Алексѣевичъ Горницкій и дворянка Марья Никитишна Герцегъ—родственница моей тещи. Не долго, впрочемъ, суждено было намъ утѣшаться своимъ первенцемъ. Въ слѣдующемъ 1844 году, іюня 1-го дня, послѣ довольно продолжительной болѣзни, онъ тихо скончался на моихъ глазахъ. Въ минуту смерти я пораженъ былъ неземною улыбкою на его устахъ. *Таковыхъ бо есть царствіе небесное.*

Помѣщаю здѣсь очень любопытное письмо, писаное изъ Таганрога отъ 30 іюня полковымъ священникомъ В. Н. Вознесенскимъ учителю Муромскаго училища Г. В. Ястребову, женатому на дочери Н. С. Аменицкой:

„Не знаю въ правду ли, говорятъ самая важная наука въ жизни — молчать. Не для виноватыхъ ли такая хитрая наука? У военныхъ такъ: молчаніе, особенно обвиняемаго — въ правду ли не правду ли — вещь самая важнѣйшая, триумфъ армейской службы, который берегаетъ намъ цѣлыя толпы затѣйливыхъ воителей. Я не люблю этой науки: признаюсь, не люблю держать языкъ на привязи и тормозить своей откровенности; молчаніе признаю достоинствомъ отрицательнымъ; но предъ тобой, любезный мой, пасъ! преклоняю свою лысую и серебристую голову — руби ее, если не вспомнишь великодушнаго обычая предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не отвѣчать безъ малаго три мѣсяца на дорогое письмо — и при томъ письмо первое — криминалъ въ общественной жизни, уголовное преступленіе по всѣмъ законодательствамъ, даже по законодательству Конфуція. Это обстоятельство, дѣйствительно, лежитъ камнемъ и доселѣ на моей совѣсти, тѣмъ больше, что это едва ли не первый случай въ жизни, гдѣ моя аккуратность и постоянное вниманіе къ роднымъ, допустила до себя шито и нареканіе. Очень больно. Но послушай, любезный, не все то грязно, что черно, и алмазь достается изъ подъ самой грубой коры.

1843 г. Письмо ваше сперва переслано было мнѣ Ек. Степаловной въ деревню верстъ за 200 отъ Таганрога, въ одну изъ говѣвшихъ у меня баталіоновъ. Баталіоновъ этихъ въ прошедшемъ году лежало на моей шеѣ до семи; каждый изъ нихъ состоялъ изъ 1,200 человекъ и болѣе. Слѣдовательно нужно было исповѣдать отъ 8 до 9 тысячъ человекъ; а исповѣдовать такую команду—особенно хохловъ, которые по общему наблюденію психологовъ, составляютъ лишь границу или переходъ отъ существъ разумныхъ къ царству существъ безсловесныхъ, скажу откровенно не рукой махнуть, не поле перейти, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи 10 лѣтъ своей службы, я никогда не подражалъ лукавому обычаю—хохловъ—собратій своихъ, дѣлать эти вещи кое-какъ—гуртомъ, штукъ по 20, по полсотнѣ и болѣе. По нѣсколько дней безвыходно просиживалъ я въ храмѣ; едва ли случалось, кромѣ легкой закуски, обѣдать разъ въ недѣлю. Говорю объ этомъ не для того, чтобы вытянуть невольную дань собственному самолюбію, но пишу какъ вѣрный историкъ и большой поклонникъ правды, какъ аккуратный слѣдователь, хочу развязать всѣ узлы и открыть всѣ закоулки казуснаго дѣла.

— На Пасху можно бы? дѣйствительно, но потому ужъ трудно, что Пасха. Кромѣ того, нашъ роскошный югъ, къ послѣднимъ недѣлямъ великаго поста, такъ раскутился, что мы имѣли несчастье—или, согласно съ статьями о поэтахъ,—радостный восторгъ встрѣтить здѣсь зиму—зиму русскую съ 25 градусами мороза. Эта „сѣдая волшебница“ смела пушистымъ жезломъ всѣ наши цвѣты, покрыла зазеленѣвшуюся природу свѣжымъ саваномъ аршина въ полтора; а главное: подмѣтивши, злодѣйка, что мы распахнули окна и двери, навѣяла тьму простудъ и ревматизмовъ, и едва-едва не разлучила насъ съ сыномъ. Мой бѣдный Паша на Ооминой такъ заболѣлъ, болѣзнь такими исполняскими шагами велъ его ко гробу, что мы было отчаялись видѣть его болѣе въ семьѣ своей. Я люблю дѣтей какъ душу. Не довѣряя никому глазу, я самъ ходилъ за ними и въ кори и осифъ и скарлатинѣ и коклюшѣ,—я и теперь подыалъ на ноги весь медицинскій факультетъ Таганрогскій; но, къ несчастію, имѣлъ лишь лишній случай видѣть безенліе искусства человѣческаго въ трудныхъ помощахъ. Ни Броунъ-весты, ни

Бруссы исты не помогали. Медицина отказывалась. Паша 1843 г. дошелъ до всевозможнаго изнеможенія, уже холодѣль, уже закатывались глаза, не болѣе 20 разъ билъ пульсъ въ минуту. — Потухали совсѣмъ наши надежды. Я накрылъ кончающагося воздухомъ съ мощей св. угодника Божія Митрофана — и — благодѣтельный сонъ успокоилъ страждущаго часа на два. Минуты скорбныя, безотчетныя, сколько бы ни хитрился языкъ человѣческой, никогда не проѣдти ему сквозь рѣшето своего слова, всей полноты чувствъ сердечныхъ, не перевести на ходячій говоръ языка души; но благодаря Промыслу, Паша проснулся покойнѣе, искра жизни опять мелькнула въ охолодѣвшихъ членахъ — и эту-то искру съ Божіею помощію молитвами св. Угодника Господня опять раздули до настоящей полноты. Теперь, слава Богу, Паша опять прыгаетъ и распѣваетъ хохлацкія пѣсни; но скоро сказка сказывается, а сколько тревожныхъ бессонныхъ ночей должны были провести мы при постели больного? Я былъ почти безсмѣннымъ дежурнымъ, едва-едва часа въ два въ сутки закрывалъ глаза; но, слава Богу, я не чувствовалъ ничего особеннаго, за то Ек. Степановну эти безпокойства рѣшительно съ ногъ срѣзали; она заболѣла сама, а это значить, что для меня лишь только перемѣнилась „дирекція“, — значить, что я перешелъ отъ огня къ полымю. Случалось ли вамъ испытывать, или по крайней мѣрѣ, видѣть состояніе мужа-отца, при постелѣ любимой жены-матери семейства. Пѣтъ?.. И не дай Богъ! Картина неприятна не только для сердца, но и для взора. На среднемъ планѣ этой картины — прибавьте еще — группу малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ одного, семимѣсячнаго, подобно въ это время по необходимости отнимать отъ груди — а на дальнемъ — чужую, дальнюю сторону, гдѣ трудно встрѣтить постороннее участіе, гдѣ всякую услугу подобно купить за чистую монету? Здѣсь проявилась солдатка Муромлянка, дочь какой-то бывшей паньки Гейцага, потомъ Языкова Михайла — по имени Авдотья — повѣрите ли: я ей платилъ по рублю въ день, чтобы она только бормотала жонѣ что-нибудь о Муромѣ, занимала, развлекала ее?.. Теперь, слава Богу, у насъ обстоитъ все благополучно. Теперь кто же изъ васъ первый броситъ камень на виноватаго, кто первый подниметъ приговоръ къ моему обвиненію?..

1843 г. я, даже долженъ ли былъ украсть хоть нѣсколько минутъ у больныхъ, чтобы посвятить ихъ вамъ?! Я сказалъ все, не громоздясь на ходули обычныхъ истертыхъ оправданій;— отъ вашего благоразумія зависитъ теперь приговоръ и рѣшеніе. Прощай, мой другъ, до завтра. Теперь некогда. Иду на промысль.

1 іюля. Поздравляю, любезный, съ 1 числомъ. У васъ, я думаю, и ярмарка прошла и кошельки попустѣли; лучше: легче! деньги любятъ движеніе съ мѣста. Но шутки въ сторону. Мнѣ бы надлежало теперь отвѣчать по пунктамъ на милое письмо ваше. Но, любезный, не поведетъ ли это насъ въ глубокую даль догадокъ, предположеній, умозаключеній, быть можетъ неосновательныхъ и ложныхъ! Сердце человѣческое—пучина; я боюсь пускаться туда, боюсь какъ бы не затронуть, не потревожить какихъ-нибудь чувствительныхъ пружинъ — не разшевелить бы какъ чьего самолюбія; а самолюбіе—вещь самая щекотливая, самая опасная. Я однажды пооткровенничалъ, пошутить по родственному; да вѣрно не впопадъ: за то мнѣ платятъ девятилѣтнею самою упругою упругостію. Нѣтъ, слушая слегка анатомію, которую читалъ мнѣ одинъ изъ умныхъ докторовъ нашихъ, и рассматривая сердце человѣческое подъ ножомъ анатома, я видѣлъ тамъ тѣмъ самыхъ тонкихъ волоконъ, самыхъ незамѣтныхъ почти сосудовъ, которыхъ никакъ не разгадать живымъ. Оставимъ это въ покоѣ... Мнѣ позвольте, любезный, только благодарить васъ отъ всей души за ваше отчетливое увѣдомленіе о родныхъ; я ихъ очень люблю; и позвольте мнѣ впередъ надѣяться почаще хоть отъ васъ подобныхъ увѣдомленій. Повѣрьте, письма ваши будутъ праздникомъ для насъ на чужбинѣ, и я съ своей стороны не замедлю сообщать вамъ о своемъ подвижномъ жатѣ-бытьѣ.

Жаль, очень жаль любезной сестрицы и матери нашей Надежды Степановны. Заботы, безпокойства прежде времени сокрушили ее. Но крестъ всегда—крестъ. Онъ никогда не можетъ быть легокъ для нашей чувствительности. Чѣмъ выше вещь, тѣмъ дороже за нее платится; а чѣмъ дороже, тѣмъ труднѣе пріобрѣтается. А вы знаете, что мы покупаемъ *тертніемъ*? (у Луки, кажется). Растолкуйте ей сами—какъ сынъ—по сыновнему. Въ природѣ все тернить.

Это законъ неизмѣнный! И замѣтьте при томъ, что кто 1843 г.
 чѣмъ невиннѣе, тѣмъ болѣе тотъ терпѣть. Пусть всмотрятся
 хорошенько въ природу. Вѣрно, это нужно, необходимо...
 Спартанцы научали „терпѣть по волѣ, потому, дескать, что
 будешь терпѣть по неволѣ“. Но они—старые дурни, — у
 насъ другой законъ... О, какъ бы миѣ хотѣлось хоть еще разъ
 посмотрѣть, побесѣдовать въ кругу вашемъ! съ потерю
 родныхъ Муромъ для меня теряетъ всю цѣну.

Александръ Егорычъ до сихъ поръ еще на распутьи.
 Нерѣшительность въ его состояніи опасна. Мечты — не до-
 стоинство. По моему, мечтательность самая тонкая и опас-
 ная сѣть, которою лукавый ловить насъ въ свои когти;
 потому что всѣ дѣйствія мечтательности имѣютъ пружину
 въ самолюбіи, въ нашемъ замысловатомъ, и всегда почти,
 пустозвонномъ—я. О, какъ за то дѣйствительность по-
 ражаетъ очарованнаго мечтами,—своею рѣзкою несообраз-
 постію его понятій съ вещами, предположеній съ исполне-
 ніемъ, чувствованій съ отношеніями. Право, правъ старикъ
 Баумейстеръ, выдавши за положительную истину, что *non*
scholae, sed vitae discendum est. Жизнь имѣетъ свои за-
 коны, законы непреложные, которые никакъ не перемѣнить
 намъ своими мечтами, а нужно къ нимъ поддѣлываться.
 Что за мысль, „если въ свѣтѣ увидить онъ высшихъ
 себя въ чинахъ, не снесетъ—умретъ?“. Это что-то а *la*
 высшей гордыни. Скоро же ему придется умереть, очень
 скоро—непремѣнно при первомъ же поступленіи на какую
 угодно стезю жизни. И по моему ему учиться бы—учиться!
 Что ему можетъ дать учительское мѣсто—личную привил-
 легію грязь топтать—не правда ли?—Но только учиться не
 медицинѣ. Медицина (хоть не наука, но сборъ опытовъ)—
 сама по себѣ—объяденье; но казенная медицинская служба—
 бѣдець! Не смотря на прибавку ей жалованья—и никогда
 ни какъ не помѣнялъ бы своей жизни, на жизнь медика въ
 полку. Это цыганская поганая жизнь; покою никогда, а
 ответственности, неприятностей—команды! Въ нашемъ зва-
 ніи надобно закутать себя въ длинные рукава—шанку —
 ушанку — правда: но сквозь эти длинные рукава не
 продуваетъ сквозной вѣтеръ свѣтской суеты, не проходитъ
 шумъ паденій, и не тревожатъ бури политическихъ перево-
 ротовъ. Согласитесь сами, что покойнѣе, картузь или шапка—

1843 г. ушанка? О, эта вещь самая комфортабельная. — Я дорого бы заплатилъ за нее, еслибъ можно было здѣсь достать ее. Мой ревматизмъ жестоко въ ней нуждается. Нѣсколько разъ я посылался было просить Павла Степановича переслать мнѣ изъ Владиміра; но... вдоль по улицѣ молодчикъ, вдоль по широкой голубчикъ и проч. и проч.

Нѣтъ, есть невыгоды въ нашемъ званіи, невыгоды большія—но не тѣ. Узнаетъ самъ, когда поступить. Впрочемъ, гдѣ ихъ нѣтъ?..

И въ этомъ-то „комфортабельномъ“ отношеніи, я завидую своей любезной Любушкѣ. Радуюсь за нее, мою голубушку. Не прельщаетъ меня ихъ довольство и обиліе.—Благодаря Бога и мы никогда не имѣли не только нужды, но и недостатка; но роскошь природы, ароматы полей, чистый воздухъ, деревенская неподдѣльная простота жизни, вотъ чего хотѣлось бы отвѣдать. Право, городской воздухъ становится вреденъ для меня, какъ сѣверъ для покойнаго Пушкина. Потрясаемый безчисленными сплетнями, раздорами, тщеславіемъ, гордостію и жадностію огромнаго скопища людей, мутный отъ происковъ, сырой отъ глупости, пыльный отъ скотовъ, производитъ онъ удушье въ легкихъ и круженіе въ головѣ. Хотѣлось бы хоть одну весну, хоть одно лѣто провести въ деревнѣ при чистомъ ручейкѣ, подтѣнію прохладной рощицы. (Видишь, и я еще поэтизирую подъ часъ). Ты, я думаю, забылъ Монастырки или Простетевскіе березники? Тогда они, не знаю почему, казались въ какомъ-то прозаическомъ видѣ; но теперь — это казовый конецъ жизни. Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы на чистый воздухъ, при настоящихъ моихъ средствахъ, т. е. чтобы при мнѣ находилось постоянно прислуги человѣка четыре, и тысячъ—ну хоть до двухъ, или даже до полуторы (по деревенски) въ годъ обезпеченія — а то говорятъ на пустой желудокъ плохо дѣйствуетъ и деревенская чистота воздуха. Вы вѣрно, на вакацію будете въ Зяблицкомъ погостѣ? Когда увидите съ моей Лебедушкой, — скажите ей отъ меня большой поклонъ, разцѣлуйте пожалуй, если мужъ не забіяка. Скажите, что я и досель люблю ее; не знаю любить ли она меня злодѣйка? Впрочемъ, я теперь и зысь и сѣдь—на головѣ проявляется проталина, на которой можно написать цѣлую отставку для всякаго влюбленнаго. Работа

дѣловъ сбаялъ: „скажи тому любви конецъ — кто на три года вдаль уѣдетъ“. А мы ужь—здоровы-були 11-й разъ (годъ). Объ дѣтяхъ велите молиться больше Богу и угодикамъ Господнимъ.

Василій Степанычъ —чудакъ! Молчанію онъ выучился вѣрно у рыбъ, которыхъ охотникъ былъ удить. Объ немъ и намъ лучше молчать, а то какъ бы не обидѣть, не тревожить его безмолвія.

Владимірцы? тоже народъ дѣловой! Недавно писалъ я имъ два огромныхъ посланія, но отъ нихъ, знаю, не дожدهшься отголоска. Абрамычъ въ этомъ отношеніи подъ шерсть пришолъ къ Степанычамъ. Но если, какъ вы говорите, онъ похожъ на Сукста V-го хоть сзади, то не похожъ ли и Пароеній на Гильдебрандта или Григорія VII-го. У него не вдругъ найдешь какъ не перегибайся.

Прасковья Степановна буду самой писать. Если не получить на одной съ вами почтѣ, то на слѣдующей непременно. Вашу милость, любезный, я знала дѣйствительно, какъ „сорви голова“, нечего грѣха таить. Но это самое лучшее ручательство за будущее. Я самъ не изъ простыхъ (ты улыбнешься, можетъ быть, а мнѣ что за дѣло, — я за 1300 верстѣ)—я самъ таковъ. По мнѣ смѣшонъ дитя—старикъ. Я и теперь еще частенько вспоминаю старину съ своими дѣтьми—играю съ ними, рѣзвлюсь, самъ пособляю воровать имъ у маменьки нитки для змѣевъ, научаю подъ часъ иногда, какъ ловчѣе подобраться и къ вареньямъ. Достается намъ иногда за это отъ маменьки всѣмъ троимъ на орѣхи; но гроза пройдетъ и все разразится смѣхомъ. Понимаю, любезный, въ вашей жизни тоже мало поэтического. Я представляю жизнь вашу, какъ жизнь Рыбкина въ свое время. Классъ и кондиція, —кондиція и классъ, вотъ категоріи, по которымъ выкраивается весь вашъ настоящій бытъ. Не знаю, велика-ли польза? Пора бы ужь, дѣйствительно, нарядиться и въ ушанку. Да не угодно-ли, любезный, съ знаменемъ Царя небеснаго похъ знамена Царя земнаго? Вѣдь не всѣмъ такая невзгода, какъ вашему дядюшкѣ. Дяденькѣ вашему очень часто мѣшало то, что онъ какъ-то отъ природы не уклончивъ: въ жизнь свою не долопоклонничалъ — никогда, сложа лапочки крестомъ, не плясалъ на заднихъ лапкахъ и не малывалъ себѣ м...

1843 г. сти отъ какого-нибудь филина въ павлиньихъ перьяхъ. Дяденька вашъ всегда шелъ грудью, отъ которой впрочемъ не рѣдко сторонились и превосходительные. Если вы сколько-нибудь удѣляете времени на политическія новости, вѣрно знаете, что у насъ смѣняютъ генерала. Къ намъ назначили генераль-лейтенанта Добрышина—изъ бурбоновъ. Соколы! Гусь лапчатый! приплыветъ-ли что къ нашему берегу хорошенькое:—либо пень, либо колода. Не знаю, какъ мы съ нимъ сойдемся—а онъ терпѣть не можетъ, кто мало-мальски похожъ на человѣка. У насъ ужъ съ нимъ была война—мы съ нимъ, къ несчастію, служили. Быть можетъ, это ускорить, поторопить мою рѣшительность разстаться съ военною службой, а то меня съ ней не растащишь. Надобно сильныя, очень сильныя мѣры. Если мы рѣшались оставить бивуачный постъ свой—такъ это именно превозмогла любовь къ родинѣ, любовь къ роднымъ, и небольшая скука переѣздовъ, а главное: нерасположеніе Катерины Степановны къ походной службѣ. Она предполагаетъ, кажется, что и на мѣстѣ мы будемъ съ тѣми-же средствами къ жизни, какъ здѣсь. Нѣтъ ожжешься—не правда-ли? Миѣ самому хотѣлось-бы чрезвычайно повидаться съ родными; но только повидаться, погостить у нихъ—не болѣе; или бы гдѣ поближе къ нимъ занять мѣсто службы. Кажется, я далеко зашелъ, не остановиться-ли? Adieu mon cher—зовутъ обѣдать; послѣ обѣда надо, разумѣется, вздремнуть, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку,—потомъ прочесть что-нибудь для развлеченія, а тамъ, если ничто не помѣшаетъ, докончимъ посланіе, а если...., то до завтра, не барщина!

Юля 2-го. Ну, нынѣ почта, надобно во что ни стало докончить. Вчера пролынялъ. Но, съ чего-же теперь начать? По порядку, надлежало бы сказать что-нибудь о себѣ—но послѣ писемъ любезной сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ, къ покойному Василю Васильевичу, и послѣдняго огромнаго письма отцу Павлу, я не знаю, что прибавить вамъ. Думаю вамъ извѣстны мои странствованія отъ береговъ Оки до береговъ Дуная, стоянка въ Бессараби, кочевье въ Хохланди, въ забраномъ краю и оттуда путешествіе по Енкенискому бурному понту къ древнему Ахтиару. Про старые дрожжи не толкуютъ 10 разъ. Бачили всеенька (всего). Кохалися съ

поляками, лаялися и съ хохлами, держали рахунки и съ 1843 г. жидами. Не помню, что писалъ я въ прошедшемъ письмѣ сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ. Таганрогъ сначала былъ намъ больно не въ голосъ; но теперь привыкли, помирившись. Раззоряетъ онъ насъ крѣпко, правда, мы платимъ по 40 копѣекъ фунтъ толятины, по рублю и слишкомъ боченокъ воды: но, присмотрѣвшись теперь и горя мало, какъ будто такъ должно. Расходы эти здѣсь, благодаря Бога, вознаграждаются. Съ 1-го января настоящаго года я получилъ уже тысячи полторы, и даже слишкомъ доходу. Можно примириться? На послѣднихъ дняхъ велик. поста у воротъ моей (богатой, наемной) квартиры много толпилось экипажей постороннихъ, такъ что многимъ должны были и отказывать за недосугомъ.

Но дѣти—дѣти—вотъ что сильно занимаетъ меня. Не даромъ я нѣсколько разъ перечитывалъ ваше отдѣленіе на этотъ предметъ. Дѣйствительно, горько будетъ и намъ и имъ разлучиться на такое огромное разстояніе; но что-же прикажете дѣлать мнѣ въ моихъ обстоятельствахъ? одному изъ нихъ уже 9-ть лѣтъ. Разстаться для нихъ съ службою, какъ я уже и посылался? но съ службою мы, какъ душа съ тѣломъ—вѣчно въ разладѣ, а разлучиться не хочется. Ума не приложу въ своей головушкѣ. Отдать ихъ въ какое-нибудь духовное училище?—но близко нигдѣ нѣтъ. Кромѣ того, какъ отдать ихъ на чужія руки и бросить въ эту бездну безъ всякаго призрѣнія и руководства? Они не умѣютъ хлѣба отрѣзать. Если-бъ это было не въ Таганрогѣ,—гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ, я нанялъ бы для нихъ учителя и дѣло съ концемъ;—но здѣсь дѣло десятаго рода.

Вы страшаете меня дороговизною. Не знаю, великъ ли итогъ выходить по вашему счету, но я бы рублей 300 въ годъ на 1-й разъ могъ платить безъ отговорокъ. Платье—мое. Разумѣется, кромѣ домашняго занятія они ходили-бы въ классъ, привыкали-бы къ конвикту и порядку. Особенно мнѣ хотѣлось поскорѣе бы устроить старшаго; младшій еще не уйдетъ—при томъ же онъ бѣдный такъ все слабъ, мать не разлучится съ нимъ; за одного я дамъ больше половины назначеннаго за обоихъ. Онъ уже хорошо при томъ пишеть и по латынѣ, знаетъ русскія склоненія, имя существительное—прилагательное, первыхъ 4-е дѣйствія арие-

1843 г. мегики. Пыльшій годъ, еслибъ не было у насъ маленькаго, и непременно самъ явился-бы предъ ваши свѣтлыя очи; но теперь едва-ли случится и на слѣдующій годъ. Маленькій что-то хирѣеть бѣдный: развѣ рѣшусь советомъ оставить армейщину? о дѣти, дѣти!

Не знаю описываль-ли я пресловутый Таганрогъ въ прошедшемъ письмѣ—не помню. Если нѣтъ, и если интересуетесь сколько-нибудь знать это полугреческое, полуиталианское сконище мошенниковъ, грекосовъ, пендосовъ и разной сволочи; я постараюсь доставить подробное свѣдѣніе о всѣхъ рѣдкостяхъ и добрыхъ и худыхъ.

Таганрогъ беззаконіями своими какъ бы не накликалъ участи Содома и Гоморры. Представьте, съ послѣднихъ чиселъ мая до настоящаго дня, каждый Божій день, дождь ведромъ—громъ и молнія. Во весь іюнь не было 3-хъ дней ясныхъ. Хлѣбъ выросъ въ косую сажень и весь полегъ, повалился и гниетъ. Не въ пору я пустился разѣзжать на дрожкахъ, лучше-бы, вѣрно, ходить пѣшкомъ. Ждемъ дороговизны нес plus ultra. Хорошая погода въ Таганрогѣ, вѣрно, такъ-же рѣдка, какъ рѣдокъ хорошій, умный профессоръ въ семинаріи.

Съ любовію къ вамъ Василій Вознесенскій“.

24-го августа писалъ мнѣ въ отвѣтъ на мое письмо отъ 8-го мая Абакумовскій священникъ М. Д. Граменицкій.

„Жалко, что на ваше торжественное воззваніе: *Христосъ воскресъ!* не успѣлъ я въ свое время послать вамъ утѣшительное для сердца христіанскаго отвѣтствіе: *воистину воскресъ!* И такъ воистину воскресшій, вознесшійся и низпославшій намъ Божественнаго Утѣшителя Духа, Спасителя міра да соблюдетъ васъ въ здравіи и благополучіи!

Сверхъ всякаго ожиданія, къ моему невыразимому удовольствію получилъ я 15-го мая наипрятнѣйшее, отправленное отъ васъ 8-го мая, письмо ваше. Не знаю, въ какихъ словахъ выразить вамъ мою чувствительную благодарность за ваше заботливое дружеское о всемъ увѣдомленіе;—кольми паче за искреннюю предосторожность касательно манускриптныхъ переводовъ св. писанія? Точно, у меня и доселѣ существуютъ нѣкоторыя книги Св. Писанія въ манускриптѣ на русскомъ языкѣ; по вашему дружескому совѣту я постараюсь держать ихъ, какъ можно, се-

кретнѣе; а при первомъ требованіи вручу въ руки прави- 1843 г.
тельства, — пусть повѣряетъ наши противъ правонарушенія
неисправленныя ошибки; — и я, подобно вамъ, ихъ перечи-
тать всѣхъ не успѣлъ: впрочемъ постараюсь прочесть...

Поздравляю васъ, милый другъ, съ новорожденнымъ
чадомъ, — и отъ души желаю, чтобы оно, возрастая, какъ
говорится, не по днямъ, а по часамъ, и, укрѣпляясь въ
силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, служило для васъ прият-
ною забавою и увеселеніемъ!

Желалось бы съ вами повидѣться лично когда-нибудь,
хоть во Владимірѣ. Я его посѣщаю частенько, а вы, ка-
жется, не очень. А поэтому и трудно выждать случая къ
сему свиданію. А сколько бы съ обѣихъ сторонъ, я думаю,
нашлось у насъ новаго-такого, чего, конечно, нельзя всего
въ подробности изъяснить письменно.

Вы, другъ, какъ изъ вашего письма видно, окружены
и теперь благородными, съ доброю душою друзьями, вы
сами называете свое общество прекраснымъ. А я напро-
тивъ своимъ обществомъ скучаю; въ моихъ товарищахъ
нельзя найти вѣрнаго друга, каковъ Иванъ Михайловичъ;
нѣтъ и тѣни того вѣрнаго чистосердечнаго расположенія,
какое взаимно находили мы между истинными друзьями въ
семинаріи. Одинъ товарищъ мой, предавшись на услуги
позорному Бахусу, поступаетъ такъ странно, что и крестья-
не не смѣютъ съ нимъ заводить знакомства; другой —
молодой, льстивъ, какъ лисица, постоянно съ коварствомъ
въ сердцѣ и съ злобными замыслами въ душѣ; поэтому
и удовольствія мои ограничиваются только семействомъ и
чтеніемъ, въ свободное время книгъ, которыхъ отъ гос-
подъ, къ моему счастью, получать можно сколько угодно.
Правда, и мнѣ можно вести и веду короткое знакомство
съ живущими въ приходѣ нашемъ господами, — нѣкоторыми
даже со мною духовно породнившимися; но во первыхъ,
всѣ они живутъ въ деревняхъ — значитъ всегда ихъ видѣть
нельзя; во вторыхъ, они дворяне, съ ними можно имѣть
знакомство чрезъ чуръ благородное, постоянно надобно имѣть
ловкость, во всемъ оборотливость; вообще, они друзья и
знакомцы — по политикѣ, хотя и добросердечны и ко мнѣ
расположены; но, сами знаете, другъ, что мы воспитыва-
лись въ неподдѣльныхъ правилахъ нравственности, при-

1843 г. выкли въ семинаріи находить друзей больше по сердцу, нежели по политикѣ, а какъ ихъ въ своемъ обществѣ не нахожу, значить я душою въ людствѣ сирѣ. Вы не повѣрите, что я по 20 разъ на день воспоминаю наше житье съ вами въ казенномъ домѣ, воспоминаю отъ того, что здѣсь сельская жизнь исказила, можетъ быть, моихъ такихъ же семинаровъ—товарищей. Но нѣтъ, не отъ сельской жизни они не могутъ быть добрыми друзьями, но отъ недружелюбной настроенности по природѣ. Не подумайте, чтобы мы наружно оказывали взаимное неудовольствіе; нѣтъ, мы всѣ на словахъ друзья ласковые—политичные, но дѣла, дѣла совсѣмъ противныя внѣшнему обращенію.

Желая и моля вамъ отъ Господа всѣхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ съ чувствительнѣйшею благодарностію за ваше подробное, откровенное,—истинно дружеское о всемъ увѣдомленіе, остаюсь чистосердечно любящей васъ“...

8-го сентября писалъ и мнѣ изъ Таганрога, въ отвѣтъ на мое письмо, дядя (по женѣ) священникъ Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго резервныхъ баталіоновъ Василій Никитичъ Вознесенскій:

„Любезный нашъ Иванъ Михайловичъ!

Слава Богу, Муромъ исправляется въ поведеніи! Новые побѣги проламываютъ по немножку печать закоренѣлаго безмолвія; очищаютъ мой добрый, ласковый Муромъ отъ множества нареканій, которымъ клеймили его всѣ любители писанія. Спасибо вамъ, любезный, сто разъ спасибо. Письмо—праздникъ для насъ. Вы, конечно, не дадите полной цѣны и вѣсу этому удовольствію: голосъ съ родины вполне оцѣнить только тотъ, кто переѣзжалъ рубежъ Россіи, кто долго скитался за границею среди народовъ чуждыхъ, кто въ продолженіи 11 лѣтъ не приближался ближе полуторы тысячи верстъ къ родному пепелищу, кто сильно любитъ родныхъ своихъ. Еще разъ—спасибо.

Вмѣстѣ съ вашимъ—ко мнѣ прилетѣли курьеры отъ всѣхъ четырехъ странъ, отъ всѣхъ четырехъ угловъ широкой Россіи. Изъ Грузіи — отъ доктора Озерова; изъ Бѣлостока—доктора Цвѣткова, изъ Севастополя — отъ бывшаго казначея полка, нынѣ дивизіоннаго адъютанта шт.-капитана Эсадзе—родомъ черкеса, — пріѣзжавшаго одинъ

разъ за 800 верстъ, только на недѣлку: погостить ко мнѣ 1843 г.
изъ Мурома—отъ васъ. Но всѣ эти, любезные посланники
4-хъ вѣтровъ, явились ко мнѣ какъ утѣшители въ самое
скорбное время, можно сказать, въ самое несчастное для
меня. Поганый ревматизмъ и сильнѣйшая боль челюстей и
зубовъ, уложили меня крѣпко на крѣпко въ постель, не
даютъ головы приподнять. Эта боль мучить меня болѣе
6-ти недѣль и не только не уменьшается, но все болѣе и
болѣе растеть, не смотря на глуныя припарки велемудрыхъ
эскулаповъ. Стало быть,—но стало быть слѣдствіи очевидны!
Не ожидайте отъ меня, любезный Ив. Михайловичъ, огром-
наго письма, могущаго способствовать пищеваренію, не
ищите и того что бы могло вынудить улыбку на устахъ,
до чего такъ жадно человѣчество; болѣзнь скрутить хоть
какую руку, сожметъ по своему хоть какое воображеніе.
Я и такъ уже дочувствовался до совершенной хандры, не
могу нынѣ участвовать ни въ общемъ удовольствіи, ни со-
дѣйствовать къ возбужденію веселости, говорю съ какимъ-
то неприятнымъ принужденіемъ, а теперь почти не узнаю
и самъ себя: облысѣлъ, какъ большая проталина на при-
грѣвинѣ, а посѣдѣлъ какъ столѣтній старецъ; а вчера ве-
черомъ здѣшній знаменитый цирюльникъ, вопреки глупому
мнѣнію педанта—дантиста, и цѣлому собору безмозглыхъ
врачей, лишилъ меня и еще зуба. Признаться — къ чести
его—и къ пользѣ моей скулы, вышелъ изъ борьбы съ боль-
шой честію. Право, не жалко было дать ему бѣленькую.
Мнѣ дергалъ и Беригардъ, но Беригардъ дергалъ—даромъ—
все равно, что брилъ изъ любви къ человѣчеству.

Мнѣ бы надлежало можетъ отложить отвѣчать, положиться
на ваше снисхожденіе; но откладывать въ дальній ящикъ
того, что можно, хоть съ трудомъ, сдѣлать нынѣ, то же
не расчетъ и не отрада: во-первыхъ потому, что пожалуй
отложишь и до 2-го пришествія; во вторыхъ, какъ бы не
расшевелить самолюбія; а съ самолюбіемъ, я, страхъ боюсь
возиться. Изъ самолюбія, можетъ быть, какого-нибудь оберъ-
священническаго пачкуна, бумагомарателя—изъ самолюбія,
дѣйствительно ужъ проклятаго на вылетъ, я цѣлые годы
вижу одно невзгодье. Такъ лучше какъ-нибудь пересилиться
и написать что попадетъ подъ руку и взбредетъ въ заку-

1843 г. танную и больную голову. Это лучше, одно дѣло съ плечъ, — плечамъ легче.

Вы рассказали, или говоря языкомъ брюзгливаго и затѣливаго этикета, — отрекомендовали себя. Это значить все равно, какъ бы мы выѣсть разсидѣли съ вами часа два-три пріятной бесѣды. Пріятно встрѣтить въ родной семьѣ такихъ людей — безъ лести; пріятно было слышать вашъ пріветный голосъ, тѣмъ болѣе, что Аннушка или по нынѣшнему Анна Васильевна и матушка — до сихъ поръ остается единственной подругой и любимицей своей тетеньки, Ек. Степановны. Охъ! ты не знаешь, братецъ, какія тамъ крылись тайны — и дружество! Бѣда!! Я думаю и нынѣ Анна Васильевна такъ же тиха, такъ же скромна — бывало отъ нея, какъ отъ судьбы не вывѣдываешь ни одной завѣтной тайны. Поцѣлуй ее лишній разъ за насъ.

Васъ судьба пустила по свѣту круглымъ сиротой, — съ сумой бѣдняка? Новѣрь, милый, я умѣю чувствовать и понять это положеніе; но съумѣлъ бы, кажется, теперь и доказать, что эта сума есть самый лучший профессоръ въ мірѣ. Его уроки ложатся прямо къ сердцу. — Его слушатели всегда тихи, скромны, переимчивы. Скажу больше: ни Локкъ, ни Дюгальдъ, ни Фихтѣ, ни Кантъ съ своею глубокомысленностію, ни Шеллингъ съ своимъ вѣчнымъ движеніемъ, ни Баковъ или Бэконъ — этотъ великій преобразователь наукъ и свѣтило своего вѣка — съ своимъ плодомъ и пользою, ни Меркъ, ни Гердеръ, которые мыли въ свое время голову и Гетѣ и Шиллеру, ни Томасъ Муръ — съ своею утопіей, ни Томасъ Юнгъ съ своею необъятной ученостію, ни самъ Паскаль съ Боссюэтомъ не проповѣдывали съ своихъ славныхъ кафедръ такихъ нравственныхъ уроковъ для человѣчества, какъ сума сироты. Это самое лучшее ручательство и для сиротъ вѣрренныхъ. Провидѣніемъ вашему руководительству. Провидѣніе никогда не дѣйствуетъ безъ цѣли.

Но вы миѣ описали себя, — какъ я себя опишу вамъ? Я не смѣю назначить мѣста, гдѣ окрылялись первыя мои надежды. Мое юношество протекло кое гдѣ — по закоулкамъ, по захолустьямъ. Съ покойнымъ отцомъ таскался я по всей Владимірской губерніи; жила въ немъ и въ монастыряхъ съ преподобными, объяснялъ имъ и тогда еще аналогію ихъ

„преподобія“ за что, обыкновенно, лишался дневной трапезы. Но, *de mortuis aut bene aut nil.* — Цурь имъ, покътей не имѣвшаго мысли поставить себя на чреду леви- 1843 г.
тальца, сидѣвшаго, какъ чумы, длиннополаго камзола, — ски-на смѣхъ всему свѣту, окутала въ широкій мундиръ безъ пуговиць и нустила скитаться по цѣлому свѣту, напѣвать народную молитву подъ свистъ дуль и ядеръ. Теперь я уже сроднился, свыкся съ своимъ положеніемъ, не завидую ни какому другому; теперь я уже просилъ Павла Абрамыча выслать мнѣ изъ Владиміра и шапку — ушанку, какъ единственное предохранительное средство отъ флюсовъ и ревматизмовъ; но тогда? о! тогда дѣло десятого разряда! Впрочемъ, мысль всемірнаго гражданства и скитальчества, не знаю какъ, заползла въ мою голову; прежде я никогда не имѣлъ ея; но, рѣшившись разъ, я уже не любилъ отставать, развѣ сами обстоятельства, или правильнѣе, само Провидѣніе разрушало мои планы. Прощай, любезный, до завтра, право мочи нѣтъ. Не все вдругъ — по маленьку.

9-го сентября, вечеръ. Утромъ не удалось.

Калякать много нечего. Вы, вѣрно, знаете мою исторію изъ рассказовъ родныхъ, или изъ очерковъ, которыми иногда надѣлялъ я ихъ изъ разныхъ угловъ Россіи — этой большой избы, гдѣ не вдругъ докричишься изъ угла въ уголь. Разумѣется, тамъ много неостанетъ тѣней и подробностей. Въ отрывкахъ, — какъ въ отрывкахъ, нельзя искать полноты. Въ тѣсныхъ рамкахъ письма нельзя втиснуть всего, нельзя оттушевать всѣхъ обстоятельствъ бивуачной жизни или быта.

— Гиббонъ — царь историковъ, эта Эзопская карриатура и уродъ по наружности и волшебникъ за перомъ — 30-ть лѣтъ писалъ свое „Паденіе и разрушеніе Римской имперіи“ — кромѣ приготовленій и критическаго разбора всѣхъ фактовъ; — цѣлую жизнь посвятилъ и вылился почти весь для сооруженія себѣ хотя безобразнаго, но безсмертнаго памятника въ потомствѣ. Мои войяжи стоятъ паденія Римской имперіи — куда-же намъ соваться со своимъ носомъ описывать ихъ суда или броды за барабаномъ. Вы знаете, или слышали, можетъ быть, походъ мой отъ береговъ Оки до береговъ Дуная, странствованіе въ Валахія, Молдавіи, ко-

1843 г. чевье въ Трансильваніи, Бессарабіи, у коханныхъ полекъ, поганныхъ хохловъ и у запачканныхъ крымскихъ татаръ. Канва обширна — предоставьте собственному воображенію рисовать какіе угодно узоры, — они, вѣрно, придутъ подъ тѣнь картинѣ. Включите тутъ пожалуй и буруны, и море, и скалы, и горы и проч. и проч. Теперь судьба пихнула пожить съ греками — народомъ самымъ коварнымъ и лукавымъ. Жизнь моя, впрочемъ, всегда или по большей части кроилась по послѣдней категоріи Канта. Имѣли мы свой приливъ и ведра, и ненастья, и радости, и горя — все смѣнялось своею чередой — какъ и все въ природѣ. Служба наша, подъ знаменами брани, весьма необременительна. Я встрѣчалъ товарищей по званію — (товарищей умныхъ, ловкихъ, образованныхъ, къ которымъ нашъ братъ и къ плечу не подойдетъ), которые сознавались, что у нихъ не болѣе 3-хъ разъ въ году званивали, — и это не шутка. Пршлую зиму я служилъ въ здѣшнемъ монастырѣ, большею частію по гречески — и такъ вызубрилъ греческую литургію, что меня рѣдкіе отличали отъ природнаго грека.

Что еще напишу я вамъ? да! ты, любезный, пастырь полутора дворовъ, а я пастырь многочислениѣйшаго стада, но почти безъ паствы. Головъ тысячъ до четырехъ настоящихъ, коренныхъ и столько же прикомандированныхъ — пригонныхъ должны бы ходить въ слѣдъ моего гласа: но, къ лучшему, стадо мое пасется на пажити чуждей, и бродитъ во слѣдъ инаго гласа. Въ стадѣ моемъ множество бродячихъ окороковъ, поросятъ, ословъ, верблюдовъ и одногорбыхъ и двугорбыхъ, — и ни одной почти овечки. Обязжаю я его разъ въ году, а то и въ глаза не вижу. Судя по многочисленности, казалось бы, пастуху — раздолье! — Хоть по клочку съ носа, пастуху — кафтанъ; — не тутъ-то было! Большею частію козлы, а отъ козловъ какая шерсть и молоко? Отъ бодливыхъ и дикихъ достается еще иногда на орѣхи и самимъ пастырямъ. Надобно имѣть большую снаровку, большой и длинный кнутъ, злыхъ собакъ, чтобы унасти такое сборное стадо. Власть пастыря здѣсь, впрочемъ, сораздѣлена съ властію самихъ свиней изъ породы крупныхъ и вислоухихъ, и подобно древнему стапу Израильскому — стадо наше управляется больше рукою Моисеевою, нежели Аароновою.

Но, оставя аллегорическую пошлость, скажу откровенно 1844 г. что прихожане мои ни какъ не похожи на вашихъ. Въ первомъ стадѣ моемъ, въ полку все было—жизнь—копѣйка; голова—нажитое дѣло! Сто лѣтъ жизни—на шестерку—куда не шло! Весело съ такими и смѣтливому пастырю. За то во второмъ—резервахъ—что-то вялое, паршивое, хилое, тупоумное, беспорядистое, словомъ—поганое. Впрочемъ, и тамъ и здѣсь не мудрено встрѣтить эпиграмму и безтолковый фанаберизмъ. Чтобъ казаться умнымъ,—всѣ охотно спорить свысока,—разумѣется, безъ всякаго толку и здраваго смысла, безъ всякаго понятія о дѣлѣ. Впрочемъ, это еще избранные баловни судьбы; большая часть не умѣетъ связать двухъ мыслей и начертить трехъ словъ правильно. Впрочемъ, никто не откажется похвастать жалкими побѣдами надъ обломками нѣсколькихъ разбитыхъ добродѣтелей въ чепчикахъ. Всѣ безъ изъятія почти безъ всякой вѣры до благословенныхъ сѣдинъ остаются тѣми-же мелко-развратными юношами, и часто прямо съ плаца, гусинымъ иль бѣглымъ шагомъ сходятъ въ могилу. Понятія мѣняются и изнашиваются въ нихъ, какъ старая набойка. Прежде времени обветшалые и изношенные, подъ конецъ они очень походятъ на орангъ-утанговъ, чисто выбритыхъ и причесанныхъ *a la pigeon*.

Вотъ кажется и все;—конецъ;—слава Богу. Не забывай, пожалуйста, любезный Ив. Михайловичъ, навѣщать насъ. Первый шагъ сдѣланъ—слѣдов. трудности кончились. Пишите про все, намъ хотѣлось-бы знать все до подноготной, даже какъ свѣтитъ у васъ солнце, какъ текутъ струи Оки: отечества и дымъ приятель. Желаемъ вамъ почаще пировать крестины—рожденія.

Прощай мой милый. Любящій тебя Василій Вознесенскій, священникъ Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго резервныхъ баталіоновъ“.

12-го марта слѣдующаго 1844 года онъ же писалъ мнѣ: „Хотѣлъ было перо починить—да не удалось; такъ и быть! мнѣ ничего въ жизни не удастся. Будемъ какъ-нибудь залить черезъ пень и колоду, а гдѣ и маленькой рысцей.

Нѣтъ, любезный, не въ томъ сила, чтобы громоздить себя на ходули словесности, не въ томъ штука, чтобы вытягивать за ушки бѣдные слова въ превосходную степень:

1844 г. письмо — дружеская бесѣда; а на праздникѣ дружества — откровенность должна быть далека отъ всѣхъ условій вычурности. По моему всякое уклоненіе на сторону словесности, всякая кудреватость, предполагагая усиліе набирать слова, указываетъ на внутреннее чувство нужды, — искать внѣ того, чего нѣтъ внутри, а это уже по самой очевидности есть лишеніе истиннаго, сердечнаго расположенія. Силлогизмъ вѣрнѣйшій! Я боюсь этой логики: и потому всегда нишу, что взбредеть на умъ и понадасть подъ руку, и люблю кто откровенничаетъ со мной безъ всякихъ финтифлюшекъ. Ваша простота пріятнѣе для меня всѣхъ философскихъ системъ въ мірѣ. Говорятъ, нѣтъ ничего легче въ художествѣ, какъ вычурность, ничего мудренѣе, какъ простота, ничего искусственнѣе, какъ строгая естественность. Сказываютъ также, что искусство на то и дано человѣку, чтобы онъ умѣлъ быть естественнымъ, какъ сама природа, вѣчный образецъ прекраснаго. Еще доложу пожалуй, что самую словесность нынѣ, или лучше риторикѣ — изъ дворянъ, за недостаткомъ доказательствъ, разжаловали въ рядовые, — изъ науки — въ пошлую компиляцію: говорятъ, всѣ ея троичи и фигуры — бредни, всѣ хриіи — галиматья! и правда! Монологъ этотъ набросалъ я, любезный, для того, чтобы вы не жаловались на недостатокъ „изобрѣтательности“ и не завидовали моему искусству, какъ вы говорите „въ эпистолярной гастрономіи“. Оставимъ же, любезный, всю напыщенность — германской философіи, всю темноту — судейской совѣсти, всѣ кудреватые крючки — замашкамъ секретарей и повытчиковъ. Будемъ бесѣдовать, какъ Богъ послалъ; только пожалуйста почаще. Вотъ съ моей стороны одно и единственное условіе.

Вы подарили меня праздникомъ — дѣйствительно. Спасибо вамъ. Полученіе почты — особенно писемъ — ширушка для меня. Я всегда жду ихъ съ нетерпѣніемъ и перечитываю съ жадностію по нѣскольکو разъ. Жаль только, что вы, при всемъ обиліи фактовъ, немножко сухи и чрезъ чуръ скромны въ повѣствованіи. Миѣ бы хотѣлось знать всю подноготную Муромскую — даже какъ всходитъ у васъ солнце, по старому-ль катить струи свои Ока. Вотъ какъ занято Муромомъ мое воображеніе. Миѣ мало знать, что у васъ была масленица — но какъ она прошла у васъ — какъ вы

провели се?... Васъ — семья большая! Родныхъ цѣлая ко- 1844 г.
манда! ведется-ли между вами, какъ въ старину бывало —
бостоячикъ; въ какихъ отношеніяхъ все вы между собою,
по какой особенно категоріи кроится жизнь каждого изъ
васъ, горитъ-ли между вами та любовь и согласіе, которыя
такъ крѣпко связываютъ сердца и души! Вотъ чего жа-
ждетъ душа моя — откровенности ищю я. И самъ, когда здо-
ровъ, люблю съ друзьями и порѣзвиться и пошутить; вы-
ворачиваю на изнанку всю душу и сердце, никогда не
взнуздываю своей откровенности.

А писать? — Самое лучшее — по временамъ. Нынѣ это
принято почти всеми закадычными писаками. Не стѣснясь
обстоятельствами, не стѣсняешь и своей свободы, и
не спѣшишь, какъ угорѣлый сломя голову и перо къ сроч-
ной почтѣ. Отъ этого выигрываютъ и тотъ и другой. Одинъ
выигрываетъ уже тѣмъ, что пишетъ, когда хочетъ, а дру-
гой навѣрно больше получаетъ, нежели обыкновенно. Я по-
лучивалъ письма, писанныя по 16-ти дней къ ряду. Вѣдь,
это цѣлый журналъ! Но вотъ ужъ и я, любезный, осла-
бѣлъ; постоитъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться.
Вѣдь я еще какъ дитя, едва едва сижу на постелѣ, и то
въ подушкахъ, никакъ не могу пригнуть больной груди
своей къ столу. Посмотрѣли бы вы, какъ я ухитрился и
чего не нагромоздилъ, чтобы писать сидя на постелѣ не
сгибая своего положенія? На выдумки натура таровата!
Жена и такъ бранится — лаетъ, какъ говорятъ хохлы, что
я такъ изнуряю и неволю себя, — но вѣдь я нѣсмь чело-
вѣкъ, яко-же прочіи лицемѣры и проч. и проч. Да, вонъ
скидаютъ на крыльцѣ шинели и калоши, какихъ — то двое,
одинъ, кажется, маіоръ въ жирныхъ эполетахъ, — а другой —
не знаю. Они идутъ, повидимому, больного посѣтить, а по
настоящему смыслу, выпить водки и подѣбеть. Я ихъ на-
туру знаю. O tempoга, o mores! o pecora, boves!...

3 часа послѣ обѣда. Вотъ я опять къ вашимъ услу-
гамъ: опять угромоздился. Будемъ продолжать доколь до-
станетъ силъ и терпѣнія. Жена теперь не видитъ — она на
своей половинѣ и, вѣрно, отдыхаетъ.

Первая часть вашего посланія прекрасна. Она очень
обрадовала насъ. Ради Бога нельзя-ли почаще этакъ вос-
производить въ матушки и изъ дѣвицъ робить молодичъ.

1844 г. Это самый поэтический эпизодъ во всемъ жизненномъ мѣрѣ. Господи, Боже мой! какъ не увѣриться, какъ не убѣдиться, что надъ сиротами видимо печется самъ Промыслъ. Отнимая отъ бѣдныхъ отца земнаго, — онъ даетъ имъ небеснаго, который лучше и вѣрнѣе всѣхъ отцовъ въ мѣрѣ знаетъ какъ устроить участь дѣтей своихъ. Какъ не благодарить и Парсенія, избравшаго благую цѣль въ своемъ управленіи, хоть эта благая цѣль очень частенько сидѣла на шеѣ нашей братьи, была въ тягость, но это по недоразумѣнію и легкомыслию. (Эта благая цѣль была также въ числѣ не маловажныхъ причинъ, почему я съ знаменемъ Царя небеснаго, рѣшился стать подъ знамена Царя земнаго). Не даромъ же Провидѣніе надѣлило его именемъ „Парсеній—*Παρθένος*—дѣвственникъ. Отъ всей души желаемъ счастья новобрачнымъ и привѣтствуемъ новаго гостя въ кругѣ родственной семьи. Мнѣ что-то фамилія „Силецкій“ такъ... что то... кажется и знакомою и не знакомою ¹⁾). Впрочемъ, всѣхъ нельзя знать. Стало-быть вашего полку теперь и прибыло и убыло.

Очень радъ, что духовный ареонагъ вашъ въ Полотебновѣ пріобрѣлъ мужа могущаго поддержать и судъ и правду; только нечего ему, кажется, будетъ развѣшивать. Постъ этотъ такъ малъ, такъ ничтоженъ, что кромѣ несчастной подписи на метрическихъ книгахъ не составляетъ никакой особенности въ общемъ судопроизводствѣ. Нашли-же наградить чѣмъ? Исторія Полотебнова извѣстна мнѣ изъ разсказовъ Рязанцевъ-земляковъ его. Онъ долженъ быть славный человекъ, потому что учился у самаго перваго учителя въ мѣрѣ— у нужды, и полировался въ самой лучшей школѣ— терифніа... Но прощай, любезный, до завтра. Въ глазахъ потемнѣло, а на дворѣ скоро съсумрачится. Если ночь, — Богъ дастъ, засну—разскажу, что привидится.

13-го все утро просидѣли дѣти эскулапа. По обыкновенію выпили съ полграфина водки, съѣли двѣ тарелки маренату и ушли. Этимъ кончаются болѣею частью всѣ наши визитаціи, а болѣзнь остается своимъ порядкомъ. О меди-

¹⁾ Яковъ Андреевичъ Силецкій, священникъ, послѣ протоіерей въ Муромѣ, второй аятъ П. С. Царевской, женатый на дочери ея Александрѣ Васильевнѣ, слѣдовательно своимъ преосвящ. Савви.

цина, медицина! какъ ничтожны всѣ твои начала и системы! Аллопаты, изопаты, гомеопаты, Броунисты, послѣдователи Бишо, Бруссанеты, Гипократисты! Всѣ ваши системы гадательны, всѣ вы обременены тяжкими грѣхами противъ здраваго разсудка; всѣ состоите подъ уголовнымъ судомъ за свои мечтательныя начала, за произвольность своихъ частныхъ выводовъ, за ложность своихъ общихъ заключеній, за невѣрность наблюдений, и за безконечныя противорѣчя самимъ себѣ. Не даромъ Мажанди и Томасъ-Юнгъ—два великія свѣтила въ медицинскомъ мірѣ, низводятъ медицину изъ науки въ званіе эмпирическаго ремесла. И правда! Впрочемъ, какъ бы то ни было, а день пропалъ и для меня и для васъ. Что Богъ дастъ завтра.

14. Завтра почта: слѣдовательно надобно поторопиться. За себя миѣ ручаться никакъ нельзя: я часъ сижу, а три часа валяюсь.

Что вы такъ боитесь за свою проповѣдь, за это свое любезное дѣтище? Кто беретъ на себя неслыханную дерзость, какъ Иродъ блудивый, критиковать новорожденное слово Божіе? Быть можетъ у васъ и до сихъ поръ придерживаются еще несчастной мѣрки классическихъ приступовъ, въ которыхъ ни къ чему не приступаютъ, — доводовъ, которыми ни къ чему не доводятъ, — и заключеній, которыми ничего не заключаютъ; смѣшно, право, размѣривать мысль свою по данному аршину, выливать ее, какъ чугуны, въ чужую форму. Водился грѣхъ этотъ и за нами, нечего сказать, но я ужь дѣтъ 10 совершенно освободился отъ классическихъ затѣй. Быть можетъ я бы теперь и не годился между вами, почивающими на кодексахъ риторикъ и теологій. Я пишу всегда, что вздумается. Двѣ мои рѣчи, напечатанныя гдѣ-то въ Инвалидахъ, изъ коихъ одна въ 1834-мъ году на день Александра Невскаго и воздвигнутія памятника Александру Благословенному, говоренная въ чистомъ полѣ—на курганѣ, подъ навѣсомъ знаменъ, была никакъ не больше четвертинки. Да и никогда я не писывалъ больше 3-хъ страничекъ или поллисточка; за то съ какимъ восторгомъ расхватывали и переписывали эти поллисточки мои военные, особенно когда я былъ въ полку и помоложе. Вообще полезіе, говоритъ Паскаль, пробуждать въ людяхъ любовь къ христ. церкви, чѣмъ доказывать ея истину

1844 г. доводами, которыхъ силу и вѣсь постигаютъ не всѣ. Истинныя священныя не должно подчинять искусству убѣжденія, онѣ безконечно выше природы; одинъ Богъ можетъ вложить ихъ въ душу, и тѣмъ способомъ, какой Ему благоугоденъ. Впрочемъ, долгъ пастырей—святить, —произращать есть дѣло Божіе. Хорошій хозяинъ знаетъ, какъ святить, знавши землю свою и время. Но вотъ и поллисточикъ или, бишь, листочикъ весь; прощай дружокъ, сизокрылый голубчикъ, мнѣ пора прилечь.

15. Вторая часть письма вашего, какъ метрическая часть объ умершихъ, навѣваетъ на душу мрачныя мысли. Господи! какъ быстро родъ человѣческій смѣняется съ часомъ своей жизненной стражи? и не примѣтишь, какъ наткнешься на могилу—эту яму, разграничивающую міръ дольний съ горнимъ. Счастливъ, кто входитъ въ нее не оглядываясь съ прискорбіемъ на прошедшее. Объ Закревскомъ и Языковѣ я не скажу ни слова. *De mortuis aut bene, aut nil.* Судь ихъ уже подписанъ. Это, кажется, были два пріятеля—какъ постный сочельникъ и сытное разговенье. Первому давно уже занятая была квартира на томъ мѣстѣ — свѣтъ. Если онъ былъ вѣрный послѣдователь ученія Волтера, надъ которымъ нынѣ смѣются уже мальчишки, какъ надъ подстрѣленнымъ ястребомъ, упавшимъ въ ихъ лужу для забавы, то не худо бы ему прочесть рацею, которую читалъ Дидро предъ смертью Вольтера. Языковъ, если не въ жизни, по крайней мѣрѣ по смерти могъ быть полезенъ анатомическому кабинету.

Наконецъ, пришлось сказать что-нибудь о самомъ себѣ; а больно не хотѣлось бы. Здоровье мое такъ худо, что не стоило-бы и говорить объ немъ. Да, любезный, вотъ ужъ „15-ть“ недѣль лежу, не отдѣляя головы отъ подушки: не знаю, что такое воздухъ, ходятъ ли люди по св. землѣ? Кочую безвыходно въ своемъ кабинетѣ—не большой отдѣльной комнаткѣ черезъ сѣни, куда, повидимому, переселился и самъ эскулапъ съ своими ретордами и биксами, гдѣ рѣшительно все провоняло медицинской кухней. Не смотри на этотъ смрадъ и вонь, здоровье мое ни туда, ни сюда; и Богъ знаетъ, что будетъ дальше. Надежды очень мало: она какъ метеоръ мелькаетъ только въ будущемъ. Впрочемъ все въ волѣ Господней....

Говорить, и такъ измѣнился, что меня не узнаютъ мои даже самые знакомые; глаза вяли, лысина стала какъ добрый ошметокъ, хоть рожь молоти, изсохъ, носнѣлъ, щеки втянулись, ну, словомъ ничего не осталось отъ того рѣзваго и живаго, который подь часъ любилъ и порѣзвиться и пошутить: похожь сталъ больше на жильца иного міра. Куда что дѣвалось? Болѣзнь, убивши силы тѣлесныя, коснулась, кажется, и умственныхъ. Ни за что не хочется приниматься; все валится изъ рукъ. Прежде я любилъ читать, но нынѣ ничто не занимаетъ. Скука, грусть, тоска какъ бы придавили или задавили мою душу. Нѣтъ мочи заняться даже и съ дѣтьми—и они, кажется, избаловались, канальи до пельзя. У матерей плохая дисциплина. Мы только все четверо, т. е. я, жена и двое дѣтей, каждый четвергъ играемъ на моей постелѣ въ фофана, и толкуемъ безиростанно о родинѣ: говорятъ, это не совѣмъ добрый знакъ? Мнѣ совѣтуютъ ѣхать на воды или въ родной климатъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я и безъ совѣтовъ хотѣлъ было побывать на родинѣ, на это много причинъ; но человекъ предполагаетъ, а располагаетъ Богъ. Не забѣгай въ будущее—Богъ знаетъ, что будетъ съ нами завтра. Эта болѣзнь, изнуривши, разстроивши тѣло, изнурить непремѣнно и кошелекъ. Посты я уже профукалъ—пустилъ своихъ духовнымъ овецъ по чужимъ рукамъ; слѣдовательно, мнѣ не достанется отъ нихъ ни клочка, ни ноготка. А это больно не въ голосъ. Жить однимъ жалованьемъ—мое почтеніе, особенно если болѣзнь не уймется. Право, не знаю, что и будетъ, ума не приложу въ своей головушкѣ!...

Да—я не сказалъ вамъ, что за болѣзнь у меня? Въ прошедшій разъ я навралъ, и навратъ со словъ пресловутаго медика-дурня. Меня дѣйствительно долго лечили отъ скорбута, морили кислотами и ваннами; но призванный посторонній медикъ не постыдился сказать въ глаза нашему коновалу, что болѣзнь моя столько-же похожа на скорбуть коновалу, какъ онъ самъ на индѣйскаго Далай-ламу, что у меня на скорбуть ничего и похожего и нѣтъ и не было. Согнали почти бѣднаго съ лица земли. Но у меня золотушная опухоль—опухоль затвердѣлая, какъ камень отъ самаго колѣна до бедра. Подобныя опухоли, особенно запущенныя, по увѣренью тѣхъ-же пасынковъ Эскулапа,

1844 г. продолжаютя будто-бы по цѣлому году. Весной хотятъ поить меня какими-то травами,—до весны отлагаютъ все леченіе. Но съ этой опухолью мы хотъ немножко справились: припаривавши четыре недѣли къ ряду бѣленой, хотъ немножко успѣли размягчить ее, она позволяетъ мнѣ нынѣ проползти и на половину Екатерины Степановны,—которая въ сію минуту распекаетъ на пропалую людей, что не достали судаковъ и окуней,—но вотъ грудь, сильный кашель, опять скулы и десны, въ которыхъ вѣрно то-же гуляетъ золотуха. Вотъ что сокрушаетъ меня и не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью!

Вотъ я, кажется, написалъ вамъ все—пора бы и отдохнуть. Да ба! Бумажки есть и на почту еще рано. Письмо это вѣрно придетъ къ вамъ на святой недѣлѣ или Фоминой: примите отъ меня братскій привѣтъ съ радостнымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Здѣсь уже многіе начинаютъ хлопотать о пасхахъ. Вы знаете, что такое пасхи польскія или хохладкія? Послѣднія еще не такъ, но первыя чрезвычайно затѣйливы. Тамъ опредѣляютъ для того особенную комнату, а у большихъ пановъ — залъ. Въ этой комнатѣ готовится пасха, изъ всѣхъ родовъ мяса и жаркихъ. Главную роль всегда играютъ бабы—такъ называемые куличи въ аршинъ и болѣе вышиною, круглые какъ столбъ, и украшенные сахарными гирляндами. Въ эту бабу иногда идетъ до 700 и болѣе яицъ и цѣлый, ему же и кость не сокрушится—баранъ съ вызолоченными рогами;—онъ всегда стоитъ впереди и представляется на корточкахъ, кушающимъ зеленую травку. Зеленъ всю готовятъ нарочно до Пасхи. Я всегда любовался барашкомъ изъ сливочнаго масла. Это такъ мило—такъ естественно, что боишься, право, трогать его. На этомъ пасхальномъ столѣ все, отъ самой утонченной прихоти, до смиренной соли и горчицы. Поляки всю недѣлю не ѣдятъ ничего, кромѣ свяцонаго. У хохловъ—бѣдвѣе. У этихъ первая принадлежность—тоже бабы, сало и поросенокъ или цѣлая свинья, у которыхъ во рту непременно хрѣвъ и проч. и проч. Но здѣшніе священники не объяснятъ даже, дурни, для чего тутъ нуженъ хрѣвъ, что такое красное яйцо,—артось, который у нихъ во всякой церкви дѣлается.

Мы тоже иногда подражаемъ туземцамъ—и я покупывалъ 1844 г. лучшую крупич. муку на насхи по 12 р. пудъ.

Ну что еще? Описаніе города? Славяно-сербскъ городъ скверный, мерзкій, по поламъ съ дерьмомъ, съ гаванью. Лежить въ долинь, примыкающей къ Дону. Изобилень комарами и мошками. Безпрестанные вѣтры чуть чуть не сорвутъ хаты. Снѣгъ и дождь—дождь и снѣгъ вперемежку шпигуютъ здѣшнюю землю. Въ первыхъ числахъ марта былъ большой громъ съ молніею. Ну, кажется, все—прощай, милый, поклонись отъ насъ всѣхъ—всѣмъ Муромскимъ. Поздравь сестрицу, Прасковью Степановну, съ новымъ сыномъ, дай Богъ ей въ радость и утѣшеніе.

Любящій отъ души всѣхъ васъ армейскій свящ. Василій Вознесенскій“.

22-го мая писалъ мнѣ изъ Горницъ, въ отвѣтъ на мое поздравительное письмо, о. Василій Сапоровскій:

„Очень благодаренъ, что вы не забываете меня, привѣтствовали съ прошедшимъ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи и съ наступающимъ днемъ моего Ангела. Письмо ваше, исполненное взаимнаго родственнаго и дружескаго расположенія, такъ же благоразумныхъ сужденій, новостей и разныхъ разностей мнѣ принесло премногое удовольствіе, потому наиболѣе, что я, кромѣ родныхъ и почтенныхъ друзей, почти не пишу ни къ кому, но и друзья и родные не рѣдко заставляютъ молчать, и они, по глаголу псалмиста, нынѣ отдалече сташа; и неудивительно! Нынѣ, какъ пишетъ одинъ ученый, настала такой вѣкъ, вѣкъ холодный и сухой, вѣкъ эгоизма, вѣкъ самолюбія и мелочныхъ расчетовъ,—а мы старинныхъ завѣтовъ...“

Совершенная ваша правда, что не легко въ преклонныхъ лѣтахъ при постоянной церковной службѣ ходить въ священномъ облаченіи по крестьянскимъ лагугамъ и въ каждой служить молебенъ изъ 20-ти копѣекъ мѣди; вѣрите-ли, что ни одинъ изъ прихожанъ не почтилъ полтиною серебра въ сей трудный походъ. Но что же дѣлать намъ? Чѣмъ добывать насущный хлѣбъ, какъ не горбомъ, да горломъ? Куда дѣваться, когда на свѣтѣ семъ не равная участь людей? Для насъ и того довольно, что мы еще члены общественнаго тѣла и отчасти уди тѣла Христова;—не всѣмъ же старцамъ въ игуменахъ быть; а слѣдовательно

1844 г. и тотъ блаженъ, кто малымъ владѣеть и quis parvo est contentus. На все должна быть привычка, кажется, и на самую нѣгу или сибаритство. Умѣренный трудъ приноситъ здравіе, освѣжаетъ тѣлесныя силы, какъ и текущая вода; напротивъ, изнѣженность не только раждаетъ слабость и другіе тѣлесныя недуги, но охудается и Божественнымъ ученіемъ. Отъ того, вѣрно, первые проповѣдники слова Божія и вѣры Христовой не хотѣли имѣть ни экипажей пышныхъ, ни добрыхъ и рѣзвыхъ коней, а путешествовали, и не въ одномъ небольшомъ городкѣ, а и во всей вселенной, и безъ сапоговъ и безъ жезловъ, подобно намъ селянамъ — лапотникамъ.

Вы пишете, будто-бы я совѣтовалъ вамъ оставить соборное мѣсто и перейти на мѣсто о. Давида; — напрасно, у меня этой мысли и на умѣ не было, — вы не поняли словъ моихъ. Я вамъ совѣтовалъ просить не о перемѣнѣ своей, а о исходатайствованіи мѣста отца Давида. Александръ Васильевнѣ, доброзрачной и благонравной свояченицѣ вашей. Получивъ письмо ваше, я и возрадовался радостію, искреннею, непритворною радостію, что желаніе исполнилось. Слава премудрому Богу, устрояющему все во благо! Слава и доброму пастырю, пекущемуся о сирыхъ! Новый вашъ родственникъ, особенно вамъ извѣстный, или можно сказать сотоварищъ, васъ будетъ улаживать во всякое время и во всякихъ обстоятельствахъ, раздѣлять и радостныя бесѣды и скучныя минуты. Провидѣніе Божественное васъ поставило на свѣщницѣ; вы всемѣрно старайтесь разливать свѣтъ свой предъ челоуѣки, берегитесь, что бы не затмевали васъ какія-либо мрачныя облаки пагубныхъ пороковъ. Чье око смертныхъ можетъ проникнуть непроницаемую завѣсу будущаго? Можетъ быть вы со временемъ... но вотъ и я, подобно вамъ, далеко уклонился отъ настоящихъ предметовъ.

Вы пишете, что по мірскому обычаю сочинили именинную пирушку и хотя много было званыхъ, но къ досадѣ вашей оказалось мало избранныхъ; и какъ не досадовать, когда вы на припасы истожили всеъ запасъ, всеъ доиты, собранныя на св. Пасхѣ! Таковою неудачею и отказомъ огорчился самъ Творецъ, такъ что во гнѣвѣ своемъ послалъ на исходяща путей собирать и калѣкъ и слѣпыхъ,

даже и злыхъ, всѣхъ—кто только тамъ находился. Подобно 1844 г. вамъ и я приуготовилъ мянинную пирушку, но со мною случилось противное. Ко мнѣ собрались не только званые и избранные, но обрѣтающіеся на халугахъ раскола и недоброжелатели,—домъ мой наполнился во весь тотъ день всякаго рода и званія народомъ.

Относительно вашихъ занятій скажу, что оныя весьма похвальны, питаютъ душу и сердце какою-то усладительною манною, но перѣдко расслабляютъ тѣло и притупляютъ скоро зрѣніе. Перевѣсь во всемъ вреденъ — *medium est optimum*. Для сего иногда полезна разсѣянность или прогулка съ милымъ сердцу, дружеская увеселительная бесѣда; въ городѣ много и другихъ невинныхъ и пріятныхъ развлеченій,—горе намъ старикамъ-бѣднякамъ...

Побесѣдуемъ въ кратцѣ о нашемъ житьѣ; мы доколѣ живы и сыты, а впредь уповаемъ на власть и благость Божию. Хлѣбецъ не такъ-то дорогъ, гораздо дешевле дровъ и работницъ. Лѣса вывели фабриканты богатые, а работницы не нанимаются потому же, что хлѣбъ не дорогъ и на фабрикахъ идутъ дѣла хорошо. Г. Митьковъ овдовѣлъ, но затѣй своихъ не оставляетъ; крестьянъ приговяетъ въ Шую паки... Пописать хочется еще, но тороплюсь ѣхать въ Шую и боюсь опоздать. Надѣясь на вашу благосклонность и ласкаясь получить отвѣтъ на письмо сіе, съ искренною любовію остаюсь“ и проч..

При этомъ письмѣ приложены были слѣдующіе стихи на пріѣздъ въ Горлицы помѣщика этого села, маіора Митькова:

„Итакъ ты здѣсь!... Здѣсь гость превозделѣнный!
 Когда лилась ручьями Россовъ кровь,
 За пламенну къ отечеству любовь,
 Самимъ царемъ превознесенный!“

Оставилъ ты первопрестольный градъ,
 Гдѣ дивныхъ множество палатъ,
 Веселостей—различныхъ наслажденій...
 И какъ небесный, кроткій геній
 Пришелъ съ возлюбленной четой
 Въ смиренну весь и въ домъ простой.
 Приходь весны для каждаго пріятель
 И сколь полезенъ, благодатенъ...

1844 г. Простремъ-ли взоръ къ лазурнымъ небесамъ?
Лазурь чистѣй, -яснѣй и солнце свѣтитъ намъ;
На землю-ли? на ней вездѣ и все плѣняетъ:
Природа брачную одежду надѣваетъ,
Цвѣтные стелются ковры въ дугахъ;
Хоръ слышенъ птицъ въ дубравахъ и садахъ,
Какъ нѣжное дитя зефиръ игривый
Рѣзвится на поляхъ, колыша нивы;
Спѣшитъ оратай на труды
Посѣять и пожать плоды.
Твое, гость дорогой! къ намъ посѣщенье
Должно умножить восхищенье
Въ сердцахъ всѣхъ преданныхъ твоихъ...
Ты, какъ отецъ и попечитель,
Какъ истинный домостроитель
Желаешь счастье устроить ихъ.
Они на гласъ твой всѣ послушны...
Ты видѣлъ ихъ пріемъ радушный!...
Смотрѣлъ чертоги богачей
И хижины простыхъ людей....
Мужъ доблестный! я такъ-же восхищаюсь
Прибытіемъ твоимъ;
Хоть нѣсколько и содрогаюсь;
Однако-же сиѣшу съ усердіемъ своимъ...
Забывъ все старое, бывшее....
Прими мое привѣтствіе простое
И не лиши своихъ щедротъ.
За благосердіе твой свѣтлый родъ,
Твоя жизнь долго, мирно продолжится....
А слава—на главѣ твоей
Силететь вѣнокъ изъ миртовыхъ вѣтвей!
Искренно любящій извѣстный Василій Сапоровскій.

Примѣч. Не забудьте, что я прежде имѣ оскорбленъ и имѣлъ даже судебное дѣло, а нынѣ принять очень хорошо.
Въ іюль мѣсяцѣ произведена была въ нашемъ духовномъ училищѣ обыкновенная ревизія, которой впрочемъ при мнѣ еще не было. Ревизоромъ былъ помянутый мною выше ученый протоіерей Полотебновъ. Но эта ревизія не имѣла для меня ни какихъ особенныхъ послѣдствій.

18-го іюля писалъ я въ Иваново и поздравлялъ сестру 1844 г. Марью Михайловну со днемъ ея ангела (22-го числа). Затѣмъ продолжалъ:

„Еслибъ Муромъ былъ поближе къ Иванову: непременно воспользовались бы настоящимъ, совершенно свободнымъ временемъ, чтобы посѣшть къ вамъ на именины. Я сказалъ: *совершенно свободнымъ*. Да, теперь и я свободенъ отъ училищныхъ занятій и Анна Васильевна освободилась отъ своихъ семейныхъ безпокойствъ, если только можно назвать безпокойствомъ пріятныя заботы о дѣтяхъ. Сынъ нашъ-Миша, послѣ продолжительной болѣзни, оставилъ насъ и, какъ ангелъ Божій, мирно улетѣлъ на небо прошедшаго іюня 1-го дня. Пустота, произведенная его кончиною въ душѣ нашей, доселѣ ни чѣмъ не наполняется. Хотѣлось-бы въ самомъ дѣлѣ для развлеченія куда-нибудь выѣхать нынѣшнею вакаціею (жить въ городскомъ шумѣ безвыѣздно не много уже наскучило; хочется подышать свѣжимъ, сельскимъ воздухомъ): но въ дальній путь, на примѣръ, въ ваши края, пуститься нельзя. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, какъ обыкновенно водится, надобно ожидать Преосвященнаго. 16-го августа у насъ храмовый праздникъ; къ тому же въ этотъ день назначено мнѣ говорить проповѣдь. Послѣ сего времени располагаемъ съѣздить къ кому-нибудь изъ ближайшихъ по мѣсту родственниковъ.

Какъ много одолжили-бы насъ вы, если-бы какъ-нибудь среди вакаціи вздумали посѣтить насъ. Не видавшись два года, весьма пріятно было-бы увидѣться и побесѣдовать о томъ, о семъ. Но у васъ, кажется, заведено хлѣбонашество: и оно-то, конечно, не позволитъ вамъ отлучиться. Если какъ-нибудь и когда-нибудь заблаторазсудите насъ посѣтить: пригласите съ собою и Кохомскихъ. Какъ-то они нынѣ поживаютъ? Объ нихъ очень давно ничего я не слыхалъ. Да и объ васъ, правда, съ великаго поста ровно ничего не знаю. Богъ знаетъ, что у васъ дѣлается. Не совсѣмъ правъ и я предъ вами: такъ давно не писалъ вамъ ни строки. Но, пожалуй, у меня въ запасѣ есть не мало и причинъ. То былъ немного нездоровъ лихорадкой: и эта злодѣйка—лихорадка съ такою силой свирѣпствовала въ Муромѣ, что рѣдкое семейство спаслось отъ ея губительнаго нашествія, а у насъ въ домѣ рѣшительно всѣ, я

1844 г. даже не по одному разу, испытали ея нападеніе; по милости этой же окаявной лиходѣйки, вашъ молодой зять—Яковъ Андреевичъ чуть-чуть не сдѣлался покойникъ. Далѣе—май весь прошелъ въ праздникахъ, да гуляньяхъ: тутъ ужъ не до писемъ. Іюнь—это у насъ тоже, что въ крестьянскомъ быту сѣнокосъ да жнитво,—ярмарка да экзамень; хлопотъ былъ полонъ ротъ. Едва едва, наконецъ, раздѣлались съ ревизоромъ; а ревизоромъ у насъ былъ протопопъ Полотебновъ, нашъ родной—Муромскій, человекъ умный и добрый. Не знаемъ только, какія будутъ послѣдствія“...

22-го сентября получено было мною изъ Абакумова отъ о. Граменицкаго, на 5-ти осьмушкахъ, письмо, начатое 9-го іюля и оконченное 8-го сентября. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ:

„Ваше дорогое пріятнѣйшее письмо въ моихъ рукахъ съ 22-го апрѣля.“

Вы вполне удовлетворили мнѣ чистосердечнымъ увѣдомленіемъ, и я очень благодаренъ за всѣ подробности письма вашего, постараюсь и самъ собрать все, что вспомнится.

1-го февраля былъ я приглашенъ на освященіе храма въ вновь открывшееся село Илькодино, отстоящее отъ насъ верстъ на 18-ть, тамъ священствуетъ нашъ товарищъ Иванъ Петровичъ Цвѣтковъ. Такъ какъ крестьяне этого села господина Поливанова, то этотъ Поливановъ приглашалъ о. благочиннаго нашего, который и былъ дѣйствующимъ главнымъ лицомъ при освященіи. Удивительно трогательною для меня показалась процессія освященія храма! Когда священнодѣйствующіе надѣли на себя бѣлые фартуки и при громкомъ пѣніи ликовъ: *Господь воцарися въ многую облечеса*—начали обмывать св. трапезу, вбивать камнями гвоздѣ, облекать въ одежду и опоясывать мѣсто селенія Господня, какой-то священный восторгъ или незъяснимый ужасъ потрясъ все существо мое. Молю Господа Бога, что-бы удостоилъ меня побывать еще гдѣ-нибудь при подобномъ дѣйствіи.

Желаете знать, какъ я живу въ семействѣ? въ какомъ отношеніи къ своимъ насомымъ? Часто-ли говорю проповѣди? Какія читаю книги? и часто-ли вижу съ товарищами? Извольте, милый другъ, готовъ удовлетворить съ полною охотою.

Прошедшаго іюня 24-го дня у меня родилась еще дочь

Ольга; значить, теперь двѣ дочери составляютъ единствен- 1844 г.
ное мое удовольствіе; въ домашнемъ быту дѣтя для роди-
телей первая забота, первая и отрада, — постоянно прислу-
шиваюсь къ невнятному лепету старшей и къ бессозна-
тельной улыбкѣ и слезамъ семинедѣльной.

Отношеніе мое къ пасомымъ двойко: хорошее и не со-
всѣмъ-то успѣшное. Хорошо, что я, въ четыре года по-
нявши характеръ православныхъ рустиковъ, выполнюю тот-
часъ ихъ желаніе, не морю у крыльца по цѣлымъ суткамъ,
не обременяю тяжелымъ условіемъ за требу, — за то и они
меня ни въ чемъ не оставляютъ. Во всякой нуждѣ слѣ-
дуетъ только сказать выборному деревни, — тотчасъ все го-
тово. Пашня-ли? Пріѣдетъ цѣлая деревня, въ одинъ день
запашетъ, посѣетъ и заборонитъ цѣлое поле. Навозъ во-
зить — такъ посѣщаютъ меня 70 человекъ и въ одинъ день
вывезутъ, разобьютъ и запашутъ. На сѣнокосъ слѣдуетъ
вывезти четверть вина и бочку пива, подкосятъ столько,
что успѣвай убирать; даже дьячки въ нашемъ селѣ по своей
избалованности не всѣ занимаются работою сами, но чу-
жими плечами; а священники — самую малость дѣлаютъ по-
мочами. Но сколь легко положеніе мое съ прихожанами
въ отношеніи житейскомъ, столь трудно напротивъ въ от-
ношеніи духовномъ. Сами можете представить тяжесть мо-
его пастырскаго положенія съ младенцами христіанской пре-
мудрости. Какъ ни научай, какіе не принимай тѣны убѣж-
денія, ни какъ не потрафишь въ свою пользу, — все оста-
ются тѣми же невѣждами, какъ и привыкли быть. Это
сокрушаетъ мой духъ, постоянно мучитъ совѣсть и повсе-
часно напоминаетъ моему воображенію страшный гласъ
Господень: *Оле пастыри Израилевы! крове овецъ моихъ
отъ рукъ вашихъ взыщу.* Точно, можно подѣйствовать и
на этотъ народъ своею жизнью. Но, любезный другъ, со-
гласитесь сами, что человѣку, обязавшемуся семействомъ,
нельзя отвергнуться себя совершенно, по заповѣди Божіей,
нельзя дѣлать всё туне, нельзя избѣгнуть всѣхъ мірекихъ
порицаній и пересудовъ. Уповаю на милосердіе Божіе, молю
Его безпредѣльную благость, чтобы дѣланіе мое въ Боже-
ственномъ вертоградѣ было не безплодно; — да и отъ тернія
взыдетъ кинарись, да и отъ безплоднаго каменія произы-
дутъ чада Аврааму....

1841 г. Остается сказать вамъ еще объ особомъ классѣ моихъ духовныхъ овецъ — дворянахъ, которыхъ въ моей паствѣ три дома. Живя въ городѣ и постоянно имѣя обращеніе съ симъ народомъ, сами можете составить понятіе и о томъ къ нимъ отношеніи. Они народъ тонкій, проникательный; обращаться съ ними надобно слишкомъ умѣвши; покойникъ мой родственникъ Симскій благочин. Приклонскій, при поступленіи моемъ на мѣсто, предупредилъ меня извѣстіемъ о щекотливости сихъ персонъ и вооружилъ правиломъ: на всякій случай держать въ запасѣ противъ нихъ за пазухой камышекъ; этого правила я держусь и доселѣ, и вполне узналъ пользу и благотворность онаго. Впрочемъ, изъ нашихъ господъ позначительнѣе одинъ Николай Константиновичъ Поливановъ (родственникъ дѣйствительно вашей госпожѣ городничихѣ Пасенко). Да и его значительность состоитъ только въ 1000 душахъ крестьянъ, пользуясь которыми, онъ почти ежедневно насыщаетъ лакомыми обѣдами своихъ сосѣдей — бѣдняковъ, почти дводворцевъ. Да и нашъ братъ поживляется нерѣдко около его жирной индюшки. Доходы наши отъ господъ плохи. Отъ Поливанова таки можетъ быть перейдетъ около сотенки въ годъ, а отъ его сосѣдей по 25-ти р. съ дому на основаніи прадѣдовскихъ условій; за то эти денежки какъ достаются, — именно потому и кровію; на канунѣ всѣхъ дванадцятихъ праздниковъ у всякаго должно исправить всеобщное бдѣніе (нечего грѣха таить, — сіи всеобщныя бдѣнія мы служимъ каждое въ 3 четверти часа); въ 1-е число каждаго мѣсяца у каждаго въ домѣ совершаешь водоосвященіе. Въ 4-й барскій домъ продолжаю ходить на кондиціи доселѣ.

Какъ отвѣтить вамъ на вопросъ: часто-ли говорю проповѣди? И часто и рѣдко; часто говорю Платоновы ¹⁾; были присланы изъ Москвы поученія Путьягина ²⁾, отличныя проповѣди, простыя, коротенькія самыя удобнѣйшія для нашихъ православныхъ; ихъ поговаривалъ; рѣдко: это надобно понимать въ отношеніи дѣятельности собственной; не больше пары сточаль за нынѣшній годъ, и это не отъ лѣности, но отъ того-же, отъ чего пятый мѣсяцъ пишу и

¹⁾ Г. о. Московскаго митрополита Платона († 1812).

²⁾ Иродіона, Рыбинскаго протоіерей († 1869).

письмо къ вамъ. Книжонки-то почитываю тоже всякія: чи- 1844 г.
талъ журналы: *Москвитинъ*, — теперь читаю *Отечествен-
ныя Записки* за 1842-й годъ, рѣдко почитываю и духов-
ныя изъ церковной библіотеки; а новыхъ духовныхъ жур-
наловъ, какіе читаете вы, къ несчастію достать не могу.
Свѣтскихъ обильно всякихъ, была-бы охота и время читать,
я этимъ счастливъ. Въ глуши деревенской, въ минуты тоски
и скуки, книга самый вѣрный и пріятный товарищъ.

Заговорился я слишкомъ много о пустомъ; одинъ ученый
мужъ сказалъ: молодой человекъ, больше чувствуй, нежели
говори! Это правило опытнаго мудреца я нарушилъ своею
неумѣстною болтовнею. Но, милый другъ, вы сами пи-
сали, чтобы я чертилъ вамъ чего-нибудь побольше: поэтому
съ надеждою на ваше искреннее расположеніе и съ полною
увѣренностію, что не всякое слово будете подвергать гроз-
ному разбору критики, — отправляю вамъ лоскутки сіи, какъ
знакъ моихъ продолжающихся, и никогда не имѣющихъ по-
тухнуть дружескихъ чувствованій моего сердца. Утѣшаюсь
мыслію, что сіи лоскутки, попавши къ вамъ въ руки,
пробудятъ воспоминаніе въ душѣ вашей о неизмѣнномъ,
постоянно любящемъ васъ другѣ. Ваше благородное сердце
пойметъ это утѣшеніе: ибо я увѣренъ, и вы не меньше меня
строги и справедливы въ соблюденіи священныхъ чувство-
ваній любви, созрѣвавшихъ въ душахъ нашихъ въ продол-
женіи шестилѣтняго времени нашего вмѣстѣ пребыванія.
Отрадно получать отъ васъ извѣстія и къ вамъ отправлять —
и письменно; но что сказать о томъ удобольствіи, если-бы
Богъ привелъ намъ какъ-нибудь увидѣться лично? Ни спо-
соба, ни времени, ни случая въ сему опредѣлить нельзя:
предоставимъ на волю Божию. Лищу себя пріятнѣйшею на-
деждою, что хотя не въ скоромъ времени, но удостоюсь
получить извѣстіе отъ Васъ о Васъ, о всемъ для меня лю-
безномъ и пріятномъ; а въ Муромѣ и кромѣ васъ, мнѣ все
мило и пріятно; самая мѣстность этого благословеннаго го-
рода для меня священна; каждое мѣсто, каждая улица на-
поминаютъ событія моего дѣтства. Если-бы было возможно,
всевозможныя препятствія преодолѣлъ бы для того, чтобы
быть въ числѣ вашего духовнаго сонма; — но невозможно".

9-го октября получено было мною письмо изъ Иванова
отъ окончившаго курсъ семинаріи А. В. Альбицкаго:

1844 г. „Вотъ ужъ слишкомъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались и не переписывались съ вами. Чувствую, что причиною этого мое безумное, безсовѣстное молчаніе. Прошу васъ, простите моему безумію. Повѣрьте, я васъ, помню и по прежнему или еще болѣе люблю: одно воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ вами, доставляетъ величайшее услажденіе моему духу, ибо вы единственный въ моей жизни другъ. И потому долго, почти каждодневно, я думалъ о томъ, чтобы написать къ вамъ письмо, не однократно уже и начиналъ писать; но какой-то *духъ лукавый* препятствовалъ совершить это *доброе дѣло*; даже и написалъ было одно письмо и послалъ: но и оно, къ величайшему моему огорченію, не получено вами. Наконецъ, побуждаемый чувствомъ долга и чести, спѣшу написать къ вамъ второе посланіе. За то послѣ долгаго молчанія, вы найдете во мнѣ прежняго многоглаголиваго и откровеннаго друга. Доказательствомъ этого послужитъ сіе письмо, содержащее въ себѣ цѣлую исторію моей жизни, начиная съ того дня, въ который мы разстались, даже до сего дня.

Быль 22-й день августа 1842 года, когда я послѣдній разъ бесѣдовалъ съ вами. Въ этотъ же самый день и отправился въ село Воскресенское, съ тѣмъ, чтобы, окончательно условившись со священникомъ того села, явиться къ Высокопреосвященному съ общимъ прошеніемъ о назначеніи меня въ село Вески во священника. Воскресенскому священнику я полюбился, невѣстѣ понравился, они мнѣ также, — и у насъ дѣло чуть было не въ шляхъ: только слѣдовало явиться къ Преосвященному за благословеніемъ, а тамъ по рукамъ, да и..... По происки одного изъ товарищей моихъ—Василья Руберовскаго, —которому самому хотѣлось поступить въ Вески, а частію и моя собственная неосторожность была причиною того, что Воскресенскій священникъ, пріѣхавши во Владиміръ, мнѣ отказалъ, а согласился съ другимъ — тоже изъ хорошихъ студентовъ, Петромъ Лавровымъ, который уже съ Петрова дни поминается въ Божѣ почившимъ; а прежде парченая невѣста моя, на 18-мъ году своей жизни вкусившая сладость супружества, на томъ же году познала горечь сиротства и одиночества.

День Рождества Пресвятыи Богородицы былъ послѣднимъ 1844 г. днемъ моего пребыванія во Владимірѣ, — съ сего дня я не былъ въ немъ, и ничего почти не знаю о прежде бывшихъ товарищахъ. Когда пришелъ домой, какая-то безотчетная грусть овладѣла мною: въ продолженіи почти 1½ мѣсяца я жилъ, какъ отчужденный отъ людей, въ душѣ моей была какая-то пустота, — много осеннихъ ночей темныхъ и долгихъ проведено было безъ сна. Вы можете представить, что такое состояніе очень, очень не завидное.

2-го ноября я вступилъ въ должность домашняго учителя въ семействѣ ставоваго пристава, Гаврила Андреевича Иконникова, живущаго въ нашемъ селѣ, куда былъ рекомендованъ самимъ Преосвященнымъ. Съ сего времени по многу поправились мои обстоятельства, и я ожилъ душею.

5-го марта уже 1843 года я былъ приглашенъ въ домъ купца Шодчина для обученія его малолѣтней дочери грамотѣ. И вотъ тогда-то началась моя масленица. По благорасположенію ко мнѣ Антона Николаевича Шодчина, во всемъ имѣю обиліе и довольство.

18-го сентября отецъ ректоръ Владимірской семинаріи ¹⁾ прибылъ въ наше село для освященія кладбищенской церкви; 19-го совершалъ освященіе; на 20-е уѣзжалъ въ Шую для осмотра тамошнихъ училищъ; 21-го служилъ въ новоосвященномъ храмѣ въ нашемъ селѣ; по другихъ престоловъ не освящалъ, а препоручилъ совершить оное нашему протоіерею; 22-го все священнослужители нашего села, многіе изъ купцовъ, и я, бѣдный, тутъ-же провожали нашего дорогого гостя далеко за село. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго было вынито здѣсь за общее здоровье. И сего пребываніе отца ректора было для меня самое благоприятное. Здѣсь я удостоенъ самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны Антона Николаевича Шодчина, съ которымъ о ректорѣ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, какъ съ первымъ изъ числа строителей и украсителей вновь освященнаго храма. И о. ректоръ удостоилъ меня особенно своего вниманія и благоволенія, доказательствомъ чего служатъ его добрые отзывы о мнѣ, его обѣщанія споспѣшествовать мнѣ при опредѣленіи моемъ на какое бы то ни было мѣсто,

¹⁾ Архимандритъ Евимій.

1845 г. его прошеніе, чтобы купцы не оставили меня своимъ расположеніемъ, наконецъ книга, которую онъ подарилъ мнѣ на память. Вотъ жизнь моя теперь, покуда не пришла чреда моего служенія предъ престоломъ благодати. Вы, какъ іерей Бога вышняго, имѣете большее дерзновеніе предъ Нимъ, и потому прошу васъ, не оставьте и меня въ своихъ молитвахъ при совершеніи безкровной и всеочищающей жертвы, помолитесь Господу Богу, да устроитъ Онъ судьбу мою во благое и въ пользу другихъ.

Слышалъ я, что въ Богоспасаемомъ градѣ Муромѣ въ приходѣ Срѣтенія или Дмитрія Солунскаго, священникъ, находя себя слабымъ въ силахъ и не способнымъ къ исполненію всѣхъ должностей священнаго сана, и притомъ не имѣя ни кого изъ близкихъ родственниковъ, желаетъ уступить свое мѣсто и домъ постороннему лицу за какое-то возмездіе. Потрудитесь узнать, справедливы ли сіи слухи и меня о томъ извѣстить“.

22-го декабря писалъ мнѣ изъ Иванова діаконъ Ѳ. С. Виноградовъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что съ новаго, 1845 года, открывается въ Ивановѣ почтовая станція и что лежащая за рѣкою деревня Иконниково куплена у помещика Ивановскими купцами за 200 тысячъ рублей, съ цѣлю перенести сюда свои фабрики и со временемъ образовать здѣсь городъ (что въ настоящее время и приведено въ исполненіе), что умеръ у моей сестры Маріи Михайловны новорожденный сынъ Александръ, и что Кохомскіе родные остаются въ прежнемъ положеніи.

Наступившій новый, 1845 годъ, былъ для меня годиною великаго и тяжкаго испытанія, какъ читатель увидитъ далѣе.

Поздравлялъ я, по обычаю, съ новымъ годомъ своихъ Ивановскихъ родныхъ и, между прочимъ, писалъ имъ:

„Не знаю, какъ вы, а мы вступили во время новаго года съ старыми слабыми силами. Анна Васильевна еще до сихъ поръ хилѣетъ, не поправляется. Болѣзнь, повидимому, не значительная, тѣмъ не менѣе опасная. Слишкомъ уже три мѣсяца мучитъ ее сухой кашель. Прибѣгали было и ко врачевнымъ пособіямъ, употребляли и домашнія средства: все тщетно. Я самъ тоже не могу похвалиться на сей разъ богатымъ здоровьемъ. Въ святки, чѣмъ бы отдохнуть и повеселиться, я совершенно извурился: и славеніе, и еже-

дневная служба, и приготовленіе къ новому году проповѣди— 1845 г. все это вмѣстѣ, признаюсь, не легко мнѣ обошлось; некогда было и подумать объ удовольствіяхъ, до которыхъ, правду сказать, я и всегда не большой охотникъ. Наше славленіе много отличается отъ вашего. Вы обойдете или объѣдете въ день дворовъ пять, шесть не болѣе: а мы, какъ угорѣлые, рыщемъ изъ конца въ конецъ города, почти весь день не пивши, не ѣвши. Это, впрочемъ, не потому, что бы не имѣли случаевъ попить или поѣсть—(въ каждомъ почти домѣ предлагаютъ угощеніе), но потому, что дорожимъ временемъ. За то въ три дни оканчиваемъ всѣ эти интересно—скучныя подвиги. Впрочемъ, какъ ни скучно, не мѣшало бы почаще имѣть такіе подвиги“.

20-го января писалъ мнѣ изъ Горницъ о. Василій Сапоровскій:

„Первоначальнымъ долгомъ поставляю поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, пожелать вамъ новыхъ благодатныхъ даровъ, свыше нисходящихъ, новыхъ радостей, новаго преуспѣнія во всѣхъ благихъ предиріятіяхъ—или всякаго благополучія; — потомъ принести вамъ и чувствительнѣйшую благодарность за пространное и пріятное письмо, — давно, очень давно мною полученное, а именно октября 31-го дня прошедшаго года. Въ ю-же мѣру мѣрите, сказалъ Господь, возмѣрится и вамъ. По правиламъ политики мы съ вами, кажется, разквитались и не настоять надобности извиняться предъ вами невѣжествомъ: но любовь родственная и дружескій союзъ заставляютъ признать себя виновнымъ въ долговременномъ моемъ молчаніи. Истинная любовь, по свидѣтельству Апостола, не лицемерна, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ — любить откровенность.“

Причины долговременнаго отвѣта были подобныя вашимъ причинамъ, какія вы представили въ свое оправданіе. У васъ были занятія по училищу, а у меня—по слѣдствіямъ, яко депутата. Вы погостили у своихъ родныхъ, и я такъ же ѣздилъ на родину въ Старо-никольскій погостъ. У васъ были похороны одного богатаго гражданина, а я схоронилъ многихъ такъ же достаточныхъ. Вы писали проповѣдь, а я двѣ на Михайловъ день. Одна показалась не приличною по случаю пріѣзда на освященіе г. губернатора и архимандрита

1845 г. Осеофила въ Шую, однако ни тому, ни другому не было времени послушать; одинъ заболѣлъ отъ шумныхъ баловъ, а другой отъ капризовъ нашего Шуйскаго духовенства. Если писать всё недосуги, то и конца не будетъ, не лучше ли побесѣдовать о другихъ предметахъ.

Вы пишете—страшились приѣзда владыки;—онъ у насъ такъ же былъ и прежде гораздо—мы готовились къ встрѣчѣ кажется не хуже вашего и встрѣтили съ подобающею ему честію. Но святой владыка такъ ко мнѣ былъ неблагоосклоненъ, что почтилъ бесѣдою отца діакона вмѣсто меня, а меня и въ алтарь не пустилъ—упрекалъ меня почему я не исправляю стѣнное письмо въ холодной церкви, пришедшее отъ долговременности въ трещины. Такъ-то, любезнѣйшій, награждаютъ сельскихъ стариковъ, депутатовъ, духовниковъ за тридцатипяти-лѣтнюю службу безпорочную.

Вы пишете—что нынѣшнимъ лѣтомъ холодный соборный храмъ тщаніемъ богатаго старосты Зворыкина раздѣланъ (это, кажется, напрасно) и покрытъ бѣлою масляною краскою подъ лакъ; нынѣ старина весьма уважается въ христіанскихъ храмахъ. Мы сдѣлали усердіемъ нѣкоторыхъ доброжелателей двѣ сребро-позлащенные ризы на Божию Матерь Рождества Пресвятыя Богородицы и Спасителя. Вамъ воздана благодарность, а мнѣ сдѣлано замѣчаніе указомъ. Вы пишете о книгахъ Данилевскаго и о Наполеонѣ. Этотъ походъ совершился при мнѣ и многое извѣстно мнѣ, такъ какъ я читалъ всегда разные газеты; у меня хранятся собственные стихи на сей случай. Подлинно, Наполеонъ былъ человекъ необыкновенный, лучезарная звѣзда, явившаяся на сѣверѣ для просвѣщенія Русскаго міра, не смѣю сказать, карателемъ нашихъ беззаконій. Не онъ-ли заставилъ нашихъ владыкъ проѣхать по вселенной? Не онъ ли научилъ доселѣ хранить прочный миръ въ Европѣ? Просвѣщеніе, политика, книги, критика и утонченность духовнаго, не говорю, свѣтскаго обращенія, не отъ временъ-ли Наполеона? Теперь скажу на ваши слова о книгахъ. Книгъ много я нынѣ не читаю, и негдѣ взять. Попался какъ-то одинъ томъ Иннокентія, но за недосугами прочиталъ кое-какъ; впрочемъ, можно сего іерарха назвать витіею и знатокомъ Священнаго Писанія, хотя инде выставляють замашки.

О несчастіи стариннаго друга моего, Ивана Григорьевича Соколова, я прежде вашего извѣстія слышалъ и по дружеству много пожалѣли; удивляюсь, отъ чего онъ нынѣ со мною становится совершенно незнакомымъ и чуждымъ. Вы сожалѣете о умершемъ первенцѣ, кажется, напрасно; конечно, онъ былъ первымъ залогомъ вашей супружеской любви, но развѣ вы не знаете, что перворожденное свято наречется и посвящалось Господеви? Вы постараетесь еще болѣе другъ другу любовь доказать и родить другаго сына или дочь на утѣшеніе.

Вы наконецъ пишете, что не любите шумныхъ и продолжительныхъ пировъ. Правда, веселое пированье доставляетъ и пріятность и удовольствіе. Веселящуся сердцу, какъ говоритъ премудрый, и лице цвѣтетъ. Но опытъ доказываетъ, что отъ безвременнаго и неумѣреннаго разгула разстраивается первая система, особенно при слабомъ здоровьи. *Medium est optimum*. Вы молоды и еще можете переносить перемѣны, а нашему брату это нѣчто тяжкое. Простите великодушно, что за долгое молчаніе, много расписался и, можетъ быть, позаболтался, а тѣмъ, вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ неудовольствіе. Хотя и слышалъ я, что огромный вамъ колоколъ привезенъ, но любопытно знать, какъ онъ звучитъ, равно и о часахъ, какъ стучать и какую составляютъ на колокольнѣ общую гармонію?

За симъ съ совершенною преданностію и искреннею любовію имѣю честь остаться почитающій села Горницъ священникъ Василій Сапоровскій”.

Въ отвѣтъ на мое письмо о. Сапоровскій снова писалъ мнѣ отъ двѣнадцатаго марта.

„Отъ скуки, холоду и голоду, скрутивъ усы, повѣсивъ голову, рукою лѣнливою беру перо для нависанія вамъ отвѣта на давно присланное ваше письмо. Премного благодаренъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, особенно за то, что меня при старости не забываете, помните и утѣшаете пріятными и исполненными дружескихъ, откровенныхъ чувствованій, письмами. У меня также вы одинъ краснорѣчивый и неизмѣнный корреспондентъ. Много прежде было и друзей и пріятелей, но всѣ они, какъ перелетныя птицы, разлетѣлись и оставили меня одинокимъ. Какой былъ другъ, какой писака Иванъ Григорьевичъ Соколовъ, первый зять

1845 г. достопочтеннѣйшаго вашего отца протоіереея, но и онъ совершенно оставилъ меня, смолкъ и погрузился въ сонъ непробудный.

Простите великодушно, что рѣдко пишу къ вамъ и долго не отвѣчаю на ваши письма. Постоянная служба, мірскія требы и другія суеты, не рѣдко посѣтители—невольные отвлекаютъ отъ ученыхъ занятій и корреспонденцій. Тамъ была масляница—старинный русскій праздникъ, много было родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, на первыхъ недѣляхъ много было исповѣдниковъ и духовныхъ и простыхъ, при томъ случилось слѣдствіе въ селѣ Колбацкомъ. Миѣ очень желательчо и отказаться отъ должностей духовника и депутата, но опасаясь, какъ бы нашъ строгій и характерный владыка еще болѣе не оскорбился на меня и подь предлогомъ слабаго здоровья не управилъ бы по неволѣ въ монастырь. Правда, я сего не устрашаюсь;—время, очень время посвятить себя уединенію: но въ общежительныхъ монастыряхъ, наипаче въ нынѣшній лукавый вѣкъ, гдѣ найти мирную обитель: дадутъ-ли насладиться спокойствіемъ и тишиной. Многократно разсматривалъ я постническіе подвиги въ Николо-шартомскомъ монастырѣ; онъ у меня, какъ говорится, подь бокомъ; но какъ все миѣ не понравилось! Святая братія живутъ и не по братски, — безпрестанно брани и свары,—чары и чарки... И можно ли быть любви и согласію, трезвости и благочестію, когда всѣ сведенцы—собранны изъ разныхъ мѣстъ и должно сказать, отребіе міра? Здѣсь не долго и самому настоятелю и правителю погрязнуть, яко олово, въ водѣ зѣльнѣй! Къ большому соблазну иночествующихъ вблизи имѣются Кана Галилейская и слобода—слободушка! Кромѣ сего главнымъ препятствіемъ служатъ миѣ домашнія сироты. Оставить ихъ безъ всякаго покровительства, — значить сдѣлать несчастными и быть самому изъ десяти неблагодарныхъ, кои за благодѣянія Божіи не воздали должной хвалы. Предаюсь, какъ и прежде писалъ я, во власть Провидѣнія Божественнаго, что угодно будетъ Господу, то и сотворить. Побесѣдуемъ о чтеніи и книгахъ.

Вы, конечно, счастливы, обращаетесь въ обществахъ почтенныхъ ученыхъ и опытныхъ мужей, гдѣ и слова и поступки исполнены и отличаются благородствомъ, тов-

Въ Анна и муже мое Супруги
Савва Буржуева и мнѣ тѣмъ же
265 — унѣ С. М. Васильевъ 1845 г.
1958

кою политикою, гдѣ можно изъ одного, такъ сказать, обра- 1845 г.
щенія научиться многому, полезному и назидательному.
Въ хорошихъ книгахъ такъ же не случается у васъ недо-
статка; кромѣ соборной библиотеки, вы въ краткое время
приобрѣли у многихъ благорасположеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ
нашли средства къ усовершенствованію въ просвѣщеніи и
къ приобрѣтенію лучшихъ сочиненій. О книгѣ Сперанскаго
и я въ Шуѣ слышалъ хорошіе отзывы, но не только чи-
тать, но и видать не случалось оную. Слава Богу, досталъ
и вторую часть сочиненій Иннокентія, и въ ней есть
чѣмъ попользоваться, есть чему и полюбоваться. Окончивъ
его сочиненія, нечего, кромѣ Московскихъ газетъ, читать
будеть, — примуся за Канонникъ и Акаѳистникъ, — старцу
чѣмъ болѣе заниматься?

Вы спрашиваете, кто у насъ въ Шуѣ и Ивановѣ на-
значены катихизаторами. Таковыхъ слуховъ доселѣ не
случалось слышать, хотя на сырной недѣлѣ въ Шуѣ я не
много и погостилъ. По моему это учрежденіе никакой не
можетъ произвести въ нынѣшнемъ народѣ пользы и успѣха,
особенно въ зимнее время, когда литургіи поются на вос-
ходѣ солнечномъ. Многіе скучаютъ и отъ проповѣдей сель-
скаго духовенства, захотятъ-ли слушать катихизатора?

Пожелавъ вамъ, почтеннѣйшей Аннѣ Васильевнѣ съ до-
машними всякаго благополучія и добраго здоровья съ совер-
шенною преданностію и непремѣняемою любовію остаюль
усердный слуга села Гориць свящ. Василій Сапоровскій".

22-го апрѣля Господь посѣтилъ меня тяжкою скорбію:
я лишился своей супруги. Послѣ шестимѣсячной болѣзни,
вслѣдствіе простуды, жена моя Анна Васильевна скон-
чалась отъ чахотки, на 25 мѣ году отъ рожденія (она ро-
дилась 27-го декабря 1820 года), бывши въ супружествѣ
3 года, 3 мѣсяца и 10 дней. Тѣло ея погребено 25-го
числа на городскомъ Воскресенскомъ кладбищѣ. При отиѣ-
ваніи въ соборѣ произнесена была молодымъ своякомъ мо-
имъ, священникомъ Крестовоздвиженской церкви Іаковомъ
Андреевичемъ Силецкимъ слово, а двоюроднымъ братомъ
усопшей, священникомъ Николо-набереженской церкви Вла-
диміромъ Егор. Аменицкимъ — рѣчь.

Печальное событіе это глубоко потрясло мое сердце и
имѣло на мою дальнѣйшую жизнь чрезвычайно важное влия-

1845 г. нію. Какъ ни тяжко было это испытаніе, но я перенесъ его, при помощи Божіей, съ христіанскимъ смиреніемъ и съ полною покорностію предъ неисповѣдимыми судьбами Божественнаго Промысла.

Горестное положеніе мое возбудило общее, искреннее ко мнѣ сочувствіе не только въ родныхъ, но и въ постороннихъ лицахъ. Первый выразилъ это сочувствіе мой истинный доброжелатель, о. протоіерей М. Гр. Троепольскій. Вотъ что писалъ онъ мнѣ на другой же день послѣ совершившагося со мною печальнаго событія, 23-го числа:

„Любезнѣйшій братъ и сослуживецъ мой!

Чувства сожалѣнія и скорби моей о лишеніи вашемъ просилъ я изъяснить вамъ соборнаго діакона, не могли быть къ вамъ, за болѣзнію моею, лично. Недостаточнымъ, показалось мнѣ, участіемъ таковое изъясненіе противъ того, какъ расположено къ вамъ сердце мое. Въ видѣ хартіи сей-я-, какъ будто лично, посѣщаю васъ, обнимаю васъ и плачу съ вами. Предлагать-ли вамъ совѣтъ, что не надобно предаваться отчаянной горести? Съ тѣмъ родимся, чтобы умереть; зерно, падшее на землю, не принесетъ плода, если не сгніетъ. Мало жили—меньше согрѣшили. Не осталось сѣмени? Нѣтъ связующихъ узъ. Да на что-же восхищать намъ судъ Божій? Но увѣренъ, что никакой совѣтъ не отдалитъ васъ отъ любезнаго праха, ни что не остановитъ источниковъ слезъ, ни чѣмъ не измѣнится нынѣ скорбное сердце. Только время и обстоятельства могутъ облегчить горе. Не усиливаюсь удержать васъ отъ слезъ, нельзя не плакать, поплачемъ вмѣстѣ. Но не выходите изъ границъ—представьте, что вы въ подобномъ случаѣ учите другихъ упованію. Вы одни—сохраняйте себя для себя. Быть можетъ, новое предлежитъ вамъ испытаніе—потребны силы. Одно еще представляется мнѣ: милосерднѣйшій Отецъ небесный, сотворивши васъ, воздоивши васъ млекоу христіанскаго ученія, даровавши вамъ способности и доброе сердце, ужели сократилъ участіе въ жребіи вашемъ? Но умѣстны любочестивыя мысли, но кто не скажетъ, что вы—сосудъ въ честь. По всему видно, что Богу угодно разорвать узы ваши съ міромъ, и чтобы вы полагали все въ единомъ Богѣ. На случай погребенія страдальчески умер-

шей, что находите нужнымъ и приличнымъ, требуйте моимъ 1845 г. именемъ отъ братіи собора“.

Послѣ первыхъ дней душевной скорби, я рѣшился написать о своемъ горѣ всѣмъ роднымъ; и вотъ въ какихъ выраженіяхъ я излилъ предъ ними свою скорбь:

„Конечно, на сей разъ вы ожидали отъ меня радостнѣйшаго привѣтствія съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Спасителя; но увы? печальная необходимость заставляетъ меня сообщить вамъ горестнѣйшую вѣсть смерти.... Вообразите мое несчастіе!... Единственный другъ мой, милая и вѣрная сопутница жизни—Анна Васильевна—разлучилась со мною, оставила меня на всегда; продолжительная и тяжкая болѣзнь свела ее наконецъ во гробъ.... Судите сами, можетъ-ли быть что-либо горестнѣе, несноснѣе для юнаго супруга—священника, какъ лишиться милой и доброй супруги... Ахъ! глубоко, слишкомъ глубоко чувствую важность настоящей потери,—потери, которая никогда и ничѣмъ на землѣ не можетъ быть вознаграждена.

Итакъ, всѣ лучшія мои земныя надежды покрыты гробою доскою, всѣ радости и утѣшенія погребены съ милымъ прахомъ въ холодной могилѣ. Терпѣніе, одно терпѣніе осталось мнѣ въ удѣлъ. Впрочемъ, въ семъ горестнѣйшемъ для меня событіи я вижу ясно перстъ Божій, поражающій и вразумляющій меня. И что было бы со мною, если-бы сія святая вѣра и твердое упованіе на благое Провидѣніе не поддерживали моего слабаго духа!

Мирная христіанская кончина моей возлюбленной послѣдовала съ 22-го (это было Оумино воскресенье) на 23-е число сего апрѣля въ 12-мъ часу ночи, а погребеніе совершено 25-го числа. Въ послѣдствіи сообщу подробности сего печальнаго событія.

Дражайшіе мои родные! видимый союзъ, которымъ я столь тѣсно связанъ былъ съ дражайшею моею половиною, и который по необходимости раздѣлялъ меня съ вами, теперь расторгнуть рукою смерти (хотя внутренняя духовная связь еще болѣе между нами укрѣпилась: ибо *любы*, по слову Писанія, *никогдаже отпадаетъ*). Итакъ, мое сердце снова обращается къ вамъ, мои родные! снова воспламеняется прежнею любовію и усердіемъ къ вамъ. Прошу покорно не отвергнуть меня грустнаго, безотраднаго страдальца; утѣшите

1845 г. меня прежнюю, привѣтливою ласкою: почтите хоть одною слезою память усопшей, а обо мнѣ несчастномъ помолите Бога, да укрѣпитъ Своею всеильною благодатию мою слабую вѣру, и да утвердится навсегда въ моемъ сердцѣ спасительный страхъ Божій.

— О, еслибы Господь вложилъ вамъ благую мысль посѣтить меня горькаго настоящею весною! Какая была бы для меня отрада, какое утѣшеніе! И въ ожиданіи сего сладостнаго утѣшенія остаюсь съ истинною къ вамъ любовію“.

На мое приглашеніе поспѣшили пріѣхать и утѣшать меня мои ближайшіе родные — зять Василій Александровичъ и сестра Марья Михайловна. Они пробыли у меня въ половинѣ мая, нѣсколько дней.

А 21-го мая получилъ я утѣшительное посланіе изъ Горлицъ отъ о. Василя Сапоровскаго.

„Лишь только“, — писалъ онъ мнѣ отъ 13-го числа, — положилъ твердое намѣреніе и хотѣлъ взять перо, чтобъ васъ привѣтствовать, хотя поздно, съ свѣтлымъ праздникомъ, пожелать радостей и семейнаго счастья: но вѣсть о кончинѣ кроткой и почтенной супруги вашей, неожиданно полученная, подобно громовому удару, разрушила все мечты мои и преисполнила сердце мое ужасомъ и мучительною скорбію. Читая горестное, страдальческое письмо ваше невольно лились слезы изъ наплаканныхъ глазъ моихъ, сколько по любви моей къ вамъ, столько и потому, что я сей крестъ ношу уже двадцать пятый годъ. Вотъ какъ непостоянно счастье міра сего, какъ и самыя радости обращаются въ плачь! Не напрасно говоритъ Писаніе: егда рекуть миръ и утверженіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство.

Въ сихъ непредвидимыхъ, бѣдственныхъ обстоятельствахъ гдѣ же искать намъ утѣшенія, какъ не въ томъ же словѣ Божіемъ, какъ научаетъ искушенный въ злонесчастіяхъ пророкъ: возложи на Господа бремя скорби твоей и Онъ подкрѣпитъ тебя перенести. Провидѣніе ведетъ насъ къ будущему блаженству такими мудрыми путями, которыхъ ни кто изъ насъ постигнуть не можетъ. Посему во всякомъ случаѣ мы должны предаваться водительству Божію и съ терпѣливымъ Іовомъ утѣшать себя сими назидательными

словами: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя 1845 г. Господне благословено! Подвигоположникъ не для того-ли сей терновый вѣнецъ возложилъ на вашу главу, чтобъ послѣ воспрославить васъ большею славою?...

Вы просите меня, чтобъ я васъ въ настоящемъ плачевномъ состояніи утѣшалъ письмами и не оставлялъ совѣтами. И по родственной, хотя отдаленной, связи и по чувствамъ благорасположенія и любви моеи къ вамъ и по одинаковому жребію, я никогда не отрекусь писать къ вамъ; относительно же совѣтовъ, не знаю что сказать. По словамъ Премудраго: другъ вѣренъ, кровь крѣпокъ; обрѣтый Егѳ, обрѣте сокровище; другъ вѣренъ, врачеваніе житію. Но не столько по отдаленности, сколько по разности мѣстныхъ обстоятельствъ едва ли мои совѣты будутъ вамъ полезны и отъ сельскаго невѣжды можетъ-ли что добро быть? Въ Муромскомъ значительномъ духовенствѣ довольно и просвѣщенныхъ и опытныхъ мужей; — они-то могутъ уврачевать и раны сердца вашего и руководить и поддерживать на строптивомъ и скользкомъ пути житейскомъ; всего лучше совѣтую изливать теплыя молитвы къ всемогущему и преблагому Богу, да ниспослетъ Утѣшителя — Духа Святаго, просвѣщающаго всякаго человѣка и наставляющаго на всякую истину.

Позвольте нѣсколько строкъ написать о моихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Слухи у насъ носятся, будто бы священниковъ вдовыхъ опредѣлять въ монастыри и будто-бы нашу Шуйскую округу отъ Владимірской отчислить и принести къ Костромской епархіи. Въ первомъ случаѣ мнѣ жалко оставить сиротъ и домъ отдать, можетъ быть, за безцѣнокъ, во второмъ — забыть и во Владимірѣ Архиаствыря, который, при всѣхъ неудовольствіяхъ, ко мнѣ былъ, явился благосклоннымъ очень не рѣдко. Но о будущемъ много говорить не буду. Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова проводилъ я благополучно, день моихъ именинъ, то есть 26-е число апрѣля, праздновалъ весело; но чрезъ три сутки посѣтили меня другіе и незваные гости, какимъ-то доселѣ неизвѣстнымъ образомъ, забрались на чердакъ и въ глухую полночь отперли чердачную дверь, крючекъ которой слабо закладывался, отложили, потомъ отперли къ задней свѣтелкѣ двери и всѣ ворота, собаку съ цѣпью со двора

1845 г. спустили и начали работать. Къ счастью, что мы услышали и помѣшали; однако убытку сдѣлали около трехъ сотъ рублей.

Вотъ, почтеннѣйшій отецъ, наки повторяю, что значитъ мѣръ сей и какъ онъ коловратень! Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды во лжебратіи. Въ таковыхъ случаяхъ со Апостоломъ Павломъ не буду азъ изнемогать, но такъ же уповать на милость Божію“.

Въ послѣднихъ числахъ мая писалъ мнѣ изъ погоста Архангельскаго, близъ Шуи, дальній родственникъ и товарищъ по семинаріи, священникъ Иванъ Макарычъ Фортунатовъ и выражалъ искреннее соболѣзнованіе о моемъ горѣ. Въ отвѣтъ на это писалъ я ему отъ 3-го іюня: „Чѣмъ неожиданнѣе письмо ваше, тѣмъ болѣе обязываетъ меня къ благодарности. Благодарю, усердно благодарю васъ за искреннее, живое участіе въ моемъ злополучіи. Да, любезный другъ мой! Провидѣнію угодно было возложить и на меня тотъ тяжкій крестъ, который несете вы сами. Нужно-ли описывать вамъ, что я чувствовалъ и что теперь чувствую, лишившись милой, безцѣнной подруги? Ваше сердце гораздо краснорѣчивѣе всѣхъ моихъ словъ изобразить ту скорбь, которая отъ времени до времени потрясаетъ все существо мое. Впрочемъ, вы имѣете еще на землѣ отраду въ юномъ плодѣ вашей супружеской любви: я лишень и сего послѣдняго утѣшенія. Былъ и у насъ малютка сынъ, но неумолимая смерть, назадъ тому ровно годъ, похитила его изъ рукъ нашихъ уже на второмъ году его жизни. Если-бы не любовь къ книгамъ, не постоянное развлеченіе по обязанности службы, а всего болѣе если-бы не святая вѣра и совершенная преданность въ волю Божію охраняла меня: я и не знаю, что было бы со мною въ настоящемъ горестномъ положеніи.“

Любопытствуете на счетъ болѣзни усоншей? Главною причиною ея болѣзни—жестокая простуда, случившаяся съ нею въ октябрѣ прошедшаго года. Въ слѣдствіе простуды открылся сильный сухой кашель; кашель, наконецъ, произвелъ, по признанію врачей, чахотку; а за тѣмъ—преждевременная смерть. Истощены были всѣ земныя пособія, но ничто не возвратило потеряннаго здоровья“.

Въ іюнѣ послѣдовала въ Муромскомъ дух. училищѣ перемѣна смотрителя. Бывшій смотритель игумень Нифонтъ переведенъ былъ въ Переславскій Никитскій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. На его мѣсто смотрителемъ опредѣленъ мой товарищъ не только по семинаріи, но и по Шуйскому училищу, кандидатъ XIV курса (1844 года) Московской дух. академіи, Сергій Андреичъ Кривовскій. Взаимныя отношенія наши съ нимъ, на первый разъ, были нѣсколько странны: онъ хотѣлъ казаться начальникомъ, но не имѣлъ для этого такта и потребныхъ нравственныхъ качествъ—не рѣдко предавался не трезвости.

Одинъ изъ богатыхъ Муромскихъ купцовъ, Ефимъ Ив. Козновъ возымѣлъ усердіе пожертвовать Муромскому собору колоколъ въ тысячу пудовъ. 25-го іюля колоколъ былъ привезенъ изъ Нижняго Новгорода по Окѣ въ Муромъ: 1-го августа былъ освященъ на берегу рѣки, а 2-го, при многочисленномъ стеченіи народа, перевезенъ къ собору. За тѣмъ я командированъ былъ во Владиміръ съ просьбою къ Преосвященному о разрѣшеніи принять этотъ многоцѣнный даръ (около 50 тысячъ рублей ассигнаціями); при этомъ уполномоченъ былъ поднести Архимастырю, на счетъ соборнаго старосты, мѣшокъ крупитчатой муки и ведро мадеры. Представляясь Владыкѣ, я объяснилъ ему о постигшемъ меня несчастіи: онъ прослезился и подаль мнѣ мысль о монашествѣ. При этомъ Владыка рассказалъ мнѣ, какъ онъ убѣждалъ Кознова не устроить такого большого колокола для уѣзднаго города, а сдѣлать колоколъ въ 500 пудовъ, другую же половину суммы употребить на какое-нибудь, болѣе полезное дѣло. Но упрямый купецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, приговаривая: „большой-де колоколъ изъ ада душу вызвонитъ“. Дѣлать было нечего. Владыка уступилъ настойчивому жертвователю, и намъ разрѣшилъ принять его жертву. 23-го сентября колоколъ былъ поднятъ на соборную колокольню и, въ продолженіе трехъ дней, съ утра до ночи, безъ умолку производился звонъ къ великому утѣшенію гражданъ, а между тѣмъ, въ это время, и въ домѣ жертвователя, и въ домѣ соборнаго старосты, кунца Зворыкина, происходили шумныя, торжественныя пирушества.

Послѣ того, какъ постигло меня семейное горе, я сталъ

1845 г. размышлять самъ съ собою и обращался за совѣтами къ другимъ, что мнѣ дѣлать и какъ устроить дальнѣйшую мою судьбу. Мнѣ представлялось три пути: или оставаться на настоящемъ своемъ мѣстѣ, или итти въ монастырь, или наконецъ поступить въ академію. Но все эти пути представляли для меня не маловажныя и затрудненія. Оставаться молодому, одинокому вдовцу въ мірѣ, среди соблазновъ и искушеній—не безопасно; итти въ монастырь—боялся праздности и скуки; болѣе всего занимала меня мысль объ академіи, но устрашала сидячая тамъ жизнь, при довольно разстроенномъ уже здоровьи.

Среди этого раздумья и колебаній, я обратился за совѣтомъ къ моему доброму, хотя и отдаленному родственнику, о. Василю Сапоровскому, который самъ испыталъ, подобно мнѣ, состояніе вдовства. И вотъ какой совѣтъ получилъ отъ него въ письмѣ отъ 24-го августа:

„За краткое трогательное и вмѣстѣ пріятное письмо ваше отъ 21-го іюля приношу чувствительнѣйшую благодарность. Оно прочталь я не одинъ разъ и судилъ о горестномъ вашемъ положеніи, потому наиболѣе, что этотъ крестъ понесъ самъ съ юности. Слава всеблагову Богу, что доселѣ подъ онымъ не изнемогаю. Правда, и теперь много предстоитъ непріятностей; не столько борются меня страсти, сколько внѣшніе недоброжелатели, такъ что и ближніе мои отдалече мене стапа, говорятъ о погибели моей и о коварствахъ помышляютъ всякій день..... Не даромъ поютъ: „Ахъ! скучно одинокому и дереву расти: такъ тошно, грустно молодцу безъ милой жизнь вести“.

Такъ! въ разсужденіи будущей судьбы своей вамъ пужно подумать и подумать, какъ совѣтоваль мнѣ старинный другъ, преосвященнѣйшій Аркадій¹⁾, не день и не недѣлю. Одни убѣждаютъ васъ держаться на своемъ мѣстѣ, на что и ваше есть собственное желаніе; другіе совѣтуютъ вступить въ академію; наконецъ, большая часть думаютъ безъ зачету забрить васъ въ монахи. Не знаю, какой дать мнѣ вамъ

¹⁾ Феодоровъ, архіепископъ Олопецкій, † 1870. Онъ былъ родомъ изъ Владимірской епархіи, окончилъ курсъ студентомъ Владимірской духовной семинаріи и въ 1815 году былъ смотрителемъ Владимірскаго духовнаго училища.

совѣтъ полезнѣе. Академія можетъ принести еще болѣе заботу и безпокойствъ, разстроитъ совершенно ваше слабое здоровье, а польза за горами; — тамъ учености много и премного и безъ насъ грѣшныхъ. Хорошо держаться и на своемъ мѣстѣ, но трудно и мудро во нынѣшній колоссальный вѣкъ съ снхъ лѣтъ и въ городѣ. Вы каждый день, на каждомъ шагу должны сражаться, не говорю съ духами злобы поднебесной, но съ пресмыкающимися тварями — клеветниками братіи нашей. При томъ и самый міръ сей не есть-ли уда, уловляющая приманкою благъ и удовольствій не только грѣшниковъ, даже праведниковъ! Бываютъ такіе случаи, что безъ намѣренія попадешься въ сѣти и напрасну получишь укоризну. Тогда мірскаго мученика увѣчаютъ не лаврами, а вѣнцомъ терновымъ. По моему мнѣнію, не лучше-ли оставить міръ, доколѣ не очень съ міромъ содружились; посвятить себя на служеніе Богу, доколѣ духъ вашъ бодръ, страсти смиренны, тѣлесныя силы здравы.

Вы устращаетесь праздною монастырскою жизнью, жизни среди убогой по всѣмъ отношеніямъ братіи, какъ случается видѣть въ вашихъ обыкновенныхъ монастыряхъ. Нельзя сказать, чтобъ и въ обыкновенныхъ монастыряхъ не было занятій, особенно для любящихъ трудолюбіе. Кромѣ хожденія къ службамъ церковнымъ и трудовъ монастырскихъ много остается времени на духовныя упражненія. Здѣсь-то въ уединенной келліи и предаться Богомыслию и молитвѣ; здѣсь-то, кажется, и духовная Академія, наставникомъ въ оной Духъ святой, а собесѣдники Ангелы. Нынѣ потому братія по всѣмъ отношеніямъ убога, что каждый входитъ въ монастырь или по неволѣ или по необходимости, подобно блудному сыну расточивши уже богатство и душевное и тѣлесное. Благо мужу отъ юности взять яремъ Господень — и куда же богатому носить и раздавать свои сокровища, какъ не убогой братіи? Не ясенъ ли горитъ свѣтильникъ во мракѣ ночи? Такъ да просвѣтитесь и вашъ свѣтъ предъ омраченною братіей; да видятъ ваши добрыя дѣла и прославятъ Отца небеснаго. Конечно, и въ монастырскихъ обителяхъ много водится насѣкомыхъ, которыя мыслятъ погасить свѣтильникъ и полетаютъ на оный; но лишь только прикоснутся къ свѣту, погибаютъ или дѣлаются неспособными къ большому полету. Положимъ такъ же, и за

1845 г. каменными стѣнами случаются такіа происшествія, о коихъ, какъ вы пишете, не дѣть есть глаголати; но прикрываются завѣсою благоснисхожденія: то не паче ли истинная добродѣтель уважена будетъ. Любопытно бы слышать о случившейся въ Благовѣщенскомъ вашемъ монастырѣ дивной исторіи, но это представляю вашей волѣ. Прекрасная и спасительная мысль положиться на Премудраго распорядителя судебъ человѣческихъ: но и сей Премудрый распорядитель безъ воли человѣка не хочетъ покорить во власть свою человѣка. Онъ вѣрно покажетъ средства, куда надлежитъ болѣе вамъ стремиться, но тогда-то и міръ, и плоть и сатана на насъ наведутъ раздумье, убаюкаютъ волю нашу и мы не еже хотимъ доброе творимъ, но еже не хотимъ злое, содѣловаемъ. Повѣрьте не мнѣ, претерпѣвшему почти варъ и зной, по учителю языковъ. Никто о себѣ того сказать не можетъ, что сказано о Богочеловѣкѣ: въ мірѣ бѣ, и міръ Его не позна. Простите великодушно, что такъ замучился. Въ кругу духовенства вашего много умнѣйшихъ совѣтниковъ—я пишу по собственнымъ чувствамъ и по искренней любви и состраданію къ вамъ. Извините и на томъ, что долго не отвѣчалъ по многимъ обстоятельствамъ, надеясь при томъ, что не оскорбитесь, потому что и сами не скоро мнѣ отписываете“.

Въ августѣ посѣтила Муромъ, по пути изъ Рязани въ Нижній Новгородъ, ученая и любознательная русская путешественница, фрейлина Ея Величества, О. Шишкина. Посѣщеніе такой важной особы было истиннымъ событіемъ для насъ—обитателей мирнаго уѣзднаго городка. Г-жѣ Шишкиной, какъ придворной особѣ, оказаны были Муромскими властями всевозможныя почести. Мнѣ поручено было настоятелемъ собора встрѣтить ее въ храмѣ и обяснить ей наши достопримѣчательности. Я исполнилъ, какъ могъ, это порученіе. Все, что я говорилъ знатной путешественницѣ, она записывала въ свою памятную книжку. Спустя три года, именно въ 1848-мъ году, г-жа Шишкина издала въ 2-хъ частяхъ свои замѣтки и воспоминанія: но, къ сожалѣнію, въ этихъ книгахъ о Муромѣ ничего не сказано. Въ заключеніи 2-й части своихъ замѣтокъ и воспоминаній (стр. 289) г-жа Шишкина пишетъ: „Я не успѣла привести въ порядокъ остальные записки мои, и не знаю, удастся ли

миѣ когда нибудь, исполнивъ это, такъже ихъ напечатать*. 1846 г.
 Между тѣмъ, въ этой же заключительной главѣ описы-
 ваетъ, хотя и очень кратко, свое двухдневное пребываніе
 въ Суздаль, гдѣ она съ любознательствомъ разсматривала
 древнюю плъщаницу, принадлежащую Покровскому женскому
 монастырю и огромное рукописное Евангеліе, хранящееся
 въ тамошнемъ соборѣ.

Января 25 дня получено было мною изъ Гориць отъ о.
 Василія Сапоровскаго письмо слѣдующаго содержанія:

„За ваше письмо сколько пріятное, столько любозна-
 тельное привошу усердную благодарность. Хотя поздно-
 поздно, но привѣтствую васъ съ прошедшими праздниками
 Рождества и Богоявленія Христова, равно съ наступившимъ
 Новымъ годомъ. При семъ сугубомъ обновленіи время—
 благодатномъ и естественномъ прилично пожелать вамъ
 духовнаго обновленія, рожденія въ новую жизнь о Христѣ
 Иисусѣ и успѣховъ во всѣхъ начинаніяхъ и дѣлахъ.

Вѣрно вы оскорбились, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ
 на посланное письмо ваше отъ 18 сентября 1845 года.
 Это можно было видѣть изъ письма вашего къ нашему отцу
 діакону, въ которомъ не удостоили меня и поклономъ.
 Признаюсь, что были и такія обстоятельства, которыя дѣй-
 ствительно не позволяли побесѣдовать съ вами о предсто-
 ящей участи вашей, но большею причиною послужило ваше
 снисхожденіе — не беспокоить меня много въ разсужденіи
 скорого отвѣта, а нашъ Филать тому и радъ. Впрочемъ,
 чтобъ такую долговременную спячку, или такъ сказать,
 безнамѣренную неосторожность, равно и сдѣланный мною
 упрекъ представить извинительными, миѣ вздумалось обра-
 тить оныя въ правоученіе и для васъ и для меня.

Въ дѣлѣ спасенія и исконный врагъ и собственное сердце
 много предлагаютъ сомнѣній, трудностей и предубѣжденій.
 Глаголющу Павлу о правдѣ и о воздержаніи и судѣ, хо-
 тящемъ быти, пристрашенъ бывъ Феликсъ, отвѣща: нынѣ
 убо иди; время же получивъ, призову тя. То же самое со-
 мнѣніе и насъ грѣшныхъ заставляеть не скоро разстаться
 съ міромъ; доколѣ подумаю, подожду — будетъ время —
 удалиться въ вертепы пустыни... Между тѣмъ открываются
 особенные случаи, являютя дѣловые предметы, заводятся
 знакомства, мы дѣлаемъ равнодушными, привычка нѣсколько

1846 г. лелѣеть, потомъ усмиляетъ и, подобно неосторожнымъ птицамъ, запутывается въ тенетахъ мірскихъ. Въ семъ многмятежномъ и лукавомъ мірѣ какихъ нѣтъ соблазновъ; рѣдкій или никакой праведникъ не можетъ избѣгнуть грѣхопаденій, одинъ Богочеловѣкъ силенъ сказать: бѣхъ въ мірѣ и мірѣ Мене не позна. Итакъ, не лучше ли поскорѣе изъ Содома мірскаго уползати въ Сигорь, а не задумываться?

Вы сознаетесь, что мой совѣтъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ совѣтовъ для васъ кажется душеспасительнымъ и безпристрастнымъ; но къ совершенной силѣ и убѣдительности недостаетъ одного только—собственного опыта. Конечно мнѣ твердо неизвѣстны подвиги монашеской жизни, но я довольно испыталъ, какъ трудно и опасно юному вдовцу прожить до старости маститой не только въ пышномъ городѣ, но и въ нашемъ захолустьѣ, особенно въ нынѣшнія времена. Вы не далеко живете отъ монашествующихъ, слышали и видали, какихъ подвиговъ требуетъ жизнь монашеская.

Вы пишете, что вамъ совѣтуютъ путемъ академическимъ достигати монашества. Мнѣ кажется, вся наша жизнь не что иное есть, какъ академія. Что говоритъ мудрѣйшій изъ царей? Приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь — и не мудрися излише, да не когда изумишися. Высокоуміе нерѣдко и святѣйшія истины искажаетъ, презрѣнные же пороки облакаетъ благовидною одеждою. Всякому, кольми наче монаху нужно образовать сердце, отъ сердца бо происходятъ помышленія злая—и блажени чистиі сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ. Посему-то и Спаситель говоритъ: „царствіе Божіе внутри васъ есть“.

Васъ въ семъ случаѣ восхищаетъ мысль содѣлаться наставникомъ другихъ. Похвально намѣреніе, но нѣсколько неосновательно;—во-первыхъ, потому, что самое названіе монаха не того требуетъ; во вторыхъ и потому, что такую степенъ возводитъ насъ Промыслъ Божій, а не философія. Бусе Божіе премудрѣе человѣкъ и Господь слѣпцовъ умудраетъ. Сколько свѣтильниковъ являлось въ церкви изъ простыхъ и безграмотныхъ! При томъ ему же дано будетъ много, много и взыщется отъ него. Можетъ быть васъ подстрекаетъ честолюбіе, то и безъ академіи можно достигнуть, когда угодно будетъ Господу, испытующему наши сердца и утробы, высокаго сана и земныхъ почестей.

Въ темнотѣ ночи и малыя свѣтила ярко сіяють, при свѣтѣ 1846 г.
лучезарнаго солнца меркнетъ луна.

Вы, наконецъ, говорите, что науки всегда были и, кажется, будутъ моею любимою стихіею. Но, по мнѣнію моему, монаху полезнѣе болѣе молиться, нежели учиться. Молитва, по словамъ преподобнаго Нила, есть лучшее и чистое ума употребленіе. Якоже хлѣбъ пища есть тѣлеси и добродѣтель души, сице и уму духовная молитва пища есть. Аще Богословъ еси, имаша молитися истинно: и аще истинно молишися, Богословъ еси. *Добротолубіе.*

Достопочтеннѣйшій другъ! не сѣтуйте, что я слишкомъ много заумничался, самъ будучи невѣждою—такой напелъ часъ. Въ кругу вашего духовенства много лучшихъ совѣтниковъ, а всего лучше посоветуйтесь съ вашимъ умомъ и сердцемъ, помолитесь Богу и усердно попросите, дабы Онъ всесильною благостію устроилъ будущую вашу участь,—Божіе бо есть и хотѣти и дѣяти.

Прошу покорнѣйше удостоить хоть краткимъ отвѣтомъ письмо мое.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 3-го февраля:
„Назидательное письмо ваше, достопочтеннѣйшій мой наставникъ и благожелатель, возбудило во мнѣ много различныхъ мыслей и чувствованій.“

Вы рѣшительно совѣтуете изъ Содома мірскаго скорѣе уползати въ Сигорь, а не задумываться? Опять съ благодарностію повторю вамъ, что этотъ совѣтъ вашъ и душе-спасителенъ и безпристрастенъ и основателенъ; въ чемъ почти согласны и добрые мои совѣтники (я разумѣю о. Протоіерея¹⁾ и А. А.)²⁾, которымъ, по просьбѣ ихъ, читалъ я два послѣднія ваши письма.

Самъ по себѣ, въ разсужденіи предстоящей мнѣ участи, я теперь какъ трость, вѣтромъ колеблемая, преклоняюсь то на ту, то на другую сторону. Впрочемъ, и при такомъ, по истинѣ тяжеломъ, состояніи духа, не опуская совершенно изъ виду того, что первѣе всего долженствуетъ встрѣтиться со мною т. е. Академія, я заблагоразсуждаю со всеѣмъ вни-

¹⁾ Муромскаго собора, о. Троицкаго, М. Г.

²⁾ Горницкаго, странчаго въ с. Муромѣ, и средника о. Василю Сапожникову.

1846 г. маніемъ присматриваться къ обстоятельствамъ жизни, въ конхъ съ благоговѣніемъ потщусь услышать, что речеть о мнѣ Господь и что есть воля Божія о мнѣ благая и совершенная; а всего лучше буду молиться съ царственнымъ Псалмопѣвцемъ: *Господи, скажи ми путь, въ оныя же поиду.*

Между тѣмъ, въ ожиданіи сего торнаго указанія, почтиаю неизлишнимъ пользоваться и земными пособіями для устроенія будущаго моего жребія. Подъ этими пособіями и разумѣю и собственныя соображенія и убѣжденія людей добрыхъ и благонамѣренныхъ.

Вы пишете, что вся наша жизнь не что иное, какъ Академія; и что полезнѣе болѣе молиться, нежели много учиться, — все это совершенно справедливо; но для чего-же Богъ вложилъ мнѣ такое непреодолимое влеченіе къ занятію книжному? Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только я началъ сознавать себя, книга была исключительнымъ предметомъ моихъ занятій; а теперь обратилась въ какую-то неизъяснимую потребность. Впрочемъ, признаюсь вамъ, мечты объ Академіи начинаютъ охлаждѣвать во мнѣ, частію отъ вліянія вашихъ разумныхъ совѣтовъ, сильно подкрѣпляемыхъ убѣжденіями о. Протоіеря, частію отъ собственнаго сознанія слабости тѣлесныхъ силъ, которыя болѣе и болѣе, кажется, разстроиваются по причинѣ встрѣчающихся со мною болѣе или менѣе непріятныхъ обстоятельствъ. Думаю и разсуждаю, что поступить въ Академію не слишкомъ трудно; положимъ такъ же, что, судя по настоящему моему расположенію къ наукамъ, занятія академическія не могутъ быть для меня въ тягость (ибо гдѣ любовь и усердіе, тамъ преобѣждаетъ всякая трудность); но нельзя не согласиться съ вами въ томъ, что надлежащее занятіе науками не минуемо должно сопровождаться большимъ или меньшимъ изнуреніемъ силъ, и безъ того уже разстроенныхъ, а съ разстроенными силами куда годишься?

На это посланіе достопочтенный о. Василій отвѣчалъ мнѣ двадцать шестаго марта:

„Громадное письмо ваше получилъ еще на первой недѣлѣ св. поста, но отвѣчать собираюсь на шестой. Сія медленность происходила отъ разныхъ разностей, а болѣе отъ занятій приходскихъ. По четвергамъ и пятницамъ утомляли

исповѣдники, конхъ каждую недѣлю собиралось до сотни, 1846 г. а въ прочіе дни — родины и покойники. Въ нашемъ краю свирѣствовала повальная болѣзнь-сыпь или корь, которая посѣтила и вашу сестрицу Елисавету Петровну. Приношу чувствительнѣйшую благодарность за искреннія и лестныя отношенія ко мнѣ, выраженные въ письмѣ вашемъ. Вы ко мнѣ грѣшному такое дѣлаете довѣріе и оказываете преданность совершенную, желая имѣть себѣ непосредственнымъ руководителемъ и собесѣдникомъ, когда-бы я самъ поступилъ въ монахи. Точно, и въ монашествѣ одному безъ путеводаителя подвизаться трудно и опасно, какъ видно изъ жизнеописаній святыхъ угодниковъ. Но дѣло въ томъ состоитъ, что у меня болѣе вашего имѣется препятствій, при всемъ моемъ желаніи, посвятить себя на иноческое служеніе; кромѣ сиротъ, которыхъ я по многимъ отношеніямъ призирать и поконить обязанъ, безпокоитъ и связываетъ огромный домъ; оный начинаетъ ветшать, стоитъ на землѣ господской, починять опасно, продать некому и выстроить для сиротъ кельи негдѣ, купить такъ же, потому что у господъ вся земля въ залогѣ. Не даромъ называютъ жизнь сію путешествіемъ. Какъ странникъ заноздалый удобно можетъ заблудиться или среди бурь непогодъ погибнуть: такъ и намъ среди житейскихъ попеченій не долго осуетиться и закоснѣть. Теперь у васъ одно препятствіе, по времени откроются другія; — далѣе въ море, болѣе найдешь горя, какъ старинные люди говаривали. Я по вашему и самъ разсуждалъ прежде, много терялъ случаевъ хорошихъ и время убивалъ, можно сказать, безъ всякой душевной пользы, но не избавился отъ заботы, а еще приумножилъ. Не вѣстаетъ Апостолъ: сущи въ тѣлѣ семъ въздыхаемъ отгнчаеми: понеже не хотимъ совлещися, но пооблещися. И можетъ ли рабъ двоимъ господамъ работати? Когда Христосъ повелѣваетъ для удобнѣйшаго служенія Ему оставить домъ, братію, отца и мать и жену, то для чего же вамъ не оставлять своихъ ближнихъ? Лишивъ васъ жены и сына, Богъ, можетъ быть, покажетъ удобный путь къ иноческой жизни, а роднымъ вашимъ приуготовалъ другіе способы къ содержанію, какихъ вы не сильны сдѣлать собственными стараніями. Всякія и малѣйшія измѣны десницы Вышняго въ нашей жизни что-нибудь назидательное пред-

1846 г. знаменуютъ; жалко, что мы мало въ оныя вникаемъ, или и вникаемъ, но обращаемъ въ другую сторону. Слава все-благому Богу, что васъ доселѣ мірскія искушенія и соблазны не обуреваютъ и вы сами стараетесь избѣгать и уклоняться отъ поводовъ къ онымъ. Правда, вы обрѣтаетесь въ кругу благородныхъ, занимаетесь должностями такъ же благонадежными, благовременно, не скитаетесь, какъ наша сельская братія, по деревнямъ, не бражничаютъ съ ярыми мужиками и разгулистыми крестьянами; впрочемъ, по пословицѣ народной, топить иногда не море, а не большая лужа или грязное болото. Ко всему нуженъ навыкъ и привычка, которую любомудрые называютъ второю природою. Но что я васъ занимаю своими замѣчаніями, будучи самъ невѣждою. Вы кромѣ умнѣйшихъ мужей—вашихъ собесѣдниковъ—читали наставленія и о мірской и о монашеской жизни въ выписываемой книгѣ г. Стурдзы. Меня самого нельзя-ли вразумить и научить, какъ вырваться изъ сѣтей многомятежнаго міра? Тогда я согласенъ идти съ вами рука объ руку, хотя и не испыталъ монашеской жизни и не знаю козней, какими искушаютъ монашескіе ангелы. Время проходитъ не примѣтно, силы истощаются; болѣзни, предтечи близкой смерти, заставляютъ подумать и о будущемъ.

Вы пишете, что мечты объ академіи мало по малу начинаютъ охлаждать въ васъ; такія мысли и мнѣ правятся, какъ и писалъ я прежде. Трудно подниматься на высокую гору съ слабыми силами и при томъ по прошествіи благопріятнаго времени. Горы высокія предоставимъ еленямъ, а намъ, зайцемъ не лучше-ли укрыться подъ камнемъ, гдѣ не шумятъ ни бури и нѣтъ жестокихъ морозовъ. Господь восхощетъ и изъ камени содѣлаетъ чадомъ Авраама,—изъ подлѣ спуда поставитъ на свѣщницѣ, что-бы свѣтитъ мірови.

Вы писали о проповѣдяхъ. Здѣсь доселѣ ничего не слышно, впрочемъ и я сего не уступаю, особенно нынѣ. Съ новаго года сказывалъ уже четыре, хоть не профессорскія, но сельскія, а тамъ буду говорить по назначенію.

Теперь позвольте поздравить васъ, какъ не ошибаюсь, съ наступающимъ днемъ вашего Ангела и съ приближающимся свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Отъ искренняго сердца желаю встрѣтить и провести и то и другое торжество въ вождѣлѣнномъ здравіи, въ веселіи и

радованіи, при томъ молю Бога, чтобы обновилъ и укрѣ- 1846 г.
пилъ ваши тѣлесныя и душевныя силы на многотрудномъ
поприщѣ служенія вашего, осѣнилъ своею благодатию ново-

дѣтіе ваше“.

30-го апрѣля писалъ я въ Горницы дядѣ своему, діакону
Петру Ивановичу:

„Христось Воскресе!“

За ваше раннее привѣтствіе меня съ праздникомъ Воскре-
сенія Христова и днемъ моего Ангела привошу вамъ усерд-
нѣйшую благодарность; а за позднее привѣтствіе васъ отъ
меня прошу у васъ великодушнаго извиненія. То разные
приготовленія къ свѣтлому празднику, то мірскія суеты
среди самаго праздника, то печальное воспоминаніе горест-
нѣйшаго событія ¹⁾, то наконецъ безпокойное ожиданіе
окончательнаго рѣшенія моей участи—до того разстроили
обыкновенный порядокъ моихъ дѣлъ, что я—то не находилъ
свободнаго времени, то даже и не въ силахъ былъ зани-
маться ничѣмъ постороннимъ. Теперь, слава Богу, начинаю
опять возстановлять мало по малу прежній порядокъ дѣлъ.
Участь моя нѣсколько опредѣлилась; изъ трехъ путей оста-
лось только два. На сихъ дняхъ чуть-чуть я не рѣшился
было однажды навсегда оставить Муромъ: но убѣдительныя
просьбы матушки-тещи и сильныя убѣжденія о. Протоіерея
остановили меня, если не навсегда, то кажется на долго,
въ Муромѣ.

Отказавшись отъ своего намѣренія—поступить въ Ака-
демію, и пожертвовавши собственными выгодами благопо-
лучію сиротетвующаго семейства съ одной стороны, и иск-
ренней пріязни добраго начальника, съ другой, я успокоиваю
себя тою мыслию, что не лучше-ли быть отцомъ и покро-
вителемъ сиротъ, нежели украшаться празднымъ титломъ
ученаго монаха,—и еще: не гораздо-ли спокойнѣе быть
хорошимъ подчиненнымъ у добраго и благорасположеннаго
начальника, нежели самому быть неисправнымъ начальни-
комъ, а еще болѣе управлять упрямыми и непослушными
людьми? Правда, если бы я имѣлъ надлежащую крѣпость
тѣлесныхъ силъ: то ничто, кажется, не отклонило бы меня

¹⁾ Смерть супруги въ предшествующемъ 1845 году.

1846 г. отъ Академіи. Если же я, при настоящемъ разстроенномъ состояніи силъ, и стремился въ Академію, то единственно потому, что хотѣлъ обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая бы соответствовала моимъ наклонностямъ. Впрочемъ, съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, перемѣнятся и мои расположенія.

Теперь остается у меня одно сильнѣйшее желаніе—видѣться съ вами и переговорить обо всемъ лично. Если уже вы отказываетесь сдѣлать мнѣ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ: то я съ своей стороны, кажется, постараюсь воспользоваться свободнымъ временемъ для посѣщенія васъ*.

11-го мая писалъ я въ Хотимль къ родственнику своему, отцу Іоанну Успенскому.

„Не помню съ коихъ поръ, только знаю, что давно не писалъ я къ вамъ ни слова. Причина этого молчанія—самая простая: ожиданіе отвѣта на прежнія мои письма. Не знаю, чему приписать ваше совершенное безмолвіе въ отношеніи ко мнѣ: тѣснымъ ли обстоятельствомъ жизни, или перемѣнѣ вашего расположенія ко мнѣ? Первое согласенъ допустить; а послѣднему не хотѣлось бы и вѣрить. Правда, теперь и я остаюсь не совсѣмъ правъ передъ вами: до сихъ поръ не хотѣлъ надлежащимъ образомъ извѣстить васъ о происшедшемъ со мною горестномъ событіи. Но, скажу вамъ сущую правду, потому я и не извѣщалъ васъ объ этомъ событіи, что слишкомъ горестно: сильная грусть любить таиться. Повторять нѣсколько разъ повѣсть о печальномъ событіи значитъ каждый разъ терзать сердце. При томъ, я увѣренъ былъ, что вамъ дадутъ знать объ этомъ мои и ваши родные—Горицкіе, къ коимъ писать я былъ обязанъ по необходимости. Впрочемъ, и къ вамъ давно я намѣревался писать; но разныя обстоятельства доселѣ не позволяли мнѣ исполнить этого намѣренія. Вотъ, наконецъ получилъ свободное время, чтобы подѣлиться съ вами грустными чувствами.

Чѣмъ же начать родственную бесѣду съ вами? Входить ли въ подробное описаніе моей вѣчной разлуки съ милымъ другомъ? Но я думаю, вамъ уже извѣстны обстоятельства кончины моей возлюбленной Анны Васильевны изъ писемъ моихъ къ Горицкимъ роднымъ. Изъяснить ли то, какъ провѣлъ я годъ, ужасный годъ моего одиночества?... Одному

Всѣмъдушному извѣстно то, что довелось вытерпѣть мнѣ въ 1846 г. эту тяжкую годину искушенія. Казалось бы, все осталось при мнѣ, кромѣ *одного*: тотъ же домъ, тотъ же образъ жизни, та-же служба, тѣ-же дружескія связи: но лучше-бы, стократъ лучше лишиться всего, чѣмъ потерять это безцѣнное *одно*. Правда, много у меня пріятелей и теперь: но, признаюсь, ни одного нѣтъ друга; и теперь многіе хвалятся своимъ ко мнѣ усердіемъ: но ни къ кому я не могу имѣть полнаго довѣрія; и теперь, если угодно, не будетъ недостатка въ случаяхъ къ удовольствіямъ: но всѣ эти удовольствія растворены для меня горечью. Странное дѣло: тамъ, гдѣ люди находятъ отраду и удовольствіе, я началъ ощущать скуку и отвращеніе; въ чемъ другіе полагаютъ верхъ земнаго счастья и блаженства, въ томъ вижу я одну пустоту и ничтожность. Хорошая книга да скромная бесѣда вдвоемъ—вотъ единственный источникъ моего земнаго блаженства, если только на землѣ возможно какое-либо блаженство.

— Говорятъ, въ сердечныхъ болѣзняхъ время—самый лучший врачъ. И подлинно такъ: порукою въ томъ мой собственный опытъ. Въ первые дни и недѣли моего тяжкаго испытанія какихъ средствъ для успокоенія себя я не употреблялъ! какихъ спасительныхъ врачевствъ не прилагали къ растерзанному моему сердцу и добрые люди: ничто не помогало, ничто не могло разсѣять глубокаго мрака сердечной скорби и унынія. Потомъ этотъ душевный мракъ мало по малу началъ рѣдѣть, по мѣрѣ того, какъ разсудокъ сталъ вступать въ законныя права свои. Наконецъ обычныя занятія и спасительныя таинства вѣры непримѣтнымъ образомъ сдружили меня съ горестнымъ положеніемъ такъ, что я, при благодатномъ ихъ вліяніи, иногда вовсе забываю свою печаль, доколѣ новыя какія-нибудь непріятности семейной или общественной жизни съ большею силою не потрясутъ разстроеннаго грустію сердца. А такихъ, болѣе или менѣе важныхъ непріятностей, въ теченіе цѣлаго года моего одиночества, признаюсь, испытать я не мало.

Какъ справедлива, подумаешь послѣ сего, старинная русская пословица: „Бѣда бѣду родить“.

Для собственнаго спокойствія и безопасности, въ разсужденіи новыхъ бѣдъ и непріятностей, я думалъ было пере-

1846 г. мѣнить образъ жизни, а для сего однажды навсегда оставить родной Муромъ; — хотѣлъ было снова вступить на поприще образованія уже высшаго, то есть въ Академію: но благо сиротствующаго семейства, — семейства, съ которымъ по волѣ Провидѣнія, такъ тѣсно соединена была моя судьба, — требуетъ, чтобы я отказался отъ этого лестнаго, сроднаго мнѣ пути; и я рѣшился пожертвовать всеми личными выгодами благополучію сиротъ. Чувствую, чего будетъ стоить для меня эта жертва; знаю, что юному вдовцу, какъ одинокому пловцу, не безопасно будетъ плаваніе по волнамъ житейскаго моря; мірскія суеты и соблазны на каждомъ шагу будутъ угрожать паденіемъ. Что же дѣлать? — Надобно вооружиться терпѣніемъ и мужествомъ, *облещися*, по слову Писанія, *во вся оружія Божія: препоясать*, во первыхъ, *чресла свои истиною*, т. е. продолжать прежнія занятія науками; *облещися въ броню праведности* — упражнять себя въ твореніи добрыхъ дѣлъ, между коими первое мѣсто должны занять: постъ, молитва и вспомоствованіе ближнимъ; *обуть ноги въ твердость Евангелія мира*, — это значитъ почаще заниматься сочиненіемъ проповѣдей; *паче всего взять щитъ вѣры*, — ибо это главное оружіе противу всехъ козней вражійхъ; — и *шлемъ спасенія*, — это, думаю, значитъ то, что надобно, сколько можно, чаще заниматься размышленіемъ о вѣчномъ спасеніи души; — и наконецъ *мечъ духовный* — слово Божіе: святая Библия да будетъ отсель первымъ и послѣднимъ предметомъ моего изученія!

Вотъ все, что на первый разъ могъ я передать вамъ о себѣ; не отрекаюсь сообщать вамъ извѣстія и о дальнѣйшихъ происшествіяхъ моей жизни, если только вы не откажетесь поддерживать съ своей стороны взаимной нашей бесѣды.

14-го мая писалъ я въ Иваново зятю и сестрѣ:

„Сообщаю вамъ о себѣ новость, впрочемъ такую, которая въ сущности не слишкомъ много заключаетъ въ себѣ новаго. Въ послѣднемъ письмѣ къ вамъ, если только вы получили его, извѣщаль я, что участь моя такъ или иначе должна опредѣлиться скоро: — и опредѣлилась. Роковой май насталь; я долженъ былъ окончательно рѣшиться на одно изъ двухъ: или оставаться при настоящемъ положеніи, или

однажды навсегда оставить родной Муромъ“. И далѣе, со- 1846 г.
общивъ и имъ о своемъ намѣреніи поступить въ академію,
измѣнившимся потомъ подъ вліяніемъ убѣжденій и просьбъ
тещи въ видахъ поддержанія свротствующаго семейства ея,
о потребности терпѣнія въ положеніи молодаго вдовца —
священника, каковымъ остаться я уже рѣшилъ было тогда,
продолжалъ:

„Впрочемъ, съ переменною обстоятельствомъ, быть можетъ,
переменятся и мои настоящія расположенія. Чаловѣкъ яко
трость, вѣтромъ колеблемая: сегодня думаетъ такъ, завтра
совсѣмъ иначе; къ кому сегодня расположенъ, къ тому
завтра имѣетъ отвращеніе. Конечно, по слову Божію, *ни-
ктоже возложъ руку на рало и обратися вспять, управ-
ленъ есть въ царствіе Божіе*: рѣшившись посвятить себя
на служеніе ближнимъ, не надобно колебаться, хотя-бы до-
велось и потерѣть что-нибудь: куда дѣваться отъ неприят-
ностей? На землѣ нигдѣ нѣтъ истиннаго спокойствія.

Послѣ постоянной годовой грусти, и многихъ другихъ
случайныхъ неприятностей, крайне хотѣлось бы, хотя нѣ-
сколько часовъ, провести въ кругу моихъ родныхъ, по-
дышать, такъ сказать, простою сельскою жизнію: город-
ская — церемонная жизнь до крайности наскучила. Признаюсь
вамъ, среди довольно обширнаго круга родныхъ и знако-
мыхъ, я не имѣю ни одного искренняго друга, съ кото-
рымъ бы, въ часы радости и печали, могъ дѣлиться взаим-
ными чувствами. Правда, многіе являются съ своимъ ко-
мнѣ усердіемъ: но ни къ кому я не могу имѣть полнаго
довѣрія. Какъ дорого заплатилъ бы за то, чтобы имѣть
при себѣ, если не постоянно, по крайней мѣрѣ, сколько
можно, чаще, кого-нибудь изъ васъ, добрыхъ моихъ род-
ныхъ! Но дѣлать печего, — надобно покориться судьбамъ
Вышняго, лишившаго меня сей драгоценной возможности.
Благодарю Бога и за то, что Онъ даровалъ мнѣ, по крайней
мѣрѣ, ту возможность, что-бы я изливалъ предъ вами сер-
дечныя чувства въ сихъ мертвыхъ строкахъ.

Просить васъ о вторичномъ посѣщеніи меня, не запла-
тивши вамъ, какъ выражаются нынѣ въ модномъ свѣтѣ,
визита, совѣтно; посоветуйте по крайней мѣрѣ кому-ни-
будь изъ родныхъ навѣстить меня-грустнаго и одинокаго-
брата вашего“...

1846 г. Въ тотъ же день писалъ я и племяннику, діакону Ѳ. С. Виноградову:

„Вѣроятно не получили вы ни одного изъ двухъ послѣднихъ моихъ писемъ, изъ коихъ первое отправлено было съ общимъ нашимъ знакомцемъ Иваномъ Григорьевичемъ Ключкинымъ, кажется, еще въ октябрѣ прошлаго года, а послѣднее съ нимъ же въ минувшемъ мартѣ. И не удивительно, правда, если вы и не получили ихъ; потому что письмоподатель самъ извинялся предо мною, что онъ не могъ доставить вамъ лично ни того, ни другаго письма, а пересылалъ ихъ съ кѣмъ-то. Вотъ что значитъ посылать письма съ частными людьми! Нѣтъ! съ сихъ поръ поставлю себѣ за правило, да и вамъ тоже совѣтую, пересылать письма не иначе, какъ чрезъ почту. Судите сами, что за удовольствіе—посылать къ роднымъ письма, и не быть увѣреннымъ, получаютъ-ли они, или нѣтъ?—Да и какой расчетъ посылать ихъ съ частными людьми? Развѣ дешевле обойдутся эти письма и для того, кто посылаетъ, и для тѣхъ, кои получаютъ ихъ?—Доколѣ не открыта была къ вамъ почта: иное было дѣло; нужда заставляла искать какой-бы то ни было окказіи; а теперь вовсе излишнее дѣло повѣрять родственные секреты постороннимъ людямъ.

Если же вы получили хоть одно изъ упомянутыхъ писемъ, и до сихъ поръ молчите: да будетъ вамъ стыдно!.. Знаете-ли, что при настоящемъ моемъ положеніи, продолжительное молчаніе какъ съ вашей, такъ и съ моей стороны, стало для меня очень тягостно: любопытно бы знать, что за причина столь долгаго вашего молчанія?

Но такъ и быть,—готовъ былъ-бы совершенно простить васъ, если-бы вы догадались принести мнѣ извиненіе лично. Въ самомъ дѣлѣ, не пора-ли уже вамъ побывать въ нашихъ Муромскихъ предѣлахъ? За ваше посѣщеніе я постараюсь-бы какъ-нибудь воздать и самъ тѣмъ-же посѣщеніемъ. Есть намѣреніе, въ нынѣшнюю ваканцію побывать на родинѣ: только не знаю, какъ это дѣло сладится. Развѣ вотъ какъ: нельзя-ли въ самомъ дѣлѣ кому-нибудь изъ васъ посѣтить меня, а потомъ вмѣстѣ съ гостями отправился-бы и я на родную сторону. Только надобно предварить васъ, что я никакъ не могу оставить Муромъ прежде 16-го числа августа: ибо къ этому числу мнѣ назначена проповѣдь.

Подумайте объ этомъ хорошенъко, и потрудитесь меня извѣстить; а я между тѣмъ съ своей стороны буду самъ придумывать какія-нибудь мѣры къ взаимному нашему свиданію. Впрочемъ, до августа много еще воды утечетъ: чело- 1846 г.
вѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ*.

Выраженная въ предъидущихъ письмахъ къ роднымъ рѣшимость моя остаться при соборѣ для пользы сиротствующаго семейства къ концу мая, неожиданно для меня самого, измѣнилась. Поводомъ къ этому послужила излишняя ко мнѣ притязательность и требовательность со стороны тещи-женщины довольно строитиваго и упрямаго характера. Вслѣдствіе сего я рѣшился оставить Муромъ и открыть себѣ путь въ академію. Въ виду сего, я обратился прежде всего за совѣтами къ о. ректору семинаріи, архимандриту Поликарпу и секретарю семинарскаго Правленія, профессору Матвѣю Ивановичу Соколову ¹⁾; тому и другому писалъ я отъ 25-го мая:

II во первыхъ, о. ректору:

„Ваше Высокопреподобіе

Милостивѣйшій Отецъ и Покровитель!

Ваше милостивое участіе, какое привимали вы въ устрой-
неніи настоящей моей судьбы, внушаетъ мнѣ ту лестную на-
дежду, что вы не лишите меня подобнаго участія и въ раз-
сужденіи дальнѣйшаго моего жребія.

По волѣ Божіей, лишившись въ прошедшемъ году жены, я нахожусь въ крайне затруднительныхъ теперь обстоятель-
ствахъ. Оставаться спокойнымъ въ настоящемъ положеніи
долгое время не надѣюсь: семейныя обстоятельства не благо-
пріятствуютъ. Оставить міръ и посвятить себя монашеской
жизни? Но уединенная—праздная жизнь устрашаетъ меня.
Многіе благонамѣренныя люди совѣтуютъ мнѣ рѣшиться на
последнее, только не иначе, какъ вступивъ на поприще
дальнѣйшаго - академическаго образованія. Совѣтъ этотъ
для меня тѣмъ убѣдительнѣе, что я доселѣ питаю особен-

¹⁾ Магистръ Кіевской духовной академіи выпуска 1839 года, М. И. Соколовъ, послѣ продолжительной духовно-учебной службы вышелъ изъ отставки и теперь, въ чинѣ статскаго совѣтника, состоитъ смотрителемъ и членомъ совета Бумажной фабрики въ Москвѣ.

1846 г. ное расположеніе къ наукамъ; и желалъ-бы поступить по оному, имѣя въ виду единственно ту цѣль, чтобы обезопасить себя на будущее время полученіемъ такой должности, которая бы соответствовала моимъ наклонностямъ: но формальнымъ образомъ приступить къ этому важному дѣлу, безъ предварительнаго объясненія съ епархіальнымъ и семинарскимъ начальствами, опасаясь. Надлежало-бы мнѣ явиться для сего во Владимірѣ лично: училищная служба не позволяетъ.

Итакъ, осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, Милостивѣйшій Отецъ и Благодѣтель, съ сыновнею довѣренностію и покорнѣйшею просьбою. Объявляя вамъ свое намѣреніе поступить въ дух. академію, испрашиваю во первыхъ вашего на сіе соизволенія и отеческаго вразумленія; во вторыхъ, осмѣливаюсь просить вашего ходатайства о мнѣ предъ Архипастыремъ.

Матушка-теща убѣдительно проситъ меня остаться при ея сиротствующемъ семействѣ, въ той увѣренности, что я могу быть полезнымъ для него; и я готовъ былъ-бы пожертвовать всеми личными выгодами благополучію сиротъ, если бы это вполнѣ зависѣло отъ моей воли: но могу-ли я предложить имъ свои услуги, а тѣмъ болѣе обѣщать продолжительное покровительство безъ воли моего Архипастыря?—Быть можетъ, Преосвященнѣйшему угодно будетъ дать семейству вмѣсто меня другаго приставника; ибо изъ 4-хъ дочерей моей тещи одна уже невѣста: между тѣмъ я, опустивши благопріятный случай для поступленія въ Академію, послѣ принужденъ буду раскаяваться.

По сему благоволите объяснить мои обстоятельства Его Высокопреосвященству. Воля Архипастыря во всякомъ случаѣ будетъ для меня священна.

Ваше Высокопреподобіе! Я не смѣю ожидать той милости, чтобы вы удостоили меня письменнаго отвѣта; но крайней мѣрѣ, не благоволено-ли будетъ объявить мнѣ вашъ отеческій совѣтъ и волю Архипастыря чрезъ Матвѣя Ивановича Соколова, г. секретаря семинарскаго правленія, котораго я просилъ въ этомъ случаѣ извѣстить меня о томъ, что вы изволите ему сообщить“.

Во вторыхъ, М. И. Соколову:

„Не смѣлъ-бы я беспокоить васъ просьбою, если-бы не увѣренъ былъ въ вашей ко мнѣ благосклонности.“

Послѣ долговременнаго колебанія и раздумья, я рѣшаюсь, 1846 г. наконецъ, по вашему совѣту, вступить на поприще академическаго образованія. Впрочемъ, безъ предварительнаго объясненія съ епархіальнымъ и семинарскимъ начальствомъ, формальнымъ образомъ приступить къ этому важному дѣлу не осмѣливаюсь. Слѣдовало-бы мнѣ самому быть во Владимірѣ: училищная служба не позволяетъ. Какъ же въ такомъ случаѣ поступить?—Дѣлать нечего, рѣшился безпокойть письмомъ о. ректора, испрашивая у него соизволенія и отеческаго вразумленія въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ. Но, согласитесь сами, ожидать отъ о. ректора, въ какомъ бы то ни было случаѣ, письменнаго увѣдомленія было-бы съ моей стороны слишкомъ смѣло. Посему, позвольте обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, какъ одному изъ добрыхъ моихъ совѣтниковъ и благожелателей. Благоволите принять на себя трудъ передать мнѣ то, что изволить сообщить вамъ о. ректоръ, ибо я просилъ его высокопреподобіе объявить мнѣ свою волю чрезъ васъ. И если предложеніе мое касательно поступленія въ академію не будетъ отвергнуто начальствомъ: въ такомъ случаѣ усерднѣйше прошу васъ снабдить меня должными совѣтами для приведенія въ исполненіе моего предпріятія (вамъ не въ первый разъ уже оказывать подобныя благодѣтельные пособія). Прешу тогда вразумить меня, куда, какъ и къ какому сроку приготовить мнѣ прошеніе; что преимущественно долженъ я приготовить для экзамена; сверхъ того, крайне одолжили бы меня, если-бы потрудились выслать мнѣ копію съ аттестата, какой имѣетъ быть выданъ правленіемъ настоящему поколѣнію студентовъ: при ней было-бы видѣе, чего потребуютъ отъ меня на экзаменѣ.

Вашего высокоблагородія милостиваго государя покорнѣйшій слуга М. д. у. училища учитель священникъ Іоаннъ Тихомировъ.

Въ отвѣтъ на это добрый и почтенный Матвѣй Ивановичъ писалъ мнѣ отъ 29-го того же мая:

„Отче Іоанне“!

Богъ васъ благословить! Отъ всей души желаю вамъ достигнуть добраго вашего намѣренія. Поздненько вы взя-

1846 г. лишь за это дѣло; но авось-либо не помѣшаетъ позднее время, лишь бы было усердіе ваше и другихъ къ доброму дѣлу. Пишите съ первою же почтой прошеніе въ семинарское правленіе о дозволеніи вамъ явиться на испытаніе въ Моск. академію; при семъ просите не увольнять васъ совершенно отъ учительской должности до времени совершеннаго приѣма васъ въ академію; по той-же почтѣ пошлите прошеніе къ Преосвященному съ тѣми-же видами и цѣлями. Владыка далъ уже словесно соизволеніе на ваше намѣреніе, — остается дѣло повести по формѣ. Вслѣдствіе вашего прошенія мы представимъ академическому правленію и будемъ просить позволенія явиться вамъ къ приѣмному испытанію; въ представленіи скажемъ, что ни со стороны семинарскаго, ни епархіальнаго начальства нѣтъ препятствій къ вашему увольненію, въ случаѣ вашего принятія въ академію. При прошеніи въ семинарское правленіе вы должны приложить свидѣтельство врача о состояніи вашего здоровья, что оно-де не препятствуетъ извѣстной цѣли, — равно аттестатъ вашъ. Касательно приготовленія къ приѣмному экзамену, не знаю, что сказать рѣшительнаго. По моему, много страшиться вамъ не слѣдуетъ. Я надѣюсь и твердо, что вы выдержите экзаменъ, лишь бы только допустили. Совѣтовалъ бы вамъ, впрочемъ, вскорѣ послѣ отпуска пріѣхать сюда, пока я не уѣхалъ; лично я вамъ лучше могъ бы посовѣтовать, кое-что и далъ бы въ пособіе и о. инспекторъ приметъ въ васъ участіе.

Предметы, означаемые въ нашихъ аттестатахъ суть: св. Писаніе, Богословіе, Церковно-Библейская Исторія, Ученіе объ разностяхъ и обрядахъ церкви, Каноническое право, Исторія Русской церкви, Медицина, Логика и Психологія, Россійская Гражданская Исторія, Математика и физика, Риторика и поэзія, Всеобщая Исторія и языки: Латинскій, Греческій, Французскій или Нѣмецкій и Еврейскій. Есть-ли у васъ кто знакомые въ академіи? Хорошо-бы попросить, чтобы васъ потребовали на экзаменъ.

Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи я приму участіе. О. ректоръ ¹⁾, по моей просьбѣ, напишетъ къ о. ректору акаде-

¹⁾ Владимірской семинаріи архимандритъ Поликарпъ.

ми¹⁾, а я напишу къ одному профессору. Экзамены тамъ 1846 г. начинаются съ 16-го августа. Вамъ, разумѣется, лучше явиться туда гораздо прежде. Тамъ дадутъ вамъ, по чему и приготовиться. Напр. о. инспекторъ академіи²⁾ добрый человѣкъ и не откажетъ вамъ ни въ чемъ.

Такъ дѣлайте дѣло, и поскорѣе. Что сочтете нужнымъ, спрашивайте меня. Бумагу форменную можете прислать въ семинарское правленіе такъ, чтобы былъ и другой экземпляръ, который вы пошлете ко мнѣ,—это въ случаѣ сомнѣнія какого нибудь. Присланную въ правленіе я могу замѣнить другою“.

1 іюня, согласно наставленію моего почтеннаго благожелателя М. И. Соколова, отиравилъ я во Владимірѣ на имя высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Паренія прошеніе слѣдующаго содержанія:

„По причинѣ вдовства моего и по особенной склонности къ наукамъ, я имѣю желаніе поступить для дальнѣйшаго образованія въ Московскую д. академію.

Почему Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшаго архинастыря и отца, низайше прошу дозволить мнѣ явиться въ упомянутую академію на испытаніе; но до времени совершеннаго поступленія моего въ академію не благоволено ли будетъ не увольнять меня отъ настоящихъ должностей“.

Въ тотъ же день и такого же почти содержанія послано было мною прошеніе и во Владимірское семинарское правленіе съ приложеніемъ а) свидѣтельства врача (М. В. Покровскаго) о состояніи моего здоровья и б) аттестата, выданнаго мнѣ 14 іюля 1840 года изъ семинарскаго правленія.

Вотъ что написано было въ этомъ аттестатѣ:

„Объявитель сего Владимірской Д. Семинаріи, ученикъ 2-го класса Богословія Иванъ Тихомировъ, Владимірской епархіи, Вязниковской округи, села Палеха, Крестовоздвиженской церкви, умершаго пономаря Михаила Сергѣева сынъ, имѣющій отъ роду 21 годъ, поступилъ въ семинарію въ 1834 году, гдѣ обучаясь:

при способностяхъ отлично хорошихъ, привле-

¹⁾ Архимандриту Евсеію (Ораинскому).

²⁾ Архимандритъ Евгений (Сахаровъ—Платоловъ).

1846 г.

	жаніи — весьма ревностномъ, поведеніи	
	отлично хорошею, успѣвалъ	
въ наукахъ:	Богословскихъ.	} отлично хорошо.
	Церковно-Библейской исто-	
	рин.	
	Философскихъ — весьма хорошо.	
	Математико-физическихъ.	} отлично хорошо.
	Словесныхъ	
	Всеобщей исторіи	
По классу	чтенія Свящ. Писанія	} отлично хорошо.
языкахъ:	Греческомъ	
	Еврейскомъ — весьма хорошо.	
	Французскомъ — отлично хорошо.	

По окончаніи полнаго учебнаго семинарскаго курса Правленіемъ Семинаріи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, Пароенія архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго и Кавалера, причисленъ къ первому разряду семинарскихъ воспитанниковъ, съ званіемъ студента, и онымъ же Правленіемъ уволенъ въ Епархіальное вѣдомство; во свидѣтельство чего и данъ ему, Тихомирову, сей аттестатъ изъ Правленія Владимірской семинаріи съ ниже-слѣдующимъ подписаніемъ, съ приложеніемъ печати онаго. 14-го дня 1840 года.

На подлинномъ подписано:

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Поликарпъ.

Инспекторъ Іеромонахъ Рафаиль.

Секретарь Коллежскій Ассессоръ Василій Романовскій.

Письмоводитель Петръ Кузьминскій.

Дошло до меня извѣстіе о возведеніи въ санъ архимандрита инспектора Владимірской семинаріи, іеромонаха Евиміа. Такъ какъ я пользовался его вниманіемъ и расположеніемъ, когда былъ на должности смотрителя семинарской больницы и какъ онъ былъ одинъ изъ первыхъ моихъ совѣтниковъ касательно поступленія моего въ академію, то я долгомъ почелъ письменно поздравить его съ возведеніемъ въ высшій санъ. И вотъ что писалъ я ему отъ 15 іюня:

„Высокопреподобнѣйшій о. Архимандритъ!

Милостивѣйшій государь!

Пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ Высоко-монаршею милостію. Въ мертвыхъ чертахъ сей

хартіи благоволите принять мое живое участіе въ вашей свя- 1846 г.
щенной радости. Нельзя не порадоваться, слыша, что внимательное начальство и благопопечительное Правительство воздали достойную за труды честь достойнѣйшему изъ начальниковъ и благороднѣйшему изъ доброжелателей. Но въ чемъ выразить предъ вами мои чувства? Чего можетъ пожелать вамъ на этотъ разъ сердце, — сердце, которое исполнено глубокаго къ вамъ уваженія и столь же глубокой благодарности? Оно желаетъ, чтобы навсегда продолжилось къ вамъ благосклонное вниманіе добраго архипастыря; — желаетъ, и гораздо болѣе, чтобы знаки Монаршаго благоволенія были для васъ залогомъ новыхъ благословеній Царя небеснаго, — чтобы внѣшнія благолѣпныя украшенія служили выраженіемъ внутреннихъ, совершеннѣйшихъ красотъ вашей благородной души.

Сей вѣнецъ отъ камене чести, возложенный на главу вашу, образуя терновый вѣнецъ Христа Спасителя, пусть каждый разъ, приосѣняя ваше чело, свидѣтельствуется предъ лицомъ всѣхъ и каждого о вашей пламенной ревности на многотрудномъ поприщѣ служенія истинѣ, и готовности увѣнчать, если то нужно будетъ, себя за истину вѣнцемъ отъ тернія.

Сіе священное изображеніе Распятаго, украшая ваши перси, съ тѣмъ вмѣстѣ да охраняетъ ваше сердце отъ всего, что можетъ нарушить его чистоту и непорочность.

Сіе новое знаменіе духовнаго оружія (палица) да одушевитъ васъ новымъ мужествомъ въ борьбѣ со врагами чело-вѣческаго спасенія.

Сей, наконецъ, жезлъ, врученный вашей десницѣ, да указываетъ прямой путь къ горней отчизнѣ какъ вамъ самимъ, такъ и тѣмъ, коихъ Промыслъ вручилъ и еще имѣетъ вручить вашему бдительному надзору.

Сего-то наиболѣе желаетъ вамъ исполненное глубокаго къ вамъ уваженія и благодарности сердце! Но съ сими искренними, сердечными благопожеланіями да соединятся теплыя мольбы къ Царю царей, да подастъ Онъ добротѣ вашей силу и да испослетъ на васъ при благоденствіи и долгоденствіи, къ утѣшенію вашихъ присныхъ и счастію подчиненныхъ и покровительствуемыхъ вами*.

17 іюня получилъ я изъ Владиміра отъ секретаря семинарскаго правленія, М. И. Соколова, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 1 числа, посланіе слѣдующаго содержанія:

1846 г.

„Здравствуйте, батюшка,

Иванъ Михайловичъ!

Вы просили увѣдомить васъ, какъ ваше дѣло пойдетъ въ ходъ. Виновать, тогда не успѣлъ, да признаться и не считалъ нужнымъ. Теперь другое дѣло. Помнится, въ понедѣльникъ (3 июня) мы получили вашу просьбу съ приложениями, а въ среду (5 июня) представили академическому правленію. Въ подкрѣпленіе представленія я упробилъ о. ректора написать письмо къ о. инспектору академіи; онъ это сдѣлалъ по той же почтѣ. И вотъ вслѣдствіе сего и онаго вчера (14 июня) мы получили предписаніе изъ академическаго правленія съ разрѣшеніемъ явиться вамъ туда на испытаніе. Господь васъ благословитъ, и да увѣнчаетъ ваше доброе намѣреніе вождельнымъ успѣхомъ! По положенію, вы должны явиться туда къ 5 августа; до тѣхъ поръ можете готовиться дома, сколько успѣете. Со мной видѣться, пожалуй, вамъ и не нужно. Не худо бы было, если бы вы къ 1 августа явились въ академію, тамъ прекрасно можетъ руководить васъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ. Онъ бібліотекаръ семинаріи, и, слѣдовательно, можетъ сообщить вамъ всякую нужную книгу, можетъ достать даже и нужныя тетрадки. Много, впрочемъ, беспокоиться объ экзаменѣ не слѣдуетъ; я увѣренъ, что васъ примутъ въ академію. Когда вы явитесь туда, не мѣшаетъ, даже должно предстать предъ ихъ высокопреподобія—о. ректора и инспектора и попросить ихъ неоставленія. Думаю, что о. инспекторъ приметъ васъ благосклонно. По приѣздѣ познатьтесь со студентами академіи, которые останутся тутъ на вакацію. Они могутъ рассказать вамъ, какъ у нихъ производятся экзамены;—и это дѣло важное, тѣмъ болѣе, что вы видали экзамены нашего о. ректора; но это далеко не экзаменъ. О тѣхъ предметахъ, которые не означены въ вашемъ аттестатѣ, а показываются въ настоящихъ, не слѣдуетъ беспокоиться, — во первыхъ, это пустошь, совсѣмъ не капитальное, во вторыхъ, я не думаю, что бы васъ стали спрашивать о томъ, чего не означено въ вашемъ аттестатѣ.

При приѣмѣ въ академію смотрятъ не столько на количество познаній, сколько на ихъ качество и способности

студента. При способностяхъ всему можно научиться въ 1846 г. продолженіи 4-хъ лѣтъ.

Если, впрочемъ, сочтете нужнымъ, прикажите вашему шурина достать и привести вамъ изъ Владиміра на ваканцію нужныхъ тетрадокъ. До 1-го августа времени еще будетъ довольно. Хотѣлъ было я вчера форменнымъ образомъ обдѣлать ваше дѣло, то есть составить журналъ, чтобы нынѣ послать предписаніе вашему начальству; но не имѣлъ довольно времени получше все обдумать, тѣмъ болѣе, что этимъ же предписаніемъ требуется 4 воспитанника семинаріи кромѣ васъ; значитъ тутъ довольно распоряженій должно быть. Если мы въ этомъ мѣсяцѣ не пришлемъ предписаніе къ училищному начальству, значитъ пришлемъ его уже предъ ваканціей по выборѣ 4-хъ воспитанниковъ для академіи. Вы теперь знаете о вашемъ дѣлѣ, и, слѣдовательно, намъ нѣтъ нужды торопиться. Иначе эта бумага у насъ два раза должна проходить журналомъ — лишніе хлопоты. При представленіи мы приложили вашъ подлинный аттестатъ (что вы его испугались?) и свидѣтельство врача о вашемъ здоровьѣ.

Съ нашими документами теперь вы должны отправиться, будетъ сказано въ предписаніи училищному начальству. И объ епархіальной вашей службѣ мы тоже позаботимся. Вы писали, что послали ко Владыкѣ прошеніе; но онъ до сихъ поръ и не поминаетъ объ немъ, — получилъ ли? Впрочемъ это вздоръ, — одна политика.

Наши дѣла утверждаетъ онъ-же, а мы не опускаемъ изъ вида вашего священства. Если онъ не пріѣдетъ къ вамъ до 1-го августа, не слѣдуетъ дожидаться его благословенія, — помолитесь Богу, да и маршъ! Они, тоже молодцы, что забыли о всѣхъ вашихъ прошеніяхъ и письмахъ, если бы я не командовалъ. Да, любезнѣйшій, вѣрно не очень много на свѣтѣ людей, которые бы не пеклись паче всего о своихъ си, не яко о нищихъ и проч. Богъ съ ними! Наше другое дѣло, — мы односудебники, и потому лучше можемъ и сочувствовать другъ другу — *similis* и проч.

Ну, кажется, все навалялъ? Желаю добраго здоровья и успѣха въ предиріятіи.

Покорный слуга М. Соколовъ.

Если вы знакомы сколько нибудь съ Федоромъ Яковле-

1846 г. вичемъ Яковлевимъ, шт. смотрит. Муромск. училищъ, поклонитесь ему отъ меня низко, и попросите извиненія, что я до сихъ поръ не сберусь написать къ нему что-нибудь. Особеннаго нѣтъ ничего, а дѣль куча и слѣд. все некогда. Охъ, это некогда!!*

22-го іюня получено было мною утѣшительное письмо отъ добраго моего друга, Абакумовскаго священника М. Д. Граменицкаго.

Вотъ что писалъ онъ мнѣ отъ 30-го мая:

„Пришедши во Владиміръ ко срѣтенію Божія Матери, отъ Андрея Григорьича и отъ другихъ услышалъ я роковую вѣсть о вашемъ несчастіи. Вашъ ангель-супруга васъ оставила, — ваше счастье, которымъ вы дорожили всего болѣе, миновалось; — вашъ другъ и душевный совѣтникъ улетѣлъ отъ васъ. Великое горе! Участвую съ вами въ ономъ, плачу о вашемъ положеніи, вы теперь сирь, одиноки, безутѣшны. Чѣмъ могу помочь вамъ въ такихъ обстоятельствахъ? Чѣмъ облегчить и разсѣять скорбь вашу?... Одно, другъ мой, утѣшеніе для христіанина, хотя очень извѣстное, но я все таки съ своей стороны напомню его вамъ, утѣшеніе Апостола не скорбѣть о умершихъ.

Не ослабѣвайте упованіемъ и вѣрою въ воскресшаго Христа. Онъ чрезъ вѣру удостоитъ жизни вѣчной и вашу добрую подругу, — вѣруйте твердо, непоколебимо, — пробѣжить яко тѣнь время жизни настоящей, — въ будущей ваше обрученіе будетъ не разрушимо, ваши души будутъ пламенѣть чистѣйшею другъ къ другу любовію. А паче всего берегитесь пагубнаго отчаянія. Что дѣлать? — *Тако Господи изволися!* Можетъ быть, всевидящее око Провидѣнія усмотрѣло особенную доброту души въ вашей подругѣ и воехитило отъ суеты мірскихъ, да незлоба измѣнить разумъ ея или лести прельстить душу ея, можетъ быть Провидѣнію угодно искусить ваше доброе сердце и пережечь его огнемъ скорби, чтобы оно, какъ злато вынутае изъ горнила, было чище — свѣтлѣе. И какъ бы то ни было, съ какою-бы цѣлію Провидѣніе ни послало на васъ наказаніе это; вы должны помнить, что тако Господи изволися и старайтесь переносить его. Вѣрю, тяжелъ крестъ, возложенный на васъ, но, милый, вѣрьте слову съ неба: *сила Божія въ немощи совершается*. Конечно, съ благою цѣлію Провидѣнію отвязло

у васъ сердечнаго друга. Теперь вы, какъ служитель ал- 1846 г.
тара, отрѣшившійся отъ брачнаго союза, можете служить
и угождать Господеви. Только да дастъ вамъ Всемогущій
Господь силу и крѣпость къ поспранію враговъ христіан-
ства!.. Благодать Божія да подкрѣпитъ васъ на огненномъ
поприщѣ искушенія!

Пріятнѣйшее письмо ваше получено мною въ прошедшемъ
мартѣ, очень благодаренъ вамъ за откровенно-подробное
всего описаніе. Вы жалуетесь на слабость своего здоровья
и болѣзненные припадки, теперь должны со всевозможнымъ
тщаніемъ стараться о спокойствіи духа, не терзаться скор-
бію и печалію, иначе эти болѣзненные припадки отъ настоя-
щей скорби вашего сердца получаютъ оцутительную силу
и усилившись сдѣлаютъ и васъ жертвою преждевременной
смерти. Утѣштесь, другъ, и не скорбите много, прошу и
молю васъ о семъ, какъ другъ сердечно васъ любящій.

Конечно, всѣ ваши мысли и чувства теперь постоянно
заняты однимъ — скорбію о потерѣ доброй подруги,
конечно, представленіе и памятованіе объ ней постоянно
занимаетъ всю вашу душу и есть для васъ всего священ-
нѣе, — не сердитесь, милый, на меня, если я отлеку васъ
на минуту отъ сихъ священныхъ думъ объ отлетѣвшей отъ
васъ подругѣ, и скажу вамъ кое-что о себѣ; можетъ быть,
въ эту минуту сердце ваше, оторвавшись отъ печали
успокоится мгновенно.

Начиная съ новаго года и доселѣ какія-то мрачныя думы
бродятъ въ моей головѣ, какое-то неприятное предчувствіе
томить мою душу, не знаю, какая этому причина; особенно
это предчувствіе нитается носящимися слухами объ уничто-
женіи штатовъ, помилуй Господи, выведутъ куда на опаль-
ный приходъ къ Юрьеву, что тогда дѣлать; а у насъ въ
селѣ кому-нибудь придется брать посохъ и изыти съ ми-
ромъ. Избави, Господи, очень не захочется оставить воз-
двигнутаго мною чрезъ потъ и кровь, страснія. Святую
четырнадцатую и великую Пасху проводилъ по прежнему,
Послѣ Пасхи возложили на меня должность депутата.

Очень пріятно узнать ваше сердце въ настоящихъ об-
стоятельствахъ, — а поэтому и прошу васъ открыть мнѣ его
какъ искреннему другу; что вы о себѣ думаете? Какъ пе-
реносите отраву сердца? Да какія были причины смерти и

1846 г. самым обстоятельством погребенія милой подруги вашей, — вамъ тяжело однимъ пить эту горечь, увѣдомьте меня и я изъ состраданія къ вамъ помогу вамъ нѣсколько капель проглотить изъ чаши вашей печали. Да утѣшитъ же васъ Господь Богъ!

Пишете, что изъ трехъ путей предлежавшихъ вамъ, — теперь остались только два, и вы требуете въ этомъ важномъ дѣлѣ моего совѣта. Могу-ли, милый другъ, здраво присовѣтовать вамъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ? На сіе могутъ давать совѣты только тѣ, кои собственнымъ опытомъ прошли огонь и воду житейскихъ искушеній. А, кажется, лучший въ сихъ дѣлахъ совѣтникъ собственное чувство. Я увѣренъ, что вы и среди Содома мірскаго, какъ истинный Лоть, сохраните свою честность и скромность, побѣдите соблазны и искушенія. Но чего это будетъ стоить? Тамъ, гдѣ для другихъ цвѣтутъ радости, вы будете пить ядъ страданія, — что веселитъ другихъ, то сокрушитъ печалію ваше сердце, какъ это уже вы и теперь чувствуете. Вы рѣшились облечься во вся оружія Божія, — препоясать чресла истиною, облечься въ броню праведности, обути позѣ въ твердость Евангелія мира, воспринять щитъ вѣры, надѣть шлемъ спасенія, вооружиться мечемъ духовнымъ, — избрать себѣ родную по сердцу — Св. Библию. Чтобы удобнѣе дѣйствовать облеченному въ сіи Божія оружія, думаю, надобно бѣжать изъ прелюбодѣйнаго и грѣшнаго Содома мірскаго въ спасительный Сигорь монашества. Тамъ вы, какъ истинный воинъ Христовъ, менѣе можете встрѣтить камней претыканія, — въ священной оградѣ монастырской жизни, думаю, духъ вашъ болѣе найдетъ для себя пищи и утѣшенія.

Объ академіи жалѣть я не совѣтую, — и не бывши въ академіи, можно вамъ достигнуть желаемой цѣли: настоящія знанія ваши и тихо скромная жизнь прямо приведутъ внимательное начальство къ возложенію на васъ приличной должности: свѣтильнику стоять подъ спудомъ, и изливать благотворный свѣтъ для мрачныхъ ущелій, — не поустыять. Говорите, что вы погрузились въ такую мрачную бездну, куда не проникнетъ ни одного луча земной отрады.

Позвольте, другъ, сдѣлать вамъ искреннее на сей разъ, — хотя сто разъ вамъ извѣстное правоученіе, — не падайте

духомъ, не слишкомъ высоко цѣните земныя удовольствія; 1846 г. не столько сожалѣйте объ утратѣ радостей земныхъ, сколько радуйтесь о приближеніи къ утѣхамъ небеснымъ: по колику будете умирать для радостей чувственныхъ; по толику будете оживляться ощущеніемъ радостей духовныхъ. Только примите рѣшительное намѣреніе утвердиться на камени вѣры и терпѣнія: ваше положеніе озарится свѣтлѣйшими лучами отрады будущихъ; за лишеніе мгновеннаго земнаго воодушевитесь надеждою вкусить вѣчное небесное. Да утвердить и укрѣпить васъ въ семъ Господь Богъ!

Говорите, что многіе хвалятся вамъ своимъ расположеніемъ и вѣрностію, — берегитесь, милый другъ, скоро вѣряться другимъ, — по Сираху изъ тысячи друзей надобно избирать одного совѣтника, а такого совѣтника, какого вы лишились, уже въ сей жизни вамъ не найти. Признаюсь вамъ, по своей простотѣ я много вреда потерпѣлъ отъ друзей — ласкателей, и они мнѣ теперь кажутся чѣмъ-то не похожимъ на человѣчество....

Занятіе мое, кромѣ должности приходской, которая рѣдкій день даетъ мнѣ свободу пробыть дома, и кромѣ занятія домашними хлопотами, состоитъ въ чтеніи книги *Камень вѣры* Стефана Яворскаго. Книга чудная. Читаю и Библию, которую успѣлъ сдѣлать своею собственностію; потомъ читалъ Регламентъ духовный; по воскреснымъ днямъ Великаго поста читалъ въ церкви бесѣды на Евангельскія блаженства протоіерея Нордова.

Прошу васъ всепокорнѣйше принять на себя трудъ — отслужить чудотворцамъ Муромскимъ о моемъ здравіи молебень.

28-го мая получилъ я письмо изъ Никологорскаго погоста, въ которомъ просятъ меня туда къ празднику — къ десятой пятницѣ, — оттолѣ предлагаютъ въ Муромъ — помолиться къ 25 іюня, — желалъ-бы сего, — по должность и домашнія занятія не дадутъ о семъ и подумать.

23-го іюня писалъ мнѣ одинъ изъ добрыхъ моихъ товарищей по семинаріи, священникъ села Нармоча, Мелеховскаго уѣзда, Иванъ Гр. Валединскій, который не долго предъ тѣмъ былъ у меня въ домѣ:

„Сей письмоподатель нашего села діаконъ, — а потому въ цѣлости безъ всякаго сомнѣнія можетъ доставить мнѣ ту

1846 г. книгу, которую вы мнѣ обѣщали доставить для чтенія. Благодарю, отъ сердца благодарю, любезнѣйшій Иванъ Михайловичъ, за то радушное гостепрѣимство, которое я видѣлъ въ домѣ вашемъ,—за то неизмѣнное дружество, которое и донинѣ питаете ко мнѣ. Да будетъ и для меня священна память объ тебѣ, другъ незабвенный жизни семинарской,—священна память и о супругѣ вашей,—почившей Аннѣ Васильевнѣ“.

2-го числа іюля писалъ мнѣ изъ Переяславля Залѣскаго настоятель Никитскаго монастыря, архимандритъ Нифонтъ, бывший смотритель Муромскаго уѣзднаго училища:

„Ваше благословеніе,
а будущее высокопреподобіе!
батюшко отецъ Иванъ Михайловичъ!“

Я окаянный Нифонтъ, навѣрно еще незабвенный тобою, 26-го и 27-го числа истекшаго іюня былъ въ Лаврѣ пѣше-ходя и отцемъ ректоромъ и инспекторомъ былъ отечески принять и получить отъ обоихъ по подарку. О. инспекторъ казалъ мнѣ письма о. ректора Поликарпа, коимъ просить онъ академическое правленіе принять тебя въ академию для образованія дальнѣйшаго,—и къ великому моему удовольствію, сколько могъ добраго знать и знать, все высказалъ ему объ тебѣ—и онъ радъ, что такого ученика имъ Господь посылаетъ. Бумагу о вызовѣ тебя на экзамень къ Владимірскому отцу ректору уже, — какъ сказалъ о. инспекторъ, послали. Дай, Господи, тебѣ преуспѣяніе и глубое изліяніе благодати Господней“!

9-го числа писалъ я къ своему бывшему наставнику и покровителю, преподавателю Виѣанской семинаріи, Я. П. Владыкину:

„Въ томъ предположеніи, что вы сколько-нибудь еще помните имя ученика Тихомирова, котораго нѣкогда удостоивали особеннаго вниманія, осмѣливаюсь прежде нежели буду имѣть счастье видѣть васъ лично, предувѣдомить васъ письменно о моемъ положеніи и предварительно попросить вашего покровительства и участія въ устроеніи новаго моего жребія. Тѣмъ болѣе осмѣливаюсь безпокоить васъ этою просьбою, что я очень хорошо помню ваше предложеніе, сдѣланное мнѣ касательно академіи, когда Вы изволили

отправляться въ послѣдній разъ изъ Владиміра. Не желая, 1846 г.
или лучше сказать, не умѣя воспользоваться этимъ благо-
склоннымъ предложеніемъ въ свое время, я поставленъ въ
необходимость послѣдовать вашему благому совѣту теперь,
быть можетъ, и не совсѣмъ уже благовременно. Что это
значить, позвольте вамъ объяснить.

По окончаніи семинарскаго курса въ 1840 году, полтора
года потеряны мною совершенно почти даромъ. Наконецъ
въ 1842-мъ году я поступилъ въ Муромскій Богородицкій
соборъ во священника (со взятіемъ сироты); съ тѣмъ вмѣ-
стѣ получилъ должность учителя сначала въ приходскомъ,
а чрезъ годъ переведенъ въ уѣздное дух. училище; женою
Богъ наградилъ и умною и доброю. Казалось бы чего больше
желать молодому студенту: и слава Богу! я былъ крайне
доволенъ своимъ состояніемъ, тѣмъ болѣе, что въ короткое
время успѣлъ расположить въ свою пользу начальниковъ и
гражданъ. Но благополучіе мое было слишкомъ кратко-
временно: прошло не болѣе трехъ лѣтъ, какъ мнимое благо-
состояніе мое поколебалось въ самомъ основаніи. Вседер-
жанному Промыслу угодно было испытать меня на зарѣ
счастія самымъ тяжкимъ искушеніемъ: я лишился въ апрѣлѣ
минувшаго года единственнаго въ жизни друга — жены....
Что въ такомъ случаѣ прикажете дѣлать? Оставаться въ
томъ же положеніи, при тѣхъ же должностяхъ? Семейныя
обстоятельства не благопріятствуютъ; я живу съ тещей, у
которой восемь человѣкъ дѣтей; изъ нихъ одна дочь уже
невѣста; при томъ юному вдовцу проводить жизнь среди
мірскихъ соблазновъ и искушеній не совсѣмъ-то безопасно.
Посвятить себя прямо монашеской жизни? — Но праздная
монастырская жизнь устрашаетъ меня: я привыкъ къ по-
стоянной дѣятельности. Послѣ долговременнаго колебанія и
раздумья, по совѣту благонамѣренныхъ людей и соизволе-
нію Архипастыря, я рѣшился наконецъ вступить на по-
прище дальнѣйшаго академическаго образованія, разумѣется,
имѣя главнымъ основаніемъ особенную склонность къ нау-
камъ, а прямою цѣлію то, чтобы обезопасить себя на бу-
дущее время полученіемъ такой должности, которая-бы со-
отвѣтствовала моимъ наклонностямъ. Конечно, и здѣсь
предвидятся для меня не малыя затрудненія: но дѣло уже
кончено; участь моя въ половину уже рѣшена. Семинарское

1846 г. правленіе, вслѣдствіе моей просьбы, исходатайствовало мнѣ у академическаго начальства дозволеніе явиться къ пріемному испытанію. Въ первыхъ числахъ августа я предполагаю быть въ Лаврѣ. Но какъ здѣсь я не имѣю знакомыхъ никого, кромѣ васъ: то и осмѣливаюсь заблаговременно обратиться съ покорнѣйшею просьбою къ вамъ, какъ одному изъ благосклоннѣйшихъ моихъ доброжелателей и наставниковъ. Не лишите меня вашего покровительства и руководства, по крайней мѣрѣ, на первыхъ шагахъ моего новаго поприща. Всѣ ваши совѣты и внушенія въ точности будутъ исполняемы мною“.

Въ отвѣтъ на это писалъ мнѣ Яковъ Ильичъ 16-го числа:

„Честнѣйшій отецъ Іоаннъ!

Пишу по крайней мѣрѣ хотъ для того, чтобы сказать, что письмо ваше отъ 9-го іюля мною получено. О достоинствѣ вашего намѣренія говорить нечего; вы избрали часть самую благую и по отношенію къ вамъ и по отношенію къ роднымъ. Для родныхъ при такомъ семействѣ очень важная вещь ваше мѣсто и прикрытіе невѣсты; для васъ не меньше, если не больше, важная вещь Академія и ученый ходъ, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ нужды, что этотъ ходъ былъ ближе и легче въ свое время, т. е. прямо по окончаніи семинарскаго курса. Вы и при мѣстѣ были не за сохой. И соборъ и училище требовали того-же ума, которымъ работали въ семинаріи и которымъ нужно работать въ академіи, а состояніе вдовства и намѣреніе поступить въ академію вѣрно заставили быть ученымъ больше, чѣмъ въ семинаріи. Потому пріемное академическое испытаніе вамъ не должно быть страшно, еще меньше имѣющая послѣдовать академическая жизнь. Разставайтесь съ своимъ Муромомъ безъ большаго сожалѣнія, слезъ и опасенія за свою будущность. Богъ поможетъ. Лавра и академія слишкомъ скучны для васъ не будутъ. Вы говорите, что любите дѣятельную жизнь; только доберитесь до академіи: за дѣломъ дѣло не станетъ, —станетъ дѣла сколько душѣ угодно, только была-бы охота; и смотря потому, какъ будете расположены и будутъ спориться дѣла, свое отдадутъ какъ должно. Въ студентахъ, кончившихъ нынѣ курсъ былъ одинъ, поступившій изъ Пермскихъ священниковъ,

человѣкъ умный и занимавшійся какъ слѣдуетъ, — кончилъ 1846 г. курсъ академіи въ первомъ разрядѣ ¹⁾. Вѣруйте въ упованіе паче упованія: упованіе бо не посрамить. Съ совершеннымъ желаніемъ вамъ добра и желаніемъ вскорѣ свидѣться съ вами есмь“....

20-го числа писалъ и къ роднымъ въ Иваново: „Сообщаю, или лучше сказать, возобновляю вамъ прежнюю новость касательно устройства моего жребія. Въ послѣднемъ письмѣ, кажется, я писалъ вамъ, что съ перемѣною обстоятельствъ, быть можетъ, измѣнятся мои намѣренія. Такъ и случилось: обстоятельства перемѣнились; измѣнился и мой образъ мыслей. Что прежде удерживало меня, тоже самое теперь побудило меня рѣшиться оставить Муромъ. Да, я пишу вамъ изъ Мурома, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Въ концѣ настоящаго мѣсяца я отправляюсь въ Сергіевскую Лавру: ибо я получилъ уже дозволеніе явиться къ приѣмному испытанію въ Московскую дух. академію. Какъ это произошло, я вамъ кратко объясню. Опасаясь рѣшиться на что-бы то ни было самъ собою, я писалъ къ о. ректору семинаріи письмо съ тѣмъ, что-бы онъ, объяснивъ мои обстоятельства Преосвященному, испросилъ у него архинастырскаго совѣта, какъ мнѣ лучше поступить: оставаться при настоящихъ должностяхъ, или вступить въ Академію для продолженія наукъ. Владыка изъявилъ соизволеніе на послѣднее. Послѣ сего я формальнымъ образомъ приступилъ къ дѣлу, т. е. подалъ прошеніе о дозволеніи явиться мнѣ къ экзамену въ академію, — и давно получилъ уже разрѣшеніе. Конечно нѣкоторымъ покажется страннымъ мое предпріятіе: но не я первый, не я и послѣдній дѣлаю такую выходку. Вчера былъ у меня Саратовскій священникъ (по семинаріи старше меня курсомъ), который проѣзжалъ то же въ Лавру и съ такими же вадами, какъ и я, оставивъ при томъ трехлѣтняго сына на попеченіе тещи; чего, впрочемъ, не сдѣлалъ-бы я, если-бы у меня живъ былъ Миша. Но какъ бы то ни было, а дѣло мое уже кончено: хочется, или нѣтъ, а надобно уже съѣздить въ Лавру, по крайней мѣрѣ для поклоненія преи. Сергію. Да, — я не совсѣмъ еще увѣренъ въ томъ, что не-

¹⁾ Геромонахъ Стефанъ Матвеевъ, скончавшійся въ 1853 г. отъ холеры на должности инспектора Тамбовской духовной семинаріи.

1846 г. премѣнно останусь въ академіи. Быть можетъ, обстоятельства заставятъ опять возвратиться въ Муромъ, — чего нѣкоторые крайне желаютъ, — да я и самъ, правда, много жалѣть объ этомъ не буду. Въ случаѣ поступленія моего въ академію (а это будетъ не прежде сентября), вы получите изъ Мурома нѣкоторыя, оставляемые вещи, частью для сохраненія, а частью для собственнаго вашего употребленія. Въ противномъ же случаѣ, если не будетъ никакихъ препятствій, прямо изъ Лавры прїѣду къ вамъ. Но во всякомъ случаѣ вы будете предъувѣдомлены отъ меня письменно*.

Насталъ, наконецъ, печальный день моей разлуки съ роднымъ городомъ Муромомъ, гдѣ я оставлялъ залоговѣ самыхъ лучшихъ, дорогихъ привязанностей земныхъ — бранные останки жены и единственнаго сына. 23-го числа, въ день празднованія родной для меня святыни Шуйской-Смоленской иконы Божіей Матери, я совершилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ божественную литургію и послѣ оной молебенъ предъ мощами Муромскихъ чудотворцевъ — Петра и Февроніи. Здѣсь, предъ этою святынею, простился я съ истиннымъ доброжелателемъ моимъ, о. протоіереемъ Михаиломъ Григорьевичемъ Троепольскимъ и съ прочими членами соборнаго причта, получивъ отъ нихъ въ благословеніе образъ всѣхъ Муромскихъ чудотворцевъ, съ собственноручными на оборотѣ его подписями каждаго изъ нихъ. Образъ этотъ и до сихъ поръ хранится у меня какъ достопамятная святыня.

Послѣ обѣда я двинулся въ путь, сопровождаемый изъ города многочисленнымъ родствомъ. Отъѣхавши верстъ семь отъ города, остановились. Здѣсь послѣдовало трогательное прощаніе; много пролито было слезъ съ той и другой стороны...

Сѣвши въ дорожный экипажъ, я погрузился въ глубокія думы о дальнѣйшей своей судьбѣ. 29-го числа я прїѣхалъ во Владиміръ. Преосвященнаго въ городѣ не было, онъ ѣздилъ по епархіи. Съ кѣмъ я видѣлся на этотъ разъ изъ родныхъ и знакомыхъ, не помню. На слѣдующій день, 30-го числа, отправился изъ Владиміра и къ вечеру прїѣхалъ въ г. Юрьевъ.

31-го числа, выѣхавши рано изъ Юрьева, къ вечеру прїѣхалъ я въ село Симу и здѣсь расположился ночевать.

Сима — большое и многолюдное село при р. Симкѣ; въ немъ до 1500 душъ обою пола; принадлежало тогда Д.

от: сов. князю Александру Борисовичу Голицыну — брату 1846 г. известной Татьяны Борисовны Потемкиной.

Въ Симѣ двѣ церкви — теплая и холодная. Последняя — Богоявленія Господня; въ ней замѣчательно мѣдное литое небольшое паникадило съ шведскою надписью 1692 г. Оно пожертвовано фельдмаршаломъ княземъ М. М. Голицынымъ, которому въ 1708 г. пожаловано было село Симы Петромъ I за побѣду надъ генераломъ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ. Въ Богоявленской церкви былъ погребенъ князь П. И. Багратионъ, который послѣ тяжелой раны подъ Бородинымъ жилъ у своего друга князя Б. А. Голицына и здѣсь скончался; но въ 1839 г., по волѣ Государя Императора Николая Павловича, прахъ его перенесенъ былъ на Бородинское поле.

Священникомъ (старшимъ) въ Симѣ былъ мой товарищъ П. В. Сперанскій, женатый на дочери умершаго священника Приклонскаго. Онъ былъ въ это время боленъ; я посѣтилъ его, и онъ принялъ меня съ нѣкоторымъ сознаниемъ своего достоинства, какъ бывший въ то время уже благочиннымъ.

1-го августа я слушалъ въ Богоявленской церкви литургію и былъ въ крестномъ ходу на рѣку. Тутъ я любовался расположеннымъ на противоположномъ берегу рѣки великолѣпнымъ помѣщичьимъ домомъ съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ.

Послѣ обѣдни отправился я въ дальнѣйшій путь по направлению къ г. Переяславлю-Залѣскому. Приближаясь къ городу, я восхищенъ былъ великолѣпнымъ видомъ озера Плещеева, при ясныхъ лучахъ заходящаго солнца. Прибывъ въ Никитскій монастырь, находящійся отъ города верстахъ въ трехъ, я принятъ былъ очень радушно о. архимандритомъ Нифонтомъ. Не долго оставался я здѣсь. Утромъ 3-го числа посѣшилъ въ лавру, отстоящую отъ Переяслава въ 60-ти верстахъ. Версть за 10-ть увидѣлъ я златоглавую лаврекую колокольню, блиставшую въ яркихъ лучахъ утренняго солнца. 4-го числа, въ 10-ть часовъ утра, въѣхалъ я въ Сергіевъ посадъ и остановился въ лаврской гостинницѣ.

Тотчасъ умывшись и переодевшись, я посѣшилъ въ лавру. Первое впечатлѣніе — изумленіе предъ огромностію

1846 г. лаврскихъ построекъ и сооружений. Вошедши въ Троицкій соборъ, я повергся въ глубокомъ благоговѣннн предъ святынею мощей угодника Божія Сергія. Поклонившись затѣмъ прочей лаврской святынѣ, я пошелъ въ академію.

Въ академическомъ саду встрѣтилъ я студента, перешедшаго на старшій курсъ, Семена Шимкевича—изъ Подольской семинаріи, и попросилъ его указать мнѣ дорогу къ академическому начальству. О. инспекторъ, архимандритъ Евгеній (Сахаровъ-Платоновъ), которому писалъ о мнѣ о. ректоръ Владимірской семинаріи и которому рекомендовалъ меня Переяславскій архимандритъ о. Нифонтъ, принялъ меня очень благосклонно и тотчасъ же посоветовалъ мнѣ отправиться къ о. ректору академіи, который въ тотъ же день возвратился откуда-то съ ревизіи. Ректоръ, архимандритъ Евсевій (Орлинскій) принялъ меня въ гостинной и пригласилъ сѣсть въ кресло, но я не могъ позволить себѣ сѣсть въ присутствіи столь высокой особы. О. ректоръ обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— „Хорошо-ли вы обдумали свое предпріятіе вступить въ академію?

— Я и самъ объ этомъ много думалъ, и съ другими совѣтовался.

— У насъ не мало было подобныхъ примѣровъ, но не многіе оканчивали курсъ съ успѣхомъ; только нынѣ окончилъ курсъ студентъ изъ вдовыхъ священниковъ съ степенью магистра.

— Если ваше высокопреподобіе не совѣтуете мнѣ вступать въ академію, то я могу возвратиться и назадъ.

— Нѣтъ, я не къ тому это говорю, чтобъ отклонить васъ отъ вашего намѣренія, а что-бы предупредить, что на пути, на который вы намѣрены вступить, могутъ встрѣтить васъ не малыя искушенія“.

Этимъ и окончилась моя первая и послѣдняя съ о. ректоромъ бесѣда.

Отъ о. ректора пошелъ я къ эконому академіи и просилъ его указать мнѣ келью, гдѣ бы я могъ помѣститься. Экономъ, іеромонахъ Геронтій изъ студентовъ академіи XI курса (1838 г.), живаго и веселаго характера. Онъ указалъ мнѣ келью въ такъ называемомъ бакалаврскомъ корпусѣ, куда я тотчасъ же и перовозъ изъ гостинной

свой, очень небольшой, багажъ. Въ указиной мнѣ кельѣ 1846 г. нашелъ я окончившаго курсъ іеромонаха Стефана (Матвѣевскаго) изъ вдовыхъ священниковъ Пермской епархіи— того самаго, о которомъ упоминалъ въ бесѣдѣ со мною о. ректоръ, и перешедшаго на старшій курсъ студента— изъ Орловской семинаріи, готовившагося къ постриженію въ монашество.

На другой день обратился я къ бібліотекарю академическому, профессору Александру Васильевичу Горскому съ просьбою снабдить меня учебными книгами для приготовленія къ предстоящему экзамену. Почтенный Александръ Васильевичъ весьма охотно исполнилъ мою просьбу.

5-го числа, послѣ всеобщей поды праздникъ Преображенія Господня, я былъ свидѣтелемъ удивительнаго обряда постриженія въ монашество помянутаго выше студента въ домовоі митрополичей церкви. Ему наречено было имя Серапіонъ.

Къ Серапіону часто приходилъ его землякъ, вступавшій вмѣстѣ со мною въ академію, А. Е. Викторовъ. Съ нимъ я тогда же познакомился, и наше знакомство, обратившееся потомъ въ дружбу, какъ увидимъ изъ послѣдующаго, продолжилось до конца его жизни († 20 іюля 1883 года).

На первыхъ же дняхъ моего пребыванія въ академіи познакомился я съ молодымъ, только лишь окончившимъ курсъ академіи, бакалавромъ, іеромонахомъ Θεодоромъ (Бухаревымъ), къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ Переяславскаго архимандрита Нифонта. О. Θεодоръ, изъ Тверскихъ студентовъ, не высокаго роста, весьма худощавый собою, съ живыми способностями и съ горячимъ сердцемъ. Съ нимъ ходилъ я первый разъ въ Геосиманскій скитъ, не задолго предъ тѣмъ основанный верстахъ въ двухъ отъ лавры.

Не замедлилъ я явиться и къ покровителю своему Я. И. Владыкину, въ Виоалію. Онь и жена его Ольга Ивановна приняли меня какъ близкаго родного и приглашали бывать у нихъ, какъ можно чаще.

Осмотрѣвшись нѣсколько въ академіи и лаврѣ, я написалъ въ Муромъ къ оставленному тамъ родному семейству. Въ письмѣ своемъ подробно описалъ я свое путешествіе отъ Мурома до лавры, сообщилъ о своихъ первоначальныхъ впечатлѣніяхъ въ академіи и лаврѣ и проч.

1846 г. Вотъ что было мною писано:

„По данному обѣщанію, снѣшу немедленно извѣстить васъ о своемъ положеніи; и, пользуясь свободнымъ временемъ, постараюсь описать вамъ подробно все обстоятельство—отъ послѣдняго, трогательнаго прощанія съ вами въ чистомъ полѣ до настоящей минуты въ уединенной кельѣ академіи.

Отъ всего сердца благодарю васъ и всѣхъ добрыхъ моихъ родныхъ за то общее искреннее чувство, съ какимъ вы отпускали меня въ далекій и, можетъ быть, невозвратный путь. Послѣднія минуты моего съ вами пребыванія такъ живо нанечатлѣлись въ сердцѣ, что я долго, долго не забуду ихъ.

Простившись съ вами около 7-ми час. вечера 28-го іюли, въ 11-ть прѣѣхалъ я въ Булатниково, гдѣ оказалъ мнѣ радушное гостепримство знакомый священникъ. Здѣсь пробылъ я не болѣе трехъ часовъ и отиравился далѣе въ путь.

До Владиміра путешествіе мое совершалось обыкновеннымъ порядкомъ; только отъ непривычки-ли моей къ ѣздѣ, или отъ продолжительнаго безпокойства еще дома, здоровье мое такъ разстроилось, что я боялся далѣе продолжать путь: однакожь, слава Богу, опасность миновалась. Во Владимірѣ прибылъ я 30-го числа въ 9-ть час. утра. Во Владимірѣ я пробылъ ровно сутки; и все, что пужно было сдѣлать, сдѣлалъ; только не всѣхъ, кого хотѣлось, удалось видѣть. На другой день, выѣхавши изъ Владиміра, рассчитывалъ было непремѣнно остановиться въ Юрьевѣ, чтобы увидѣться съ Александромъ Ивановичемъ Соловьевымъ: но случилось не такъ; я долженъ былъ уступить расчетамъ добраго моего извозчика; а потому чрезъ Юрьевъ довелось проѣхать въ глухую полночь, и утромъ 1-го августа пришлось остановиться въ знаменитомъ селѣ Симѣ, гдѣ, по случаю праздника, я почелъ за долгъ быть въ церкви, и кстати посмотрѣть на гробницу славнѣйшаго героя Русскаго—Багратіона. Тутъ же случилось мнѣ неожиданно исполнить заповѣдь христіанскаго братолюбія: я посѣтилъ больнаго своего товарища—священника, который занимаетъ мѣсто, предлагаемое нѣкогда мнѣ. Къ вечеру того же дня прѣѣхалъ я въ Богоспасаемый градъ Переяславль. Еще за 11-ть верстъ, при ясномъ сіяніи вечернющаго солнца, раскрылась

предо мною краса города—пресловутое озеро Плещеево. 1846 г.
 Признаюсь, не малаго труда стоило намъ, добраться по
 полямъ и по дугамъ до св. обители Никитской, отстоящей
 отъ города верстахъ въ двухъ или въ трехъ. За то доб-
 рый нашъ о. Пифонтъ—этотъ второй Самсонъ странно-
 приимецъ, своимъ радушіемъ и привѣтливостію вознаградила
 меня за все непріятности дальняго пути. Увидѣвши еще
 издали, онъ вышелъ встрѣтить меня къ монастырскимъ
 воротамъ: вотъ примѣръ истиннаго, христіанскаго госте-
 приимства! Напивши съ дороги чаемъ, тотъ же часъ онъ
 поѣхалъ со мною въ Даниловъ монастырь, стараясь доста-
 вить мнѣ благопріятный случай видѣться съ о. ректоромъ,
 къ которому я привезъ изъ Владиміра пакетъ, и который
 на другой день утромъ хотѣлъ выѣхать изъ Переславля.
 Добрый старецъ принялъ меня очень ласково; одобрилъ мое
 предпріятіе, и разспрашивая о Муромѣ, между прочимъ
 сказалъ, что ему хотѣлось бы видѣть Муромъ; и, кажется,
 онъ намѣренъ исполнить это желаніе въ будущемъ сентябрѣ.
 Возвратившись отъ о. ректора довольно поздно, въ огром-
 ной залѣ о. архимандрита я провелъ ночь такъ спокойно,
 то-есть, спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какимъ давно не
 наслаждался даже въ Муромѣ. На другой день первымъ
 дѣломъ моимъ было—отслужить молебенъ препод. Никитѣ
 и осмотрѣть все достопамятности монастыря. Потомъ, на-
 пившись чаю, мы опять отправились въ городъ: о. архи-
 мандритъ въ правленіе ¹⁾, а я въ Даниловъ монастырь (при
 которомъ находится ихъ Духовное правленіе) поклонился
 преп. Данилу. Тутъ мы въ другой разъ посѣтили о. рек-
 тора, по предварительному его приглашенію. Отъ него
 отправились осматривать достопамятности города. Видѣли
 огромныя, полуразрушенныя зданія, такъ называемаго, Го-
 рицкаго собора; были въ Феодоровскомъ дѣвичьемъ мона-
 стырѣ; любовались ботикомъ Петра Великаго; катались по
 гладкой поверхности широкаго озера; и наконецъ часа въ
 3 по полудни возвратились во свояси. О. архимандритъ
 усиливался было еще удержать меня на нѣсколько времени:
 но какъ собственныя мои виды, такъ и расчеты моего
 извозчика требовали не тратить напрасно времени въ до-

1846 г. рога. Итакъ, въ 6-ть часовъ вечера я оставилъ гостеприимную Никитскую обитель, что-бы на другой день не запаздывать явиться въ иную, болѣе важную для меня, и священную для всякаго христіанина, обитель Троицкую. Переночевавши верстахъ въ 20-ти отъ Переяславля, на другой день (это было 3-е число) рано утромъ двинулись мы въ путь съ послѣдняго ночлега. Здѣсь оканчивается первая часть моего пятидневнаго путешествія, и начинается новая, замѣчательная, по крайней мѣрѣ, для меня.

Первымъ признакомъ того, что я нахожусь уже не далеко отъ главной цѣли моего путешествія, служили для меня толпы народа, попадавшася на встрѣчу и сопутствовавшаго намъ: это благочестивые поклонники, стремившіеся только, или совершившіе уже благоговѣйное поклоненіе великому основателю и покровителю Свято-Троицкія лавры, преп. Сергію. Наконецъ, когда мы были уже версть за 10-ть не болѣе, въ первый разъ блеснули предо мной, въ лучахъ утренняго солнца, золотые верхи церковныхъ лаврскихъ зданій. И это неожиданное явленіе потрясло мою душу какимъ-то неизъяснимымъ, благоговѣйнымъ трепетомъ, невольная молитва загорѣлась въ сердцѣ и на устахъ... Въ 10-мъ часу утра въѣхали мы въ посадъ: ну, теперь слава Богу, думалъ я, путешествіе мое кончилось, можно будетъ хоть нѣсколько поуспокоиться: не тутъ-то было! Во-первыхъ, надобно было рѣшить трудную задачу: гдѣ остановиться? куда пристать, чтобъ имѣть возможность приступить къ дѣлу, какъ слѣдуетъ?—Еще въ Муромѣ рекомендовали мнѣ избрать для временнаго пристанища мѣнастырскую гостиницу. И такъ и сдѣлалъ: подѣзжаю къ гостинницѣ, спрашиваю перваго встрѣчнаго, какъ и отъ кого могу и получить комнату. Меня отсылаютъ къ монаху, который завѣдываетъ этой гостинницей; вхожу на лѣстницу:—шумъ, крикъ поразилъ меня; толпы народа разнаго пола, званія и состоянія на каждомъ шагу окружали меня: едва, едва я могъ добратся до упомянутаго монаха. Смиренный инокъ немедленно указалъ мнѣ номеръ, въ которомъ я свободно могъ расположиться. Кое-какъ переодѣвшись, я тотчасъ поспѣшилъ явиться къ академическому начальству, что-бы, получивши дозволеніе помѣститься въ академіи, я могъ воспользоваться тѣми же лошадьми, на коихъ при-

вхалъ, для перевезенія изъ гостиницы моего имущества. 1846 г. Прихожу къ о. инспектору, — и первая неудача!... Миѣ говорить, что о. инспектора дома нѣтъ; сейчасъ вышелъ-де къ о. ректору, и не прежде возвратится оттуда, какъ часа черезъ три, и что я могу явиться къ нему не ранѣе, какъ часа въ четыре по полудни. Погулявши съ полчаса съ двоими студентами по прекрасному академическому саду, съ досадою въ сердцѣ и съ сильнымъ аппетитомъ въ желудкѣ возвратился я въ свою квартиру. Закусивши не много, хотѣлъ было съ дороги отдохнуть: но сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Дѣлать нечего, надобно было разсчитаться съ извозникомъ и отпустить его: ему нѣтъ пользы долго медлить въ посадѣ. Въ 4-мъ часу ударили къ вечернѣ: слава Богу! теперь по крайней мѣрѣ я могу имѣть нѣкоторое развлеченіе. Отстоявши малую вечерню (это было въ субботу на воскресеньѣ), и поклонившись преп. Сергію, я опять пошелъ къ о. инспектору. На этотъ разъ я имѣлъ уже совершенный уснѣхъ, даже увидѣлъ болѣе, нежели сколько ожидалъ. О. инспекторъ принялъ меня очень благосклонно; удостоилъ даже напоить чаемъ, и потомъ, посоветовавши миѣ явиться къ о. ректору, приказалъ адресоваться къ о. эконому съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ миѣ для помѣщенія комнату. О. ректоръ принялъ меня съ важностію, свойственною его особѣ, и, сдѣлавши нѣкоторыя предостереженія въ разсужденіи предстоящаго миѣ поприща, подтвердилъ приказаніе о. инспектора касательно моего помѣщенія. Итакъ, начало сдѣлано довольно удачно. Послѣ того я познакомился еще съ нѣкоторыми изъ студентовъ, коихъ нашелъ въ академіи. Студенты — народъ такой вѣжливый и благородный, что каждый готовъ былъ оказать миѣ всякую услугу. Съ ними вмѣстѣ простоялъ я всенощное, которое служилъ въ академической залѣ, въ присутствіи начальства, нынѣ кончившій курсъ іеромонахъ, поступившій въ академію изъ Пермскихъ священниковъ. Послѣ всенощнаго о. экономъ указалъ миѣ номеръ, въ которомъ я долженъ былъ расположиться до общаго распредѣленія студентовъ. Оставалось рѣшить одно недоумѣніе: какъ миѣ переправить имущество изъ гостиницы въ новую квартиру. И тутъ помогли добрые люди: о. экономъ предложилъ миѣ въ услуги казенную лошадь, съ помощію коей я преблагополучно

1846 г. исправилъ всё свои нужды. Вотъ теперь и уже и въ академіи. Первую ночь довелось проводить мнѣ въ кругу двоихъ студентовъ, изъ коихъ одинъ упомянутый іеромонахъ, а другой молодой студентъ, готовившійся къ постриженію въ монахи. Общество это тѣмъ для меня было благоприятнѣе, что я заблаговременно могъ тутъ узнать и отчасти увидѣть всё обычаи и порядки академическіе, коимъ должно слѣдовать всякому поступающему въ академію. Слѣдующій день я посвятилъ на осмотрѣніе лаврскихъ достопримѣчательностей. Боже мой! сколько здѣсь священнаго, любопытнаго, удивительнаго! Недостанетъ словъ, чтобы пересказать вамъ все, что успѣлъ я видѣть тогда, и потомъ въ теченіе цѣлой недѣли“.

Съ 17-го августа начались въ академіи пріемные экзамены. Сначала испытывали студентовъ, присланныхъ изъ семинарій по требованію, на казенный счетъ, а за тѣмъ явившихся вольонтерами. Меня спрашивали по всѣмъ предметамъ, по какимъ и моихъ молодыхъ товарищей. Устный экзаменъ Богъ помогъ мнѣ сдать довольно удовлетвори-тельно.

По окончаніи устныхъ испытаній, 27, 28 и 31-го ч. заданы были намъ экспромпты на слѣдующія темы: 1) „Преслѣяніе чловѣка въ добродѣтели какое имѣетъ вліяніе на усовершеніе его религіозныхъ познаній?“ — 2) „Quem usum afferat studium psychologiae homini christiano?“ ¹⁾ 3) „Какимъ образомъ законъ *бысть пѣстунъ* во Христа“?

Въ академіи нашель я земляковъ — Владимірцевъ, перешедшихъ на старшій курсъ: Семена Вишнякова — моего питомца по Шуйскому училищу, Димитрія Доброхотева, Матсея Архангельскаго и Андрея Холуйскаго.

Вмѣстѣ со мною вступили въ Академію слѣдующіе воспитанники Владимірской семинаріи: Григорій Быстрицкій,

1) Мимоходомъ замѣчу здѣсь, что я, получивши образованіе въ семинаріи, при господствѣ еще въ духовныхъ заведеніяхъ латинскаго языка, могъ писать на этомъ языкѣ сочиненіе дов. свободно, между тѣмъ какъ молодые студенты, вступившіе вмѣстѣ со мною въ академію, уже не обладали такимъ знаніемъ языка. Поэтому мой новый пріятель — Ви торовъ, о которомъ было упомянуто выше, написавши сочиненіе по русски, перенести на латинскій языкъ не могъ и попросилъ меня. Я охотно оказалъ ему эту услугу.

Яковъ Беневоленскій, Василій Взоровъ и Феодоръ Островъ. Изъ нихъ только Быстрицкій былъ мнѣ извѣстенъ потому, что его старшій братъ А. П. Быстрицкій былъ женатъ на моей троюродной сестрѣ и былъ священникомъ при Покровской церкви села Дунилова.

3-го сентября былъ совершенъ въ лаврокомъ Троицкомъ соборѣ академическимъ братствомъ торжественный молебенъ предъ начатіемъ ученія. Вѣрно было и мнѣ облачиться на этотъ молебенъ, изъ чего я заключилъ, что я принять въ академію.

Съ 4-го числа начались уже лекціи и тогда же дана была для мѣсячнаго сочиненія слѣдующая тема: „De objective valore et dignitate sensualium repraesentationum in ambitu philosophiae“, т. е. „о предметномъ значеніи и достоинствѣ чувственныхъ представленій въ области философіи“.

Какой отзывъ сдѣланъ былъ о моемъ сочиненіи, писанномъ на эту тему, мнѣ не извѣстно.

Сообщу здѣсь предварительныя свѣдѣнія о преподавателяхъ и предметахъ академическаго преподаванія.

1. Преподавателемъ метафизики съ исторіею древней философіи и нѣмецкаго языка былъ ординарный профессоръ протоіерей Феодоръ Александровичъ Голубинскій († 22-го авг. 1854 г.)¹⁾.

2. Преподавателемъ опытной психологіи и нравственной философіи былъ бакалавръ Димитрій Григорьевичъ Левицкій († 1856 года).

3. Преподавателемъ по классу логики и исторіи философіи средней и новой бакалавръ Ипполитъ Михайловичъ Богословскій-Платоновъ († 1870 г.). О немъ см. письмо м. Филарета къ намѣстнику лавры о. Антонію отъ 18-го окт. 1857 г., № 1181.

4. Преподаватель общей словесности экстраординарный профессоръ Егоръ Васил. Амфитеатровъ († 1888 г.).

5. Преподаватель всеобщей гражданской исторіи — бакалавръ Петръ Симон. Казанскій († 1878 г.).

¹⁾ Свѣдѣнія о Ф. А. Голубинскомъ заключаются въ его биографическомъ очеркѣ, составл. С. К. Смирновымъ, М. 1855 и., и въ „Воспоминаніяхъ графа М. В. Толстого“, въ Душешол. вѣстникъ 1868 г., ч. II, стр. 19—31 и 45—52, въ Русск. Арх. 1880 г. ч. III, стр. 405—430, и др.

1846 г. 6. Преподаватель русской гражданской истории и греческого языка — бакалавръ Сергій Константиновичъ Смирновъ († 1889 г.)¹⁾.

7. Преподаватели свящ. Писанія: а) В. Завѣта — бакалавръ іеромонахъ Осодоръ Бухаревъ († 1871 г.) и б) Н. Завѣта — инспекторъ архимандритъ Евгеній Сахаровъ-Платоновъ († 1888 г.).

8. Преподаватель математики и французскаго языка — ординарный профессоръ, протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ († 30-го ноября 1863 г.).

9. Преподаватель геометріи и физики — бакалавръ Платонъ Ивановичъ Капустинъ († 1890 г.).

Водворившись въ академіи на правахъ казеннокоштнаго воспитанника, я посѣдѣшилъ написать о себѣ роднымъ въ Иваново.

Вотъ что писалъ я имъ отъ 6-го сентября:

„Болѣе уже мѣсяца, какъ оставилъ я Муромъ и живу въ академіи. Но до 3-го числа сего мѣсяца состояніе мое было еще неопредѣленно; я былъ ни студентъ, ни учитель, и почти уже не священникъ, потому что въ цѣлый мѣсяць не довелось мнѣ совершить ни одной службы. Только 3-го сентября въ первый разъ приказано было мнѣ облачиться на молебнѣ, который обыкновенно совершается предъ началомъ ученія: это было для меня удостовѣреніемъ въ томъ, что я принятъ въ число дѣйствительныхъ студентовъ.

Съ этого-то времени начинается новый періодъ моей жизни. Послѣ званія учителя, я снова принялъ титулъ ученика: хожу въ классъ, слушаю ученые лекціи знаменитыхъ профессоровъ и умныхъ бакалавровъ, и начинаю исполнять прочія обязанности студента. Конечно, для васъ кажется страннымъ теперешнее мое положеніе; правда, мнѣ и самому сначала казалось дико быть въ круту рѣзвыхъ юношей — студентовъ: но потомъ мало по малу началъ и я привыкать къ этому новому обществу, и товарищи мои

¹⁾ Свѣдѣнія о С. К. Смирновѣ и его трудахъ можно находить въ составленномъ проф. *И. Н. Корсунскимъ* очеркѣ: „Протоіерей С. К. Смирновъ, бывший ректоръ Московскои дух. академіи“. Москва, 1889. Очеркъ этотъ помѣщенъ былъ предварительно въ *Прибавленія къ Твор. св. Отца* за 1889 годъ.

смотреть уже на меня безъ милѣйшаго предубѣжденія. 1846 г. напротивъ, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Общество, въ которомъ я постоянно живу, состоитъ изъ іеродіакона-студента и окончившаго курсъ іеромонаха, поступившаго въ академію изъ священниковъ, по такимъ же обстоятельствамъ, какъ и я. Жизнь наша втроемъ течетъ очень мирно и спокойно.

Не подумайте, что съ переменною образа жизни измѣнится мое отношеніе къ вамъ. Напротивъ, теперь я буду къ вамъ еще ближе. Въ продолженіе четырехлѣтней академической жизни вы опять будете для меня тѣмъ же, чѣмъ были въ теченіе жизни семиварской. Конечно, это значитъ, что на четыре года я долженъ быть у васъ опять въ долгу. Что же дѣлать?—Такъ Богу угодно. При добромъ здоровьѣ и счастливыхъ успѣхахъ, это время пройдетъ незамѣтно; и тогда—то и приступлю къ уплатѣ всѣхъ своихъ долговъ.

При отъѣздѣ изъ Муромъ, просилъ я матушку-тошу переслать къ вамъ нѣкоторыя вещи, изъ коихъ однѣ, годныя для употребленія, пусть поступятъ въ вашу пользу, а другія поберегите до времени. Могъ-бы я подѣлиться съ вами побольше, если-бы вы были поближе: но по причинѣ неудобства къ пересылкѣ, нѣкоторыя вещи я долженъ былъ оставить въ Муромѣ, другія продать, а нныя, правда, взялъ съ собою; и онѣ крайне пригодились мнѣ здѣсь.—Когда получите упомянутыя вещи, прошу извѣстить меня*.

Вслѣдъ за тѣмъ, 8-го числа, писалъ я во Владимірѣ о. ректору семинаріи, архимандриту Поликарпу:

„Вотъ по милости Божіей и по вашему содѣйствію, я получилъ то, чего желалъ, достигъ того, къ чему стремился. Съ 3-го числа сего мѣсяца я состою уже въ числѣ дѣйствительныхъ студентовъ академіи. Что теперь осталось мнѣ дѣлать?—Принести сыновнюю благодарность вамъ и съ помощію Божіею приняться за прежніе школьные труды.“

Такъ, участь моя устроена, и кажется, довольно прочно: я теперь могу быть спокоенъ: но что будетъ съ оставленнымъ мною семействомъ? Каково будетъ теперь его положеніе?—Столь много облагодѣтельствованный вами, еще разъ осмѣливаюсь обратиться къ вашему высокопреподобію съ покорнѣйшею просьбою; осмѣливаюсь просить васъ не о себѣ, но объ оставленномъ мною сиротствующемъ семей-

1846 г. ствѣ. Благоволите принять хотя какое либо участіе въ устроеніи его судьбы, тѣмъ болѣе, что теперь преимущественно отъ васъ можетъ зависѣть или прежнее или бѣдственное состояніе онаго. Я увѣренъ, что если преемникъ мой получить священническую только должность при безприходномъ соборѣ, сиротствующему семейству нельзя будетъ ожидать отъ него почти никакой помощи. А въ такомъ случаѣ я опасаясь, какъ бы мнѣ не пришлось отвѣчать предъ судомъ Божиимъ и человѣческимъ за то, что я, заботясь о собственныхъ выгодахъ, оставилъ сиротъ тогда, какъ имѣлъ возможность оказывать имъ достаточно пособія. Послѣ сего понятно, какой помощи можетъ ожидать оставленное мною семейство отъ васъ, и что можете сдѣлать въ его пользу вы.

Ваше высокопреподобіе, милостивый отецъ и благодѣтель! Я чувствую, что, обращаясь къ вамъ съ такою просьбою, принимаю на себя слишкомъ великую смѣлость; но къ этому побуждаетъ меня, съ одной стороны, естественное чувство состраданія къ роднымъ, съ другой — твердая, на многихъ опытахъ основанная, увѣренность въ вашей отеческой благосклонности ко мнѣ“.

На слѣдующій день, 9-го числа, писалъ я во Владимірѣ же секретарю семинарскаго правленія М. И. Соколову:

„Не напрасны были ваши хлопоты; не осталось тщетнымъ ваше дѣятельное участіе въ устроеніи моей судьбы: съ 3-го числа настоящаго мѣсяца я уже числюсь дѣйствительнымъ студентомъ академіи. Правду сказать, не безъ труда досталось мнѣ это студенчество: экзаменъ былъ довольно строгій и продолжительный отъ 17-го августа и до 2-го сентября; спрашивали по всеѣмъ почти предметамъ. Впрочемъ, устный экзаменъ я сдалъ очень порядочно; и въ этомъ случаѣ много мнѣ помогъ ранній мой пріѣздъ въ академію (я пріѣхалъ, по вашему совѣту, 3-го августа). Что касается до сочиненій, коихъ намъ дано было три — о достоинствѣ ихъ ровно ничего не знаю; но вѣроятно, не совсѣмъ дурны. Знаю только то, что сочиненія волонтеровъ читалъ самъ о. ректоръ.“

Съ 4-го числа начались у насъ обыкновенные классы. Хожу въ классъ, съ удовольствіемъ слушаю чтенія профессоровъ и бакалавровъ; начинаю уже подумывать о дан-

номъ философскомъ предложеніи. Не знаю, что будетъ 1846 г. далѣе, а теперь академическая жизнь пока еще не нискучила. Признаюсь, сначала было странно видѣть себя въ кругу молодыхъ свѣтскихъ юношей: но потомъ мало по малу началъ привыкать и къ этому новому обществу, и студенты уже смотрятъ на меня безъ всякаго предубѣжденія, съ нѣкоторымъ даже уваженіемъ. Въ товарищи мнѣ прѣхалъ было съ Кавказа іеромонахъ ¹⁾—учитель Ставропольскаго уѣзднаго училища: но онъ, по разрѣшенію графа, поступаетъ прямо въ высшее отдѣленіе. На основаніи этого опыта, думаю, можно было-бы и мнѣ такъ же сдѣлать: но я не знаю, много-ли чрезъ это можно было-бы выиграть—два года, не болѣе“.

Увѣдомлялъ я объ оставленіи и принятіи меня въ академію достопочтеннаго благожелателя моего, настоятеля Муромскаго Богородицкаго собора, о. протоіерея М. Гр. Троепольскаго; и вотъ что получилъ отъ него въ отвѣтъ отъ 10-го числа того-же сентября:

„Любезнѣйшій собратъ мой,
Пванъ Михайловичъ!

Не съ правилами политики, а съ сердечными чувствами отвѣтствую вамъ на усердное писъмо ваше ко мнѣ, полученное сего сентября 10-го въ 9 час. утра. По оному, я имѣлъ скорый случай (предъ крестнымъ ходомъ) братіи собора и всѣмъ любящимъ васъ возвѣстить о новомъ вашемъ званіи, и всѣ, слыша, поблагодарили, порадовались, пожелали вамъ счастливыхъ успѣховъ. Спѣшу переслать вамъ надлежащій доходъ по 10-е сентября, 45 р. ассигнац.

Вамъ, на новомъ поприщѣ, повторяю изъ 3 собора. посланія Іоанна предыдущее — и паче всѣхъ молюся о тебѣ, *благоспѣятися тебѣ, здравствовати, якоже благоспѣется тебѣ душа* (Ігг., ст. 2). *Миръ тебѣ, цѣлуютъ тея друзи* (ст. 15). Обнимаю и я съ семейными моими полнотою любви и почтенія къ вамъ“.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 17-го числа.
Благополучно прошелъ мѣсяцъ моей академической жизни. 2-го октября подано было мною профессору *Ө. А. Голу-*

¹⁾ Моисей Рыбальскій.

1846 г; бинскому первое академическое сочиненіе на поминутую выше тему; а 5-го числа даны были намъ по классу опытной философіи слѣдующія двѣ темы:

1) „Какое вліяніе на нравственность имѣетъ самонаблюденіе“? и

2) „Постепенное развитіе человѣческой души до сознанія и пробужденіе сознанія“. Я писалъ сочиненіе на первую тему, и вотъ какой отзывъ сдѣланъ былъ объ этомъ сочиненіи бакалавромъ Д. Г. Левицкимъ: „Просто, ясно, хорошо“.

Первыя впечатлѣнія академической жизни очень хорошо изъяснилъ мой товарищъ и землякъ Г. П. Быстрицкій въ письмѣ къ другу своему, студенту Кіевской духовной академіи Николаю Ивановичу Флоринскому отъ числа октября:

„Я иду къ тебѣ изъ новаго міра — академическаго; да — это новый для насъ міръ, потому что все въ немъ иное; если нѣчто не новое, само въ себѣ, то въ новыхъ видахъ представленное. Со мною поступили въ академію В. Θ. Взоровъ, Θ. М. Остроумовъ и Я. А. Беневоленскій. Вотъ уже насъ ввели въ невѣдомую намъ прежде область философіи: сколько въ ней пищи для разума! Вотъ уже насъ познакомили съ различными взглядами на исторію и указали ту высокую гору, съ которой можемъ смотрѣть на различныя царства и народы, раздѣленные временемъ и пространствомъ, языкомъ и религіею, какъ на стройное цѣлое. Вотъ сообщили намъ новое понятіе о словесности. Мы слушаемъ Θ. А. Голубинскаго — знаменитаго философа, П. С. Делицына — знаменитаго математика и прочихъ почтеннѣйшихъ бакалавровъ: это уже не то, что въ семинаріи. На мой взглядъ жизнь академическая много превосходитъ семинарскую жизнь. Семинарія, какъ *мысль*, убиваетъ насъ, а академія, какъ *духъ*, животворитъ; да, душа получаетъ просторъ, живость, силу въ академіи, а въ семинаріи даютъ ее страхъ, отдаленность наставниковъ, каждодневные уроки, хотя они и нужны тамъ. Академическія занятія, кажется, менѣе вредятъ и здоровью. Мы не сами располагаемъ временемъ: далѣе 10-ти часовъ или по крайней мѣрѣ 11-ти и сидѣть намъ не позволяютъ; запираютъ занятныя комнаты, и мы уходимъ въ спальню, потому что

здѣсь, по новому устройству, комнаты занятныя отдѣлены 1846 г. отъ спальни. Для старшихъ студентовъ такой порядокъ не правится потому, между прочимъ, что отнимаетъ средства оставаться въ номерѣ—не выходить въ классъ; но для насъ молодыхъ, или незнакомыхъ со старымъ порядкомъ, новый доколѣ хорошъ“.

11-го числа дано было преосвященнымъ митрополитомъ академической конференціи слѣдующее предложеніе:

„Предметъ, который въ продолженіи немалого уже времени озабочиваетъ начальство духовныхъ училищъ, и который возбуждаетъ заботу и при обзорѣни академіи, есть потребность опредѣленныхъ учебныхъ и руководительныхъ книгъ по многимъ предметамъ. Трудно требовать отъ каждаго вступающаго на поприще наставника, чтобы онъ писалъ весь курсъ своей науки, и притомъ чтобы каждая часть науки достаточно соображена и написана была всегда къ тому времени, какъ ей надобно вступить въ назначенныя учебныя часы. Посему неудивительно, если вступившій на сіе поприще, частію читаетъ уроки предшественника, поколику находитъ ихъ удовлетворительными, частію, по ревности употребить собственную дѣятельность, частію оныхъ, менѣе обработанныхъ прежде, обрабатываетъ своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, частію читаетъ онъ уроки по классической книгѣ, только не разсмотрѣнной и не утвержденной начальствомъ: въ цѣломъ же курсѣ, по причинѣ разныхъ рукъ, трудно быть совершенному единству. А студенты должны писать уроки многихъ наставниковъ, и истощать силы и время, которыя могли-бы съ большею пользою употребить на размышленіе о преподанномъ, на чтеніе и на сочиненіе. Начальству не довольно удобно наблюдать за правильнымъ и воотсталымъ ходомъ ученія, который только во дни годоваго и полугодоваго испытанія ставится довольно открытымъ изъ головы или изъ письменнаго стола наставника. По сему въ ожиданіи рѣшительной помощи отъ благоусмотрѣнія высшаго начальства, для нѣкотораго уменьшенія затрудненій и для приближительнаго по крайней мѣрѣ движенія къ составленію учебныхъ книгъ не можетъ-ли быть употреблена слѣдующая мѣра:

1) Поставить въ обязанность преподавателямъ, при окончаніи курса, представлять конференціи большую или мень-

1846 г. шую часть своихъ уроковъ, удовлетворительнѣе обработанную, а по окончаніи другаго курса, другую.

2) Конференціи разсматривать сіи уроки, и поколику окажутся полезными и нужными для преподаванія въ будущемъ учебномъ курсѣ, литографировать или печатать оныя подъ своею отвѣтственностію, для внутренняго употребленія академіи, къ облегченію студентовъ отъ письма.

3) Экземпляръ такихъ уроковъ представлять епархіальному архіерею, по долгу своей службы обязанному имѣть наблюденіе за чистотою ученія.

Сей предметъ предлагаю на разсужденіе академической конференціи⁴⁾.

Это благодѣтельное предложеніе не было приведено въ исполненіе. Почему?—Не знаю.

28-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра шуринъ мой, ученикъ высшаго отдѣленія семинаріи, С. Царевскій:

„Давно надлежало-бы, и я много разъ собирался, отвѣтить на ваше письмо; но неизвѣстность касательно соборнаго Муромскаго мѣста меня останавливала. Мнѣ хотѣлось въ своемъ письмѣ увѣдомить васъ, —кому предоставится мѣсто, —если нашему семейству, то кого произведетъ преосвященнѣйшій во священника. Не такъ-то было; до сихъ поръ еще изъ вашей академіи не присылается извѣстія о принятіи васъ въ число воспитанниковъ и я вынужденнымъ нахожусь писать къ вамъ; дабы не лишиться писемъ вашихъ, которыя для меня слишкомъ дороги, между прочимъ и потому, что онѣ изъ академіи, подъ вѣдомствомъ коей находится наша семинарія, —и откуда новости рѣжкой льются.

Отъ чего, въ самомъ дѣлѣ, отъ вашей академіи никакого нѣтъ извѣщенія о поступленіи вашемъ въ оную. Неужели еще не было у васъ распредѣленія? Быть не можетъ, вотъ вѣдь уже два мѣсяца ученія! Самъ отецъ ректоръ Поликарпъ, у котораго я часто навѣдываюсь, недоумѣваетъ, для чего академическое начальство такъ медлитъ своимъ отвѣтомъ, касательно судьбы нашихъ студентовъ! Долгая неизвѣстность для нашего семейства, при настоящихъ обстоятельствахъ, опасна. Изъ Синода пришло

⁴⁾ См. Душенюк. Чтеніе за 1879 г., ч. III, стран. 521—522.

сюда рѣшительное распоряженіе объ уничтоженіи штатовъ 1846 г. и преосвященный никого уже изъ студентовъ на вольныя мѣста не поставляетъ во священники или диаконы, а переводитъ старыхъ, лишившихся своихъ мѣстъ. Удивительно ли послѣ сего и соборному мѣсту отойти отъ насъ: оно не по прямой потомственной линіи принадлежитъ намъ; просить же теперь нельзя“.

14-го ноября даны были намъ по классу словесности, для мѣсячнаго, сочиненія слѣдующія темы:

1) „Необходимо-ли для успѣховъ русскаго просвѣщенія отрицаніе западной образованности?“

2) „О дружбѣ“.

Я писалъ сочиненіе на вторую тему и мысли свои изложилъ въ формѣ письма отца къ сыну. Читавшій мое сочиненіе профессоръ Е. В. Амфитеатровъ подписалъ на немъ: „Письмо исполнено чувствъ и разрѣшаетъ вопросъ основательно. Очень хорошо“.

Въ декабрѣ производились у насъ, по старинному обычаю, частныя испытанія по всеѣмъ предметамъ. Къ экзамену готовились мы, большею частію, по запискамъ, сдаваемымъ за нѣсколько дней, а иногда и наканунѣ экзамена, наставниками. Труднѣе всего было для меня и слушать съ кафедры и за тѣмъ повторять по запискамъ лекціи профессора Амфитеатрова по предмету эстетики, такъ какъ наука эта для меня была совершенно новою, о которой въ семинаріи мы не имѣли и понятія.

Обыкновенною принадлежностію экзаменовъ, кромѣ устныхъ отвѣтовъ, были письменныя сочиненія. Поэтому 18-го и 21-го декабря были даны намъ для сочиненія слѣдующія темы:

1) „Num somnia possunt homini imputari?“ — и

2) „Объ отношеніи словесности къ цѣлямъ духовнаго образованія“.

Итакъ, съ Божіею помощію, миновала первая, самая трудная для меня, треть перваго года академическаго курса. Отъ ежедневнаго посѣщенія вѣхъ, какъ утреннихъ, такъ и послѣобѣденныхъ уроковъ, и отъ напряженныхъ умственныхъ занятій въ кельѣ, я чувствовалъ почти постоянную тяжесть въ головѣ, и въ слѣдствіе того нерѣдко испытывалъ мрачное расположеніе духа. Поэтому и ощущалъ

1847 г. существенную потребность въ отдохновеніи и въ некоторомъ развлеченіи. Къ счастью, я имѣлъ возможность отправиться на Рождественскіе праздники къ доброму моему знакомому, Переславскому отцу архимандриту Нифонту.

22-го числа пріѣхалъ я въ Переславль. О. Нифонтъ прінялъ меня очень радушно. На другой день, 23-го числа, онъ праздновалъ день своего ангела, у него было не мало городскихъ гостей. Въ Переславль видѣлся я съ ректоромъ Владимірской семинаріи, отцомъ архимандритомъ Поликарпомъ. Онъ пріѣзжалъ на праздникъ въ свой Даниловъ монастырь. Здѣсь я лично повторилъ ему благодарность за споспѣшествованіе ко вступленію моему въ Академію.

Въ продолженіи двухнедѣльнаго пребыванія моего въ Переславль я достаточно познакомился какъ съ городомъ, такъ и съ нѣкоторыми, болѣе значительными лицами духовными и свѣтскими. Въ Переславль я встрѣтилъ и новый 1847 годъ.

7-го или 8-го января возвратился я изъ Переславля въ академію съ значительно обновленными и освѣженными силами—и душевными и тѣлесными.

Въ половинѣ февраля даны были намъ по классу логики слѣдующія темы для сочиненія:

1) „Опытъ выведенія всѣхъ категорій изъ одного начала, согласнаго съ духомъ откровенія“;

2) „Объ ограниченности человѣческаго знанія, и“

3) „О практическомъ приложеніи логики“.

Я не писалъ сочиненія ни на одну изъ этихъ темъ, но помню, почему.

Въ это время совершилось въ нашей академіи очень важное событіе. Бывшій съ 25-го ноября 1841 г. ректоръ Московской духовной академіи архимандритъ Евсѣій (Орляпскій) получилъ новое, высшее назначеніе. Указомъ св. Синода, отъ 17-го января 1847 года, онъ переведенъ на должность ректора Петербургской академіи съ назначеніемъ во епископа Винницкаго. 16 февраля завтра присутствовала будущаго епископа соборнымъ молебствіемъ и торжественнымъ звономъ, а наша осиротѣлая академія осталась въ томительномъ и напряженномъ ожиданіи новаго начальника.

14-го марта опредѣленъ ректоромъ нашей академіи ректоръ Московской семинаріи, Законодательскій архимандритъ Алексій (Ржаницынъ), замѣчательный по обстоятельствамъ своего постриженія въ монашество. Онъ постриженъ былъ среди академическаго курса, 12-го ноября 1837 года митрополитомъ Филаретомъ въ Чудовъ монастырь, въ присутствіи Великаго Князя Константина Николаевича и Великихъ Княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ ¹⁾.

28-го числа писалъ я въ Муромъ тещѣ П. С. Царевской: „Вы вѣрны самимъ себѣ: по и я не отступаю отъ своего слова. Вы просили меня, — я обѣщался писать къ вамъ, — и, по возможности, выполняю свое обѣщаніе.

„Поводомъ писать къ вамъ на сей разъ послужила для меня непріятная вѣсть о вашемъ положеніи. Одинъ сельскій діаконъ изъ-подъ Мурома, пріѣзжавшій въ лавру для свиданія съ сыномъ, сказывалъ мнѣ, что ваши семейныя дѣла доселѣ еще не устроены. Боже мой! какое новое искушеніе для васъ и для меня! Я думалъ, что ваши дѣла давно окончились благополучно, и ожидалъ было пріятнаго извѣстія о семъ: не тутъ-то было! Конечно, отчасти понятна для меня причина столь медленнаго хода вашихъ дѣлъ: но все-таки я никакъ не могъ ожидать того, что совершается теперь. Что могу на этотъ разъ сказать вамъ въ утѣшеніе и ободреніе? Одно: да будетъ надъ вами воля Божія! Воли бо Его кто противится можетъ!

Не хочу много распространяться предъ вами касательно себя самого; скажу только, что, слава Богу, здоровъ и, сколько позволяютъ силы, занимаюсь своимъ дѣломъ.

„Съ истинною къ вамъ любовію и почтеніемъ честь имѣю пребыть — вашъ покорный сынъ“.

Съ перемѣщеніемъ ректора академіи послѣдовала у насъ перемѣна и инспектора. На мѣсто ректора Московской се-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ *Письмахъ м. Филарета къ архіеписк. Алексію*, М. 1883 г. предисл. стр. VI. Назначенію архим. Алексія на должность ректора академіи произвело въ Петербургской ученой сферѣ неблагодарныя толки. См. письма еп. Владимірскаго Евсея къ профессору А. В. Горскому (№ 1) въ *Приб. къ Та. св. Отцевъ* 1886 г., стр. 702—703. См. еще письма м. Филарета къ графу Протасову отъ 17 янв. и 5 апр. въ *дополн. томъ Собранія мѣній и отзывовъ м. Филарета*, № 54. Спб. 1887 г.

1847 г. минаріи, опредѣленнаго, какъ выше было сказано, на должность ректора академіи, переведенъ былъ ректоръ Виоанской семинаріи, архимандритъ Филофеей, а на его мѣсто въ Виоанію назначенъ былъ инспекторъ академіи, архимандритъ Евгеній; исправляющимъ же должность инспектора опредѣленъ былъ бакалавръ патристики іеромонахъ Иларіонъ Боголюбовъ (воспитанникъ XIII курса, т. е. 1842 года); но онъ не болѣе года исправлялъ должность инспектора.

28 го марта писалъ я въ Иваново племяннику, единовѣрческому діакону О. С. Виноградову, въ отвѣтъ на его письмо отъ 4-го числа:

„Христосъ воскресъ!

Вмѣстѣ съ симъ радостнымъ привѣтствіемъ, приношу вамъ мою усердную благодарность какъ за предварительное поздравленіе меня съ настоящимъ праздникомъ, такъ и за письменное увѣдомленіе о себѣ. За послѣднее тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ, что вы одни только изъ родныхъ навѣщаете меня письмами: а на чужбинѣ получить вѣсть съ родной стороны—большое удовольствіе.

Теперь, въ свою очередь, и я подѣлюсь съ вами своими мыслями и чувствами. Для васъ, я думаю, среди обычныхъ подвиговъ, вовсе незамѣтно проходитъ праздникъ, особенно если духовное веселіе подъ часъ растворяется прозрачными каплями мірской радости: что касается до меня, то я и встрѣтилъ, и провожу праздникъ довольно грустно: причину сего понять не трудно. На праздникъ приглашалъ было меня одинъ изъ товарищей въ новый Іерусалимъ; но и отрекся отъ этого приглашенія. Думалъ было, среди праздника, съѣздить и въ Москву—посмотрѣть столицу; но и это отложилъ до другаго болѣе удобнаго времени. Праздничное время большею частію провожу въ обыкновенныхъ занятіяхъ — въ чтеніи и письмѣ: а безъ этого, мнѣ кажется, надобно было бы умереть отъ скуки. Выходить почти некуда; знакомыхъ въ лаврѣ у меня мало; да и почитаю излишнимъ заводить большое знакомство. Сегодня только на часъ—не болѣе, ѣздилъ въ Виоанію къ знакомому профессору. (Виоанія—это монастырь, при которомъ находится духовная семинарія — верстахъ въ трехъ отъ лавры).

Пріятно слышать, что вы посѣтили Муромъ и мое прежнее жилище; жаль только, что безъ меня. Въ вакацію предполагаю и я быть въ Муромѣ, если позволятъ обстоятельства. Недавно оттуда писали мнѣ, что дѣла моихъ семейныхъ все еще не устроены совершенно: впрочемъ, надобно ожидать, что скоро уже придуть къ концу. Шуйскій учитель Ландышевъ, который почему-то отказался было, согласился опять и, кажется, получилъ уже билетъ для вступленія въ бракъ.

Новаго у насъ по академіи только то, что на савѣ дняхъ ожидаемъ къ себѣ новаго ректора; прежняго взяли у насъ въ С.-Петербургъ“.

15-го апрѣля даны были намъ по классу гражданской исторіи слѣдующія темы для сочиненія;

- 1) По всеобщей исторіи:
 - а) „О вліяніи географическаго положенія земли на гражданское развитіе народа“.
 - б) „Въ какой степени справедлива мысль, что родъ человѣческой идетъ впередъ?“
 - в) „О причинахъ паденія древней Греціи“.
 - г) „Что способствовало возвышенію политическаго владычества папъ, и какое вліяніе имѣло ихъ могущество на Европу въ средніе вѣка?“
- 2) По русской исторіи:
 - а) „Можно-ли признать нѣкоторыя повѣствованія у Нестора сказочными?“
 - б) „О причинахъ быстрого успѣха Монголовъ въ завоеваніи Руси“.
 - в) „Разборъ духовнаго завѣщанія Дмитрія Донскаго“.
 - г) „Характеръ и цѣль сношеній Россіи съ западомъ Европы при Іоаннѣ III“.
 - д) „Правдивныя свойства Русскихъ XV и XVI вѣка по отзывамъ писателей иностранныхъ“.

При постоянномъ посѣщеніи всѣхъ классовъ и внимательномъ выслушиваніи ежедневно трехъ и четырехъ лекцій, и не могъ серьезно заниматься сочиненіями, при утомленныхъ силахъ. Между тѣмъ какъ мои юные товарищи спокойно и безъ зазрѣнія совѣсти опускали большую часть классовъ, и слѣдовательно больше моего сберегали времени и силъ для занятія сочиненіями, — мой священниче-

1847 г. ская совѣсть не дозволяла мнѣ дѣлать эти опущенія, къ оскорбленію почтенныхъ наставниковъ.

25-го апрѣля писалъ мнѣ Абакумовскій другъ мой, М. Д. Граменицкій:

„Милый, незабвенный, любезнѣйшій
Иванъ Михайловичъ!
Христосъ воскресе!

Не буду теперь объяснять вамъ причинъ и обстоятельствъ, по которымъ не могъ доселѣ отозваться на ваше искреннѣйшее, сладостное и утѣшительное посланіе; сиѣшу только, хотя краткимъ образомъ, сообщить вамъ мое усерднѣйшее къ вамъ почтеніе, чистосердечное уваженіе, любовь и преданность. Нѣсколько разъ собирался писать къ вамъ подробное увѣдомленіе обо всемъ, — но собраться доселѣ не могъ, и теперь пишу наскоро; пообстоятельнѣе бесѣдовать съ вами питаюсь надеждою, удостоиться лично, во время каникулъ. Если намѣрены побывать въ Муромѣ, а кажется нельзя утерпѣть вашему сердцу, чтобы не оросить слезою искренняго сожалѣнія священнаго праха вашей подруги, при первой возможности: то, другъ, не лишите прежняго знакома, много васъ уважающаго, не лишите своего посѣщенія, — удѣлите, назначьте нѣсколько дней для моего осчастливленія. Какъ бы я ожилъ душею, какъ бы воспрянулъ сердцемъ! О, другъ, мое сердце не то, что было прежде; оно испепелилось отъ неприятностей. Это все вамъ сладостно желалъ бы сообщить лично...

Но только прошу васъ увѣдомьте одною чертою, могу-ли я надѣяться и когда ожидать васъ?..

Предъ Рождествомъ Христовымъ былъ я въ Муромѣ. Поклонившись въ соборѣ святымъ чудотворцамъ, грустно воспоминалъ о вашемъ здѣсь служеніи, вышедши изъ собора — съ смятаннымъ сердцемъ долго смотрѣлъ на домъ, гдѣ такъ счастливо наслаждался мирною жизнью съ доброю подругой мой искренной другъ, — и теперь ударомъ рока лишенъ счастія и блаженства земнаго — къ скорѣйшему достиженію блаженства небснаго ¹⁾).

¹⁾ Случайно столкнувшись съ о. протоіереемъ Троспольскимъ, былъ имъ облаканъ, введенъ въ домъ, и слышалъ его искреннее объ васъ сожалѣніе, какъ о добрѣйшемъ сослужителѣ.

Все, что чувствовалъ, мыслилъ и думалъ, будучи въ 1847 г. Муромѣ, теперь описать вамъ, по краткости времени, не рѣшаюсь и не могу. Много кипѣло въ моемъ сердцѣ священнаго, пріятнаго и грустнаго, смотря на Богохранимый градъ, гдѣ разцвѣтала моя юность.

Послѣ Пасхи я очастливленъ посѣщеніемъ нашего общаго товарища по семинаріи Ѳедора Гавриловича Бѣльева. Онъ на пути изъ Москвы завернулъ ко мнѣ съ моимъ, по женѣ, родственникомъ Петромъ Васильевичемъ Приклонскимъ¹⁾. Какъ и былъ очастливленъ! только жалко, что счастье мое видѣть ихъ продолжалось не болѣе трехъ часовъ. Ѳедоръ Гавриловичъ въ Москвѣ у одного діакона сосваталъ себѣ невѣсту, — довольно по всему выгодно. Бракъ ихъ будетъ во время вакаціи. По обѣщанію его, надѣюсь еще увидѣть его у себя, — онъ поѣдетъ около Троицы къ своей возлюбленной невѣстѣ. Ѳедоръ Гавриловичъ сказывалъ, что тамъ же, въ Москвѣ, послѣ Пасхи женился и Михайло Димитріевичъ Никольскій²⁾.

Мое семейство вѣскольکو измѣнилось: 2-го октября родился у меня сынъ Димитрій; 29-го генваря дѣдъ мой, маститый старецъ, скончался; прочее все по прежнему.

И самъ замышляю я, и даже не первый годъ, побывать въ вашу лавру для поклоненія преподобному Чудотворцу. Не отчаиваюсь совершенно въ своемъ намѣреніи; если буду имѣть возможность исполнить свое желаніе: то первое мое удовольствіе послѣ поклоненія святому Угоднику, увидѣть васъ, — искренняго, незабвеннаго друга.

Сколько я благодаренъ за ваше полное увѣдомленіе, — этого не могу и не рѣшаюсь высказать. Пріятно слышать о пачатіи вами новаго періода жизни. Прошу Господа Бога, да поспѣшитъ вамъ благополучно протечь трудный путь высокаго образованія, и да вознаградитъ достойнымъ возмездіемъ труды и терпѣніе ваше. Еще осмѣливаюсь сознаться передъ вами: въ вашей жизни я замѣчаю особенное дѣйствіе Промысла. Не скорбите о лишеніи невозвратимаго, съ надеждою на премудрый Промыслъ теките путемъ, вамъ предназначеннымъ, *тецуйте*, и достигнете...

¹⁾ Нынѣ Московскій протоіерей.

²⁾ Бывшій протоіерей гор. Москвы при церкви св. великомученицы Варвары, скончавшійся 27 іюли 1897 г.

1847 г. Такъ дерзаю совѣтовать вамъ отъ полноты сердца преданнаго вамъ—вашъ прежній сотоварищъ“.

15-го мая писалъ мнѣ изъ Муромъ добрый пріятель мой, о. Матвѣй Шеметовъ:

„Позвольте на нѣсколько минутъ отвлечь ваше вниманіе отъ глубокомысленныхъ занятій вашихъ, чтобъ прочесть сіе посланіе друга вашего.

При семъ удобномъ и надежномъ случаѣ, я первымъ долгомъ поставилъ для себя извѣстить васъ о началѣ и ходѣ важныхъ дѣлъ въ кругу того семейства, въ коемъ вы были главою и питателемъ сирыхъ.

Вчерашняго дня, т. е. 14-го дня сего мая, былъ бракъ Екатерины В—ны (вашей свояченицы) съ Александромъ Ив—чемъ г. Орфановымъ. Студентъ сей изъ кончившихъ нынѣ въ нашей семинаріи. Бракъ былъ вѣчанъ въ Крестовоздвиженской церкви о. Іаковомъ Андреевичемъ.

Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить и насъ о чемъ-либо новенькомъ, ежели имѣется—и для васъ не обременительно“.

Племянникъ мой, Ивановскій единовѣрческій діаконъ, Ѳ. С. Виноградовъ письмомъ отъ 20-го мая отъ лица всѣхъ родныхъ приглашалъ меня на каникулярное время къ себѣ въ гости.

По сколько по приглашенію, столько же и по движенію собственнаго чувства, я располагался провести первую академическую ваканцію на родинѣ, въ кругу родныхъ и знакомыхъ; думалъ побывать и въ Муромѣ, на свѣжихъ еще могилахъ жены и сына. Объ этомъ предварялъ я письмомъ свою тещу; но вотъ какой укоризненный отвѣтъ получилъ отъ нея.

„Любезный нашъ Іоаннъ Михайловичъ!“,— писала она рукою младшаго своего сына—Николая, отъ 3-го іюня.

„Умоляю васъ самимъ Богомъ, не пріѣзжайте въ несчастный для меня и васъ Муромъ;—не прилагайте рану къ ранѣ; что это минутное свиданіе — что принесетъ, кромѣ слезъ и горестей?... Я уже васъ считаю всѣхъ троихъ мертвыми—мужа, дочь и зятя,—они для меня невозвратны; одно мое желаніе — скорѣе увидѣться тамъ, въ будущей жизни; а вамъ совѣтую изгладить совершенно ваше намѣреніе ѣхать сюда, да и что за охота вамъ видѣть несчастное семейство?—скажете: жалко васъ и холодной могилы?—

нѣтъ, вы доказали это на опытѣ; не тронули васъ слезы, ни просьба: Богъ съ вами! — вы скажете: устроили дочь? Нѣтъ! я не устроила, а разстроилась; не знаю, какъ и пропитать малыхъ птенцовъ. Съ зятя и собора выдачи не будетъ, по милости вашего пріятеля, отца протопопа: онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи: учительство доставлено Сергію Андреевичу.

Молодой зять еще посвящается: не знаю, пріѣдетъ-ли къ празднику“.

За тѣмъ приложила собственноручную записку:

„Глубочайшее мое почтеніе Ивану Михайловичу; я вамъ ничего объ себѣ писать не стану, — не буду мѣшать вашему спокойствію. Что молить неумолимыхъ? пусть моя горестъ, мои жалобы замрутъ на устахъ моихъ!“

Письмо ваше получено въ день Спасителя нерукотвореннаго; горестно для меня писаніе!... П. Ц.“

Прочитавши эти строки съ чувствомъ глубокаго огорченія, я рѣшилъ не заѣзжать въ Муромъ.

7-го іюня писалъ я въ Иваново къ роднымъ зятю и сестрѣ: „Вашему общему желанію видѣть меня у себя отъ всей души готовъ я удовлѣтворить, если только Господь благословитъ. Учебныя дѣла наши окончатся къ 25-му сего мѣсяца; и я думаю отправиться въ путь немедленно по окончаніи дѣлъ.“

За подарокъ вашъ, сестрица, усердно благодарю“.

Туть же приписалъ слѣдующія строки и къ племяннику О. С. Виноградову:

„Прощая вамъ вину вашу, самъ прошу у васъ прощенія въ томъ, что не пишу вамъ на сей разъ особеннаго письма. Писать хотѣлъ-бы вамъ и много: право нѣтъ свободнаго времени: занятъ постоянно приготовленіемъ къ экзамену; да при томъ рассчитываю и то, что гораздо пріятнѣе будетъ и мнѣ пересказывать, и вамъ слушать отъ меня о нашихъ академическихъ новостяхъ лично—за чашкой чаю. Потерпите немного: время свиданія нашего уже близко“.

Въ продолженіе іюня производились у насъ частныя экзамены, а между ними писаны были и такъ называемые экспромпты. 13-го числа дана была вамъ для сочиненія слѣдующая латинская тема: „*Quam vim habet argumentum*

1847 г. existentiae Dei a consensu omnium gentium desumptum?—
18-го числа другая на русскомъ языкѣ: „О вліяніи азыка
на развитіе мысли“.

21 и 23 числа были публичные экзамены, на которыхъ
присутствовалъ высокопреосвященный Филаретъ, митропо-
литъ Московскій. Въ первый разъ я удостоился видѣть
этого, по истинѣ великаго мужа въ мартѣ мѣсяцѣ, когда
онъ пріѣзжалъ въ лавру для освященія возобновленной
трапезной церкви; но тогда я видѣлъ его издали, а теперь
двукратно имѣлъ счастье бесѣдовать съ нимъ лицомъ къ
лицу. Должно признаться, что мы на экзаменахъ видѣли
въ святителѣ Филаретѣ не того строгаго и грознаго судію,
какимъ онъ являлся здѣсь въ прежнее время, а простого и
снисходительнаго отца. Не было тѣхъ вспышекъ и рѣзкихъ
замѣчаній, о коихъ сохранились въ академіи преданія ¹⁾.

24-го числа былъ совершенъ обычный благодарственный
молебенъ, и начались для насъ каникулы.

25-го числа писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Трое-
польскому:

„Въ сихъ строкахъ примите отъ меня позднее, но усерд-
нѣйшее поздравленіе васъ съ Монаршею милостію. Отъ
души порадовался я, когда услышалъ, что ваше имя со-
стоитъ въ ряду особъ, удостоенныхъ Высочайшей награды;
но тѣсныя обстоятельства, предшествовавшія экзамену, рѣ-
шительно не позволили мнѣ изъяснить предъ вами это чув-
ство въ надлежащее время. У насъ экзаменъ—это то же,
что бывало въ Муромѣ пріѣздъ Преосвященнаго, и даже
гораздо болѣе. Еще недѣли за три началась предъгото-
вительная работа. Признаюсь, моей бѣдной памяти, привык-
шей въ теченіи шести лѣтъ къ совершенной почти празд-
ности, не легко обошлись эти три недѣли. Но, благодареніе
Господу, труды мои не остались безъ награды. Экзамены,
какъ частный, такъ и общій, сданы очень счастливо.

Отъ высокопреосвищ. Митрополита, съ которымъ два
раза довелось мнѣ бесѣдовать на общемъ экзаменѣ лицомъ
къ лицу, заслужилъ одобреніе.

¹⁾ Объ академич. экзаменахъ, въ присутствіи м. Филарета см. статью
въ *Чт. общ. ист. и древн. Росс.* 1877 г. кн. 2: „О Филаретѣ М. Моск. кон-
память“,— еписк. *Никодима* (Казанцева), IV.

Конференція, въ награду за мои годовые труды, удо- 1847 г.
стоила меня 11-аго № въ первомъ разрядѣ. Послѣ сего,
согласитесь сами, не долженъ ли я съ благоговѣніемъ при-
знать въ обстоятельствахъ моей жизни премудрую и все-
благую волю Того, отъ лица Коего исходить судьба всѣхъ
земнородныхъ“?

23-го іюня окончились всѣ наши школьныя дѣла. 24-го
служили благодарный молебенъ.

25-го, въ день Муромскихъ чудотворцевъ, Господь сподо-
билъ меня отслужить литургію въ Успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ
съ нашимъ начальствомъ. Не разъ пробѣжалъ я воспоми-
наніемъ обстоятельства этого дня. Что-то, думалъ я, совер-
шается въ любезномъ Муромѣ? Конечно то-же, что и прежде,
то есть, такъ же трудятся надъ молебнами, съ такою же
торжественностію совершается Божеств. служеніе, такое же
собраніе въ домѣ достопочтеннѣйшаго о. протоіерея и на-
конецъ то-же пріятное успокоеніе отъ продолжительныхъ
трудоу.

26-го числа отправился я на родину. Путь мой лежалъ
чрезъ городъ Юрьевъ. Здѣсь я остановился на ночлегъ въ
домѣ дальняго родственника по Мурому, соборнаго прото-
іерея Александра Ивановича Соловьева, который принялъ
меня съ большимъ радушіемъ, хотя прежде мы съ нимъ,
кажется, и не видались. О. Соловьевъ такъ же, какъ и я,
былъ вдовъ; жизни онъ строгой и воздержной, отличался
притомъ примѣрною исправностію по службѣ.

Въ Юрьевѣ же встрѣтилъ я своего товарища и сверст-
ника по Шуйскому училищу и семинаріи Александра Пе-
тровича Минервина. Онъ окончилъ курсъ съ званіемъ студента и,
какъ обладавшій хорошимъ басистымъ голосомъ, сначала опре-
дѣленъ былъ діакономъ, а затѣмъ назначенъ священникомъ
къ градской Введенской церкви.

Изъ Юрьева проѣхалъ я чрезъ Гавриловъ посадъ въ Иваново.
Пробывши здѣсь нѣсколько дней, посѣтилъ за тѣмъ въ
Горицахъ сиротъ: былъ въ своей отчизнѣ—селѣ Палехѣ,
видѣлся съ родными Хотимльскими: вездѣ былъ принятъ
ласково-радушно. На обратномъ пути съ родины былъ во
Владимірѣ, представлялся владыкѣ Парвеною, встрѣтился
тамъ съ товарищемъ Быстрицкимъ; вмѣстѣ съ нимъ отпра-
вились мы въ академію и по пути посѣтили моего Абакумов-

1847 г. скаго друга, о. Граменицкаго. 19-го августа я былъ уже въ академіи и писалъ на другой день Ивановскимъ роднымъ:

„Дражайшіе мои родные!

Всѣмъ вамъ приношу мою усерднѣйшую благодарность за ваше радушіе, за вашу ласковый привѣтъ и гостепрѣимство, а болѣе всего за ваше доброе ко мнѣ расположеніе. Но послѣдній вашъ поступокъ относительно меня—дальнее провожаніе, особенно для меня чувствителенъ: въ этомъ ясно вижу я все ваше усердіе и любовь ко мнѣ.

Напутствованный вашими благожеланіями, я возвратился въ св. обитель лаврекую, слава Богу, благополучно. Вотъ подробности моего путешествія. О томъ, какъ я доѣхалъ до Суздаля, вамъ, конечно, уже извѣстно. Пробывши около трехъ часовъ въ Суздаль, я отправился, въ сопровожденіи двухъ особъ разныхъ сословіи, на тройкѣ ямскихъ лошадей и въ 6-ть часовъ вечера благополучно прибылъ во Владиміръ.

На другой день вечеромъ былъ я у Преосвященнаго. Владыка принялъ меня благосклонно; обо многомъ разспрашивалъ, и между прочимъ спросилъ гдѣ я гостилъ? Въ отвѣтъ на это я перечислилъ ему всѣхъ моихъ родственниковъ.

16-го въ 10-ть часовъ утра я выѣхалъ, вмѣстѣ съ Григорьемъ Петровичемъ Быстрицкимъ, изъ Владиміра. Подводу наняли за 8 р. только до Липни, въ намѣреніи пребыть здѣсь нѣсколько времени. Въ 7-мь часовъ вечера мы были уже въ Липнѣ. Михаилъ Дмитріевичъ обрадовался намъ, какъ нельзя больше, угощалъ насъ со всѣмъ дружескимъ усердіемъ; просилъ погостить подольше: но я никакъ не могъ пребыть у него болѣе сутокъ“...

Въ послѣднихъ числахъ августа писалъ я въ г. Юрьевъ къ протоіерею А. И. Соловьеву:

„Долгъ имѣю принести вамъ усерднѣйшую благодарность за оказанное мнѣ гостепрѣимство.

Если-бы я возвращался съ родины тѣмъ-же путемъ, какимъ ѣхалъ изъ лавры: то, конечно, уже не проѣхалъ-бы мимо васъ: но обстоятельства расположили меня совершить обратный путь чрезъ Владиміръ. Во Владимірѣ довелось мнѣ быть довольно долго—отъ 12-го до 16-го августа. Видѣлся здѣсь со всѣми родными. Былъ у Преосвященнаго. Владыка принялъ меня благосклонно; довольно долго бе-

сѣдоваль со мною, и между прочимъ одобрялъ мою рѣши- 1847 г.
мость оставить мѣръ въ пользу наукъ.

Въ лавру возвратился я 19-го августа, слава Богу, благополучно. Продолжительное и пріятное путешествіе значительно возстановило тѣлесныя и вмѣстѣ съ тѣмъ оживило душевныя мои силы. Благодаря усердію всѣхъ моихъ родныхъ, я провелъ ваканціальное время очень весело и пріятно. Объ одномъ только сожалью:—не удалось быть въ Муромѣ.

У насъ и теперь почти еще ваканція: серьезнаго дѣла никакого нѣтъ; сочиненія до сихъ поръ не даюгъ, а безъ него какъ будто и дѣлать нечего въ академіи. Читаешь, конечно, книги; но это чтеніе какъ будто безъ цѣли, когда прочитаннаго не къ чему приложить.

По пріѣздѣ моемъ въ академію, у насъ случилось одна только новость, но зато весьма интересная, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне непріятная. 19-го числа прошедшаго мѣсяца, въ самый день моего пріѣзда, одинъ изъ старшихъ студентовъ, возвратившись съ родины, но не являясь еще въ академію, въ кельѣ одного лаврскаго послушника, расположился привести въ исполненіе заранѣе имъ обдуманнѣй ужасный замыселъ противъ самого себя: однимъ ударомъ изъ пистолета пресѣкъ, несчастный, собственную жизнь. Но такъ какъ, по учиненному слѣдствію, этотъ противуестественный поступокъ признанъ былъ слѣдствіемъ продолжительной и сильной ипохондріи: то и свидѣтели сей ужасной сцены освобождены были отъ суда,—и самъ погибшій не лишенъ былъ христіанскаго погребенія.

Вотъ еще новость. Въ лавру ожидаютъ на слѣдующей недѣлѣ высокаго посѣтителя, Великаго Князя Михаила Павловича.

Съ глубочайшимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю пробыть М. д. ак. студентъ, священникъ Іоаннъ Тихомировъ“.

По поводу пріекорбнаго событія со студентомъ Куняевымъ была очень серьезная переписка у Митрополита съ лаврскимъ намѣстникомъ и ректоромъ академіи (см. *Письма Филарета къ архим. Антонію*, ч. 2, М. 1878 г. стр. 330—337;—къ архимандр. Алексію отъ 20, 22 и 26-го авг. 1847 г. Москва, 1883).

1847 г. Со второй половины августа начались въ академіи обычныя лекціи. Освѣженный и укрѣпленный въ силахъ довольно продолжительнымъ и пріятнымъ путешествіемъ на родину, я предался съ новою ревностію, съ большею энергіею любимымъ наукамъ. Я съ одинаковою любовію занимался всѣми науками, исключая математики, которая сдѣлалась для меня недоступною еще въ началѣ курса по той причинѣ, что я по болѣзни опустилъ нѣсколько классовъ сряду; а между тѣмъ математика, какъ извѣстно, такая наука, которая не терпитъ ни малѣйшаго перерыва въ занятіяхъ ею.

12-го сентября даны намъ были по классу исторіи философіи новѣйшихъ временъ слѣдующія темы:

- 1) „Философія Джіордано Бруно“.
- 2) „Сужденіе о Теодицеѣ Лейбница“.
- 3) „Борьба Якоби противъ идеализма Канта и Фихте и пантеизма Шеллинга“.
- 4) „Гербартъ и его школа“.
- 5) „О вліяніи Канта на современную философію“.

15-го числа дано было 12-ть темъ по исторіи философіи древнихъ временъ, — а именно:

- 1) „Разсмотрѣніе философскихъ мыслей—въ Индійскомъ законодательствѣ Ману“;
 - 2) — „въ бесѣдахъ Кун-фу-дзы, записанныхъ въ книгѣ Люнь-юй“;
 - 3) — „въ книгѣ Китайскаго философа Де-пей“;
 - 4) — „въ Ручной книжкѣ Эпиктета“;
 - 5) — „въ письмахъ Сенеки къ Люцилію“;
 - 6) — „въ басняхъ брамана Вишну-Сарма“.
 - 7) — „Согласно-ли съ разумомъ то ученіе, — что рядъ конечныхъ причинъ и дѣйствій безначаленъ?“
 - 8) — „что первобытное состояніе міра было неустроенное, и міръ мало по малу образовался въ теченіи вѣковъ?“
 - 9) — „что родъ человѣческой первоначально былъ въ состояніи, подобномъ состоянію животныхъ, и потомъ, мало по малу, достигъ образованности?“
 - 10) „Согласно-ли съ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи личности души?“
 - 11) „Сужденіе объ онтологіи Гегеля“.
 - 12) „Есть-ли матерія только сплеленіе силъ?“
- Я избралъ 10-ю тему, т. е. „Согласно-ли съ разумомъ

ученіе Гегеля о прекращеніи личности души“, — и на сочи- 1847 г.
неніи, написанномъ на эту тему, подписано было профес-
соромъ Ѡ. А. Голубинскимъ: „довольно хорошо“.

23-го сентября писалъ мнѣ изъ Переславля Никитскій
архимандритъ о. Нифонтъ:

„Батюшко о. Иванъ Михайловичъ!
Отъ сего племянника моего прошу принять въ рукописи
переводъ св. пророка Исаи, — а прочее возъмѣйте тер-
пѣніе пообождать.“

Желаю дальнѣйшихъ успѣховъ; радуюсь, что вы одинъ
изъ лучшихъ студентовъ академіи. Ей, отъ души радуюсь.
Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ своею благодатию на про-
ходимомъ вами поприщѣ успѣшности.

Простите, помолитесь пр. Сергію о любящемъ Нифонтѣ“.

Переводъ пророка Исаи, о которомъ упоминается въ
письмѣ, о. Нифонтъ прислалъ мнѣ въ вознагражденіе за
мои тетради, отобранныя имъ у меня въ 1842 г., по требо-
ванію начальства, — о чемъ выше было сказано. Въ послѣд-
ствіи доставлены были о. Нифонтомъ мнѣ и прочія ветхо-
завѣтныя книги въ русскомъ переводѣ прот. Павскаго.

Скажу здѣсь мимоходомъ о непріятномъ событіи, слу-
чившемся въ нашемъ маломъ студенческомъ мѣрѣ монаше-
скомъ. Насъ жило въ кельѣ только трое: недавно постри-
женный въ монашество и посвященный въ іеродіакона Сера-
піонъ, іеромонахъ Моусей, пріѣхавшій вмѣстѣ со мною
въ академію изъ Ставрополя на Кавказѣ, по поступившій
прямо на старшій курсъ, — и я. Серапіонъ вздумалъ вести
аскетическую жизнь: каждый день бывалъ за всѣми служ-
бами, ежедневно почти посѣщалъ избраннаго имъ духов-
наго старца, лаврскаго іеромонаха Тихона, соблюдалъ стро-
гое воздержаніе въ пищѣ; между тѣмъ своемъ школьнымъ
дѣломъ пересталъ вѣсье заниматься. Разъ приходитъ къ
намъ въ келью (это было осенью еще 1846 г.) инспек-
торъ о. Евгеній и, обратившись къ Серапіону, спрашиваетъ
его, написалъ ли онъ заданное сочиненіе или проповѣдь;
и когда тотъ, сконфузившись, отвѣтилъ отрицательно,
о. Евгеній сдѣлалъ ему приличное внушеніе. Серапіонъ,
оскорбившись замѣчаніемъ инспектора, на другой-же день
началъ что-то писать. Мы съ о. Моусеемъ съ удивленіемъ
видимъ, что Серапіонъ пишетъ день и ночь, и не попи-

1847 г. маемъ, откуда вдругъ явилось такое обиліе мыслей и выражений; между тѣмъ онъ по прежнему продолжалъ ежедневно ходить къ службамъ. Наконецъ, физическая природа его не выдержала, силы его истощились, и въ немъ стали обнаруживаться признаки умопомѣшательства. Сначала помѣстили его въ академическую больницу, но здѣсь онъ не получилъ никакой пользы. Наконецъ, его отправили въ Москву, въ домъ умалишенныхъ. Пробывши тамъ около полугода, онъ возвратился весной 1847 г. въ академію совершенно здоровымъ физически, но поврежденнымъ нравственно: сталъ предаваться нетрезвости, и вслѣдствіе сего былъ удаленъ изъ академіи безъ всякой ученой степени.

Когда Серапіонъ отправленъ былъ въ Москву, я пересмотрѣлъ написанныя имъ тетради. Я думалъ найти въ нихъ какую-нибудь ученую диссертацию, но, къ удивленію, увидѣлъ въ нихъ автобіографію Серапіона, преисполненную всякихъ мелочей и гадостей. Не думавши долго, я бросилъ эти тетради въ печь.

Когда помянутый выше руководитель въ монашеской жизни іеродіаконъ Серапіона, іеромонахъ Тихонъ скончался и о его смерти донесено было Митрополиту, Владыка въ письмѣ къ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію отъ 5-го сентября 1847 г. писалъ: „Миръ душѣ отца Тихона. Но вотъ когда вспомнилъ я сказать, что давно хотѣлъ. Академическій іеродіаконъ избралъ себѣ наставникомъ въ духовной жизни Тихона: и повредился въ умѣ. Хорошо, что ищутъ наставника: но надобно смотрѣть, чтобы наставлять брались способные къ сему ¹⁾“.

19-го октября писалъ и въ Муромъ къ свояку своему, священнику Крестовоздвиженской церкви Якову Андреевичу Силецкому:

„Столь продолжительное безмолвіе ваше, вопреки данному обѣщанію, я почесть было за совершенное съ вашей стороны забвеніе родственныхъ между нами отношеній; и эта мысль навсегда утвердилась бы во мнѣ, если-бы подательница сего письма не утвердила меня въ вашемъ прежнемъ ко мнѣ расположеніи. Но въ словамъ, вы когда-то писали

¹⁾ Письма митроп. Филарета къ архим. Антонію, ч. 2, М. 1878 г. стр. 344.

ко мнѣ, — и даже, въ доказательство неизмѣннаго ко мнѣ 1847 г.
расположенія, нарекли меня воспріемникомъ при крещеніи
родившейся у васъ еще въ минувшемъ году дщери. Что
касается до вашего письма, то оно до сихъ поръ не яв-
лялось ко мнѣ, — что для меня крайне неприятно. А за то,
что вы удостоили меня чести быть снова вашимъ кумомъ,
приношу усердѣйшую благодарность. Съ любовію приѣмлю
вашу Катеньку въ число моихъ духовныхъ дщери, коихъ
у меня еще такъ мало. Я очень радъ, что новая моя крест-
ница растеть и укрѣпляется.

Пора же, въ самомъ дѣлѣ, и вамъ разводиться семей-
ствомъ; иначе какимъ же образомъ будетъ достигнута цѣль
брака? И такъ, да здравствуетъ наша Катенька! Пусть ра-
стетъ и утѣшаетъ своихъ родителей... А я съ своей сто-
роны посылаю ей въ благословеніе маленькую икону препод.
Сергія: да блюдетъ и охраняетъ ея жизнь сей св. Угод-
никъ Божій!

Послѣ сего я увѣренъ, что вы не обременитесь сооб-
щить мнѣ хотя краткое извѣстіе о вашихъ собственныхъ
обстоятельствахъ и обстоятельствахъ общихъ нашихъ род-
ныхъ. Повѣрьте, я крайне интересуюсь всѣмъ, что касается
до Муромъ вообще, и до родныхъ моихъ въ особенности.
Въ теченіе года, не прошло, можетъ быть, дня, чтобы я
не вспомню о Муромѣ, особенно объ участи роднаго
семейства.

Да скажите, пожалуйста, правда-ли, что въ Муромѣ от-
крылись дѣйствія губительной язвы, опустошающей Россію? —
Къ намъ, съ каждою почтою, приносятся разные извѣстія,
со всѣхъ концовъ Россіи, объ этомъ всеобщемъ бѣдствіи.
Такъ наприм. съ нынѣшнею почтою получено извѣстіе изъ
Казани, что тамъ сильно свирѣпствуетъ холера, что гибель-
ныя дѣйствія ея простерлись даже и на нашу ученую братію:
два студента академіи уже сдѣлались жертвою ея, и про-
чіе ожидаютъ той-же участи, — всѣ рѣшительно, говорятъ,
больны и академія съ 22-го сентября уже закрыта. Въ
Москвѣ холера дѣйствуетъ, но еще не такъ сильно. Что
касается до насъ, то, хотя и нѣтъ еще смертности, одна-
кожь начинаютъ обнаруживаться нѣкоторые признаки; и
мы уже готовимся къ срѣщенію страшной гостни. Послѣ
предварительныхъ медн. пособій, положено прибѣгнуть къ

1847 г. высшимъ, духовнымъ средствамъ. 19-го числа предписано преосв. Митрополитомъ совершить вокругъ всего посада крестный ходъ. Съ 20-го у насъ въ академіи начнется постъ и общественная молитва. При этихъ спасительныхъ средствахъ и при заступленіи угодниковъ Божіихъ,—авось миуетъ насъ страшная туча будущаго бѣдствія.

Что касается въ частности до меня, то я, слава Богу, пока здоровъ и по мѣрѣ силъ, занимаюсь своимъ дѣломъ. Здоровье мое значительно укрѣпилось отъ продолжительнаго и пріятнаго путешествія на родину. Путешествіе свое и совершилъ благополучно: видѣлся со всѣми родными, и и всѣми былъ принятъ, какъ нельзя лучше. Почему я не пріѣхалъ въ Муромъ, вопреки крайнему желанію своему, причина вамъ, конечно, извѣстна. На обратномъ пути съ родины былъ я во Владимірѣ; явился къ Преосвященному. Владыка принялъ меня благосклонно; обо многомъ распрашивалъ, и между прочимъ, спросилъ, гдѣ я провелъ вакацію; хвалилъ такъ-же мою рѣшимость оставить мѣръ въ пользу наукъ. И дѣйствительно—по собственному уже опыту могу сказать, что для молодаго вдоваго священника, разумѣется, сколько-нибудь расположеннаго и способнаго къ занятію науками, самое лучшее и безопаснѣйшее убѣжище—въ академіи. Сравнивая прежнюю мірскую жизнь (я разумѣю состояніе вдовства) съ настоящею, много, очень много находишь преимуществъ на сторонѣ послѣдней. Здѣсь совершенно свободенъ отъ всѣхъ суетъ и непріятностей, какія необходимо встрѣчаются въ мѣрѣ при многоразличныхъ отношеніяхъ. Въ академіи и отношенія и занятія гораздо простѣе.

Помѣщаю здѣсь интересную выписку изъ письма моего товарища Г. П. Быстрицкаго отъ 24-го октября къ другу его, студенту Кіевской академіи Н. Н. Флоринскому:

„У васъ эпидемія кончилась или, по крайней мѣрѣ, получаетъ конецъ, а въ нашей сторонѣ она началась только... Въ Москвѣ оказалась холера около половины сентабря.

Наша академія въ 60-ти верстахъ отъ столицы; народъ идетъ изъ Москвы во многомъ числѣ чрезъ посады; но еще Богъ хранитъ. 19 го дня, въ воскресенье, у насъ дѣлали крестный ходъ вокругъ всего посада. Церемонія была умилительная и торжественная; звонъ былъ постоянный въ лаврѣ, — а каковъ этотъ звонъ!... и въ цѣломъ посадѣ.

Процессія продолжалась пять часовъ.— И у насъ, въ ака- 1847 г.
демин, приняты предосторожности въ пищу, въ чищеніи
комнатнаго воздуха и проч., а главное—въ очищеніи душъ.
Конференція сдѣлала предложеніе и получила разрѣшеніе
отъ Митрополита установить въ академин временное го-
вѣнье. И вотъ мы другой день готовимся къ Евхаристіи.
Завтра, въ день Казанской Божіей Матери, мы будемъ
пріобщаться св. Таинъ. Нынѣ исповѣдывались во грѣхахъ.
Не обидѣль-ли я тебя чѣмъ-нибудь—прости меня: присту-
паю къ великому и страшному таинству...

Нынѣ (22-го дня) Господь удостоилъ насъ великаго дара.
Да будетъ онъ намъ въ животъ временный и вѣчный. Да,
другъ, дѣло, кажется, мы совершили весьма необходимое
всегда, тѣмъ болѣе въ настоящихъ обстоятельствахъ. Богъ
знаетъ, что будетъ. Будущее наше въ Его десницѣ; гнѣвъ
Его, карающій беззаконія, шествуетъ уже недалеко.... Хо-
роша, умилительна проповѣдь нашего владыки-Филарета,
читанная во всѣхъ церквахъ Москвы,—на настоящей бѣд-
ственный случай, начинающаяся воспоминаніемъ о Ниневи-
тянахъ, о грозной проповѣди Іоны, о ихъ покаяніи,—изъ
какого событія выводится нѣсколько поучительныхъ и утѣ-
шительныхъ истинъ, прилагаемыхъ къ намъ въ настоя-
щемъ положеніи. Проповѣдь эта отпечатана въ послѣдней,
вышедшей книжкѣ Твореній св. Отцевъ....

Въ Москвѣ холера все усиливается.. Съ этимъ общимъ
несчастіемъ—посѣщеніемъ гнѣва Божія, соединилась еще
злоба людей. Поляки злодѣйствуютъ въ Москвѣ, стараются
отравлять ядомъ—покушаются бросать оный въ колодези.
Но ихъ злодѣйства открываются. У насъ вчерашній день
прошелъ слухъ, что 60-ть человекъ студентовъ универси-
тета отравили, что 8-мь человекъ погубило отъ яда, поло-
женнаго въ вино цѣловальникомъ, подкупленнымъ злодѣями.
Кстати о злодѣяхъ-Полякахъ. По ихъ милости и старанію,
сгорѣла вся почти Кострома и въ то-же время множество
домовъ въ нашемъ Ивановѣ... Одинъ изъ злоумышлен-
никовъ—докторъ открытъ; попались въ этомъ дѣлѣ и бѣд-
ные семинаристы—двое; они повинились въ поджигатель-
ствѣ, взявши отъ злодѣевъ денежную награду за это дѣло,
и положили пятно на семинарію.

Радуюсь твоему счастію и радости, которою наполняется

1847 г. сердце твое отъ лекцій вашего почтеннаго о. ректора ¹⁾. Учись и совершенствуйся подъ влияніемъ этого ученѣйшаго и добродѣтельнаго наставника. Лекцій своего о. ректора я еще не слыхалъ: но, по отзывамъ слушателей, онъ лучше своего предшественника — настоящаго ректора С.-Петербургской академіи (преосв. Евсевія); съ вашимъ, конечно, не сравняется. Но не всѣхъ Богъ надѣляетъ равнымъ счастіемъ. Ваша академія отличается учеными ректорами; она имѣла свѣтильникомъ своимъ Иннокентія; теперь имѣетъ Дмитрія. Нашъ Владыка, не знаю, по какой благой мысли, старается назначать ректоровъ сюда-болѣе хорошихъ врателей, чѣмъ наставниковъ. Потому настоящій о. ректоръ (Алексій) нашъ изъ числа кандидатовъ былъ меньшій по учености, если судить о ней по успѣхамъ академическимъ — по тому, какъ кончилъ курсъ въ академіи. Но онъ, дѣйствительно, достойный правитель и умный... отецъ. Студенты имъ болѣе довольны, чѣмъ его предшественникомъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; за будущее ручаться нельзя.

У насъ явилась новая книга — сочиненіе Макарія, инспектора Петерб. академіи — „Введеніе въ Православное Догматическое Богословіе“. Я еще не читалъ ее; но всѣ читавшіе говорятъ, что нѣтъ ничего особеннаго; но можетъ-ли быть что-нибудь особенное въ сочиненіи, гдѣ не могутъ входить истины новыя, неслыханныя и увлекающія своею новостію. Изложеніе ихъ — система такъ же не можетъ отличаться новостію. Форма зависитъ отъ содержанія, отъ начала или идеи и ея развитія. Если эта идея и эти истины, выводимыя изъ нея, старыя; и форма не можетъ быть новою. Сама истина даетъ себѣ форму, или естественная форма ея та, которая выходитъ изъ нея самой. Въ журналахъ критики называютъ этого писателя — съ большою, огромною начитанностію... Ив. Ник. Полищадовъ, который былъ у насъ, — очень хвалитъ его, какъ наставника и говорить, что занимается наукой очень много“.

25-го октября получилъ я изъ Хотимли отъ зятя о. И. И. Успенскаго письмо очень печальнаго содержанія.

„Много, много виноватъ я, — писалъ онъ отъ 20-го числа, — предъ вами, что на письмо ваше, присланное мнѣ,

¹⁾ Архимандрита Дмитрія (Муретова), впоследствии архіепископа Херсонскаго († 1883).

доселѣ не отвѣчалъ, и не соблюлъ даннаго слова. Опу- 1847 г.
 стилъ случай писать вамъ въ пространномъ домку, теперь
 пишу въ банѣ на полку. Разсудокъ разстроены, память по-
 теряна и вы сами признаете, что отъ настоящаго моего
 письма и пахнетъ баннымъ духомъ. Вотъ, милый братецъ!
 все мое предъ вами признаніе! Виноватъ, что прежде не
 писалъ, а теперь и мѣста нѣтъ, гдѣ-бы было писать. Видно
 въ послѣдній разъ въ ваше у насъ посѣщеніе мы наглядыва-
 вались, хотя на немудрое устройство нашего приюта. 18-го
 числа прошедшаго сентября въ три минуты не стало у меня
 ничего, что ни приобрѣталъ, вамъ извѣстно, какъ, — въ
 18-ть съ половиною лѣтъ. Въ первомъ часу пополудни у
 моего сосѣда — благочиннаго, неизвѣстно какъ, потому что
 не признаются, въ худой задней избѣ загорѣлось, и чрезъ
 минуту при сильномъ вихрѣ огонь пожралъ мои передній
 и задній дома. Не успѣли поглядѣть на нихъ и что было
 въ нихъ:— все мгновенно осталось жертвою пламени. При
 недостаткѣ средствъ отстаивать, у меня сгорѣлъ и погребъ
 со всѣмъ запасомъ, а что могли со стороны вынести кое
 что изъ дому, то сгорѣло среди улицы. Въ полчаса не
 стало ни одного дома, и—теперь Хотимъ есть ничто иное,
 какъ чистое поле. Описывать ли болѣе несчастное наше по-
 ложеніе? Не станеть у меня теперь ни разсудка, ни ума.
 Наступаетъ время холодное, а мы не имѣемъ, кромѣ бани
 и сарая, никакого приюта. Въ селѣ нашемъ еще отъ 1-го
 пожара никто не отстроился, гдѣ-бы я могъ помѣститься
 съ своимъ семействомъ. Ни самимъ намъ, ни скоту убѣ-
 жища нѣтъ. Но, видно, такъ угодно Богу искусить нашу
 вѣру и терпѣніе. Онъ накажетъ, Онъ же и милость Свою
 намъ явить. Дѣлать нечего. Надобно горе перенести,—
 свои грѣхи перечестъ, а потомъ ужь съѣсть, да и ѣсть.
 Буди воля Господня надъ нами!

На письмо это отвѣчалъ я 31-го числа.

Въ тотъ же день писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г.
 Троепольскому:

„Пріятнымъ долгомъ поставлю привѣтствовать васъ со
 днемъ вашего ангела. Да осѣняетъ жизнь вашу кровомъ
 криль своихъ великій предстатель небесныхъ силъ св.
 архистратигъ Михаилъ, да продлитъ Господь дни ваши въ
 мирѣ и вождѣльнвомъ здравіи.

1847 г. Намѣреніе мое посѣтить Муромъ было не столько то, чтобъ насладиться привѣтомъ родныхъ, сколько воздать долгъ моей возлюбленной Аннѣ Васильевнѣ и, можетъ быть, однажды навсегда распротиться съ роднымъ городомъ. При томъ разсчитывалъ и то, что если я не воспользуюсь нынѣшней поѣздкой для посѣщенія Мурома, то едва ли буду имѣть возможность и средства быть тамъ до окончанія академ. курса; а до того времени, Богъ вѣсть, кто живъ будетъ. Вотъ нынѣ какія тяжкія времена: холера безъ разбора губитъ всѣхъ. Впрочемъ, благодареніе Господу и Его великому угоднику препод. Сергію, эта губительная язва, опустошая грады и веси, не проникла еще въ нашу Богоспасаемую обитель.

Что касается до меня, то я, слава Богу, здоровъ. Занятіями не слишкомъ обременяю себя, хотя отнюдь не позволяю себѣ праздности. Силы берегу на старшій курсъ; тамъ потребна будетъ большая дѣятельность; при томъ и предметы будутъ ближе къ моему званію и состоянію. Начинаю уже думать и о перемѣнѣ, если не образа жизни, то по крайней мѣрѣ одежды. Предлагалъ объ этомъ о ректору, и по взаимному согласію, рѣшили отложить это дѣло до слѣдующаго года^а.

31-го октября писалъ мнѣ изъ г. Вязниковъ товарищъ и одинъ изъ близкихъ моихъ друзей по семинаріи, священникъ Василій Павловичъ Богородскій:

„Сколь давно я предполагалъ писать къ тебѣ, но обстоятельства и дѣла похищали это мое отрадное предположеніе. Но первые слухи о твоёмъ несчастіи рѣшительно меня убѣждали сдѣлать съ тобою переписку, но все не удалось. И теперь пишу, какъ говорится, ущипкомъ и урывкомъ.

Другъ! что съ тобою?... не смѣю я тебѣ напоминать о Муромѣ, и не смѣю и спрашивать, какъ ты жилъ въ немъ? что-бы симъ не растрогать твою усыпавшую печаль по А..... Но мнѣ хотѣлось-бы знать и о жизни твоей въ Муромѣ; но что-жь? теперь и поздно; она для тебя невозвратима и безотраднa, и для меня незанимательна, между тѣмъ какъ прежде я всегда участвовалъ во всѣхъ радостныхъ обстоятельствахъ твоей Муромской первоначальной жизни. А послѣднее печальное событіе съ тобою — лишеніе (супруги) и меня неоднократно заставляло плакать.

Скажи мнѣ: какъ ты теперь живешь въ лаврѣ? и что ты? не монахъ-ли? Да! любезный, я смѣло тебя спрашиваю, и, быть можетъ, не кажусь-ли тебѣ дерзокъ? Но я люблю тебя всей душой, и спрашиваю дружески. Другъ ли ты мнѣ и донынѣ, а я тебѣ другъ, быть можетъ хотя и скучный, и лишній. Тамъ, гдѣ ты теперь, много тебѣ найдется друзей, съ коими можно раздѣлить и время и чувствованія души, но почему-же бросать и прежнюю дружбу семинарскую, разсыпанную повсюду—по городамъ и селамъ? Тамъ, гдѣ ты теперь въ бесѣдахъ мудрости, можно забыть о нашихъ прежнихъ бесѣдахъ простоты. Но что мнѣ, пусть забылъ ты все; но я не забуду, не забуду тебя, любезный Иванъ Михайловичъ.

Но если ты уже забылъ меня,—я расскажу о себѣ. Кто я? ты знаешь; гдѣ живу? тебѣ извѣстно; а какъ?

Слава Богу! приходъ мой не богатый, но и бѣднымъ назвать такъ-же нельзя—посредственный, состоитъ изъ прихожанъ разныхъ сословій, а болѣе крестьянъ. Долго намѣревался я перейти въ другой; но уничтоженіе штата одного въ нашей троеприходской церкви, дало мнѣ осѣдлость; тѣмъ болѣе потому я теперь бросилъ это намѣреніе, что построилъ новый домъ и довольно хорошій; надобно здѣсь жить; хотя денегъ мало, но труда много: служба повседневная,—обязанность увѣщанія въ судахъ и тутъ же побѣги въ поле по хозяйству, городъ и деревня у насъ вмѣстѣ;—можно найти разгуль; есть гдѣ имѣть и уединеніе;—выходишь въ поле,—любиешься нивами;—сходишь въ Вязники,—встрѣчаешься съ нимфами. Словомъ сказать: въ приходѣ моемъ жизнь-микстура; но при всемъ этомъ надобно сказать, не горькая.

Расположеніе гражданъ-дворянъ и купечества ко мнѣ не по достоинствамъ велико; любятъ и принимаютъ всѣ; но признаюсь тебѣ дружески, что только нѣтъ у меня расположенія и нѣтъ ко мнѣ расположенія у товарища моего протопопа І. Воинова, который всегда гордится тѣмъ, что онъ родился прежде меня 20-ю годами; но и желать дружбы его не интересно, а вражда его опасна, въ семъ отношеніи я частію не спокоенъ. И одинъ разъ злоба его противъ меня излилась и предъ Владыкой, но возвратилась къ его же ногамъ... Онъ благочинный и судья!...

1847 г. Скажи мнѣ, если ты не изжѣнился въ отношеніи мени въ своихъ дружескихъ расположеніяхъ, о себѣ. Какъ пріятно тебѣ жить въ лаврѣ, или какъ скучно послѣ Муромъ. Нѣтъ-ли какихъ новостей?

Да еще прошу тебя, Иванъ Михайловичъ, другъ мой, извѣсти: не издается-ли при академіи вашей какой-нибудь журналъ и какого достоинства; и за сколько его можно получить съ пересылкою; или другіе не выходятъ-ли какіе хорошенькія книжки, я бы чрезъ тебя выписалъ. Право! совершенно нечего почитать;—въ городѣ нѣтъ почти ни у кого хорошихъ христіанскихъ книгъ. А особенно узнай, нѣтъ-ли какихъ новыхъ Катихизисовъ или Катихизическихъ ученій, для преподаванія коихъ въ здѣшнемъ мѣстѣ опредѣленъ я и тружусь до пота, а толку мало. Владыкѣ за три года представилъ груду Катихизическихъ бесѣдъ;—прочелъ, замѣтилъ, благодарилъ и только...

Извѣсти, здравствуетъ-ли любезнѣйшій и незабвенный нашъ наставникъ Яковъ Ильичъ Владыкинъ? Я молюсь за его здоровье. Нѣтъ-ли съ тобою и еще кого-либо изъ нашихъ товарищей? а гдѣ? гдѣ друзья? скажи о комъ знаешь.

Конечно тебѣ, быть можетъ, некогда придумывать старину, но, другъ, хотя строчку отпиши новостей.

Вотъ и я при всѣхъ недосугахъ наболтала тебѣ множество галиматъи; и буду доволенъ, если ты мнѣ на десять строкъ будешь отвѣчать одной.

Напиши, еще прошу, о хорошенькихъ книжкахъ,—избавь меня отъ скуки.

Я ожидалъ тебя въ Вязники, во время вакаціи, предполагая, что ты изъ Дупилова поѣдешь въ Муромъ. Но напрасно мое ожиданіе. Въ будущее же время сдѣлай трактъ на Вязники, а болѣе чрезъ Ераполь.

Прощай, Иванъ Михайловичъ. Извини братъ,—что писалъ очень не складно, право, почти стоя и не мысля.

6-го ноябрю даны были намъ по классу опытной Педагогическаго и Праведенной философіи слѣдующія 7-мъ темъ для сочиненія:

- 1) „Постепенное развитіе души отъ пробужденія сознанія до начинающейся зрѣлости разума“.
- 2) „Житейское благоразуміе“.
- 3) „Извращенность эгоизма“.

- 4) „Объ очищеніи и исправленіи темпераментовъ“.
- 5) „Отношеніе матеріальнаго благосостояніа къ нравствен-
ному состоянію человѣка“.
- 6) „Взглядъ на нравственное ученіе стоиковъ“.
- 7) „Какимъ образомъ опытное изученіе духовной природы
человѣка ведетъ къ сознанію необходимости для него благо-
датной помощи?“

1847 г.

Я писалъ сочиненіе на послѣднюю изъ этихъ темъ, и сочиненіе признано „хорошимъ“.

11-го ч. писалъ я пространно своему Вязниковскому другу о. Богородскому въ отвѣтъ на его письмо отъ 31-го октября:

„Спѣшу немедленно отозваться на твой дружескій голосъ. Нѣтъ, любезный! напрасно подозрѣваешь меня въ безчувственномъ равнодушіи и совершенномъ забвеніи прежнихъ нашихъ отношеній. Я очень хорошо помню и люблю тебя, какъ добраго и искренняго друга и товарища. Въ числѣ друзей моихъ, коихъ впрочемъ у меня было не слишкомъ много, ты едва-ли не первое занималъ мѣсто: говорю это по чистой совѣсти. Твое добродушіе, твое благородство, чистота нравственности и явное ко мнѣ благорасположеніе всегда находили живое сочувствіе въ моемъ сердцѣ. Но къ чему излишнія объясненія?—Изъ того, что до сихъ поръ не было между нами переноски, никакъ не слѣдуетъ, что мы оба вдругъ забыли взаимныя наши отношенія. И безъ твоего письма я совершенно увѣренъ былъ въ твоемъ неизмѣнномъ ко мнѣ расположеніи,—и съ своей стороны могу твердо завѣрить тебя въ моемъ истинномъ усердіи и расположеніи. Нѣтъ, если мы нитали другъ къ другу безкорыстную любовь: то это чувство, по слову Писанія, никогда не можетъ изгладиться: *любы николиже отпадеатъ*. Однако жъ этимъ хочу я сказать не то, чтобъ и вовсе не нужно было свидѣтельствовать внутреннихъ расположеній сердца виѣшними какими-бы то ни было знаками. Письменное посланіе есть ближайшее выраженіе дружеской пріязни: и я такъ же, какъ и вы, не разъ замышлялъ, даже принялся было однажды за перо, чтобъ напомнить вамъ, хотя въ краткихъ словахъ, о себѣ и о своихъ отношеніяхъ къ вамъ—это было еще въ Муромѣ: но обстоятельства отвлекли, и—замысль не совершился. Но теперь, когда вы, послѣ

1847 г. многократныхъ, какъ говорите, покушеній, рѣшились наконецъ нарушить столь долгое взаимное молчаніе наше, не могу и я не пробудиться отъ глубокаго безмолвія. За то, чѣмъ продолжительнѣе было молчаніе, тѣмъ пріятнѣе вступать въ откровенную бесѣду съ вѣрнымъ другомъ.

Прежде всего благодарю тебя, другъ мой!—за искреннее участіе въ постигшемъ меня злополучіи. Да, было время, когда много, слишкомъ много нужно было вынести моему бѣдному сердцу. Не буду изображать, да и не знаю, можно-ли выразить словами то состояніе, въ какомъ и былъ въ первые дни и мѣсяцы послѣ праведнаго посѣщенія Божія. Только та же благодать Божія, которой угодно было наказать меня лишеніемъ единственнаго земнаго блага — доброй подружки, — могла и укрѣпить меня въ то время для безропотнаго перенесенія искушенія. Теперь съ переменною мѣста и образа жизни, слава Богу, я начинаю забывать нѣсколько прежнее горе. Что сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи? — Если сравнивать его съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ я былъ въ Муромѣ до вдовства: то, конечно, оно не можетъ идти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ параллель съ нимъ. Если же судить о немъ по отношенію къ послѣднему періоду моей жизни въ мірѣ: то нельзя не отдать ему въ этомъ случаѣ преимущества. Академическая жизнь для молодаго вдоваго священника, разумѣется, сколько-нибудь расположеннаго и способнаго къ занятію науками, — самое лучшее и безопасное убѣжище. Конечно, если смотрѣть на академію съ идеальной точки зрѣнія, то потребно много силъ и трудовъ, чтобы быть совершеннымъ студентомъ: предметовъ здѣсь очень много и притомъ излагаются все въ возможно обширномъ объемѣ. Но кто же требуетъ невозможнаго? Здѣсь предлагаютъ все: но принимать и усвоить себѣ то или другое, въ такой или иной мѣрѣ, совершенно зависитъ отъ произвола каждаго. Главное здѣсь — сочиненія: въ нихъ преимущественно обращается вниманіе, по нимъ окончательно судятъ о каждомъ студентѣ. Написалъ въ годъ три-четыре порядочныхъ сочиненія, — и преисправный студентъ. На сочиненія употребляется все время, исключая опредѣленныхъ для классныхъ занятій часовъ. Лекціи сдаются только недѣли за двѣ или за три предъ экзаменомъ. Дѣла мои въ

прошедшемъ году шли счастливо; не знаю, что Богъ дастъ 1847 г. дальше. Слушаешь въ классѣ чтенія профессоровъ и бакалавровъ большею частію съ удовольствіемъ.

До сихъ поръ я пребываю тѣмъ, чѣмъ пріѣхалъ изъ Муромъ: однако-жъ начинаю уже думать и о перемѣнѣ одежды. Въ слѣдующемъ году, если только это будетъ угодно Господу, вы услышите мое новое имя. Вотъ какъ непостижимы судьбы Божіи! О монашествѣ у меня никогда не было прежде и помысла: а теперь этотъ путь для меня сдѣлался совершенно неизбѣженъ, если-бы даже я не былъ и въ академіи. Но да будетъ надо мною воля Божія!

Живу между монашествующими. Общество наше состоитъ теперь изъ трехъ братій: кромѣ меня, одинъ іеромонахъ, поступившій вмѣстѣ со мною въ академію съ Кавказа, но прямо на старшій курсъ;—другой—свѣтскій студентъ, изъявившій желаніе поступить въ монашество, въ слѣдствіе родительскаго обѣта посвятить его Богу, купеческій сынъ изъ Казани. Есть у насъ еще собратъ—молодой іеродіаконъ изъ старшихъ студентовъ: но, кажется, онъ уже погибъ для насъ; съ минувшаго іюня томится, несчастный, въ домѣ умалишенныхъ—въ Москвѣ, частію въ слѣдствіе природнаго предрасположенія къ умопомѣшательству, а еще болѣе въ слѣдствіе неблагоразумно-аскетическихъ подвиговъ, которые онъ добровольно наложилъ было на себя. Жизнь ученаго монаха не можетъ и не должна быть въ точности располагаета по примѣру жизни монаховъ пустынниковъ.

Особая выгода монашеской жизни въ академіи та, что можно безпрепятственнѣе, чѣмъ свѣтскимъ студентамъ, заниматься науками. При всемъ, впрочемъ, удобствѣ, я не позволяю себѣ слишкомъ много заниматься теперь потому, что разстроенное здоровье, съ коимъ я пріѣхалъ въ академію, еще не совершенно исправилось;—частію же и потому, что берегу силы для старшаго курса: тамъ и предметы ближе къ моему званію, и дѣятельность потребуетъ болѣе напряженная. Не безъ удовольствія, правда, можно заниматься и философскими предметами, но разсчитываешь то, какое приложеніе могутъ имѣть для меня эти предметы въ жизни. На сей разъ умственная дѣятельность моя сосредоточена исключительно на слѣдующемъ вопросѣ: „согласно-ли съ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи лич-

1847 г. пости души“?—Давно уже тружусь надъ этимъ сочиненіемъ, но что-то худо клеится дѣло. А вы слышали что-нибудь о Гегелѣ? Едва-ли: въ нашихъ семинарскихъ запискахъ, помнится мнѣ, и помину объ немъ не было. Это—современный Германскій философъ, котораго впрочемъ иѣтъ уже на свѣтѣ (онъ ум. отъ холеры), но коего духъ живетъ и можетъ быть, долго еще будетъ жить въ потомствѣ. Его философія проникла всѣ почти Европ. литературы. Но сколько эта философія умна, или лучше, хитра, столько-же противна духу христіанскому. Ея основная идея,—пантеизмъ. Вотъ нѣкоторыя главныя ея положенія: все существующее есть проявленіе или видоизмѣненіе абсолютнаго духа. Недѣлимая не болѣе, какъ моменты безконечнаго процесса. Въ духѣ человѣческомъ абсолютное достигаетъ до самосознанія. По смерти, человѣкъ теряетъ свою личность и существуетъ только въ тѣхъ дѣлахъ, кои совершалъ онъ въ здѣшней жизни, подъ вліяніемъ Божеств. личности.

Очевидно, для борьбы съ такими анти-христіанскими мыслями нужно много силъ и опытности. Къ тому же, не малымъ препятствіемъ служить еще невѣдѣніе нѣмецкаго языка, на которомъ писалъ Гегель. Пужда, правда, заставила и меня заняться этимъ языкомъ; и теперь, слава Богу, мало по малу начинаю уже кое-что понимать.

Теперь позвольте обратиться къ вамъ. Объ васъ давно я слышалъ пріятныя вѣсти,—слышалъ, и отъ души радовался. Но теперь вотъ и сами вы раскрываете предо мной картину своей жизни. Все бы хорошо, да одно мнѣ не совсѣмъ нравится: ваши взаимныя отношенія съ сослуживцемъ. Несогласіе въ обществѣ—это первый и главный источникъ всѣхъ непріятностей въ жизни. Напротивъ, *се что добро или что красно, но еже жити брати вкупи*. На этотъ разъ я былъ очень счастливъ въ Муромѣ: враговъ, по крайней мѣрѣ, явныхъ никого не имѣлъ; какъ съ начальниками, такъ и съ равными себѣ всегда жилъ въ добромъ согласіи. Да и теперь всячески стараюсь поддерживать въ своемъ маломъ кругу миръ и любовь. Если же и случается встрѣтить какую-нибудь непріятность, всегда удерживаюсь отъ выраженія неудовольствія: гораздо безопаснѣе гасить искру прежде, нежели она обратится въ пламень. Советую, другъ мой, и намъ, *ище возможно, со*

всѣми людьми миръ имѣти, тѣмъ болѣе съ старѣйшими 1847 г. и судими. Отъ нихъ не скоро дождешься чего-нибудь добраго, а бѣду какъ разъ получишь: вы же сами свидѣльствуете это. Что дѣлать? Лучше иногда отступить отъ своихъ правъ, если это, разумѣется, не соединено прямо съ нарушеніемъ высшихъ требованій долга, нежели раздражать капризнаго старика.

Вы спрашиваете меня насчетъ журнала? Издается при нашей академіи журналъ: „Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія“. Обыкновенно выходитъ 4 книги въ годъ. Каждая книга состоитъ изъ 2-хъ частей: въ 1-й—русскій переводъ творенія извѣстнаго св. отца, а во 2-й—оригинальныя статьи нашихъ ученыхъ разнаго содержанія, разумѣется, духовнаго. Въ каждой книгѣ помѣщаются двѣ-три проповѣди преосвященнаго Митрополита. Годовое изданіе съ пересылкою 5 р. серебромъ. О достоинствѣ журнала говорить много нечего: переводъ съ греческаго самый точный и исправный; оригинальныя статьи, за исключеніемъ проповѣдей, имѣютъ характеръ по преимуществу ученыхъ, и потому особеннаго приложенія къ дѣлу приходскаго проповѣдника имѣть не могутъ. Изданіе журнала началось съ 1843 года. Въ вышедшихъ доселѣ книжкахъ переведено только еще два отца—Григорій Богословъ и Василій Великій. Съ будущаго года начнутъ переводить Ефрема Сирина. Если угодно, можете выписать журналъ за всѣ прошедшіе годы*.

Выше я сказалъ, что насъ жило въ монашеской кельѣ трое; но я забылъ, что между нами водворался еще одинъ товарищъ-свѣтскій студентъ Ферапонтъ Евдокимовъ, готовившійся къ принятію монашества. Онъ намъ съ о. Моисеемъ причинялъ безпокойства и заботъ не меньше, чѣмъ іеродіаконъ Серапіонъ. Сынъ богатаго Казанскаго купца, онъ съ дѣтства обреченъ былъ своими родителями на монашескую жизнь, и потому проходилъ, по желанію родителей, духовныя школы. По выслушаніи, подъ руководствомъ домашнихъ наставниковъ, наукъ семинарскаго курса, онъ, какъ даровитый юноша, поступилъ, для полученія вышенаго духовнаго образованія, въ Московскую академію. Но здѣсь, вдали отъ родительскаго надзора, получивъ между

1847 г. тѣмъ отъ богатаго отца обильныя средства къ роскошной жизни, онъ повелъ жизнь, далеко не соответствующую предположенному назначенію. Около богатаго товарища не замедлила образоваться партія любителей веселой жизни на чужой счетъ. И вотъ, когда бывало нашъ Евдокимовъ получить съ почты не одну сотню рублей, онъ тотчасъ-же исчезаетъ изъ кельи на недѣлю, а иногда и долѣе, не показывается намъ и глазъ до тѣхъ поръ, пока не истощитъ изъ своего кармана до послѣдней мѣдницы. Затѣмъ, освободившись отъ лишняго бремени въ карманѣ и желая вознаграждать потерянное вмѣстѣ съ деньгами драгоценное время, онъ предается непомѣрнымъ занятіямъ наукою. Встанетъ, бывало, часа въ три или четыре и, поставивъ на столъ кипящій самоваръ, который своимъ шипѣніемъ не давалъ намъ покоя, читаетъ и пишетъ часовъ пять-шесть, не вставая съ мѣста. Въ половинѣ 1847 г. подано было имъ прошеніе о постриженіи его въ монашество и въ декабрѣ послѣдовало изъ св. Синода разрѣшеніе. Въ январѣ, по возвращеніи изъ Москвы послѣ Рождественскихъ праздниковъ о. ректора, предположено было совершить надъ нимъ обрядъ постриженія. Между тѣмъ, онъ, во время праздниковъ, въ виду близкаго разлученія съ грѣшнымъ міромъ, захотѣлъ съ нимъ подобающимъ образомъ распротиться и предался съ своими избранными товарищами такому пьянству, что разъ среди дня его нашли лежащимъ среди лавры. Когда ректоръ возвратился изъ Москвы, ему доложено было объ этомъ скандалѣ. Вслѣдствіе сего, постриженіе Евдокимова, подъ разными предлогами, было отлагаяемо далѣе и далѣе, и онъ, наконецъ, въ 1850 году выпущенъ былъ изъ академіи тѣмъ же Оеранонтомъ Евдокимовымъ, какимъ и вступилъ въ нее. Вмѣстѣ съ назначеніемъ, по окончаніи курса академіи, на должность наставника Вологодской семинаріи, передано было туда и дѣло о постриженіи его въ монашество. Онъ былъ постриженъ и названъ Оеодотіемъ: но не долго оставался въ живыхъ съ этимъ новымъ именемъ. Его крѣпкое отъ природы здоровье истощилось, наконецъ, отъ излишняго употребленія еще болѣе, чѣмъ его здоровье, крѣпкихъ напитковъ. Онъ умеръ не болѣе, если не менѣе, 30-ти лѣтъ

отъ роду. Да проститъ ему Господь грѣхи его юности, 1847 г. хотя и не невѣдѣнія!..

Въ декабрѣ, въ отвѣтъ на письмо своего родственника, Муромскаго учителя Ястребова, я писалъ:

„Позволь, другъ мой, мнѣ быть откровеннымъ передъ тобой, но только передъ однимъ тобой. Сожалѣніе, которое ты изъявляешь касательно настоящаго моего положенія, напрасно. Вѣроятно, вамъ преувеличили или не такъ передали мои чувствованія относительно Мурома вообще, и относительно родныхъ моихъ въ особенности. Кто вамъ сказалъ, что я жестоко грущу, что мнѣ тѣсно въ стѣнахъ Богоспасаемой лавры. Правда, я говорилъ, и потомъ писалъ, что часто, и почти ежедневно, воспоминаю о Муромѣ: но вспоминать о прошедшемъ значить-ли непременно быть недовольнымъ настоящимъ? Съ другой стороны, при всемъ довольствѣ настоящимъ моимъ положеніемъ, могу-ли я такъ скоро предать равнодушному забвенію мое прошедшее былое? Вѣдь у меня въ груди сердце, а не камень... Впрочемъ, если я до сихъ поръ еще не совершенно отрѣшился отъ Мурома (хотя совершенное отрѣшеніе, мнѣ кажется, и невозможно), то отнюдь не удовольствія и забавы привязываютъ къ нему мое сердце: ты самъ, конечно, помнишь, что я всегда былъ къ нимъ довольно равнодушенъ, а особенно въ послѣдній періодъ моей жизни между вами. Итъ, какая-то высшая, духовная связь соединяетъ и, конечно, долго, долго будетъ соединять меня съ Муромомъ. Я любилъ и люблю родныхъ моихъ вовсе не за то, что они доставляли мнѣ иногда случаи къ разсѣянности, а потому, что родныхъ, какъ родныхъ, особенно такихъ, какихъ имѣлъ я въ Муромѣ, нельзя не любить. Теперь вопросъ—о чемъ же мнѣ грустить? О томъ, что я далеко отъ родныхъ? Но если моя любовь къ роднымъ есть любовь истинная, то она не ограничивается пространствомъ и временемъ. Грустить о томъ, что я лишился возможности участвовать въ веселыхъ пирушкахъ? Но, скажу вамъ откровенно, то, что всего болѣе меня интересовало въ родственныхъ собраніяхъ, возможно для меня и здѣсь, и еще въ большей мѣрѣ. Тихая, мирная бесѣда—вотъ что всего болѣе мнѣ нравилось, когда случалось быть въ кругу родныхъ или знакомыхъ: но такая

1847 г. бесѣда теперь возможна для меня, пожалуй, каждый день. Между товарищами моими есть не мало такихъ, бесѣдою коихъ не только можно услаждаться, но даже назидаться; имѣю также и между бакалаврами одного, крайне доброго человѣка, который всегда готовъ принять меня, и къ которому я могу имѣть полную довѣренность. Если же и случится когда-нибудь немного захандрить, то стоитъ только дойти до Визаніи, гдѣ я пользуюсь особеннымъ расположеніемъ прежняго моего наставника и благодѣтеля Як. И. Владыкина: этотъ старшій острякъ способенъ разсеять какую угодно хандру. Кто-то сказалъ вамъ, что мнѣ тѣсно въ стѣнахъ лавры? Напротивъ, очень просторно: случается такъ, что иногда недѣли двѣ-три не выглянешь и за ворота лаврскія; безъ особенной нужды, вовсе нѣтъ охоты выходить куда-бы то ни было. Прежде имѣлъ я знакомство съ однимъ изъ лаврскихъ іеромонаховъ и нерѣдко посѣщаль его, а теперь оставилъ и эту связь: съ теченіемъ времени начинаешь какъ-то меньше и меньше ощущать потребность во внѣшнихъ развлеченіяхъ; хотѣлось бы даже вовсе уединиться. Какъ ни мало и ни спокойно общество, въ которомъ я теперь живу, но мнѣ все-таки хотѣлось бы имѣть особую келью: въ уединеніи всегда я чувствовалъ себя какъ-то лучше. Но что же дѣлать? Надобно потерпѣть немного; авось когда-нибудь и это желаніе мое будетъ исполнено. Итакъ, самъ ты видишь, любезный Гаврила Васильевичъ, что нѣтъ никакой достаточной причины мнѣ роптать, а вамъ сожалѣть о моемъ настоящемъ положеніи. Нѣтъ, надобно каждому испытать состояніе вдовства среди соблазновъ міра, и потомъ пожить въ академіи, чтобы сравнить и надлежащимъ образомъ цѣнить ту и другую жизнь. Чего недостаетъ мнѣ теперь въ сравненіи съ прежнею мірскою жизнью? Нѣтъ у меня такого удобнаго и веселаго жилища: но что мнѣ въ этомъ удобствѣ и просторѣ, когда половина существа моего уже заключена въ тѣсномъ гробѣ и мрачной могилѣ? Нѣтъ у меня серебра и золота, которымъ, впрочемъ, не слишкомъ богатъ я былъ и въ мірѣ: зато нѣтъ большихъ нуждъ и потребностей; всѣ существенныя потребности наилучшимъ образомъ удовлетворяются теперь попечительнымъ начальствомъ. (Кстати замѣтить вамъ, что при настоящемъ о. ректорѣ, внѣшній бытъ ава-

деи много улучшены въ сравненіи съ прежнимъ). Если въ мірѣ успѣлъ и заслужить какую-нибудь репутацію и пользовался вниманіемъ и благорасположеніемъ добрыхъ людей, то всѣмъ этимъ я продолжаю пользоваться и теперь; начальники и наставники ко мнѣ благосклонны, товарищи вѣжливы и даже почтительны. Высшее спокойствіе мое никогда почти не нарушается: братство наше мирно и спокойно. Что касается до внутренняго, душевнаго спокойствія; оно мало зависитъ отъ внешнихъ условій: исправность или неисправность по своей должности— вотъ единственное почти условіе пріятнаго или непріятнаго расположенія духа. Правда, совершенно быть исправнымъ въ академіи невозможно или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно: но невозможнаго никто не въ правѣ и требовать. Трудись столько, сколько позволяютъ силы, — и ты будешь правъ и спокоенъ. Не соблюдая этого правила, въ академіи очень легко погибнуть и сдѣлаться въ тягость себѣ и другимъ: примѣры эти у насъ нерѣдки. Теперь одинъ изъ моихъ товарищей страдаетъ, бѣдный, сильно чахоткой: а причиной неблагоразумная ревность.

Что касается до меня, то я бреду не спѣша: куда тороняться? Тѣхъ, кои быстрое и крѣпче меня, никогда не опередишь; а тѣхъ, кои потяжелѣ меня на ногу-то, всегда останутся назади. Особенно теперь, на младшемъ курсѣ, не нужно тратить напрасно силъ: на старшемъ курсѣ предстоитъ трудовъ гораздо больше, и тамъ-то нужно будетъ сосредоточить свои силы. Доселѣ, не обременяя себя излишними занятіями, я слегка касался всѣхъ предметовъ, исключая математики. При постоянномъ почти хожденіи въ классъ, я успѣлъ за прошедшій годъ подать только три сочиненія, а два остались недоконченными: не смотря, однакожь, на это, я получалъ то, чего рѣшительно не могъ ожидать. Удовлетворяя твоему крайнему любопытству, я сообщу тебѣ, подь какимъ номеромъ я записанъ, но съ условіемъ— не разглашать это каждому встрѣчному и поперечному. На годичной конференціи я поставленъ въ общемъ списокъ подь № 11. Въ первый разъ потому я не отвѣчалъ тебѣ, что тогда это было еще неизвѣстно: нынѣ, предъ святками, конференціи у насъ не бываетъ.

Послѣ сего, любезный другъ мой, вы можете быть спо-

1847 г. койны въ разсужденіи настоящей моей участи: можете даже и порадоваться вмѣстѣ со мною, что такъ Господь устроилъ судьбу мою. Но *finis cognat opus*: Богъ вѣсть, что ожидаетъ меня впереди!

Прощай же, другъ мой, не оставляй, если можешь, посѣщать меня своими письмами; съ своей стороны и я не останусь въ долгу у тебя; только напередъ прошу не злоупотреблять моею откровенностію.

Среди обычныхъ частныхъ испытаній предъ праздникомъ Рождества Христова, намъ даны были для экспромптовъ слѣдующія темы:

1) *Num malum metaphysicum, scilicet limitatio rerum creatarum, revera pro malo haberi potest?* и 2) «Въ какой мѣрѣ отъ истинности содержанія зависитъ художественное достоинство ораторскаго творенія?»

29-го декабря писалъ я въ Муромъ, страичему А. А. Горьцкому:

Честь имѣю привѣтствовать васъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Отъ полноты признательнаго сердца желаю вамъ, въ грядущемъ лѣтѣ, при добромъ здравіи, новыхъ, счастливыхъ успѣховъ въ дѣлахъ вашего общепользнаго служенія.

Послѣ многихъ, частныхъ и общественныхъ бѣдствій, коими ознаменованъ былъ для нашего отечества истекающій годъ, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ ожидаешь наступленія новаго лѣта. Что-то новаго, думаешь себѣ, принесетъ намъ новый годъ? Какіе жребіи готовить онъ для каждаго изъ насъ?

Что касается до меня, то, по всей вѣроятности, ожидаетъ меня, въ грядущемъ лѣтѣ, важная перемѣна.

Послѣ праздника Крещенія, когда возвратитесь изъ Москвы нашъ о. ректоръ, я намѣренаюсь приступить къ началу дѣла о постриженіи въ монашество; и— судя по обыкновенному теченію подобныхъ дѣлъ, съ праздника Пасхи, а можетъ быть, и ранѣе, для меня начнется новый періодъ жизни. Проведши полтора года въ кругу монашествующихъ, конечно, я усильтъ уже нѣсколько присмотрѣться къ иноческой жизни, и эта жизнь, въ современномъ ея значеніи, представляется мнѣ какъ будто не слишкомъ страшною, тѣмъ болѣе, что съ давнихъ поръ замѣчалъ въ себѣ подъ часъ какую-то особенную любовь къ уединенію; тѣмъ

не менѣе однакожь признаться надобно, что иное дѣло быть 1848 г. постороннимъ наблюдателемъ, и иное — опытно дознавать трудность отшельнической жизни; совсѣмъ иное — исполнять что-либо по доброй волѣ, и дѣлать то-же самое по неотразимому требованію долга. Природа наша такова, что для насъ большею частію не то благо бываетъ пріятно и дорого, которое свободно и безъ труда пріобрѣтается, но то именно, достиженіе котораго соединено съ большими или меньшими препятствіями, или даже съ нарушеніемъ положительныхъ законовъ. Но какъ бы то ни было, а путь монашества для меня, при моихъ обстоятельствахъ, неизбеженъ. Что дѣлать?.. Гдѣ не достанетъ собственныхъ силъ, тамъ поможетъ благодать Божія, которая преимущественно въ немощахъ и совершается*.

Съ новаго 1848 года я возымѣлъ было намѣреніе ежедневно записывать мысли и чувствованія, возбуждаемыя при чтеніи Библіи: къ сожалѣнію, это благое предпріятіе очень скоро прекратилось.

Вотъ что было мною записано въ первый день новаго года, въ четвертокъ.

Встани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освети тѣя Христосъ (Еф. V, 14).

Время, время пробудиться отъ глубокаго и столь долгаго сна, грѣшная душа моя! Время воспрянуть тебѣ изъ мрачнаго гроба злыхъ навыковъ и порочныхъ страстей! Пора отозваться на гласъ зовущаго тебя небеснаго Жениха! Поспѣши, о, поспѣши къ Нему, душа моя! И Опъ, милосердый, осіаетъ тебя Божественнымъ Своимъ свѣтомъ, озаритъ тьму твоего невѣдѣнія; разсѣетъ мрачныя твои помыслы; просвѣтитъ тебя свѣтомъ Боговѣдѣнія, согрѣетъ хладное сердце твое лучами всемогущей Своей благодати; оживотворитъ и направитъ волю твою къ добру.

Начало новаго лѣта да будетъ началомъ моего духовнаго обновленія. Отселе все мое вниманіе да будетъ устремлено на то, чтобъ уклониться, по возможности, отъ всѣхъ нечистыхъ помысловъ, подавлять въ себѣ порочныя чувствованія, истреблять худыя навыки¹⁾.

Помѣщая здѣсь выписку изъ любопытнаго письма моего

1) Въ подлинникѣ „Хроники“ сохранилось еще нѣсколько дневныхъ записей (на 2-е, 3-е и 16-е января).

1848 г. товарища Быстрицкаго къ Кіевскому другу его Флоринскому отъ 3-го января: —

„Благодаря болѣзнямъ, я не успѣлъ, въ продолженіе трети, подать и одного сочиненія. Предложеніе для своего сочиненія я избралъ изъ данныхъ О. А. Голубинскимъ по классу метафизики; вотъ оно: „Согласно-ли съ здравымъ разумомъ ученіе Гегеля о прекращеніи личности души по смерти?“ — Не правда-ли, что предметъ интересный, но и вмѣстѣ самый утонченный—отвлеченный, сухой?—Какъ-бы думалъ ты, много-ли можно написать о немъ? Общая истина — если у насъ дается предметъ для сочиненія, то надобно нѣсколько источниковъ перечитать; слѣд., сочиненіе должно выйти обширное. Это предложеніе еще довольно частно; а то даны болѣею частію самыя общія, на примѣръ по классу Исторіи древней философіи — о законахъ Ману, объ ученіи Конфуція, о Сепекъ. По классу Исторіи новой философіи: взглядъ на онтологию Гегеля; о вліяніи Канта на новѣйшую философію; о борьбѣ Якоби противъ идеализма Канта и Фихте и пантеизма Шеллинга; разборъ Теодвиен Лейбница и др. Для подобныхъ предметовъ сколько нужно времени и труда, и сколько самаго писанія! Отъ того и пишутъ у насъ листовъ по 15-ти, 20-ти и даже болѣе. И первое мое предложеніе, кажется, не обширно, а требуетъ многаго, — требуетъ прочтенія Гегелевой Логики, гдѣ онъ развертываетъ свое абсолютное, и частію другихъ наукъ; потому что этому предмету, — состоянію души по смерти Гегель не посвятилъ ни одного трактата въ своей обширной системѣ, а его мысль, между тѣмъ, сказывается въ этой системѣ и выходитъ изъ нея; значитъ, нужно узнать духъ всей его системы и опровергнуть коренныя пункты его ученія; а эти пункты: абсолютное въ себѣ, абсолютное въ себя, абсолютное для себя, — моменты, которыхъ изложенію посвящена Логика. А какова эта Логика! Сколько тутъ отвлеченностей! Сколько утонченности! На каждой строчкѣ, почти на каждомъ словѣ надобно останавливаться и думать.

Дѣло трудно, очень трудно, но и отрадно; охотнику подумать — есть надъ чѣмъ позадуматься. И съ кѣмъ имѣешь дѣло? Съ Гегелемъ, который усвоилъ себѣ высокое служеніе Божеству — довершить то, къ чему стремилась религія и философія издавна, довершить то, что пачать І. Христосъ.

Христось, по его понятію, вѣрою постигъ абсолютное; 1848 г.
 онъ разумомъ обнялъ его, — или лучше, само абсолютное
 въ немъ познало себя; — съ Гегелемъ, который покоришь
 себѣ многіе умы, приобрѣлъ много явныхъ и тайныхъ по-
 слѣдователей, котораго мысли нинѣ въ большомъ ходу и —
 что онѣ произведутъ? — Какое утѣшеніе, что отвращаешься
 отъ нихъ умомъ и сердцемъ! Потому что какъ горько раз-
 статься съ убѣжденіями, принятыми въ младенчествѣ, вале-
 дѣянными воспитаніемъ, укрѣпленными собственнымъ раз-
 мышленіемъ! — Представь, какъ измѣняется время, возрастаетъ
 мысль, расширяется кругъ разумной дѣятельности. Не знаю,
 какъ ты, а что до меня, такъ я въ семинаріи и не слы-
 халъ о Гегелѣ; а теперь? — теперь случилось опровергать
 его! Моя мысль, мое расположеніе сошлись съ твоими. Ты
 жалѣешь, что у васъ не положено было особеннаго класса
 для Исторіи новой философіи; вѣрно ты любишь ее и съ
 аппетитомъ занялся бы ею: такъ и я; только я въ этомъ
 отношеніи счастливѣе тебя, потому что у насъ есть этотъ
 классъ отдѣльный, — и большое спасибо бакалавру, читаю-
 щему эту науку (Ип. М. Богословскому); читаетъ славно,
 только слушай: все довольно чтеніемъ, и классъ всегда
 полонъ, а у насъ это знакъ удовлетворительнаго препода-
 ванія. Онъ долженъ прочесть среднюю и новую философію;
 въ прошедшую треть слушали о схоластической философіи;
 сколько могли ожидать отъ преподавателя, получили; по-
 такъ какъ самая эта философія пуста, безсодержательна,
 то лекціи по временамъ интересовали только комическимъ
 изображеніемъ смѣшныхъ сторонъ ея; въ всѣхъ лекціяхъ
 нинѣ особенно поправились объ Іоаннѣ Скоттѣ Эригенѣ. Онъ
 началъ собою схоластическій міръ, но онъ первый и воз-
 высился надъ нимъ; въ немъ начатки пантеизма, который
 раскрылся во всей полнотѣ у Гегеля; онъ горячо привязанъ
 былъ къ твореніямъ Діонисія Ареопагита и Максима Исповѣдника —
 мистиковъ христіанскихъ, и со всею любовію за-
 нимался Платономъ и Аристотелемъ, — и былъ оригиналь-
 ный мыслитель. Онъ соединилъ начало вѣры съ началомъ
 философскимъ — мистицизмъ съ свободою мышленія, и изъ
 этого соединенія вышло третіе, не похожее ни на то, ни
 на другое ученіе, — оригинальное. Извѣстно раздѣленіе его
 ученія: природа несотворенная и творящая, природа со-

1848 г. творенная и творящая, природа сотворенная и не творящая, природа не сотворенная и не творящая“
18-го января писалъ мнѣ изъ Владиміра шуринь, С. Царевскій:

— „Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и отъ души желаю провести вамъ оный благополучно.“

Давно уже, слишкомъ давно не писалъ я вамъ. Въ настоящій годъ постараюсь вознаградить свое прежнее молчаніе частымъ разглагольствіемъ; вы, съ своей стороны, навѣрное, не откажетесь отвѣчать тѣмъ-же. Съ перваго же мѣсяца начинаю свою переписку съ вами. Если угодно будетъ вамъ, каждый мѣсяць будете получать по такому посланію, каково и сіе.

Какъ много собралось въ головѣ моей такого, о чемъ нужно писать къ вамъ! Я, право, не знаю съ чего и начать, — что поставить прежде, что послѣ. Но вы, навѣрное, не взыщете, если то, что вамъ хочется поскорѣе узнать, поставлено будетъ не напередѣ. Чего, изъжелаемаго вами, не достанетъ въ семь писемъ, о томъ спросите, — и я не замедлю отвѣтить вамъ.

Хотѣлось, можетъ быть, вамъ короче узнать своего преемника, священника Александра Орфанова — зятя нашего. Богъ дастъ, увидите и ознакомитесь. Не стану описывать вамъ его; потому что не полное понятіе о немъ получили вы отъ дяденьки, а полное сообщить, — я не знаю уже какъ. Скажу только, что онъ мущина умный и смирный. Онъ успѣлъ уже и похворать. Въ іюльѣ прошлаго года напала на него какая-то задумчивость, тоска, какое-то недовольство самимъ собою и какой-то непонятный страхъ, особенно при Богослуженіи; все сіе продолжалось съ нимъ мѣсяца полтора, такъ что онъ не могъ служить ни обѣдни, ни утрени, только одну вечерню, и то съ великимъ усиленіемъ могъ отправивать. По мнѣнію докторовъ, это происходило въ слѣдствіе разлитія и неправильнаго отдѣленія желчи. Благодаря Богу и медицинѣ, теперь все прошло, — не извѣстно, что будетъ впередъ.

Остаюсь искренно любящій васъ братъ, ученикъ 3 высш. отд. семинаріи Сергій Царевскій“.

На письмо это отвѣчалъ я отъ 27-го того же января:

„Благодарю васъ, любезный мой Сергій Васильевичъ,

отъ души благодарю за ваше привѣтствіе и усердное благо- 1848 г.
пожеланіе, а равно и за возобновленіе письменнаго собе-
сѣдованія со мною. Дѣйствительно, терялся и и доселѣ те-
ряюсь въ различныхъ догадкахъ насчетъ вашего общаго
молчанія, которое до сихъ поръ вы сохраняли относительно
меня. Если причиною вашего молчанія было именно то,
что вы представляете въ письмѣ своемъ, то это еще бѣда
не большая, ее легко можно поправить. Если же что-ни-
будь другое, то, признаюсь, для меня не совсѣмъ это
пріятно. Впрочемъ, продолжительное молчаніе ваше воз-
буждало и возбуждаетъ во мнѣ не столько ропотъ и него-
дованіе, сколько сожалѣніе о томъ, что и сами хотѣли и
меня заставили такъ скоро забыть о нашихъ взаимныхъ
отношеніяхъ. Скажу но обвинюсь: мое сердце болѣе при-
вязано къ Мурому, чѣмъ къ родинѣ. Но послѣднее письмо
ваше, такъ неожиданно мною полученное, привело меня
въ новое недоумѣніе. Я желалъ-бы узнать откровенно, по
собственному-ли побужденію вы начинаете опять со мною
переписку, или другой кто-нибудь внушилъ вамъ это? Если
по собственному побужденію—хорошо, а если по чуждому
внушенію, то еще лучше. Но въ послѣднемъ случаѣ для
меня все-таки остается загадкою, почему изъ Мурома ни-
кто не пишетъ мнѣ ни слова? Отъ маменьки вашей я уже
и не ожидаю писемъ, и самъ не пишу ей, хотя бы и
нужно было, по причинѣ, которая ей одной извѣстна. Но
не желая беспокоить ихъ непосредственно, я прошу васъ
быть между нами посредникомъ: я увѣренъ, что теперь,
кромѣ васъ, никого нѣтъ къ нимъ ближе. Дѣло вотъ въ
чемъ: онѣ обѣщали въ ноябрѣ выслать мнѣ деньги за
оставленные мною для продажи вещи, но и до сихъ поръ
не исполняютъ обѣщанія, вѣроятно, потому, что не всѣ
вещи проданы. Между тѣмъ я начинаю ощущать нужду въ
деньгахъ; прежній запасъ мой уже истощился, а дол-
жаться, безъ крайней надобности, не хотѣлось бы.

Итакъ, если вы, по прежнему обычаю, отправитесь на
сырную недѣлю въ Муромъ, предложите объ этомъ ма-
менькѣ, и попросите ихъ выслать мнѣ обѣщанныя деньги,
если не всѣ, то сколько можно. Въ случаѣ же совершен-
ной невозможности почему-либо удовлетворить моей просьбѣ,
по крайней мѣрѣ немедленно извѣстите меня: я такъ и

1848 г. буду уже располагаться своими отрицательными доходами. Было время, когда я имѣлъ возможность другимъ помогать; теперь самъ нуждаюсь въ помощи другихъ. Но Богъ милостивъ! авось настанетъ время, когда опять возвратится ко мнѣ прежняя возможность быть чѣмъ-либо полезнымъ для другихъ... Время летитъ быстро: давно-ли, кажется, оставилъ я Муромъ? И вотъ уже почти половина пути совершена мною на поприщѣ академическаго образованія. При помощи Божіей и за доброе здоровье, не увидишь, какъ приблизишься къ желанному берегу.

Что до меня, то я, слава Богу, здоровъ и благодушествую. Спрашиваешь: не случилось-ли со мной въ святки чего новенькаго? т. е. не отрекся-ли я отъ міра и не вступилъ-ли въ монашество? Нѣтъ. Думаль-было, впрочемъ, въ настоящемъ мѣсяцѣ подать прошеніе: но, по совѣту ректора, отложилъ до будущей вакаціи, и потому не прежде, какъ въ сентябрѣ, могу я облечь себя въ санъ иноческій.

Съ братской къ вамъ любовію и усердіемъ остаюсь М. д. ак. студентъ, священникъ, І. Тихомировъ.

28 февраля получилъ я изъ Вятки письмо отъ отца Стефана (Матвѣева). Онъ писалъ:

„Надѣясь на доброту вашего сердца и благоразуміе, я опять прошу васъ исполнить порученіе, только другаго рода. Именно слѣдующее:

Я составилъ жизнеописаніе моего родителя, миссіонера архимандрита Иліи и намѣренъ издать въ свѣтъ, какъ сіе жизнеописаніе, такъ вмѣстѣ съ нимъ и сочиненія покойнаго моего родителя. Все уже съ моей стороны приготовлено.

Недоумѣніе вотъ въ чемъ: не знаю положительно, куда представить на разсмотрѣніе біографію и сочиненія моего родителя: въ Синодъ-ли, или въ Цензурный комитетъ при академіи духовной? Если въ Цензурный комитетъ, то достаточно-ли будетъ испросить на сіе представленіе благословенія епархіальнаго епископа, т. е. Вятскаго.

Все сіи вопросы можетъ удовлетворительно рѣшить цензоръ. Поэтому прошу васъ покорно принять на себя трудъ сходить къ Θεодору Александровичу или къ Петру Спиридоновичу и обстоятельно спросить ихъ о чемъ я выше написалъ. За симъ прошу васъ о всемъ этомъ увѣдомить“.

Исполнивши возложенное на меня порученіе, я посѣ-

шилъ отвѣтить почтенному о. Стефану; и вотъ что писалъ 1848 г.
 ему отъ 2-го марта: *Сколько ли сдѣлано отомысли отъ него*
 «Сейчасъ былъ я у о. Теод. Александровича по вашему
 порученію. Онъ выслушалъ мое объясненіе съ обычною ему
 благосклонностію, и поручилъ мнѣ передать вамъ слѣдую-
 щее. Сочиненіе ваше не слѣдуетъ представлять въ Синодъ,
 если нѣтъ въ немъ какихъ-нибудь особенныхъ повѣство-
 ваній, какъ, напримѣръ, о чудесныхъ знаменіяхъ благо-
 дати, о предсказаніяхъ и т. п., а можете представить
 прямо его въ Цензурный комитетъ, при прошеніи, въ ко-
 торомъ должны упомянуть, что вы приступаете къ этому
 дѣлу съ благословенія преосвященнаго; но еще было бы
 лучше, если бы преосвященный своеручно написалъ нѣ-
 сколько словъ на вашей рукописи. Въ случаѣ нужды, до-
 статочно для сего и одного соизволенія мѣстнаго архи-
 пастыря. Но о. Александровичъ совѣтуетъ вамъ (предо-
 ставляя, впрочемъ, это вашему собственному усмотрѣнію),
 прежде, нежели вы испросите благословеніе у мѣстнаго
 преосвященнаго, снестись письменно съ преосв. Пермскимъ,
 представивъ ему копію съ вашей рукописи не съ тѣмъ,
 чтобъ требовать его согласія, а только попросить его со-
 вѣта и наставленія, какъ архипастыря, подъ вѣдѣніемъ
 коего совершалъ свое служеніе и вашъ покойный родитель.
 Этимъ вы сдѣлаете ему честь, а между тѣмъ и для себя
 получите нѣкоторую выгоду. Выгода для васъ будетъ та,
 что въ случаѣ его одобренія и письменнаго увѣдомленія,
 котораго, можетъ быть, онъ удостоитъ васъ, цензурѣ не
 будетъ никакой надобности входить въ письменныя сно-
 шенія съ Пермскою консисторіею, безъ которыхъ она иначе
 не можетъ обойтись въ томъ случаѣ, если въ вашемъ со-
 чиненіи встрѣтитъ рассказъ о какомъ-нибудь важномъ по-
 двигѣ вашего родителя, напр., объ обращеніи большаго
 количества иновѣрцевъ. При семъ съ вашей стороны тре-
 буется только то, чтобы вы вмѣстѣ съ рукописью предста-
 вили въ Цензурный комитетъ подлинное письмо преосвя-
 щеннаго Аркадія. Цензоръ, снявши съ него копію, немед-
 ленно возвратитъ его вамъ. Эта копія не будетъ присоеди-
 нена къ вашему дѣлу, но будетъ служить для цензора
 опорюю въ случаѣ какихъ-нибудь постороннихъ недоумѣній
 и возраженій на ваше сочиненіе. Если же, по истеченіи

1848 г. двухъ или трехъ мѣсяцевъ, вы не получите отъ преосвященнаго никакого отвѣта: въ такомъ случаѣ вы можете ограничиться благословеніемъ мѣтнаго преосвященнаго и спокойно представить вашу рукопись на разсмотрѣніе Цензурнаго комитета.

Да вотъ что еще совѣтовалъ онъ вамъ сдѣлать: присылать рукопись не прямо въ комитетъ, а на мое имя, для того, чтобъ я могъ предварительно показать ему оную.

Замѣтно, онъ хочетъ принять дѣятельное участіе въ вашемъ предпріятіи. Отъ души порадовался онъ, когда услышалъ, что вы рѣшились увѣковѣчить имъ достойнаго вашего родителя. О вашемъ батюшкѣ онъ отзывался очень съ хорошей стороны, наслышавшись объ немъ отъ вашихъ земляковъ. Въ заключеніе бесѣды, добрый старецъ подробно разспросилъ меня о настоящемъ вашемъ положеніи, и поручилъ свидѣтельствовать вамъ почтеніе.

Изъ среды молодыхъ товарищей по академіи я болѣе всѣхъ сблизился съ Гр. Петр. Быстрицкимъ и сердечно полюбилъ его, какъ юношу умнаго, благоправнаго, кроткаго и благороднаго. Взаимно и онъ ко мнѣ искренно былъ расположенъ, — о чемъ онъ писалъ, между прочимъ, къ своему сверстнику по семинаріи и другу, студенту Кіевской академіи Н. И. Флоринскому. Вотъ что онъ писалъ ему отъ 30-го марта:

„Странное, смѣшанное впечатлѣніе произвело на меня твое сравненіе нашихъ успѣховъ съ вашими, по поводу сочиненій столько ученыхъ и обширныхъ въ нашей академіи. Какъ воспитаннику этой академіи, мнѣ пріятно это предпочтеніе, которое ты даешь: кому не лестно слышать похвалы о себѣ?— Но, съ другой стороны, я тоже скорбное ощущеніе испытываю въ отношеніи къ здѣшней академіи, какое ты по отношенію къ себѣ. Видимая сторона нашихъ занятій блестяща; какіе важные, высокіе предметы! сколько матеріала для разработки! Сколько поприща для размышленія, пособій и средствъ для положительныхъ познаній! Но уввы! сколько и труда, времени, однихъ механическихъ занятій. Грудь одностороненъ, потому что обращенъ на одинъ, единичный предметъ науки изъ множества; время, которое можно-бы посвятить приобрѣтенію разнообразныхъ свѣдѣній, мышленію о разнообразныхъ предметахъ, все

поглощается изученіемъ одного. У насъ все вниманіе сту- 1848 г.
дентовъ обращено на сочиненіе, и сочиненія имѣютъ самое
главное и едва-ли не единственное значеніе на конференціи.
Послѣ этого можешь судить о нашихъ занятіяхъ науками,
которые преподаются въ классѣ. Слушаютъ преподавателей
по преимуществу и почти единственно тѣхъ, которые осо-
бенно увлекаютъ лекціями. Чтеніе журналовъ (которыхъ
мы выписываемъ четыре; кромѣ того, мы младшіе студенты
выписали творенія Шекспира и романы Вальтеръ-Скотта) —
чтеніе журналовъ составляетъ занятіе у насъ довольно
важное — (объ этихъ вещахъ, пожалуйста, помолчи). Каса-
тельно сочиненій, такъ обширныхъ, студенты вообще недо-
вольны настоящимъ порядкомъ вещей, — конечно, отъ насъ
самыхъ зависитъ это, но вмѣстѣ и отъ свойства предло-
женій. Есть надежда на счастливую перемену. О ректорѣ
съ слѣдующаго года думаетъ совершить ее. Въ мое де-
журство по классу, случилось мнѣ услышать отъ него эту
пріятную рѣшимость. Онъ спрашиваетъ меня, веѣ-ли по-
дали сочиненіе; я отвѣчаю: нѣкоторые еще пишутъ первое
(данное еще въ самомъ началѣ года, а такой вопросъ о
ректора былъ на 3-й недѣль велик. поста), а большая часть
занимается вторымъ (даннымъ въ концѣ первой трети), не
многіе подали это послѣднее. Онъ говоритъ съ негодова-
ніемъ и прискорбіемъ: страшный безпорядокъ; гдѣ основа-
нія, данныя для надлежащей, справедливой оцѣнки трудовъ
и дарованій студентовъ? И въ слѣдующій годъ обѣщаль
совершить благодѣтельный переворотъ.

Такъ вотъ каковы наши дѣла! Мы на пути къ усOVER-
шенію и въ другихъ отношеніяхъ. Не давно пришло утвер-
жденіе на предложеніе нашей академіи — литографировать
лекціи. Не знаю, скоро-ли начнется это полезное дѣло, а
все-таки начнется; хорошо, если-бы въ настоящемъ же году.
Счастливы студенты СПб. академіи — не трудятся, а лекціи
готовы и при томъ въ возможно полномъ видѣ, — въ си-
стемахъ. У насъ этой полноты въ началѣ не можетъ быть;
но и то, что будетъ, хорошо, главное, избавимся отъ труда
писать.

Вотъ еще новость, пріятная для нашей академіи. Писали
изъ Петербурга объ утвержденіи другаго предложенія акаде-
міи — о прибавкѣ суммы на содержаніе студентовъ; будетъ

1848 г. прибавлено 100 р. на студента, на котораго ассигновалось 350 р. ассигн. И это, если сбудется, прекрасно: будемъ имѣть по другой шинели; такимъ образомъ въ семинарію приѣдешь не въ рубищѣ, а порядочнымъ молодымъ чело-вѣкомъ.

Ты говоришь о настоящемъ европейскомъ движеніи, и мнѣ позволъ не много поговорить о немъ, потому что это такой предметъ, который занимаетъ всякаго мыслящаго. Предъ нашими глазами совершается реформа, которой равной едва ли найдешь въ какомъ-либо другомъ вѣкѣ всемірной исторіи. Переворотъ въ необыкновенномъ размѣрѣ, и чрезвычайно быстрый; онъ охватилъ или грозитъ охватить весь западъ: вотъ какова сила идей; вотъ какъ способны убѣжденія перейти въ дѣло.

Ты мнѣ не сказывалъ, читаете ли вы журналы; а вотъ въ этомъ отношеніи, чтобы слѣдить за развитіемъ чело-вѣчества въ лицѣ образованной Европы, — за движеніемъ чело-вѣческой мысли, чтеніе ихъ очень полезно. Настоящій вѣкъ, какъ извѣстно, вѣкъ промышленности, и слѣдовательно любви къ матеріальному благосостоянію: но къ этому ин-тересу присоединился другой, — думаютъ разлить довольство по всѣмъ состояніямъ, такъ, чтобы, какъ выражаются „Оте-чественныя Записки“, не было ни просящихъ, ни дающихъ, однимъ словомъ, чтобы на землѣ водворилось блаженство. Это истинно-человѣческій, христіанскій интересъ. Благода-реніе Симонди — виновнику такого направленія политической экономіи, которая теперь взяла на себя изысканіе средствъ къ осуществленію этой идеи, или, лучше, утопій, потому что едвали возможно на землѣ блаженство и при томъ для каждаго чело-вѣка. Эта идея сама собою приводитъ къ дру-гой, — а можетъ быть изъ нея вытекла, — къ идеѣ о без-условномъ развитіи личности, потому что счастье и насла-жденіе естественно предполагаютъ удовлетвореніе всѣхъ лич-ныхъ влеченій, съ идеею о безусловномъ развитіи личности стоитъ рядомъ идея о личномъ правѣ, о внѣшней незави-симости лица. Такъ, во Франціи, гдѣ началось разрушеніе престоловъ, было двѣ партіи политическія — одна держалась духа общины, другая стояла за права личности. Послед-няя была сильнѣе, потому что образовалась исторически: къ ней принадлежало правительство, ученое сословіе, вой-

ско, и она превозмогла. Вотъ на мой взглядъ какъ произо- 1848 г.
шла реформа; отъ того, кажется, съ дѣйствія такъ быстры,
потому что идеи всеобщы.

О, безпокойный, мутущійся завадь! Бѣдные государи
отказываются отъ престоловъ; счастье, равенство и свобода,
во имя которыхъ громятъ старый порядокъ вещей (слова
эти, говорятъ, Итальянскія государства избрали своимъ де-
визомъ) искупаются рѣками крови, насиліями и грабежами
пролетаріевъ. Вотъ образованіе! Подлинно, другъ, мы
счастливы, что живемъ въ хранимой Богомъ Россіи; убѣ-
жденія наши противоположны западнымъ убѣжденіямъ.

— Въ заключеніе всего этого попрошу тебя не слишкомъ
скромничать и смиренничать.

Съ прискорбіемъ я услышала о вашихъ непріятныхъ
отношеніяхъ къ Ксенофону Васильичу (Послѣхову?)...

Мы, земляки, живемъ хорошо и преимущественно В. О.
(Взоровъ), О. М. (Остроумовъ) и я, но если здѣсь кто
особенно близокъ ко мнѣ, равно и я къ нему, то это—о.
Іоаннъ; мы живемъ съ нимъ въ самыхъ искреннихъ отно-
шеніяхъ. Точно, въ академіи болѣе самолюбія, чѣмъ иск-
ренности, дружелюбія, и тѣмъ пріятнѣе, отрадиѣе для сердца
имѣть кого-нибудь привязаннаго къ намъ, раздѣляющаго
нашу искренность. Жалко, что наша взаимная пріязнь не
такъ еще тѣсна, какой-бы желалось. Насъ раздѣляютъ
лѣта, званіе; мы живемъ отдѣльно и отдаленно другъ отъ
друга; случается иногда по цѣлымъ недѣлямъ, кромѣ влас-
совъ, не видѣться. Я вообще не люблю ходить въ чужія
жилица. Впрочемъ, мы съ нимъ сошлись характеромъ и
привязанностями сердечными.

8-го апрѣля поздравлялъ меня съ свѣтлымъ праздникомъ
Переславскій архимандритъ, о. Нифонтъ и прислалъ спи-
сокъ книги пророка Данила въ русскомъ переводѣ.

Въ апрѣлѣ послѣдовала у насъ переменна инспектора.
Центр. д. инспектора іеромонахъ Пларіонъ назначенъ былъ
ректоромъ Воронежской семинаріи. На его мѣсто опредѣ-
ленъ бакалавръ іеромонахъ Сергій (Лявидевскій), нанѣ
высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій и Коло-
менскій.

4-го мая писала мнѣ изъ Московской Голлицынской боль-
ницы мой новый другъ и товарищъ Г. П. Быстрицкій:

1848 г. „Давно, давно собирился и писать къ вамъ, — извѣстить васъ о моихъ бѣдныхъ обстоятельствевахъ: еще думалъ объ этомъ на св. недѣлѣ, но обычная моя неискренность въ подобномъ дѣлѣ, и еще болѣе невѣденіе о судьбѣ болѣзни, и надежда скоро выйти изъ скучной и тягостной больницы, — такія причины удерживали мой языкъ отъ письменной бесѣды. Да, я думалъ и надѣялся, что выйду на отрадную волю и приѣду въ академию въ началѣ муроносицкой недѣли; но, о, суетная надежда человѣческая! вотъ и муроносицкая прошла, вотъ идетъ недѣля расслабленнаго, а я слабый еще и не знаю, сколько проложу здѣсь, все меня упреждаютъ другіе, болѣе счастливые. Болѣзнь у меня — завалы въ животѣ, теперь ихъ лечатъ и говорятъ, что еще не скоро придетъ конецъ имъ; прежде я лечился и отъ сердцебіенія, которое нашли ненормальнымъ. Но это послѣднее теперь, кажется, въ нормальномъ положеніи. Такъ я и теперь не могу сказать ничего опредѣленнаго о томъ возжелѣнномъ днѣ, когда выйду отселѣ и приду къ вамъ. Завалы, кажется, въ одномъ состояніи. Спасибо еще нашему врачу ординатору; — человѣкъ внимательный и добрый; вотъ уже нѣсколько лекарствъ перемѣнилъ мнѣ. Теперь нѣтъ надежды вылечиться и выйти изъ больницы хотъ въ половинѣ мая. Дѣлать нечего; да будетъ воля Божія! Эта преданность Провидѣнію составляетъ мое утѣшеніе. Отрадна мысль, что я болю не безъ благой воли Божіей, — безъ которой, по слову Господа, и стоящая менѣе одного ассарія птица не погибаетъ. Помолитесь о мнѣ преподобному Сергію!

Счастливъ я, что взялъ съ собою проповѣди преосвященнѣйшаго Филарета; — сколько въ нихъ назиданія и духовнаго утѣшенія! Я прочиталъ весь этотъ томъ; прочиталъ и всю вашу Илиаду, — скучна, но не безъ достоинствъ. Кстати, я было и потерялъ, или лучше, ее было украли у меня здѣсь; но объ этомъ когда-нибудь на свободѣ.

Думаю, вы теперь трудитесь, и трудитесь много, конечно, и сочиненіе на плечахъ, и списываніе и ученіе лекцій. Трудитесь, трудитесь и соберите добрый плодъ. Молю Господа, да поможетъ вамъ, и всѣмъ моимъ товарищамъ. Мы свободны отъ такихъ трудовъ, и я привыкъ уже къ этой

мысли; что въ самомъ дѣлѣ и жизнь и благо ея безъ здо- 1848 г.
ровья!

Думаю, что есть ко мнѣ письмо и не изъ одного мѣста; хорошо, еслибы кто-нибудь изъ васъ—вы или другой кто изъ земляковъ получили ихъ. Можетъ быть, не прислапы-ли были даже и деньги: а если присланы, сохрани Богъ, чтобы не отправились назадъ—къ своему источнику. Это не въ порядкѣ вещей“.

Въ первой половинѣ июня, около 11 числа, посѣтилъ нашу академію, по пути къ мѣсту своего новаго служенія преосвящ. Гавріилъ, архіеп. Тверскій, бывшій Херсонскій. Его сопровождалъ высокопр. Митрополитъ, его сверстникъ по образованію въ Даврекой семинаріи. Посѣтили они и нашу монашескую келью ¹⁾.

Около того-же времени, мимоѣздомъ въ Воронежъ и обратно, былъ въ лаврѣ преосвящ. Евгеній, архіеп. Ярославскій ²⁾.

19-го июня писалъ мнѣ изъ Муромъ смотритель училища Красовскій:

„Обыде насъ послѣдняя ужасная бездна смерти и нѣсть избавляяй, развѣ единого Бога. Всѣ живущіе въ Муромѣ вмѣнихомся, яко овцы заколенія отъ холеры.“

Со 2-го числа сего мѣсяца холера, какъ коршунъ, летаетъ по Мурому, и какъ бы на выборъ, выклевываетъ, большею частію неосторожныхъ. Причина ея, говорятъ, въ воздухѣ, дѣйствуетъ же она преимущественно надъ подвергшимися простудѣ. А какъ дѣйствуетъ? Весьма ужасно и весьма скоротечно. Сначала человекъ чувствуетъ какое-то чувство томленія, боль въ головѣ, а потомъ ознобъ; далѣе происходитъ или сильнѣйшій поносъ, или мучительнѣйшая рвота, большею же частію то и другое вмѣстѣ и наконецъ ужаснѣйшія корчи, за коими мгновенно слѣдуетъ смерть, и все это совершается не болѣе, какъ въ 4 или 3 часа, а иногда и меньше.

¹⁾ См. Письма митроп. Филарета къ князю С. Мих. Голицыну отъ 11-го июня 1848 г. № 70, и отъ 13 ч. того-же мѣсяца, № 84, а также отъ 5-го июля, № 85. (При Правосл. Обзор. за 1883 г.).

²⁾ Существуетъ цѣлая біографія преосв. Ярославскаго Евгенія, составленная протоіереемъ І. А. Благотышевскимъ, послѣ кончины этого архимандрита (сконч. въ 1871 году).

1848 г. Врачи, особенно Матвій Васильевичъ, не усаживаютъ въ иные дни не только помогать больнымъ, даже писать рецепты, а аптекарь отпускать лекарства. Страшно.

Ученики всѣ 12-го числа распущены по домамъ, и теперь у насъ вакація; только для священниковъ самая настала безпокойная жизнь.

Еще новостей нѣтъ; однако и эта одна за тысячу отвѣтитъ. Говорятъ, да я и въ газетахъ читалъ, что въ Москвѣ сильно дѣйствуетъ холера, и по всѣмъ уѣздамъ, не забывая даже вашего Богоспасаемаго посада.

Нѣтъ ли у васъ, особенно по академіи, какихъ-либо новостей и нѣтъ ли чего такого, что, можетъ быть, касается и нашего училища? Не слышно-ли чего-нибудь о нашихъ окладахъ?

Пожалуйста извѣстятъ, какое вы примете имя въ новомъ ангельскомъ чинѣ? Вѣдь вы сами писали, что въ нынѣшнюю вакацію содѣлаетесь монахомъ. Это мнѣ нужно знать для адреса, безъ котораго, пожалуй, можетъ прерваться наше дружественное сношеніе“.

Въ продолженіи всего іюня мѣсяца происходили у насъ частные экзамены. Между устными испытаніями, занимались мы и письменными сочиненіями на данныя темы. Такъ, 5-го іюня дана была намъ для сочиненія латинская тема: *Quaenam superioris cognoscendi facultatis est destinatio?* 16-го числа: „Можно-ли производить зло нравственное изъ одной ограниченности твари?“ 17-го числа: „Какую пользу для литературнаго образованія можетъ доставить изученіе древней греческой и римской литературы?“

По окончаніи частныхъ экзаменовъ, 23-го іюня, въ день празднованія Владимірской иконѣ Божіей Матери, помолвившись усердно Богу, я подалъ въ руки о. ректора, архимандрита Алексія, на имя высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго прошеніе слѣдующаго содержанія:

„По причинѣ вдовства моего, имѣя намѣреніе посвятить себя монашеской жизни, я рѣшился нынѣ привести оное въ исполненіе. Посему нижайше прошу Ваше Высокопреосвященство исходатайствовать мнѣ на сіе разрѣшеніе“.

Такимъ образомъ, я сдѣлалъ новый, весьма рѣшительный шагъ въ своей жизни.

Юный другъ мой Г. П. Быстрицкій въ письмѣ своемъ 1848 г. отъ 24-го іюня къ своему Кіевскому другу Флоринскому такъ характеризовалъ митрополита Филарета, бывшего у насъ на частныхъ экзаменахъ въ качествѣ ревизора:

„Митрополитъ былъ у насъ на частныхъ экзаменахъ какъ ревизоръ и ждемъ его пріѣзда на публичное испытаніе. Впрочемъ, этотъ ревизоръ не такъ часто посѣщаетъ и не такъ строгъ, какъ обыкновенные ревизоры. Ревизія его обыкновенно и по преимуществу касается оканчивающихъ академическій курсъ, но нынѣ онъ былъ и у насъ, даже въ продолженіи двухъ дней, на обоихъ философскихъ экзаменахъ, — чему примѣровъ не помнятъ. Что заставило его послушать нашей философіи? Думаютъ, состояніе философіи современной, — опасеніе, чтобы въ нашемъ мѣстѣ западныя идеи не нашли своихъ проповѣдниковъ и защитниковъ. Это опасеніе высказалось въ немъ во время экзамена. Онъ критически смотрѣлъ на наши лекціи и разсматривалъ ихъ по отношенію къ современной наукѣ. „Философія, по его понятію, не должна гоняться за современностью, иначе она сдѣлается ложною и пустою. Философія на западѣ сдѣлалась пустою; отъ того философскія кафедры остались безъ слушателей, которые ушли или воовать, или обратились къ наукамъ политико-экономическимъ“. Ему не понравилось понятіе о темпераментѣ, который у насъ выводится изъ природныхъ свойствъ духа и устройства тѣлеснаго и есть взаимное отношеніе и степень воспріимлемости и самодѣятельности. На его взглядъ, темпераментъ состоитъ въ такомъ или иномъ устройствѣ тѣлеснаго организма и вліяніи этого устройства на психическую жизнь. Вообще Психологія наша особенно подвергалась его нападеніямъ. Замѣчанія очень дѣльные, его сужденіе такъ основательно, что невольно заставляетъ согласиться съ собою. Даже нашъ глава философовъ, какъ называлъ владыка Феодора Александровича Голубинскаго, не могъ противостоять его критикѣ. Онъ часто вставалъ, но скоро и садился; возраженія и положенія противника заставляли молчать.

Примѣтно, хорошо знакомъ митрополитъ и съ исторіею философіи, потому что дѣлалъ отвѣты и замѣтки, которые показываютъ, что онъ читалъ, занимался ею. Забавна выходка его на счетъ Лейбница. Когда студентъ раскрывалъ

1848 г. содержаніе его монадологій, — онъ дѣлаетъ вопросъ Θεодору Александровичу: „что, вы читали эту книгу? Я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ, что этого сочиненія въ подлинникѣ не читалъ. Не передаете ли вы его по пересказанному? — Быть не можетъ, что-бы этотъ философъ, такой умный, написалъ такую сказку? Его предустановленная вѣчная гармонія дѣлаетъ изъ міра машину, которая двигается и дѣйствуетъ по пружинѣ однажды заведенной“. Вообще, интересно послушать бесѣду митрополита, такъ знаменитаго своимъ глубокомысліемъ. На частныхъ экзаменахъ онъ болѣе позволяетъ себѣ говорить, нежели на публичномъ“.

Расположившись провести вакацію въ академіи, я писалъ отъ 13-го іюля въ Иваново къ роднымъ:

„Кажется, въ послѣдній уже разъ пишу я вамъ въ настоящемъ моемъ званіи и состояніи. Послѣ довольнаго приготовления и размышленія, я приступилъ, наконецъ, къ окончательному рѣшенію моей судьбы.“

23-го минувшаго іюня, въ день Владимірскія Божія Матери, отслуживши раннюю обѣдню и молебень, я подалъ прошеніе, по принятой въ академіи формѣ, на имя преосвящ. Митрополита, о постриженіи въ монашество, въ руки о ректора, испросивъ предварительно отъ него на сіе соизволеніе. 30-го числа прошеніе мое представлено было владыкѣ, а отъ него, вѣроятно, уже поступило въ Св. Синодъ. Чрезъ мѣсяць, и не болѣе, какъ чрезъ полтора, надобно ждать оттуда разрѣшенія. Такимъ образомъ, въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, если только это будетъ угодно Господу, вы услышите мое новое имя, — но какое? Богъ знаетъ. Я самъ еще затрудняюсь въ выборѣ для себя новаго имени, и кажется, предоставляю это на волю того, кто будетъ облекать меня въ санъ иноческій. Но дѣло, впрочемъ, не столько въ имени, сколько въ томъ, какъ начать новую жизнь: не имя спасаетъ, а добрыя дѣла.

Помолитесь о мнѣ, да подкрѣпитъ Господь мои слабыя силы своею всецѣльною благодатію, для безукоризненнаго прохожденія предстоящаго мнѣ поприща.

Располагался было я нынѣшнею вакаціею совершить путешествіе въ Москву и въ Новый Іерусалимъ; но частію по недостатку средствъ, частію по причинѣ свирѣпствующей болѣзни, кажется, нужно будетъ отложить исполненіе

этого намѣренія до другаго, болѣе благоприятнаго, времени. 1848 г. Можеть быть, не съѣзжу-ли на короткое время въ Пере-славль, куда усердно приглашаль меня знакомый мнѣ о. архимандритъ Нифонтъ. Но если уже буду я въ Пере-славль, то постараюсь непременно быть въ Ростовѣ, куда влечеть меня особенное какое-то желаніе. А если такъ, скажете вы, то отсюда уже недалеко и до Иванова. Правда, очень-бы радъ посѣтить васъ: но для этого нужно и время и средства; при томъ же, прошлогоднее пребываніе мое у васъ еще такъ живо сохраняется въ моемъ сердцѣ, что почти было-бы излишне такъ скоро повторять прежнее пріятное впечатлѣніе. Я увѣренъ, да и вы, конечно, согласитесь, что свиданіе чѣмъ рѣже, тѣмъ пріятнѣе. Если Господь сохра-нить мою и вашу жизнь до окончанія академическаго курса, тогда пріятнымъ долгомъ почту посѣтить какъ васъ, такъ и всѣхъ родныхъ. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы кто-нибудь изъ васъ посѣтилъ меня, пока я нахожусь въ лаврѣ. Изъ зна-комыхъ и товарищей многіе уже посѣщали меня, а изъ родныхъ, къ сожалѣнію, никто.

Обращаюсь къ вамъ, Федоръ Семеновичъ.

Извините, любезный, что такъ долго замедлилъ я отвѣ-томъ на ваше письмо, наполненное непріятными новостями. Письмо ваше получено мною въ такое время, когда у насъ были повторенія для экзаменовъ; а это въ академіи въ нѣ-которомъ отношеніи тоже, что у васъ хожденіе по приходу въ св. Пасху или въ Р. Христова. Да и теперь, когда уже прошло у насъ около двухъ недѣль вакаціи, къ вамъ первымъ начинаю писать, тогда какъ слѣдовало-бы, по крайней мѣрѣ, писемъ пять разослать въ разныя стороны. Изъ академіи, кромѣ церкви, нигде почти не выхожу, а между тѣмъ не вижу, какъ идетъ время. Причиной этого конечно, то, что я не оставляю вовсе своихъ обычныхъ занятій: только праздность не знаетъ, куда дѣвать время...

Слышно, что и въ вашихъ предѣлахъ дѣйствуетъ губи-тельная язва: вамъ, конечно, болѣе или менѣе извѣстны какъ причины, такъ и предохранительныя средства противъ свирѣпствующей болѣзни. Совѣтую вамъ сколько удалить отъ себя первыхъ, столько-же не пренебрегать и послед-ними. Береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ. Сколько я знаю несчастныхъ опытовъ, гдѣ собственная неосторожность

1848 г. была, если не главною причиною, по крайней мѣрѣ ближайшимъ поводомъ къ обнаруженію зловредныхъ дѣйствій холеры. Есть холера и въ нашемъ мѣстѣ, но не слишкомъ сильна. Впрочемъ, что касается до насъ собственно, то у насъ въ академіи, — благодареніе Господу! — нѣтъ пока ни одного умершаго. Въ частности, мое здоровье, слава Богу! — хорошо. Въ продолженіи вакаціи надѣюсь еще болѣе поправиться, при спокойной и свободной отъ большихъ трудовъ жизни“...

Нѣсколько товарищей покинули насъ въ это время, а именно: Святославскій, Акимовъ и Омировъ.

Святославскій Алексѣй Никитичъ — это первый студентъ нашего XVII курса. Талантливый, благороднѣйшій и благовоспитанный, полный жизни и красавецъ собою — юноша. Отправившись на каникулы въ Москву, въ домъ родителя — священника, онъ внезапно похищенъ былъ изъ среды живыхъ свирѣпствовавшею въ Москвѣ холерою. Вѣсть о смерти этого прекраснаго юноши, составлявшаго истинное украшеніе нашего курса, поразила всѣхъ насъ въ академіи: ни паставники, ни студенты не могли безъ слезъ слышать о кончинѣ Святославскаго.

Акимовъ Ив. Борисычъ, воступившій въ Московскую академію изъ учителей Ставропольскаго (на Кавказѣ) училища. По прошествіи двухъ лѣтъ, онъ вздумалъ перейти изъ Московской академіи въ Казанскую, но по какой причинѣ, — мнѣ въ точности неизвѣстно.

Омировъ Фед. Вас. — одинъ изъ лучшихъ студентовъ нашего курса, вступившій въ академію изъ Виѣанской семинаріи: юноша солидный, съ философскимъ настроеніемъ ума, но не удержавшійся на прямомъ пути при своемъ философствованіи. Занимаясь, по поводу данной темы, разсмотрѣніемъ философіи Гегеля, онъ до того увлекся этою лжеименною философію, что въ своемъ сочиненіи, вмѣсто опроверженія Гегеля, вздумалъ защищать его. Профессоръ Ф. А. Голубинскій, читавшій диссертацию Омирова, до глубины души былъ огорченъ заблужденіями юноши, тѣмъ болѣе, что онъ занимался преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ его сыну. Академическая конференція, призванная Омирова, убѣждала его отречься отъ усвоенныхъ имъ ложныхъ идей Гегелевой философіи: но онъ упорно отстаивалъ

валъ свои заблужденія. Дѣло кончилось тѣмъ, что Омировъ 1848 г. оставилъ академію и поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету съ званіемъ кандидата ¹⁾. Въ послѣдствіи я встрѣтилъ его на службѣ въ Москвѣ по табачно-акцизному управленію (хорошъ гегельянецъ!). За тѣмъ онъ состоялъ управляющимъ Подольской казенной палаты въ чинѣ статскаго совѣтника (*Адресъ-календарь* на 1877 г. ч. 2, стр. 181).

10-го августа писалъ мнѣ изъ Москвы товарищъ мой Николай Димитріевичъ Рождественскій:

„Обращаюсь къ вамъ съ просьбою въ полной надеждѣ на ваше живое участіе. 5-го августа я лишился своего батюшки, и объ этомъ нужно извѣстить Платона Ивановича ²⁾, но прямо къ нему писать я боюсь, чтобы письмо печальное не попало въ руки сестрицъ или тетинькѣ. Поэтому и прошу васъ пройти къ Платону Ивановичу и отдать ему непосредственно въ руки письмо, при семъ прилагаемое. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ поминать въ молитвахъ предъ престоломъ Божіимъ новопреставленнаго іерея Димитрія.

Еще прошу васъ написать ко мнѣ письмо и извѣстить объ академическихъ происшествіяхъ. Не похитила-ли холера еще кого-нибудь изъ товарищей нашихъ кромѣ....? Въ Москвѣ холера теперь хотя и есть, но объ ней не слышно. Послѣ св. недѣли преставились ко Господу здѣсь 16 священниковъ приходскихъ.

На мѣсто батюшки переведень родной его братъ, священникъ изъ Коломны, у котораго и будетъ пока жить наше семейство.

Въ Петербургѣ умеръ Императорскій духовникъ протопресвитеръ Музовскій.

За симъ, желая вамъ всѣхъ благъ отъ Господа, съ всегдашнимъ почтеніемъ и любовію къ вамъ, пребываю студентъ Николай Рождественскій, въ ожиданіи вашего письма по слѣдующей почтѣ“.

Н. Д. Рождественскій — сынъ Московскаго священника и двоюродный внукъ митрополита Филарета; его мать, Анна

¹⁾ Объ Омировѣ см. въ журн. *Дальская помощь*, М. 1885 г. статья прот. Г. П. Смирнова-Платонова: „Несомнѣнны убійственны“, стр. 35.

²⁾ Капустина, бакалавръ математики.

1848 г. Продионовна, была родная племянница и крестная дочь Московскаго владыки. Рождественскій — юноша добрый, кроткій и благочестивый. Въ академію вступилъ онъ съ твердою мыслию о постриженіи въ монашество, которое и принялъ къ концу курса въ 1850 г. съ именемъ Игнатія. Съ первыхъ шаговъ академической жизни мы сблизились и подружился съ нимъ, и эти добрыя, дружескія отношенія ко мнѣ не прекращались онъ и послѣ, когда возсѣдалъ на Костромской святительской кафедрѣ. Скончался въ 1883 году на этой кафедрѣ.

Въ составъ новаго XVIII академическаго курса изъ Владимірской семинаріи присланы были четыре воспитанника: Николай Субботинъ, Василій Соловьевъ, Владиміръ Цвѣтковъ и Павелъ Калліопинъ. Субботинъ и Цвѣтковъ, какъ уроженцы г. Шуи, мнѣ съ дѣтства были извѣстны; прочихъ я въ первый разъ увидѣлъ.

О Калліопинѣ писалъ мнѣ мой досточтимый наставникъ семинаріи, соборный іеромонахъ о. Діонисій:

„Честнѣйшій отецъ Иванъ Михайловичъ!

Возлюбленный о Христѣ братъ,

Священствуйте и спасайтесь о Господѣ!

Съ благодарностію возвращаю вамъ интересную вашу рукопись съ печатнымъ трактатомъ и прошу извинить меня за долгое продержаніе. Кромѣ общаго способа для пересылки представлялись и особенные частные случаи, но за тѣмъ, да за другимъ, а болѣе (нечего грѣха таить) по обычной безпечности моеи, тетрадка ваша и книжка все лежали да лежали у меня въ долгомъ ящикѣ. Теперь же, при отправленіи въ академію Владимірскихъ студіозусовъ, не переслать вамъ съ ними вашего значило-бы въ конецъ постыдиться мнѣ предъ вами.

Земляковъ своихъ примите въ братское расположеніе и общеніе ваше. Особенно прошу за Павла Никитича Калліопина; онъ такой застѣчивый и скромный, точно цѣлушка, а не молодецъ.

Поруководствуйте его и въ началѣ и послѣ не оставляйте своими совѣтами, а при нуждѣ и возбужденіями.

Одному изъ назначенныхъ нынѣ въ Московскую академію, лучшему воспитанику о. ректора нашего, г-ну Альбиному, жестоко помѣшала холера, поразивъ недавно его

отца и оставивъ безъ главы и подпору большое семейство. 1848 г.
 Много зла, конечно временнаго, много слезъ и рыданій
 произвела во всемъ любезномъ отечествѣ нашемъ эта страш-
 ная древняя восточная губительная язва. Не миновало пы-
 нѣннѣе ея губительство и Богоспасаемаго, хранимаго подъ
 особеннымъ покровомъ и защитой Богоматери, родного вамъ
 города Владиміра. По свѣдѣніямъ полиціи съ 15-го іюня
 по 1-е августа умерло въ городѣ нашемъ 160 человекъ.
 Сравнительно съ другими мѣстами это еще милость Божія.
 Въ Муромѣ къ концу іюля болѣзнь совсѣмъ было прекра-
 тилась: но съ начала поста въ продолженіе одной недѣли,
 сказываютъ, опять заболѣло около 160 человекъ; и поло-
 вина изъ заболѣвшихъ сдѣлалась жертвою хозеры. Дай
 Богъ, чтобы это было только преувеличеннымъ слухомъ.
 Мы всѣ, обитающіе въ обители Рождества пресвятыи Бого-
 родицы, — въ древней великой архимандритіи, а нынѣш-
 немъ архіерейскомъ домѣ, — благодареніе Господу, — живемъ
 цѣлы и невредимы отъ тлетворнаго вліянія эпидеміи. Ждемъ
 великой милости Божіей — прекращенія болѣзни въ епархіи,
 чтобы собрать потомъ семинаровъ для произведенія имъ
 прерваннаго въ іюнѣ испытанія и для начатія дальнѣйшаго
 ученія.

Вамъ, отецъ Іоаннъ, послѣ каникулярнаго отдыха же-
 лаю успѣшно продолжить и окончить въ свое время вели-
 кій академическій подвигъ, — желаю вамъ такъ-же удачно
 приготовить курсовое разсужденіе^а.

Но скромный и смиренный Калліонинъ, о которомъ съ
 такою отеческою заботливостію писалъ мнѣ о. Діонисій,
 почему-то не остался въ академіи; вѣроятно, убоился бездны
 премудрости, вепять возвратился.

14-го августа получилъ я письмо отъ окончившаго курсъ
 академіи земляка, С. Г. Вишнякова. Онъ писалъ мнѣ съ
 дороги, изъ города Александрона!

„Вѣрна пословица: homo proproit, Deus disponit! Я думалъ
 съ родины — изъ Васильевского писать вамъ; но вотъ Богъ
 привелъ писать съ дороги! На сей, на дорожкѣ, въ Але-
 ксандровѣ я сдѣлался порядочно нездоровъ частію отъ того,
 что утомился въ день отъѣзда и не спалъ ночь, частію не-
 много простудился, частію отъ того, что позволилъ себѣ
 кушать и соленую рыбу и огурчики и тому подобную зе-

1848 г. лень вдоволь; а потому у меня ночью порядочно журчало въ животѣ, такъ что я думалъ, что схватилъ холеру, но, слава Богу, теперь все прошло;—и я теперь только очень слабъ, изнуренъ; но не чувствую большаго нездоровья. При первомъ знакѣ здоровья я ѣду на родину, гдѣ меня ждутъ не только съ нетерпѣніемъ, но и со слезами.

Въ заключеніе, честь имѣю рекомендовать вамъ новыхъ земляковъ—Николая Ивановича Субботина въ особенности; прошу ихъ руководить во всемъ, что нужно, и что почтете сами нужнымъ. Увѣренъ, впрочемъ, что все это вы сделаете и по своей добротѣ.

Не учинено-ли назначеніе на службу нашей братин; ежели такъ, то прошу васъ извѣстить меня по слѣдующей-же почтѣ прямо въ Васильевское.

Надѣюсь, что не забудете преданнаго вамъ“...

14-го же августа писалъ мнѣ изъ Муромашуринъ С. В. Царевскій:

„Номо праеронит
Deus disponit“.

Какъ хорошо текли было мои дѣла въ іюнѣ мѣсяцѣ! По вашему совѣту ходилъ я къ о. инспектору,—и спросилъ его содѣйствія касательно вступленія моего къ вамъ въ академію; согласилась и маменька доставить все необходимое для вступленія въ академію—словомъ, все было готово для устройства моего блага; Богу угодно было посѣтить нашу губернію холерою,—и всѣ мои планы разрушились.

Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что мы не окончили курсъ до вакаціи, какъ было прежде, но отпраздновали дома и безъ частныхъ экзаменовъ, еще 19 іюня, тотъ самый день, когда-бы нужно было сочинять экзаменскія задачи; на сколько времени?—этого не опредѣлили, а велѣно было дожидаться прекращенія холеры и требованія со стороны своего начальства. И до сихъ поръ еще этого требованія нѣтъ,—доселѣ мы проживаемъ дома безъ всякихъ дѣлъ, не будучи въ состояніи опредѣлить себя къ разряду какихъ-либо порядочныхъ, нужныхъ Богу и ближнимъ людей.

Вотъ что преградило и мнѣ путь въ академію, при всѣхъ моихъ стараніяхъ поступить въ оную. Но знаю, можно-ли будетъ послѣ вступить въ нее? Это должно быть извѣст-

ибо вамъ— скажите пожалуйста, когда это будетъ возможно 1848 г. сдѣлать и при какихъ условіяхъ.

Р. С. Недавно былъ у насъ Преосвященный и самъ служилъ благодарственный молебенъ Богу за избавленіе отъ холеры“.

Получивъ 18-го числа это письмо, я немедленно написалъ въ Муромъ къ матери Царевского:

„Цѣлый годъ хранилъ я глубокое молчаніе и не писалъ въ отвѣтъ вамъ ни слова потому, что, безъ крайней нужды, не хотѣлъ разрушать вашего мрачнаго понятія, которое вы составили обо мнѣ. Но теперь, при настоящихъ семейныхъ обстоятельствахъ вашихъ, когда вамъ предстоитъ новая забота объ устроеніи участи брата Сережи (извините, пишу по родному), я рѣшился нарушить гробовое молчаніе, на которое вы такъ рано осудили меня, и сказать вамъ, что я еще живъ и надѣюсь, сколько то угодно будетъ Господу, впродѣ существовать для васъ и для вашего сиротствующаго семейства, почитая священною обязанностию помогать вамъ, если не всегда дѣломъ, но крайней мѣрѣ словомъ и совѣтомъ. Впрочемъ, прежде нежели я объясню вамъ сущность настоящаго моего письма, прошу васъ забыть все, чѣмъ я когда-либо оскорблялъ васъ словомъ или дѣломъ; прошу объ этомъ потому собственно, что, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ скоро придется мнѣ умереть для васъ и для цѣлаго міра, если не физически, такъ духовно. Не буду объяснять вамъ подробно, что это значитъ, опасаясь возбудить въ васъ непріятное и скорбное чувство: это понятно, впрочемъ, само собою...“

Обратимся теперь къ настоящему дѣлу. Сергѣй Васильичъ, конечно, не безъ вашего позволенія, пишетъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ я указалъ ему способъ вступить въ академію. Признаюсь вамъ, для меня очень непонятна такая медлительность, или, лучше сказать, безпечность въ устроеніи собственнаго благополучія. Если у него было рѣшительное намѣреніе поступить въ академію, и если вы изъявили на это свое согласіе: то почему же онъ не позаботился написать ко мнѣ немедленно по полученіи моего послѣдняго письма къ нему? Если бы онъ написалъ ко мнѣ недѣлей ранѣе, то непременно былъ бы въ академіи, тѣмъ болѣе, что волонтеровъ нынѣе пріѣхало не слыш-

1848 г. комъ много, и экзаменъ дають самый снисходительный: но теперь дѣло уже опоздано. Я ходатайствовалъ прехъ о. ректоромъ: но онъ, при всей своей добротѣ и благо-склонности ко мнѣ, не могъ удовлетворить моей просьбѣ именно потому, что уже слишкомъ поздно. Онъ посоветовалъ отложить это дѣло до другаго времени: но когда я объяснилъ ему ваши семейныя обстоятельства, онъ былъ столько добръ, что позволилъ мнѣ вызвать Сергѣя Васильича сюда и держать у себя мѣсяць или два съ тѣмъ, чтобы онъ, пользуясь академическимъ столомъ, тѣмъ удобнѣе могъ заняться приготовленіемъ себя къ поступленію въ академію. Но я предложилъ ему другой способъ, и онъ одобрилъ его, — именно то, чтобы Сергѣй Васильичъ остался еще на годъ; а въ случаѣ нужды, и на два въ семинаріи съ тѣмъ, чтобы оттуда на казенный счетъ поступить въ академію.

— Что вы скажете на это? А я никакъ не советовалъ бы Сережѣ, при его счастливыхъ способностяхъ, при его юномъ еще возрастѣ, а особенно при пынѣшнихъ епархіальныхъ обстоятельствахъ, оставлять мысль объ академіи. Не правда-ли, любезный Сергѣй Васильичъ (обращаюсь къ вамъ въ томъ предположеніи, что это письмо прежде всѣхъ попадетъ въ ваши руки)? Если же такъ, если, т. е., у васъ есть охота учиться, и вы согласны еще остаться на годъ или на два въ семинаріи, то напишите ко мнѣ немедленно, и я буду ходатайствовать объ этомъ предъ вашимъ семинарскимъ начальствомъ. Впрочемъ, ваша добрая воля; мой только долгъ — желать вамъ всякаго добра.

Остаюсь съ истинною къ вамъ любовію и благожеланіемъ“...

24-го августа писалъ мнѣ изъ Мурома шурина С. В. Царевскій:

„Жалѣю, очень жалѣю, что опустилъ удобный случай къ вступленію въ академію. Признаюсь вамъ, я вовсе не предполагалъ, что, не окончивши курсъ семинаріи, можно вступить въ академію, и потому не скоро отвѣтилъ на ваше послѣднее къ намъ письмо. Когда же изъ восточнаго письма вашего я узналъ, что очень легко можно было вступить въ академію, особенно въ пынѣшній разъ, и что устройство моего благополучія зависѣло отъ одного только

письма съ моей стороны къ вамъ: то сдѣлалъ бы все, что только для меня возможно для того, чтобы исправить свою глупость, но прошедшаго не возвратить. 1848 г.

Сердечно благодаримъ васъ за то, что, не смотря на мою къ вамъ неблагодарность, вы все еще принимаете участіе въ моемъ положеніи, и гдѣ я падаю, вы поднимаете и указываете путь впередъ. Пріятно было бы для насъ, если бы вы, попросивъ наше семинарское начальство о томъ, чтобы мнѣ еще остаться въ семинаріи, попросили и о томъ, нельзя-ли оставить меня опять на казенномъ коштѣ. Безъ сего мамонька не соглашается на оставленіе меня въ семинаріи. Да и можно-ли согласиться? Вамъ извѣстны наши семейныя обстоятельства; мамонька не только не въ состояніи содержать меня еще въ семинаріи, даже сама нуждается въ моемъ пособіи. Конечно, вышедъ изъ академіи, я гораздо болѣе могъ бы оказать имъ пособіи, нежели теперь сколько; но этого еще ждать долго, а между тѣмъ дѣвѣги и теперь все нужны на содержаніе семейства. Если бы не было сестеръ у насъ, не такъ трудно было-бы уговорить ихъ, и онѣ, безъ сомнѣнія, согласились бы на ваше предложеніе и на мое желаніе, но вы знаете, чего стоитъ содержать, а пристроить тѣмъ болѣе женскій полъ. Итакъ, просьба къ вамъ съ нашей стороны состоитъ въ томъ, чтобы вы походатайствовали не только о томъ, чтобы оставить меня въ семинаріи, но и на казенномъ коштѣ. Не знаю, возможно-ли это, а хорошо было бы для насъ, и я, съ своей стороны, всѣми своими силами постарался бы заслужить казенное содержаніе.

Ожидающій отъ васъ благъ, братъ вашъ Сергій Царевскій⁶.

28-го августа писалъ я отцу ректору Владимірской семинаріи, архимандриту Евонію:

„Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою и тѣмъ съ болѣею надеждою на ваше благо-склонное вниманіе, что вы сами положили какъ бы основаніе тому дѣлу, о которомъ намѣренъ просить, и котораго совершеніе зависитъ теперь единственно отъ вашей воли. Сущность дѣла въ слѣдующемъ. Братъ мой, оканчивающій курсъ подъ вашимъ покровительствомъ въ семинаріи, Сергій Царевскій, пробужденный нѣкогда вашимъ заботли-

1848 г. вымъ вниманіемъ отъ умственной дремоты, еще заранѣе высказалъ мнѣ желаніе поступить нынѣ въ нашу академію: но такъ какъ онъ не получилъ еще, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, никакого опредѣленнаго значенія отъ семинарскаго правленія, то и не зналъ какъ ему приступить къ этому дѣлу. Опустивши поэтому надлежащій срокъ, онъ вздумалъ, наконецъ, просить меня принять въ немъ участіе тогда, какъ у насъ начался уже пріемный экзамень. Какъ ни поздно, однакожь я, зная его способности и вида усердіе къ продолженію наукъ, рѣшился обратиться съ просьбою къ академическому начальству. Разумѣется, о. ректоръ отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ, не отрекаясь, впрочемъ, исполнить ее въ томъ случаѣ, если-бы братъ мой въ это время явился самъ въ академію. Но что не удалось теперь, можно исправить въ другое время: о. ректоръ посоветовалъ отложить это дѣло до другаго курса, но когда я объяснилъ ему семейныя обстоятельства моей тещи, и когда предложилъ ему другой способъ для вступленія моему брату въ академію, именно-остаться еще на годъ или на два въ семинаріи: о. ректоръ одобрилъ это предложеніе, замѣтивъ только, согласно-ли будетъ семинарское начальство оставить Царевскаго въ семинаріи на казенномъ содержаніи. Слѣдовательно, теперь благополучіе моего брата и спокойствіе его матери главнымъ образомъ зависятъ отъ воли вашего высокопреподобія.

Не отриньте же, высокопреподобнѣйшій о. ректоръ, моей усерднѣйшей просьбы въ разсужденіи дальнѣйшей судьбы моего брата—Царевскаго!

Писалъ я предварительно объ этомъ въ Муромъ, и получилъ согласіе какъ отъ матери Царевскаго, такъ и отъ него самого. Но первая, соглашаясь оставить сына еще на курсъ въ семинаріи, рѣшительно отказывается отъ содержанія его на свой счетъ; послѣдній охотно соглашается остаться и обѣщается всѣми силами заслужить казенное содержаніе^а.

Благополучно совершивши, съ Божіею помощію, половину учебнаго академическаго поприща, я вступилъ съ сентября 1848 года во вторую половину, которая, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, представляла для меня менѣе трудностей сравнительно съ первою. Предметы старшаго, бого-

словекаго курса, были болѣе для меня сродны по самому 1848 г. моему сану и болѣе доступны для пониманія.

Вотъ эти предметы:

1) Священное Писаніе—преподаватель, упомянутый выше бакалавръ іеромонахъ Θεодоръ (Бухаревъ).

2) Догматическое Богословіе—преподаватель, ректоръ, архимандритъ Алексій (+1877).

3) Нравственное и пастырское Богословіе—преподаватель, инспекторъ, архимандритъ Сергій (Ляпидевскій).

4) Патрологія—преподаватель, іеромон. Леонидъ(+1876).

5) Библейская исторія—преподаватель, бакалавръ Ив. Ив. Побѣдинскій-Платоновъ (+1871).

6) Исторія христіанской церкви—преподаватель профессоръ А. В. Горскій (+1875).

7) Церковная словесность	} Преподават., экстра- ординарный профес- соръ, свящ. Ив. Никол. Аничковъ - Платоновъ (+1864).
8) Церковное (каноническое) право	

9) Церковная археологія—преподаватель, бакалавръ Александръ Кирил. Соколовъ (+1884).

10) Ученіе о вѣроисповѣданіяхъ—преподаватель Никита Петр. Гиляровъ-Платоновъ (+1887).

11) Языки: Греческій—преподав. И. И. Побѣдинскій-Платоновъ.

12) Еврейскій—преподав. А. К. Соколовъ.

Я, по мѣрѣ силъ, занимался всѣми предметами богословскаго курса, неопустительно посѣщавъ всѣ классы, не исключая класса и еврейскаго языка; у меня до сихъ поръ сохранились еврейскіе вокабулы изъ книгъ нѣкоторыхъ малыхъ пророковъ. Но изъ преподавателей болѣе всѣхъ интересовалъ студентовъ своими лекціями профессоръ А. В. Горскій. Въ его лекціяхъ поражала насъ громадность свѣдѣній, отчетливое и основательное изложеніе лекцій, и одушевленная декламация. Не малымъ также обиліемъ свѣдѣній отличались лекціи профессора Аничкова-Платонова; но эти лекціи не отличались стройнымъ систематическимъ изложеніемъ. Лекціи по Священному Писанію іеромонаха Θεодора имѣли характеръ самостоятельнаго изложенія и отличались значительною глубиною мысли; но торопливое

1848 г. и невнятное чтеніе съ кафедры много отнимало достоинства у этихъ лекцій. Баккалавръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ— талантливый преподаватель; онъ не писалъ лекцій, но говорилъ изустно, и при этомъ позволялъ себѣ иногда довольно свободныя сужденія и выраженія; неуважительно отзывался иногда объ отцахъ Церкви, въ особенноти выразился однажды оскорбительно о св. Іоаннѣ Златоустѣ. Памятень для меня еще одинъ случай о Гиляровѣ.

Приѣхавъ въ академію оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Н. А. Протасовъ; приходитъ, въ сопровожденіи ректора и еще кого-то, въ нашъ богословскій классъ во время лекцій Гилярова. Гиляровъ, разумѣется, былъ предвараенъ объ этомъ и принесъ съ собою въ классъ тетрадку, свое студенческое сочиненіе объ антихристѣ. По входѣ въ классъ почетнаго гостя, онъ началъ угощать его своею студенческою мудростію. Гость въ восхищеніи былъ отъ этой мудрости и, уходя изъ аудиторіи, благодарилъ лектора. Но почтенный лекторъ, по уходѣ гостя, сошелъ съ кафедры и, обратясь къ намъ—студентамъ, сказалъ: „забудьте, господа, что я сейчасъ читалъ вамъ“, и въ слѣдъ затѣмъ началъ проповѣдывать намъ о томъ же предметѣ совѣмъ противное. Впрочемъ такой либерализмъ наставника далеко не всѣмъ студентамъ нравился; а наконецъ этотъ либерализмъ былъ поводомъ къ удаленію Гилярова изъ академіи. Между студентами XIX курса (1854 г.) былъ іеродіаконъ Анѳимъ изъ Болгаръ ¹⁾ (впоследствии экзархъ Болгаріи). Ревностный Анѳимъ, слыша часто рѣзкіе и неуважительные отзывы баккалавра Гилярова о лицахъ и предметахъ священныхъ, донесъ объ этомъ митрополиту Филарету, и вельдствіе сего Гиляровъ въ 1855 году долженъ былъ оставить службу при академіи ²⁾.

¹⁾ Объ Анѳимѣ очень интересная статья напечатана въ *Русск. Вѣстникѣ* 1881 г. (т. 151), подъ заглавіемъ: „Первый Болгарскій экзархъ, блаженный Анѳимъ“, — А. И. Мурашевскій.

²⁾ Объ отставномъ баккалаврѣ Гиляровѣ см. *Письма Митрополита Филарета къ наместнику А. Антонову* отъ 16-го ноября и 1-го декабря 1855 г. (№№ 1068 и 1071). Еще № 1181.—Въ № 294 *Моск. Вѣд.* 1887 г. помещена о Н. П. Гиляровѣ (+15 окт. 1887 г.) очень интересная статья: „Памяти Н. П. Гилярова-Платонова“. Эта статья принадлежитъ проф. *И. И. Корсунскому*, хотя и не подписана его именемъ.

Съ первыхъ чиселъ сентября, по окончаніи пріемныхъ 1848 г. экзаменовъ, начались у насъ обычныя занятія. 7-го числа дано было намъ семь темъ для сочиненія по предмету Священнаго Писанія.

Темы эти были слѣдующія:

- 1) Изъясненіе—Іак. III, 1—12.
- 2) Галат. V, 13—18.
- 3) Колос. II, 11—17.
- 4) Ученіе ап. Павла о ветхозавѣтныхъ проображеніяхъ.
- 5) Ученіе ап. Іоанна о любви.
- 6) Сличеніе сказаній евангелистовъ о воскресеніи І. Христа и явленіяхъ Его по воскресеніи.
- 7) Какія свѣдѣнія о жизни, свойствахъ и достоинствахъ Божіей Матери можно почерпнуть изъ св. Писанія?

Я избралъ для своего сочиненія 5-ю тему, т. е. „Ученіе ап. Іоанна о любви“. На этомъ сочиненіи бакалавромъ отцомъ Θεодоромъ подписано: „Хорошо; не мало и очень хорошаго ¹⁾“.

8-го сентября получилъ я письмо изъ Владиміра отъ Царевскаго:

„Отъ души благодарю васъ за ваше о мнѣ попеченіе. По пріѣздѣ моемъ во Владиміръ, Θεодоръ Гаврилычъ призывалъ меня къ себѣ, отърылъ, что вы писали уже къ о. ректору о томъ, чтобы оставить меня еще на курсъ въ семинаріи на казенномъ коштѣ; по этому поволу ходилъ и къ о. ректору узнать, что они думаютъ объ этомъ. Отецъ ректоръ совершенно отказалъ въ казенномъ содержаніи и не совѣтовалъ даже на своемъ коштѣ оставаться въ семинаріи. Отказалъ въ казенномъ содержаніи потому, что много сиротъ осталось въ настоящее время, по случаю холеры, которые нуждаются въ казенномъ пособіи, и что, оставшись еще на два года, я буду заѣдать чужое мѣсто, буду грабить другаго, и грѣша симъ сдѣлаю участниками своего грѣха и тѣхъ, которые оставили меня въ семинаріи на казенномъ коштѣ. Поэтому, чтобы не стѣснять ихъ совѣсть

¹⁾ Сочиненіе это прислано было мнѣ въ Москву съ слѣдующею надписью на оборотѣ послѣдней страницы: „Высокопреподобнѣйшему епископскому рязанскому почтенію отъ І. Θεодора, 1851 г. 6-го января“.

1848 г. и не притѣснять своихъ товарищей, я и не долженъ оставаться; тѣмъ болѣе — дескать, что нѣтъ благовидной причины и оставаться мнѣ, какъ оканчивающему курсъ въ 1-мъ разрядѣ, потому что и теперь открытъ ходъ въ академію. Не совѣтываль оставаться въ семинаріи и на своемъ коштѣ: потому-что это только вытянетъ деньги, а существенной пользы не доставить, а лучше, по его мнѣнію, жить годъ дома и готовиться въ апрѣлѣ мѣсяцѣ подать прошеніе, чтобы дозволили явиться къ экзамену и въ этомъ навѣрное не откажутъ. Какъ не имѣющему средствъ вступить въ академію на своемъ иждивеніи, можно просить и о томъ, чтобы дозволили на казенномъ коштѣ, — и въ этомъ будто не откажутъ: были дескать опыты такіе. Не совсѣмъ пріятно будетъ это, конечно, говорить, намъ, но дѣлать нечего, когда просить (слова о. ректора).

Все это пересказаль я Θεодору Гаврилычу. Отзывъ на это съ его стороны: оставаться въ семинаріи на своемъ содержаніи мнѣ вовсе не нужно, а стараться поступить въ академію; для этого жить годъ дома такъ же не нужно: потому что вступить въ Петербургскую или Кіевскую академію очень трудно, да не извѣстно, что можетъ случиться въ продолженіи года. Лучше совѣтоваль (да и мнѣ такъ кажется) просить васъ, чтобы походатайствовали предъ вашимъ отцомъ ректоромъ, не позволить-ли явиться, какъ вы прежде говорили, по полученіи аттестата въ академію съ тѣмъ, чтобы я, готовясь тамъ мѣсяцъ или два, могъ вступить въ число студентовъ. Таковыя опыты, говорить, у насъ бывали, даже чрезъ треть принимали не рѣдко: теперь-же это гораздо удобнѣе сдѣлать, объяснивъ, что я не смѣлъ явиться къ экзамену въ академію, не окончивъ курса въ семинаріи.

Что вы скажете мнѣ на это? Вашъ совѣтъ для меня болѣе обязателенъ и благодѣтеленъ“.

На это отвѣчалъ я 10-го числа:

„Послѣ того, что сдѣлано мною для устройства вашего благополучія, въ моихъ рукахъ не остается болѣе уже ничего. Вы просите меня снова ходатайствовать предъ академическимъ начальствомъ: но это значитъ, вы не поняли смысла моихъ словъ. Я писалъ вамъ, что о. ректоръ былъ столько добръ, что позволилъ мнѣ вызвать васъ къ себѣ и

держатъ мѣсяць или два: но это не то значить, чтобъ, по 1848 г. прошествіи означеннаго времени, вамъ можно было держать экзамень и потомъ вступить въ академію дѣйствительнымъ студентомъ; нѣтъ, это не болѣе, какъ лишь временное пособіе, которое о. ректоръ хотѣлъ оказать вамъ изъ уваженія къ семейнымъ обстоятельствамъ. Вступить въ академію послѣ надлежащаго срока, безъ разрѣшенія вышшаго начальства, не возможно: академическое начальство, само по себѣ, сдѣлать этого не можетъ.

Итакъ, надобно предать себя и будущую судьбу свою въ волю Божию. Не слѣдуетъ роптать и на семинарское начальство за то, что оно не уважило нашей просьбы: напротивъ, надобно благодарить доброе начальство, что оно, во первыхъ, выпускаетъ васъ съ званіемъ студента, а во вторыхъ, не отказывается по крайней мѣрѣ на будущее время принять участіе въ устроеніи вашей судьбы. Рекомендую послѣдовать совѣту о. ректора, особенно, еслибы удалось испросить казенное пособіе для первоначальнаго вступленія въ академію. Но если, почему-либо, не удастся поступить вамъ въ академію чрезъ годъ: то уже непременно совѣтую вамъ имѣть въ виду чрезъ два года нашу академію: она и ближе и доступнѣе.

Между тѣмъ, пользуясь свободнымъ временемъ, при какой-нибудь благопріятной окказіи, пріѣзжайте ко мнѣ, и заблаговременно ознакомьтесь съ академическимъ бытомъ*.

8-го ч. писалъ мнѣ изъ села Васильевского окончившій курсъ академіи С. Г. Вишняковъ:

„Отъ всей души благодарю васъ за вашу обязательность. Ваше письмо предупредило двумя днями мой пріѣздъ въ Васильевское, куда я прибылъ 26-го августа.

Теперь, въ дому родительскомъ, я отдыхаю отъ трудовъ многодѣланія академическаго, но только провожу время чрезвычайно скучно. Доколѣ жилъ въ Васильевскомъ съ братомъ Григоріемъ, доколѣ еще время тянулось безъ скуки; когда онъ уѣхалъ во Владиміръ, я остался одинъ въ селѣ съ непомерной скукой и пустотой! По неволѣ захандришь одинъ, безъ дѣла, — т. е. безъ книгъ для легкаго чтенія, при постоянно почти дрянной погодѣ. Лижешь иногда на кроватку, да и понесешь на крыльяхъ воображенія въ матушку нашу академію. Какъ она хороша теперь издали, безъ взглядовъ предубѣжденія, при хладнокровномъ судѣ о порядкѣ вещей!

1848 г. Такъ и пошелъ бы еще года на четыре, только бы при добромъ здоровьѣ.

— Чай, добрый мой о. Іоаннъ, — любо, — дорого послушать нашего умнаго Александра Васильевича ¹⁾, — чтеніе его изъ Евангельской исторіи. Какъ эти чтенія, выходя изъ сердца, полнаго живой вѣры въ Сына Божія, невольно пробуждаютъ и разогрѣваютъ чувство религіозное, которымъ наша молодежь ученая не такъ богата, но которое такъ дорого для человѣка! Потому, знаете-ли, о. Іоаннъ? Въ понедѣльникъ, четвертокъ и субботу — утромъ я беру лекціи Горскаго по Евангельской исторіи и прочитываю. Иныя лекціи такъ хорошо записаны, что какъ будто бы самого его я слушаю!

— Каково-то утѣшаетъ васъ о. ректоръ? ²⁾ По правдѣ сказать, мы хоть цѣлый годъ у него учились; но мало его слышали, какъ профессора. Теперь, я думаю, сначала не хуже прочихъ людей онъ подвизается на поприщѣ богословія! Не перемѣнилъ-ли онъ чего въ жизни академической-студенческой, не ввелъ-ли новаго, не уничтожилъ-ли старое, не очень доброе (чего было довольно), что обѣщаль онъ сдѣлать? Любопытно-бы знать! А о. Леонидъ? ³⁾ Я думаю, пореть свысока, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой? Не правда-ли, что его не скучно бываетъ слушать, хотя въ началѣ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей и ухмылились на него!... Ну да Богъ съ ними, съ наставниками! Мы все обыкновенно требовали многого отъ нихъ; а сами между тѣмъ лѣнились выслушать и усвоить себѣ малое! Кто виновать? И для чего убиваться бакалавру, когда у него слушателей пять-десять человѣкъ, какъ не рѣдко бывало у насъ?

— Отъ всей души желаю вамъ, добрый мой о. Іоаннъ, при добромъ здоровьѣ, съ честію и славою, съ пользою и удовольствіемъ прослушать два года академическія лекціи. Приведи мнѣ, Господи, быть на должности поближе къ академіи, какъ назначенъ я конференцію. Надѣюсь, что жить будетъ не плохо, — съ добрыми людьми и товарищами.

— Слава Богу, хоть Никиту Петровича ⁴⁾ назначили бакалавромъ изъ нашего курса, — все какъ-то лучше, да

¹⁾ Горскаго профессора М. д. академіи.

²⁾ Архимандритъ Алексій.

³⁾ Красношвъковъ.

⁴⁾ Гилзрова—Платонова.

только едва-ли сдѣлаютъ! Ужъ представляли и прежде на 1848 г. это мѣсто еще Ивана Ив. Побѣдинскаго ¹⁾, но былъ отказъ, до реформы, какую предполагали сдѣлать въ академіи.

Что ваше постриженіе? Уже не приняли-ли вы ангельскій образъ? Ежели это правда, то помоги вамъ Господь молитвами Богородицы и всѣхъ преподобныхъ спасти свою душу и умолять за насъ Бога“.

15-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи О. Г. Бѣляевъ:

„Думаю, вы слышали о моихъ затѣяхъ касательно перемѣщенія въ Московскую семинарію. Затѣи эти въ настоящую пору стоятъ подъ такимъ градусомъ, что мнѣ необходимо имѣть въ вашей академіи корреспондента, который сообщилъ бы мнѣ о ходѣ дѣла. Видите что — просилъ я графа о перемѣщеніи меня въ Москву. Графъ не имѣлъ подъ рукой праздныхъ мѣстъ въ Моск. семинаріи и, не отказывая мнѣ на отрѣзъ въ просьбѣ, передалъ дѣло въ правленіе вашей академіи,—т. е. правленіе ваше должно разсмотрѣть мое дѣло и отвѣтить графу: могу-ли я хоть когда-нибудь передвинуться въ Москву. О ректоръ академіи обѣщаль мнѣ рѣшить дѣло въ мою пользу. Въ настоящую пору мнѣ и хочется узнать это рѣшеніе. И прошу васъ покорнѣйше разузнать это тихонько—отъ писмоводителей и побезпокоитья сообщить мнѣ вѣсточку въ случаѣ рѣшенія дѣла, какого-бы содержанія ни была она.

Еще: въ Московской семинаріи становится празднымъ мѣсто профессора Кроткова ²⁾. Со стороны правленія вашего не послѣдовало-ли выбора кандидатовъ на это мѣсто?

Интересно для меня и то и другое дѣло. Но прошу васъ не медлить увѣдомленіемъ объ отвѣтѣ академическаго правленія графу на мое дѣло, не медлить изъ завершенности послѣдняго дѣла.

Извините, что я безпокою васъ.—

Въ сентябрѣ пришелъ изъ св. Синода указъ съ разрѣшеніемъ постричь меня въ монашество. Днемъ постриженія назначено было 1-е октября.

¹⁾ Перваго магистра XV курса (выпуска 1846 года), назначеннаго бакалавромъ въ 1847 году.

²⁾ Θεοφιλάκτα Ивановича, магистра XIV курса (выпуска 1844 года), мнѣ Московскаго протоіерея.

М. И. Жуковская
1848 г. — 388 — Жуковская

Вотъ что записано было мною въ свое время о семъ, чрезвычайно важномъ, обстоятельстве моеи жизни:

„1848 годъ. 1-е октября. Пятница.

Древняя мимодоша: се была вся нова: новое имя, новыя одежды, новыя правила жизни: о, еслибы Господь обновилъ и духъ правъ во утробѣ моеи!...

Въ сей день, въ день Покрова Пресв. Богородицы, и на память преподобнаго отца нашего Саввы Вишерскаго, я грѣшный сподобился, по благодати Божіей, воспринять на себя санъ ипоческій. Священный обрядъ постриженія совершенъ былъ въ трапезной церкви Свято-Троицкія Сергіевои Лавры отцемъ ректоромъ Московскои духовнои академіи, архимандритомъ Алексіемъ. Восприемникомъ при постриженіи былъ той же академіи о. инспекторъ, іеромонахъ Сергій. Имя наречено мнѣ, въ честь воспоминаемаго нынѣ Церковію преподобнаго, — Савва.

Примѣчаніе. Когда постригаютъ въ монашество изъ священниковъ: новопостриженный, при пѣніи причастнаго стиха, входитъ въ алтарь, снимаетъ клобукъ, надѣваетъ епитрахиль и поручи, и приступаетъ къ св. тайнамъ послѣ всѣхъ служащихъ по обычаю. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ новоначальный не снимаетъ клобука, пока не снимется съ него мантия.

4-е число. Понедѣльникъ.

Въ первый разъ Господь сподобилъ меня отслужить іеромонахомъ всю церковную службу въ трапезной церкви, гдѣ совершено было мое постриженіе. Въ тотъ же день разрѣшено было мнѣ снять мантию, и приступить къ обычнымъ занятіямъ.

Черезъ о. ректора получилъ я въ благословеніе отъ высокочр. митрополита Филарета парамандъ и рясу¹⁾.

При моемъ постриженіи произнесена была о. ректоромъ рѣчь, которая напечатана въ седьмой части *Прибавленій къ Твореніямъ святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ*¹⁾.

¹⁾ Рѣчь эта была въ цензурѣ у высокочр. митрополита, и вотъ что издана писалъ о ней къ о. ректору: „возвращаю вамъ, отецъ ректоръ, рѣчь къ новопостриженному. По моему, не очень удобно выслушать новоначальному, что онъ вступаетъ въ жизнь преимущественно высокую. Посему предлагаю перомѣнить сіе выраженіе. Кромѣ сего не имѣю возраженія противъ мысли напечатать рѣчь; и соглашаюсь на приведеніе сей мысли въ дѣйствиѣ“ (Письма м. Филарета къ архіеп. Алексію, № 31 М. 1883 г. стр. 32).

Благоговѣя 389

Жизнь доуток
Ево Господь

1848 г.

На другой день послѣ своего постриженія, 2-го октября, писалъ я въ Муромъ къ своей тещѣ, П. С. Царевской:

„По благодати Божіей, я достигъ наконецъ того, чего желалъ, или лучше, къ чему веденъ былъ вседержавною десницею премудраго Промысла. 1-го октября, въ день Шокрова Пр. Богородицы, и на память преподобнаго отца нашего Саввы Вишерскаго, я сподобился принять на себя чинъ ангельскій. Священный обрядъ постриженія совершень былъ надо мною о. ректоромъ нашей академіи, а воспріемникомъ былъ о. инспекторъ. Совершителю священнаго обряда угодно было наречь меня именемъ воспоминаемаго въ тотъ день церковію препод. Саввы. Долго было бы описывать вамъ всѣ подробности совершеннаго надо мною обряда; если угодно, можете прочесть сами въ большомъ Требникѣ чинъ постриженія монашескаго; скажу вамъ, сколько можно выразить словами, только то, чего тамъ вы не найдете, именно—состояніе моего духа въ тѣ священныя минуты. Представленіе всѣхъ обстоятельствъ моей жизни, важность произносимыхъ мною обѣтовъ, и страхъ предстоящихъ искушеній—все это вмѣстѣ глубоко потрясло мою душу, слезы невольно лились изъ глазъ; и потомъ весь день я чувствовалъ себя въ такомъ же непонятномъ и невыразимомъ состояніи, въ какомъ бывалъ прежде при всѣхъ важнѣйшихъ перемянахъ жизни. Теперь же, благодареніе Господу, начинаю мало по малу прояснить себѣ настоящее мое званіе и состояніе; мысль, что это—дѣло особеннаго Божіа попеченія обо мнѣ, утѣшаетъ и успокоиваетъ мой духъ. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ усматриваю я особенное призваніе Божіе къ иноческой жизни во всѣхъ прежнихъ своихъ обстоятельствахъ. Смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ постепенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно Господь отрѣшалъ меня отъ міра и призывалъ на служеніе Себѣ: взялъ у меня родителей прежде, нежели я узрѣлъ свѣтъ; лишилъ матери въ то время, когда я еще имѣлъ крайнюю пужду въ сея попеченіи, опредѣливъ испытать мнѣ горькій жребій сиротства, съ тою, конечно, благою цѣлію, чтобы заблаговременно ознакомить меня съ тѣснымъ путемъ креста. Но вотъ, послѣ долгаго томленія въ сиротствѣ, краткое время даетъ мнѣ вкусить нѣкоторую сладость жизни въ семейномъ благополучіи, но и здѣсь скоро начинаются опять прежнія лищенія.

1839
3 28 10

1848 г. нія: умираеть сынъ, который, при своей жизни, естественно привязывалъ бы меня къ міру во всякомъ случаѣ; наконецъ, я лишаюсь того, что привлекло и всего болѣе привязывало меня къ міру: все это, не ясно ли, постепенные, болѣе и болѣе возвышающіеся, гласы Божественнаго воззванія меня изъ бурнаго міра къ тихому пристанищу монашескаго житія? Да будетъ же благословенна воля Божія, избранная и освятившая меня на служеніе себѣ, можно сказать, отъ чрева матерна!

Итакъ, *древняя мимодоша: се быша вся нова*: новое имя, новая одежда, новыя правила жизни; о, еслибы Господь *обновилъ и духъ правъ во утробѣ моей!*

Въ настоящей новой моей жизни вотъ какое замѣчательное обстоятельство: и подано прошеніе ¹⁾, и исполнено по этому прошенію мое желаніе, т. е. и начало, и конецъ дѣла совершились въ дни празднованія Божіей Матери. Итакъ, съ сего времени я долженъ искать для себя особеннаго покровительства и заступленія у Пречистой Владычицы и всеобщей христіанской Заступницы; долженъ постоянно обращаться къ Ней съ теплымъ моленіемъ: *не вѣтри мя человѣческому предстательству, Пресвятая Владычице, но сохрани мя подѣ кровомъ Твоимъ!*

Болѣе на сей разъ не могу сообщать вамъ ничего относительно новой моей жизни; о прежней считаю излишнимъ и напоминать; впрочемъ, послѣ послѣдняго моего извѣстія, особеннаго ничего со мною не случилось.

Нужнымъ почтаю сказать только то, что я, вопреки своимъ разсчетамъ, всю вакацію безвыходно провелъ въ академіи*.

12-го числа я снова писалъ П. Степановиѣ, привѣтствуя ее со днемъ ангела и сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ новомъ днѣ ангела, — днѣ постриженія въ монашество 1 октября, при чемъ добавилъ:

„Какъ ни страшны и строги обѣты, данныя мною при вступленіи въ новое званіе: но мысль, что это — дѣло особеннаго попеченія Божія о мнѣ, совершенно успокоиваетъ и ободритъ меня. Во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни и особенной настроенности моего духа нельзя не усматривать небеснаго призванія меня къ тишинѣ монашеской жизни.

Да будетъ же благословенна воля Провидѣнія, премудро все устрояющая и управляющая судьбами человѣческой жизни*!

¹⁾ Прошеніе подано 23 іюня, въ день Владимирской Божіей Матери.

Въ отвѣтъ на это писалъ мнѣ изъ Мурома шурина С. В. 1848 г.
Царевскій отъ 16-го числа:

„Всякая новость, пріятно или непріятно, смотря по свойству, поражаетъ насъ. Тѣмъ болѣе должна была тронуть насъ та, о которой вы извѣщаете,—какъ рѣдко случаемъ существа въ отношеніи къ намъ. И дѣйствительно, прочитавъ письмо ваше, мы въ сердцахъ ощутили невыразимо-умилительныя чувства. Что же сказать о васъ! Какими чувствованіями исполнялось ваше сердце въ то время, когда вы произносили предъ Богомъ обѣты, при вступленіи въ новую жизнь! Нужно каждому самому испытать, чтобы правильно узнать и безошибочно судить объ этомъ.

Не думайте, что извѣстіе ваше о себѣ, кому-либо изъ насъ непріятно. Самъ Богъ опредѣлялъ и опредѣлилъ васъ въ состояніе иноческое,—кто же безумный будетъ гнѣваться на Бога! Къ тому же—ужели ваши отношенія къ намъ переменятся въ новой вашей жизни? Законъ Христовъ о любви къ ближнимъ предписанъ какъ для мірянъ, такъ и для иночествующихъ, даже, можно сказать, послѣдніе поставлены первыми блюстителями онаго. Значить, любовь и отношенія ваши къ намъ и теперь будутъ таковы же, каковы были и прежде, отреченіе отъ міра, произнесенное вами при вступленіи въ иноческій санъ, конечно, не воспрещаетъ оказывать любовь къ человѣку—существу, любимому Самимъ Богомъ. Чего же болѣе любви и, основанныхъ на ней, дѣйствій, желать намъ отъ васъ, и что можетъ быть причиною къ огорченію кому-либо изъ насъ за то, что вы приняли иноческій санъ! Мы даже радуемся, что Господь поставилъ васъ на тотъ путь, по которому скорѣе можно достигнуть послѣдней, возделѣнной для всѣхъ существъ разумныхъ, цѣли—неба.

Да укрѣпитъ васъ Господь Богъ на этомъ пути Своею благодатію!“

5-го октября дано было намъ 7-мъ латинскихъ темъ для сочиненія по классу Догматическаго богословія.

Вотъ эти темы:

- 1) De religionis necessitate.
- 2) De necessitate extraordinariae, scilicet, supernaturalis revelationis.

1848 г.

- 3) *Mysteria in religione revelata sunt necessaria.*
- 4) *Num sola sacra Scriptura pro Theologiae principio haberi debet?*
- 5) *De perspicuitate s. Scripturae.*
- 6) *Quaenam est relatio inter s. Scripturam et sacram Traditionem?*
- 7) *De auctoritate s. Ecclesiae in praecipis divinae revelationis explicandis.*

Изъ этихъ темъ мною избрана была 5-я и сочиненіе написано было на латинскомъ языкѣ. Сочиненіе это, написанное на четырехъ почти листахъ, читано было, по порученію ректора, профессоромъ церковнаго краснорѣчія, И. Н. Дичковымъ-Платоновымъ, и заслужило отъ него слѣдующій отзывъ: „*Sensus clarus, quamvis non profundus et sagax; consideratio objecti tractandi non nimis lata; stylus accuratus et grammaticae L(atinae) plerumque conformis.—Bene*“.

27-го числа получилъ я письмо изъ села Васильевскаго отъ земляка, С. Г. Вишнякова. Онъ писалъ:

„Со слезами сладкой грусти, въ кругу семейства прочитали мы письмо ваше, которымъ извѣщаете вы меня о переменѣ въ своей жизни. Да поможетъ вамъ Господь молитвами прр. Павла и Антонія — отцевъ иночествующей братіи, и предстательствомъ нашего покровителя преп. Сергія, понести тотъ крестъ, который вы, по указанію Провидѣнія, наложили на себя, — вотъ мое единственное, душевное желаніе! Да и чего еще пожелать вамъ? Мірскія желанія при отреченіи отъ міра неумѣстны, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстны ваши чувство и расположеніе, съ какими вы обрекали себя на подвигъ и жизнь иноческіе! Все прочее приложится само собою, по слову Того, Кто Единъ можетъ прилагать!“

2-го ноября писалъ я въ Муромъ тещѣ, П. С. Царевской:

„Радуюсь, что вѣсть о послѣдовавшей со мною переменѣ, хотя и тронула васъ, но не произвела, однако-жь, неприятнаго впечатлѣнія. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть неприятнаго въ настоящемъ моемъ положеніи, если только будемъ разсматривать его надлежащимъ образомъ? Жизнь инока, разумѣется, правильная, — жизнь са-

мая мирная и спокойная; въ особенности жизнь ученаго 1848 г. монаха. Правда, по самому назначенію своему, ему нельзя совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ связей: но въ то же время его занятія, если только онъ полюбитъ ихъ всей душой, могутъ служить твердою защитой отъ многихъ внѣшнихъ искушеній. Впрочемъ, что ожидаетъ меня впереди, это извѣстно Единому Всевѣдущему.

Въ дополненіе къ сказанному въ предъидущемъ письмѣ не лишнимъ почитаю сообщить вамъ то, что при введеніи меня въ новое званіе о. ректоръ почтилъ меня краткою, но назидательною рѣчью, которую онъ даже и отпечаталъ. Изъ десяти экземпляровъ этой рѣчи, подаренныхъ мнѣ о. ректоромъ, одинъ посылаю вамъ на память. А высокопреосвященный митрополитъ прислалъ мнѣ, чрезъ о. ректора, въ благословеніе парамандъ и рясу.

Не смотря на перемѣну званія, мои отношенія къ вамъ въ сущности пребудутъ неизмѣнны, лишь бы Господь подкрѣпилъ мои силы для благополучнаго окончанія многотруднаго академическаго поприща.

Съ сыновнею къ вамъ любовію и почтеніемъ остаюсь"...

22-го числа дано было намъ 7 темъ для сочиненія по классу Церковной исторіи; темы эти слѣдующія:

1) Посѣщеніе Иисусомъ Христомъ Іерусалима въ праздникъ Кущей (Іоан. VII и сл.).

2) О фарисеяхъ въ отношеніи къ Иисусу Христу.

3) О благовѣствовательныхъ путешествіяхъ І. Христа.

4) Отношеніе Филонова ученія о Словѣ къ христіанскому.

5) О Евангеліи, приписываемомъ Іакову.

6) Плиніево письмо къ Траяну о христіанахъ и отвѣтъ Траяна.

7) 1 Кор. XV, 10.

Я написалъ сочиненіе на 2-ю тему: „О фарисеяхъ въ отношеніи къ І. Христу“. Профессоръ А. В. Горскій, читавшій мое сочиненіе, высказалъ о немъ такой отзывъ: „легко, ясно, обработанно“. Но при этомъ замѣтилъ мнѣ, что не нужно слишкомъ увлекаться посторонними авторитетами и что тексты Св. Писанія надобно приводить по славянски.

Послѣ частныхъ экзаменовъ предъ праздникомъ Р. Хр.

1848 г. даны были намъ для экспромптовъ двѣ слѣдующія темы:
 1) *Quinam est sensus verborum Christi: Ego sum via, et veritas, et vita; nemo venit ad Patrem nisi per Me* (Joh. XIV, 6; conf. VI, 44). 2) Одно-ли и тоже заключается въ понятіи о совѣсти и внутреннемъ (правственномъ) законѣ?

30-го декабря писалъ я въ Горицы о. Василию Сапо-
 ровскому:

„Чѣмъ неожиданнѣе гость, тѣмъ онъ пріятнѣе: равно чѣмъ неожиданнѣе письмо, тѣмъ оно интереснѣе. Не правда ли? Послѣ столь долгаго молчанія съ моей стороны, конечно, вы уже считаете нашу взаимную переписку совершенно рѣшенною, и неудивительно, если я начинаю казаться предъ вами человѣкомъ неблагороднымъ, надменнымъ и пр. и пр. Въ оправданіе моего молчанія могъ-бы я представить вамъ множество причинъ—и дѣльныхъ и недѣльныхъ: но знаю, что это ни къ чему не ведетъ. Поэтому за лучшее почитаю прямо приступить къ дѣлу. Не очень давно узналъ я, что епархіальное начальство обратило, наконецъ, на васъ должное вниманіе, возложивъ на васъ новую должность. Душевно радуюсь и привѣтствую васъ съ симъ знакомъ архипастырскаго вниманія. Правда, сколь ни знакома вамъ благочинническая должность, но при настоящихъ вашихъ лѣтахъ, она должна составить для васъ не малое бремя. Впрочемъ, Господь, избравшій васъ на сіе служеніе, конечно, не оставитъ безъ Своего благодатнаго покровительства; а при Божіей помощи, всякое бремя легко и удобоносимо.

Вотъ и я, наконецъ, по милости Божіей, сподобился принять на себя благое иго Христова. Безъ сомнѣнія, вы слышали уже о вступленіи моемъ въ новое званіе, и, конечно, знаете мое новое имя. Слѣдовательно нѣтъ нужды подробно описывать вамъ всѣ обстоятельства моего вступленія въ иноческую жизнь. Скажу только, что, при помощи Божіей, начинаю мало по малу привыкать къ новому моему положенію. Впрочемъ, надобно согласиться, что переходъ изъ мірской жизни въ монашескую, при настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, менѣе для меня ошутителенъ, нежели какъ это было-бы, думаю, въ другомъ мѣстѣ—въ академіи. Что былъ я прежде, въ теченіе двухъ лѣтъ, тоже самое почти и теперь: тѣ-же занятія, то-же общество, тотъ-

же образъ жизни, тѣ-же отношенія къ начальству и товарищамъ; новое только имя и нѣчто въ одеждѣ. Конечно, съ поступленіемъ, если Богъ дастъ, на должность надобно ожидать не малыхъ искушеній и преткновеній на пути иноческой жизни: но будущее извѣстно Единому Богу.... 1849 г.

Радъ-бы я побесѣдовать съ вами и объ ученыхъ предметахъ: но бесѣдовать пространно не позволяетъ время; поэтому не взыщите, если на сей разъ ограничусь только краткимъ перечнемъ предметовъ, кои преподаются у насъ на старшемъ курсѣ.

Первый и главный предметъ—Догматическое богословіе; его читаетъ о. ректоръ. Затѣмъ Нравственное богословіе, свящ. Писаніе, Церковно-Библейская исторія, Патристика, Церковная археологія, Церковное краснорѣчіе, и вновь открытая кафедра по классу св. Герменевтики и Ученію о вѣроисповѣданіяхъ.

Изъ теперешнихъ наставниковъ преимущественнымъ авторитетомъ пользуется орд. пр. Ц. исторіи Ал. В. Горскій, сынъ Коостромск. протоіерея Горскаго. Но главнымъ занятіемъ у насъ всегда было и есть сочиненіе.

Теперь занимаюсь сочиненіемъ по классу Ц. исторіи; взялся писать „объ отношеніяхъ фарисеевъ къ І. Христу“.

Между тѣмъ на старшемъ курсѣ назначаютъ и проповѣди. Мнѣ довелось говорить первому и первую проповѣдь на Рождество Пресв. Богородицы, сугубо родной праздникъ и по Горницамъ и по Мурому;—вторая назначена на 4-ю недѣлю в. поста. Чѣмъ ближе богословскіе предметы къ сердцу и къ моему званію: тѣмъ больше требуютъ труда и усилія. Но вдали ожидается еще большій трудъ: я разумѣю, такъ называемое, курсовое сочиненіе, которое въ академіи дается обыкновенно на годъ, и составляетъ послѣдній рѣшительный трудъ, по которому главнымъ образомъ рѣшается судьба каждаго студента. Прошу вашего молитв. содѣйствія для благополучнаго совершенія многотруднаго академическаго поприща.“

Новый годъ встрѣтилъ я, въ новомъ своемъ званіи, въ лаврѣ, среди монашествующей братіи, которая съ того времени, какъ я облекся мовашествомъ, стала ко мнѣ ласковѣе и внимательнѣе, и я началъ чувствовать себя въ отношеніи къ оной свободнѣе.

1849 г. — 14-го числа писалъ я въ Ставрополь на Кавказѣ веселому сообитателю своему и пріятному собесѣднику, о. Моисею (Рыбальскому), поступившему туда на семинарскую службу:
„Радуюсь о вашемъ благополучномъ, хотя и позднемъ, прибытіи въ благословенный Ставрополь, привѣтствую васъ съ вступленіемъ въ новую должность, поздравляю наконецъ съ новымъ годомъ. Да благословитъ Господь счастливымъ успѣхомъ ваше новонаачальное дѣланіе въ вертоградѣ духовномъ!

Можетъ быть, вы ожидали отъ меня письма ранѣе: но я, помня ваше обѣщаніе — извѣстить меня о вашемъ пріѣздѣ, до сихъ поръ медлилъ открыть условленную между нами переписку. Теперь же, слыша о вашемъ прибытіи и не получая отъ васъ самихъ обѣщаннаго извѣстія, нѣкоторымъ образомъ почитаю себя обязаннымъ приступить къ исполненію взаимнаго нашего обѣщанія.

Послѣ вашего отбытія, въ нашей кельѣ водворилась глубокая и мрачная тишина. Сколь ни благопріятна тишина для ученыхъ занятій, тѣмъ не менѣе однакожь заставляеть меня часто вспоминать о вашихъ живыхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. Тишина для ученыхъ нужна; — хорошо; но въ свое время и въ извѣстной мѣрѣ: а послѣ обѣда напр. и послѣ ужина почему не пошумѣть и не повеселиться?

Правда, я и самъ не изъ числа рѣзвыхъ: но все-таки подъ часъ люблю повеселиться, и поговорить откровенно, разумѣется, не далѣе своей кельи.

Вотъ развѣ не замѣнить-ли для меня сколько нибудь васъ въ этомъ отношеніи новый собратъ, который, вѣроятно, скоро уже прибудеть. Это монахъ (простой монахъ) съ Афонской горы. О его происхожденіи и націи пока еще ничего не знаю; извѣстно только, что онъ нынѣ окончилъ курсъ въ Кишиневской семинаріи и изъявилъ желаніе поступить въ нашу академію. Св. Синодъ уважилъ его просьбу съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи курса, подобно вамъ, возвратиться восвояси. Имя его, кажется, Пароеній.

Не забываетъ о васъ и наше доброе пачальство. Во время праздника случилось мнѣ провести цѣлый вечеръ у о. инспектора; между многими и различными разговорами была рѣчь и о васъ; — разумѣется, съ хорошей стороны.

По возвращеніи изъ Москвы, о. ректоръ спрашивалъ

меня, пишете-ли вы къ намъ (о. ректоръ спросилъ меня 1849 г. еще о томъ, назначенъ ли кто въ вашу семинарію ректоромъ).

Баккалавры и лаврскіе монахи также очень часто предлагаютъ подобные вопросы относительно васъ.

Въ академіи и лаврѣ, слава Богу, все благополучно. Новостей особенныхъ никакихъ нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, я не слыхалъ. Вы знаете, что я не слишкомъ въ короткихъ отношеніяхъ ни съ лавреками, ни съ своими.... За новость развѣ сообщить вамъ то, что Господь привелъ мнѣ среди праздника отправить полную службу въ Троицкомъ соборѣ*.

О. діаконъ О. С. Виноградовъ, между прочимъ, извѣщалъ меня объ опасной болѣзни своего тестя, а моего зятя, дьячка той же церкви В. А. Левашева и, считая эту болѣзнь слѣдствіемъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, просилъ меня отъ имени всѣхъ родныхъ, сдѣлать ему братское вразумленіе. Вслѣдствіе сего я писалъ своему зятю отъ 29-го января:

„Братская любовь и опасеніе за вашу временную и вѣчную судьбу внушаютъ мнѣ священный долгъ предложить вамъ нѣсколько совѣтовъ и предостереженій.

Не очень давно былъ у меня одинъ богомолецъ изъ нашихъ краевъ — человекъ, очень хорошо васъ знающій и къ вамъ довольно близкій. Съ живымъ участіемъ рассказывалъ онъ мнѣ о случавшихся съ вами неоднократно болѣзненныхъ припадкахъ, угрожавшихъ будто-бы не разъ совершенною даже опасностію жизни. Между прочимъ коснулся онъ и главной, по крайней мѣрѣ, видимой причины этихъ припадковъ. Пужно-ли говорить вамъ, что это за причина? Но и безъ объясненія, думаю, понятно, о чемъ идетъ дѣло. Признаюсь вамъ откровенно: не столько сожалею о томъ, что постигаютъ васъ болѣзни (это общій удѣлъ всѣхъ смертныхъ), сколько о томъ, что главною причиною этихъ болѣзней — вы сами, ваше излишнее, не умѣренное употребленіе хмѣльныхъ напитковъ. Согласитесь сами, все-ли равно — терпѣть болѣзни и вообще какія-бы то ни было бѣдствія по волѣ Божіей, или по собственному неразумному произволу?

Итакъ, всмотритесь ближе въ свое положеніе; размыслите

1849 г. поприлежиѣе о томъ, каково ваше настоящее, и что ожидаетъ васъ въ будущемъ. Посмотрите, какую жалкую картину представляетъ человѣкъ, предавшійся гибельной страсти къ вину! Онъ произвольно унижаетъ въ себѣ достоинство человѣческой природы, самъ себя лишаетъ тѣлеснаго здоровья; теряетъ всякое право на уваженіе отъ другихъ, возбуждаетъ невольный гнѣвъ въ начальникахъ, въ самомъ основаніи потрясаетъ семейное благосостояніе: жена скорбитъ, дѣти сокрушаются, родные оставляютъ. Но всѣ эти бѣдствія еще ничего не значатъ въ сравненіе съ тѣми, какія ожидаютъ его тамъ — за предѣлами гроба. Съ какимъ чувствомъ предстанетъ онъ предъ престоломъ праведнаго и нелицепріятнаго Судии? Что скажетъ въ оправданіе своей неразумной страсти? Въ чемъ найдетъ онъ тогда утѣшеніе и отраду?.. Ахъ! пока еще есть время, пока елей жизни не совсѣмъ еще угасъ въ вашемъ тѣлѣ, прошу и умоляю васъ именемъ братской любви, если не совсѣмъ подавить въ себѣ эту постыдную страсть къ вину (вдругъ сдѣлать этого и не возможно), по крайней мѣрѣ, при помощи Божіей, начать подвигъ борьбы съ нею, рѣшиться мало-помалу противодѣйствовать ей. И нѣтъ болѣе приличнаго и удобнаго времени начать это свѣтое дѣло, какъ нынѣ, въ настоящіе дни св. четырехдесятницы. Безъ сомнѣнія, для этого нужно, прежде всего, очистить душу искреннимъ поканіемъ, искреннимъ сознаніемъ своей слабости, а потомъ уже изъявить предъ отцомъ духовнымъ твердую рѣшимость удалиться, по возможности, всякихъ поводовъ къ удовлетворенію одержавшей васъ страсти. И будьте увѣрены, что какъ скоро вы искренно выразите свою рѣшимость удалиться зла, съ тѣмъ вмѣстѣ не умедлитъ явиться къ вамъ на помощь и спасительная благодать Божія. Ибо милосердый и человеколюбивый Господь вину стоитъ при дверехъ сердца каждаго грѣшника и толцетъ, и, аще грѣшникъ отверзаетъ двери сердца своего, увидетъ къ нему и вечераетъ съ нимъ. А гдѣ Господь, тамъ утихаютъ и умолкаютъ всѣ бури страстей.

Весьма много порадовали-бы вы меня, еслибы увили сколько-нибудь моимъ искреннимъ внушеніямъ. По крайней мѣрѣ прошу не гнѣваться на меня за эти, можетъ быть, по совсѣмъ пріятныя внушенія, потому что онѣ проистекли

отъ сердца, истинно любящаго васъ и желающаго вамъ всякаго добра. Братъ вашъ іеромонахъ Савва. 1849 г.

Любезнѣйшая сестрица! Прошу и васъ не обижаться моими откровенными и чистосердечными совѣтами брату“.

7-го февраля, въ 12 ч. дня посѣтилъ насъ въ классѣ католическій епископъ, Боровскій, проѣзжавшій въ Житомиръ. Человѣкъ — лѣтъ около 50-ти, довольно высокаго роста, бѣлокурый; по обычаю западной церкви, съ остриженными волосами на головѣ и съ бритою бородою; одѣтъ въ длинный фіолетовый кафтанъ, съ застегнутыми сверху до низу пуговицами; на головѣ такого же цвѣта скуфья. На шеѣ золотой крестъ на такой же цѣпочкѣ—принадлежность сана.

Когда онъ узналъ, что лекція на этотъ разъ была объ Оригенѣ (по классу Патристики), сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній касательно сочиненій этого знаменитаго учителя церкви. Въ заключеніе, обратясь къ намъ, сказалъ: „Богъ да поможетъ вамъ изучить вѣру Христову!“

Почтенный прелатъ былъ профессоромъ каноническаго права въ Петербургской римско-католической академіи.

7-го февраля, писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи Ѡ. Г. Бѣляевъ:

„Крайне совѣстно мнѣ вторично безноконтъ васъ своими порученіями: по распаленное желаніе перемѣщенія въ Москву вынуждаетъ меня преступить эту крайность и просить васъ покорнѣйше о нижеслѣдующемъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ, во время святокъ, сказывали мнѣ, что Правленіе академіи вашей и нашей положили своимъ мнѣніемъ предоставить мнѣ первое открывшееся мѣсто при Московской или Виѣнской семинаріи.

Потрудитесь пожалуйста узнать, выражено на бумагѣ мнѣніе это или нѣтъ. Если выражено на бумагѣ, то не послано-ли въ учебное Управленіе въ видѣ отвѣта на пересланное оттуда для разсмотрѣнія мое прошеніе о перемѣщеніи меня въ Московскую семинарію.

Прошу васъ покорнѣйше, не поставьте себѣ въ огромный трудъ выполнить мои порученія и увѣдомить меня при первой возможности“.

На это отвѣчалъ я отъ 22-го числа.

11-го ч. писалъ я въ Иваново едиповѣрческому священ-

1849 г. пишу, о. Козьмѣ Орлову, въ отвѣтъ на его письмо отъ 29-го января:

„Приношу вамъ усерднѣйшую мою благодарность за ваше привѣтствіе, за ваше доброе участіе въ моей судьбѣ и, наконецъ, за ваши благія пожеланія счастливыхъ успѣховъ на новомъ моемъ поприщѣ. Чѣмъ отозваться мнѣ на вашу искренній, дружественный гласъ? Изъявленіемъ моего искренняго къ вамъ уваженія? Но оно давно должно быть вамъ извѣстно: съ раннихъ лѣтъ моей юности привыкъ и смотрѣть на васъ съ особеннымъ уваженіемъ. Ваши добрыя пастырскія качества и всегдашняя ко мнѣ благосклонность однажды навсегда расположили меня въ вашу пользу. Напрасно изъявляете вы опасеніе за неизмѣнность моего къ вамъ расположенія. Ужели вы думаете, что съ перемѣною внѣшнихъ обстоятельствъ, должны измѣниться во мнѣ взгляды на прежнія наши отношенія? Ужели высшая степень умственнаго образованія и какое бы то ни было положеніе въ обществѣ могутъ подавить во мнѣ способность по прежнему цѣнить и уважать добрыя ваши качества? Да и какъ вамъ представляется мое настоящее положеніе? Ужели вы думаете, что теперь я сталъ уже не тотъ, что былъ и прежде? Признаюсь вамъ откровенно, чѣмъ болѣе знакомясь съ наукамъ, тѣмъ ничтожнѣе представляются пріобрѣтенныя плоды; чѣмъ выше прежняго предстоить степень служенія, тѣмъ болѣе чувствуешь собственную немощь и слабость. Чѣмъ же послѣ сего сталъ бы я гордиться предъ вами?

Итакъ, будьте увѣрены въ моемъ неизмѣнномъ къ вамъ расположеніи и почтеніи. Но чѣмъ свидѣтельствовать предъ вами мою любовь и усердіе? Ни чѣмъ инымъ, думаю, какъ молитвеннымъ воспоминаніемъ, которое, впрочемъ, до сихъ поръ и не преставалъ творить о васъ; о чемъ усердно съ своей стороны прошу и васъ“.

○ Того же числа писалъ я С. В. Царевскому въ отвѣтъ на его письмо:

„Что сказать вамъ, любозный Сергій Васильевичъ, на ваши запросы? — Конечно, ваше положеніе теперь таково, что надобно такъ или иначе окончательно рѣшить свою судьбу; медлить долго нечего. Если у васъ нѣтъ рѣшительной склонности снова вступить на поприще науки, то надобно избирать уже другой какой нибудь путь. Говорите,

что у васъ въ виду не мало и священническихъ мѣстъ и 1849 г. свѣтскихъ: тѣмъ лучше. Но вы затрудняетесь въ выборѣ, и—неудивительно: однажды на всегда рѣшить судьбу цѣлой жизни — дѣло очень не маловажное. Впрочемъ, ваше затрудненіе, какъ видно, касается не столько самой сущности дѣла, сколько внѣшнихъ, болѣе или менѣе, случайныхъ, обстоятельствъ. Нѣтъ, другъ мой, при избраніи образа жизни, не смотря на современное положительное направленіе, надобно руководствоваться не мелкими житейскими разсчетами, но яснымъ сознаніемъ своихъ способностей и склонностей. Что значитъ самая выгодная должность, если она не отвѣчаетъ нашимъ природнымъ (разумью, правильнымъ) склонностямъ? Тяжкое бремя, не болѣе. Можно ли заслужить любовь и расположеніе самаго добраго и благонамѣреннаго начальника, когда мы, при всемъ усердіи быть полезными, оказываемся неспособными къ тому дѣлу, исполненіе котораго добровольно приняли на себя?—И по рожденію, и по воспитанію, для васъ всего естественнѣе, казалось бы, быть служителемъ олтаря: но замѣчаете ли вы въ себѣ довольно расположенія и любви къ этому священному званію и имѣете ли довольно рѣшимости переносить всѣ труды и искушенія, неизбѣжныя на поприщѣ высокаго священническаго служенія? Если бы вы вздумали при этомъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ большая часть: слишкомъ много погрѣшили бы. Легкомысліе не уместно тамъ, гдѣ идетъ дѣло о вѣчной судьбѣ нѣсколькихъ сотъ душъ.

Отнюдь не предосудительна для васъ и свѣтская служба. Но и здѣсь опять нужно спросить: достанетъ ли у васъ настолько терпѣнія и охоты, чтобъ исполнять, особенно въ началѣ поприща, всѣ мелкія, а иногда и прихотливыя, порученія начальника, можетъ быть, далеко не отвѣчающія вашимъ способностямъ и характеру? Что касается въ частности до упомянутаго вами мѣста: на это я долженъ дать вамъ почти отрицательный отвѣтъ. Если гдѣ, то именно тутъ требуется отъ писемоводителя каллиграфія: дѣла стряпческія ежемѣсячно идутъ прямо къ царю. Изъ Мих. Троепольскій, я знаю, терпѣлъ не мало непріятностей именно по причинѣ недостатка въ искусствѣ чистописанія. А вашъ почеркъ, какъ видится изъ дѣла, едва ли превосходитъ его почерка. Слѣдовательно...

1849 г. Что изъ всего сказаннаго слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что рѣшительнаго совѣта относительно вашей будущей судьбы дать я не могу. Совѣтуйтесь всего болѣе сами съ собою; теперь вы сами уже можете здраво разсуждать. Если же для васъ и нуженъ посторонній совѣтъ: то воли маменьки должна быть для васъ выше и священнѣе всѣхъ постороннихъ совѣтовъ“.

11-го же ч. писалъ я въ Иваново племяннику, едино-вѣрческому діакону О. С. Виноградову, въ отвѣтъ на его письмо, при коемъ приложено было 10 р. сер.:

„Съ сердечною признательностію принимаю ваше одолженіе. Не отрекаюсь съ такою же признательностію воспользоваться вызовомъ родныхъ помочь въ нуждѣ и на будущее время. Времени впереди еще не мало, а прямыхъ источниковъ для доходовъ у меня не предвидится пока никакихъ.“

Вотъ, подумаешь невольно, какъ переменчива наша жизнь! Послѣ прежняго, если не изобилія, то по крайней мѣрѣ, довольства, можно ли было ожидать такого оскудѣнія и бѣдности!

Впрочемъ, не испытавши нужды, не въ состояніи будешь цѣнить и изобилія. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни надобно только стараться видѣть десницу премудраго Провидѣнія: и тогда всякое лишеніе получить въ нашихъ глазахъ совсѣмъ иное значеніе. Оставаясь въ Муромѣ, конечно, не испытывалъ-бы я подобнаго настоящему лишенія: но, лишившись самаго лучшаго на землѣ живаго сокровища, что значило бы для меня обильное, но бездушное золото или серебро? Не усугубило-ли бы оно болѣе мою душевную скорбь и страданіе? И не угрожало-ли бы гораздо большею опасностію, нежели самая великая бѣдность? А теперь, при настоящемъ моемъ положеніи, если довелось мнѣ потерпѣть нѣкоторый недостатокъ: за то онъ вознаграждается многими другими важнѣйшими выгодами, сравнительно съ прежнею мірскою жизнью. При этомъ недостатокъ этотъ кажется отнюдь не удовлетвореніе существенныхъ нуждъ, а только второстепенныхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ. Тѣмъ не менѣе однакожь ваше одолженіе во всякомъ случаѣ имѣетъ для меня полную обязательность“.

18-го числа писалъ я въ Хотимль о. Іоанну Успенскому въ

отвѣтъ на его письмо, отъ 7-го числа, въ коемъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ меня о своей тяжелой и продолжительной болѣзни: 1849 г.

„Сердечное состраданіе возбудила во мнѣ печальная повѣсть о вашей жестокой и продолжительной болѣзни. Если я не могу вполне представить вашего скорбнаго положенія во время столь продолжительной болѣзни, потому что, благодаря Бога, не испытывалъ самъ такого рода болѣзней: за то слишкомъ хорошо понимаю грустное состояніе сестрицы, которое она должна была испытывать, смотря на ваше болѣзненное страданіе: я самъ никогда не испытывалъ всю горечь подобнаго состоянія. Но благодареніе Господу, что Онъ, посѣщая насъ бѣдствіями и скорбями, не до конца гнѣвается на насъ, но яко чадолюбивый отецъ, паки обращаетъ къ намъ свѣтлое лице Свое.

Душевно радуюсь сколько за васъ, столько-же и за сестрицу, о возстановленіи вашего разстроеннаго здоровья. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь, что посѣтившая васъ болѣзнь послужитъ для васъ назидательнымъ урокомъ на будущее время. Думаю, что впредь вы болѣе будете дорожить своимъ здоровьемъ; не станете расточать его понапрасну, предаваясь по прежнему излишнимъ заботамъ и предпринимая снова непосильные труды. Нѣтъ, любезнѣйшій, если не для себя, то для семейства надобно хранить свое здоровье. А почему-же не хранить его и для себя? Не оно-ли есть первое условіе всякаго земнаго благополучія? — Тяжкій опытъ, конечно, достаточно вразумилъ васъ, что безъ здоровья ничего не значатъ ни богатство, ни честь. *Лучше нищѣ здоровъ и крѣпокъ въ силѣ своей, нежели богатъ уранскъ тѣломъ своимъ*, говоритъ мудрый сынъ Сираховъ: *здравіе и крѣпость лучше есть всякаго злата, и тѣло здоровое, нежели богатство безчисленное.* — Особенно теперь, когда и крѣпкія силы легко могутъ изнемогать подъ тяжкимъ бременемъ подвиговъ и трудовъ священническаго служенія, вамъ нужно позаботиться о подкрѣпленіи своего здоровья. Нельзя, конечно, безъ крайней нужды, оставлять исполненія обязанностей своего званія, въ особенности при настоящихъ церковныхъ вашихъ обстоятельствахъ: за то можно, кажется, безъ большаго ущерба, отложить на время всѣ житейскія заботы и попеченія, чтобы доставить себѣ, по

1849 г. возможности, больше покоя и отдохновения. Да не оскорбять васъ такіе, можетъ быть, не совсѣмъ пріятныя совѣты! Но вѣрьте, что они проистекаютъ отъ сердца, васъ искренно любящаго и принимающаго живое участіе во всѣхъ вашихъ радостяхъ и горестяхъ!

Сколько неприятное впечатлѣніе произвело на меня послѣднее письмо ваше, столько-же, напротивъ, радостное и пріятное чувство возбудило во мнѣ ваше извѣстіе о судьбѣ Елизаветы Петровны, — извѣстіе, сообщенное въ предъидущемъ письмѣ, которое имѣлъ я удовольствіе получить 29-го декабря минувшаго года, и за которое до сихъ поръ — извините, не собрался васъ поблагодарить. Услышавъ объ устройствѣ судьбы сестрицы, я такъ обрадовался, что какъ будто-бы шло дѣло о моей собственной участи: такъ близко къ моему сердцу все, касающееся до моихъ родныхъ! — По видимому, судьба Елизаветы Петровны устроена, какъ нельзя лучше; и дай Богъ, чтобы ея счастье продлилось на долго, на долго.... Когда они будутъ у васъ, или вамъ случится быть у нихъ: прошу поздравить ихъ отъ меня съ законнымъ бракомъ, хотя это уже не много и поздно, — и пожелать всего добраго, наипаче-же супружескаго единодушія. А если Богъ приведетъ мнѣ быть когда-нибудь въ вашихъ краяхъ, то постараюсь и лично засвидѣтельствовать Сергію Ивановичу и сестрицѣ мое усердное почтеніе.

Что до меня, — я, слава Богу, здоровъ и благополученъ.

При постриженіи моемъ, совершитель — свящ. обряда — о. ректоръ почтилъ меня краткою, но назидательною рѣчью. Рѣчь эту онъ даже отпечаталъ и вѣскольکو экземпляровъ подарилъ мнѣ, разумѣется, для раздачи роднымъ. Изъ числа сихъ экземпляровъ одинъ посылаю вамъ въ знакъ памяти.

Прошу принять этотъ незначительный даръ, какъ голосъ моего неизмѣннаго къ вамъ расположенія.

Съ братскою къ вамъ любовію и усердіемъ честь имѣю пребыть Моск. д. ак. студ. іеромонахъ Савва^н.

3-го апрѣля писалъ я въ Муромъ своему благопріятелю А. А. Горицкому:

„Въ письмѣ вашемъ отъ 17 апрѣля прошедшаго года выражена такая мысль, что для васъ не столько пріятны мои привѣтствія, сколько чистосердечная откровенность от-

посительно моихъ нуждъ и недостатковъ. Основываясь на 1849 г. семъ, не обинуясь открываю вамъ, что я терплю теперь совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Итакъ, если оказывать благодѣянія ближнему составляетъ для васъ удовольствіе; то прошу васъ, не откажите себѣ на сей разъ въ этомъ удовольствіи, — благоволите по прежнему удовлетворить моей настоящей нуждѣ. И будьте увѣрены, что благодѣяніе въ такомъ видѣ, въ какомъ вы оказываете, имѣетъ сугубую цѣну не только предъ очами небеснаго Мздовоздателя, но и предъ лицомъ благодѣтельствуемаго вами. Впрочемъ, изъяснять подробно тѣ чувства признательности, съ какими всегда я принималъ и буду принимать ваши благодѣянія, было-бы излишне: глубокія и искреннія чувствованія чаще любить таиться въ глубинѣ сердца, чѣмъ выражаться многословіемъ.

Кромѣ денежнаго оскудѣнія, всѣ прочія обстоятельства мои, слава Богу, благополучны. Чѣмъ болѣе живу въ академіи, тѣмъ болѣе чувствую себя свободнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ принялъ на себя иноческій санъ. Пока былъ священникомъ, мои мысли все еще какъ-то двоились, мое положеніе все было еще неопредѣленно; а теперь — совсѣмъ иное дѣло: теперь уже я сталъ какъ-бы свой человѣкъ, особенно въ кругу монашествующихъ.

Науками занимаюсь по прежнему столько, сколько позволяютъ силы. Отправляясь въ академію, и думалъ, что и на одинъ годъ не станеть моихъ силъ: но вотъ, по милости Божіей, и третій годъ уже на исходѣ, и я не только не чувствую изнеможенія въ силахъ, но напротивъ, какъ будто еще нѣсколько укрѣпился въ своемъ здоровьѣ. При всѣхъ утомительныхъ, повидимому, занятіяхъ науками, жизнь въ академіи много спокойнѣе въ сравненіи съ жизнью мірекою.

Я не назначаю количества потребной для меня суммы денегъ, съ одной стороны, потому, что не могу заранѣе опредѣлить въ точности всѣхъ имѣющихся случиться потребностей, а съ другой — потому, что боюсь ограничить вашу щедрость. Скажу только, что всякое, малое или великое одолженіе, при настоящемъ моемъ оскудѣніи, равно будетъ обязательно для меня*.

1849 г. А 5-го ч. писалъ мнѣ изъ Муромъ шурина С. В. Царевскій:

„Поздравляемъ васъ съ прошедшимъ днемъ мірскаго вашего ангела и съ настоящимъ торжествомъ Воскресенія Христова. Да исполнитъ Господь сердце ваше той духовной радости, которая при семъ праздникѣ раждается въ душахъ всѣхъ вѣрующихъ, и которая особенно ощутительна въ сердцахъ отрѣшенныхъ отъ міра!

Отъ души благодарю за ваше послѣднее, дружественно-назидательное письмо. Совѣты ваши такъ мнѣ по сердцу, что я вопреки имъ никогда не поступлю; особенно-же въ случаѣ избранія рода жизни.

Письмо ваше ко мнѣ начинается такъ: „если нѣтъ у меня рѣшительной склонности снова вступить на поприще науки, то надобно избирать уже другой какой-ниб. путь“. Желалъ-бы, очень желалъ, еще образовать себя въ академіи, — но не поздно-ли уже объ этомъ думать. Можете ли вы подать *и чрезъ два года* такую же помощь мнѣ при вступленіи въ академію, какую обѣщали предъ окончаніемъ нашего курса? Если-бы такъ, я съ своей стороны не сталъ-бы медлить въ приготовленіи себя къ вступленію на путь учести. Спросите, отъ чего такой вопросъ родился?

Александръ Ивановичъ съ Катинькой, пріѣхавши отъ васъ, сказали, что напрасно я пропустилъ случай въ прошедшемъ сентябрѣ вступить въ академію: — что, по вашему мнѣнію, чрезъ два года трудно будетъ это сдѣлать и лучше искать какого-нибудь мѣста священническаго, или вступить, смотря по расположенію, въ статскую службу. Отъ чего-же эта трудность предвидится; отъ того-ли, что вы, окончивъ курсъ академіи, менѣе будете имѣть возможности вспомоствовать мнѣ при вступленіи въ оную? По ихъ мнѣнію такъ! А мнѣ кажется, вы не то вовсе имъ сказали, а только, — что въ прошедшемъ году легко можно было поступить въ академію по причинѣ малаго числа явившихся къ экзамену студентовъ, или не такъ я думаю?

Касательно священническаго сана, спрошу васъ, какъ узнать способенъ-ли я принять оный? Говорить надобно судить по расположенію души и внутреннему влеченію, — но я не замѣчаю особенной склонности ни къ какой должности. Воля моя теперь такъ настроена, что я готовъ быть

и священникомъ и приказнымъ. Жду — не будетъ-ли какого 1849 г.
 ибудь побужденія свыше, отъ Правящаго вселенной и осо-
 бенно жребіемъ человѣческимъ, — поступить туда или сюда?

Прощайте! Любящій васъ братъ Сергій Царевскій⁴.

Въ концѣ великаго поста прибылъ въ Москву Высочай-
 шій дворъ по случаю открытія и освященія возобновлен-
 наго Императорскаго Дворца, составляющаго украшеніе Мо-
 сковскаго кремля. Освященіе великолѣпнаго царскаго жи-
 лица послѣдовало 3-го апрѣля, въ день свѣтлаго Христова
 Воскресенія, послѣ литургіи въ дворцовой церкви. Обрядъ
 освященія совершалъ приснопамятный митрополитъ Москов-
 скій Фидаретъ и говорилъ при семъ пріличную рѣчь. Го-
 сударь Николай Павловичъ приглашалъ послѣ сего Владыку
 къ своей царской трапезѣ, но онъ не могъ принять сего
 приглашенія потому, что долженъ былъ совершать въ Ус-
 пенскомъ соборѣ позднюю литургію.

Во время свѣтлой седмицы нѣкоторыя изъ Высочайшихъ
 особъ посѣтили Троицкую лавру и вашу академію.

Прежде всѣхъ, именно 2-го числа, пожаловала къ намъ
 Великая Княгиня Марія Николаевна. Прибывъ въ лавру въ
 въ два часа по полудни, въ 7 ч. вечера она посѣтила
 академію. Черезъ ректорскіе покои она перешла въ залу
 собраній, гдѣ Ея Высочеству были представлены наставники
 и студенты; посѣтила за тѣмъ академическую библіотеку,
 комнаты для занятій и студенческія спальни. Въ 8-мъ
 часовъ слушала въ Троицкомъ соборѣ пасхальную утреню,
 а на другой день, 7-го числа, выслушавъ литургію и моле-
 бенъ преп. Сергію, въ 10 ч. отправилась въ обратный
 путь.

11-го ч., въ понедѣльникъ на Оумной недѣлѣ, прибылъ
 въ лавру высокопреосвященный митрополитъ для встрѣчи
 другихъ Августѣйшихъ особъ.

Въ слѣдъ за нимъ, 12-го ч. прибыли сюда Великій князь
 Константинъ Николаевичъ съ супругою, Великой кня. Алексан-
 дрой Іосифовной, Вел. князь Николай Николаевичъ и Вел. кня.
 Ольга Николаевна съ супругомъ. Всѣ они встрѣчены были
 митрополитомъ во св. вратахъ и привѣтствованы рѣчью.
 Послѣ краткаго богомолья въ соборѣ и послѣ обозрѣнія
 лаврской ризницы, они, въ сопровожденіи митрополита,
 посѣтили, въ 5 часу по полудни, академію. За тѣмъ слу-

1849 г. шали въ Троицкомъ соборѣ всенощную, а на другой день литургію, по окончаніи коей отправились въ обратный путь. Возвращаюсь нѣсколько назадъ.

6-го апрѣля писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Г. Троепольскому:

„Можетъ быть, вы уже предувѣдомлены чрезъ почтеннѣйшаго А. А. о причинѣ, по которой я не могъ, вмѣстѣ съ нимъ, и вамъ принести мое усерднѣйшее поздравленіе съ настоящимъ свѣтлымъ праздникомъ. Точно, не смотря на тихую монашескую жизнь, у меня бывають и теперь своего рода недосуги, которые не рѣдко препятствуютъ свободно располагать своими занятіями. Не говоря уже о постоянныхъ, общихъ для всѣхъ насъ, школьныхъ занятіяхъ, которыя не оставляють насъ и въ праздникъ, я имѣю еще теперь особенную частную должность, исполненіе которой относится, впрочемъ, только къ праздничнымъ днямъ. Съ поступленіемъ на старшій курсъ, мнѣ поручено (было) начальствомъ завѣдывать церковною службой по академіи. Сущность дѣла состоитъ въ томъ, чтобъ узнать предварительно отъ начальства, т. е. отъ ректора, о времени и мѣстѣ Богослуженія, потомъ объявить волю настоятеля сослужащимъ и студентамъ, вытребовать изъ лавры діаконовъ и распорядиться ризницею. Должность сама въ себѣ не трудная, тѣмъ не менѣе однакожь требуетъ большой аккуратности, а подъ часъ можетъ сопровождаться и неприятностями. Впрочемъ, предварительно ознакомившись подъ вашимъ руководствомъ съ порядками церковной службы, я съ большимъ удобствомъ могу проходить это монашеское послушаніе, нежели кто-либо другой изъ моихъ собратьевъ—людей, мало опытныхъ въ этомъ отношеніи. И не я одинъ однакожь несу такую частную должность, есть у насъ и свои особыя канонархи тоже изъ студентовъ, свои чтоцы и свои пѣвчіе; а для исправленія низшихъ порученій по церковной службѣ—особый служитель изъ постороннихъ людей. Все бы хорошо въ этомъ отношеніи: одно только неудобство—нѣтъ своей особой церкви, — и своихъ діаконовъ.

Въ послѣднемъ случаѣ нашъ курсъ такъ бѣденъ, что нѣтъ ни одного іеродіакона—студента, между тѣмъ какъ іеромонаховъ—трое. Поэтому каждый разъ къ намъ отпра-

жаются іеродіаконы изъ лавры, большею частію перемѣн- 1849 г.
ные и, разумѣется, худшіе. Да и настоятеля-то наши то и дѣло
перемѣняются: то служитъ о. ректоръ, то инспекторъ, то
кто-нибудь изъ старшихъ профессоровъ. Отъ этого слу-
женіе наше, особенно въ такіе великіе праздники, каковы
настоящій, бываетъ не совсѣмъ стройно, а это крайне не
правится миѣ. При семъ невольно воспоминаешь каждый
разъ о нашемъ прежнемъ Муромскомъ служеніи. За то тѣмъ
пріятнѣе бываетъ присутствовать при лаврскомъ Богослу-
женіи, которое совершается со всею торжественностію и
точностію. О. намѣстникъ—человѣкъ опытный и строгій
ревнитель порядка“.

16-го ч. дано было намъ 6-ть темъ для сочиненія, по
классу Нравствен. богословія. Вотъ эти темы:

1) „Можно-ли безъ борьбы достигнуть нравственного
совершенства?“

2) О вліяніи чистой нравственной жизни на даръ про-
зорливости и предвѣдѣнія.

3) О вмѣняемости сновидѣній, по ученію православной
Церкви.

4) Безусловно-ли противна духу христіанской нрав-
ственности вѣра въ сны?

5) Имѣетъ-ли нравственную цѣну подвигъ послушанія,
когда исполняются требованія, которыхъ значеніе и цѣль
непонятны для исполняющаго?

6) Есть-ли въ нравственныхъ основаніяхъ социализма
что—нибудь согласное съ духомъ ученія Христова?“

Я не писалъ по этому предмету сочиненія, не помню,
по какой причинѣ.

19-го ч. писалъ миѣ Муромскій о. протоіерей Тропольскій:

„Какъ сходятся наши желанія! я хотѣлъ писать вамъ
въ 30-е марта, но отложилъ. Вы—не Іоаннъ. Послѣ Пасхи
беру перо—и получаю ваше письмо. Тѣмъ съ большимъ
удовольствіемъ, въ соотвѣтствіе восклицая: воистину вос-
кресе!—пишу къ вамъ нынѣ.

Весьма пріятно знать, что вы имѣете должность, къ
которой столь давно способны. А какъ повѣрить вашему
объявленію о прежней нашей службѣ, то еще пріятнѣе.
Правда, у насъ безъ великолѣпія, но соборное служеніе,
поелику еще могу держать въ рукахъ все, доселѣ стройно,

1849 г. какъ слышимъ и отъ другихъ. Что-жъ касается до очередной службы, то часто съ удовольствіемъ слышу упрекъ отъ домашнихъ: нѣтъ совсѣмъ—де не тотъ, что былъ. Тотъ благочестивъ—безъ фанисейства, сановитъ—безъ надменія, держалъ себя скромно—безъ притворства, благороденъ—безъ лжины, привлекающъ—безъ ханжества, исполнительенъ—безъ излишества и недостатка. Да кто это? Ну что притворяться, будто вы не знаете себя и того...

Далѣе—приходятъ и мнѣ на память великоважные случаи по Мурому, какъ и въ Лаврѣ. Да, со стороны смотрѣть вождельно, а быть въ отвѣтственности—другое дѣло. Но благодарю за сообщенную новость. На выраженія ваши, противъ письма моего къ вамъ, отвѣтствую тѣмъ, что любовь основанная на познаніи истиннаго достоинства, не можетъ быть не истинною. Что пріятно для васъ, то, большею частію, пріятно и для меня. Впрочемъ, къ писанію принуждаться не нужно, а когда скопятся чувства, тогда они не умедлятъ излиться сами.

Наконецъ, вы раскрываете ваше чувство къ любимому вами Мурому,—такія чувства пріятны, а Богъ располагаетъ. Чѣмъ вы долѣе не увидите Муромъ, тѣмъ больше будете ощущать удовольствіе въ желаніи видѣть его. Когда-же довольственнѣе живетъ трудолюбецъ? Когда минетъ мастное лѣто, когда соберутся плоды въ житницу. И ваше посѣщеніе весьма будетъ благовременно по окончаніи жатвы ученія, когда плоды трудовъ съѣси. Годъ съ небольшимъ останется подвига вашего.—Потщитесь для вѣнца воздаянія^а.

24 ч., въ воскресенье, вечеромъ посѣщала академію оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Н. А. Протасовъ вмѣстѣ съ своею супругою. Мы все собраны были въ актовъ залъ, отецъ ректоръ обратилъ на меня вниманіе графа.

На слѣдующій день, 25-го ч., его сіятельство былъ у насъ на лекціи бакалавра Н. П. Гилярова-Платонова, по предмету русскаго раскола; лекторъ излагалъ и опровергалъ ученіе раскольниковъ объ антихристѣ. Оставшись довольнымъ лекціею, графъ выходя изъ класса, сдѣлалъ о нашей академіи такой отзывъ:

„Московская академія всегда доставляла намъ ревностныхъ защитниковъ православія. Желаю, чтобъ и настоящее поколѣніе оправдало надежды правительства“.

23-го ч. писалъ я въ Муромъ шурину С. В. Царев- 1849 г. скому:

„Вы изъявляете искреннее желаніе поступить въ академію: но опасаетесь, не поздно-ли уже объ этомъ думать? Напрасное опасеніе! Развѣ мой примѣръ не служитъ для васъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что начинать, или лучше, продолжать учиться доброму никогда не поздно?— Конечно, нельзя не пожалѣть о томъ, что вы опустили самый благопріятный случай для вступленія въ академію; при томъ же, два года у васъ были-бы уже впереди: но, если нельзя возвратить прошедшаго, то по крайней мѣрѣ не надобно даромъ губить настоящаго. Если вы надлежащимъ образомъ воспользуетесь тѣмъ временемъ, какое остается еще до слѣдующаго пріемнаго экзамена; то это не только облегчитъ вамъ вступленіе въ академію, но будетъ имѣть, въ случаѣ поступленія, значительное вліяніе и на дальнѣйшія ваши занятія. Но еслибы, послѣ всѣхъ вашихъ приготовленій, вамъ и не случилось быть въ академіи: во всякомъ случаѣ вы не останетесь въ накладѣ. Какіе предметы нужно особенно приготовить для экзамена, объ этомъ подробнѣе можете навѣдаться отъ П. П. Каліопина; я съ своей стороны прибавлю только то, что всего важнѣе и полезнѣе заниматься размышленіемъ и упражняться въ сочиненіяхъ какого бы то ни было рода.

Александрѣ Ивановичу я дѣйствительно говорилъ, что чрезъ два года для васъ труднѣе поступить будетъ въ академію, но не потому, что будто-бы я уже не могу болѣе содѣйствовать вамъ на этотъ разъ (хотя, надобно замѣтить, это содѣйствіе во всякомъ случаѣ должно быть отнюдь не какое-нибудь непосредственное, а не болѣе, какъ только ходатайство предъ начальствомъ о дозволеніи вамъ явиться къ экзамену; на непосредственное содѣйствіе, при вступленіи въ академію, разсчитывать никакъ не должно), — а только потому, что тогда пронесся слухъ, будто количество учащихся въ дух. академіяхъ правительство думаетъ сократить. Если это, въ самомъ дѣлѣ, справедливо, то въ такомъ случаѣ поступленіе въ академію, очевидно, должно быть затруднительное, особенно, если много волонтеровъ явится къ экзамену. Впрочемъ, этимъ много смущаться не надобно; стоитъ только по лучше приготовиться; при принатіи въ

1849 г. академію начальство обращаетъ вниманіе не на личности, а на качество отвѣтовъ и преимущественно экспромптовъ.

Но вступить въ академію еще не значитъ совершенно успокоиться: это, напротивъ, только лишь начало подвиговъ и искушеній. Какъ ни спокойна на мой взглядъ жизнь въ академіи; но и здѣсь не мало слышишь жалобъ отъ товарищей. Потому-то болѣе всего я и жалѣю о вашей оплошности, что при мнѣ вы могли бы провести въ академіи два года и спокойнѣе и безопаснѣе. Какія затрудненія и опасности могутъ встрѣтиться для молодаго человѣка въ академіи, объ этомъ писать теперь не стану, а при случаѣ объясню это устно.

Въ заключеніе всего скажу вамъ и то, что хорошо поступить и въ академію; но если, въ теченіи слѣдующаго года, представится вамъ благопріятный случай поступить на какую-нибудь должность, не опускайте этого случая, чтобы послѣ не раскаяваться. Въ академіи можетъ быть спокоевъ только тотъ, кто ищетъ собственно духовнаго образованія; но кто смотритъ на академическое образованіе не болѣе, какъ на средство для достиженія матеріальныхъ цѣлей, тѣ, большею частію, обманываются въ своихъ разчетахъ.

Болѣе сказать вамъ на этотъ разъ ничего не имѣю въ виду. Остаюсь любящій васъ братъ іеромонахъ Савва^а.

30-го числа писалъ мнѣ изъ Вятки въ послѣдній разъ о. Стефанъ (Матвѣевъ), получившій назначеніе на должность инспектора въ Пермскую семинарію:

„Честъ имѣю увѣдомить васъ, что я опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ Пермской семинаріи. Опредѣленіе это въ Св. Синодѣ послѣдовало 16-го апрѣля; а въ правленіи Вятской семинаріи получено оффиціальное извѣстіе о семъ 24 мая. Радуюсь моему возвышенію на поприщѣ общественной службы. Радость моя увеличивается еще тѣмъ, что назначенъ инспекторомъ на родину, — въ ту семинарію, гдѣ самъ учился.

Изъ Вятки предполагаю отправиться 10 іюня, а въ Пермь приѣхать 20 іюля. Ибо думаю еще совершить путешествіе по многимъ селамъ Пермской губерніи съ тою цѣлію, дабы имѣть удовольствіе видѣть моихъ родственниковъ.

Путешествовать въ Москву не намѣренъ въ этотъ годъ.

Прошу васъ писать ко мнѣ въ г. Пермь.

1849 г.

Съ глубокимъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорный слуга инспекторъ Пермской семинаріи, магистръ іеромонахъ Стефанъ.

Посылаю вамъ одинъ рубль серебромъ на ваши расходы^а.

3-го іюля писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Михаилъ Граменицкій:

„Давно съ услажденіемъ и сердечнымъ умиленіемъ читаю милое письмо ваше, наполненное чистосердечною откровенностію и пріятностію...

Мое плаваніе по житейскому морю не совсѣмъ-то покойно: случаются противные вѣтры, угрожаютъ потопленіемъ; но всевышній Создатель доколѣ хранитъ и милуетъ; на Него вся моя надежда и упованіе!..

Ахъ, любезнѣйшій другъ! (позвольте такъ назвать себя) если-бы удостоился я повидѣться съ вами, какъ сладко было-бы побесѣдовать и излить предъ вами всю душу и сердечные помыслы! Не будете ли путешествовать въ вакацію въ наши предѣлы Владимірскіе? Не забудьте навѣстить прежняго вашего знакома и друга; тогда какою-бы радостію наполнилась душа моя! А если можно, прошу васъ, хоть на всю вакацію, комната для васъ готова, — радушіе и желаніе неизмѣняемы, вѣчны; — рыбки для васъ или поймать или достанемъ! Только если будетъ Ваше къ сему усердіе, прошу васъ извѣстить за нѣсколько по прежде.

Посылаю вамъ три рубля серебромъ въ знакъ любви и расположенія, — употребите хоть на чай.

Другъ мой! напишите мнѣ, какъ вы исполите подвизаться въ монашеской жизни, — какъ обращаетесь съ музами, — и въ какомъ состояніи ваше здоровье? Нѣтъ-ли у васъ чего новенькаго?.. сего жажду, сего желаю...

Писать болѣе не могу, — путешественники готовы къ исходу, — не взыщите за несвязность^а.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 7-го числа:

„Съ открытіемъ весны и появленіемъ благочестивыхъ ни-лигримовъ въ нашей св. обители, я со дня на день поджидалъ извѣстія отъ васъ, — и вотъ наконецъ надежда не обманула меня. Письмо ваше, и при немъ финансовую записочку я получилъ 5-го іюня: первое читалъ и перечитывалъ съ сердечною любовію, а послѣднюю положилъ въ

1849 г. кошелекъ впродъ до употребленія съ умиленнымъ чувствомъ глубокой признательности къ вамъ. Не обинуясь скажу вамъ, что ваше одолженіе, при настоящемъ моемъ оскудѣніи, очень благовременно, и потому заслуживаетъ сугубую благодарность.

Обращаюсь къ вашему посланію. Прежде всего вижу изъ него (и слышу изъ устъ писмоподателя), что вы и семейные ваши—все здоровы и благополучны: радуюсь, отъ души радуюсь сему.

Что сказать вамъ о противныхъ вѣтрахъ, угрожающихъ вашему спокойствію? Ничего болѣе не скажу вамъ, какъ только предложу дружескій совѣтъ—почаще обращаться къ псалмамъ Давидовымъ, гдѣ такъ много указывается спасительныхъ средствъ къ укрощенію этихъ губительныхъ вѣтровъ. Не напрасно однакожь такъ сильно желаете вы излить свои чувства и передать задушевные мысли старинному другу. Я самъ бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и по собственному опыту знаю, какъ тяжело таить въ себѣ подобныя чувства и мысли. Душевно желалъ-бы и для вашего удовольствія и для собственной пользы посѣтить васъ, но не знаю, позволятъ-ли обстоятельства. Правда, у меня есть-таки непремѣнное намѣреніе во время вакаціи выѣхать изъ академіи куда-бы то ни было, хотя не надолго. Неподвижная и однообразная жизнь въ теченіе почти двухъ лѣтъ, если еще,—благодареніе Богу,—не изнурила совершенно, по крайней мѣрѣ значительно притупила душевные и физическія силы, и потому чувствую настоятельную потребность освѣжить себя сколько-нибудь переменною мѣстою и разнообразіемъ предметовъ. И это тѣмъ болѣе нужно, что теперь предстоитъ намъ послѣдній, но главный трудъ (разумѣю курсовое сочиненіе),—трудъ, который потребуетъ усильнѣйшаго вниманія и напряженія всѣхъ силъ.

Для путешествія предполагаю избрать одну изъ двухъ противоположныхъ странъ—Москву или Ростовъ. Если рѣшусь ѣхать въ Москву, то, не удивительно, что надумаю оттуда устремиться и къ вамъ, потому что въ столицѣ отнюдь не надѣюсь найти потребнаго отдохновенія, а только развѣ удовлетворю одному праздному любопытству, если-же почему-нибудь рѣшусь отправиться въ Ростовъ, то уже не знаю, въ состояніи ли буду удовлетворить вашей просьбѣ.

потому что на этомъ пути имѣю хорошее и надежное при- 1849 г.
станище въ Переславль у о. архимандрита Нифонта, гдѣ
надѣюсь вполне достигнуть главной своей цѣли—отдохно-
венія. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, особенно въ первомъ,
постараюсь предъувѣдомить васъ, но ни въ какомъ случаѣ
не совѣтую вамъ много заботиться о приготовленияхъ къ
моему прѣзду. Для меня не угощеніе потребно, а радушіе
и мирное спокойствіе.

Что сказать вамъ о настоящемъ моемъ положеніи? Живу
такъ-же, какъ вы видѣли въ прошедшемъ году. Мона-
шество почти нисколько не измѣнило моихъ виѣшнихъ от-
ношеній. По прежнему хожу въ Введенію, гдѣ у меня кругъ
знакомства еще болѣе расширился отъ поступленія туда
нѣкоторыхъ изъ кончившихъ въ прошедшемъ году курсъ
нашихъ студентовъ, изъ коихъ особенно былъ всегда бли-
зокъ ко мнѣ С. Г. Вишняковъ.

Здоровье мое не совсѣмъ-то исправно. Вотъ уже около
2-хъ недѣль зубная боль беспокоитъ меня такъ, что не
позволяетъ даже ходить въ классъ,—чему, впрочемъ отчасти
я и радъ, потому что теперь здоровому ходить въ классъ,
по причинѣ начавшихся повтореній, крайне обременительно“.

6-го іюня получено было мною письмо изъ Мурома отъ
семейства Царевскихъ. Вотъ что писали мнѣ отъ 26-го
мая:

„Судя потому, какъ скоро вы отвѣчали на прежнія наши
письма, мы увѣрены были, что и на послѣднее отъ насъ
письмо вы не замедлите отвѣтить. Прошло довольно уже
много времени, — а вы молчите. Это заставляетъ насъ сомнѣ-
ваться, получили-ли вы наше письмо,—здоровы-ли? Но для
чего все перечислять? Мало-ли что можетъ представиться,
когда не получаешь ожидаемаго.

Чтобы разсѣять наши сомнѣнія и различныя представ-
ленія касательно медлительности въ отвѣтъ,—просимъ васъ
хоть строчекъ пятокъ черкнуть, на какомъ-нибудь лоскуткѣ,
и переслать съ сей письмоподательницей. Мы и этимъ до-
вольны будемъ.

Въ ожиданіи вашего отвѣта остаемся любящіе и почита-
ющіе васъ Царевскіе“.

На другой-же день отвѣчалъ я на это письмо:

„По моимъ расчетамъ, вы должны получить мой отвѣтъ

1849 г. на предъидущее ваше письмо въ тотъ самый день, въ который отравили ко мнѣ послѣднюю краткую епистолю, въ которой вы такъ ясно выражаете и нетерпѣливое ожиданіе моего отвѣта и опасеніе за потерю вашего письма и сомнѣніе въ моемъ здоровьѣ. Теперь, конечно, вы уже совершенно успокоились. Почему я, вопреки вашимъ чаяніямъ, не скоро отвѣчалъ на ваше письмо? Во-первыхъ потому, что не видѣлъ крайней надобности снѣшить отвѣтомъ; а во-вторыхъ и потому, что не всегда имѣю столько свободнаго времени, чтобы заняться внѣшнимъ дѣломъ: корреспонденціей вообще (исключая, разумѣется, крайней надобности) я занимаюсь только въ такіе часы, когда или нѣтъ вовсе серьезнаго занятія (хотя это случается весьма рѣдко), или когда, послѣ продолжительнаго серьезнаго занятія дѣломъ, становишься наконецъ неспособнымъ къ занятію имъ, и тогда вмѣсто отдохновенія снѣшу отвѣчать на тѣ письма, которые были получены прежде. Вотъ напримѣръ и теперь письма два-три давно лежатъ у меня и требуютъ непремѣннаго отвѣта, который однакожь послѣдуетъ не прежде, какъ по окончаніи экзаменовъ. Дѣла теперь у насъ такъ много, что некогда и подумать о постороннихъ занятіяхъ. Не знаю, удалось ли-бы мнѣ начертить сіи строки вамъ, если бы зубная боль, которая уже около двухъ недѣль одержитъ меня, не пренятствовала мнѣ ходить въ классъ.

Въ дополненіе къ тому, что было мною сказано въ предъидущемъ письмѣ, я не знаю право, что еще прибавить. Хотѣлъ было я пригласить васъ къ себѣ на нынѣшнюю ваканцію, имѣя въ виду частію собственное удовольствіе, а еще болѣе вашу пользу: но раздумалъ потому, что самъ имѣю замѣреніе во время ваканціи совершить куда-нибудь путешествіе. Отъ продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ и отъ постоянной умственной работы силы мои такъ утомились, что требуютъ непремѣннаго освѣженія. При томъ опасаясь отвлечь васъ отъ вашихъ учительскихъ занятій, о которыхъ я узналъ недавно. Это хорошо вы сдѣлали, что позаботились отыскать себѣ кондицію. Не говоря уже о положительной выгодѣ, настоящее занятіе ваше можетъ приносить вамъ другую, высшую пользу. Известна древняя пословица: *docendo discimus* И это весьма сира-

ведливо: порукой въ томъ—мой собственный опытъ. Только на этотъ разъ совѣтовалъ-бы я вамъ прочесть (и по возможности выполнять) статейку, помѣщенную въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ за нынѣшній годъ (№№ 58—61): „О повиновеніи въ дѣлѣ воспитанія“.—Она такъ понравилась мнѣ, что я не излишнимъ почелъ ее даже списать“.

Въ продолженіи іюня происходили у насъ обычные экзамены. Въ промежуткѣ между устными испытаніями писались экспромты. Такъ 17-го числа мы писали латинскій экспромтъ на тему: „Num verba Apostoli: in ipso vivimus, movemur et sumus (Дѣян. XVII, 28) favent opinioni spinozistarum,—Deum esse animam mundi?—22-го ч. дана была русская тема: „Справедливо-ли говорить, что обѣтованіе Божіе, изображенное въ псалмѣ 131, ст. 13 и 14, но не исполнившееся, противорѣчитъ неизмѣнности Божіей?“.

27-го іюня писалъ я въ Горлицы о. Василию Сапоровскому:

„По заведенному обычаю, слѣдовало-бы мнѣ извиниться передъ вами въ томъ, что я такъ долго не отвѣчаю на ваше довольно подробное и откровенное письмо отъ 30-го марта: но извините, если я на этотъ разъ не подчинюсь принятому обычаю, и объяснюсь вамъ откровенно, что я потому именно и не слѣшилъ отвѣтомъ на ваше письмо, чтобы и васъ на будущее время освободить отъ подобныхъ извиненій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ. По моему мнѣнію, отвѣчать слишкомъ скоро на письмо пріятеля безъ особой нужды, значитъ побуждать или даже обязывать его къ тому-же самому: но это уже будетъ не свободная дружеская бесѣда, а какая-то официальная скучная корреспонденція. Впрочемъ, можетъ быть, и я заблуждаюсь...“

Вы жаловались, что жизнь ваша, при настоящей должности, исполнена постоянными трудами и заботами: правда, но за то есть въ ней и другая довольно выгодная сторона: это—всегдашнее разнообразіе. Если не каждый день, но крайней мѣрѣ, очень часто встрѣчаются вамъ новыя лица, новыя живые предметы для разговоровъ, новыя, хотя и не всегда, правда, пріятныя случаи для дѣятельности. Ничего такого нѣтъ въ моей настоящей жизни. Жизнь моя течетъ такъ однообразно, что, если поподробнѣе описать вамъ

1849 г. одинъ день, это значить описать вамъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Всегда одни и тѣ-же лица, вѣчно одни и тѣ-же занятія, хотя, впрочемъ, предметы этихъ занятій довольно разнообразны и до безконечности неистощимы. Въ послѣднее время и моя жизнь однакожъ нѣсколько оразнообразилась отъ того, что я подвергся болѣзни и при томъ еще не одной. Сначала безпокоила меня зубная боль, да такая сильная, что я рѣшился наконецъ, послѣ предварительныхъ легкихъ средствъ, вовсе искоренить больной зубъ. Но едва лишь освободился отъ этой скучной боли, какъ посетила меня другая, и какая-же? Стыдно сказать—простуда. Въ июнѣ мѣсяцѣ, при 30 почти град. тепла, простудиться—крайне, повидимому, смѣшно: но при нашемъ, довольно искусственномъ образѣ жизни, очень естественно. Чтобы получить эту болѣзнь, мнѣ стоило только, напившись чаю, пробыть нѣсколько минутъ на сквозномъ вѣтрѣ. Но какъ скоро удалось мнѣ навлечь на себя эту болѣзнь, такъ скоро, при пособіи добраго врача—іеромонаха, Богъ далъ и освободиться отъ нея. Послѣ двухдневнаго врачеванія, я начинаю чувствовать себя, слава Богу, почти здоровымъ. Испытать непродолжительную болѣзнь полезно не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Всякое физическое бѣдствіе, какъ посылаемое на насъ Провидѣніемъ, есть поучительный для насъ урокъ.

Не распространяясь болѣе о своихъ обстоятельствахъ, предлагаю вамъ, если угодно, узнать все подробности моей академической жизни отъ подателя нисѣма сего. Этотъ человекъ всегда былъ такъ близокъ ко мнѣ, что я ничего не скрывалъ отъ него. И потому, если вы продолжаете еще питать ваше прежнее ко мнѣ благорасположеніе (въ чемъ однакожъ я не сомнѣваюсь), прошу васъ не отказать въ ласковомъ привѣтѣ и сему новому моему другу“.

О какомъ другѣ идетъ здѣсь рѣчь, не помню.

1-го іюля даны были намъ, студентамъ XVII курса, для такъ называемыхъ, курсовыхъ сочиненій, слѣдующія темы:

1-го разряда:

1. Григорію Смирнову О литургіи преждеосвященныхъ.
2. Василю Лебедеву Противъ Шведенборга.
3. Григорію Быстрицкому . . О св. Іоаниѣ Дамаскинѣ.

4. Сергію Терновскому Обзорніе полемическихъ книгъ 1849 г. писанныхъ противъ раскольниковъ съ конца XVII до начала XIX столѣтія.
 5. Θεодору Попову О свободѣ христіанской въ отношеніи къ гражданскимъ состояніямъ.
 6. Ильѣ Бѣляеву О Стоглавѣ, противъ раскольниковъ.
 7. Василию Холминскому О Максимѣ Грекѣ.
 8. Николаю Рождественскому Православное ученіе о церкви, въ сравненіи съ ученіемъ о семъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.
 9. Егору Попову О св. Кипріанѣ.
 10. Геромонаху Саввѣ Объ устной исповѣди.
 11. Александру Соколову Обзорніе догматико - полемической проповѣди восточной церкви въ IV в.
 12. Василию Взорову О заблужденіяхъ молоканъ.
 13. Θεерапонту Евдокимову Объ обѣтахъ монашества.
 14. Якову Беневоленскому О происхожденіи уніи.
 15. Ивану Васильевскому О имѣющемъ послѣдовать обращеніи іудеевъ.
 16. Данилу Пономареву О пастырскихъ обязанностяхъ по ученію Златоуста.
 17. Александру Воздвиженскому Объ отношеніяхъ Римскаго епископа къ восточнымъ соборамъ до раздѣленія церквей.
 18. Алексѣю Попову
 19. Андрею Любославекому
 20. Виктору Рождественскому
- 2-го разряда.
21. Николаю Астрову Объ обѣтахъ монашества.
 22. Виктору Виноградову О христіанской вѣротерпимости.
 23. Алексѣю Лаврову О св. Іоаниѣ Дамаскинѣ.

} Исторія иконоборства.

- 1849 г. 24. Андрею Боголюбову Объ иконоборствѣ.
25. Степану Орлину О 2-мъ посланіи къ Солунянамъ.
26. Алексею Викторову О сношеніяхъ православной церкви съ протестантами въ XVI в.
27. Михаилу Зенкевичу Обзорніе соборовъ Русской церкви въ періодъ патриаршества.
28. Никитѣ Срѣтенскому О священствѣ.
29. Якову Груздеву О преданіи.
30. Іосифу Голубинскому О патриархѣ Іоакимѣ.
31. Александру Успенскому-Буданову— Пророчества о Спасителѣ въ писаніяхъ Моусеевыхъ.
32. Алексею Миловидову О елеосвященіи.
33. Ивану Островскому О пастырскихъ обязанностяхъ относительно священнодѣйствій по ученію Златоуста.
34. Василию Кондорскому О внѣшнемъ Богослуженіи противъ молоканъ.
35. Кириллу Державину О 2-мъ посланіи къ Солунянамъ.
36. Александру Камышинскому О происхожденіи уніи.
37. Θεодору Никольскому Сравнительное ученіе о церкви.
38. Гавріилу Пернаткину О будущемъ обращеніи іудеевъ.
39. Димитрію Бакрадзе Объ исповѣди.
40. Петру Беневоленскому О христіанской вѣротерпимости.
41. Виктору Всесвятскому О Максимѣ Грекѣ.
42. Θεодору Исполинову О пророчествахъ Малахія.
43. Θεодору Остроумову Объ отношеніи Римскаго епископа къ восточнымъ соборамъ до раздѣленія церквей.
44. Николаю Рудневу О пастырскихъ обязанностяхъ по ученію Златоуста.
45. Степану Твердому О священствѣ.
46. Василию Богословскому О происхожденіи уніи.
47. Іосифу Лебединскому О догматико - полемической проповѣди въ IV в.

48. Василю Никольскому . . . О св. Киприанѣ.
 49. Петру Милованову . . . О самоиспытаніи.
 50. Павлу Щеглову Объ исповѣданіи вѣры.

Рѣшившись посѣтить моего Абакумовскаго друга, М. Д. Граменицкаго, я писалъ ему 1-го іюля:

„Кажется, общее желаніе наше можетъ теперь совершиться. Обстоятельства мои расположились такъ, что я рѣшился ѣхать въ Москву. Только еще не опредѣленъ окончательно срокъ выѣзда моего изъ лавры, впрочемъ, если не завтра, то, кажется, въ воскресенье могу безпрепятственно отправляться въ путь. Сколько времени пробуду въ Москвѣ, такъ же заранѣе опредѣлить не могу, но, вѣроятно, не долѣе, пока не найду къ вамъ подводы; потому что я намѣренъ и обратный путь совершить чрезъ Москву; и тогда-то уже могу пребыть тамъ подольше.

Итакъ, до пріятнаго свиданія!—Но опять повторяю вамъ: не безпокойтесь, Бога ради, заранѣе на счетъ моего пріѣзда. Мнѣ очень совѣстно будетъ, если я введу васъ въ излишніе расходы. При томъ же, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: буду-ли я у васъ или нѣтъ, рѣшительно сказать нельзя: мало-ли что можетъ случиться дорогой?“.

2-го ч., въ субботу, я отправился, въ соупутствіи двоихъ или троихъ товарищей, между прочимъ, Василя Взорова, въ Москву, гдѣ остановился я, съ дозволенія о. ректора, въ его Заиконоспасскомъ монастырѣ. Первопрестольная столица поразила меня прежде всего своими громадными размѣрами. На другой день, 3-го ч., я посиѣшилъ отправиться въ кремль для поклоненія тамошней святыни. Когда я входилъ въ Успенскій соборъ, литургія уже окончилась. Въ этотъ день, по случаю праздника въ честь св. Филиппа, литургію совершалъ преосвященный Іосифъ, викарій, епископъ Дмитровскій, у котораго я, при выходѣ его изъ собора, принялъ благословеніе.

4-го числа мы съ Взоровымъ посиѣшили отправиться въ дальнѣйшій путь. 5-го ч. пріѣхалъ я въ Абакумово, гдѣ встрѣченъ былъ своимъ другомъ съ распростертыми объятіями.

Погостъ Абакумовскій, состоящій изъ 11-ти причтовыхъ дворовъ, расположенъ на берегу рѣчки Липни. Къ нему принадлежитъ 23 деревни съ народонаселеніемъ слишкомъ

1849 г. въ 2000 душъ мужескаго пола. По штату, въ Абакумовскомъ приходѣ положено тогда было три причта. Изъ 3-хъ священниковъ о. Граменицкій былъ, если не старшій, то болѣе прочихъ пользовавшійся въ приходѣ общимъ уваженіемъ и по своему образованію, и по своей строго-честной жизни. Въ продолженіи трехъ-недѣльнаго пребыванія моего въ Абакумовѣ, я былъ свидѣтелемъ неутомимыхъ трудовъ моего бывшего товарища и друга: то ежедневныя, въ продолженіи очередной седмицы, богослуженія, то мірскія требы, иногда съ ранняго утра до поздняго вечера, — то домашнія по хозяйству занятія и хлопоты не давали ему покоя. Свободные-же отъ занятій и трудовъ часы онъ посвящалъ мнѣ; въ эти часы мы съ нимъ или занимались дружескою бесѣдою, или обзрѣвали его поля, или ходили въ лѣсъ за грибами, а иногда отправлялись на рыбную ловлю. Въ праздничные и воскресные дни мы съ нимъ соборнѣ служили въ его приходскомъ каменномъ, довольно благолѣпномъ, храмѣ. Въ отсутствіе моего гостепріимнаго хозяина изъ дому въ приходѣ, я занимался чтеніемъ книгъ, частію изъ его скромной бібліотеки, а частію взятыхъ мною изъ академіи и относящихся къ предмету моего курсоваго сочиненія „объ устной исповѣди“. Такимъ образомъ я могъ соединять въ сельскомъ уединеніи пріятное съ полезнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля я оставилъ гостепріимный кровъ своего друга и отправился въ Москву. Здѣсь прежде всего отыскалъ я своего молодаго товарища по академіи, Николая Димитріевича Рождественскаго (будущаго о. Игнатія). Онъ съ своею матерью вдовой и двумя младшими братьями жилъ у своего дяди, священника бывшего Георгіевскаго монастыря, что на большой Дмитровкѣ. Съ ними мы отправились въ кремль и обошли все соборы. За тѣмъ я посѣтилъ другаго товарища, Ст. Ив. Орлина, сына протоіерея Троицкой, въ Троицкомъ переулкѣ, церкви Ивана Степановича Орлова. О. протоіерей Орловъ, бывши развѣ въ Сергіевомъ посадѣ, и слышавши о мнѣ отъ своего сына, пожелалъ со мною познакомиться, пригласилъ къ себѣ въ квартиру и угостилъ меня чаемъ. При прощаніи, онъ просилъ меня быть въ Москвѣ; и вотъ я не преминулъ воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ. Протоіерей И. С. Орловъ былъ старецъ очевь примѣчательный по

многихъ отношеніяхъ. Не имѣвши высшаго академическаго 1849 г. образованія, онъ отличался необыкновенною любознательностью; зналъ основательно нѣкоторые изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ и извѣстенъ даже въ литературѣ. Такъ, онъ написалъ замѣчательное, по отзыву преосв. Филарета Черниговскаго, сочиненіе: „Историческое начертаніе языковъ, съ описаніемъ ихъ начала, распространенія, перемѣнъ и смѣшенія“, М. 1810 г. (*Обзоръ русск. дух. литературы*, кн. 2, стр. 156, Спб. 1861 г.). Имъ также составлено и напечатано „Историческое описаніе Московской Троицкой церкви, что въ Троицкой“, М. 1844 г. При строго-правственной жизни, онъ былъ примѣрно-исправный пастырь. Желая сохранить въ памяти потомства имена болѣе усердныхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ лицъ изъ своихъ прихожанъ, онъ завелъ при своей приходской церкви Синодикъ (огромной величины фоліантъ), въ который вносили, по смерти ихъ, болѣе или менѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія ¹⁾. Иванъ Степановичъ познакомилъ меня съ Синодальнымъ ризничимъ, соборнымъ іеромонахомъ Евстаѣемъ, а этотъ обязательно открылъ мнѣ входъ въ Патриаршую Ризницу, гдѣ я съ благоговѣйнымъ чувствомъ обозрѣлъ драгоценныя сокровища священной древности, не подозревая, что чрезъ годъ буду самъ хранителемъ этихъ безцѣнныхъ сокровищъ.

Въ Успенскомъ соборѣ я неожиданно встрѣтился съ своимъ землякомъ и съ юныхъ лѣтъ товарищемъ, Н. П. Минервинымъ. Онъ состоялъ въ хорѣ синодальныхъ пѣвчихъ. По выходѣ изъ собора, мы вели съ нимъ дружескую бесѣду о разныхъ предметахъ; между прочимъ, рѣчь зашла о патриаршей ризницѣ, которую я только лишь предъ этимъ посѣтилъ. Описывая важность и особое значеніе должности синодальнаго ризничаго, Минервинъ въ то же время замѣтилъ, что эта должность не легкая и не безопасная по причинѣ частыхъ столкновеній съ лицами разныхъ званій и состояній. Замѣчаніе это крѣпко прѣзлосъ въ моей памяти.

3-го августа возвратился я въ академію и съ обновлен-

¹⁾ Объ этомъ Синодикѣ см. замѣчательную резолюцію митр. Филарета отъ 24 авг. 1860 г. *Духовоз.* чт. 1881 г. май, стр. 121 и сл.

1849 г. ными силами не замедлил приступить къ собиранію матеріаловъ для своего курсоваго сочиненія. Источники и пособія, коими я пользовался для этого сочиненія, указаны въ самомъ сочиненіи.

По возвращеніи въ академію, я поспѣшилъ выразить моему доброму другу, о. Михаилу Граменицкому благодарность за оказанное мнѣ гостепріимство. Отъ 5-го числа писалъ я ему:

„Послѣ личной благодарности, спѣшу письменно повторить вамъ и всему вашему семейству мою сердечную признательность за ваше искреннее, радушное гостепріимство. Пребываніе въ вашемъ домѣ навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Путешествіе мое отъ васъ и до Москвы, и отсюда до лавры совершилось, слава Богу, благополучно. Въ Москву прибылъ я 27 іюля въ 6 часовъ утра. Погода во всю дорогу была, правда, не совсѣмъ благопріятная; однакожь я не потерпѣлъ ни малѣйшаго безпокойства. За то во все время пребыванія моего въ Москвѣ погода была большею частию самая благопріятная, и я, къ величайшему удовольствію моему, успѣлъ очень многое осмотрѣть въ столицѣ.

Постоянную квартиру имѣлъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, но только уже не въ настоятельскихъ покояхъ, а въ кельѣ одного діакона; впрочемъ, эта квартира была для меня гораздо покойнѣе и выгоднѣе. По пріѣздѣ въ Москву, первымъ дѣломъ моимъ было исполнить ваше порученіе. Я обошелъ всѣ почти книжныя лавки, какія находятся на Никольской улицѣ, отыскивалъ требуемую вами книгу, но, къ сожалѣнію, ни одной не нашелъ. Было нѣсколько экземпляровъ у Ѳерапонта и тѣ недавно всѣ разошлись. Осталось теперь адресоваться только въ Ярославль и это я непременно исполню, когда возвратятся въ академію мои товарищи. Между тѣмъ какъ другая книга, о цѣнѣ которой вы просили меня навѣдаться, нашлась легко, и даже не въ одной лавкѣ. Думаю, что вы не будете въ претензіи на меня, если я вмѣсто первой вышлю вамъ послѣднюю. Цѣна этой книги, признаться, довольно высокая (именно 3 р. 30 к. сер. безъ переплета): но я увѣренъ, что прочитавши эту книгу, вы не будете сожалѣть о деньгахъ. Я

не выслать ее изъ Москвы потому, что мнѣ лучше захо- 1849 г.
тѣлось представить ее вамъ въ переплетѣ.

Признаюсь вамъ, я не въ состояніи передать вамъ на письмѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ. Скажу только вообще, что Москва произвела на меня самое приятное впечатлѣніе. Все, что я ни видѣлъ въ Москвѣ замѣчательнаго, крайне интересовало меня. Вездѣ, гдѣ ни доводилось мнѣ быть, я былъ принятъ очень хорошо. Видѣлся съ нѣкоторыми изъ прежнихъ знакомыхъ, какъ-то: — съ Матвѣемъ Ив. Соколовымъ, Петромъ Вас. Приклонскимъ, Ив. Ив. Приклонскимъ, Николаемъ Петр. Минервинымъ и пр. Здѣсь такъ-же имѣлъ я счастье видѣться съ преосвященнымъ Евсеіемъ, прежнимъ нашимъ ректоромъ. Я нарочно ходилъ въ Высокопетровскій монастырь, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе, принять отъ него благословеніе. Послѣ краткой устной бесѣды, Владыка благословилъ меня не болѣе пространною печатною брошюркой его же собственнаго изданія: „Размышленія на молитву Господню“.

28-го іюля былъ въ Москвѣ великолѣпный крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Новодѣвичій монастырь; но мнѣ не удалось видѣть его; за то я вполне наслаждался прекраснымъ зрѣлищемъ 1-го августа, когда совершенъ былъ ходъ изъ Успенскаго собора на Москву рѣку. Преосв. митрополитъ самъ служилъ и литургію и былъ въ крестномъ ходу. Погода была ясная, стеченіе народа было весьма многочисленное. Этого собственно случая я и ожидалъ только въ Москвѣ; иначе я оставилъ бы ее гораздо ранѣе, не смотря на ея радушіе и гостепрѣимство. Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія моего въ Москвѣ, я до того былъ оглушенъ столичнымъ шумомъ, что онъ и до сихъ поръ раздается у меня въ ушахъ. Изъ Москвы отправился я 2-го числа въ 9 ч. утра. На другой день въ 10 ч. утра благополучно прибылъ въ лавру. Какъ приятно было возвратиться подъ мирную сѣнь св. обители послѣ довольно продолжительнаго путешествія, и особенно послѣ шестидневнаго пребыванія въ шумной столицѣ!

Въ академіи и лаврѣ все, слава Богу, благополучно.

6-го ч. писалъ я въ Пермь новому инспектору семинаріи, отцу Стефану:

„Пріятнымъ долгомъ поставляю привѣтствовать васъ съ

1849 г. новою должностію. Дай Богъ, чтобъ труды ваши и на этомъ новомъ поприщѣ увѣнчавались всегда счастливыми успѣхами. Можно думать, что ваша прежняя учительская служба не осталась вовсе безъ приложенія и къ настоящему вашему служенію. Какъ ни значительно, по видимому, разстояніе между семинарією и училищемъ: но въ сущности дѣла, мнѣ кажется, нѣтъ между ними большого различія. Такъ объ этомъ трактуетъ и наше правительство. Когда былъ у насъ минувшею весною г. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, то, распросивши меня подробно объ обстоятельствахъ моей жизни, обратился къ о. ректору и сказалъ: „вотъ этотъ будетъ самый надежный служитель церкви; онъ много уже испыталъ въ жизни“. Дай Богъ, чтобы эти пророчесвенныя слова оправдались самымъ дѣломъ.

Да, почтеннѣйшій о. Стефанъ! вотъ уже близокъ конецъ и моего академическаго поприща. О, если бы далъ Господь благополучно достигнуть пристани!— Физическія силы мои, правда, не такъ слабы, чтобъ можно было отчаяваться: но вѣдь мало-ли какихъ внезапностей бываетъ въ жизни? Осталось теперь совершить одно, но за то, правда, самое главное дѣло, я разумѣю курсовое сочиненіе. Предложенія даны намъ еще предъ ваканціей. Мнѣ досталось писать по Пастырскому богословію— „объ устной и словесной“. Вотъ уже слишкомъ цѣлый мѣсяць, а я еще и не приступалъ въ дѣлу. Съ 2-го іюля и по 8-е августа былъ я въ путешествіи. Признаюсь вамъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ я дошелъ почти до крайняго отупѣнія въ силахъ; и потому я принялъ съ крайнимъ удовольствіемъ приглашеніе одного сельскаго священника, бывшаго товарища моего по семинаріи—посѣтить его во время ваканціи, и никакъ не раскаиваюсь въ моемъ поступкѣ.

Трехнедѣльное пребываніе мое въ деревнѣ значительно оживило меня и укрѣпило мои силы. На обратномъ пути изъ деревни цѣлую недѣлю провелъ я въ Москвѣ. Видѣть въ первый разъ нашу древнюю столицу было для меня крайне интересно. Москва произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе. Все время пребыванія моего въ Москвѣ я исключительно посвящалъ на обозрѣніе ея достопримѣчательностей. Постоянную квартиру я имѣлъ въ Занкопоспасскомъ монастырѣ, гдѣ настоятелемъ нашъ о. ректоръ. Въ Москвѣ

имѣлъ я удовольствіе видѣться съ преосвящ. Евсевиємъ и 1849 г. и принять отъ него благословеніе. Онъ ѣздилъ на ревизію въ Смоленскъ, былъ потомъ на своей родинѣ, гдѣ освящалъ, созданный на его собственное иждивеніе, храмъ, на обратномъ пути посѣтилъ нашу лавру, и оттуда чрезъ Москву, вѣроятно, отправился въ Петербургъ⁵.

11-го числа получилъ я изъ Казани отъ студента академіи, Ивана Борис. Акимова, письмо, въ которомъ онъ писалъ отъ 6-го числа:

«Пріятнѣйшимъ для себя долгомъ считаю засвидѣтельствовать вамъ мое искреннѣйшее почтеніе, а равно отъ души пожелать въ добромъ здравіи приняться, писать и окончить ваше курсовое сочиненіе, которое должно завершить труды академическіе. Молю Господа Бога и угодниковъ святителей Пурія, Варсонофія и Германа—Казанскихъ чудотворцевъ, да силою благодати помогаютъ вамъ въ вашихъ трудахъ. А равно всеубѣдительнѣйше прошу не забывать въ вашихъ молитвахъ и многогрѣшнаго раба Іоанна, а болѣе всего у мощей св. Сергія—нашего всеобщаго заступника, покровителя и помощника».

«Да, возлюбленнѣйшій о. Савва!—я глубоко убѣдился, что молитва праведника много значить предъ Богомъ и молитва святымъ—много вспомошествуетъ нашимъ, часто даже, чисто человѣческимъ желаніямъ—вотъ убѣжденіе, которое и получилъ и храню въ сердцѣ, находясь два года близъ св. мощей св. чудотворца Сергія. Все, о чемъ я ни молилъ его, все оканчивалось и оканчивается благополучно. А потому тѣмъ усердиѣе прошу и васъ не забывать въ вашихъ мольбахъ меня—человѣка, душевно полюбившаго васъ и уважающаго».

«Что вамъ написать еще о себѣ самомъ? Я, слава Богу, годъ провелъ хорошо въ новой своей академіи и не раскаиваюсь нисколько въ своемъ переходѣ, тѣмъ болѣе, что, въ продолженіе года, я успѣлъ заслужить вниманіе начальства. Въмѣсто хорошаго поведенія, которымъ подарило меня ваше начальство, и за нынѣшній годъ отмѣченъ о. инспекторомъ поведенія „отлично хорошаго“,—и въ списокъ поведенія стою подъ № 6. Общаго же списка у насъ еще нѣтъ и не составленъ, а на дняхъ ожидаемъ составленія. Не думаю окончить курсъ въ первомъ раз-

1849 г. радѣ, — но все-таки и буду не на концѣ, если Богъ дастъ здоровья и благополучія.

За тѣмъ простите, честнѣйшій о. Савва, — цѣлую васъ заочно. Остаюсь полный любви и почитанія къ вашему преподобию“...

23-го августа писалъ мнѣ изъ Перми инспекторъ семинаріи о. Стефанъ:

„Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, полученномъ мною 20-го августа, вы предложили мнѣ вопросъ: имѣла-ли вліяніе на настоящее мое служеніе прежняя училищная служба? отвѣчаю: въ послужномъ моемъ спискѣ вовсе не означается, что я служилъ при училищахъ до поступленія въ академію; изъ этого можно заключить, что Св. Синоду и неизвѣстно то, что я былъ инспекторомъ училищъ, а слѣд. эта служба не имѣла вліянія на мое возвышеніе. Что же имѣло вліяніе? Во 1-хъ то, что я магистръ; во 2-хъ то, что нашъ ревизоръ, епископъ Неофитъ отлично рекомендовалъ меня въ своемъ отчетѣ Синоду. Желаю и вамъ окончить курсъ въ первомъ разрядѣ и служить при добромъ епископѣ.

Пріятнымъ долгомъ признаю увѣдомить васъ, что я благополучно пріѣхалъ въ Пермь 15-го іюля, а на другой день вступилъ въ должность инспектора семинаріи. Архіепископъ Аркадій принялъ меня благосклонно. Въ концѣ іюля я получилъ благословеніе отъ Св. Синода за Вятскую службу“.

16-го сентября писалъ я въ Вязники школьному товарищу о. Богородскому:

„Другъ мой! ты просишь меня раскрыть тѣ чувствованія и мысли, съ какими вступалъ я въ новый періодъ жизни? Охотно удовлетворилъ бы твоей просьбѣ, еслибъ это было сколько-нибудь возможно: но знаю, что сильныя и едино-кратно потрясшія душу чувства весьма трудно уловить и заключить въ опредѣленные слова. Скажу только, что при вступленіи въ монашество я испыталъ то же, что не разъ испытывалъ и прежде при важнѣйшихъ перемѣнахъ моей жизни, т. е. какое-то умилительное состояніе духа. Что касается до внѣшняго моего положенія, то оно почти насколько не измѣнилось: я и теперь такой же студентъ, какимъ былъ и прежде; — при исполненіи студенческихъ обязанностей, почти вовсе остаются безъ исполненія обя-

занности собственно монашескія. Впрочемъ наше, такъ на- 1849 г.
зывается, ученое монашество состоитъ на нѣкоторыхъ осо-
бенныхъ правахъ, и по необходимости должно имѣть нѣко-
торое различіе отъ обыкновеннаго монашества, хотя то и
другое должно быть проникнуто и одушевлено однимъ и
тѣмъ же духомъ.

Что касается до нашего свиданія, то, можетъ быть,
чрезъ годъ, когда уже я совершенно освобожусь отъ школь-
ной жизни, какъ-нибудь не случится-ли мнѣ посѣтить васъ.
Тогда времени свободнаго у меня будетъ довольно. Въ Му-
ромъ правда приглашали меня и на нынѣшнюю вакацію:
но я не расположился предпринимать отдаленнаго путеше-
ствія по той причинѣ, что дорожилъ временемъ. Для освѣ-
женія и подкрѣпленія силъ я провелъ однакожь весь іюль
мѣсяцъ въ путешествіи. Былъ у М. Дм. Граменицкаго;
прогостилъ у него цѣлыя три недѣли. Какъ онъ былъ радъ
мнѣ! За то и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ у
него время. Отъ него заѣхалъ въ Москву. Здѣсь также
провелъ цѣлую недѣлю. Съ величайшимъ наслажденіемъ
осматривалъ священные памятники первопрестольной сто-
лицы. По возвращеніи изъ путешествія чувствую себя зна-
чительно лучше прежняго въ отношеніи къ здоровью. Те-
перь занимаюсь, такъ называемымъ, курсовымъ сочиненіемъ:
это уже послѣдній, но главный трудъ, по которому окон-
чательно рѣшается судьба каждаго студента. Мнѣ досталось
писать „объ устной исповѣди“. Признаюсь вамъ, не мало
потребно труда и усилій, чтобъ удачно совершить этотъ
окончательный трудъ“.

4 ноября писалъ я въ с. Абакумово своему другу, о. Гра-
меницкому:

„Честь имѣю привѣтствовать васъ съ наступающимъ
днемъ вашего ангела. Предстательствомъ небеснаго вашего
патрона да сохранитъ Господь ваше здравіе на многія
лѣта, а мечъ архистратига горнихъ силъ да ограждаетъ
вашу безопасность отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и неви-
димыхъ! Отсутствуя тѣломъ, я не премину принять участіе
духомъ въ вашемъ семейномъ торжествѣ, когда настанетъ
день вашего ангела.“

Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею
просьбою: просьбу эту тѣмъ смѣлѣе предлагаю, что вы за-

1849 г. ранѣе обѣщались не отказывать мнѣ въ этомъ случаѣ. Вотъ обстоятельства какого рода вынуждаютъ меня быть предъ вами откровеннымъ. Съ давнихъ поръ началъ я брать въ известной лавкѣ нужныя для меня вещи: денегъ между тѣмъ не уплачивалъ довольно давно. На сихъ дняхъ займодавецъ не обинуясь сдѣлалъ мнѣ напоминаніе объ уплатѣ долга. Но какъ иначе мнѣ удовлетворить законное требованіе займодавца, если снова не одолжиться у кого бы то ни было? Могъ бы я, конечно, въ этомъ случаѣ обратиться и къ кому-нибудь другому: но послѣ того, какъ вы такъ великодушно вызвались помогать мнѣ въ нуждѣ, было-бы съ моей стороны непростительно вашей пренебрегать дружеской услугой. Итакъ, благоволите, любезнѣйшій другъ, одолжить меня на сей разъ такую-же суммою, какою вы одолжили меня прежде. Болѣе объ этомъ предметѣ сказать вамъ не знаю что, кромѣ развѣ того, что ваше одолженіе будетъ принято мною съ величайшею признательностію.

Особеннаго о себѣ сказать вамъ ничего не могу. Въ послѣднихъ числахъ сентября былъ не много боленъ простудою, впрочемъ такъ, что по причинѣ сильной боли въ головѣ, цѣлую недѣлю не могъ ничего думать; за то теперь, слава Богу, здоровъ и благоденствую. По обыкновенію занимаюсь своей ученой работою, наравнѣ съ другими копаюсь въ пыльныхъ фоліантахъ: признаюсь вамъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ переверочалъ книгъ довольно много всякихъ сортовъ — и христіанскихъ и басурманскихъ. Прежде я опасался, что нечего будетъ мнѣ почитать для своего предмета, а теперь открылось такое множество источниковъ, что едва-ли буду въ состояніи всѣхъ ихъ пересмотрѣть. Вотъ теперь-то открывается все значеніе и польза знанія языковъ. Наша русская литература слишкомъ еще бѣдна, чтобъ можно было ограничиться ея произведеніями при ученомъ изслѣдованіи какого-бы то ни было богословскаго, не говорю, философскаго вопроса. Впрочемъ, какъ ни много, повидимому, уже трудился я, но въ существу дѣла до сихъ поръ еще не приступилъ, даже не составилъ еще опредѣленнаго плана. Но времени впереди еще не мало, лишь-бы Господь подкрѣпилъ силы, — авось какъ-нибудь приведу къ концу начатое дѣло.

Недавно вышло изъ печати курсовое сочиненіе о св. Ди-

митріѣ Ростовскомъ, о которомъ я говорилъ вамъ во время 1849 г. вакаціи. Чѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ этого творенія, тѣмъ менѣе, кажется, удовлетворило оно общему ожиданію. Біографія святителя написана, правда, довольно интересно; но разборъ его сочиненій уже черезъ чуръ ученъ, чтобы не сказать—сухъ, такъ что ни у кого почти не достаетъ терпѣнія прочитать до конца все сочиненіе. Впрочемъ это въ духѣ нашей академіи, которая всегда отличалась ученостью и утомительной сухостью, хотя этого и нельзя поставить ей въ укоръ. Кіевская академія совсѣмъ иное дѣло; тамъ господствуетъ противоположное направленіе. Да! Прочитали-ли вы гомилетику Амфитеатрова? вотъ самый лучший образецъ всего направленія Кіевской академіи. Ну—что, какъ она вамъ нравится? Прошу высказать объ ней ваше сужденіе“.

30-го ноября получено было мною въ отвѣтъ на это письмо отъ о. Михаила Граменицкаго отъ $12/26$ числа посланіе слѣдующаго содержанія:

„Господь Богъ да подкрѣпляетъ васъ Своею благодатію на поприщѣ подвиговъ иноческихъ и на стези просвѣщенія умственнаго!

Послѣ отправления вашего доселѣ я и семейство мое здоровы. Проводивши васъ, ужасную почувствовалъ тоску и скуку, какъ будто чего-то я лишился, или что-то потерялъ; даже и теперь какъ только войду въ свѣтелку,—тотчасъ воображаю видѣть васъ: но вмѣсто того на самомъ дѣлѣ вижу гвоздики, гдѣ висѣли ваша камилавка и шляпа. На цѣлую жизнь вы обязали меня благодарною памятью за ваше посѣщеніе. Вполнѣ чувствую, что вы это сдѣлали по искреннему ко мнѣ расположенію,—и увѣренъ, что это ваше расположеніе не измѣнится.

Дѣти мои часто васъ поминаютъ, особенно Дмитрій каждый день толкуетъ: мы лѣтомъ-то купались съ отцемъ Саввой,—лѣто придетъ,—отецъ Савва пріѣдетъ, опять пойдемъ купаться, а дѣвчонокъ не возмемъ;—и часто спрашиваетъ: куда уѣхалъ отецъ Савва?—далеко-ли? къ кому? когда пріѣдетъ къ намъ?

Московскіе родные приглашаютъ меня осенью къ себѣ побывать: можетъ быть не соберусь-ли. Дѣла мои теперь все закончены,—нажатый хлѣбъ перемолоть,—только разъ-

1849 г. ѣзжаю каждый день по деревнямъ съ крестиками, съ молитвою и св. дарами, а вечерами кое-что читаю, пишу и шалю съ ребятишками. Елизавета читаетъ. Подаренную вами книгу выпросилъ для прочтенія отецъ благочинный, который ко мнѣ въ прежнихъ отношеніяхъ. Не наскучили ли я вамъ, другъ мой, своею болтовнею? Извините меня, отъ избытка сердца уста глаголютъ. Но оставивъ это, скажу вотъ что:

Любезнѣйшій другъ! Вы изволите говорить и писать про книгу—(не знаю ея названіе), въ которой находятся темы для проповѣдей. Если можно достать ее, то постарайтесь, прошу васъ покорнѣйше. Деньги же пришлю все вмѣстѣ. Если и для васъ требуются финансы: извольте написать,—служить для васъ сердечно радъ.

26 ноября на Покровскую почту посылаю 15 рублей сер., изъ нихъ 10 р. для васъ, а 5-ть руб. на покупку для меня книги и на уплату вамъ за прежнее... по полученіи сего письма нельзя-ли будетъ хоть въ трехъ строчкахъ извѣстить меня!

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой! будьте здоровы и благополучны“!

На другой-же день, 1-го декабря, успѣшилъ я отвѣтить на это дружеское посланіе и вотъ что писалъ:

„Спѣшу увѣдомить васъ о полученіи посланныхъ вами 15 р. сер. Не трудно понять, какъ много одолжили вы меня въ настоящемъ случаѣ: стоитъ только представить, съ одной стороны, крайнюю нужду, а съ другой—совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Господь да воздастъ вамъ своею милостію за сіе одолженіе до времени моего личнаго вамъ вознагражденія.

Съ настоящей же почтой отправляю вамъ въ Ярославль, при посредствѣ одного изъ моихъ товарищей, деньги для покупки требуемой вами книги. Не ручаюсь за скорое ея доставленіе: но и не замедлю, какъ скоро получу ее самъ.

Что до меня: то я, слава Богу, здоровъ и благополученъ. Работу по части курсоваго сочиненія на время отложилъ, занимаюсь теперь приготовленіемъ къ экзамену. Гдѣ и какъ провести приближающіяся святки, еще не рѣшено. Можетъ быть, если почувствую утомленіе въ силахъ, не надолго съѣзжу для освѣженія себя въ Переславль; а всего

вѣроятнѣе, кажется, останусь въ академіи для занятія 1849 г. окончательнымъ дѣломъ. Впрочемъ, какъ Богъ дастъ.

Вотъ наши новости: сегодня мы праздновали духовно и тѣлесно день ангела нашего великаго архипастыря, преосвященнѣйшаго Филарета. Духовное торжество наше на сей разъ было возвышено присутствіемъ викарія его, преосв. Іосифа, который пріѣхалъ въ послѣдній разъ поклониться преп. Сергію и принять его благословеніе на новые труды духовнаго дѣланія. Его назначили мѣстнымъ епископомъ въ Уфу. Вчера онъ изволилъ слушать всеобщую въ нашей залѣ, а сегодня служилъ литургію и молебенъ о здравіи преосв. митрополита въ Троицкомъ соборѣ съ великою торжественностію, такъ что едва-ли когда случалось и самому митрополиту служить здѣсь такъ великолѣпно: пять архимандритовъ было при его служеніи. Всѣ душевно рады возвышенію этого достопочтеннаго архипастыря: но вотъ что сильно огорчаетъ насъ. На его мѣсто, слышно, представленъ первымъ кандидатомъ нашъ о. ректоръ. Если это правда, — въ чемъ однакожь нельзя и сомнѣваться, судя по его отношеніямъ къ преосв. митрополиту, — если, говорю, возьмутъ отъ насъ такого добраго начальника: то признаюсь, крайне ощутительна будетъ для насъ эта утрата; не обинуясь можно сказать, что едва-ли кто другой въ состояніи будетъ вознаградить для насъ эту утрату. Впрочемъ, съ другой стороны, было-бы крайнею несправедливостію и не порадоваться отъ души, когда правительство возведеніемъ о. ректора на степень епископа воздастъ должную награду за его безпримѣрно-добрыя качества.

Если нѣтъ особенныхъ препятствій, почему-же, кажется, не воспользоваться вамъ приглашеніемъ Московскихъ вашихъ родныхъ? А изъ Москвы почему-бы не заѣхать и въ Богоспасаемую обитель преп. Сергія? Какъ-бы я радъ былъ видѣть васъ въ своей убогой кельѣ! Право, съ тѣхъ поръ, какъ вы оказали мнѣ такое радушное гостепріимство, которымъ я предъ всѣми моими родными хвадусь, — во мнѣ родилось, сверхъ дружественныхъ отношеній, что-то родственное по отношенію не только къ вамъ, но и ко всему вашему семейству, и надѣюсь, что это чувство долго не изгладится въ моей душѣ.

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой! Будьте здоровы и

1849 г. благополучны. Не забудьте и меня грѣшнаго въ вашихъ св. молитвахъ.

Остаюсь съ сердечною признательностію и совершенною къ вамъ преданностію Моск. д. акад. студентъ іеромонахъ Савва.

Всѣмъ знакомымъ моимъ прошу свидѣтельствовать мое усердное почтеніе.

Среди частныхъ экзаменовъ предъ праздниками Р. Христова, 19-го и 20-го ч., даны были намъ для экспромптовъ, слѣдующія предложенія: 1) *Nun vera sit haec sententia: qui recusat, invitatus recusat?*—2) „Разсмотрѣніе повѣствованія Моисея о сотвореніи человѣка“.

19-го числа являюсь въ Горлицы о. Василю Сапорожскому:

„Пользуясь настоящею благопріятною окказіею и имѣя въ виду ваши непріятныя, хотя уже и миновавшія, обстоятельства, ничѣмъ лучше не могу выразить и засвидѣтельствовать вамъ моего искренняго и сердечнаго участія въ постигшемъ васъ бѣдствіи, какъ приносите вамъ въ даръ сію святую икону. Впрочемъ приношеніе мое примите вмѣстѣ и какъ благословеніе самого угодника Христова преп. Сергія, къ св. мощамъ коего я полагаю сію икону. Въ лицѣ сего свящ. изображенія, да благословитъ васъ угодникъ Божій благоуспѣшнымъ окончаніемъ созиданія жилища вещественнаго, а наипаче да споспѣшествуетъ своими къ Богу молитвами созиданію и украшенію вашего храма душевнаго.“

Если буду здоровъ и Господь благословитъ, располагаюсь въ будущую вакацію еще разъ и, можетъ быть, уже послѣдній, — посѣтитъ свою отчизну прежде, нежели удалюсь куда-нибудь, по распоряженію вышшаго начальства, за тридцать епархій въ тридесятую семинарію. Но вотъ вопросъ: гдѣ имѣть пристанище? Ближайшее родство, наконецъ, преклосось. Но я увѣренъ, что и отдаленные родственники въ подобномъ случаѣ не откажутся замѣнить собою близкихъ родныхъ. Говоря это, имѣю въ виду собственно васъ. Вообще увѣренъ, что вы не откажетесь дать мнѣ—будущему страннику кровъ и пристанище, думаю даже, суди по вашему всегдашнему ко мнѣ расположенію, что, если-бы я вздумалъ, въ случаѣ посѣщенія родины, имѣть квартиру гдѣ-либо кромѣ васъ, тѣмъ самымъ не мало-бы оскорбилъ

вась. Но не оскорбляю-ли вась и теперь, если заранѣе 1849 г.
 напоминаю вамъ о гостепрѣимствѣ, въ которомъ несомнѣнно
 долженъ быть увѣренъ? Простите, если такъ: пишу объ
 этомъ не потому, чтобы сомнѣвался въ вашемъ ко мнѣ
 расположеніи, а потому, что иначе на сей разъ мнѣ не о
 чемъ было-бы почти и писать къ вамъ. У насъ такъ все
 обыкновенно, и жизнь моя такъ, повидимому, однообразна,
 что право затрудняешься сказать кому-бы то ни было что-
 либо новаго. Бываетъ даже радъ, если испытаешь иногда
 какую-нибудь неприятность: все-таки возникнетъ въ душѣ
 новое, иногда довольно сильное ощущеніе; а безъ этого,
 при постоянномъ внутреннемъ спокойствіи и при утоми-
 тельномъ одвообразіи школьныхъ занятій, душа погружается
 не рѣдко въ какую-то мертвенную апатію. Особенно это
 бываетъ съ нашимъ братомъ въ пору, подобную настоящей,
 т. е. во время приготовленія къ экзаменамъ. Этотъ періодъ
 времени самый скучный въ академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ
 довольно трудный. Но все, доселѣ бывшіе экзамены, почти
 ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой ожидаетъ
 насъ предъ будущей вакаціей. Этотъ экзамень весьма тру-
 денъ и самъ по себѣ, и еще болѣе потому, что къ концу
 академическаго курса силы студентовъ, какъ бы у кого
 крѣпкіи ни были, значительно слабѣютъ и изнемогаютъ.
 Но я утѣшаю себя словомъ Апостола, что сила Божія въ
 немощи совершается.

Поручая себя вашимъ св. молитвамъ, честь имѣю пре-
 быть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію.

21-го дек. писалъ я въ Муромъ протоіерею М. Р. Трое-
 польскому:

„Выраженіе въ последнемъ письмѣ вашемъ отъ 19-го
 апрѣля къ писанію принуждаться не нужно, и когда
 склонятся чувства, тогда они не умедлятъ излиться сами, —
 какъ будто уполномочило меня на сѣшить отвѣтомъ на
 ваше крайне обязательное посланіе. Но я уже не слыш-
 комъ-ли далеко расширилъ смыслъ этого выраженія? Не
 преступилъ-ли уже за границу дозволеннаго, позволяя
 себѣ столь долговременное молчаніе? Не возбуждало ли на-
 конецъ, чрезъ это вашего сомнѣнія и подозрѣнія на счетъ
 моего къ вамъ неизмѣннаго расположенія и преданности?
 Ужели-же, до сихъ поръ, — могли вы не разъ, конечно, поду-

1850 г. мать, — ужели не могло возникнуть въ душѣ моего пріятеля ни одного теплаго чувства, которое-бы двинуло его руку написать хоть нѣсколько строчекъ?—Было, много было случаевъ, почтенный мой благожелатель, когда воспоминаніе о васъ вызывало въ душѣ моей самыя живыя, теплыя чувства: но излить и запечатлѣть ихъ хартію и черниломъ препятствовали не разъ иногда довольно важныя, а иногда совершенно пустыя обстоятельства. Изъ всѣхъ случаевъ какъ болѣе приличный и благопріятный для изліянія моихъ предъ вами чувствованій—это былъ день вашего ангела; я уже принялся было за перо, чтобъ исполнить пріятный долгъ въ отношеніи къ вамъ, какъ вдругъ какое-то печальное обстоятельство (кажется, посѣщеніе г. Карасевскаго) воспрепятствовало мнѣ окончить начатое дѣло, между тѣмъ почтовый день миновалъ“.

На Рождественскіе праздники отправился я въ Переславль къ доброму и гостепрѣимному о. архимандриту Нифонту.

Наступилъ годъ, знаменательный въ моей жизни—годъ окончанія высшаго учебнаго поприща и вступленія на новое поприще—поприще общественнаго служенія.

Между тѣмъ, послѣдніе дни моего пребыванія въ академіи шли обычною чредой.

13-го января я писалъ въ с. Абакумово священнику М. Д. Граменицкому:

„Препровождая при семъ вождѣлѣнную для васъ книгу, прошу извинить, что такъ долго заставилъ васъ томиться ожиданіемъ. Болѣе уже мѣсяца, какъ она получена мною изъ Ярославля; но вотъ какія обстоятельства не позволили мнѣ ранѣе переслать ее къ вамъ. Въ тотъ самый день, когда я получилъ эту книгу, посѣтилъ нашу келью о. инспекторъ; увидавши новую, доселѣ имъ невиданную книгу, онъ просилъ меня доставить ему оную для разсмотрѣнія. Не ранѣе, кажется, какъ чрезъ недѣлю книга возвратилась въ мои руки. Затѣмъ почелъ я нужнымъ отдать ее въ переплетъ, приказавъ изъ двухъ отдѣльныхъ книгъ составить одну. (Думаю, вы не будете претендовать на меня за это). Переплетчика я просилъ, какъ можно, поскорѣе переплести книгу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ представить ее вамъ въ видѣ сюрприза на праздникъ; но онъ почему-то не могъ удовлетворить моей просьбѣ. Между

тѣмъ настали святки. Частію по собственному произволу, 1850 г.
а болѣе по убѣжденію о. инспектора, я отправился въ
Переславль на отдыхъ: а книга все-таки на моихъ рукахъ.
Вотъ наконецъ, по возвращеніи изъ путешествія, первымъ
долгомъ поставилъ для себя препроводить къ вамъ вашу
собственность. Очень буду радъ, если рекомендованная
мною книга доставитъ вамъ хоть нѣкую пользу въ дѣлѣ
проповѣданія слова Божія.

Что скажу вамъ о себѣ! Силы мои, въ теченіи минувшей
трети порядочно утомившіяся, теперь снова оживились и
значительно ободрились. Поѣздка въ Переславль очень
благопріятно подѣйствовала на меня. Недѣли полторы про-
велъ я тамъ не только спокойно, но и весело. Каждый
почти день имѣлъ случай видѣться и наслаждаться пріят-
ною бесѣдой съ людьми учеными и почтенными. Неодно-
кратно видѣлся съ о. ректоромъ Евѣиміемъ; много разъ
былъ у смотрителя духовныхъ училищъ; былъ во многихъ
домахъ духовныхъ, свѣтскихъ и даже купеческихъ. Вездѣ
принятъ былъ съ большимъ усердіемъ.

Возвратившись въ академію, я услышалъ здѣсь пріятныя
новости. О. Леонидъ, добрый бакалавръ нашъ, переведенъ
ректоромъ въ Виѣанскую семинарію на мѣсто о. Евгенія,
переведеннаго въ Москву. О. инспекторъ нашъ возводится
въ санъ архимандрита. О. ректоръ, за котораго мы такъ
опасались, оставленъ пока при академіи. Прочее все по
прежнему.

Привѣтствуя васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, желаю
вамъ всѣхъ благъ отъ Господа.

Остаюсь съ истинною къ вамъ преданностію Моск. д.
ак. студ. іеромонахъ Савва“.

21-го янв. писалъ я къ товарищу и другу своему Гр. П.
Быстрицкому, отправившемуся на святки на свою родину,
въ Быстрицкій погостъ, Гороховецкаго уѣзда, и долго от-
туда не возвращавшемуся въ академію:

„Что это ты дѣлаешь, мой cher! Ни самъ не ѣдешь,
ни извѣстія о себѣ никакого не шлешь. О. инспекторъ
почти сердится на тебя. Ему нужно было рапортовать митро-
политу, и онъ крайне затруднялся, какъ отозваться о
тебѣ: отрапортовать больнымъ—нѣтъ основанія; сказать, что
не явился, не извѣстно почему,—значитъ повредить тебѣ.—

1850 г. Итакъ, одно изъ двухъ: или рапортъ присылай, или самъ являйся скорѣе въ академію, но все-таки не безъ рапорта о болѣзни. Я давно намѣренъ былъ писать тебѣ, но все поджидалъ рапорта. Наконецъ вышелъ изъ терѣвнѣя.

Что—какъ дѣло дѣлается? Я думаю, на свободѣ—то много измаралъ бумаги. Отъ души радуюсь за тебя, что Богъ унесъ тебя изъ академіи на святки, а то пришлось бы, кажется потерпѣть не мало непріятностей. По обычаю, святки у насъ не прошли даромъ: случилось нѣсколько происшествій, и именно въ твоемъ номерѣ, самыхъ непріятныхъ. Не буду распространяться о нихъ: по прїѣздѣ, подробно узнаешь. Но за то есть новости и пріятныя. О инспекторѣ съ прошедшаго воскресенья — архимандритъ. О. Леонидъ то-же архимандритъ и ректоръ Виѣанской семинаріи. На классъ Патристики переведенъ Ив. Ив. Побѣдинскій, а классъ Библейской Исторіи, которую онъ же пока будетъ читать, оставляется для нашего курса.

Послѣднюю половину святокъ и я провелъ въ гостяхъ. Былъ въ Переславлѣ; провелъ тамъ время не только спокойно, но и весело, такъ что, возвратившись оттуда, съ немалыми усиліями могъ приняться за прежнюю работу. Впрочемъ и до сихъ поръ дѣла сдѣлалъ очень мало.

Теперь у насъ, слава Богу, все мирно и спокойно. Товарищи наши всѣ здравствуютъ; послѣ праздничнаго отдыха всѣ принялись за работу. Прощай, другъ мой! Будь здоровъ, и запасайся больше силами для окончанія труднаго поприща школьной жизни“

4-го февраля получилъ я письмо изъ Черни отъ о. Стефана, онъ писалъ мнѣ;

„Я получилъ ваше письмо и вашъ подарокъ—книжку: *Дмитрій Ростовскій*, 3-го января 1850 г. Пріятнымъ долгомъ признаю засвидѣтельствовать вамъ мою благодарность за ваше благорасположеніе ко мнѣ.

Привѣтствую васъ съ новымъ годомъ. Желаю вамъ всѣхъ благъ. Можетъ быть, я чрезъ два или вѣроятнѣе три мѣсяца буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, потому что я просилъ уже Оберъ-прокурора Синода о томъ, чтобы мнѣ позволено было совершить путешествіе по святымъ Русскимъ мѣстамъ, и потомъ въ Константинополь и Іерусалимъ.

Посылаю вамъ одинъ рубль сер. на ваши расходы. Прошу 1850 г. васъ писать ко мнѣ.

Въ Перми имѣеть нынѣ пребываніе слѣдственная коммиссія, члены которой: ректоръ Казанск. академіи—архим. Григорій¹⁾, протоіерей Московскій—Левитскій и чиновникъ Св. Синода. Главнымъ образомъ пріѣхали они для разсмотрѣнія поступковъ архіепископа Аркадія, по доносу секретаря консисторіи²⁾.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 6-го числа:

„Ваше привѣтствіе, благожеланіе и денежное пожертвованіе принимаю съ обычною благодарностію. Но что скажу вамъ на ваше извѣстіе относительно предпринимаемаго вами путешествія? Видѣться съ вами очень радъ: но въ то же время не могу не поскорбѣть о вашихъ обстоятельствахъ. Извѣщая о своемъ намѣреніи совершить душеполезный подвигъ, вы умолчали о побудительной къ тому причинѣ, — и это съ вашей стороны очень естественно: но мое некрепнее къ вамъ усердіе не позволяетъ утаить предъ вами того, что стоустая молва донесла уже до моего уха.

Назадъ тому съ недѣлю, кто-то изъ бакалавровъ Каз. академіи писалъ сюда о случившейся съ вами неприятности по службѣ. Могъ-бы я этому слуху и не повѣрить: но, къ сожалѣнію, ваше собственное извѣстіе убѣждаетъ меня въ справедливости этой неприятной молвы. Не смѣю предлагать вамъ никакихъ совѣтовъ; но отъ души желаю-бы, чтобы вы, если можно, не оставляли ученаго поприща. — Правда, преднамѣреваемое вами путешествіе — дѣло само по себѣ доброе и душеенасительное: но что у васъ въ виду далѣе, по совершеніи этого дальняго путешествія? Конечно, въ подобныхъ случаяхъ одно главное средство успокоить себя: мысль о волѣ Божіей; видно, такъ Богу угодно.

У насъ, напротивъ, съ новымъ годомъ новости самыя пріятныя и утѣшительныя. О. Леонидъ изъ бакалавровъ — ректоръ Виѣанской семинаріи и архимандритъ Златоустовскаго монастыря назначенъ на мѣсто о. Евгенія, переведеннаго въ Моск. семинарію. О. инспекторъ также архимандритъ, по только титулярный, т. е. безъ монастыря. О. Феодоръ представленъ къ степени соборнаго іеромонаха и должности

¹⁾ Миткевичъ, впоследствии архіепископъ, скончавшійся въ 1881 году.

1850 г. помощника библиотекаря, хотя, правду сказать, эта должность и не по его характеру*.

8 февраля получилъ я письмо отъ о. Граменицкаго. Онъ писалъ:

„Имѣю честь привѣтствовать васъ съ наступившимъ уже новымъ годомъ, желаю обновленія въ силахъ и умственныхъ и тѣлесныхъ.“

Пріятнѣйшее для меня письмо ваше отъ 13-го генвара вмѣстѣ съ книгою, посланною вами, получилъ 29-го генвара изъ Покрова, куда Саша ѣздила для покупки крупы. Низжайше васъ благодарю за хлопоты и безпокойство, какія вы употребили при выписываніи для меня сей книги. Книга, кажется, можетъ доставить мнѣ услугу и помощь въ моемъ занятіи. Одну проповѣдку уже успѣлъ стачать къ нынѣшнему дню (2 февр.), взявши тему изъ сей книги.

Извините, что долго не писалъ къ вамъ. Причина сему слѣдующая: въ декабрѣ прошедшаго 1849 года и именно съ 8-го декабря по 16-е гостилъ въ столицѣ бѣлокаменной у своихъ родныхъ, которые нѣсколько разъ меня уже приглашали. Много видѣлъ интереснаго и занимательнаго. Бывши у Петра Васильевича Приклонскаго — былъ въ семинаріи Московской, — вездѣ — и въ столовой, и въ больницѣ, и въ классахъ, и въ церкви. Признаюсь, не то, что наша Владимірская: тутъ, кажется, и самый лѣнивонецъ невольно будетъ заниматься и долженъ быть хорошимъ. Впрочемъ, матушка лѣнность должно быть и туда заглядываетъ изрѣдка.....

Былъ въ Опекуинскомъ совѣтѣ, гдѣ положилъ нѣсколько пеньязей для сбереженія. Какое удивительное зданіе! Господь сподобилъ приложиться къ святымъ угодникамъ — Московскимъ чудотворцамъ и поклониться прочей святынѣ. Въ Успенскомъ соборѣ въ числѣ пѣвчихъ замѣтилъ Ник. Петр. Минервина, но видѣться съ нимъ и поговорить не удалось. Былъ въ Донскомъ монастырѣ и Новоспаскомъ. Вездѣ много занимательнаго и любопытнаго. Пріѣхавши изъ Москвы, занялся писаніемъ годовыхъ отчетовъ по церкви, а тутъ славословилъ Христа по приходу, потомъ опять бродилъ со св. водою: и такимъ образомъ не удалось отвѣтить на ваше первое письмо доселѣ*.

14-го ч. писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, единовѣр-

чекій діакоизъ, О. С. Виноградовъ и извѣщаль о рожденіи 1850 г. у него сына Геннадія.

При письмѣ было приложено 3 р. отъ имени моего зятя В. А. Левашева.

Получивъ письмо и деньги 12-го ч., я писалъ 23-го зятю и племяннику:

„Спѣшу увѣдомить васъ, что ваше пожертвованіе я получилъ 18-го числа: тѣмъ усердиѣе благодарю васъ за это пожертвованіе, чѣмъ оно съ вашей стороны свободнѣе и безкорыстнѣе. Да, пока я нахожусь въ академіи, пока нѣтъ у меня никакихъ собственныхъ источниковъ для доходовъ, до тѣхъ поръ я не могу отказываться отъ чьего-бы то ни было припошенія. Правда, по слову Писанія, блаженнѣе есть даяти, нежели принимать; но что-же дѣлать, если обстоятельства, или лучше, воля Божія поставила меня въ такое положеніе, что я до времени долженъ быть лишень этого блаженства? Но—Богъ милостивъ, авось и я до живу до той счастливой поры, когда буду имѣть возможность воздать, кому слѣдуетъ, за всѣ полученныя мною благія даянія. И эта счастливая пора, кажется, уже не слишкомъ далеко.

Что скажу вамъ о себѣ? Въ настоящемъ особеннаго пока у меня ничего нѣтъ: въ будущемъ представляется довольно утѣшительнаго: но совершатся ли мои надежды, это еще въ волѣ Божіей; а потому и о будущей моей судьбѣ заранѣе ничего еще сообщить вамъ не могу. На сей разъ сказать вамъ могу только то, что я, по милости Божіей, пока живъ и благополученъ“.

Племяннику писалъ:

„Привѣтствую васъ съ поворожденнымъ сыномъ. Рожденіе дѣтей есть видимый залогъ благословенія Божія. Но чтобы это благословеніе Божіе выну почивало на семействѣ, нужно со стороны родителей ревностное попеченіе о добромъ воспитаніи дѣтей. Доброе-же воспитаніе дѣтей не ограничивается одною заботливостію о внѣшнемъ благосостояніи ихъ, ни даже однимъ умственнымъ образованіемъ: оно должно обнимать всѣ силы духовныя и физическія. Но преимущественно, при воспитаніи дѣтей, надобно обращать вниманіе на ихъ сердце; поелику оно есть исходище живота, источникъ всей нравственно-религіозной жизни. Въ немъ-то надобно прежде всего полагать сѣмена благочестія

1850 г. и страха Божія. Страшному подлежатъ осужденію родители, не пекущіеся о добромъ воспитаніи дѣтей. Съ другой стороны, жалкая участь тѣхъ, кои въ дѣтствѣ не получили добраго направленія.

Не знаю присланъ-ли во Влад. консисторію, а въ Московскую давно уже присланъ указъ, которымъ воспрещается доступъ къ семинарскому образованію дѣтямъ причетниковъ, за исключеніемъ самыхъ лучшихъ. Безотрадная участь тѣхъ, коимъ суждено родиться въ низкой долѣ. Счастливы мы съ вами, что предварили это опредѣленіе судьбы. Впрочемъ, слышно, что преосв. митрополитъ Филаретъ протестуетъ противъ такого опредѣленія и, можетъ быть, отвратить эту грозу отъ несчастныхъ причетническихъ дѣтей*.

Въ апрѣлѣ представлено было мною о. инспектору, архимандриту Сергію, курсовое сочиненіе „объ устной исповѣди“. — Благовременное окончаніе этого важнаго ученаго труда весьма облегчило для меня приготовленіе къ послѣднимъ устнымъ испытаніямъ, которыя предстояли въ іюнѣ мѣсяцѣ.

2-го мая писалъ я Абакумовскому другу, о. М. Граменицкому:

„Извините, опоздалъ не много привѣтствовать васъ съ свѣтлымъ праздникомъ воскресенія Христова: но вамъ хорошо извѣстны мои настоящія обстоятельства, и потому и увѣренъ, что вы съ любовью примете мое и позднее поздравленіе. Да, любезнѣйшій, обѣ послѣднія седмицы — страстная и свѣтлая протѣкли для меня довольно въ утомительныхъ трудахъ. Кромѣ ежедневной службы, все остальное время я долженъ былъ употребить на довершеніе моего годичнаго труда. И благодареніе Господу! благополучно окончилъ его. Вчера представилъ свое сочиненіе, уже исправленное, о. инспектору. Послѣ его пересмотра останется только переписать. Правда, переписать листовъ двадцать — и это еще не маловажный трудъ для меня, особенно въ настоящую пору, когда начнутся повторенія: но все таки это не то, что вновь писать; при томъ, если не въ силахъ буду заняться перепиской самъ, могу поручить кому-нибудь другому. Итакъ, можете поздравить меня съ окончаніемъ академическаго курса. Правда, теперь предстоятъ намъ еще тяжкіе труды въ теченіи двухъ мѣсяцевъ: но по крайней мѣрѣ они не будутъ соединены съ такимъ

сокрушительнымъ безпокойствомъ и заботой, какія испыталъ 1850 г. я отъ, такъ называемаго, курсоваго сочиненія.

Что ожидаетъ меня въ будущемъ, опредѣленно еще неизвѣстно: но чуть-ли не доведется начать мнѣ служебное поприще тамъ, гдѣ получено мною первоначальное образованіе? Не дурно, кажется, если бы это было и такъ. Но мѣсяца черезъ два или черезъ три эта загадка разрѣшится. Впрочемъ, совершенно предаю себя на этотъ разъ въ волю начальства, котораго вниманіе и расположеніе ко мнѣ довольно очевидны.

Привѣтствую васъ съ новымъ архипастыремъ ¹⁾. Дай Богъ, чтобы онъ былъ такъ-же къ вамъ добръ и внимателенъ, какъ его предшественникъ. Сколько удалось мнѣ слышать, всеъ отзываются о немъ съ хорошей стороны. Случилось ли вамъ до сихъ поръ видѣться съ новымъ архипастыремъ, или нѣтъ? Слышно, преосв. Парвений на этой недѣлѣ отправляется въ путь, поѣдетъ, разумѣется, мимо вашего погоста; думаю, вы воспользуетесь этимъ случаемъ, чтобы въ послѣдній разъ принять благословеніе отъ своего рукоположителя. Хотѣлось-бы и мнѣ принять благословеніе отъ его высокопреосвященства. Не вздумаетъ-ли онъ изъ Москвы пріѣхать въ лавру на поклоненіе преп. Сергію? Хорошо, еслибы эта благая мысль пришла ему въ голову. На страстной седмицѣ былъ здѣсь такъже мимоѣздомъ преосв. Антоній ²⁾, викарій Саратовскій: какой прекрасный человекъ! На дняхъ ждуть сюда Костромскаго преосв. Леонида ³⁾. Всеъ эти движенія іерарховъ очень благопріятны для нашего брата — студента академіи. Каждое движеніе, произведенное кончиною какого-бы-то ни было преосвященнаго, непременно дойдетъ до какого-нибудь питомца академіи, и на немъ остановится. Теперь есть въ виду мѣста 3 или 4 ректорскихъ, пока еще не занятыхъ. Всеъ онѣ займутся, безъ сомнѣнія, какими-нибудь инспекторами,

¹⁾ Разумѣется преосв. Густинъ Михайловъ, назначенный въ санъ конд. Владимірскаго 25 февраля 1850 года. Скончался на покой въ Богоявленскѣ монастырѣ 17 марта 1879 года.

²⁾ Шокотовъ, скончавшійся въ санѣ архіепископа Кишиневскаго 13 марта 1871 года.

³⁾ Зарвцаго, впослѣдствіи епископа Екатеринославскаго, скончавшагся на покой дек. 3 дни 1885 года.

1850 г. а на мѣста послѣднихъ ближайшими кандидатами, очевидно, наша братія, имѣющіе нынѣ окончить курсъ академіи.

Во Владим. семинарію назначается ревизоромъ нашъ о. инспекторъ. Кажется, ему нужно будетъ взять съ собой кого-нибудь изъ студентовъ для письменодительскихъ дѣлъ: по всей вѣроятности онъ пригласитъ кого-нибудь изъ моихъ земляковъ, а можетъ быть, этотъ жребій не падеть-ли на меня? Сопутствовать ему я былъ-бы очень радъ: но заниматься канцелярскимъ дѣломъ едва-ли достанетъ охоты. Впрочемъ, это одна догадка; о. инспекторъ легко можетъ обойтись и безъ помощника: онъ самъ большой мастеръ писать. Что касается до меня, то я и безъ его приглашенія намѣренъ быть во Владимірѣ. Гдѣ будетъ лежать мой путь до Владиміра, еще не рѣшено. О. протоіерей Юрьевскій усердно проситъ меня къ себѣ, — и, кажется, я долженъ буду уважить его просьбу. Если-же какими-нибудь судьбами доведется мнѣ ѣхать Московскимъ трактомъ, въ такомъ случаѣ я вашъ непремѣнный гость.

Съ искреннею къ вамъ любовію и почтеніемъ остаюсь Моск. д. академіи студентъ іеромонахъ Савва“.

3-го ч. писалъ мнѣ изъ Казани студентъ академіи И. Б. Акимовъ:

„Хотя и поздно, но все таки поздравляю васъ съ прошедшимъ праздникомъ свѣтлаго воскресенія Христова и желаю, чтобы Воскресшій былъ всегда вашимъ защитникомъ и покровителемъ.

О. Савва! Не могу не поздравить васъ и съ приближающимся праздникомъ или великою субботою, которая имѣетъ наступить для васъ и для насъ. Молю и прошу Господа, чтобы время послѣ сей субботы было время отдохновенія, покоя и радости, но не скорбей, неприятностей и неудовольствій подобныхъ тѣмъ, какія встрѣтилъ извѣстный вамъ о. Стефанъ — бывший инспекторъ Пермской семинаріи. Вамъ, конечно, не любопытно вѣдать, что съ нимъ случилось, — извольте, сколько знаю, сообщу. Въ Пермской семинаріи наставники собрались невоздержные и въ классахъ вели себя не всегда исправно. О. Стефанъ взялъ, да на журвалѣ классическомъ и изволилъ написать: „рекомендуется наставникамъ ходить въ классъ трезвыми“. Когда наставники прочитали эту рецензію, то прямо взошли про-

шеніемъ въ академическое правленіе на него и, кажется, 1850 г. къ оберъ-прокурору. Академич. правленіе потребовало объясненій отъ наставниковъ и инспектора. Инспекторъ много проговорился: я самъ видѣлъ, какъ его объясненіе исчеркано было нашимъ ректоромъ. Послѣ этого изъ Синода поручено было нашему ректору обревизировать Пермскую семинарію. При ревизіи ректоръ открылъ и отнесся въ Синодъ, что о. Стефанъ не только не можетъ быть инспекторомъ, но, по своему безпокойному характеру, — даже и наставникомъ. О. Стефанъ удаленъ отъ должности и, слышно, намѣренъ путешествовать по св. мѣстамъ. Вотъ она судьба-то, а человѣкъ то, кажется, умный и дѣльный!

Мое намѣреніе, по окончаніи курса, уѣхать и опредѣлиться на какую-либо службу на родинѣ, именно въ Ставрополь. Я сознаю, что я безъ родины и родныхъ не могу быть счастливъ. А потому откажусь, если будутъ посылать куда-либо.

Прощайте. Помолитесь о многогрѣшномъ студентѣ Иванѣ Акимовѣ.

Курсовое мною окончено: сдано бакалавромъ для поправки — и теперь поправленное уже переписывается. У насъ все посылаетъ въ Синодъ курсовыя, а потому придется еще разъ нанять переписать.

Ваше высокопреподобіе! Я не жду отвѣта отъ васъ до вакаціи, но послѣ вакаціи, когда и куда будете назначены, напишите мнѣ, и я съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ; адресъ ко мнѣ: въ Ставрополь (на Кавказѣ), г. смотрителю тюремнаго замка Алексѣю Васильевичу г. Сабашеву для передачи мнѣ“.

7-го ч. мнѣ представился благопріятный случай снова писать моему другу, о. Граменицкому. Въ лавру пріѣхалъ на богомолье помѣщикъ Абакумовекій Е. И. Домашневъ. Съ нимъ я послалъ просфору и слѣдующія строки о. Михаилу: „Вмѣсто всякаго дорогаго подарка посылаю вамъ, при сей прекрасной оказіи, просфору. Примите ее, какъ благословеніе отъ преподобнаго и богоноснаго о. нашего Сергія, ко св. мощамъ котораго я полагаю ее.“

Искренно любящій васъ іеромонахъ Савва.
Семейнымъ вашимъ всеѣмъ мое усерднѣйшее почтеніе“.

1850 г. 16-го ч. получилъ я изъ Виѣани отъ молодаго профессора—земляка, С. Г. Вишнякова записку слѣдующаго содержанія:
„Вчерашній день чрезъ Григорія Петровича Смирнова просилъ я васъ поискать у кого-либо изъ вашихъ товарищей хоть старенькихъ лекцій Ив. Ник. Аничкова, по части Исторіи церковнаго краснорѣчія объ Іоаннѣ Златоустѣ. Надѣюсь, что по своей добротѣ и расположенію ко мнѣ, вы исполните мою просьбу. Посылается теперь къ вамъ мой служитель: прошу васъ покорно вручить тетрадки, ежели они готовы. Не сталь-бы я такъ частойчиво и требовать всего этого, если-бы не было мнѣ крайней нужды. Пишу на публичный экзамень статью о Златоустѣ: время коротко, а работы много разнообразной, потому совершенно спѣшу болѣе свободнымъ временемъ воспользоваться для того, чтобы заблаговременно и себя и учениковъ приготовить къ экзамену, за которымъ владыка, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, можетъ обратить на меня особое вниманіе. Опасаюсь какою-либо, хотя малою, неисправностію оставить во владыкѣ впечатлѣніе не совсѣмъ выгодное“.

18 ч. писалъ мнѣ о. Граменицкій въ отвѣтъ на мои письма:

„Съ искреннею благодарностію и благоговѣніемъ приѣмлю свѣц. даръ — просфору, какъ благословеніе преп. отца Сергія.

Вы извѣщаете, что можно уже поздравить васъ съ окончаніемъ учебнаго поприща. Поздравляю васъ отъ полноты любящаго сердца! Да сподобитъ васъ Господь Богъ благополучно приплыть къ чаемой пристани, да увѣнчается желаннымъ успѣхомъ ваше ожиданіе! Еще вождельниче слышать предположеніе о бытіи вашемъ во Владимірѣ. Для васъ это было-бы пріятно, а для родныхъ, знакомыхъ и любящихъ васъ, благотворно. Радуюсь вмѣстѣ съ вами, что свалили вы курсовое сочиненіе —тяжкую заботу; переписать готовое можно препоручить и другому.

Да, у насъ новый архипастырь. Быть у него на лицѣ еще не удалось; собираюсь вскорѣ къ нему для испрошенія разрѣшенія покрасить церковь. Хорошо-бы заслужить точно такое же вниманіе его, какимъ пользовался я отъ высокопреосв. Парѣенія. Но теперь-то уже я совершенно не надѣюсь. Мое положеніе стѣсняется почти со всѣхъ сторонъ. Я слабая былина въ пустомъ бору, трудно лучамъ солнца

через частыя вѣтви и широкія листья проникнуть и согрѣть ея: а съ земли-то сія былива подь корень подтачивается червемъ, ожидаю.... Одна надежда Богъ.. Очень хотѣлось принять благословеніе рукоположителя своего, но никто не зналъ времени его проѣзда Липнею, — онъ 9-го мая проѣхалъ мимо насъ скромнымъ и тихимъ образомъ.

Располагаетесь ѣхать до Владиміра черезъ Юрьевъ, — а я бы отъ души просилъ избрать нашъ трактъ, такъ какъ удобнѣйшій, — и очастливить насъ своимъ посѣщеніемъ. Тутъ я бы васъ поздравилъ уже реально, формально. Всѣ мои домашніе, съ величайшимъ желаніемъ, — даже малые дѣти, ждуть васъ. Какъ мнѣ хочется побесѣдовать съ вами! вѣрно, много-бы утѣшенія вы влили въ мое раздираемое сердце.

Пожелавъ вамъ подкрѣпленія при настоящихъ обстоятельствахъ свыше, и поручивъ себя вашимъ молитвамъ съ принятіемъ на себя обязанности молиться Богу о вашемъ благополучіи, съ чувствомъ глубокаго уваженія имѣю честь пребыть вашего преподобія искреннимъ и навсегда къ вамъ признательнымъ Абакумовскій священникъ М. Граменицкій. Мая 18 дня 1850 года.

Не имѣете-ли нужды въ финансахъ — извольте, если угодно, хоть немножко. Предполагаю, что вашъ кошелекъ теперь не истощился. 3 р. серебр. примите на чай“.

24-го ч. писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Пріятно и слышать о родныхъ добрыя вѣсти, но думаю, еще пріятнѣе читать ихъ собственное повѣствованіе о себѣ и о своихъ обстоятельствахъ. На семъ основаніи я не захотѣлъ ограничиться однимъ устнымъ, и при томъ посредственнымъ, извѣстіемъ о себѣ, но при всей тѣснотѣ обстоятельствъ, расположилъ, хотя въ краткихъ строкахъ, собственноручно засвидѣтельствовать о себѣ, что я по милости Божіей и заступленію преп. Сергія, живъ и здоровъ. Я упомянулъ о тѣснотѣ обстоятельствъ: дѣйствительно, теперь у насъ время самое трудное, — тоже, что въ крестьянскомъ быту жатва. Теперь мы собираемъ плоды четырехлѣтняго сѣянія: и—горе тому, кто опуститъ это благоприятное время!—въ цѣлую жизнь трудно будетъ возратить то, что теперь неблагоразумно будетъ опущено. Я говорю о повтореніяхъ лекцій и о предстоящемъ окончательномъ экза-

1850 г. мѣнѣ. Вчера уже явился къ намъ безземѣнный ревизоръ—высокопреосв. Филаретъ. Но, съ другой стороны, какъ пріятно будетъ насладиться отдохновеніемъ послѣ продолжительныхъ трудовъ и подвиговъ!—Послѣ окончанія школьныхъ дѣлъ я не предвижу никакихъ препятствій къ предпринятію путешествія. Увѣренъ, что мое посѣщеніе будетъ для васъ не непріятно, и потому слѣдовало-бы мнѣ прежде всего поспѣшить къ вамъ, но мнѣ представляется болѣе удобнымъ начать свое странствованіе съ противоположнаго конца—съ Мурома, куда такъже усердно приглашаютъ меня и родные и знакомые. Къ вамъ-же въ такомъ случаѣ я могу посѣтить не ранѣе, кажется, послѣднихъ чиселъ августа, или первыхъ сентября: потому что на пути отъ Мурома и до Иванова мнѣ предстоитъ очень много мѣстъ, кои я долженъ посѣтить. Но чѣмъ продолжительнѣе ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе“.

17-го числа получилъ я письмо изъ Вязниковъ отъ о. Василія Богородскаго; онъ писалъ:

„Пожелавъ вамъ отъ души добраго здравія, я со всѣмъ участіемъ друга, молю вамъ и счастливаго окончанія академич. трудовъ вашихъ. Промысль совершилъ надъ вами испытаніе ума и болѣе сердца и близко готовитъ покой и награду. Радуюсь за васъ, когда вы уже, я думаю, съ великимъ удовольствіемъ смотрите въ пріятную свою будущность. И пора, пора сколько нибудь насладиться послѣ трудовъ и честнымъ покоемъ! Дай вамъ, Господи, счастливейшаго окончанія!...“

А за сямъ желаю пріятнаго съ вами свиданія личнаго. Непремѣнно, другъ! не забудьте меня, когда въ Муромѣ или на родинѣ будете. Я васъ съ полною надеждою жду, и дождусь, если только вы не измѣнитесь съ полученіемъ довольно важной степени. Дружба, кажется, степенями не разрывается,—и дружескія сердца ни пространствомъ, ни молчаніемъ не охладѣваютъ въ чувствахъ взаимныхъ.

Ждемъ на той недѣлѣ въ Вязники новаго нашего преосв. Иустина, который теперь въ Муромѣ; не много безпокоился, не зная его ни характера, ни свойствъ, ни ума ни обхожденія. Впрочемъ, безпокойство безъ рабскаго страха, потому-что слухъ объ немъ уничтожаетъ оный. Архиаствырь—благодѣтельный, и добрый, и кроткій сердцемъ“.

Среди окончательныхъ частныхъ испытаній устныхъ даны 1850 г.
были намъ, для письменныхъ сочиненій, слѣдующія темы:
1) Num ea, quae de igne infernali in Evangelio (Luc. XVI)
dicuntur, intelligenda sunt metaphoricè?—2) „Почему бла-
годать спасающая не истребляетъ въ человѣкѣ возрожден-
номъ склонности ко грѣху“? 3) „Какимъ образомъ служило
ко благу народа Еврейскаго сорокалѣтнее странствованіе
въ пустынь“?

Приближался конецъ четырехлѣтнихъ академическихъ трудовъ. Естественно возбуждался въ душѣ вопросъ: что-же ожидаетъ меня за порогомъ высшаго святилища наукъ?—Какая участь готовится мнѣ и гдѣ я долженъ начать новое поприще служенія св. Церкви?—Всѣ это покрыто было для меня таинственною завѣсою. Возникало во глубинѣ сердца тайное желаніе поступить на службу въ Виѣанскую семинарію, гдѣ были мнѣ нѣсколько знакомы и ректоръ архим. Леонидъ ¹⁾, и инспекторъ іеромонахъ Набаванлъ ²⁾, и гдѣ могъ я найти дружественный пріемъ и моего прежняго наставника и покровителя Я. И. Владыкина, и моего почти сверстника по семинаріи, профессора Мих. Дм. Никольскаго ³⁾, и моего бывшего питомца по Шуйскому училищу, профессора С. Г. Вишнякова. Не мало при семъ значило и то, что Виѣанская семинарія находилась вблизи родной академіи, откуда я могъ бы получать и ученую помощь, и нравственную поддержку. Но я боялся и намекнуть кому-бы то ни было объ этомъ сокровенномъ желаніи. Для меня и для другихъ болѣе вѣроятнымъ казалось то, что я буду назначенъ на какую-либо должность въ родную Владимірскую семинарію.

Между тѣмъ, моя судьба, по премудрой и всеблагой волѣ Провидѣнія, устроилась такъ, какъ ни я и никто другой не могъ и вообразить.

Вотъ какъ это произошло.

Не задолго до окончанія нашего курса въ академіи, Московскій владыка, высокопреосвященный митрополитъ

¹⁾ Красношвъковъ, скончавшійся 15 дек. 1876 г. въ санѣ архіепископа Ярославскаго.

²⁾ Пектаровъ, скончавшійся изъ должности ректора той же семинаріи и въ санѣ архимандрита 2 сент. 1857 года.

³⁾ Впослѣдствіи Московскаго протоіерея, скончавшагося 27 июля 1897 г.

1850 г. Филаретъ озабоченъ былъ мыслию о прискажаніи способнаго и благонадежнаго кандидата на должность ризничаго въ Моск. Синодальную (бывшую Патріаршую) ризницу.

Должность эту съ 1839 г. занималъ соборный іеромонахъ Евстаѳій (Романовскій), кандидатъ IX курса (1834 г.) Моск. дух. академіи. Не обладая особенными уметвенными дарованіями, онъ всегда отличался строго-монашескою жизнію. Вслѣдствіе - ли чрезмѣрныхъ аскетическихъ подвиговъ или иныхъ какихъ либо причинъ, онъ не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и былъ подверженъ, по временамъ, крайней раздражительности. А такое физическое и нравственное состояніе о. Евстаѳія весьма не благопріятствовало его оффиціальнымъ отношеніямъ къ лицамъ, которымъ имѣли надобность входить съ нимъ въ тѣ или другія сношенія. Прежде всего не мирны были его отношенія къ Синодальной конторѣ, отъ которой онъ былъ въ исключительной зависимости по своей должности;—особенно онъ былъ въ постоянномъ почти разладѣ съ прокуроромъ этой конторы А. А. Лопухинымъ, который, въ свою очередь, и самъ былъ не доволенъ имъ. Слышны были жалобы на іеромонаха Евстаѳія и отъ посѣтителей Синодальной ризницы, а также отъ ученыхъ, занимавшихся рукописями Синодальной библіотеки. По своему болѣзненному и раздражительному характеру, онъ или вовсе не допускалъ до обозрѣнія древнихъ сокровищъ ризницы и библіотеки, или неохотно удовлетворялъ любопытству посѣтителей, между которыми часто бывали знатныя и важныя особы. Не вполне остался доволенъ о. Евстаѳіемъ и Высочайшій Посѣтитель Синодальной ризницы и библіотеки, Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ апрѣлѣ 1849 г. Онъ замѣтилъ въ ризницѣ на полкахъ не мало пыли,—о чемъ ясно высказалъ смотрителю Дворца, полковнику Ильину. Въ то же время и самъ о. Евстаѳій началъ скучать непосильною для него должностію Синодальнаго ризничаго.

Все это побуждало митрополита къ устраненію іеромонаха Евстаѳія отъ занимаемой имъ должности: но кѣмъ его замѣнить?—Вотъ вопросъ!—Въ виду у владыки благонадежнаго кандидата на эту должность не имѣлось. Посему онъ обратился съ этимъ вопросомъ къ ректору академіи, архимандриту Алексію, когда этотъ пріѣхалъ на Пасху въ

Москву въ свой Заиконоспасекій монастырь. О. ректоръ 1850 г. указаль ему на меня. Владыка обрадовался этому указанію и приказаль о. ректору показать ему меня, когда онъ будетъ въ академіи на частныхъ экзаменахъ.

Въ маѣ, или въ первыхъ числахъ іюня высокопреосв. митрополитъ пріѣхаль въ лавру къ храмовому празднику св. Троицы и послѣ праздника началъ посѣщать, въ качествѣ ревизора, наши частныя экзамены. Не помню, въ какой день былъ на нашемъ старшемъ курсѣ экзаменъ по Русской церковной исторіи. По началіи уже экзамена, митрополитъ входитъ въ залу и едва лишь сѣлъ онъ въ кресло, ректоръ вызываетъ меня къ столу. Экзаменъ производился по билетамъ, на которыхъ означался вопросъ съ краткимъ изложеніемъ его содержанія. Мнѣ достался билетъ о жизни св. Іовы, митрополита Московскаго. Пока отвѣчалъ вызванный предо мною студентъ, я успѣлъ сообразить отвѣтъ на данный мнѣ вопросъ. Когда я началъ говорить, митрополитъ чрезвычайно внимательно смотрѣлъ на меня; это однакожь не смутило меня, и я съ спокойнымъ духомъ передалъ все, что заключалось въ вопросѣ. Когда я окончилъ, владыка изволилъ сказать: „порядочно ты говоришь“. — Товарищи поздравили меня съ такимъ одобрительнымъ отзывомъ, какого на этотъ разъ никто изъ нихъ не заслужилъ.

Когда, въ тотъ же день вечеромъ, о. ректоръ пришелъ къ митрополиту съ дѣлами, владыка сказалъ ему: „ну, понравился мнѣ твой Савва; спроси его, не захочетъ ли онъ быть на должности ризничаго.“

На другой или на третій день о. ректоръ, по окончаніи всеобщей, которую мы вдвоемъ съ товарищемъ іеромонахомъ (Аврааміемъ) не рѣдко совершали въ его покояхъ въ будничные дни, когда онъ располагался на другой день совершать по какому либо случаю литургію, — отпустивъ моего товарища, меня удержаль и тутъ наединѣ предложилъ мнѣ сначала слѣдующій вопросъ: „куда вы, о. Савва, желали бы, по окончаніи курса поступить на службу?“ — Я сказалъ, что я, будучи монахомъ, не могу по своей волѣ располагать собою и долженъ итти туда, куда угодно будетъ послать меня начальству. — Одобривъ мой скромный отвѣтъ, о. ректоръ сообщилъ мнѣ, что академическое начальство имѣло въ виду послать меня во Владимірскую семина-

1850 г. рію на должность инспектора, но что въ настоящее время открывается другая, своего рода ученая, должность—Синодальнаго ризничаго въ Москвѣ, и почетная, и выгодная въ матеріальномъ отношеніи (съ жалованьемъ въ 800 слишкомъ рублей сер.); и вотъ на эту-то должность начальство приглашаетъ меня.—Припомнивши слышанный мною за годъ предъ тѣмъ отзывъ товарища моего—иѣвчаго о должности Синодальнаго ризничаго, я, не смотря на представляемыя мнѣ о. ректоромъ выгоды этой должности, началъ рѣшительно отказываться отъ нея. Когда же онъ въ заключеніе объявилъ мнѣ, что этого желаетъ самъ владыка, тогда я со смиреніемъ долженъ былъ преклониться предъ священою волею великаго архипастыря. Тѣмъ не менѣе однакожь я пошелъ на другой день посоветоваться объ этомъ съ досточтимымъ профессоромъ А. В. Горскимъ, который въ это время приступилъ уже къ своему знаменитому труду—описанію славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки. Но и тотъ не только не сталъ отклонять меня отъ предложенной мнѣ должности, но напротивъ выразилъ свою искреннюю радость, что эта должность поручается мнѣ, такъ какъ и онъ, занимаясь описаніемъ рукописей помянутой бібліотеки, не рѣдко встрѣчалъ затрудненія со стороны строптиваго хранителя оныхъ, іеромонаха Евстаѳія. Такимъ образомъ моя судьба была рѣшена. Когда о. ректоръ доложилъ митрополиту о моемъ согласіи поступить на должность Синодальнаго ризничаго, владыка не замедлилъ войти съ представленіемъ о семъ въ Св. Синодъ.—Между тѣмъ, онъ писалъ объ этомъ отъ 6 авг. 1850 г. и своему присному ученику и другу, преосвященному Григорію ¹⁾, бывшему тогда архіепископомъ Казанскимъ: „представлено мною, чтобы Синодальнаго ризничаго (іеромонаха Евстаѳія) произвести въ архимандрита въ Высотскій (Серпуховскій) монастырь, а на его мѣсто опредѣлить студента академіи іеромонаха Савву“ ²⁾.

Оставалось, наконецъ, выдержать послѣднее устное испы-

¹⁾ Впоследствии митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому, скончаншемуся 17 іюни 1860 года.

²⁾ *Чтен. въ Общ. любит. дух. просв.* 1877 г. дек. стр. 160.—Отдѣльный оттискъ (№ 5127) — письмо 37, стр. 39.

таніе по всѣмъ предметамъ старшаго академическаго курса 1850 г. предъ лицомъ знаменитаго ревизора, преосв. митрополита Филарета и посторонней, духовной и свѣтской, публики. Благополучно совершилось для меня, по милости Божіей, и это окончательное испытаніе.

По окончаніи публичныхъ экзаменовъ, принесено было въ Троицкомъ соборѣ, при св. мощахъ великаго угодника Божія Сергія—покровителя иноческой лавры и обители высшаго духовнаго ученія,—торжественное благодареніе Господу Богу—верховному источнику и подателю всякой мудрости, о благополучномъ совершеніи черырехлѣтняго поприща нашего академическаго образованія.

Разставаясь съ академіею, я не могу не помннуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Насъ окончило курсъ въ 1850 г. 51 человекъ: изъ нихъ болѣе близкими ко мнѣ, кромѣ земляковъ—Владимірцевъ, были слѣдующіе воспитанники:

Н. Д. Рождественскій—въ монашествѣ Игнатій. О немъ было уже говорено.

Егоръ Ив. Поповъ—изъ Вологодской семинаріи. Съ января 1850 г., приготовляясь къ монашеству, онъ жилъ съ нами такъ же, какъ и Рождественскій, въ монашеской кельѣ. Кромѣ студенческихъ обязанностей, онъ исправлялъ еще должность писмоводителя по академическому правленію. Совмѣщеніе этихъ обязанностей служило къ немалому ущербу его, отъ природы не крѣпкаго, здоровья. 26 февраля онъ постриженъ былъ въ монашество съ именемъ Порфирія.

Иеромонахъ Пароеній изъ Болгаръ. Онъ жилъ въ особой кельѣ, но не рѣдко посѣщавъ меня, равно какъ и я его. Много любопытнаго рассказывалъ онъ мнѣ о своей родинѣ и о тамошнихъ обычаяхъ какъ церковныхъ, такъ и бытовыхъ. По возвращеніи на свою родину, онъ вскорѣ получилъ епископскій санъ¹⁾.

¹⁾ Вотъ какія свѣдѣнія впоследствии получалъ я о судьбѣ своего добраго товарища:

Пароеній (Отеновъ), родомъ изъ Дебры въ Македоніи, учился въ Лавнахъ—потомъ уѣхавъ въ Россію, поступилъ въ Кишиневскую семинарію и оттуда перешелъ въ Московскую академію, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1850 г.) со степенью кандидата. Здѣсь онъ приобрѣлъ знакомства, былъ извѣстенъ

1550 г. Алексѣй Петровичъ Лавровъ—изъ Ярославской семинаріи. Отличаясь благоправіемъ и кроткимъ характеромъ, онъ располагался еще въ академіи принять монашество и просилъ на этотъ счетъ моего совѣта. Я далъ совѣтъ не спѣшить этимъ дѣломъ и зрѣлѣе обдумать свое намѣреніе.— Въ послѣдствіи времени, мысли его измѣнились и онъ вступилъ въ бракъ, принявъ за тѣмъ священный санъ, но потомъ овдовѣлъ. Нынѣ занимаетъ онъ должность законоучителя въ Демидовскомъ лицей, въ Ярославлѣ.

Александръ Григ. Воздвиженскій—изъ Виѣанской семинаріи, сынъ священника заштатнаго города Воскресенска. Съ нимъ я познакомился въ самомъ началѣ академическаго курса чрезъ посредство Виѣанскаго наставника Я. П. Владыкина. Воздвиженскій такъ расположился ко мнѣ и такое возымѣлъ ко мнѣ довѣріе, что разъ обратился съ просьбою

вѣмъ славянофиламъ и доставлялъ имъ старинныя рукописи съ своей родины. По возвращеніи изъ Россіи, онъ основалъ на Аѳонѣ училище, но скоро его закрылъ и былъ затѣмъ назначенъ профессоромъ славянскаго языка въ Халкійскую семинарію. Во время войны 1854 года его удалили по причинѣ его симпатій къ Россіи, и онъ снова поселился на Аѳонѣ. Вернувшись послѣ войны въ Константинополь, онъ замѣнилъ Аноима (Годанова) въ должности іеромонаха при Русской посольской церкви, а когда устроили Болгарскую церковь въ Фанарѣ, то при ней учредилось училище, ректоромъ котораго онъ и былъ назначенъ...

Въ 1862 г. Парвеній назначенъ былъ епископомъ въ г. Кукушъ, Позанской епархіи, вопреки желанію мѣстнаго Салоникскаго митрополита Неофита, и потому этотъ послѣдній старался всячески ему вредить. Съ помощію интригъ, подкуповъ и лжесвидѣтелей ему удалось обвинить Парвенія въ еретичествѣ и другихъ преступленіяхъ и Неофитъ созвалъ мѣстный синодъ въ Салоникахъ, на которомъ 7-мъ епископовъ признали его виновнымъ и немедленно посадили его въ заключеніе. Но ему удалось убѣжать въ Константинополь, и тамъ онъ явился въ патриархію, что страшно разсердило патриарха; бѣдный Парвеній былъ снова запертъ, затѣмъ былъ сосланъ на острова, но чрезъ нѣсколько дней возвращенъ.

Парвенія обвинили, между прочимъ, въ томъ, что онъ будто бы угрожалъ, что если его епархію не обратятъ въ митрополию, то весь народъ обратится въ унию. Посланный патриархомъ для изслѣдованія дѣла митрополитъ преславскій Аноимъ (воспитаникъ также Московской академіи), защищалъ Парвенія.—Парвеній былъ торжественно оправданъ, но въ Кукушъ не поѣхалъ. Его перевели въ Нишавскую епархію.

Свѣдѣнія эти заимствованы изъ статьи А. П. Муромцовой, подъ заглавіемъ: „Первый Болгарскій экзархъ, блаженный Аноимъ,“—помѣщ. въ 151 томѣ *Русск. Вѣстника* за 1881 г., стр. 332—338.

о принятіи его на исповѣдь, но я отклонилъ эту просьбу. 1850 г. Онъ не разъ также выражалъ предо мною желаніе принять священный санъ, не вступая въ бракъ. Однакожь впоследствии, какъ я слышалъ, онъ, поступивши на службу въ Ярославль, женился и вскорѣ за тѣмъ скончался.

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ—изъ Орловской семинаріи. Съ нимъ такъ же какъ и съ Воздвиженскимъ я познакомился на первыхъ порахъ академической жизни. Онъ часто посѣщалъ нашу монашескую келью, гдѣ жилъ его землякъ, помянутый выше іеродіаконъ Серапіонъ. Скончался Викторовъ въ 1883 году.

Александръ Павловичъ Камышинскій—изъ Воронежской семинаріи, родной племянникъ пресловутаго В. И. Аскоченскаго.—Не знаю, почему, онъ имѣлъ ко мнѣ особенную привязанность, и по выходѣ изъ академіи, не разъ писалъ мнѣ изъ Воронежа, куда онъ поступилъ на службу.

Въ первыхъ числахъ іюля я расположился, съ разрѣшенія о. ректора академіи, отправиться на родину, для свиданія съ родными и знакомыми. Но предъ выѣздомъ изъ академіи я писалъ отъ 2-го іюля въ с. Абакумово о. Мих. Граменицкому, въ отвѣтъ на его письмо отъ 12 мая:

„Не безъ достаточныхъ причинъ и не безъ особеннаго намѣренія откладывалъ я со дня на день отвѣтъ на ваше послѣднее письмо отъ 15 мая, которое бы, впрочемъ, требовало тѣмъ скорѣйшаго отвѣта, чѣмъ оно обязательно для меня по предложенному при немъ знаку вашего ко мнѣ усердія. О причинахъ медленнаго моего отвѣта на сей разъ и говорить нечего: онѣ могутъ быть очень понятны для васъ. Мимоходомъ скажу только, что мѣсяць іюнь стоилъ для насъ всѣхъ 4-хъ годовъ: такъ было тѣсно и трудно это время, что не только некогда было заниматься посторонними дѣлами, но и существеннаго исполнить въ точности не было никакой возможности. Но вотъ, по милости Божіей, и это трудное время наконецъ миновало.

Какъ ни спокойно было для меня въ академіи: но признаюсь вамъ откровенно, не безъ сердечнаго удовольствія расстаюсь съ школьною жизнью. Видно, всему свое время подъ солнцемъ: время садити и время собирать сажденное; время учиться и время учить. Дѣла мои окончены всѣ, какъ нельзя лучше,—такъ, какъ я не могъ и ожи-

1850 г. дать. — А что особенно важно и приятно для меня, — такъ это то, что я не только заслужилъ доброе расположеніе моего непосредственнаго начальства, но и имѣлъ счастье обратить на себя вниманіе высокопреосвященнѣйшаго митрополита — не своими успѣхами (они очень обыкновенныя), а чѣмъ-то другимъ. И въ слѣдствіе этого мнѣ заранѣе уже предложено отъ его высокопреосвященства такое мѣсто, о какомъ ни я, ни кто-либо другой и помыслить не могъ. Должность, которая мнѣ предназначается, правда, не прямо ученая, но тѣмъ не менѣе требующая для своего исполненія предварительнаго ученаго образованія. Что это за должность, — объ этомъ до времени я обязанъ волею начальства никому не открывать. Скажу только, что мнѣ суждено начать службу въ первопрестольной нашей столицѣ. Я и самъ еще не имѣю опредѣленнаго понятія о предназначенной мнѣ должности, и потому не знаю, въ состояніи ли буду надлежащимъ образомъ проходить ее: по отказываться отъ предложенія столь мудраго и прозорливаго архипастыря, каковъ нашъ владыка, я почитаю не безопаснымъ. Успокоиваю себя на этотъ разъ тою мыслию, что воля начальства есть воля Божія. Итакъ, да будетъ надо мною воля Божія!

Что касается до моего путешествія, я весьма желалъ-бы начать оное посѣщеніемъ вашего гостепріимнаго дома: но опасаясь оскорбить и другихъ отказомъ въ удовлетвореніи подобнаго вашему желанію.

Такъ недавно писалъ мнѣ письмо о. протоіерей Юрьевскій, въ которомъ убѣдительнѣйшимъ образомъ проситъ меня въ свой домъ. Итакъ, простите меня Бога ради, если я на сей разъ не исполню вашего желанія, въ искренности котораго я совершенно увѣренъ. Выѣхать изъ лавры я намѣревался было сегодня (3 іюля): но о. ректоръ убѣдилъ меня остаться еще на нѣсколько дней. О вступленіи въ упомянутую должность мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно: но во всякомъ случаѣ долженъ теперь разстроиться заранѣе составленный мною планъ путешествія: и не только долженъ буду отказаться отъ свиданія съ нѣкоторыми знакомыми, но и время посѣщенія ближайшихъ родныхъ нужно будетъ значительно сократить.

За симъ съ чувствомъ глубокой признательности за наше

приношеніе и съ искреннею къ вамъ любовію честь имѣю 1850 г. пребыть окончившій курсъ Моск. духовн. академіи (будущій магистръ) іеромонахъ Савва.

Любезнѣйшей супругѣ вашей и всему семейству мое усерднѣйшее почитаніе.

Р. С. Сейчасъ узналъ я, что на окончательной конференціи, подъ предѣдательствомъ высокопр. митрополита, я утвержденъ подъ 10 №, — Григорій Петровичъ ¹⁾ подъ 4. Изъ Владимірскихъ еще двое ²⁾ въ первомъ разрядѣ, и одинъ ³⁾ во второмъ.

4-го числа писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Съ любовію сиѣшу извѣстить васъ о моихъ настоящихъ обстоятельствахъ. Благодареніе Господу, — я достигъ наконецъ цѣли моихъ стремленій. Четырехлѣтніе труды мои увѣнчались счастливымъ успѣхомъ. Всѣ дѣла мои окончены какъ нельзя лучше. Остается теперь насладиться пріятнымъ отдохновеніемъ среди родныхъ и знакомыхъ. На сихъ дняхъ я намѣренъ отправиться въ путь. Какъ ни сильно ваше желаніе видѣться со мною, сколько можно скорѣе: но прошу не посѣтовать на меня, если я нѣсколько замедлю своимъ къ вамъ пріѣздомъ. Мнѣ и самому хотѣлось-бы поспѣшить къ вамъ: но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я нахожу нужнымъ начать именно съ Мурома: потому что, въ противномъ случаѣ, если, то есть, я начну съ васъ, можетъ случиться такъ, что мнѣ и не удастся быть въ Муромѣ: а это будетъ противно и моему собственному желанію, и желанію тамошнихъ моихъ родныхъ. Но васъ я ни въ какомъ случаѣ не захочу оставить безъ посѣщенія. Для васъ въ настоящемъ случаѣ разность только та, что я заставляю васъ нѣсколько долѣе, нежели какъ хотѣлось-бы вамъ, ждать себя. Но, согласитесь сами, чѣмъ продолжительнѣе ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе. Впрочемъ, сколько будетъ зависѣть отъ меня, я постараюсь совершить путь до Мурома и обратно до Иванова съ возможною скоростію, какъ ни много предстоитъ мнѣ на этомъ разстояніи перепутій. Итакъ, будьте великодушны и не прогнѣвайтесь Бога

¹⁾ Выстрицкій.

²⁾ Яковъ Беневоленскій и Василій Взоровъ.

³⁾ Феодоръ Остроумовъ.

1850 г. ради на меня, если отказываюсь на сей разъ удовлетво-
рить вашему желанію; въ искренности котораго я отнюдь
не сомнѣваюсь. Если Богу будетъ угодно, то увидимся и
утѣшимся взаимнымъ свиданіемъ.

Относительно будущей моей судьбы я имѣю теперь до-
вольно уже опредѣленное указаніе. По личному ко мнѣ вни-
манію и благоволенію высокопр. митрополита, мнѣ назна-
чается должность въ самой Москвѣ, подъ непосредствен-
нымъ надзоромъ и руководствомъ его высокопреосвящен-
ства. Гдѣ именно и какая это должность, узнаете отъ меня
при личномъ свиданіи⁴.

На другой день праздника преп. Сергія, 6-го ч., я от-
правился въ путь вмѣстѣ съ тремя товарищами—земляками,
Быстрицкимъ, Взоровымъ и Остроумовымъ. Путь нашъ ле-
жалъ чрезъ города Александровъ и Юрьевъ. Въ Алексан-
дровѣ мы посѣтили достопочтеннаго настоятеля собора, про-
тоіерея Іак. В. Миловекаго¹⁾. Какъ воспитанникъ Москов-
ской академіи, онъ принялъ насъ очень ласково и радушно.
Въ Юрьевѣ я ночевалъ у своего родственника протоіерея
А. И. Соловьева. Во Владимірѣ мы всѣ вмѣстѣ представ-
лялись новому архипастырю, преосв. Іустину. Онъ при-
нялъ въ залѣ у порога довольно сухо и когда я, въ его
вопросъ о моемъ назначеніи, сообщилъ ему, что я пред-
ставленъ на должность Синодальнаго ризничаго въ Москву,
онъ выразилъ какую-то двусмысленную мину. Тѣмъ и оконча-
лось наше коллективное представленіе его преосвященству.

Изъ Владиміра мы всѣ разошлись по разнымъ сторонамъ.
Я отправился въ Муромъ.

Въ Муромѣ всѣ,—и родные и знакомые, встрѣтили меня
съ радостію. По приглашенію о. протоіерея Троепольскаго,
я служилъ въ соборѣ, и за это, по его-же распоряженію, полу-
чилъ отъ соборнаго старосты, купца Зворыкина, полумперіаль.

Изъ Мурома, чрезъ село Оомику, гдѣ провелъ сутки у
священника О. П. Обтемперайскаго, я прибылъ въ г. Вяз-
ники. Здѣсь на короткое также время остановился у сво-
его школьнаго товарища и друга, священника В. П. Бого-
родскаго: онъ принялъ меня съ восторгомъ и разговорамъ
нашимъ не было конца.

¹⁾ Министра VII курса (вып. 1830 г.). Московской духовной академіи.

Изъ Вязниковъ, чрезъ село Пантелеево, гдѣ посѣтилъ 1850 г. родственника своего діакона Мануила Петровича, пріѣхалъ въ село Хотимль, гдѣ встрѣтилъ меня радушный пріемъ двоюроднаго зятя Ив. Николаевича и сестры Марьи Петровны Успенскихъ. У нихъ пробылъ я дни два или три.

27-го іюля пріѣхалъ въ Шую и остановился въ домѣ соборнаго протоіерея и смотрителя училищъ В. Я. Цвѣткова. 28-го ч. въ Шуйскомъ соборѣ праздникъ въ честь Шуйской-Смоленской иконы Божіей Матери и торжественный крестный ходъ вокругъ всего города. Послѣ хода я приглашенъ былъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, на завтракъ въ домъ купца Борнилова. Здѣсь встрѣтился неожиданно съ старымъ знакомымъ помѣщикомъ, С. А. Лазаревымъ-Станицевымъ, у котораго я училъ дѣтей. Онъ былъ на этотъ разъ уѣзднымъ исправникомъ. Бывши въ Шуѣ, я не забылъ посѣтить свою добрую и благодѣтельную хозяйку, у которой я нѣкогда квартировалъ, Александру Ивановну Болотову. Почтенная старушка весьма обрадовалась моему посѣщенію и, прощаясь со мною, положила мнѣ въ руку золотой полуимперіалъ, примолвивши: „помолися, батюшка, обо мнѣ“. Какъ ни отказывался я отъ принятія этого дара, но долженъ былъ исполнить волю благочестивой старицы. Имя рабы Божіей Александры, вмѣстѣ съ полуимперіаломъ, до сихъ поръ сохраняется въ моей памяти.

29-го ч. послѣ обѣда пріѣхалъ я на свою родину, въ село Горицы, и остановился въ домѣ о. Василія Сапорова. Онъ принялъ меня съ родственною любовію.

Изъ Гориць, чрезъ Кохму, гдѣ на короткое время видѣлся съ сестрою Анною Михайловной и ея семействомъ, я посѣшилъ въ Иваново, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали меня родные.

Въ Ивановѣ пробылъ я до 4-го августа, и оттуда отправился въ Ростовъ, куда прибылъ 5-го числа и остановился въ Яковлевскомъ монастырѣ, гдѣ настоятельствовалъ тогда бывший ректоръ Владим. семинаріи о. архим. Поликарпъ. Онъ принялъ меня какъ роднаго.

Въ ночь на 6-е число прибыли въ Ростовъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, путешествовавшіе въ это время по Россіи. Послѣ литургіи, которая въ этотъ день, по случаю дванадцатаго праздника Преображенія Господня,

1850 г. совершалась съ особенною торжественностию, Ихъ Высочества посѣтили монастырь и за тѣмъ удостоили своимъ посѣщеніемъ покой настоятеля. Старець архимандритъ былъ внѣ себя отъ радости и чашки, изъ которыхъ высокіе гости пили чай, сохранилъ какъ драгоценные памятники.

Спасо-Яковлевскій Ростовскій монастырь расположенъ на берегу большого озера Неро, въ которомъ мнѣ едва не пришлось погибнуть; и вотъ по какому случаю.

Въ монастырѣ встрѣтилъ меня товарищъ по академіи Василій Никольскій, сынъ священника села Порѣчья, расположеннаго на противоположномъ отъ монастыря берегу озера Неро. Онъ убѣдилъ меня посѣтить домъ его родителя; я не могъ отказать въ просьбѣ товарищу, согласился. Путь нашъ лежалъ чрезъ озеро и мы отправились въ небольшой лодочкѣ, присланной отцомъ Никольскаго съ крестьяниномъ. Едва сѣли мы въ лодку и отчалили отъ берега, какъ поднялся вѣтеръ, сначала тихій, а потомъ, по мѣрѣ удаленія нашего отъ берега, становился свѣнѣе и сильнѣе; но пока было мелко, лодка шла довольно спокойно, а когда достигли мы середины озера, гдѣ глубина была очень значительная, лодка едва не опрокидывалась на каждомъ шагу, и я почти отчаявался въ жизни. Къ счастью, съ нами сѣлъ въ лодку какой-то отставной солдатъ и онъ помогалъ лодочнику удерживать въ равновѣсіи ладью. Когда мановали мы глубину, сталъ утихать и вѣтеръ, и вторую половину пути, при ясной погодѣ и совершенной тишинѣ въ воздухѣ, мы совершили уже очень благополучно. Такимъ образомъ, еще разъ Провидѣніе Божіе явило надо мною спасающую десницу.

Переночевавши въ Порѣчѣ, я на другой день отправился далѣе и къ вечеру пріѣхалъ въ Переславль, гдѣ принялъ меня очень радушно Никитскій о. архим. Нифонтъ. Пробывши въ Переславлѣ дня два, я возвратился въ академию 10-го числа вечеромъ и на слѣдующій же день долженъ былъ поспѣшить въ Москву. Здѣсь мнѣ о. ректоромъ назначено было временное помѣщеніе въ его Законоспасскомъ монастырѣ. Болѣе двухъ недѣль пришлось мнѣ ожидать своего назначенія.

По пріѣздѣ въ Москву, я немедленно явился на Троицкое подворье, къ преосвящ. митрополиту, но не былъ при-

нить имъ; явился и въ другой разъ, но также безуспѣшно. 1850 г. Наконецъ мнѣ назначено было явиться на подворье 19-го числа послѣ обѣда. Являюсь. Владыка на первый разъ принять меня очень милостиво; посадилъ и нѣсколько минутъ разговаривалъ со мною, но о чемъ была рѣчь, не помню. Но такъ какъ въ это время еще не было изъ Св. Синода указа о моемъ опредѣленіи на должность, то владыка отпустилъ меня и велѣлъ ожидать указа. Но чтобы мнѣ не было скучно безъ дѣла, онъ чрезъ нѣсколько дней позвалъ меня къ себѣ и, давши мнѣ списокъ очень пространнаго письма на латинскомъ языкѣ, поручилъ перевести его на русскій языкъ.

Подлинное письмо писано было въ 1847 г. на имя оберъ-священника арміи и флотовъ, протопресвитера Василія Ивановича Кутневича извѣстнымъ діакономъ англиканской церкви Вильямомъ Пальмеромъ ¹⁾ изъ Шотландско-Британскаго города Perth-a. Въ письмѣ этомъ Пальмеръ сначала признается, что онъ, со вниманіемъ прочитавши подаренную ему ректоромъ Московской дух. академіи архим. Филаретомъ книгу Адама Зерникава объ исхожденіи Св. Духа, совершенно уклонился отъ мнѣнія и слововыраженія латинянъ и всѣмъ сердцемъ прильпился къ православному мнѣнію восточныхъ. Затѣмъ пространно излагаетъ и критически разбираетъ тѣ доводы, на основаніи коихъ онъ держался ученія латинянъ относительно исхожденія Св. Духа „и отъ Сына“. Въ заключеніе, поручая о. Кутневичу засвидѣтельствовать почтеніе преосвященнымъ: митрополиту Московскому Филарету, епископамъ Томскому Аванасію (бывшему ректору С.-Петербургской семинаріи) и Рижскому Филарету, а также священнику Исаакіевскаго собора Александру Стратилатову, проситъ разослать имъ списки съ этого письма.

У меня сохранился черновой переводъ этого замѣчательнаго письма.

23-го числа писалъ я къ роднымъ въ Иваново:

„Всѣмъ вамъ приношу мою усерднѣйшую благодарность

¹⁾ Пальмеръ род. въ 1811 г., ум. ^{24 марта} ^{5 апрѣля} 1879 г. См. газ. *Востокъ*, 1879 г. № 1, стр. 13 и сл. Переписка о Пальмерѣ Хомякова съ архив. Казанскимъ Григоріемъ — въ *Русск. Архивъ* 1881 г. т. II, стр. 32 и сл.

1850 г. за ваше щедрое и радушное угощеніе. Только жалѣю, отъ души жалѣю, что краткимъ пребываніемъ у васъ не вполне удовлетворилъ вашему родственному чувству. Теперь оказалось, что я напрасно спѣшилъ отъ васъ; можно было бы пробыть у васъ и еще сутки другія—третья. Впрочемъ, кто же зналъ, что такъ случится? А случилось со мною вотъ что. Пробывши въ Ростовѣ двое сутокъ и столько же въ Переславлѣ, 10-го числа вечеромъ я пріѣхалъ въ завру. Едва лишь успѣлъ появиться въ академію, какъ слышу отъ о. инспектора приказаніе на другой же день отправляться въ Москву. Какъ ни неприятна была эта вѣсть, особенно потому, что послѣ продолжительнаго путешествія я ощущалъ крайнюю потребность въ отдохновеніи: но дѣлать нечего—надобно было повиноваться волѣ начальства. Отправляюсь на другой день утромъ въ Москву; вечеромъ я былъ уже тамъ. Являюсь къ о. ректору: но узнаю отъ него, что хотя представленіе обо мнѣ и сдѣлано въ Св. Синодѣ, но разрѣшенія оттуда еще нѣтъ. Затѣмъ нужно было мнѣ явиться къ митрополиту, чтобъ узнать его воззрѣніе въ разсужденіи того, гдѣ мнѣ ждать своего назначенія: здѣсь-ли (въ Москвѣ), или прикажетъ возвратиться въ завру: но въ продолженіе цѣлой недѣли не было удобнаго времени, когда бы я могъ явиться къ нему. Только уже наконецъ 19-го числа имѣлъ я счастье представиться его высокопреосвященству. Владыка принялъ меня очень милостиво, удостоилъ даже сѣсть въ кресла. Послѣ вопросовъ: гдѣ я живу и спокойно-ли мнѣ жить?—приказалъ мнѣ оставаться въ Москвѣ, въ той надеждѣ, что скоро уже должно последовать изъ Св. Синода разрѣшеніе на его представленіе въ разсужденіи меня. Итакъ, я теперь нахожусь только еще въ чаяніи будущихъ благъ. Скоро-ли исполнятся мои ожиданія, Богъ вѣсть. Но жить въ Москвѣ безъ дѣла, а особенно безъ денегъ, довольно скучно. Къ счастью, я еще пользуюсь, по милости о. ректора, готовою квартирою и трапезой: а потому, если и приходится тратить свои деньги, то большею частію только на разъѣзды. Впрочемъ, и на этотъ предметъ не мало потребно денегъ: по Москвѣ нашему брату-монаху, особенно въ настоящее время, безъ извозника почти шагу сдѣлать нельзя. Но—Богъ милостивъ, авось-либо всѣ эти проторы и убытки со временемъ вознаградятся...

Въ чемъ же, спросите вы, провожу я теперь время?— 1850 г. Въ праздничные дни занимаюсь служеніемъ; затѣмъ, пока свободно, осматриваю достопамятности столицы; присутствую, въ качествѣ посторонняго зрителя, при церковныхъ церемоніяхъ. Такъ, 15-го, въ день Успенія Б. Матери, и 22-го, въ день коронаціи, я видѣлъ то, чего еще никогда не видалъ. Въ эти два дни я имѣлъ удовольствіе видѣть и все знатнѣйшее духовенство Москвы, и весь генералитетъ столицы, во всемъ его блескѣ. Далѣе—изрѣдка посѣщаю своихъ знакомыхъ; все-же остальное время посвящаю, по обычаю, на чтеніе книгъ. Вотъ и все, что на первый разъ я могъ сообщить вамъ о себѣ изъ столицы.

Отъ всей души желаю вамъ семейнаго мира и всякаго благополучія“.

28-го ч. писалъ я въ Абакумово священнику М. Д. Граменицкому:

„Теперь уже безопасно могу открыть вамъ тайну относительно моего назначенія, хотя отчасти она вамъ можетъ быть уже извѣстна. По волѣ высокопр. митрополита, мнѣ предстоитъ должность Синодальнаго ризничаго. Можетъ представиться, какъ и дѣйствительно многимъ представлялось съ перваго взгляда, что эта должность не соотвѣтствуетъ моему академическому воспитанію. Но на повѣрку оказывается, что эта должность не только не унизительна для кончившаго лишь курсъ воспитанника академіи, но еще слишкомъ высока. Всѣ, кои имѣютъ о ней надлежащее понятіе, почитаютъ меня большимъ счастливецемъ. Были опыты, что на эту должность поступали изъ инспекторовъ семинарій: такъ выгодна и почетна эта должность. О выгодахъ предстоящей мнѣ должности опредѣленныхъ свѣдѣній еще не имѣю, слышалъ только, что одного жалованья будетъ около трехъ тысячъ (ассигнац.). Что же касается до ея значительности: то извѣстно, что званіе Синодальнаго ризничаго выше игуменства и обыкновеннаго протоіерейства. Въ церковныхъ церемоніяхъ ризничій, какъ сказывали мнѣ, занимаетъ послѣ архимандритовъ и протопресвитера Успенскаго собора первое мѣсто. Обязанность синодальнаго ризничаго прежде всего состоитъ въ храненіи древней Патріаршей ризницы, въ которой заключаются безцѣнныя сокровища и множество священныхъ предметовъ,—

1850 г. и известной Синодальной библиотеки, состоящей из древних славянских и греческих рукописей. Далѣе, въ завѣдываніи ризничаго состоитъ церковь дванадцати Апостоловъ, гдѣ онъ настоятелемъ. Отъ него, наконецъ, зависитъ въ нравственно-учебномъ отношеніи хоръ синодальныхъ пѣвчихъ. Жительство имѣетъ въ самой синодальной палатѣ—подлѣ Успенскаго собора.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль я живу въ Москвѣ: но до сихъ поръ нѣтъ еще утвержденія изъ Св. Синода на представленіе высокопр. митрополита въ разсужденіи меня. Впрочемъ, владыка увѣрилъ меня, что оно скоро должно быть. Безъ дѣла я началъ уже было скучать въ Москвѣ: но преосв. митрополитъ, спасибо, избавилъ меня отъ этой скуки, — далъ мнѣ перевести съ латинскаго письмо одного англійскаго богослова. Это дѣло займетъ меня по крайней мѣрѣ дней пять; а между тѣмъ придетъ изъ Синода разрѣшеніе: вотъ и прекрасно.

Я писалъ къ вамъ, что во время вакаціи отправлюсь путешествовать. И дѣйствительно, совершилъ порядочное путешествіе; объѣхалъ почти всю Владимірскую епархію; видѣлся со всѣми родными и знакомыми, исключая васъ. Былъ въ родномъ Муромѣ. Тамъ приняли и проводили меня такъ, какъ я не могъ и вообразить. Оттуда чрезъ вашу родину проѣхалъ въ Вязники къ Василю Павл. Богородскому. Онъ живетъ довольно свѣтло: но не хвалится большимъ избыткомъ. Затѣмъ, объѣхавши всѣхъ родныхъ своихъ, на обратномъ пути въ лавру, былъ я въ Ростовѣ у о. Поликарпа. Онъ принялъ меня по родному. Отсюда по пути былъ въ Переславлѣ. Видите, какой кругъ описалъ я въ теченіи пяти недѣль. Судя по радушію, съ какимъ вездѣ принимали меня, мнѣ слѣдовало бы проѣздить по крайней мѣрѣ два мѣсяца. Я такъ и думалъ было сдѣлать: но раннее назначеніе меня на должность разстроило мой планъ. А между тѣмъ оказалось, что я спѣшилъ напрасно. Въместо того, чтобы скучать отъ праздности въ Москвѣ, гораздо лучше было бы это время провести среди родныхъ и старинныхъ знакомыхъ. Впрочемъ, и здѣсь завелось у меня довольно уже знакомыхъ, коихъ изрѣдка я и посѣщаю...

Временное помѣщеніе я имѣю теперь въ Законодатель-

скомъ монастырѣ. Столомъ пользуюсь также монастырскимъ; 1850 г. даже и освѣщеніе готовое; спасибо о. ректору!

Вотъ и все, что на первый разъ я могу сообщить вамъ изъ столицы. Прощайте. Увѣренъ, что вы не только по прежнему будете навѣщать меня своими письмами, но когда-нибудь посѣтите мою келью своею персональною.

Остаюсь съ искреннею любовію и преданностію къ вамъ“, и проч.

Наконецъ полученъ былъ указъ Св. Синода объ утвержденіи меня въ должности Синодальнаго ризничаго. Объ этомъ прежде всѣхъ извѣстилъ меня о. ректоръ Виѣанской семинаріи и вмѣстѣ настоятель Московскаго Златоустова монастыря, архимандретъ Леонидъ, находившійся въ это время въ Москвѣ. 30-го ч., въ день тезоименитства Государя Наслѣдника, Александра Николаевича, онъ служилъ съ преосв. митрополитомъ въ Успенскомъ соборѣ и послѣ молебна былъ, вмѣстѣ съ другими, на закуску у владыки въ его Чудовскихъ покояхъ. Здѣсь онъ слышалъ разговоръ прокурора Синодальной конторы съ владыкою о полученіи Синодальнаго указа и возвратившись въ свой монастырь, тотчасъ же написалъ мнѣ:

„Возлюбленнѣйшій отецъ Савва!

Только что узналъ я объ окончаніи вашего дѣла, какъ и спѣшу поздравить васъ. При мнѣ, въ Чудовѣ, прокуроръ докладывалъ его высокопреосвященству, что утвержденіе васъ въ новой должности получено, и владыка тутъ же поручилъ быть посредникомъ при присягѣ отцу протопресвитеру. Дай Богъ, чтобы вамъ полюбилась должность и вы ей полюбились. До свиданія. А. Леонидъ“.

Съ этой краткой записки начались и, въ продолженіи 26-ти лѣтъ, непрерывно продолжались наши взаимныя письменныя сношенія съ о. Леонидомъ.

Изложу здѣсь въ короткихъ словахъ нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности.

О. Леонидъ, въ мѣрѣ Левъ Васильевичъ Краснофѣвковъ, родился 16-го февраля 1817 г. въ Петербургѣ. Отецъ его Василій Васильевичъ Краснофѣвковъ занималъ должность товарища герольдмейстера. Послѣ первоначальнаго образованія сначала въ англійскомъ, потомъ французскомъ пансіонѣ, Краснофѣвковъ въ августѣ 1829 г. поступилъ въ

1850 г. Горный кадетский корпусъ (нынѣ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ). Въ 1832 году онъ оставилъ Горный корпусъ и послѣ домашняго приготовленія поступилъ въ Балтійскій флотъ. Въ 1836 г. познакомился съ настоятелемъ Сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга, архим. Игнатіемъ Брянчаниновымъ и вскорѣ затѣмъ съ знаменитымъ Алтайскимъ миссіонеромъ архимандритомъ Макаріемъ: тѣ утвердили въ немъ расположеніе къ монашеской жизни, которое онъ питалъ съ юныхъ лѣтъ. Въ мартѣ 1837 г. Л. В. Краснофѣвковъ, флотскій уже офицеръ, представился на Троицкомъ Петербургскомъ подворьѣ Московскому митрополиту Филарету, присутствовавшему тогда въ Св. Синодѣ и просилъ у мудраго святителя совѣтовъ и наставленій относительно вступленія въ духовную академію, — о чемъ первоначальную мысль получилъ онъ отъ архим. Макарія. Съ благословенія владыки Филарета, Краснофѣвковъ поступилъ въ 1838 г. въ число студентовъ С.-Петербургской дух. академіи. Въ 1839 г., по смерти родителя, онъ рѣшился перейти, для продолженія ученія, въ Московскую дух. академію, гдѣ въ 1842 г. и окончилъ курсъ со степенью магистра. Въ томъ же году назначенъ былъ въ Виоанскую семинарію преподавателемъ гражданской исторіи. Въ сентябрѣ 1845 г. онъ принялъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ монашество съ именемъ: Леонидъ.

Вступивши въ сентябрѣ 1846 г. въ академію, я тогда же въ первый разъ встрѣтился съ о. Леонидомъ въ квартирѣ Виоанскаго паставника Я. И. Владыкина. Затѣмъ я долго не видѣлъ его. Въ апрѣлѣ 1848 г. іеромонахъ Леонидъ переведенъ былъ въ нашу академію на должность бакалавра по классу Патристики. Теперь я сталъ не рѣдко встрѣчаться съ нимъ по праздникамъ въ церкви, при богослуженіяхъ, а съ переходомъ на старшій курсъ сдѣлался слушателемъ его лекцій. Кромѣ кельи, куда я, по своей обязанности, приходилъ къ нему наканунѣ каждаго праздника и воскреснаго дня для приглашенія къ участию въ богослуженіи, и церкви, я не рѣдко видѣлся съ о. Леонидомъ въ академической библіотекѣ, куда онъ по своей обязанности помощника библіотекаря ходилъ почти ежедневно, для выдачи книгъ студентамъ и куда я также не рѣдко приходилъ за полученіемъ нужныхъ для меня

книгъ. Въ концѣ 1849 г. о. Леонидъ опредѣленъ былъ 1850 г. ректоромъ въ Виоанскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ назначеніемъ въ настоятеля Московскаго Златоустова монастыря. Пока я оставался еще въ академіи, я раза два или три посѣщаль о. Леонида въ Виоаніи, и онъ каждый разъ принималъ меня очень благо-склонно, а когда я, по окончаніи курса, пріѣхаль въ Москву на должность Синодальнаго ризничаго, онъ встрѣтилъ меня какъ роднаго, — о чемъ ясно свидѣтельствуется вышензложенная его ко мнѣ записка. Я душевно былъ радъ, что Господь послалъ мнѣ такого добраго и любезнаго знакомяца, въ которомъ я потомъ нашель искренняго друга ¹⁾.

31-го августа мнѣ велѣно было къ 9-ти часамъ утра явиться на Троицкое подворье. Пріѣзжаю. Меня ввели въ залу. Владыка отиравался въ Даниловъ монастырь на служеніе. Выходя изъ внутреннихъ покоевъ, онъ держаль большой запечатанный пакетъ. Отдавая мнѣ его, онъ сказалъ: „иди теперь же въ Синодальную контору и пакетъ отдай прокурору, а онъ распорядится приведеніемъ тебя къ присягѣ на службу“. Являюсь въ контору и отдаю пакетъ прокурору Алексѣю Александровичу Лопухину. Тутъ же былъ и протопресвитеръ Успенскаго собора Василій Ивановичъ Заболотскій-Платоновъ, членъ Синодальной конторы. Онъ и привелъ меня въ присутствіи конторы къ присягѣ.

Съ 1-го сентября я вступилъ въ новую, необычайную для меня должность и приступилъ къ принятію по описи и каталогу отъ прежняго ризничаго, теперь уже Серпуховскаго архим. Евстафія, древнихъ ризничныхъ вещей и рукописей Синодальной библіотеки. Сдача и пріемъ продолжались болѣе 2-хъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ я продолжалъ жить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и между дѣломъ занимален перепискою съ родными и друзьями.

Въ день моего вступленія въ должность ризничаго пи-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о личности о. Леонида и о нашихъ взаимоотношеніяхъ изложены въ моей книгѣ: *Воспоминанія о высокопр. Леонидѣ, архіеп. Ярославскомъ и Ростовскомъ*. Харьковъ, 1877 г.

1850 г. салъ мнѣ изъ академіи товарищъ и другъ мой, юный іеромонахъ Игнатій (Рождественскій):

„За письма благодарю васъ усердно. Какъ я радъ, что Богъ приводитъ мнѣ жить съ вами въ одномъ городѣ, какъ прежде въ академіи жили мы вмѣстѣ въ одной комнатѣ! Пріятно намъ будетъ часто бывать другъ у друга, а мнѣ неопытному и полезно будетъ по временамъ пользоваться вашими опытными совѣтами. Дѣйствительно, меня назначаютъ на инспекторское мѣсто въ Московскую семинарію. Назначеніе сдѣлано еще 22-го числа, и 23-го мнѣ сказалъ о. ректоръ. 25-го ч. хотѣли было посылать на утвержденіе въ Св. Синодъ; но когда оказалось, что разсужденія, писанныя по предмету Никиты Петровича¹⁾, находятся въ Москвѣ вмѣстѣ и съ самимъ Никитою Петровичемъ: то отправили къ Никитѣ Петровичу письмо, чтобы онъ въ скорѣйшемъ времени пріѣзжалъ въ академію и вмѣстѣ съ сочиненіями. Онъ пріѣхалъ 27-го числа, но разсужденіе Василія Ѳедоровича²⁾ не было прочитано; потому что авторъ былъ въ лаврѣ, а рецензентъ въ Москвѣ. Кромѣ того было послано отъ о. ректора ко владыкѣ письмо касательно здѣшнихъ бакалаврскихъ мѣсть; Василія Ивановича³⁾ хотѣли назначить на математику, но ему очень не хотѣлось; потому что пришлось бы ѣхать въ Петербургскую академію. Духовно-учебное управленіе по всей вѣроятности переведетъ на мѣсто Платона Ивановича⁴⁾ — изъ Петербургской академіи Бакалавра г. Сергіевскаго⁵⁾, а назначеннаго въ здѣшней конференціи на математику препроводить въ Петербургъ. Для разрѣшенія сихъ недоумѣній о. ректоръ рѣшился писать нарочно ко владыкѣ. Все это значительно задержало какъ отправленіе назначенія въ Петербургъ, такъ и обнародованіе его чрезъ правленіе. Это послужило причиною къ тому, что я до сихъ поръ еще не писалъ къ вамъ.

¹⁾ Гилярова — Платонова.

²⁾ Взорова.

³⁾ Лебедева, скончавшагося въ 1863 г. въ санѣ Московскаго священника.

⁴⁾ Капустина, въ 1850 году выбывшаго изъ академіи на служеніе въ Епархіальномъ вѣдомствѣ.

⁵⁾ Николай Александровича, внослѣдствіи протопресвитера Московскаго Успенскаго собора, скончавшагося въ 1892 году.

О. Θεодоръ ¹⁾ посылаетъ вамъ свое усердно почтеніе. 1850 г.
Мы оба теперь чувствуемъ нужду въ васъ, потому что онъ путается въ ризахъ, а я путаюсь въ выборѣ облачений, подходящихъ подъ его ростъ. Эти строки велѣлъ мнѣ написать о. Θεодоръ. На мнѣ теперь лежитъ ваша должность —но признаюсь, я еще не совсѣмъ привыкъ къ ней. И не только о. Θεодоръ, но и вообще академія посылаетъ вамъ поклонъ.

Думалъ я, что по крайней мѣрѣ въ нынѣшнюю почту —1-го сентября сдадутъ въ правленіе назначеніе и пошлютъ въ Св. Синодъ, но оно отложено до слѣдующей почты. Поэтому я еще нынѣ не могу удовлетворить вашему желанію; и объ назначеніи постараюсь извѣстить въ свое время. Сюда хотѣли вызвать на бакалаврское мѣсто г. Сперанскаго ²⁾; но ему не хочется уѣзжать изъ Москвы.

А я живу теперь пока одинъ въ ожиданіи о. Порфирія ³⁾.
—Желаю вамъ скорѣйшаго вступленія въ должность.

3-го сентября писалъ мнѣ изъ Владиміра товарищъ и совоспитанникъ мой по Владимірской бурсѣ, іеромонахъ архіерейскаго дома Иларіонъ (въ мѣрѣ Ив. Никан. Сиротинскій):

„Возлюбленнѣйшій собратъ, высокопреподобный о. Савва! Есть и будетъ!

Вчерашній день (2-го сент.) по полученіи отъ почталіона письма, я, всматриваясь въ почеркъ, не распечатывая узналъ, что это отъ незабвеннаго моего Саввы. И въ самомъ дѣлѣ не обманулъ. Распечатываю. Слѣжу строки бѣгомъ и чувствую что-то возмущающее.

Радъ, —очень радъ служить вамъ, но только не знаю, какъ мнѣ Господь поможетъ. Охотники, быть можетъ, найдутся, но съ моей стороны затруднительность есть та, чтобъ внослѣдствіи, вмѣсто дружбы, не возникла среди насъ и вражда. Отчего такъ? Причина естественная.

Нынѣ, кого-либо я рекомендую съ хорошей стороны, чего разумѣется, опъ и стоитъ, а завтра, онъ же, но не тотъ же. Мало ли преткновеній?—а преимущественно, какъ

¹⁾ Бухаревъ.

²⁾ Василій Михайловичъ, перваго магистра XVI курса (1848 года), скончавшагося въ 1878 году въ санѣ Московскаго протоіерея.

³⁾ Попова.

1850 г. попадешь изъ грязи въ столицу, то—тогда вы и скажете: — „ну, отрекомендовалъ же.“

Между прочимъ, я для васъ готовъ стараться до послѣдней капли крови.

Да смѣю открыть свои мысли (велѣдствіе перваго возмущающаго моего помысла: жизнь хорошая, доходы обширныя). Вы, полагая на меня трудъ отыскать вамъ сослуживца, вы не предполагаете-ли, что и самъ я не вздумаю ли? Отъ чего не такъ. Очень успокоительно—быть при истинно любящемъ!

Но исповѣдаюсь, какъ отцу и другу, я, исполняя дружбу, неотъемлемо долженъ нарушить свою клятву предъ Богомъ. Гдѣ тогда будетъ обѣтъ монашества, когда я самъ себѣ ищу жизни лучшей? Твори волю Свою, Господи! Я долженъ жить въ семь мѣстѣ до тѣхъ поръ, когда скажутъ: „ступай, ты здѣсь не нуженъ,“ и тогда долженъ повиноваться и идти, куда назначутъ. Вотъ чувства мои,—но не моя!

О васъ же молю Господа, Онъ единый нашъ Упокоитель да обновитъ силы ваши и да оградитъ сердце ваше отъ всѣхъ сокровищъ. Прошу, не отриньте и моей просьбы. Помолитесь и обо мнѣ темномъ и да не речетъ врагъ: укрѣпихся на него.

Признаюсь, мнѣ отъ души желательно имѣть съ вами перепись.“

О. Иларіонъ не бойкихъ дарованій и не высокаго образования (онъ окончилъ курсъ семинаріи во второмъ разрядѣ), но добрыхъ нравственныхъ качествъ и изъ него вышелъ, какъ увидимъ далѣе, примѣрный монахъ.

12-го чис. я командированъ былъ конторою Св. Синода въ Московскую складочную таможену, для нахожденія при досмотрѣ привезенныхъ изъ Іерусалима для князя Хилкова перламутровыхъ и гипсовыхъ образовъ и для опредѣленія по правиламъ цензуры, могутъ ли сіи предметы быть пропущены безпренятственно. Такъ какъ эти предметы привезены были изъ за границы для домашняго употребленія, а не продажи, то я, по наставленію митрополита, долженъ былъ посмотрѣть на нихъ не слишкомъ строго. Посему образа, на основаніи моего снисходительнаго отзыва, выданы были князю безъ замедленія.

15-го ч. вторично писалъ мнѣ изъ академіи о. Игнатій:

Поздравляю вас съ прекрасною должностію, и если 1856 г. до сихъ поръ не поздравлялъ, то думаю, по братской любви, извините меня тѣмъ обстоятельствомъ, что я поджидалъ назначенія, чтобы исполнить вашу просьбу. Назначеніе только еще пынѣшній день посылають въ Св. Синодъ. Да кстати—позвольте васъ поздравить и съ наступающимъ днемъ вашего ангела; можетъ быть и не удастся мнѣ написать къ вамъ къ 1-му числу октября—опять въ надеждѣ, что братская любовь будетъ снисходительна къ такой безцеремонности, и тѣмъ болѣе, что мѣсяца черезъ три, Богъ дастъ,—возможность частаго свиданія и частыхъ бесѣдъ вознаградитъ всѣ недостатки по письменной части.

Какъ я радъ, что къ такимъ искреннимъ поздравленіямъ могу я присоединить такую радостную вѣсть, что всѣ три инока, имѣющіе одного воспріемнаго отца, жившіе въ одной келліи,—всѣ остаются въ одной и той же епархіи. Отца Порфирія назначаютъ въ Виѳанскую семинарію на словесность на мѣсто Кедрскаго, который переводится на этотъ же предметъ въ Московскую семинарію; и меня также на словесность назначаютъ. Чтобы о. Порфирій и Св. Синодомъ былъ назначенъ на это мѣсто,—о. ректоръ думаетъ писать особенное письмо къ Карасевскому¹⁾. Да и въ самомъ назначеніи прибавлено, что онъ нуженъ въ послѣдствіи для занятія высшей должности,—для которой требуется лице монашествующее. Его готовятъ на мѣсто Виѳанскаго инспектора; о. Наѳанайль, вѣроятно, не долго будетъ на этомъ мѣстѣ.

Быстрицкій—помощникомъ ректора во Владимірѣ. Я. Беневоленскій—на Библейскую исторію въ Вологду (онъ и теперь еще здѣсь живетъ на кондиціи). Взоровъ—ректоромъ Харьковскихъ училищъ. Тамошній преосв. Филаретъ²⁾ просилъ здѣшнюю академію дать на это мѣсто человека благонадежнаго. Сначала думали назначить о. Порфирія, потомъ Евдокимова³⁾, но о. ректоръ воспротивился сильно

¹⁾ Александру Ивановичу, директору Духовно-учебнаго Управленія при Св. Синодѣ, скончавшемуся въ 1856 году въ званіи исправляющаго должность Оберъ-Прокурора Св. Синода.

²⁾ Гумилевскій, на задолго предъ тѣмъ былъ переведенъ изъ Риги въ Харьковъ.

³⁾ Геранонта, въ монашествѣ Феодотія, о которомъ см. выше, въ „Хроникѣ“ за 1847 годъ.

1850 г. предложенію касательно Евдокимова, опасаясь, чтобы его тамъ не постригли въ монашество. Во время вакаціи онъ здѣсь очень придерживался прежнихъ своихъ обычаевъ, такъ что его нѣсколько разъ просили уѣхать изъ академіи. Такимъ родомъ вмѣсто Евдокимова о. ректоръ предложилъ Взорова.

Въ академію бакалаврами назначаются: Смирновъ¹⁾—на Библейскую исторію; Лебедевъ²⁾—на логику; Сергіевскій³⁾ бакалавръ Петербургской академіи,—нашъ товарищъ по семинаріи, переводится сюда на мѣсто Платона Ивановича⁴⁾. Смотрителемъ Ярославскихъ духовн. училищъ—Воздвиженскій,—а Барскій—прежній смотритель—переводится въ Ярославскую семинарію. Во Владимірѣ—на философію—Терновскій. Въ Калугу на гражданскую исторію—Холминскій. Въ Кострому на словесность—Виноградовъ, а на математику—Любославскій⁵⁾. Въ Вологду на словесность—А. Поповъ⁶⁾.

О. Порфирій пріѣхалъ 7-го числа, поздравляетъ васъ и посылаетъ вамъ поклонъ. Намъ о. ректоръ поручилъ заниматься греческимъ переводомъ одной съ большимъ трудомъ разбираемой рукописи о монашескихъ уставахъ Аѳонской горы. Рукопись привезена Муравьевымъ и въ академію прислана отъ владыки. О. Θεодоръ и прочіе вамъ кланяются.

Прошу вашихъ молитвъ о мнѣ грѣшномъ и преданномъ вамъ отъ всего сердца іеромонахѣ Ігнатіѣ.

P. S. О. ректоръ говорилъ какъ-то о вашей прекрасной должности со мною и въ письмѣ къ вамъ велѣлъ писать: высшему всѣхъ игуменовъ—Синодальному ризничему.

Слышали ли вы, что г. Вяшняковъ вступаетъ въ бракъ съ дочерью Срѣтенскаго протоіерея отъ Спаса на Срѣтенкѣ?⁷⁾

16-го ч. вечеромъ получилъ я отъ Виѳанскаго ректора

¹⁾ Григорій Петровичъ, скончавшійся 16 февр. 1898 г. въ санѣ Московскаго протоіерея.

²⁾ Вас. Ів., ваше упомянутый.

³⁾ Н. А., также упомянутый ваше.

⁴⁾ Капустина.

⁵⁾ Все это магистры XVII курса (май, 1850 года).

⁶⁾ Въ монашествѣ Павелъ, впоследствии епископъ Тотемскій, инкарій Вологодской епархіи, скончавшійся 4 ноября 1874 года.

о. архим. Леонида, прїѣхавшаго по монастырскимъ дѣламъ 1850 г. въ Москву, записку слѣдующаго содержания:

„Прїѣзжій изъ Визаніи честь имѣетъ извѣстить высокопреподобнѣйшаго отца Синодальнаго рязничаго, что онъ (прїѣзжій) останется сегодня дома безвыходно, не говоря, разумѣется, о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ.“

17-го ч. получилъ я письмо отъ Абакумовекаго друга о. Михаила Граменицкаго. Онъ писалъ отъ 9—16 числа:

„Прошедшаго августа 30-го дня, къ несказанному моему удовольствію, получилъ я отъ Липинскаго крестьянина дражайшее письмо ваше. Искренно благодарю васъ за память вашу и расположеніе. Наконецъ и ваша участь устроилась. Радуюсь, что Господь приводитъ васъ первый шагъ служенія общественнаго послѣ трудовъ учебныхъ слѣвать на видномъ и славномъ мѣстѣ.“

Дай Богъ начать вамъ свое служеніе благополучно и продолжать съ успѣхомъ во славу Божию и пользу общественную. Осмѣливаюсь льстить себя надеждою, что при вашемъ руководствѣ, при случаѣ удастся мнѣ увидѣть такія вещи, которыхъ видѣть безъ случая, конечно, я бы не сподобился во всю жизнь. Пора вамъ, любезнѣйшій, послѣ тяжкихъ переворотовъ жизни, — послѣ трудовъ умственныхъ, — пора насладиться спокойствіемъ. Вотъ Провидѣніе Божіе, испытавши ваше терпѣніе, и приводитъ васъ наконецъ къ мирной пристани и отселѣ, при вашей честной жизни и внимательности къ возлагаемымъ обязанностямъ, конечно, поведетъ васъ отъ силы въ силу, отъ славы въ славу. Изволили писать, что очастливили своимъ посѣщеніемъ въ вакаціальное время всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. На этотъ разъ я всѣхъ несчастіе. Вѣрно, погость нашъ слишкомъ вамъ наскучилъ? Вѣрно, что-нибудь имѣете въ вашихъ мысляхъ объ насъ непріятное?— Это дѣло ваше: но мы всѣ желали-бы васъ видѣть какъ ближайшаго роднаго, — насладиться вашею бесѣдою, — какъ умнѣйшаго и добродѣтельнаго человѣка. Теперь Богъ знаетъ, будетъ-ли вамъ время и случай удостоить насъ посѣщенія.... Думаю, что въ Муромѣ было очень чувствительно и для вашего сердца.... А какъ, чай, отрадно было посмотрѣть на васъ роднымъ вашимъ?! Конечно, при такихъ обстоятельствахъ много различныхъ чувствъ и мыслей можетъ взойти въ голову.

1850 г. Новый архипастырь наши предѣлы еще не посѣщаль; говорятъ, что достается отъ него нашему брату: но гдѣ гроза, тутъ и милость. Не пожалуетъ-ли къ намъ по осени? О, еслибы Господь сподобилъ принять и отпрavitъ его по хорошему“!

На письмо это отвѣчалъ я 26-го числа, и вотъ что, между прочимъ, писалъ своему другу:

„Въ должность введенъ я 4-го сентября: но до сихъ поръ не переселился еще въ свою квартиру, и не переселюсь, кажется, до тѣхъ поръ, пока предмѣстникъ не передастъ мнѣ всего, подлежащаго моему завѣдыванію; а эта сдѣла продолжится еще мѣсяць, если не болѣе. Такъ много возлагается на мои слабыя рамена! Въ ризницѣ, до которой теперь доходить у насъ очередь, заключается не на одинъ миллионъ рублей. Сердце замираетъ при взглядѣ на сокровища, которыя мнѣ нужно будетъ хранить. Здѣсь же хранится св. миро, которое идетъ отсюда чрезъ руки ризничаго во всѣ епархіи, исключая Кіевскую. Стоитъ взглянуть на серебряные котлы, въ коихъ варится, и на сосуды, въ коихъ хранится это св. миро.—Пріѣзжайте скорѣе въ Москву: съ любовью открою вамъ святыню и всѣ сокровища, поступающія теперь въ мое непосредственное завѣдываніе.—Напрасно вы просите меня не забывать, при высокомъ титулѣ, прежняго къ вамъ расположенія. И безъ вашей просьбы я останусь въ отношеніи къ вамъ такимъ-же, какимъ былъ и прежде. Переменная вѣшняго положенія не должна измѣнить нашихъ внутреннихъ взаимныхъ отношеній“.

Имѣя нужду въ іеромонахѣхъ для Синодальной 12-ти Апостоловъ церква, гдѣ я, съ назначеніемъ на должность ризничаго, былъ настоятелемъ, я обращался еще въ августѣ мѣсяцѣ къ поминутому выше товарищу своему по семинаріи, іеромонаху Владимірскаго архіерейскаго дома Иларіону съ просьбою отрекомендовать мнѣ кого-нибудь изъ извѣстныхъ ему іеромонаховъ на означенное мѣсто. Сначала онъ затруднился исполненіемъ моего порученія,—о чемъ и сообщалъ мнѣ въ письмѣ отъ 3-го сентября, а теперь, 7-го октября, пишетъ:

„Отъ всей души и отъ всего сердца сообщая вамъ, какъ истинному своему другу—сослуживецъ для васъ находитесь,

изъ числа нашихъ сослуживцевъ! Былъ иѣкто въ селѣ Ланинѣ 1850 г. о. Еоимъ, а нынѣ Ефремъ, котораго, вѣроятно, и вы знаете. Онъ, по сдачѣ своего мѣста, 7-мъ лѣтъ былъ въ Введенской Островской пустынѣ, а нынѣшнимъ лѣтомъ угодно было нашему преосвященнѣйшему его вызвать въ свой домъ—къ намъ въ сослуживца.

Качества его я вполнѣ не могу и описать. Человѣкъ и маститый старецъ съ достоинствами души!

Года-же его, хотя и не малые, но крѣпость силъ имѣеть. Дай Богъ такую легкость хотъ и молодому, расторопенъ.

Преподобнѣйшій отецъ! Если угодно, — не опускайте сего почтеннаго старца. Онъ, къ достоинству его, изъ кончившихъ курсъ и лѣтъ 20 былъ благочиннымъ, — и при семъ, если вы рѣшаетесь на принятіе, о чемъ намъ и сообщите и научите, какъ нужно въ семъ дѣлѣ поступить*!

Когда я доложилъ объ этомъ преосв. митрополиту, владыка, узнавши, что рекомендуемый мнѣ іеромонахъ принадлежитъ къ числу братства архіерейскаго дома, не совѣтовалъ мнѣ принимать его, чтобы не огорчить преосвященнаго Владимірскаго. — Въ этомъ смыслѣ я и отвѣчала 25-го ноября о. Иларіону на его письмо.

10-го октября получено было мною письмо изъ Муромъ отъ родныхъ Царевскихъ. Вотъ что они писали мнѣ отъ 7-го числа:

„Съ чего начнемъ писать вамъ? Изъявлять-ли сперва радость свою, что Богъ устроилъ судьбу вашу такъ хорошо? Благодарить ли васъ за то, что вы такъ скоро, такъ неожиданно, при первомъ своемъ письмѣ съ новаго своего мѣста оказали уже намъ благодѣяніе!

Благодаримъ, благодаримъ Господа за то, что Онъ поставилъ васъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ вы успѣли уже доказать свое доброе сердце новымъ благодѣяніемъ. Да испослетъ вамъ Господь силы къ прохожденію новой должности, — да продлитъ жизнь вашу, — и мы увидимъ, что Отецъ небесный не до конца прогнѣвался на насъ!

Примите хотя позднее поздравленіе съ днемъ вашего ангела. Оноздать письмомъ — наше дѣло; но будьте увѣрены, что въ самый день вашего тезоименитства, мы не пропустили молить Бога о испосланіи вамъ благъ, — и ангела нашего о сохраненіи васъ. Прощайте!“

1850 г. 17-го я. получилъ я письмо отъ своего новаго друга, Гр. П. Быстрицкаго. Онъ писалъ съ своей родины, изъ погоста Быстриць, Гороховскаго уѣзда:

„Любезнѣйшій и глубокоуважаемый другъ,
отецъ Савва!

Письмо ваше получилъ. Съ нетерпѣнiемъ я ждалъ. Миѣ хотѣлось узнать о назначенiи академическомъ, а главное о васъ самихъ, — порѣшилось-ли ваше тогда не рѣшенное дѣло. И вотъ наконецъ я узналъ. Привѣтствую васъ съ новымъ званiемъ, съ новою должностiю. Радуюсь, что начало вашей новой жизни хорошо, и вы начали ее съ спокойнымъ, прiятнымъ, веселымъ расположенiемъ духа (это видѣлъ я изъ тона письма). Счастливое предзнаменованiе для будущаго! Моя участь доколѣ еще не рѣшена; а думаю, уже скоро рѣшится. Наконецъ, я свыкаюсь съ мыслию о моемъ служенiи во Владимiрѣ. Мечта и планы, которые долго строились въ воображенiи, видно не увидятъ дѣйствительности. Теперь же это предчувствую. Но это предчувствiе уже переношу спокойно; пусть будетъ, что будетъ. Что будетъ, то дается отъ руки Провидѣнiя. Долгъ мудраго и въ немногомъ находить многое, чтобы быть счастливымъ и благодарить Промыслъ.

Вотъ ужъ октябрь, я думаю, — уже менѣе мѣсяца до поступленiя на должность. Пора-бы ужъ. Впрочемъ не думайте, что теперь я очень скучаю. Нѣтъ, я чувствую себя хорошо; ни одной тяжелой думы, ни одной заботы, никакой работы для ума, на душѣ покойно, а подъ часъ и вело. Живу дома, почти никуда не выѣзжалъ, только недѣлю проѣздилъ на праздникъ въ Дунилово; недѣли полторы еще училъ дѣтей помѣщика Шаблыкина, которые теперь въ Москвѣ. Эти полторы недѣли показались миѣ цѣлымъ мѣсяцомъ; дома жить гораздо лучше. Вотъ какъ я провожу время: встану поутру не очень рано, и не поздно, что-нибудь почитаю, потомъ иду прогуляться по горѣ, или въ поле, потомъ завтракъ, или лучше обѣдъ. Послѣ обѣда или дѣлаю что-нибудь въ домѣ, или такъ сижу, и курю сигару; да, — я нынѣ курю сигары; — новое приобрѣтенiе! что-нибудь читаю, прогуливаюсь, мечтаю, впрочемъ, не думайте дурно о моихъ мечтахъ; въ моемъ селѣ, которое походитъ на пустыню, гдѣ только и видишься съ природой,

худыя мечты рѣдко идутъ въ голову. Надобно сказать, что 1850 г. все время проходить для меня даромъ, и вотъ почему я желаю скорѣе на должность. Отъ нечего дѣлать занимаюсь лингвистикой, особенно греческимъ языкомъ; перевелъ нѣсколько словъ изъ св. отцевъ, теперь занимаюсь Одиссеей Гомера. Положилъ себѣ непременно въ продолженіи двухъ лѣтъ изучать греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій и еврейскій языки до того, чтобы свободно изъясняться на нихъ. Такъ и думаю, что вы будете смѣяться, прочитавши эти строки, и скажете: эхъ, братъ, не мечтай! Но это не мечта. Я буду изучать ихъ по новой методѣ. Впрочемъ, я много сказалъ: свободно изъясняться; по крайней мѣрѣ не буду-ли въ состояніи писать на всѣхъ этихъ языкахъ, какъ пишу на роіномъ. Знакомясь съ Гомеромъ на его діалектѣ, заглядываю по временамъ въ нѣмецкихъ поэтовъ, (потому что у меня есть большое собраніе мелкихъ нѣмецкихъ стихотвореній). Но все это болѣе механическія занятія; мысль остается почти безъ дѣйствія; душа не приходитъ въ живое, одушевленное движеніе. И чувствую вредъ отъ этого. За серьезное дѣло я, кажется, теперь не въ состояніи приняться; мысль стала тяжела, неповоротлива, даже языкъ какъ-то вялъ, неспособенъ для живой рѣчи, какъ это и вы видите изъ письма. Сначала было я дѣятельно принялся за проповѣданіе; всего, кажется, произнесъ поученій пять; но потомъ это благое дѣло разстроилось отъ независящихъ отъ меня обстоятельствъ, впрочемъ, я и не рѣшился возобновить его, потому что оно не совсѣмъ здорово для моего желудка.

Знаете-ли что: не успѣлъ я поглядѣться хорошенько, послѣ академич. трудовъ, и меня уже сватаютъ на мѣсто, предлагаютъ невѣсту. Священническое мѣсто, которое мнѣ рекомендуютъ, дѣйствительно выгодно, стоитъ многихъ Московскихъ мѣстъ; священникъ лично говорилъ со мною; какъ видно изъ разговора, ему сильно хочется имѣть меня своимъ зятемъ, онъ убѣждалъ меня, съ жаромъ изображалъ всѣ выгоды и все счастье, въ которомъ я заживу на его мѣстѣ. Этотъ священникъ—отецъ Яковъ Чернышевъ; это мѣсто—Вязниковскій соборъ. Но невыгоды, которыя должны рѣшить дѣло не въ пользу нарекающаго себя въ моего тестя, также значительны: 1) надобно жениться послѣ новаго года, таково

1850 г. условіе; 2) невѣстѣ, какъ самъ уже священникъ говорить, 20 лѣтъ; 3) она не красавица, хоть я ее и не видалъ. Прошу васъ, впрочемъ, молчать объ этомъ и никому не писать.

Отъ души преданный вамъ другъ Григорій Быстрицкій. Мои родители свидѣтельствуютъ вамъ преглубокое почтеніе и отъ души желаютъ добраго здравія и счастья. Тятинькѣ очень понравилось ваше письмо. „Смотри, говоритъ онъ, Григорій, и ты постарайся написать къ о. Саввѣ какъ можно лучше. Но я говорю: вѣдь о. Савва живетъ въ столицѣ, — въ Москвѣ, а я въ деревнѣ; изъ деревни по неволѣ будешь говорить по деревенски. Такъ и случилось.

Если буду служить во Владимірѣ, на святки полечу въ Москву, — въ кремль, — и къ вашей милости. Аминь“.

19 ч. писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Михаилъ Граменицкій:

„Въ первыхъ числахъ настоящаго октября имѣлъ я счастье получить пріятнѣйшее письмо ваше. Отъ искренности сердца радуюсь счастливому началу вашего общественнаго служенія, подъ бдительнымъ руководствомъ мудраго архипастыря; — дай Богъ вамъ навсегда пользоваться расположеніемъ такого опытнаго пѣстуна. Можно надѣяться, что ваше усердное и вѣрное служеніе не ослабитъ его къ вамъ внимательности. Для вашего братства нуженъ іеромонахъ: есть у меня двоюродный дядя, служащій теперь въ домѣ нашего владыки казначеемъ, — онъ іеродіаконъ Макарій, жизни честной, вина и сикера не употребляетъ, — по вашему письму я и писалъ ему, не будетъ-ли его желанія быть Синодальнымъ іеромонахомъ: но вотъ уже почти три недѣли извѣстія отъ него никакого нѣтъ; вѣрно ему не хочется разстаться съ дочерьми, изъ коихъ одна за дѣвичьимъ діакономъ Ник. Мих. Доброхотовымъ, а другая вдова приказничиха; — съ дѣтьми. Мой дядечекъ просилъ меня представить для сего его брата Борковской пустыни іеродіакона ¹⁾, онъ вышелъ изъ философскаго класса, — хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, жизни, какъ и я знаю, самой скромной и тихой, — онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ; — если угодно вамъ будетъ и если есть возможность ему быть вашимъ іеромонахомъ, то онъ поставитъ это для себя выше всякаго счастья.

Около Покрова ждали мы къ себѣ въ село преосвященнѣйшаго, который обѣщался быть въ городѣ Покровѣ и въ

¹⁾ Имя его Іоанннкій.

Введенской пустыни; трое суток исправникъ дожидался его на ставци, а мой Силычъ три дня смотрѣлъ съ колокольни, — но все тщетно. Преосвященнѣйшій отложилъ свою поѣздку до мая мѣсяца. 1850 г.

Мои домашніе свидѣтельствуютъ вамъ усерднѣйшее почтеніе“.

19-го числа получилъ я письмо изъ академіи отъ товарища своего, юнаго инока о. Порфирія:

„Добрѣйшій и любезнѣйшій о. Савва!

Усерднѣйше благодарю васъ за угощеніе. О томъ, что вы доселѣ живете въ Законоспасскомъ монастырѣ, о. ректору я сказалъ, и онъ ничего не замѣтилъ на это. Самъ онъ обѣщается въ монастырь позднѣе 24-го октября: „инѣ нужно побывать тамъ“, сказалъ онъ мнѣ, „когда кончатся уже совсѣмъ работы, а праздники проведутъ в безъ меня“. Въ академіи новаго ничего, кромѣ того, что явился изъ С.-Петербурга новый бакалавръ ¹⁾ и первой лекціей весьма увлекъ младшихъ студентовъ.

Всеусердно желаю вамъ здравія и всѣхъ возможныхъ благъ, — и прошу васъ не забывать меня въ своихъ молитвахъ“.

23-го ч., въ день 59-й годовщины своей жизни, писалъ мнѣ изъ Мурома уѣздный стряпчій А. А. Горицкій:

„Я получилъ почтенное писаніе ваше отъ 20-го сентября. Примите, почтеннѣйшій, глубокую благодарность мою за памятованіе о мнѣ. Не заслуживая вполнѣ такого вниманія, я приписываю это благороднымъ и добрымъ чувствованіямъ вашимъ и тѣмъ болѣе цѣню его и принимаю прямо за искреннее и родственное. Въ самомъ дѣлѣ, мы и по обстоятельствамъ и по отношеніямъ расходимся далеко; но за то старики наши живали близко между собою: я твердо помню это со дней моего младенчества, и вы прямо слѣдуете ихъ завѣту.

Отъ души радовался и радуюсь настоящему теченію вашему и буду молить Господа Бога: да совершаетъ онъ путь вашъ во благое и радованіе всѣхъ любящихъ и знающихъ васъ! Я помню, когда при прощаніи съ вами во храмѣ, коего вы были достойнымъ служителемъ, Григорій Дмитріевичъ Зворыкинъ, замѣтивъ слезы навернувшіеся на

¹⁾ П. А. Сергіевскій, вышеупомянутый.

1850 г. глазахъ моихъ, спросивъ о причинѣ ихъ и получа удовлетворительный отвѣтъ, вотъ что сказалъ мнѣ: „не плакать, а радоваться мнѣ надлежитъ: онъ будетъ украшеніемъ высшаго духовенства“. — примолва, что онъ мало видалъ подобныхъ въ духовной іерархіи“. Старикъ изрекъ это отъ простоты души своея; и я счелъ бы себя счастливымъ, еслибы Господь привелъ меня видѣть исполнившимся это искреннее желаніе мое.

Соболѣзнуя, что сверхъ всякаго чаянія моего не удалось мнѣ насладиться бесѣдою вашею, но уповаю на неизреченное милосердіе Божіе, я еще не отчаиваюсь видѣть васъ, моего ближняго и искренняго по духу.

Прошу покорнѣйше не взыскивать на рѣдкомъ писаніи моемъ: безпрестанное письмоводство, отвлеченія, старость, а съ нею и недуги ставятъ меня въ крайность въ этомъ случаѣ быть невѣждою противъ многихъ моихъ знакомыхъ; но съ вами мы болѣе нежели знакомые; и я увѣренъ, что вы не будете равнымъ съ ними претендателемъ“.

Наконецъ, въ началѣ ноября я окончилъ приѣмъ ризницы и библіотеки и вступилъ во всѣ права своего новаго званія. — А эти права слѣдующія: 1) Синодальный ризничій принадлежитъ къ числу духовныхъ властей и въ церковныхъ процессіяхъ занимаетъ мѣсто выше всѣхъ Россійскихъ игуменовъ; 2) Онъ есть настоятель Синодальной 12-ти Апостоловъ церкви, при которой братство состоитъ изъ 2-хъ іеромонаховъ, іеродіакона и псаломщика, а клиросное пѣніе поочередно исправляютъ Синодальные пѣвчіе; 3) Главная обязанность ризничаго состоитъ въ храненіи древнихъ вещей ризницы и рукописей библіотеки; 4) на Синодальномъ ризничемъ лежатъ обязанность приготовить св. миро, хранить и раздавать оное въ епархіи, по указнымъ предписаніямъ Синодальной конторы; 5) Синодальный ризничій, совмѣстно съ протопресвитеромъ Успенскаго собора, завѣдывалъ Синодальнымъ пѣвческимъ хоромъ¹⁾; 6) на Синодальномъ ризничемъ лежала также обязанность завѣдывать, съ помощію одного изъ Синодальныхъ иподіаконовъ, синодаль-

¹⁾ Впрочемъ эта обязанность, искорѣ по вступленіи моемъ въ должность, свята была съ насъ и, по Высочайшему повелѣнію, передана прокурору Синодальной конторы.

ными пѣвческими домами, находящимися между Никольскою 1850 г. и Ильинскою улицами и отдаваемыми въ арендное содержаніе.

Къ числу обязанностей ризничаго относится и допущеніе любопытствующихъ къ обозрѣнію древностей, хранящихся въ ризницѣ, и ученыхъ къ изученію рукописей библіотеки.

Но мнѣ, сверхъ сего, дѣлаемы были въ разное время разныя порученія какъ отъ ближайшаго начальства, такъ и отъ постороннихъ лицъ.

И прежде всего, возложилъ на меня порученіе, тотчасъ по вступленіи моемъ въ должность, преосвящ. митрополитъ, приказавъ мнѣ заняться описаніемъ болѣе замѣчательныхъ предметовъ Синодальной ризницы и библіотеки. Не имѣя никакой предварительной подготовки къ археологическимъ и палеографическимъ занятіямъ, не безъ затрудненія могъ я приступить къ исполненію этого не маловажнаго порученія. Однакожь, съ помощію Божіею, я съ успѣхомъ исполнилъ оное, какъ увидимъ далѣе.

Помѣщеніе мое было въ старинномъ Патріаршемъ домѣ, сооруженномъ въ 1655 г. патріархомъ Никономъ. Я занималъ собственно три не большихъ комнаты въ верхнемъ этажѣ, гдѣ у святѣйшаго патріарха была молельная и кабинетъ. Но у меня передняя комната была раздѣлена перегородками на три части.

Я поселился въ своемъ новомъ, историческомъ жилищѣ 13-го ноября, наканунѣ праздника св. апостола Филиппа, имени коего посвященъ не большой придѣлъ въ одной изъ двухъ ризничныхъ палатъ. Совершивши этотъ первый праздникъ на моей новой службѣ, я водворился въ своей квартирѣ и приступилъ къ обычнымъ занятіямъ по своей должности.

Должность моя и для меня казалась довольно не обыкновенною, и для другихъ — странною и несоотвѣтствовавшею моему учебной подготовкѣ. Дѣйствительно, въ прежнее время, когда въ русскомъ обществѣ не была пробуждена любовь къ отечественнымъ древностямъ, Патріаршая ризница была мало кому извѣстна и мало для кого доступна, и потому должность Синодальнаго ризничаго была не очень видною, тѣмъ болѣе, что до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія занимали ее люди, не имѣвшіе высшаго духовнаго образованія, а иногда почти и не образованные. Поэтому преосвященный

1850 г. Паросеній—мой рукоположитель и благодѣтель, бывший некогда членомъ Московской Синодальной конторы и близко знавшій тогдашнее значеніе должности Синодальнаго ризничаго, —когда узналъ о моемъ назначеніи на эту должность, говорить, пролезился.

Среди должностныхъ, официальныхъ занятій, не прекращалась у меня и частная корреспонденція съ знакомыми и родными: Такъ —

21-го ноября писалъ я къ роднымъ въ Хотимль:

„Въ послѣдній разъ писалъ я къ вамъ тогда, когда участь моя не была еще окончательно опредѣлена; я былъ тогда только еще въ чаяніи будущихъ благъ. Теперь судьба моя уже устроилась, и, повидимому, очень счастливо. Что ожидаетъ меня впереди, одному Всевѣдущему извѣстно: но теперешнее мое положеніе пока такъ хорошо, что кажется и желать лучшаго на первый разъ нельзя. Все вокругъ меня пока мирно; всеми почти лицами, съ коими я нахожусь въ соприкосновеніи по службѣ, доволенъ: а миръ и душевное спокойствіе—это было всегда первымъ моимъ желаніемъ. Матеріальныя средства для приличнаго содержанія себя на настоящемъ постѣ очень достаточны. Тысячи три, и можетъ быть, и больше я могу получить въ годъ: чего же лучше? Помѣщеніе имѣю очень достаточное для одного человѣка: кромѣ отдѣльной кухни у меня пять комнатъ. Слава Богу, есть гдѣ принять и помѣстить добрыхъ родныхъ и знакомыхъ, если-бы они когда-нибудь ко мнѣ пожаловали. Одно только неудобство въ отношеніи къ пріѣзжимъ гостямъ: нѣтъ на дворѣ помѣщенія для экипажа.

Служба моя довольно многосложна, но при помощи Божіей и при пособіи добрыхъ людей, большихъ затрудненій по моей службѣ пока еще не вижу. Все идетъ хорошо и стройно. Должность моя тѣмъ особенно примѣчательна, что открываетъ мнѣ случаи входить въ сношенія съ лицами всехъ возможныхъ сословій. У меня бывають и знатные вельможи и бѣдные ремесленники; купцы и мѣщане, ученые и простые.—Прекрасный случай изучать человѣчество во всехъ его постепенностяхъ“.

Въ тотъ же день (т. е. 21 ч.) писалъ я и къ Ивановскимъ роднымъ:

„Конечно, давно ожидаете вы отъ меня обстоятельнаго

увѣдомленія о моемъ положеніи. Давно чувствовалъ и я 1850 г.
 обязанность сообщить вамъ такое извѣстіе: но не знаю и
 самъ, за чѣмъ я медлилъ и отлагалъ со дни на день ис-
 полненіе этой обязанности. Вотъ наконецъ рѣшился писать
 къ вамъ.

Участь моя давно уже рѣшена. Съ 4-го сентября я со-
 стою въ должности Синодальнаго ризничаго. Прежде всего,
 разумѣется, мнѣ надлежало принять отъ моего предмѣст-
 ника вещи, подлежащія моему завѣдыванію. Этотъ пріемъ
 продолжался почти 2 мѣсяца. Въ продолженіе этого вре-
 мени, можно сказать, я не былъ еще полнымъ хозяиномъ;
 даже не пользовался и принадлежащей мнѣ квартирой; и
 только уже съ 12-го числа сего мѣсяца я вступилъ во всѣ
 права своей власти. Но тутъ предстояли мнѣ хлопоты; нужно
 было исправить и очистить квартиру, которую мой пред-
 мѣстникъ содержалъ довольно неопрятно; надобно было,
 какъ обыкновенно водится, обзавестись хозяйствомъ. Нако-
 нецъ, слава Богу, все это мало по малу устроилъ и при-
 велъ въ порядокъ. Теперь начинаю жить спокойно, и даже
 пріятно. Осталось одно-трудиться и молить Бога о добромъ
 здоровьѣ и душевномъ спокойствіи.

Что сказать вамъ о моей должности? Должность, какъ я
 писалъ вамъ, кажется, и прежде, довольно многосложна, и,
 потому хлопотлива: впрочемъ, при помощи Божіей и при
 пособіи добрыхъ людей, въ прохожденіи ея не встрѣчаю
 пока большихъ затрудненій. Но мое настоящее положеніе
 имѣетъ ту особенную выгоду, что доставляетъ мнѣ случай
 входить въ сношенія съ людьми всѣхъ возможныхъ сосло-
 вій. У меня бываютъ и знатные вельможи и бѣдные по-
 селяне; ученые и простые, купцы и мѣщане. И это об-
 ширное знакомство не обходится для меня даромъ: отъ од-
 нихъ я пользуюсь умною и назидательною бесѣдой; отъ
 другихъ заимствую полезныя уроки для жизни практиче-
 ской и проч.

Если найдете удобнымъ, прошу жаловать ко мнѣ на ново-
 селъе. Помѣщеніе у меня очень достаточное: есть, гдѣ
 принять гостей. Поваръ у меня очень исправный, а пива
 и меду въ Москвѣ много. Искренно говорю: очень радъ
 былъ-бы я, если бы хоть кто-нибудь изъ родныхъ посѣ-
 тилъ меня. Если-же въ скоромъ времени нельзя вамъ пред-

1850 г. принять путешествіи въ столицу, по крайней мѣрѣ не забываютъ извѣщать меня о своемъ положеніи письменно².

P. S. При благопріятной оказіи прошу переслать мнѣ образъ святителя Николая. Какъ родительское благословеніе, онъ для меня очень дорогъ³.

18-го декабря писалъ мнѣ изъ Вязниковъ о. Василій Богородскій:

„Отъ души радуюсь твоему счастливому устроенію судьбы, и благодарю Бога такъ утѣшившаго тебя послѣ скорбей и несчастій. Видно изъ строкъ твоихъ, что ты доволенъ настоящей судьбой своей, а слѣдовательно и счастливъ вполне. Желать доколѣ нечего. Слава Богу!

Дорогой для сердца и жизни моей! я долго ждалъ твоихъ извѣстій; ни одной недѣли не проходило, чтобы я не посѣтилъ почтовой конторы въ петербургѣ. И дождался и стану ждать еще и еще пріятнѣйшаго. А о себѣ скажу лишь старое обыкновенное; живу безъ прибыли и убытка по старому, по прежнему. Да и чего ждать здѣсь на пустыхъ и дикихъ горахъ? Вѣкъ живи, ничего не наживешь, кромѣ дѣтей—это своимъ чередомъ. А потому, не находя въ собственной жизни никакихъ высокихъ и отрадныхъ событій, надобно жить, по крайней мѣрѣ, радостію ближайшихъ сердцу-друзей. Вѣрьте, что я много разъ перечитывалъ письмо, — и всегда въ часы скорби и тягостной суеты буду братья за него. Такъ всегда вы пишете мнѣ, собственно для моей отрады и утѣшеній. Не думайте, что я просто читаю; — утѣшаюсь вами! И на будущее время въ надеждѣ подобныхъ утѣшеній.

Желаю вамъ провести святки на новомъ житѣ въ самыхъ лучшихъ и чистѣйшихъ удовольствіяхъ.

Простите дорогой и единственный другъ души моей. Напишите, если будетъ не трудно: каковъ митрополать съ вами въ обращеніи, — каковъ вы по всей Москвѣ?—что новаго въ ней? Знаю, что подобнаго рода вопросы для васъ, уже, не кстати; но простите любознѣтству!⁴

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Ставрополя на Кавказѣ наставникъ семинаріи іером. Моисей:

„Честь имѣю поздравить васъ со днемъ вашего ангела; отъ всего сердца желаю вамъ проводить годъ сей новый въ вашей жизни (я разумѣю окончаніе академич. курса) въ здравіи,

благополучіи и душевномъ спокойствіи, съ которымъ только 1851 г. и можно быть истинно счастливымъ на земли.

Поздравляю васъ съ блистательнымъ окончаніемъ академическаго курса и съ занятіемъ блистательной въ Москвѣ должности и лучшей въ губерніи Россійской. Радъ и радъ, по прежнему радъ!...

Что касается до моей личности, то она находится теперь въ самомъ хорошемъ состояніи; должность люблю, почему занимаюсь дѣлами съ охотою; здоровье мнѣ служить, уваженіемъ пока отъ присныхъ пользуюсь и чего-же еще хотѣть человѣку, такъ мало учившемуся въ академіи и за такой трудъ получившему степень кандидата. Слава и благодареніе Господу! судьбой своей я очень доволенъ. За хорошее поведеніе и исправное прохожденіе должностей уже награжденъ набедренникомъ, чего-же еще хотѣть? Такъ-ли мой любезнѣйшій сожитель и другъ?

Скажите-же что-нибудь о себѣ, о Московской академіи, и о всемъ, о всемъ пишите къ любящему васъ по прежнему*.

Праздникъ Рождества Христова и первые дни новаго года проводилъ у меня товарищъ по академіи и добрый другъ мой, профессоръ Владимірской семинаріи Гр. Петр. Быстрицкій. Много у меня было съ нимъ разговоровъ о разныхъ ученыхъ и житейскихъ предметахъ, много приятныхъ воспоминаній о жизни и трудахъ въ академіи.

Новый годъ принесъ мнѣ не мало новыхъ трудовъ и заботъ по случаю муроваренія, а также по случаю начатыхъ, по Высочайшему повелѣнію, перестроекъ и передѣлокъ въ Синодальномъ домѣ и въ Синодальной церкви, — о чемъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Съ другой стороны, новая должность начала постепенно вводить меня въ новыя знакомства и въ новыя отношенія къ лицамъ разныхъ званій и состояній; такъ:

Съ 14-го февраля 1851-го года начались мои письменныя сношенія съ извѣстнымъ церковнымъ писателемъ и ревнителемъ православія, Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ¹⁾. Вотъ что онъ писалъ мнѣ на первый разъ изъ Петербурга:

¹⁾ Скончался въ 1874 году.

1851 г. „Приношу благодарность за вашъ отзывъ, постигшій отецъ ризничій, но не сѣтуйте, если остаюсь имъ не удовлетворенъ и пакы прошу ваше высокопреподобіе потрудиться о томъ-же предметѣ. Я увѣренъ, что А. В. Горскій, который занимался сими вопросами, можетъ указать, гдѣ именно находится сія рукопись, потому что не можетъ быть, что-бы не сохранились дѣянія соборныя, на коихъ присутствовали восточные патріархи съ нашимъ, когда и при началѣ исправленія книжнаго бывшій соборъ Никоновъ участвовалъ въ дѣяніяхъ. Не знаетъ-ли о томъ вашъ предѣстникъ, мнѣ-же справиться здѣсь нѣтъ никакихъ средствъ. Сдѣлайте милость, спросите его и Горскаго, постарайтесь отыскать и сію рукопись и меня благоволите увѣдомить о послѣдствіяхъ.“

Съ чувствомъ уваженія остаюсь и проч.“

21-го ч. писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, единобѣрческій діаконъ Ѳ. С. Виноградовъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что къ Покровской церкви села Иванова, на мѣсто умершаго священника Григорія Розанова, опредѣленъ возвратившійся изъ Иркутска священникъ Василій Гавриловичъ Былинскій—О. Былинскій—мой товарищъ по семинаріи и землякъ, уроженецъ села Дунилова, онъ одинъ изъ числа 10-ти учениковъ Владимірской семинаріи, отправленныхъ въ 1841 г., по распоряженію высшаго начальства, въ Иркутскую епархію для занятія священническихъ вакансій.

2-го марта писалъ мнѣ изъ Вазниковъ о. Вас. Богородскій.

„Любезный другъ! доброта души вашей произвела во мнѣ смѣлое дерзновеніе просить васъ, какъ благопріятеля ближнему.“

Вотъ моя просьба!... Родной мой братъ Иванъ волюю Божіею, а можетъ быть и своею, недоучился въ семинаріи. Исключенный, поступилъ во Флорищеву пустынь, откуда о. архимандритомъ Іеронимомъ переведенъ и взятъ въ его Спасскій, Муромскій монастырь, и около 8 лѣтъ проживаетъ въ послушническомъ званіи, и кажется вовсе наклонился къ одиночеству. Но у насъ и монашество не скоро дается исключенному изъ словесности, да и что здѣсь въ немъ?

Другъ мой! не откажись его пріять и пріютить сдѣ-либо 1851 г.
по Москвѣ. Онъ дѣтина и въ душѣ и въ тѣлѣ хорошій,
и по настоящему образу жизни даже очень хорошій. Онъ
можетъ быть вамъ и вѣрнымъ слугою, если-бы только нужно,
и довольно изряднымъ письмоводителемъ для облегченія васъ
въ многотрудныхъ обязанностяхъ по письменной отчетности
(онъ по монастырю и въ Муромѣ занимается письмовод-
ствомъ). Я представляю вамъ и его чистописаніе.

Вникните въ участь моего единокровнаго страдальца, съ
коимъ много соединено спокойствіе искреннаго вашего друга.
Я вызвалъ просить васъ вашей добротой и слезами брата.
Окажите примѣрно искреннее расположеніе и безъ сего отъ
души васъ любящему и уважающему. Свяжите этимъ благо-
дѣяніемъ вѣчно и священно дружбу нашу“!

4-го ч. писалъ мнѣ изъ Горницъ о. Василій Саноровскій:
„Находясь очень долгое время въ молчаніи, не знаю, съ
чего начать письмо мое. Начинаю такимъ-же изъвиненіемъ,
какимъ вы начали ко мнѣ интересное письмо свое. Оно
мною получено 23-го декабря минувшаго 1850-го г., по
тогда досужно-ли было отвѣчать? Тогда по благочинію над-
лежало дѣлать отчеты, которыхъ у насъ до пронасти. Безъ
писаря, одинокъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна. Насту-
пили святки и праздникъ Богоявленія Господня, но и тогда
и служба церковная и хожденіе по приходу по древнему
обыкновенію не оставляли празднаго и свободнаго времени
для корреспонденціи нисколько. При томъ же послѣ празд-
никовъ необходимость заставила ѣхать съ клировыми вѣдо-
мостями во Владиміръ и явиться въ консисторію и лично
къ новому архиепископу, который меня еще не зналъ и у
насъ не бывалъ. По пріѣздѣ изъ Владиміра, начались свадьбы
и богатенькія, то захотѣлось поиноровать и покомнанировать.
Нынѣ богачи и въ селахъ, какъ и въ городахъ пируютъ—
вѣжливо, готовятъ поварскія и по модѣ кушанья; у иныхъ
бываетъ небольшой оркестръ. Вотъ причины долговремен-
наго моего молчанія!

Достопочтеннѣйшій отецъ! можетъ быть вамъ любопытно
знать, какъ со мною обращался новый преосвященный?
Съ прискорбіемъ душевнымъ скажу, только прошу глаголы
мои слагать въ сердцѣ вашемъ. Преосвященнымъ на первый
разъ я принятъ очень строго. Увидѣвъ меня, онъ началъ

1851 г. дѣлать выговоры и сердиться. Причиною къ тому не что иное было, какъ одиѣ жалобы, или лучше ябеды, коварными недоброжелателями сдѣланныя, чего я вовсе не зналъ,—и, по совѣсти говорю, не дѣлалъ. Преосвященный довѣрчивъ, особенно къ дворянамъ; не особенно деликатенъ съ нашимъ братомъ, любитъ колѣнопреклоненіе и нылкаго самага характера. И архіепископъ Пареній такъ же былъ иногда вспыльчивъ, но тогда, когда разбереть дѣло и узнаеть несправедливость, онъ зналъ личность; а Іустинъ безъ всякой личности вдругъ запылить на всякаго и поставить въ тупикъ. Въ такомъ критическомъ положеніи нашли одно спасительное средство—молчать и чаще кланяться въ ноги. Правда, мнѣ не очень лестна должность благочинническая и не съ охотою принималъ я оную. Трудно, очень трудно, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ управлять благочиніемъ; ибо настали и дніе лукавіи и много лукавыхъ челоуѣковъ въ каждомъ почти благочиніи. Иной хвалится премудростію своею и кричитъ: „я умнѣе тебя“. Иной хвалится богатствомъ и не уважаетъ тебя. Иной гордится хитростями и грозитъ: не боюсь никого. Сколько ни старайся по примѣру Апостола быть вся веѣмъ, но студенты мудрецы, богачи и хитрецы, какъ въ синагогѣ іудейской фариसेи и книжники, возмущаютъ причетъ и усязливаются предать благочиннаго Понтійскому Пилату на осужденіе и занять мѣсто благочинническое. Впрочемъ я всю надежду возлагаю на Господа и предаюсь волѣ архипастыря—не бо безъ ума мечъ носить. Къ похвалѣ его должно отнести и то, что гнѣвъ его не продолжителенъ. Онъ скоро обдумывается и иногда въ горячности извиняется.

Наша епархія многолюдная и въ ней, какъ въ великомъ дому, не все золотыя сосуды, но очень много скудельныхъ, заносчивыхъ и занозливыхъ. Какъ не оскорбиться и не побраниться! Простите великодушно, что далеко зашелъ я съ сею матеріей, позвольте обратиться къ писъму вашему.

За лестное писъмо ваше приношу чувствительнѣйшую мою благодарность, а за подарокъ не знаю вамъ что воздать!.. Пусть оный послужитъ назидательнымъ урокомъ попомкамъ, ежели Господь благословитъ ими, сколь дружество священно и какъ милыя благодѣянія утѣшительныя.

Слава всеблагому Богу, благодѣявшему вамъ; имъ мирно

снискали пристанище, нашли надежный путь и къ спасенію 1851 г. и къ славѣ. Такъ—терибніе убогихъ не погибаетъ до конца. Усиленные труды никогда не остаются безъ награды. Вы теперь находитесь въ кругу благородномъ и образованномъ и не теорія, но уже практика еще образуетъ васъ болѣе и тогда.... тогда не забудьте меня грѣшнаго. Вы приглашаете меня въ Москву полюбоваться на сокровища царскія и на ваше счастье; нѣтъ, достопочтеннѣйшій, едва-ли это случиться можетъ. Здоровье мое стало слабѣть, особенно при этой должности. Аще Господь потерпитъ грѣхамъ моимъ какой-либо годъ, думаю пристроить внучку-сироту и тогда удалюсь въ пустыню и свободнѣе буду. Отъ прихожанъ моихъ всѣ рассказы о вашемъ усердномъ ихъ приѣмѣ слушалъ съ удовольствіемъ и восхищался о видѣнныхъ ими рѣдкостяхъ. И съ малымъ семействомъ доколѣ живу благополучно, только каждый годъ мучусь съ работницами. Очень хочется огородъ огородить, но финансовъ не достаетъ.

За симъ съ совершеннѣйшею преданностію и всегдашнимъ почитаніемъ остаюсь искренно любящій и усерднѣйшій слуга благочинный священникъ Василій Сапоровскій^с.

8-го ч. получилъ я нисѣмо изъ Владиміра отъ профессора семинаріи, Г. П. Быстрицкаго. Онъ писалъ мнѣ отъ 6-го числа:

„Приношу вамъ искреннюю благодарность за добрые совѣты относительно преподаванія. И здѣсь, кажется, особенно нужна осторожность. Нашъ о. ректоръ имѣетъ обычай посѣщать лекціи наставниковъ; и у меня уже былъ, и слушалъ о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ случившуюся въ то время лекцію. Впрочемъ, чего особенно нужно нашему брату остерегаться? Я думаю, свободной рѣчи относительно вѣры и началъ государственной жизни; но моя наука къ послѣднимъ не имѣетъ приложенія, къ первой относительно мало. А внутри ея собственной области и могу чувствовать себя свободно. Она есть дѣло человѣческое, а все человѣческое измѣнчиво; и потому въ своихъ разсужденіяхъ въ классѣ я не слѣдую никакому авторитету; говорю то, что нахожу послѣ долгихъ размышленій; отвергаю въ лекціяхъ, существующихъ у насъ, то, что нахожу несправедливымъ. И ужели я въ самомъ дѣлѣ за это долженъ под-

1851 г. пасть отвѣтственности? Главное, что нужно избѣгнуть въ нашей наукѣ—это двѣ крайности: матеріализмъ и идеализмъ; но душа моя отвергаетъ ихъ, а между тѣмъ цѣль, которой мнѣ хочется достигнуть въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ—это опять христіанская религія, —приблизиться къ ней, найти основаніе ея и оправданіе ея въ самой душѣ. Вопросы, которые теперь особенно занимаютъ меня—бытіе души, особое, отличное отъ тѣла, участіе нервной системы въ психическихъ отправленияхъ,—присутствіе въ душѣ высшей, духовнѣйшей стороны ея, которою она сообщается съ Богомъ и міромъ духовнымъ.

Я слышалъ, что Матвій Ивановичъ¹⁾ вступилъ въ супружество. Узнавши объ этомъ, я послалъ къ нему поздравительное письмо. Желательно бы знать, кто его жена, какова она по душѣ и тѣлу, и сколько за ней приданого. Поклонитесь ему отъ меня, при свиданіи, и пожелайте счастливыхъ дней.

Вы спрашиваете меня хорошо-ли принялъ меня архіерей, когда я приходилъ къ нему за благословеніемъ. Отвѣчаю: ни хорошо, ни дурно. Аудіенція продолжалась меньше пяти минутъ. Я только услышалъ отъ него сухенькое назиданіе въ слѣдующемъ духѣ: занимайтесь возложеннымъ на васъ дѣломъ; ваше усердіе не останется безъ вниманія и награды*.

12-го ч. писалъ мнѣ изъ Виеннѣ профессоръ семинаріи С. Г. Вишняковъ:

„Съ стыдомъ прикипаюсь я за перо, потому что много виноватъ предъ вами; я непостоявенъ, не состоятеленъ въ своемъ словѣ! Простите меня за чистосердечную мою исповѣдь, хоть для дней великаго поста; но позвольте хоть малую толику принести вамъ въ свое оправданіе. Въ святки, послѣ личнаго свиданія, я обѣщалъ еще разъ видѣться съ вами и попросить васъ въ домъ тестя; по этому сдѣлать не удалось. Святки, первая послѣ женитьбы, особенно конецъ ихъ, прошли для меня какъ-то безумно: никакъ я не могъ распорядиться временемъ такъ, чтобы выдержать съ характеромъ свою распорядительность: то гости у насъ, то сами въ гостяхъ по неотступной просьбѣ и въ извѣстные именно дни и часы, то приглашенія въ

¹⁾ Соколовъ, о которомъ рѣчь была раньше.

театръ, то плата другимъ тою же монетою по принятому 1851 г. обычаю, отняли у меня все время. Утомленный, въ поздній часъ ѣдешь домой съ мыслию, что завтрашній день будетъ въ моемъ распоряженіи: не тутъ-то было! Смотришь, по утрамъ подають письмо или записку въ просьбу, когда, въ которомъ часу подать лошадь, чтобы быть тамъ-то!... Къ концу святокъ даже сдѣлалось скучно; а выдаться изъ круга заведеннаго, очерченнаго условіями житейскими какъ-то неловко. Опытно теперь узнаешь, и узнаешь по незолѣ что такое житейскій шумъ и разсѣяніе, что такое угаръ отъ исполненія, хоть формальнаго, такъ называемыхъ удовольствій! Прежде теоретически толкуешь объ этомъ то и другое, а самъ ни уха, ни рыла не знаешь, по русской пословицѣ; все приходится испытать, хоть понемногу. Еще мы—малы люди, еще кругъ нашихъ условій ограниченъ: спрашиваешь иногда, въ часы покоя, какъ живутъ люди въ большомъ свѣтѣ? Видно, такая судорожная, тревожная жизнь обратилась имъ въ привычку, сдѣлалась насущнымъ хлѣбомъ. А намъ, воспитаннымъ въ простотѣ сельской жизни, привыкшимъ къ тишинѣ сельскаго уединенія, все это какъ-то дико отзывается на душѣ. И радъ—радешенекъ, что воротился въ свою Виванію, хоть и здѣсь жена-тому меньше свободы, чѣмъ холостому.

Такимъ образомъ, добрый мой отецъ Савва, вина въ моей несостоятельности въ словѣ произошла не отъ какой либо холодности, забывчивости или притворства (чего, конечно, во мнѣ вы едва ли предположите), а отъ того, что въ Москвѣ я еще не научился распоряжаться временемъ, какъ хочется. При томъ же, я не одинъ, а уже съ женою, слѣдоват..... остальное вы можете дополнить сами, потому что сами опытно знаете, что значить жизнь въ міру вдвоемъ?

Свой долгъ въ отношеніи къ вамъ я хотѣлъ было заплатить на масляной; но уввы, мнѣ и не пришлось попробовать маслянистыхъ Московскихъ блиновъ. Непредвидѣнно я вызванъ былъ маменькою въ Васильевское, на родину по семейнымъ дѣламъ, и всю сырную недѣлю, до половины первой, проѣздилъ! Что дѣлать? Нужно было покориться слову родительницы и семейнымъ интересамъ. Такъ образомъ, въ масляницу, когда молодыхъ обыкновенно честятъ, мы съ женою должны были разлучиться, потому что везти

1851 г. се зимою, — въ дальнюю дорогу, по неисправному пути, было бы тяжело: она гостила въ Москвѣ, а я вояжировала. Къ концу первой недѣли былъ я въ Москвѣ, но сначала отъ усталости, потомъ отъ хлопотъ, не удалось мнѣ быть у васъ. Богъ дастъ, вознаградимъ все въ свѣтлую седмицу: помолимся о семъ!

Что сказать вамъ о себѣ? Я начинаю уже близко скиваться съ своимъ положеніемъ; мое сердце начинаетъ успокоиваться отъ разнаго рода тревоженій, происходящихъ отъ причинъ многоразличныхъ. По крайней мѣрѣ съ настоящаго поста мнѣ открылось, болѣе свободы для такой дѣятельности, къ которой дежитъ сердце и больше имѣю покоя, который прежде такъ часто нарушался отъ исполненія различныхъ условій возворенія, для непривыкшаго тягостныхъ.

Пишите мнѣ, добрый мой; съ полною готовностію отвѣчу вамъ всегда; учите меня, совѣтуйте, извѣщайте меня о всемъ интересномъ. За все я буду благодаренъ вамъ“.

Во время четырехдесятницы я занятъ былъ важнымъ и священнымъ дѣломъ — приготовленіемъ мѹра.

Дѣло это совершается слѣдующимъ образомъ:

Синодальный ризничій обязанъ заблаговременно доносить Синодальной конторѣ о надобности приготовленія св. мѹра, а Контора относится въ Казенную палату объ отпускѣ ассигнованной на этотъ предметъ суммы. На покупку потребныхъ для составленія мѹра матеріаловъ ежегодно назначается изъ казны 414 р. 27 к. сер.; и какъ мѹровареніе совершается не каждый годъ, то назначенная къ отпуску сумма остается въ казначействѣ до востребованія.

Получивъ отъ Синодальной конторы разрѣшеніе и принявъ ассигнованную сумму, ризничій, съ помощію одного изъ сакелларіевъ Большаго Успенскаго собора, распоряжается покупкою потребныхъ для составленія мѹра веществъ. Какія именно вещества и въ какомъ количествѣ входятъ въ составъ мѹра, — это показано въ моей книгѣ: „Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы, М. 1858 г., стр. 77, прим. а¹⁾).

¹⁾ Со временемъ, я постараюсь, на основаніи имѣющихся у меня матеріаловъ, составить обстоятельную записку о приготовленіи и освященіи мѹра въ древней греческой и русской Церкви. — Слова преев. Саввы, съ сожалѣніемъ не осуществившіяся на дѣлѣ, за кончиною сію.

Предварительнымъ приготовленіемъ матеріаловъ для мюра 1851 г. занимаются одинъ или двое свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. При мѣ были сначала: Московскій мѣщанинъ Алексѣй Гавриловъ (впослѣдствіи монахъ Андрей) и іеродиаконъ Московскаго Новоспасскаго монастыря Гервасій, а потомъ Гервасій и монахъ Высокопетровскаго монастыря Петръ.

На крестопоклонной недѣлѣ, въ среду, Синодальный ризничій съ обоими муроварцами отправляется на Троицкое подворье, для принятія отъ митрополита благословенія на начатіе св. дѣла приготовленія мюра, и въ этотъ же день, по совершеніи въ особой лабораторіи водоосвященія и по окропленіи св. водою веществъ и всѣхъ принадлежностей муроваренія, приступаютъ къ постепенному приготовленію веществъ: прежде всего кипятятъ въ котлѣ 6 пудовъ прованскаго масла съ прибавленіемъ одного ведра винограднаго (лиссабонскаго) вина, для предохраненія отъ угару масла. Затѣмъ теплое масло разливается по банкамъ, въ коихъ положены слѣдующіе спеціи: стиракса, розовые цвѣты, базилика, фіалковый корень, имбирь бѣлый, кардамонъ, калганъ, ирный корень, ладаны: росный, гумма и простой бѣлый. Банки эти ставятся, на двѣ недѣли, на теплую лежанку, и спеціи въ нихъ ежедневно или по крайней мѣрѣ чрезъ день перемѣшиваются.

Въ среду вербной недѣли настоенное на стираксѣ и прочихъ веществахъ масло сливается въ особые кувшины или банки. Въ субботу разливаются по кувшинамъ остальные 14-ть пуд. масла и 3 ведра вина.

Въ вербное воскресеніе вечеромъ всѣ вещества переносятся въ такъ называемую Муроварную палату, находящуюся между церковію 12-ти Апостоловъ и присутвенною комнатою Синодальной конторы, и тамъ размѣщаются по ступенямъ горки, приличнымъ образомъ украшенной.

Въ Муроварной палатѣ устроенъ каменный очагъ подъ благолѣпнымъ балдахинномъ. Въ очагъ вставляются два серебряныхъ золоченыхъ котла, въ которыхъ окончательно готовится муро. Близъ очага становится большая, также серебряная вызолоченая кадъ, вѣсомъ съ крышкою 11 пуд. 25 ф. и 47 золотн .. Въ нее сливается изъ котловъ приготовленное муро.

Въ понедѣльникъ страстной седмицы, къ 9-ти час. утра

1851 г. собирается въ Муроварную палату старшее духовенство и, по прибытіи митрополита или другаго архіерея, начинается водосвятный молебенъ; по погруженіи въ водѣ креста, митрополитъ окропляетъ св. водою вещества и всѣ принадлежности муроварныя; затѣмъ вливаетъ въ котлы св. воду, не много масла, вина и пр. Наконецъ самъ возжигаетъ подъ котлами огонь; между тѣмъ, діаконы вливаютъ изъ кувшиновъ въ котлы масло и вино. Послѣ отпуста, митрополитъ подходитъ къ аналою, на которомъ лежитъ евангеліе, и начинаетъ чтеніе евангелія, затѣмъ читаютъ по одному или по два зачала архимандриты и затѣмъ, день и ночь, до полудня великой среды, поочередно читаютъ іеромонахи и священники, между тѣмъ какъ діаконы въ стихаряхъ, въ опредѣленные часы, мѣшаютъ въ котлахъ кипящее масло.

Муровареніе продолжается во вторникъ и среду, причемъ полагаются въ котлы новыя благовонныя вещества, какъ то: сандаракъ, мастика, терпентинъ, мушкатное масло (пустое) и перувіанскій бальзамъ. Въ полдень среды огонь подъ котлами погашается; въ 8-мъ ч. вечера муро изъ котловъ переливается въ помянутую выше кадъ. Въ четвергъ утромъ въ остывшій составъ мюра вливаются благовонныя масла, и за тѣмъ оное разливается въ серебряныя кувшины, которые ставятся на особо устроенныя скамьи.

Предъ ними на столѣ ставится алавастръ съ прежде освященнымъ муромъ.

Въ 11 час. утра, по началіи на Ивановской колокольнѣ благовѣста, читаются въ Муроварной палатѣ часы, а около 12-ти часовъ приходитъ въ палату изъ Успенскаго собора, въ полномъ облаченіи, съ крестнымъ ходомъ митрополитъ и прочее духовенство.—По окажденіи алавастра¹⁾ и сосу-

¹⁾ 1849 г. марта 29 д. митрополитъ собственноручною запискою требовалъ отъ Синод. ризничаго, соборн. іером. Евстаѳія отвѣты на слѣд. вопросы: 1., „что сказано въ описи Синод. ризницы о происхожденіи и древности сосуда, именуемаго алавастромъ?—2., Есть ли о семъ что въ общей или въ частныхъ описяхъ, составленныхъ ранѣе 1812 г.? Какіе отвѣты даны были о. Евстаѳіемъ, неизвѣстно.—Но вопросы эти предложены были дады кою, вѣроятно, на случай прибытіи въ Муроварную палату Государя Николая Павловича, пребывавшаго въ это время со всею почти фамиліею въ Москвѣ, по случаю освященія Большаго Кремлевскаго Дворца.

даровъ съ новоприготовленнымъ муромъ, митрополитъ благо- 1851 г.
словляетъ алавастръ нести старшему изъ священнослужи-
телей, а прочіе сосуды несутъ по два священника или
іеромонахи. По принесеніи въ соборъ, алавастръ постав-
ляется на жертвенникъ, а прочіе сосуды около жертвен-
ника на скамьяхъ.—На великомъ выходѣ, алавастръ и со-
суды впереди св. даровъ вносятся чрезъ царскія врата въ
алтарь, и алавастръ ставится на престолѣ, а прочіе сосуды
около престола. По освященіи даровъ и по произнесеніи
возгласа: *и да будутъ милости великаго Бога....*, совер-
шается, чрезъ троекратное благословленіе каждаго сосуда и
чтеніе положенной молитвы, освященіе муръ.—По окон-
чаніи литургіи, новоосвященное муро переносится тѣми же
священниками и іеромонахами въ Синодальную ризницу для
храненія. Въ тотъ же, или на другой день, Синодальный
ризничій вливаетъ въ каждый сосудъ по нѣсколько капель
изъ алавастра прежняго св. муръ въ знаменіе непрерыв-
ности таинства въ православной Церкви.

Въ теченіе девятилѣтняго моего служенія на должности
Синодальнаго ризничаго, мнѣ суждено было четыре раза
приготовлять святое муро, а именно: въ 1851, 1853, 1856
и 1858 годахъ.

Кромѣ Москвы, муро готовится также и въ Кіево-
печерской лаврѣ.

8-го апрѣля, въ день Пасхи, писалъ мнѣ изъ Виованіи прі-
ятель и товарищъ по академіи, преподаватель семинаріи,
іеромонахъ Порфирій:

„Представляю себѣ, что я взялся за перо для написанія
письма вамъ въ самое лучшее время. Я не разъ винилъ
себя за то, что доселѣ ничего не писывалъ вамъ. И если
вы также вините меня за это забвеніе моего, можно ска-
зать, непремѣннаго долга,—то такъ какъ виновный является
къ вамъ съ своей повинной головой въ то самое время,
когда свѣтлый праздникъ преисполнилъ всѣхъ радостными
чувствами, конечно съ вашихъ устъ, при чтеніи моего
письма, не сорвется никакихъ другихъ словъ, кромѣ такъ
часто повторяемыхъ нынѣ Церковію: *простимъ вся воскресе-
сеніемъ.*

Какъ-то вы встрѣтили Пасху въ своемъ царств. кремлѣ?
Конечно, радостно, весело и торжественно. Дай Богъ и

1851 г. всегда такъ встрѣчать и проводить этотъ всесвѣтлый праздникъ до самаго того вѣчерняго дня, который можно назвать вѣчною Пасхою. Сколько, думаю, приходилось вамъ сегодня сдѣлать поздравительныхъ визитовъ? Но вы никогда не тяготились этой формой. Впрочемъ подивитесь, и я начинаю сродняться съ подобною формальностію. Визиты Даврѣ и Виѳаніи тягостны были для меня нынѣ только по чрезвычайному неудобству пути отъ Виѳаніи до Давры. Соборный, обычно-роскошный столъ былъ какъ-бы награжденіемъ за неудобства путешествія. Но кажется мнѣ нужно еще поговорить о своей собственной Виѳанской жизни; вѣдь объ этомъ у меня еще не было слова. Признаюсь, что сначала съ какими-то неопредѣленными предопасеніями смотрѣлъ я на мѣсто своего назначенія. Я воображалъ, что при извѣстной авторитетности Виѳанскихъ наставниковъ (всѣхъ вообще и каждаго порознь), мое положеніе среди ихъ будетъ очень жалкое и трудное. Поводъ къ такому опасенію подали мнѣ случайно еще до утвержденія нашего назначенія дошедшіе до меня ихъ толки о протекторствѣ ко мнѣ акад. о. ректора и о монашествѣ вообще. Но, слава Богу, я ничего не вижу соответствующаго своимъ опасеніямъ. Тѣ, отъ которыхъ ожидалъ себѣ совершеннаго презрѣнія, до обязательности оказываются добродушно до вѣрчивыми ко мнѣ. Такъ образомъ, если приходится терпѣть какія-ниб. непріятности въ Виѳаніи, то это только со стороны риторическихъ сочиненій. Трудъ чтенія ихъ кажется для меня тягостнѣе Египетскаго плиноодѣлія. Какъ-бы я радъ былъ всякому другому предмету кромѣ словесности и математики. Но вообще говоря, теперь я рѣшительно убѣдился, что назначеніе въ Вятскую семинарію, куда я самъ просился, было-бы для меня конечно плоше. Одна близость къ академіи какъ много говоритъ за Виѳанію.

Въ академіи новаго ничего кромѣ того, что померъ Фидаротъ Никольскій на своей родинѣ, куда уволенъ былъ по болѣзни.

Редакція *Твореній св. отцевъ* скоро издастъ сочиненіи Макарія Егип. и Лѣствицу въ русскомъ переводѣ и кромѣ того особою книгою, говорятъ, хочетъ отпечатать правила Василія Великаго о монашествѣ. Но объ этомъ вы, вѣроятно, уже слышали, точно также, какъ и о томъ, что Дми-

трій Григорьичъ ¹⁾ обязанъ докончить „Идеяма о конечныхъ 1851 г. причинахъ“ вмѣсто Осодара Ал — ча ²⁾.

Конечно были у васъ преосв. Евсевій ³⁾ и преосв. Дмитрій ⁴⁾. Не поговорили-ли они у васъ о чемъ-нибудь особенно интересномъ?—Увѣряють, что преосв. Евсевій въ нынѣшній прѣздъ былъ гораздо откровеннѣе къ акад. властямъ, чѣмъ прежде. Напр. онъ прямо высказывалъ то, что Оберъ-прокуроръ велѣлъ ему поскорѣе оставить СПб. и не доволенъ былъ между прочимъ за переписку его съ нашимъ владыкой. Слышали ли, что нынѣ Войцеховичъ ⁵⁾ чуть не главный цензоръ „Христіанск. чтенія“?—Онъ остановилъ мартовскую книжку потому только, что ему не понравилась какая-то каноническая статья о. Іоанна ⁶⁾. Прибавляютъ при этомъ, что книжка уже раздава была СПбургскимъ подписчикамъ, и отъ нихъ отобрана назадъ и возвращена уже въ томъ видѣ, въ какомъ дошла и до насъ, т. е. безъ сочиненія о. Іоанна⁶⁾.

Добрый другъ и товарищъ мой по академіи, наставникъ Владимірской семинаріи Гр. Петр. Быстрицкій написалъ довольно большое стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Божественный страдалецъ въ саду Геосиманскомъ“, и вздумалъ посвятить это стихотвореніе мнѣ. Поэтому, впереди стихотворенія онъ написалъ нѣсколько посвятительныхъ стиховъ слѣдующаго содержанія:

„Тебѣ, о милый другъ!
Отъ дѣлъ моихъ досугъ
Съ любовью посвящаю.
Сей даръ любви моей
На память прежнихъ дней,
Когда въ святилицѣ наукъ
Въ обители святой, гдѣ духъ
Святаго Сергія витаетъ
Великаго отца,
Святыней вѣоть, и дышаетъ

¹⁾ Левницкій.

²⁾ Голубинскаго.

³⁾ Орлиискій, впоследствии архіепископъ Могилевскій.

⁴⁾ Муретовъ, впоследствии архіепископъ Херсонскій, скончавшійся 14 ноября 1883 года.

⁵⁾ А. И., директоръ Синодальной канцеляріи.

⁶⁾ Соколова, впоследствии епископа Смоленскаго.

1851 г.

Въ отверстыя сердца
 Землѣ невѣдомыя чувства;
 Когда подъ кроткямъ, тихимъ кровомъ
 Отцовъ начальниковъ своихъ,
 Вдали отъ всѣхъ суетъ земныхъ,
 Мы жили тихо и покойно;
 Ученьемъ мудрости питали,
 Бесѣдой дружней услаждали
 Души священные стремленья:—
 Сей даръ любви моею
 На память прежнихъ дней,
 О другъ любезнѣйшій! прими
 Привѣтомъ дружеской души.—

Въ концѣ главнаго стихотворенія приложено еще нѣсколько строфъ, подъ заглавіемъ: „Думы о смерти“.

Подъ стихотвореніемъ рукою поэта написано: „Владимиръ, апрѣля 27 дня, 1851 года“.

Стихотвореніе это прислано было мнѣ отъ автора при слѣдующемъ письмѣ отъ 15-го мая:

„Я получилъ ваше письмо, и приношу благодарность. Пріятное и для меня извѣстіе, что многосложныя обязанности ваши поубавятся; лучше, спокойнѣе, если менѣе дѣла. Что теперь какъ себя имѣютъ ваши обстоятельства?—Началось ли движеніе въ вашей стародавней ризницѣ и библиотекѣ? Гдѣ вы теперь живете?“

Вотъ что о. Савва! къ вамъ придетъ человекъ, имѣющій до васъ небольшую нужду,—Дмитрій Ивановичъ Сумароковъ, Тамбовскій помѣщикъ. Я предваряю васъ о его личности, потому что видъ его весьма обманчивъ; я и другіе, здѣсь видѣвшіе его, обманулись. Я привязъ его за человека, глубоко падшаго нравственно. Но не тутъ-то было. Если узнать его поближе, нельзя не переменить перваго неблагоприятнаго впечатлѣнія; человекъ достоуважаемый, по высокому образованію ума и сердца. Человекъ религіозный въ высшей степени,—путешествуетъ по свѣтымъ мѣстамъ, но ни копѣйки за душой. Надежда Степановна дала ему 2 р. сер. на дорогу: онъ рубль сер. отдалъ нищимъ, какъ это узнали послѣ. Она предложила ему крѣпкіе сапоги, не принявъ, дала было рубашку, ее скинулъ, и надѣлъ на дорогу свою, изношенную, ветхую.

Человѣкъ многоумный, о чемъ ни заговори съ нимъ, обо всемъ разсуждаетъ. Онъ собираетъ свѣдѣнія—матеріалы для біографіи Мисаила, архіепископа Рязанскаго—мученика¹⁾, по порученію Рязанскаго архіерея²⁾. Ему хочется узнать, нѣтъ ли источника среди рукописей Патріаршей бібліотеки.

Знаете ли что о. Савва!—вѣдь я пускаюсь въ литературу, уже не письменную только, а и печатную: сіе стихотвореніе:— „Страданія Спасителя въ саду Геосиманскомъ,“—послалъ при письмѣ къ о. инспектору нашей академіи съ просьбою раземотрѣть, и, если можно, помѣстить въ журналъ академіи. Не знаю, какой приѣмъ встрѣтитъ тамъ мое сочиненіе; а здѣсь оно поправилось. Я слышалъ самый лестный отзывъ отъ лица, которымъ я прочиталъ его. И вотъ что еще: сочиненіе-то я посвящаю вамъ, самое посвященіе написано также стихами. Просилъ о. инспектора, что бы стихи отпечатаны были и съ посвященіемъ.

Хоть подобно сказать правду, я не очень доволенъ академіей,—и вы сами знаете, съ какими прискорбными чувствами я оставлялъ ее. Но я забылъ, оставилъ въ памяти однѣ пріятныя стороны академич. жизни, и вотъ на память этой жизни я посвятилъ вамъ свой трудъ. Переписано сочиненіе, написано и посвященіе, я уже зашилъ его въ холстъ, и что же случилось?... Въ одинъ вечеръ, прогуливаясь съ Николаемъ Ивановичемъ, встрѣчаюсь съ секретаремъ правленія. Онъ сообщаетъ новость,—что къ намъ будетъ новый наставникъ на мѣсто о. Діонисія, и мой товарищъ—Андрей Ив. Боголюбовъ. Какое вы думаете впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе?—самое непріятное. Разумѣется, не то меня огорчило, что меня не перевели на богословскій классъ, чего можно было ожидать, тѣмъ болѣе, что о. инспекторъ писалъ къ о. ректору нашему изъ академіи; да я, сказать по совѣсти, и не желалъ перемѣщенія, потому что такъ уже сроднился съ философией; но меня огорчило то, что на этотъ классъ назначенъ мой товарищъ, ниже меня окончившій курсъ (вѣдь богословскій классъ выше, философія наша уже и не называется фило-

¹⁾ Архіепископомъ Рязанскимъ былъ съ 1651 по 1655 годъ. Скончался 29 апрѣля 1655 г.

²⁾ Архіепископа Гавріила Городкова. Сконч. въ 1862 г. на покоев.

1851 г. софией въ настоящее время: и самъ о. инспекторъ паризль преимущество богословск. класса), меня огорчило невниманіе академич. начальства, съ моей стороны, кажется, ни чѣмъ незаслуженное. И теперь сознаю, что достоинъ высшаго мѣста. Такъ вотъ что меня огорчило, и въ движеніи этихъ чувствъ я хотѣлъ уничтожить посвященіе; но рѣшился даже послать въ академію. Но наконецъ христіанское чувство взяло верхъ, и я забылъ неприятность, сочиненіе отправилъ. Мысль о Промыслѣ для меня всегда была утѣшеніемъ*.

4-го мая отвѣчалъ я на письмо племянника своего, едино-вѣрческаго діакова села Иванова Ѳ. С. Виноградова, въ которомъ онъ, по поводу непонятаго имъ Синодскаго указа относительно домашняго приготовленія дѣтей, просилъ моихъ совѣтовъ и участія въ судьбѣ его дѣтей:

„Со всеѣмъ усердіемъ готовъ помочь вашему горю: по мнѣ кажется, вы слишкомъ уже преувеличиваете затрудненія касательно воспитанія дѣтей. Я не читалъ самъ указа: но меня увѣряютъ, что воспитывать дома дѣтей до семнадцатилѣтняго возраста не есть непремѣнная обязанность, а только позволеніе, котораго прежде не было. Итакъ, страшиться много за дѣтей вамъ нечего: вы смѣло можете записать ихъ въ училище и тамъ образовывать. Конечно, если бы вы имѣли возможность сами, или при помощи домашняго учителя, заняться образованіемъ своихъ дѣтей и приготовленіемъ ихъ къ семинаріи дома: это было бы въ некоторомъ отношеніи гораздо лучше. Но если нельзя, то дѣлать нечего—надобно отдать въ школу: только здѣсь нужно имѣть за дѣтьми въ настоящее время гораздо больше надзору, нежели какъ это бывало прежде. Въ самомъ дѣлѣ, помилуй Богъ, если преждевременно исключать изъ школы: куда съ ними дѣваться?—

О себѣ скажу вамъ, что я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ. Только впереди ожидаютъ меня страшныя хлопоты по случаю имѣющихъ быть перестроекъ въ нашемъ домѣ: нужно будетъ переносить и ризницу, и библіотеку, и церковное имущество, а наконецъ и самому переселиться. О перемѣщеніи меня я уже получилъ и указъ: мнѣ предоставляется на выборъ помѣститься въ Новоспасскомъ или въ Донскомъ монастырѣ. Вы пишете о намѣреніи родныхъ

посѣтить меня нынѣшнимъ лѣтомъ: какъ я былъ бы радъ 1851 г. имъ, если-бъ они пожаловали ко мнѣ въ настоящую пору, пока я еще свободенъ и пока живу въ своей кельѣ. Но когда настануть у меня хлопоты, о коихъ я упомянулъ выше, и когда я поселюсь въ чужомъ углу: ве знаю, будетъ ли мнѣ удобно принять своихъ родныхъ такъ, какъ хотѣлось бы. Поэтому не лучше ли отложить имъ исполненіе своего благого намѣренія до того времени, пока я опять не возвращусь на свое мѣсто“.

19-го ч. писалъ я въ Абакумово о. Михаилу Граменицкому: „Доселѣ я питалъ себя пріятною надеждою въ скоромъ времени видѣть васъ лично, и потому медлилъ отвѣтомъ на ваше послѣднее письмо, не приготовивши онаго въ свое время. Но ваша матушка—теща увѣрила меня, что ваше намѣреніе пріѣхать въ Москву отлагается еще на неопредѣленное время. Очень жаль этого: для меня крайне было бы пріятно, если бы вы посѣтили меня въ настоящую пору, пока я не оставилъ еще своей кельи. Педѣли черезъ двѣ или черезъ три я долженъ буду на время удалиться изъ кремля по случаю перестроекъ въ нашемъ Синодальномъ домѣ. Мѣстомъ моего временнаго пребыванія будетъ Донской монастырь. Какъ ни велики въ настоящемъ случаѣ предстоятъ мнѣ хлопоты и безпокойства, потому что нужно будетъ переносить на время и ризницу и библіотеку, и церковное имущество: но смотря на то, я радъ отчасти этому кратковременному перенесенію. Послѣ кремлевскаго шума и пыли отрадно будетъ насладиться и подышать свѣжимъ воздухомъ. На долго ли я оставляю свое жилище, опредѣленно еще неизвѣстно: можетъ быть, къ осени готова будетъ для меня новая квартира, и тогда я опять возвращусь въ священный кремль. Матушка ваша и сестрица были у меня въ ризницѣ, и конечно не безъ удовольствія разсматривали хранящіяся здѣсь сокровища. И вообще, посѣтителей у меня бываетъ довольно: рѣдкій день пройдетъ, чтобы кто нибудь не побывалъ. Бываютъ не рѣдко и значительныя особы; не мало бываетъ и иностранцевъ.

Въ настоящее время домашнія занятія мои ограничиваются по преимуществу чтеніемъ книгъ, и страсть пріобрѣтать собственные книги усиливается болѣе и болѣе. Зайдешь мимоходомъ въ книжную лавку; предложатъ посмо-

1851 г. трѣть новенькую книжку: возгорится непременно желаніе узнать ея содержаніе, и двухъ—трехъ рублей серебромъ въ карманѣ нѣтъ какъ нѣтъ; за то въ библиотекѣ новенькая книжка.

24-го ч. писалъ мнѣ изъ Горлицъ о. Василій Сапоровскій:
„При открывшейся оказіи пишу вамъ краткое письмо и привѣтствую васъ съ прошедшими высокаторжественными праздниками. Множество дѣлъ и тѣсныя обстоятельства не допускаютъ долго бесѣдовать съ вами. Мы готовимся къ принятію владыки строгаго. Жалко того, что строгость его состоитъ въ предметахъ малозначительныхъ и не нужныхъ. Стараясь сократить дѣла, болѣе оныхъ умножаетъ. Мое теперь положеніе такъ же критическое. Можетъ быть, знаете отца Θεодора Крылова, что въ Юрьевскомъ. Прихожане его любятъ и довольны. Помѣщикъ Алалыкинъ, особенно жена его, не поладили съ нимъ и вздумали мѣсто его передать студенту, который въ домѣ ихъ два года обучалъ дѣтей. Новому нашему владыкѣ и на него и на меня, просто сказать, наобедничали и онъ бабьихъ басенъ послушалъ, дѣлалъ словесныя мнѣ приказанія и завелъ изъ слухахъ дѣла. Чѣмъ оныя кончатся, не знаю, — только служить не намѣренъ съ такимъ архіереемъ. Должно ли смиренному пастырю до такой степени гордиться, чтобы отличенные Монаршими милостями кланялись въ ноги или стояли на колѣняхъ? — Правда, это униженіе многихъ спасаетъ и избавляетъ отъ его опалы.“

4-го іюня день для меня весьма достопамятный. Я имѣлъ великое утѣшеніе получить въ этотъ день изъ Лавры отъ великаго святителя Филарета собственноручное письмо слѣдующаго содержанія:

„Отецъ Ризничій! — Возмите въ Синодальной библиотекѣ рукопись: Свитокъ собора 1667 года, найдите въ ней правило относительно крещенія латинянъ; спишите и доставьте мнѣ.“

Призываю вамъ благословеніе Божіе.

Филаретъ М. М.

Въ Лаврѣ. Іюня 2 дня, 1851 года“.

На другой-же день, по полученіи письма, я исполнилъ волю архипастыря и послалъ сдѣланный мною списокъ съ соборнаго правила при слѣдующемъ почтительномъ письмѣ отъ 5-го іюня:

„Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь!

1851 г.

По приказанію Вашего Высокопреосвященства, нижайше представляю Вамъ копію съ соборнаго (1667 г.) правила относительно крещенія латинянъ. Представляемая копія снята съ возможною точностію.

Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго отца и архипастыря нижайшій послушникъ“...

8-го іюня казначей Московскаго Донскаго монастыря, іеромонахъ Мелетій прислалъ мнѣ, по порученію своего настоятеля, записку слѣдующаго содержанія:

„Настоятель мой, Донскаго монастыря архимандритъ Сумеонъ ¹⁾ поручилъ извѣстить васъ, что комнаты, избираемыя вами у насъ для жительства, въ настоящее время заняты больнымъ епископомъ — преосв. Елпидифоромъ Вятскимъ ²⁾ и, по мнѣнію врачей, не ранѣе онъ можетъ отправиться на епархію, какъ мѣсяца черезъ два, а послѣ него займетъ эти комнаты какой-то архимандритъ; а потому вы и обратитесь для избранія комнатъ въ Новоспасскій монастырь“.

По поводу предстоящихъ, по Высочайшему повелѣнію, перестроекъ Синодальнаго дома съ церковію и ризницею, мнѣ предписано было Синодальною конторою избрать для себя временное помѣщеніе въ одномъ изъ двухъ ставропигіальныхъ монастырей—Новоспасскомъ или Донскомъ. Я пожелалъ было поселиться въ Донскомъ, но получилъ отказъ, какъ видно изъ изложенной предъ симъ записки іеромонаха Мелетія.—Оставалось искать убѣжища въ Новоспасскомъ, и мнѣ тамъ указано было приличное помѣщеніе. Но и здѣсь я долженъ былъ испытывать не малое неудобство по причинѣ отдаленности отъ кремля, гдѣ требовалось, по моимъ служебнымъ занятіямъ и обязанностямъ, почти ежедневное присутствіе. Но меня вывела изъ этого затрудненія дружба ко мнѣ настоятеля Знаменскаго монастыря и ректора Виѣвской семинаріи, о. архимандрита Леонида. Онъ пред-

¹⁾ Авдуловскій, магистръ Московской духовной академіи, скончался въ 1852 году.

²⁾ Скончавшимся въ 1860 году въ санѣ архіепископа Таврическаго.

1851 г. ложилъ мнѣ занять его настоятельскіе покои въ Знаменскомъ монастырѣ, такъ какъ они большую часть года, по причинѣ пребыванія его въ Виѳаніи, остаются совершенно свободными. Это братское предложеніе чрезвычайно утѣшило меня и успокоило относительно безпрепятственности занятій моихъ въ кремлѣ, такъ какъ Знаменскій монастырь, находящійся на Варварской улицѣ, отъ кремля въ нѣсколькихъ саженьяхъ. — Испросивъ на это соизволеніе и благословеніе Московскаго архипастыря, я водворился въ Знаменской обители и прожилъ въ ней болѣе года. — Между тѣмъ, не малаго труда мнѣ стоило перенести изъ одного помѣщенія въ другое рукописи Синодальной библіотеки и ризничьи вещи. Рукописи помѣщены были во вновь устроенномъ зданіи, служащемъ переходомъ изъ Синодальнаго или бывшаго Патріаршаго дома въ новый Императорскій дворецъ, а ризничьи вещи на время перенесены были въ ящикахъ въ соборъ Никола Гостунскаго, что при Ивановской колокольнѣ.

17-го ч. получилъ я письмо изъ Абакумова отъ о. Михаила Граменицкаго; онъ писалъ мнѣ отъ 11-го числа:

„Какъ ни желательно мнѣ поскорѣе повидѣться съ вами, — но все это желаніе по обстоятельствамъ отлагается еще на нѣсколько времени. Собираюсь было и теперь отправиться въ Москву: но назначено мнѣ быть при благочинномъ на одномъ слѣдствіи: поэтому отлучиться никакъ невозможно.

24-го числа прошедшаго мая удостоились мы посѣщенія своего архипастыря. По обозрѣніи церкви удостоилъ онъ своего высокаго посѣщенія домъ мой, — благоволилъ закусить кое-что, — обласкалъ насъ какъ отецъ родной, обошелся, можно сказать, какъ другъ, просто, ласково, благородно — такъ, что невольно благоговѣешь и внутренно уважаешь такого добраго отца — архипастыря. Вышедши изъ моего дома, зашелъ и къ другимъ священникамъ и даже къ діаконамъ. Узнавши о нѣкоторыхъ по церкви нашей безпорядкахъ, возложилъ на меня обязанность строго смотрѣть и наблюдать за соблюденіемъ всего должнаго.....

И вообще по всему Покровскому уѣзду, какъ слышно, путешествовалъ нашъ владыка съ спокойнымъ духомъ. Дай Богъ, чтобы этотъ духъ пастырской кротости выпу былъ присущъ ему!

Я думаю, вы изволили слышать, какое ужасное проис-

шествіе случилось въ Боголюбовѣ въ день хода Божіей 1851 г. Матери изъ монастыря къ Доброму селу? — Когда несли Божію Матерь и шель крестный ходъ, жандармы не давали много стѣсниться народу, и поэтому чрезъ мостъ священношествованіе прошло благополучно: но какъ скоро дана была свобода безъ задержки идти всякому, народъ нахлынулъ на мостъ вдругъ, какъ вода, — повалился весь съ обрушившимся мостомъ въ оврагъ, глубина коего простирается аршинъ до 30-ти. Вѣрно никто не опредѣлилъ числа погибшихъ жертвъ, насчитываютъ отъ 400 даже до 600 человекъ. Незабвенна будетъ эта плачевная эпоха для жителей Владиміра. Изъ моихъ родныхъ и знакомыхъ, благодареніе Всевышнему, никто не подвергся несчастію. Какой стонъ, какой плачь былъ, какъ сказываютъ, когда выносили изъ оврага на берега убитыхъ и раненыхъ! — Это было вечеромъ. Отецъ архимандритъ Боголюбовскій съ своею братією съ зажженными при мракѣ вечера свѣчами, раздавъ оныя и молящимся, — совершалъ по убиеннымъ паннихиду съ горькимъ плачемъ всего собора и присутствующаго народа. Самое жестокое сердце тутъ проливало слезы сожалѣнія.

Вы изволите писать на счетъ готовности вашей снабжать меня книгами для чтенія. Какъ я вамъ за это благодаренъ! Если ваше усердіе будетъ: то не лишите меня снабдить когда-нибудь интересною книжкою; обязуюсь блюсти при чтеніи и въ цѣлости доставить при вѣрной окказіи. На меня возложена обязанность въ приходской своей церкви говорить катихизическія поученія по порядку катихизиса высокопр. Филарета, митроп. Московскаго, изданнаго отъ Св. Синода: такъ вы лучше придумаете, какія книги мнѣ болѣе будутъ необходимы для руководства въ семъ дѣлѣ. Да еще, любезнѣйшій другъ, осмѣливаюсь просить васъ: нельзя ли достать у кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ — занимающагося такими поученіями, — плана и расположенія бесѣдъ этихъ?

Не знаю, въ какомъ тонѣ начать сіе дѣло. А хочется какъ-нибудь лучше: ибо по окончаніи каждаго года назначено сказанныя поученія представлять чрезъ благочиннаго къ его преосвященству. Не оставьте вашимъ совѣтомъ касательно сего“.

1851 г. На другой-же день, по полученіи этого дружескаго посланія, писалъ я въ отвѣтъ отцу Михаилу:

„Что скажу вамъ на послѣднее ваше письмо, которое имѣлъ я удовольствіе получить?“

Сердечно сорадуюсь вамъ, что вы благополучно встрѣтили и проводили своего архипастыря. Дай Богъ, чтобъ и впредь онъ былъ къ вамъ милостивъ и благосклоненъ.

О происшествіи Боголюбскомъ слышалъ я не одинъ разъ уже и каждый разъ съ новымъ сердечнымъ прискорбіемъ. Да, — это истинно — трагическое происшествіе!

По вашему желанію, посылаю вамъ нѣсколько маленькихъ книжекъ, болѣе или менѣе относящихся къ предстоящему вамъ труду. Думаю, на первый разъ довольно и этого. Когда будете сами въ Москвѣ, тогда можно будетъ и еще кое-что выбрать. А между тѣмъ, посылаю вамъ реестръ духовныхъ книгъ; если въ немъ найдется что-ниб. особенно интересное для васъ, напишите мнѣ: я не замедлю выслать. На цѣну, какая обозначена въ семъ реестрѣ, не обращайтесь много вниманія: нѣкоторыя книги можно будетъ купить съ небольшою уступкою. Цѣна за препровождаемыя при семъ книги обозначена на самыхъ книгахъ, частию печатно, частию карандашемъ: всего на 5 р. 90 коп. серебр. Своихъ книгъ теперь не посылаю вамъ потому, что въ настоящую пору, знаю, вамъ не до чтенія: сѣнокосъ на дворѣ. Не посылаю такъ-же и своего сочиненія за тѣмъ, что оно сохранилось у меня только въ черновомъ видѣ, и потому для посторонняго лица, думаю, неудобно будетъ читать оное безъ моего личнаго руководства. Прочтаете мое произведеніе тогда, когда лично посѣтите меня. О планѣ и расположеніи катихизическихъ бесѣдъ навѣдаться еще не имѣлъ времени. Могъ бы я рекомендовать вамъ катихизическія бесѣды, печатаемыя въ Кіевскомъ журналѣ „Воскресное чтеніе“: но для этого нужно выписывать этотъ журналъ за два или за три года, потому что упомянутыя бесѣды начались помѣщаться тамъ, кажется, съ 1849 года и продолжаютъ доселѣ. По крайней мѣрѣ, если можно, не мѣшало бы вамъ прочитать ихъ. Впрочемъ, и выписать означенныя годы журнала на церковную сумму небольшого стоитъ. Да поможетъ вамъ Господь начать и продолжать священный трудъ проповѣданія слова Божія съ должнымъ усердіемъ

ко славі Его пресвятаго имени и къ душевному назиданію 1851 г. вашей паствы.

Что до меня, то я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ. До сихъ поръ еще не двигался съ мѣста и не знаю, скоро-ли буду переселяться. Все еще продолжаются торги на предполагаемыя у насъ перестройки.

Въ настоящую пору занятія мои ограничиваются по преимуществу пріемомъ посѣтителей съ разныхъ сторонъ. Подъ часъ эти занятія довольно бывають скучны.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и сердечною преданностію честь имѣю пребыть Синод. ризничій іеромонахъ Савва^н.

4-го іюля писалъ я въ Иваново къ роднымъ:

„Жалѣлъ, и жалѣю до сихъ поръ, что обстоятельства не позволили вамъ воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ—пріѣхать въ Москву съ Никифоромъ Іасоновичемъ: какъ былъ-бы я радъ вашему посѣщенію! Впрочемъ, съ своей стороны я готовъ принять васъ и теперь, потому что перестройки, которыя угрожали мнѣ переселеніемъ, пока еще не начинались, да едвали нынѣшнимъ лѣтомъ и начнутся, по крайней мѣрѣ въ моихъ кельяхъ. Итакъ, если самъ позволятъ обстоятельства, прошу посѣтить меня въ настоящемъ мѣсяцѣ. Говорю: въ настоящемъ, потому что въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, то есть въ августѣ предстоитъ мнѣ новое затрудненіе заниматься гостями. Съ первыхъ чиселъ августа, какъ слышно, будетъ постепенно прибывать въ Москву Царская фамилія; а съ нею, разумѣется, и множество знати: поэтому мнѣ нужно будетъ каждый часъ быть въ готовности принимать въ Патріаршую ризницу Высокихъ посѣтителей.

Расположитесь-ли вы пожаловать ко мнѣ въ настоящую пору, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ прошу увѣдомить меня для того, чтобы я могъ сообразно съ обстоятельствами распорядиться своими дѣлами.

О себѣ скажу вамъ, что я, слава Богу, пока здоровъ и благополученъ. Недавно праздновалъ свой главный праздникъ—12-ти Апостоловъ, — праздновать не шумно, однакожь и не скучно.

Главнымъ, и почти исключительнымъ занятіемъ моимъ въ настоящую пору служитъ пріемъ посѣтителей въ риз-

1851 г. ницу. — Чрезъ это я приобрѣлъ уже не мало и знакомыхъ — людей разнаго званія и состоянія: только не знаю, можетъ ли къ чему-ниб. послужить для меня это обширное знакомство. Одно развѣ можетъ интересовать меня въ этомъ знакомствѣ — приобретене разнообразныхъ, болѣе или менѣе полезныхъ свѣдѣній^а.

Въ слѣдствіе сего письма зять и сестра Марья Михайловна посѣтили меня около 20-го числа іюля.

Пріѣздъ въ Москву Царской фамиліи ожидался въ августѣ для празднованія 25-тилѣтія царствованія Государя Императора Николая Павловича.

13-го ч. писалъ мнѣ изъ Владиміра наставникъ семинаріи, Г. П. Быстрицкій:

„Получивши ваше письмо, я замедлилъ отвѣтомъ. Не хотѣлось писать.

Наконецъ, и намъ дается отдыхъ. Владыка пріѣхалъ только что изъ епархіи, да, видно, такой сердитый; публичный экзамень отложилъ до 15-го числа, а между тѣмъ семин. правленіе хотѣло и отпускъ сдѣлать 14-го, т. е. въ субботу. А каковъ нашъ публичный экзамень? Хуже, нежели академическій того-же рода. О концертахъ, о различныхъ кантатахъ даже и помину нѣтъ; рѣчи изгнаны. Не ожидайте и какихъ-нибудь глубокомысленныхъ или изящныхъ статей, — плода нашей наставнической мудрости, — ничего не бывало. Наши лекціи, большею частію, беззубыя и тощія, будутъ и на публичномъ экзаменѣ предложены почтеннѣйшей публикѣ; вотъ угостимъ! Прибавьте къ этому еще десятка полтора милыхъ выраженій изъ устъ преосвященнаго, котораго раздражаетъ всякая малость, ради котораго и приготовленіе къ экзамену совершается по особенной методѣ (не знаю, какъ и назвать эту методу, развѣ по имени изобрѣтателя). Теперь вы составите себѣ удовлетворительное понятіе о публичномъ экзаменѣ Владим. семинаріи. Объ этомъ довольно.

На вакацію отправляюсь домой; проведу все это время отдыха въ уединеніи своей родины, въ бесѣдахъ съ природой, и съ музами. А вамъ вмѣсто себя посылаю рукопись своего сочиненія. Пуствался было въ авторство, и первый-же опытъ не удался. Да, мои стихи изъ академіи возвращены мнѣ.

Вы знаете, что я адресовался къ о. инспектору и просилъ его быть посредникомъ у о. ректора. Прошло довольное время, и ни слуху ни духу о моихъ стихахъ. Что дѣлать? Я зналъ, что Субботинъ близокъ къ о. инспектору; написалъ къ нему письмо, и попросилъ его спросить о. инспектора о судьбѣ рукописи. Время опять течетъ своимъ порядкомъ, и опять никакого отвѣта; наконецъ отъ Субботина получаю письмо, и вмѣстѣ рукопись. И вотъ что пишетъ онъ: „ваша рукопись прочтена о. инспекторомъ вскорѣ, но онъ, не видя никакой возможности помѣстить сочиненіе въ журналѣ М. академіи, рѣшился возвратить ее вамъ. Причина, почему не отпечатаны стихи, заключается не въ содержаніи, и не въ формѣ сочиненія (хотя послѣдняя, онъ говорилъ, и представляетъ нѣкоторое неудобство къ помѣщенію въ журналѣ академическомъ, примѣръ Платона Ивановича (Капустина) ничего не доказываетъ), а въ томъ, что честь и вмѣстѣ польза помѣщенія сочиненій въ Твореніяхъ Отцевъ предоставлена только членамъ академіи, да и то не всѣмъ“. — Вотъ причина возвращенія рукописи. Поэтому о. инспекторъ не рѣшился даже и говорить о ней о. ректору. Такъ какъ сочиненіе я посвятилъ вамъ, потому не хорошо-бы было съ моей стороны не послать его къ вамъ въ даръ; хоть скудный даръ, но прошу принять его съ свойственною вамъ снисходительностію. Я увѣренъ, что вы прочтете его, не какъ строгій критикъ, — съ анализирующею мыслию, но какъ человѣкъ глубоко сострадающій Божественному Страдальцу, съ сердцемъ, открытымъ для возвышенныхъ чувствованій.

О. инспекторъ чрезъ Субботина совѣтовалъ мнѣ чрезъ васъ просить о. ректора, который будетъ проводить каникулы въ Москвѣ, о помѣщеніи стиховъ въ журналѣ академіи. Но я теперь не хочу видѣть свой трудъ въ этомъ журналѣ, и не хочу васъ вводить въ хлопоты. А вотъ что лучше: Погодинъ вамъ знакомъ, и потому предложите ему при случаѣ отпечатать мои стихи въ „Москвитинѣ“. Духовное содержаніе ихъ, кажется, не должно быть препятствіемъ къ этому. Проповѣди напр. преосв. Иннокентія ¹⁾, даже одна проповѣдь Кониона Игнатьича Волкова,

¹⁾ Херсонскаго († 1857 г.).

1851 г. были-же помѣщаемы въ пемь?— Вы покажите ему стихи, пусть онъ приметъ трудъ прочесть ихъ, а мож. быть онъ ему и понравится. Только въ случаѣ, если ему будетъ угодно оттиснуть ихъ, — стихи посвященія должны быть уничтожены, а самое посвященіе пусть останется; — мнѣ хочется, что-бы и въ печати сочиненіе было посвящено вамъ.

Отъ всей души радуюсь и благодарю Господа за вниманіе, которое оказываетъ вамъ преосвящ. митрополитъ. Желаю отъ души, чтобъ его благоволеніе къ вамъ возростало болѣе и болѣе. Вы этого вполне стоите.

P. S. Посылаю вамъ еще другіе стихи; прочтите и ихъ, а если можно, отдайте въ печать; они здѣсь нравятся”.

23-го ч. утромъ получилъ я отъ своего добраго товарища и друга, инспектора Московской семинаріи, іеромонаха Игнатія записку слѣдующаго содержанія:

„Поздравляю васъ съ утвержденіемъ въ степени магистра. Определеніе Св. Синода состоялось 22-го іюня. О. ректоръ поручилъ мнѣ уведомить васъ, чтобы нынѣ утромъ явились вы ко владыкѣ въ 8-мь часовъ для полученія магистерскаго креста. Ко владыкѣ мы должны вмѣстѣ представиться тотчасъ послѣ обѣдни. Сначала постовмъ тамъ обѣдню, а потомъ и ко владыкѣ”.

Такъ мы и сдѣлали. Послѣ обѣдни владыка, позвавъ насъ обоихъ въ приѣмную комнату, изволилъ самъ, своими святительскими руками, прикрѣпить къ нашимъ рясамъ блестящіе магистерскіе кресты и поздравилъ насъ съ этою наградою. Такая награда и особенно такой способъ полученія ея привели меня въ неописанный восторгъ. Въ послѣдствіи никакія, даже болѣе высокія награды, не имѣли для меня такого значенія. Получивъ награду, мы съ о. Игнатіемъ посѣщили въ кремль и въ церкви 12-ти Апостоловъ, предъ чудотворнымъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя, ликъ коего изображенъ на магистерскихъ крестахъ, отслужили соборнѣ молебень, и за тѣмъ вмѣстѣ отобѣдали.

Такимъ образомъ мое четырехлѣтнее академическое образованіе завершилось этимъ Синодальнымъ утвержденіемъ въ присужденной мнѣ академическою Конференціею ученой степени. Этимъ же пролагался мнѣ и дальнѣйшій путь движенія по службѣ.

Между тѣмъ я все болѣе и болѣе утверждался также и 1851 г. въ своей новой должности — Синодальнаго ризничаго, въ которой доселѣ по всѣмъ частямъ дѣлалъ лишь первые опыты. По мѣрѣ такого утвержденія въ ней расширялся мало по малу и кругъ сношеній и отношеній моихъ какъ въ области обязанностей по этой должности, такъ и независимо отъ нея. Все это будетъ составлять предметъ дальнѣйшаго повѣствованія „Хроники моей жизни“.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

А.

- Аверкіевъ М. Аверк.*, землемѣръ. 100. 107. 217. 220.
- Авраамій*, іером. ст. ак. 451.
- Алантъ* (Введенскій), инсп. сем. 93.
- Алавантелъ*, іер. бавк. акад. 218.
- Аграфена Петровна*, зан. торгов. 35.
- Аграфена Сергѣевна*, жена священ. 2. 100.
- Акимовъ Ив. Бор.*, студ. ак. 372. 427. 444. 445.
- Александра Иосифовна*, Вел. Княгиня. 407.
- Александра Николаевна*, В. Княж. 323.
- Александръ Невскій*, св. Вел. Кн. 245.
- Александръ Николаевичъ*, наслед. прест. 465.
- Александръ I-й*, Импер. 245.
- Александръ*, священ. 2.
- Александръ*, сынъ причет. 20.
- Алексій* (Ржаницынъ), архим. рек. акад. 323 в прим. 1. 340. 368. 381. 386. 388. 450.
- Алексѣевичи Иоан. и Петр.*, цар. 17.
- Альбицкій А. В.*, уч-къ сем. 194. 257.
- Алядинъ В. Ѳ.*, инсп. сем. 55.
- Алякринскій Гр.*, уч.-къ сем. 142.
- Алякринскій М. Из.*, врачъ. 167. 172.
- Амеросій*, игум. 105. 106. 111.
- Аменицкая Над. Ст.*, жена священ. 173. 186. 188. 203. 209. 228. 232. 233. 498.
- Аменицкій А. Е.*, сынъ священ. 229.
- Аменицкій Вл. Ел.*, священ. 265.
- Аменицкій Е. Ѳ.*, священ. 186. 204.
- Аменицкій Ив.*, уч-къ уч. 75.
- Амфилохій* (Ал. Тумскій), рек. сем. 94.
- Амфиотетровъ Е. В.*, проф. ак. 313. 321. 431.
- Андреевскій*, докт. 38, пр. 1.
- Андрей Боголюбскій*, В. Кн. 87. 89. 103.
- Андрей Григорьевичъ*. 206.
- Андрей*, монахъ, см. *Гавриловъ*.
- Андрей*, стр. мон-ри. 59.

- Аничковъ-Платоновъ И. Н.*, проф. ав. 381. 392. 446.
Анна Васильевна, жена діак. 3. 19. 39.
Анна Михайловна, дочь поном. 180. 459.
Анна Степановна, жена свящ. 12.
Антоній, намѣст. Лавры. 313. 336.
Антоній, патр. Конст. 6, пр. 1.
Антоній (Шокотовъ), еписк. 443, пр. 2.
Анемъ (Голановъ), іером. 454.
Аркадій, архим. 21. архіеп. Ол. 272.—Перм. 361. 428. 439.
Арсеній (Мацѣвичъ), митр. 19, пр. 1.
Арсеній Элассонскій, архіеп. Сузд. 24.
Арсеньевъ К., авт. уч. геогр. 70.
Архангельскій Мат., ст. ав. 312.
Архангельскій С., прот. 92.
Аскоченскій В. Ин., писат. 122. 455.
Астровъ Н., ст. ав. 419.
Астудинъ, уч-въ сем. 101.
Астъ Фр., филос. 113.
Аввасій (Соколовъ), еп. (быв. рек. ав.). 461.
Аввасій, эк.-мъ арх. дома. 147.
Аздонцкій, учит. уч. 135. 136.
- Б.**
- Батраіонъ П. Изв.*, князь. 305. 308.
Байбаковъ А., авт. кн. прав. пин-тики. 103. 108.
Байронъ, поэтъ. 97.
Бакрадъ Дим., ст. ав. 420.
Балинъ С. И., куп. 18. 19. 61.
- Барановы*, купцы. 109.
Баратынскій, поэтъ. 96.
Барскій Н. А., пр. сем. 472.
Баумейстеръ, авт. уч. фид. 112.
Беневоленскій Ян., ст. ав. 313. 318. 419. 457, пр. 2. 471.
Беневоленскій Петръ, ст. ав. 420.
Берниардъ, зубн. вр. 237.
Благовѣщенскій Г. А., прот. 186, пр. 1. 367.
Боголюбъ, іером. 18.
Боголюбовъ Андр. Изв., ст. ав. 420. 499.
Богородскій В. Ем., преп. сем. 129. 132.
Богородскій В. П., уч-къ сем. 106. свящ. 342. 345. 428. 448. 458. 464. 484. 486.
Богородскій Иванъ, послушн. 486.
Богословскій-Платоновъ Ин. М., проф. авад. 313. 357.
Богословскій Вас., ст. ав. 420.
Болотова А. Изв., мѣщ. 34. 66. 67. 73. 459.
Болотова А. Ав., жена куп. 36. 75.
Болотовъ Я. Е., куп. 36.
Болтинъ, историкъ. 26.
Борисовъ Вл., истор. 2 я пр. 1. 11, пр. 1. 24, пр. 2. 26, пр. 1. 59, пр. 1. 110. 144, пр. 1.
Борисовъ Вл. А., куп. сынъ. 108.
Борисовъ П., куп. сынъ. 109.
Борисогльбская Ел. И. (Флоран-ская). 139.
Борисогльбскій Е. Д., свящ. 139.
Борисъ и Гльбъ, св. муч. 91.
Боровскій, еп. кятол. 399.
Броневскій, писат. 157.

- Бурсиковъ К.*, крест. 8.
Бухаровъ (архим. *Феодоръ*), банк. ак. 307. 314. 381. 383. 439. 440. 469, пр. 1. 472.
Былинскій В. Г., уч-въ уч. 95. свящ. 161. 171. 172. 486.
Былинскій Пол. Гав., бр. свящ. 172.
Быстрицкій А. П., свящ. 313.
Быстрицкій Гр. П., ст. ак. 312. 318. 331. 332. 338. 356. 362. 365. 369. 418. 437. 457. 458. пр. сем. 471. 476. 478. 485. 489. 497. 508.
Бышчевъ, писатель. 158 и пр. 1.
Бьлоцѣттовъ М. В., дьячекъ. 7. 9. 13. 14.
Бѣляевъ В. А., учит. уч. 109.
Бѣляевъ Из. Гав., учит. уч. 168. 188. эк. семинар. 223.
Бѣляевъ Илья Вас., ст. ак. 419.
Бѣляевъ Ѡ. Г., окон. кур. сем. 163. 165. 167—169. студ. ак. 171. 178. 327. преп. сем. 383. 387. 399.
- В.**
- Валединскій Из.*, уч.—въ сем. 106. священникъ. 299.
Варсонофій, свят. Каз. 427.
Василій Васильевичъ, окольник. 9.
Василій Имят., свящ. 21. 22.
Васильевскій Из. Ст., ст. ак. 419.
Варлаамъ, игум. 148.
Велланскій Дим., писат. 172.
Веселовскій, уч.—въ уч. 47.
Взоровъ В., студ. ак. 313. 318. 365. 419. 421. 457, пр. 2. 458. рек. уч. 471. 472.
Вишилинскій Из., уч.—къ сем. 149.
Викторовъ А. Е., ст. ак. 307. 312, пр. 1. 420. 455.
Винклеръ, фид. 171.
Виноградовъ Ав. Як., прот. 184.
Виноградовъ Викт., ст. ак. 419. пр. сем. 472.
Виноградовъ Як. В., свящ. 144.
Виноградовъ Ке., свящ. 165.
Виноградовъ Ѡ. С., діак. 180. 196, пр. 1. 198. 201. 260. 286. 324. 328. 329. 371. 397. 402. 441. 486. 500.
Вишняковъ Гр., свящ. 73. 74.
Вишняковъ С. Г., уч.—къ уч. 73. 74. 312. 375. окон. ак. 385. 392. пр. сем. 415. 446. 449. 472. 490.
Владиміръ (Аливдинъ), вив. Кіев. 82. еп. Костр. 117. 118. Срава. Аливдинъ.
Владиміръ, Вел. Кн. св. 85.
Владиславлевъ Вл., уч.—къ сем. 142.
Владыкина О. И., жена проф. 307.
Владыкинъ Я. И., преп. сем. 95. 98. 99. 111. 135. 136. 294. 300. 302. 307. 344. 352. 449. 454. 465.
Воздвиженскій Александръ, ст. ак. 419. 454. 455. см. уч. 472.
Вознесенская Ек. Ст., жена свящ. 187. 205. 211. 215. 226. 232. 238. 248.
Вознесенскіе Викторъ и Пав., двѣти священника. 187.
Вознесенскій Ал., сынъ свящ. 205. 213.
Вознесенскій В. Н., свящ. 187.

203. 209. 225. 234. 236.
Вознесенскій Г. Е., преп. сем.
 95. 96. 99.
Вознесенскій Паша, сынъ свѣщ.
 227.
Воиновъ Г., прот. 343.
Войцеховичъ А. И., дир. Спн.
 канц. 497.
Волковъ, Кон. Им. 509.
Волковъ П. А., куп. 66.
Воскресенскій Ив., уч.—къ уч. 63.
Всеволодъ Юрьевичъ, Вел. Кн. 86--88.
Всесвятскій Вик., ст. ак. 420.
Вънецкій П. П., учит. уч. 65.
Вяземскій, князь, писат. 125 и пр. 1.
- Г.**
- Гавриловъ Алексѣй*, мѣшан. 493.
Гавриилъ, архим., авт. ист. фил.
 113.
Гавриилъ, архіеп. Ряз. 499, пр. 2.
Гавриилъ, архіеп. Тв. 367.
Галичъ А., филос. 113.
Гарелинъ Я. П., писат. 144, пр. 1.
Геннадій, еписк. 19, пр. 1.
Геннадій, сынъ діак. 441.
Георгій Влад. Доморукій, Вел.
 Кн. 88.
Георгій Всеволодовичъ, благовѣри.
 кн. 88.
Гервасій, іерод. 493.
Германъ, свят. Каз. 427.
Геронтій, іер. эк. ак. 306.
Гертингъ А. А., помѣщица. 203.
Герцегъ М. Н., дворянка. 225.
Гиббонъ, историкъ. 239.
Гиляровъ, см. *Гиляровъ-Платон*.
Гиляровъ-Платоновъ, П. П., проф.
 ак. 381. 382. 386. 410. 468, пр. 1.
- Гирсамовъ П. Ст.*, окон. сем.
 200. 207.
Гирсамовъ Ѳ. Ем. 208.
Глинка Ѳ., поэтъ. 97.
Глѣбъ Андреев., благов. кн. 88.
Голицынъ Ал. Бор., князь. 305.
Голицынъ М. М., князь. 305.
Голицынъ С. М., князь. 367.
Голубинскій Іос. П., ст. ак. 420.
Голубинскій Ѳ. А., проф. ак. 94.
 128 и пр. 1. 313. 317. 318.
 335. 356. 360. 361. 369. 370.
 372. 497.
Горбатые Дим. и Васил., удѣл.
 князья. 11.
Горшкая О. А., дѣвица д. зван. 12.
Горшкій А. А., странч. 12. 15.
 175. 224. 225. 277, пр. 2. 354.
 404. 479.
Горшкій Я., сын. свѣщ. 21. 196.
Горскій А. В., проф. акад. 307.
 323, пр. 1. 381. 386. 393. 395.
 452. 486.
Граменицкая Ел., д. свѣщ. 432.
Граменицкая Ол., дочь свѣщ. 255.
Граменицкій Д., сынъ свѣщ. 327.
 431.
Граменицкій М. Д., уч.—къ сем.
 106. 152. 154. 161. свѣщ.
 165. 168. 171. 177. 191. 215.
 220. 234. 254. 296. 326. 332.
 413. 421. 422. 424. 429. 431.
 436. 440. 442. 445—447. 455.
 463. 473. 478. 501. 504. 506.
Грандицкій П. Ѳ., свѣщ. 187.
Григорій (Миткевичъ), архим. р. ак.
 439.
Григорій (Постниковъ), еп. Ряз.
 185. арх. Каз. 452 и пр. 1.
 461, пр. 1.

Груздевъ Як., ст. ак. 420.
Гридобинъ П. П., купецъ 26, пр.
 2. 33, пр. 1.
Гурій, свят. Каз. 427.
Гурьевъ В., уч.—къ сем. 152.

Д.

Данилъ, преподоб. 309.
Делицынъ П. Спир., прот. проф.
 акад. 314. 318. 360.
Державинъ Г. Р., поэтъ. 96.
Державинъ, Кир. Д., ст. ак. 420.
Димитрій (Муретовъ), архим.,
 впоел. архіеписк. 340, пр. 1.
Димитрій Ростовскій, св. 12 68.
 76. 431. 438.
Димитрій (Самбикинъ), архим.
 (послѣ еписк.). 7, пр. 1.
Диевъ М. Я., сваш. 109.
Діонисій (Дм. Аннинскій), іер. преп.
 сем. 128. 130. 141. 148. 374.
 375. 429.
Дмитревскій, авт. изъясн. на
 литург. 152.
Дмитревскій П. Е., сваш. 1.
Добровольскій Гав., уч.—къ сем.
 153. 158. сваш. 160.
Доброхотовъ Ав. М., уч.—къ уч.
 95. ст. семин. 156.
Доброхотовъ Дим., ст. ак. 312.
Доброхотовъ Н. М., діак. 478.
Доброхотовъ П., сваш. 154. 155,
 пр. 1.
Добрышинъ, генер. 232.
Доморукій П. М., князь 90.
 губерп. 184.
Доморукоевъ, князь, помѣщ. 184.
Домашневъ Е. П., помѣщ. 445.
Дроздовъ Андр. Гр., ипод. 100.

Дроздовъ Г. М., діак. 25.
Дроздовъ, сваш. рег. арх. хора.
 184.

Е.

Евменій (Казанцевъ), архіеписк. 186,
 пр. 1. 367.
Евменій (Сахар.-Платоновъ), исп.
 ак. 291. 306. 314. рек. сем. п
 ак. 324. 335. 437. 439.
Евдокимовъ, Оер., ст. ак. 349.
 350. іером. *Феодотій*. 350. 419.
 471, пр. 3. 472.
Евдокія Алексеевна, вд. сваш.
 29.
Евсевій (Оранскій), рек. ак. 191.
 291. 306. еписк. 322. 323,
 пр. 1., 340. 420. 427. 497.
Евставій, іером. риз. 423. 450.
 архим. 452. 467. 494.
Евфимій, архим. рек. сем. 259,
 пр. 1. 292. 379. 437.
Евфимій (Бѣликовъ), іер. пр. сем.
 145.
Екатерина II, Импер. 87.
Елисавета, доч. діак. 3. 13. 119.
 279. 404.
Елмидифоръ, еписк. Вят. 503.
Ермоленъ, сваш. 59.
Ефремъ, сваш. 475.
Еѳимъ, сваш. 475.

Ж.

Жерюзе, филос. 113.
Жукова, помѣщ. 158.
Жуковскій, В. А., поэтъ. 96.

З.

Заболотскій - Платоновъ, протопресв. 467.

Зворыкинъ, куп. 262. 271. 458. 479.

Зенкевичъ Мих., ст. академ. 420.

Зерникаевъ Ад., писат. 461.

Зефирова Ан. Тр., жен. діак. 22.

Зефировъ, И. В., діак. 22.

Златоустъ Іоан. св. 190. 446.

Знаменскій Ст. Г., свящ. 133.

Зосима, архим. 18.

И.

Ивановскій, прот. 121.

Иванъ Васильевичъ Грозный, царь 83. 143. 181.

Иванъ Ивановичъ, діак. 1.

Иванъ Ивановичъ, дьячекъ. 1.

Иванъ Петровичъ, сынъ діак. 13. 148. 160.

Инатій (Брянчаниновъ), архим. 166.

Инатій (Рождественскій), іером. инсп. сем. 468. 470. 510.

Израиль (Лукинъ Яв. Ів.), іером. 77. 92. 93. 97. рект. сем 104.

Иконниковъ Гав. Андр., стан. прист. 259.

Иларіонъ (Боголюбовъ), іером. инсп. академ. 324. рек. сем. 365.

Иларіонъ (Сиротинскій), іером. 469. 470. 474. 475.

Илія, архим. 360.

Ильинъ, полков. 450.

Инокентій, архим. 117.

Инокентій (Борисовъ), архим. рек.

акад. 128 в пр. 2. 132. 190. 262. 265. 340. архіеп. 509.

Исидоръ (Никольскій), митроп. 111.

Исполиновъ Θεод., ст. ав. 420.

І.

Іаковъ, патр. ветхоз. 146.

Іеронимъ, архим. 153. реп. сем. 181. 182. 486.

Іеронимъ, еписк. Влад. 87.

Іоанникій, іерод. 478, пр. 1.

Іоаннъ Златоустъ, см. *Златоустъ*.

Іоаннъ, свящ. 1, монахъ 1, игум. 1.

Іоаннъ (Соколовъ), еписк. Смол. 497.

Іоасафъ, монахъ 1. игум. 1. 24.

Іона, митр. св. 451.

Іосифъ, архим. 33.

Іосифъ, еписк. Дмитр. 421. 433.

Іустинъ (Михайловъ), еп. Влад. 443, пр. 1. 448. 458.

К.

Каблуковъ, помѣщ. 81. 82. 156.

Казанскій П. С., проф. ав. 313.

Калашникова Ек. Б., жена куп. 124.

Калліопинъ, П. Н., ст. ав. 374. 375. 411.

Камышинскій Ал. П., ст. ав. 420. 455.

Капустинъ, Плат. Ів., бака. ав. 314. 373, пр. 1. 468, пр. 4. 472, пр. 4. 509.

Карамзинъ Н. М., ист. 128.

Карасевскій, Ал. Ів., дир. Духовно-учеб. упр. 471, пр. 1.

Каретникова Ев. Е., Мос. судчиха. 18.

- Картовъ В. Н.*, проф. ак. 169, пр. 2. 171.
- Катенька* (Сялецкая), доч. сваш. 337.
- Каченовскій*, авт. греч. хр. 62. 70.
- Кедровъ*, діак. 44.
- Кедрскій*, пр. сем. 471.
- Кириллъ*, еписк. Под. 184, пр. 1.
- Киселевъ В. М.*, куп. 27. 30. 32. 33. 66.
- Киселевъ Діом. В.*, сынъ куп. 31. 60.
- Киселевъ Дм. Діом.*, сынъ куп. 31.
- Киселевы И. и Дм. Діомид-чи*, куп. 61.
- Киселевъ Ив. Д.*, сынъ куп. 31. 32. 75.
- Клюшкинъ Ив. Гр.*, куп. 286.
- Козловъ*, поэтъ. 97.
- Кознсаъ Ев. Ив.*, куп. 271.
- Козьма Васильевичъ*, сваш. 19. 79.
- Козьма*, причет. 20.
- Колесниковъ И. Андр.*, крест. 17.
- Кондорскій Вас.*, ст. ак. 420.
- Константинъ*, бл. князь Мур. 181.
- Константинъ Николаевичъ*, Вел. Кн. 323. 407.
- Константинъ Павловичъ*, Велик. Кн. 6. 140.
- Корниловъ Дм. В.*, куп. 28. 66. 459.
- Коробьинъ Ив.*, окольник. 9.
- Корсунскій И. Н.*, проф. ак. 314, пр. 1.
- Косма*, осн. мон-ра. 106.
- Кожомскій А. Ад.*, препод. сем. 147. 148.
- Красношьяковъ В. В.*, товар. геролдм. 465.
- Красовскій С. Анд.*, ученикъ сем. 95. 152. см. уляд. 271. 367.
- Кротковъ Ѡ. Из.*, препод. сем. 387.
- Крыловъ*, басноп. 124. 125, пр. 1.
- Крижовъ*, авт. геогр. 169.
- Ксенофонтъ* (Троепольскій), еписк. Влад. 33. 89. 182. 183. 184, пр. 1.
- Куцта И. Эмм.*, губери. 140. 149.
- Кузьминскій П.*, письм. уч. 292.
- Куликовскій*, поэтъ. 121.
- Кутневичъ В. Ив.*, оберъ—сваш. арм. 207, пр. 1. 214. протопр. 461.

Л.

- Лавровъ Алекс. Петр.*, ст. ак. 419. зак. лиц. 454.
- Лавровъ П.*, ст. сем. 258.
- Лазаревъ-Станищевъ С. А.*, помѣщ. 127. 156 — 158. 164. 459.
- Ландышевъ*, учѣт. уч. 325.
- Ланской С. Т.*, губери. 99.
- Лебедевъ В. Из.*, ст. ак. 418. 468, пр. 3. бак. ак. 472, пр. 2.
- Лебедевъ М. Т.*, преп. сем. 111. 113.
- Лебединскій Юс.*, ст. ак. 420.
- Левашовъ В. Ал.*, пономарь. 5. 9. 23. 61. 83. 132. 180. 196. 201. 268. 281. 332. 397. 441.
- Левенгаунтъ*, генер. 305.
- Левчикій Дм. Гр.*, проф. ак. 313. 318. 497.

- Левитскій Н. Прок.*, уч-къ сем. 95.
Левитскій, прот. 439.
Леонидъ (Зарѣвскій), еп. 443, пр. 3.
Леонидъ (Краснопѣвковъ), іером. пр.
 ак. 381. 386. 437. 438. рек.
 сем. 439. 449. архим. 465—467.
 467, пр. 1. 473. 503.
Допухина Ев. Θεод., царица. 16.
Допухинъ А. А., прок. Сп. в. 450.
 467.
Допухинъ Θ. Дбр., бояр. 16. 17. 19.
Дыковъ П. Е., крест. 53.
Дюбославскій Андр., ст. ак. 419.
 пр. сем. 472.
- М.**
- Мануель*, Дат. принцъ. 83.
Макарій (Булгаковъ), исп. ак. 340.
Макарій (Глухаревъ), архим. мис-
 сіон. 466.
Макарій, іерод. 478.
Макаръ Трофимъчъ, дьяч. 58.
Маковъ Кос. С., городн. 172. 189.
Мануилъ Петровичъ, діак. 203. 459.
Марія Владиміровна, княжна. 83.
Марія, доч. діак. 13.
Марія, княгиня. 87.
Марія Михайловна (Левашева),
 жена дьяч. 4. 19. 56. 58. 76.
 137. 144. 180. 196. 201. 253.
 260. 268. 281. 399. 508.
Марія Николаевна, Вел. Кн. 323.
 407.
Маричелли, архит. 28.
Масликовы (Миздриковы), кушцы.
 181.
Матѣевъ Ст., іером. 303, пр. 1.
 307. 360. 361. исп. сем. 412.
 413. 425. 426. 428. 438. 444.
Матѣевъ Харл., крест. 18.
- Матаній Васильевичъ*, врачъ. 368.
Матаній, свящ. 12. 22. 68. 69.
Медведевъ Тим., врест. живоп.
 18. 32.
Мелетій, іером., казн. Дон. мон. 503.
Милозановъ П., ст. ак. 421.
Милосидовъ, Ал., ст. ак. 420.
Миловскій Я. В., преп. сем. 55.
 122. прот. 458.
Минервинъ Ал. П., свящ. 331.
Минервинъ И. П., ст. сем. 22.
Минервинъ Н. П., пѣвч. 423.
 425. 440.
Минервины Н. и А., дѣти свящ.
 30. 68.
Мисаилъ, архіеп. Ряз. св. 499.
Митрофанъ (Добронадеждинъ), іер.
 пр. сем. 105. исп. сем. 144. 145.
Митрофанъ, еписк. Вор., св. 24.
 28. 85. 106. 227.
Митъковъ, помѣщ. 251.
Михайловскій — Данилевскій, ш-
 сат. 191.
Михаилъ, зашт. свящ. 40.
Михаилъ Ивановичъ, причет. 30.
Михаилъ и Θεодоръ, благ. вв.
 Мур. 181.
Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн.
 459.
Михаилъ Павловичъ, Вел. Кн.
 333.
Михаилъ Сергѣевичъ, псаломш.
 1. 3.
Мисаилъ, сынъ діак. 13.
Михаилъ Θεодоровичъ, Государь.
 59.
Моисей (Рыбальскій), іером. 317.
 335. 349. 396. 484.
Москотельниковъ С., перев. поэмы
 Тасса. 105, пр. 1.

Муловскій, протопресв. 373.
Муравьевъ Анд. П., писат. 472.
 485.
Муравьевъ, ваиит. 109.
Муромцевъ А. П., писат. 454.
 пр. 1.

Н.

Надеждинъ К. Ѳ., преп. сем. 55.
 119, пр. 1. 183, пр. 1.
Надеждинъ Ѳ. М., пр. сем. 120.
 122.
Надеждинъ, изд. «Молвы». 120.
Надеждинъ, писат. 113.
Назаревскій В. Гр., прот. 128,
 пр. 1.
Назаретскій В. И., учит. уч. 48.
Наумъ, прор. 7.
Нананаша, исп. сем. 449, пр. 2.
 147.
Невскій Ал. Яросл., вел. кн. св. 86.
 Срав. *Александръ Нев.*
Недешевъ А. П., преп. сем. 146.
 147.
Неофитъ митр. 454, пр. 1.
Неофитъ (Соснинъ Н.), архим.
 рект. 74. 75. 91. 92. 100.
 116. 122 ец. 428.
Никита, преподоб.—309.
Никитскій А. Н., прот. 29 и
 пр. 1. 51. 75. 78.
Никодимъ (Казанц.), еписк. 330,
 пр. 1.
Никодимъ, стр. пуст. 19, пр. 1.
Николай Алексеевичъ, уч-къ сем.
 79.
Николай Елоревичъ, окруж. нач.
 189.

Николай Николаевичъ, В. Кн.
 407. 459.
Николай Павловичъ, Инжер. б.
 9. 118. 305. 407. 450.
Николай Чудотв. св. 484.
Никольскій В., ст. ак. 421. ок.
 курсъ. 460.
Никольскій М. Дм., прот. 159.
 327. 449 и пр. 1.
Никольскій Ѳеод., ст. ак. 420.
Никонъ, патр. 481.
Нифонтъ (Успенскій Пав. Д.), іер.
 см. уч. 187. 217. архим. 261.
 300. 305 — 307. 309. 322.
 335. 365. 371. 415. 436. 460.
Нордовъ, В. И. прот. 299.

О.

Обтемперанскій Ѳ. П., свящ. 458.
Обтемперанскій Я.—196.
Овчининскій М., ст. сем. 155,
 пр. 1.
Озеровъ, докт. 236.
Олимпиада, доч. діак. 13.
Ольга Николаевна, Вел. Княг.
 323. 407.
Омировъ Ѳ. В., ст. акад. 372.
 373.
Орлинъ Ст., ст. ак. 420. 422.
Орловъ Косма, свящ. 400.
Орлова Чесминская А. А. граф. 117.
Орловъ Ив. Ст., свящ. 422. 423.
Орловъ П., уч-къ сем. 195.
Орловъ, прот. 184.
Орловъ Як., И., свящ. 36. 37.
 48.
Осовецкій В. А., учит. уч. 48.
 49. 65.
Островскій Из., ст. ак. 420.

Остроумовъ Н. Н., рект. уч. 105.
106.
Остроумовъ Н. Т., учит. уч. 191.
Остроумовъ О., ст. ак. 313. 318.
365. 420. 457, пр. 3. 458.
Орфанова Е. В., жена свящ.
328.
Орфановъ А. И., свящ. 328 406.
411.

II.

Павелъ Абр., свящ. 232. 239.
Павелъ, архим. рект. сем. 48. еп.
54 и пр. 1. 92. 101.
Павелъ, еп. Влад. 87.
Павскій Г. П., прот. 147. 217.
335.
Палеховскій А., свящ. 165.
Палеховскій Ил. Ив., врачъ. 144.
Пальмеръ Вил., діак. англ. 461 и
пр. 1.
Пальминъ К., уч—къ уч. 95.
Панаевъ И. И., писат. 125, пр. 1.
Пасенко М. М., жена городн.
190. 256.
Паскаль, писат. 245.
Парвєній (Отеновъ), іером. ст. ак.
396. 453, еп. болг. 453, пр. 1.
454, пр. 1. 482.
Парвєній (Чертковъ П. В.), еп.
Влад. 32. 46. 89 и пр. 1. 90.
архіеп. 91. 93. 98. 99. 104.
112. 116. 118. 122, пр. 1. 123
и пр. 1. 145. 149. 153. 154.
155, пр. 1. 177. 180. 182. 192,
пр. 1. 202. 223. 291. 292.
331. 443. 446. 488.
Пелагея Петровна, дочь діак. 13.
119.

Першаткинъ Гаер., ст. ак. 420.
Петровъ, архит. 28.
Петръ Ивановичъ, дьячекъ. 2. діак.
2. 3. 5. 12. 13. 23. 39. 52.
53. 63. 67. 68. 74. 107. 108.
119. 159. 180. 281.
Петръ и Февронія, Мур. чуд.
181.
Петръ, митр. М. 88.
Петръ, монахъ Петр. мон. 493.
Петръ I, Импер. 16. 86. 305.
309.
Петръ, свящ. 20.
Пименъ (Никольскій), іером. 101.
Питиримъ, еписк. 10.
Платонъ Алексєевичъ, причетн.
20. 53. 57.
Платонъ (Левшинъ), митр. Моск.
46. 50. 256.
Платонъ (Петрунъевичъ), еп. 86.
89.
Побѣдинскій-Платоновъ Ив. Ив.
бакк. ак. 381. 387. 438.
Полодинъ М. П., проф. 190.
Полютовскій Гав. Прох., канд.
ак. 138. 139.
Подкляшниковъ, художн. 87.
Пожарскій Дм., князь. 59.
Покровскій Н. Гав., учит. у.
188.
Покровскій М. В., врачъ сем.
291.
Поливановъ, помѣщ. 254. 256.
Поликарпъ (Гойтанниковъ), рек.
ак. 62.
Поликарпъ (Тугариновъ), игум.
116. архим. рек. сем. 117. 145.
173. 176. 194. 290, пр. 1. 292.
300. 315. 320. 322. 459. 464.
Полисадовъ И. И. 340.

- Полицайдовъ Л. И.*, прот. 84 и пр. 1. 203.
- Полотейнова Е. Ис.*, прот. 185. 244. 252. 254.
- Пономаревъ Дан.*, студ. ак. 419.
- Поповъ Ал.*, ст. ак. 419. пр. сем. 472. еп. *Павелъ*. 472, пр. 4.
- Поповъ Елор. Ив.*, ст. ак. 419. 453. іером. *Порфирій*. 453. 469, пр. 3. 471. 472. 479 495.
- Поповъ*, пер. поэмы Тасса. 105, пр. 1.
- Поповъ*, состав. грамм. 224.
- Поповъ Ѡ.*, ст. ак. 419.
- Поспѣховъ Ке. В.*, ст. ак. 365.
- Посылина М. И.*, купчиха. 31.
- Посылина Т. И.*, купчиха. 31.
- Посылинъ Ал.*, куп. 31. 33. 77.
- Посылинъ Н.*, куп. 31.
- Посылинъ Ст.*, куп. 30. 31. 48.
- Потемкина Т. Б.*, княгиня. 305.
- Правдинъ Ев.*, свящ. 29, пр. 1.
- Прасковья*, крест. дѣвиц. 5. 53.
- Прасковья Матвѣевна*, ж. діак. 100.
- Прасковья Михайловна*, д. причетн. 58.
- Приклонскій В. Ш.*, свящ. 171. 172.
- Приклонскій Ив. Ив.*, прот. 425.
- Приклонскій Пав.*, уч—къ сем. 141. 142.
- Приклонскій П. В.*, прот. 327. 425. 440.
- Приклонскій*, свящ. с. Симы. 256. 305.
- Пришлецова А. В.*, жена свящ. 21.
- Пришлецовъ В. М.*, свящ. 21. 22.
- Протасовъ Н. А.*, графъ, оберъ-прок. Св. Синод. 90. 142. 218. пр. 1. 323, пр. 1. 410.
- Протопоповъ Н. А.*, секр. сем. 46.
- Пруденцовъ П. Абр.*, учит. сем. 173. 180.
- Путятинъ Ир.*, прот. 256.
- Пушкитъ А. С.*, поэтъ. 96.
- Пьяницкая Авд. И.*, жена свящ. 68.
- Пьяницкій П. И.*, свящ. 30. 50. 65. инсп. уч. 70. 75.
- Пьяницкій П.*, сынъ свящ. 68.
- Пьхотинъ*, уч—въ сем. 121. 123.
- Р.**
- Раевскъ*, ст. унив. 121.
- Рагшинъ А.*, писат. 23, пр. 1.
- Рафаилъ* (Шипулинскій Ст. Дм.), іером. пр. сем. 120. 121. 122. 130. 140. 141. инсп. сем. 145. 146. 154. 292.
- Рейнгольдъ*, филос. 113.
- Ровкинъ А.*, свящ. 160.
- Рождественская Ан. Ир.*, жена свящ. 374.
- Рождественскій Ал.*, уч—къ сем. 105. 106. 110.
- Рождественскій Вик. П.*, ст. ак. 419.
- Рождественскій Дим.*, свящ. 373.
- Рождественскій Н. Дим.*, ст. ак. 373. іером. *Иматій*. 374. 419. 422. 453. См. также *Иматій* (Рожд.).
- Розиновъ Гр.*, свящ. 486.
- Романовскій*, секр. сем. 292.
- Ростиславовъ Д. И.*, проф. ак. 169, пр. 1.

- Губеровскій В.*, окон. кур. сем. 258.
- Гудневъ Н. В.*, ст. ак. 420.
- Гуновъ*, писмов. сем. 78.
- Гусиновъ В.*, уч.—къ сем. 152.
- Гыльговъ*, поэтъ. 96.
- С.
- Сабашовъ А. В.*, см. тюр. зам. 445.
- Саватъевъ М.*, крест. 28.
- Савва*, см. *Тихомировъ Ив. М.*
- Сапорооская А. М.*, жена свящ. 12. 20. 440.
- Сапоровскій В. В.*, свящ. 12. 20—24. 49. 64. 69. 108. 119. 120. 123. 124. 128. 132. 135—137. 139. 164. 171. 180. 199. 203. 220. 224. 249. 252. 261. 265. 268. 272. 275. 278. 394. 417. 434. 459. 487. 489. 502.
- Свирьминъ А.*, свящ. 54, пр. 1.
- Святославскій Ал. Ник.*, ст. ак. 372.
- Семеновъ Як. Ис.*, прот. 20.
- Серапионъ*, іерод. ст. ак. 307. 335. 336. 455.
- Серафимъ* (Глаголевскій), митр. 91. 93. 99. 104. 112. 116. 122. 141. 218, пр. 1.
- Серіевскій П. А.*, бак. ак. 468, пр. 5. 472, пр. 3. 479, пр. 1.
- Серій* (Данилевскій), ищеп. ак. 365. 381. 388. 442.
- Серій Никитинъ*, діак. 1.
- Силецкая Ал. В.*, жена свящ. 244, пр. 1.
- Силецкій Як. Ан.*, свящ. 244. 254. 265. 328. 336.
- Сидонскій О. О.*, прот. 112. 113.
- Симеонъ* (Авдудовскій), архим. 503.
- Симеонъ* (Крыловъ Платоновъ), архіеп. Тв. 90.
- Скабовскій Фз.*, уч.—къ сем. 152.
- Смирдинъ А.*, изд. 103. 109.
- Смиренскій*, свящ. 155, пр. 1.
- Смирновъ Александръ*, окон. кур. сем. 163.
- Смирновъ В. И.*, прот. 33. 33, пр. 1. 42. 51. 73. 74. 124. 125.
- Смирновъ*, діак. собор. 184.
- Смирновъ Іос. Я.*, преп. сем. 129. 132. 146.
- Смирновъ М. Я.*, преп. сем. 111. 116.
- Смирновъ Н. К.*, окон. кур. сек. 172.
- Смирновъ-Платоновъ Г. П.*, прот. 373, пр. 1. 418. 446. 472, пр. 1.
- Смирновъ С. К.*, проф. ак. 313, пр. 1. 314. 314, пр. 1.
- Смирновъ Як.*, учит. уч. 165.
- Снѣжинскій Л. Я.*, ст. сем. 168.
- Сокаръ Н.* 33.
- Соколова Люб. М.*, ж-н. ищеп. уч. 183.
- Соколовъ А. Вас.*, ст. ак. 419.
- Соколовъ А. К.*, проф. ак. 381.
- Соколовъ А. Н.*, уч.—къ уч., посвѣ прот. 64. 79.
- Соколовъ Аван.*, уч.—къ уч. 65.
- Соколовъ Н. Арт.*, помѣщ. 66. 67. 82.
- Соколовъ Н. Гр.*, учит. уч. 189. 263.
- Соколовъ М. Ис.*, см. Куман. бог. 287, пр. 1. 288. 289. 291. 293. 316. 425. 490.

- Соколовъ П.*, уч—къ уч. 37. 40. 47.
Сокольскій Пав., уч—къ сем. 142.
Соловьева А. А., жена діак. 80.
Соловьева А. В., жена діак. 23.
Соловьева А. М., дочь свящ. 82.
Соловьевъ А. Ив., прот. 308. 331. 332. 458.
Соловьевъ А. М., ст. ак. 80. 82. 82, пр. 1.
Соловьевъ В. П., діак. 22. 23.
Соловьевъ Вл., ст. ак. 374.
Соловьевъ М. М., уч—къ уч. 25. ст. ак. 78. 80. 82. пр. сем. 111. 115. 116. 117. 120. 133. 136.
Соловьевъ М. Н., свящ. 80—82. 94.
Соловьевъ Н. М., уч—къ сем. 80. свящ. 82 и пр. 1.
Соловьевъ Н. Н., діак. 80.
Соловьевы бр.: А. и М. уч—ки уч. 25. 80.
Сперанскій В. М., бак. ак. 462, пр. 2.
Сперанскій Г. Н., свящ. 64.
Сперанскій М. М., губерн. Пенз. графъ. 118. 142. 184. 191.
Сперанскій П. В., свящ. 305.
Срътенскій Ник., ст. ак. 420.
Ставровскій П., прот. 118.
Стефанида Васильевна, ж. свящ. 19.
Стефанида Итновна, жена псал. 1. 3. 15. 51.
Стефанъ, см. *Матвеевъ*.
Стефанъ (Иворскій), митр. Рост. 299.
Стразовъ А. А., поном. 14.
Стразовъ Я., сынъ поном. 14. 15.
- Стратилатовъ Ал.*, свящ. 461.
Строгановъ С. Г., графъ. 88.
Стросовъ П. М., археографъ. 10, пр. 1. 24, пр. 1. 182, пр. 1.
Стурдза А. Ск., писат. 191. 280.
Субботинъ Н. А., свящ. 34. 65.
Субботинъ Н. И., ст. ак. 374. 376. 509.
Сумароковъ Д. И., поэмъ. 498.
- ## Т.
- Талинцовъ Фл. Тих.*, свящ. 138. 139.
Татіана Васильевна, жена прич. 19. 51. 57.
Татіана Ивановна, жена діак. 13. 39. 56. 68. 69. 119. 128. 197. 199.
Твердисловъ В. П., свящ. 195.
Твердый Стеф., ст. ак. 420.
Темрюковъ въ Черкасскій А. М., князь. 143.
Терновскій Сер., ст. ак. 419. 472.
Тихомирова Ан. В., жена свящ. 201. 203. 224. 238. 253. 260. 265. 267. 282. 340.
Тихомирова А. М., жена діак. 80. 160.
Тихомировъ Д. Р., учит. сем. 81.
Тихомировъ Е. А., б, пр. 1.
Тихомировъ Ив. М., сынъ поном. 3. уч—къ уч. 25. 71. 75. 78. 79. 107. 148. свящ. 180. 291. 292. 343. іером. 388.
Тихомировъ И. П., діак. 80. 96.
Тихомировъ М., сынъ свящ. 225. 253.

- Тихомировъ М. С.*, попом. 1. 291.
Тихоновъ Г., иконоп. 27.
Тихонравовъ К., писат. 59, пр. 2.
Тихонъ, іером. 335. 336.
Тихонъ (Якубовскій), еп. Сузд. 29.
Толстой М. В., графъ. 313, пр. 1.
Троспольскій И. М., сынъ прот. 183. 401.
Троспольскій М. Г., прот. 180. 182. 184. 189. 191. 202. 218. 266. 277, пр. 1. 304. 317. 326, пр. 1. 330. 341. 408. 409. 435. 458.
Трофимъ, свящ. 22.
Тумскій Иоан., свящ. 94. 186.
Тумскій Паро., свящ. 186. 224.

У.

- Удальцовъ*, собор. діак. 184.
Успенская М. П., жена діак. 49. 58.—свщ. 159. 459.
Успенскій,—*Будановъ Алексе.*, ст. ав., 420.
Успенскій И. Н., діак. 49. свщ. 58. 80. 159. 203. 282. 340. 402. 459.
Ушаковъ Ал. М., учит. уч. 173.

Ф.

- Филаретъ* (Гумилевскій), рек. ав. 136. архіеп. 140. 151, пр. 1. 423. 461. 471, пр. 2.
Филаретъ (Дроздовъ), митр. Моск.

15. 50. 54. 89. 90. 109, пр. 1. 122, пр. 1. 123, пр. 2. 132. 145, пр. 1. 190. 218, пр. 1. 313. 323, и пр. 1. 330 и пр. 1. 333. 336 и пр. 1. 338. 367 и пр. 1. 368—370. 388. 407. 423. пр. 1. 425. 433. 442. 446. 448. 450. 451. 453. 456—458. 460—463. 465. 466. 470. 502. 505.
Филитъ, свят. Моск. 421. 481.
Филофей (Успенскій), архим. рек. сем. 324.
Флоринскій Н. Из., ст. ав. 318. 338. 356. 362. 369.
Фортуатовъ Ис. Мак., свщ. 270.
Францискъ де-Саль, еписк. Жен. 157.

Х.

- Харизомнова А. Паро.*, жена прот. 186. 224.
Харизомновъ А. Ст., бр. свщ. 186.
Харизоменовъ В. Ст., свщ. 175. 186. 188. 189. 207. 224. 231.
Харизоменовъ И. Ст., стол. кон-свисторіи. 173. 174.
Халковъ, князь. 470.
Холминскій Вас., ст. ав. 419. 472.
Холуйскій Андрей, ст. ав. 312.
Холуйскій И. И., свщ. 50. 74. 77. 78.
Холщевникова, крест. 9.
Хомковъ, писат. 461, пр. 1.

Ц.

- Царевская А. В.*, дочь свещ. 175.
179. 250.
Царевская Пр. Ст., жена свещ. 173. 174. 176. 179. 186. 202. 203. 231. 249. 323. 377. 389. 390. 392.
Царевскій В. В., свещ. 85. 172. 173. 188. 232.
Царевскій В. В., сынъ свещ. 180.
Царевскій Н. В., сынъ свещ. 328.
Царевскій С. В., уч-къ сем. 320. 358. 376. 407. 377. 378. 379. 383. 391. 400. 406. 411. 415.
Цвѣткова А., дочь свещ. 51.
Цвѣткова Евл. М., жена свещ. 51. 77.
Цвѣтковъ В. Я., смотр. уч. 51. 70—72. 75. 77. 78. 459.
Цвѣтковъ Вл., ст. ак. 51. 374.
Цвѣтковъ, докт. 236.
Цвѣтковъ И. П., свещ. 254.
Цвѣтковъ К. Н., ст. сем. 45—48
Целебровскій В. П., преп. сем. 122. 123.
Целебровскій И. Е., свещ. 195.
Целларій, сост. лексин. лат. 78.
Циммерманъ, писат. 109.
Цыгановъ, крест. 9.

Ч.

- Чайкина О. М.*, крест. 4.
Чайкинъ Н. П., крест. 8.
Чайкинъ М., крест. 8.
Черкасская В. Ал., книжна. 143.

- Черкасскій см. Телрюковичъ—Ч.*
Чернышовъ, свещ. 477.
Чижовъ, Г. М., свещ. 95.
Чистовичъ И. А., проф. аѳ. 218.
Чихачевъ, діак. 30. 37.
Чужинина А. М., жена крест. 64. 199.
Чужининъ Н. И., крест. 199.

Ш.

- Шаблякинъ*, помощ. 476.
Шевыревъ, Ст. П. проф. 110.
Шеметовъ М. И. свещ. 187. 328.
Шереметевъ П. Б., графъ. 143.
Шимкевичъ Сем. К., ст. ак. 306.
Широковъ Еф., крест. 8.
Шнишкина О., фрейл. 274.
Шнишковъ А. С., пер. поэмы Тасса. 105, пр. 1.
Шодчинъ, куп. 85. 259.
Шульце, психологъ. 113.

Щ.

- Щеголовъ Пав.*, ст. ак. 421.

Э.

- Эсадзе*, шт.-капит. 236.

Я.

- Языковъ М. В.*, помощ. 200.
Якиманскій, псал. 156.

Яковлевскій А. Н., преп. сем.

129. 132. 149 и пр. 1.

Яковлевскій П. П., сваш. 30.

68.

Яковлевъ О. Я., смотр. уч. 191.

296.

Ястребовъ Г. В., учит. уч. 188.

225. 351. 352.

О.

Осодоровъ В. О., проф. уч. 130.

Осодоръ (Бухаревъ), см. *Бухаревъ*.

Осодоръ, еписк. 85.

Осодоръ, сваш. арх. п'бвч. 184.

Осодосій Вел., Импер. 89.

Ософиль, архим. 262.

Осерапонтовъ А. Н., книгопр. 424.